Письма Н. М. Карамзина. 1806—1825 гг.

Карамзин Н. М. Письмо Глинке С. Н., 5 сентября 1825 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 40. — [Т.] II—III.

№ 57. Глинке С. Н.

Почтенный Сергей Николаевич!

Мне сердечно жаль, что я не видался с вами. Верьте моему искреннейшему усердию. Обрадуюсь, когда узнаю, что вам дано хорошее место; иначе прозьба о пенсии впереди. Надобно выбирать любое: место или пенсию в 1000 ру. Буду наведываться о месте через Сербиновича1. Александр Семенович теперь в горе: лишился Дарьи Алексеевны2. — Будьте здоровы с вашим любезным семейством.

Навсегда вам преданный

Н. Карамзин.

Царское Село, 5 Сент. 1825.

Карамзин Н. М. Письмо Шишкову А. С., 8 марта 1825 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 39—40. — [Т.] II—III.

№ 56. (Шишкову) А. С.

Милостивый государь Александр Семенович!

В надежде на благосклонное Вашего Превосходительства1 расположение дозволяю себе еще утрудить Вас всепокорнейшею прозьбою. Дело о крестьянине нашем села Макателева, отрубившем себе палец2, до сего времени не решится в суде: нельзя ли сделать одолжение, законным образом побудить к тому Правосудие, чтобы бедный крестьянин не был истомлен понапрасну? За что останусь Вашему Превосходительству сердечно благодарным. Примите уверение в душевном почтении и в искреннейшей преданности, с коими имею честь быть, Милостивый Государь! Вашего Превосходительства покорнейший слуга

С Петербург. 8 марта 1825.

Николай Карамзин.

(На полях другой рукой): Ответ 18 марта. Писано тогда же г(осподину) Дурнищеву. О решении дела уведомлен.

Карамзин Н. М. Письмо Шишкову А. С., 14 февраля 1825 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 39. — [Т.] II—III.

№ 55. Шишкову А. С.

Милостивый Государь Александр Семенович!

Сердечно радуясь, что Ваше высокопревосходительство благоволили исходатайствовать 6000 р. Г(осподину) Глинке1, издателю «Русского Вестника»2 и «Российской Истории»3, для заплаты

его долга в типографии Московского Университета, осмеливаюсь, без его ведома, убедительно просить Вас о довершении благодеяния, которого он достоин своим трудолюбием, чистою нравственностию, редким добродушием и крайнею бедностию, будучи отцом многочисленного семейства и не имея никакого дохода, кроме скудной платы от книгопродавцев за его сочинения. Он уже более двадцати лет пишет для публики, начинает стареться, и если перо, от изнеможения сил, выпадет из его рук, то жена и семеро детей останутся без куска хлеба. Нельзя ли сделать милость, доложить Государю Императору о всемилостивейшем пожаловании пенсии этому в строгом смысле доброму человеку, автору полезному и благонамеренному, так, чтобы она, в случае его смерти, могла производиться и бедному его семейству? 1000 или 1200 рублей были бы достаточны для того, чтобы он мог без ужаса думать о будущем и спокойно трудиться до конца дней своих.

Примите уверение в истинном высокопочитании и преданности, с коими имею честь быть, Милостивый Государь! Вашего Высокопревосходительства покорный слуга

Николай Карамзин.

С. Петербург, 14 февраля 1825.

Карамзин Н. М. Письмо Шишкову А. С., 25 мая 1824 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 38—39. — [Т.] II—III.

№ 54. Шишкову А. С.1

Милостивый Государь Александр Семенович!

Примите мое усерднейшее поздравление2. Вы всегда любили истинное просвещение и старались распространять его Вашими полезными трудами. Достойное достойному.

Уверенный в Вашем добром ко мне расположении, прошу Ваше высокопревосходительство о милостивом внимании к двум чиновникам, которые теперь имеют честь служить под Вашим начальством в Департаменте Духовных дел: к Борису Михайловичу Федорову3 и Константину Степановичу Сербиновичу. Первый, может быть, известен Вам своими стихотворениями и драматическими сочинениями; второй также хорошо и правильно пишет, знает древние и новые языки. Оба (что еще важнее) отличаются благонравием и поведением беспорочным. Я коротко знаю их и люблю искренно. Они достойны Вашего покровительства.

Сердечно желая Вам доброго здоровья, с душевным высокопочитанием и совершенною преданностию имею честь быть, Милостивый Государь! Вашего Высокопревосходительства покорный слуга

Николай Карамзин.

Царское Село, 25 мая 1824.

Карамзин Н. М. Письмо Тургеневу Н. И., [без даты] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 38. — [Т.] II—III.

№ 53. (Тургеневу)1 Н. И.

(Без даты)

Сердечно, сердечно благодарю Вас, почтеннейший Николай Иванович! Вам преданный

Н. Карамзин.

Карамзин Н. М. Письмо Тургеневу А. И., 4 октября 1823 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 38. — [Т.] II—III.

№ 52. Тургеневу А. И.

Царск. Село, 4 окт. (1823 г.)

Здравствуйте, любезнейший Александр Иванович! Хотя и пришла невеселая осень, однакож мы еще не собираемся в город: потому низко Вам кланяюсь и прошу исполнить, что означено в приложенной записке1. Прилагаю еще письмецо к Сербиновичу2. Сделайте милость, уведомьте как его отчество: Константин Степанович или иначе? Не знаю, как благодарить его за все, что он для меня делал и делает. — Я читал реценсии Добровского3 в Jahrbucher der Litteratur4. Обнимаю вас нежно. Что батюшка?

Ваш Н. Карамзин.

(На полях помета): О церк. деньгах Яросл.

Адрес: Его Превосходительству Милостивому Государю Александру Ивановичу Тургеневу. В доме Министерства Духовных дел в С. Петербурге.

На штемпеле: 1823 окт. 4.

Карамзин Н. М. Письмо Аверкиеву А. Е., 8 января 1824 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 38. — [Т.] II—III.

№ 51. Аверкиеву А. Е.

С. Петербург, 8 Генв. 1824.

Милостивый Государь мой Александр Егорович!

Искренно благодарю Вас за Ваше обязательное письмо и поздравление с Новым Годом, сердечно желая и Вам всех возможных благ в здешнем свете.

Что касается до перемещения Вашего1, то я не имею никакого сведения о желании Дмитрия Ивановича итти в отставку; но если он действительно оставит службу, то я готов способствовать Вам в этом перемещении, будучи удостоверен, что Вы везде равно окажете Вашу ревность к службе и к чести.

Примите уверение в истинном почтении и преданности, с коими имею честь быть, Милостивый Государь мой! Ваш покорнейший слуга

Н. Карамзин.

Адрес: Его высокоблагородию Милостивому Государю моему Александру Егоровичу Аверкиеву, г(осподину) Прокурору в Твери.

Карамзин Н. М. Письмо Аверкиеву А. Е., 4 апреля 1821 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 37—38. — [Т.] II—III.

№ 50. Аверкиеву А. Е.1

С. Петербург, 4 Апр. 1821.

Милостивый Государь мой Александр Егорович!

Искренне благодаря Вас за Ваше обязательное письмо, столь же искренно желаю, чтобы исправление должности многотрудной принесло Вам и честь и благодарность общую. Принимая живейшее в том участие, я уверен, что Вы ревностным исполнением всех обязанностей доброго чиновника и благородным безкорыстием заградите уста и самому безстыдному злословию. Если я некоторым образом способствовал Вашему определению, то Вы не лишите меня удовольствия слышать, что Тверская губерния довольна выбором Г(осподина) Министра юстиции, коего внимание теперь обращено на Вас. Говорю Вам это не без чувства, будучи одушевлен и непритворным доброжелательством к Вам и любовию к Государственной пользе. Но Вы конечно не имеете нужды в моих, хотя и весьма усердных советах, следуя Вашему собственному влечению ко благу.

От всего сердца поздравляя Вас и почтеннейшую супругу Вашу с наступающим Светлым праздником, с истинным почтением и преданностию имею честь быть, Милостивый Государь мой! Ваш покорнейший слуга

Николай Карамзин.

Карамзин Н. М. Письмо Императрице Марии Федоровне, 24 января 1818 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 37. — [Т.] II—III.

№ 49. Императрице Марии Федоровне1

Всемилостивейшая Государыня!

Имею Счастие представить Вашему Императорскому Величеству мою Историю, полагаясь на Ваше милостивое расположение к Автору гораздо более, нежели на достоинство книги.

С сердечною радостию слышали мы от Государя Императора и Великого Князя о добром здоровье Вашего Императорского Величества. Москва не престает восхищаться своими Августейшими Гостями, а мы не престаем чувствовать нашего сиротства. Весна будет веселить нас только мыслию о близости лета. Павловское всегда прекрасно: надеюсь около половины мая гулять в садах его с приятностию, но не без грусти: там еще не будет Той, Которою все ожило и расцвело в сих некогда диких местах!

Повергаю себя со всем семейством к Вашим стопам.

Всемилостивейшая Государыня! Вашего Императорского Величества всеподданнейший

Николай Карамзин.

С. Петербург, 24 генваря 1818.

Карамзин Н. М. Письмо Карамзину А. М., 14 декабря 1824 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 36—37. — [Т.] II—III.

№ 48. Карамзину А. М.

С. Петербург, 14 Дек. 1824.

Любезнейший братец!

Прежде всего сердечно поздравляем вас и почтеннейшую сестрицу с вашим семейственным благополучием: с радостною помолвкою милой нашей племянницы Авдотьи Александровны. Дай Бог ей совершенного щастия, а вам утешения! Просим вас, любезнейший братец, рекомендовать нас как добрых родных почтенному Алексею Ивановичу: заочно любим его, желая сердечного удовольствия познакомиться с ним лично.

С радостию исполняя ваше желание, любезнейший братец, я тотчас написал письмо к Генералу Чечерину1, прося об увольнении в отпуск любезного племянника; но еще не имею ответа. Василий Александрович пишет ко мне, что он сам вручит мое письмо Генералу. Денег 1000 ру. отдал ему на дорогу.

Грустно было нам узнать о вашей тяжкой болезни, милый братец; но сердечно благодарим Бога, что оная миновалась, и что он сохранил вас для семейства, родных и друзей. Вы не сказали мне, какую болезнь имели: вероятно, горячку, как и в прошедшее лето. Надеюсь, что теперь будете здоровее прежнего.

Вы уже знаете о бывшем здесь наводнении2: погибло около 500 человек, а разоренных множество; но милосердие оказывает им деятельную помощь.

Простите, любезнейший братец. Мысленно вас обнимаю и целую ручку у почтеннейшей сестрицы. Навеки преданный вам покорный брат

Н. Карамзин.

Все мы, жена и дети, любим вас всех столько же, сколько я вас люблю. Ожидаю вашего ответа на мое прежнее письмо о вашем займе.

Борис писал ко мне из Москвы, чтобы я попросил Министра финансов3 о вашей суконной поставке; но мне сказали, что Министр в это не входит: кого же и о чем просить?

Адрес: Его высокоблагородию Милостивому государю Александру Михайловичу Карамзину в Бугуруслане Оренбургской губернии.

Карамзин Н. М. Письмо Карамзину А. М., 15 мая 1819 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 36. — [Т.] II—III.

№ 47. Карамзину А. М.

Царское Село, 15 мая 1819.

Любезнейший братец! Давно не имею от вас писем. Вы, кажется, не отвечали на мое последнее, в котором мы всем домом поздравляем вас с щастливым замужеством нашей любезной племянницы. Мы переехали рано в Царское Село, где и тотчас простудились и заперлись; теперь встаю с постели, но еще не выхожу из дому.

Пазухины1 едут из Петербурга, один определен в Владимире, а другой в Симбирске советником. Я велел сказать человеку Борисову, чтобы он во всех нуждах относился ко мне. В июле надобно будет отдать Борису Шабо 1000 ру., а ваших денег осталось у меня только 200 ру. с чем-то, которые пойдут на платье Борису. Нынешнею зимою я был несколько раз в пансионе у Шабо и могу похвалить его искренно: я не знаю лучшего. Борис учится изрядно. Василья видел я перед отъездом из Петербурга. Оба здоровы.

Братец Федор Михайлович отправляется к вам водою2.

Целую ручку у почтенной сестрицы Натальи Борисовны, дружески обнимаю вас и все ваше милое семейство. Жена и дети мои уверяют вас всех в своей душевной привязанности. Будьте здоровы, благополучны и любите преданного вам покорнейшего брата

Н. Карамзина.

Карамзин Н. М. Письмо Карамзину А. М., 4 июля 1818 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 35—36. — [Т.] II—III.

№ 46. Карамзину А. М.

С. Петербург, 4 июля 1818.

Любезнейший братец!

Сердечно благодарю вас за дружеское письмо и поздравляю вас с новым офицером. Вы уже знаете, думаю, что Васенька офицер. Это счастливо. Мы спешим снарядить его всем нужным. Борис Сергеевич Пазухин1 взял у меня на его обмундирование 2500 рублей. Когда вы пошлете ко мне сии деньги, то адресуйте на мое имя в Петербург, а не в Царское Село, где ваше письмо лежало недели три. Хотя мы по милости Государя и отправились на сих днях в Царское Село, но проживем там не долго, и вернее надписывать к нам письма в Петербург.

Кажется, что мы останемся здесь еще на год для второго издания Истории: ибо первое все разошлось еще весною. Вы прислали мне 200 ру. на три экземпляра: у меня уже давно нет ни одного, но я купил их у книгопродавца Сленина2 и велел ему отправить их на ваше имя в Бугуруслан. Уведомьте, любезнейший братец, о получении. Надеюсь, что ваш экземпляр, отправленный мною к вам в феврале или марте, наконец дошел до вас.

Уведомьте также, что вы думаете сделать с Борисом: оставите ли его еще на год в пансионе у Шабо? Он учится изрядно и бывает часто у нас. О Васеньке генерал его отзывается также хорошо. Содержание его будет вам теперь стоить дороже; но что делать?

Каково-то у вас лето? У нас в Нижегородской деревне3 весьма плохи хлебы. Вести из других мест также не весьма хороши. Мы ходили здесь в шубах до июня; но теперь время прекрасное.

Целую ручку у любезной сестрицы Натальи Борисовны и все ваше милое семейство. Жена моя и дети уверяют всех вас в своей родственной дружбе.

Будьте благополучны, любезнейшие. А мы слава Богу! здоровы и преданы вам всею душою. Ваш верный брат

Н. Карамзин.

Обнимите за меня любезнейшего брата Федора Михайловича со всем его семейством.

Карамзин Н. М. Письмо Карамзину А. М., 14 января 1818 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 35. — [Т.] II—III.

№ 45. Карамзину А. М.

С.-Петербург, 14 генв. 1818.

Любезнейший братец! Александр Михайлович!

Сердечно благодарю вас за дружеское письмо. Грустно мне слышать о худом здоровье брата Федора Михайловича: дай Бог, чтобы оно уже поправилось и не мешало ему заниматься попечением о своем семействе любезном! В здешнем свете добрые не всегда благоденствуют; хлопот много, а наслаждений мало.

Я сам не очень здоров. Печатание истории кончилось: думаю недели через две видеть ее1. Тогда и к вам доставлю экземпляр.

Вчера обедали у нас и Василий и Борис; один служит, другой учится порядочно. Когда буду выезжать, то увижусь с Шабо и поговорю с ним. Остаемся при прежнем намерении, если будем живы, возвратиться в Москву около половины августа. Тогда поговорим о Борисе.

Катерина Андреевна вместе со мною свидетельствует душевное почтение любезнейшей сестрице Наталье Борисовне и вас уверяет в своей искреннейшей любви. Всем семейством обнимаем мысленно все ваше. Будьте здоровы и благополучны, милый брат. Мы уверены в вашей дружбе, а вы не сомневайтесь в нашей. Навеки преданный вам брат

Н. Карамзин.

Адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Александру Михайловичу Карамзину в Бугуруслане.

Карамзин Н. М. Письмо Карамзину А. М., 14 августа 1817 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 34—35. — [Т.] II—III.

№ 44. Карамзину А. М.

Царское Село, 14 авг. 1817.

Любезнейший братец!

Сердечно благодарю вас за дружеское письмо и спешу известить, что Бог дал нам сына Николая1. По сие время благодаря Бога! и мать и новорожденный здоровы.

Пышные обещания при учреждении нового пансиона остались без исполнения: из него будут выпускать только в 14 класс; следственно выгоды нет, и Борису лучше остаться там, где он, до нашего переезда в Москву, где однакож не думаем быть прежде будущего августа2. — Ваши молодые, слава Богу! здоровы: знаю об них через добрых Пазухиных3. Василий4 был на маневрах, но мы сидели дома в Царском Селе, и не видали их.

Живем тихо и смирно; а скоро будет еще тише, когда Двор уедет в Москву. До сей минуты мы пользовались знаками Его милостивого к нам внимания.

Увы! Серый жеребец остался хромым; однакож я поездил на нем недели три.

Вести ваши о хлебах не очень радостны. Во многих местах жалуются на град. По крайней мере здесь хлеб не дешев.

Все мы, жена, муж, дети, свидетельствуем наше душевное почтение милостивой государыне сестрице Наталье Борисовне и мысленно целуем все ваше милое семейство. Будьте здоровы, благополучны и любите всегда преданного вам брата Н. Карамзина.

Обнимите за нас любезнейшего брата Федора Михайловича5 со всеми его любезными детьми.

Адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Александру Михайловичу Карамзину в

Бугуруслане.

Карамзин Н. М. Письмо Карамзину А. М., 1 июня 1817 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 34. — [Т.] II—III.

№ 43. Карамзину А. М.1

Царское Село, 1 июня 1817.

Любезнейший братец!

Я к вам пишу в Бугуруслан, а вы не получаете моих писем: это мне грустно. Авось это письмо дойдет до вас.

Дети ваши, а мои любезные племянники, слава Богу! здоровы. Они у нас обедали перед нашим отъездом в Царское Село. Я уже к вам писал, и еще повторяю, что здесь, то есть в Петербурге, учреждается пансион казенной, откуда будут выпускать в офицеры, а в гражданскую службу от 12-го до 10-го класса: не решитесь ли вы отдать туда Бориса2? Платить надобно 1500 руб, следственно еще менее, нежели у Шабо3. — Вам, любезнейший братец, нет нужды просить меня о племянниках: я готов сделать для них все, что могу. Они ведут себя хорошо.

Живем здесь в тишине, и благодарим Бога за то, что мы все здоровы по сие время. Я гуляю на вашем коне. Думаю, что жена родит здесь: этой минуты жду с беспокойством. — Государя видел я только в саду, где он милостиво разговаривал с нами. У вдов(ствующей) императрицы4 мы обедали в Павловске. Главное мое дело и здесь читать корректуры.

Целую ручку у любезной сестрицы Натальи Борисовны5, обнимаю вас и всех детей. Жена и все наше семейство вам дружески кланяется. Мы часто говорим о вас, любезнейший братец, и с сердечным удовольствием вспоминаем о всех знаках вашей к нам родственной любви.

И здесь весна была ранняя; но теперь льют дожди. Надеюсь, что и у вас нет засухи.

Будьте со всеми милыми здоровы и благополучны. Да сохранит вас Бог от всякого горя! Еще раз обнимаю вас. Навеки верный вам брат

Н. Карамзин.

Адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Александру Михайловичу Карамзину в Бугуруслане.

Карамзин Н. М. Письмо Лунину А. М., 1812 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 32—33. — [Т.] II—III.

№ 41. Лунину А. М.1

(1812, Москва)

Будучи уже несколько дней нездоров и не выезжая, осмеливаюсь сими строками напомнить Вашему Высокопревосходительству о моей всепокорнейшей просьбе: могу ли в течение Генваря получить деньги из Опекунского Совета2, по Вашему милостивому обещанию? Ежели не все 15 000 рублей, то нельзя ли выдать мне теперь хотя 5000 р.? Ибо жена моя должна в генваре и в феврале внести сию сумму в Опекунский же совет по прежнему займу. Крайне изволите обязать пребывающего с душевным высокопочитанием и преданностию, Милостивый Государь! Вашего Высокопревосходительства покорнейшего слугу

Николая Карамзина.

Генваря 7.

Адрес: Его Высокопревосходительству Милостивому Государю Александру Михайловичу Лунину.

Карамзин Н. М. Письмо Уварову С. С., 29 декабря 1813 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 32. — [Т.] II—III.

№ 40. Уварову С. С.

Москва, 29 Дек. 1813.

Милостивый Государь Сергей Семенович!

Искренне благодарю Вас за приятное доказательство Вашего ко мне внимания и за удовольствие, с которым я читал похвалу генералу Моро1. Характер и судьба его действительно трогательна. Вы воздали достойному достойное, языком благородного красноречия. Есть выражения сильные и щастливые. Как историограф я желал бы более исторических подробностей. — Ивана Ивановича нет в Москве2. Вручу ему экземпляр, когда возвратится.

Простите и не забывайте преданного Вам покорнейшего слугу

Н. Карамзина

Усердно поздравляю Вас с наступающим новым годом.

Адрес: Его Превосходительству Милостивому Государю Сергею Семеновичу Уварову в С. Петербурге.

Карамзин Н. М. Письмо Уварову С. С., 21 июля 1813 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 31—32. — [Т.] II—III.

№ 39. Уварову С. С.

Москва, 21 июля 1813.

Искренне благодарю Вас, Милостивый Государь Сергей Семенович, за обязательное письмо и за присланное сочинение Ваше, которого предмет без сомнения важен для народного воспитания1. Желаю сердечно, чтобы Ваше доброе, патриотическое намерение исполнилось. Хвалю усердие и мысли Ваши. Дай Бог, чтобы щастливый мир2 дал Правительству более способов заняться с успехом внутренним благоустройством России во всех частях! Доживем ли до времен истинного, векового творения, лучшего образования, назидания в системе гражданского общества? Разрушение наскучило. Говорю в смысле нашего ограниченного ума: Божественный видит иначе; но мы, бедные люди, имеем право молиться, в засуху о дожде, в бедах о спасении. — Питайте в себе усердие к общему добру и веру в возможность лучшего. Наблюдайте, размышляйте, пишите и приятельски сообщайте мне плоды Ваших трудов.

Богу угодно было испытать мое сердце тяжкою горестию: мы лишились прекрасного и единственного сына, уже шестилетнего3. — Однакож не это причиною, что я долго не отвечал Вам: Вы писали в Нижний, где меня уже не было4, и пакет Ваш странствовал недель шесть.

Потрудитесь сказать нашему общему приятелю, Александру Ивановичу Тургеневу, что я люблю

и всегда буду любить его, несмотря на то, что он поленился отвечать на мое письмо: и в какое время? Когда мы, изгнанники Московские, оставив в жертву неприятелю и пламени все свое, спаслись только с любовию к отечеству и в самых незнакомых находили друзей.

Пишу теперь примечания к государствованию Ивана Васильевича и решился печатать написанное, как скоро будет мир. Для того собираюсь ехать в Петербург: однакоже посмотрю еще на обстоятельства.

Простите. Уверяю Вас в моем душевном почтении и в благодарности за Вашу приязнь. Будьте здоровы и благополучны: чего искренно желает преданный Вам

Н. Карамзин.

Адрес: Его Превосходительству Милостивому Государю моему Сергею Семеновичу Уварову. Г. Попечителю С. Петербургского Учебного округа. В Петербурге.

Карамзин Н. М. Письмо Уварову С. С., 6 марта 1812 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 31. — [Т.] II—III.

№ 38. Уварову С. С.

Москва, 6 марта 1812.

Искренно благодарю Вас, милостивый государь Сергей Семенович, за Шлегелеву книгу1, и еще более за обещание прислать мне византийцев; крайне одолжите меня, и я не замедлю возвратить их. — Шлегель пишет умно, но не излишне ли гоняется за призраком новых мыслей? Вторые причины ставит он иногда на место первых и держится исторического мистицизма; везде clairobscur*. Забавны также комплименты его в честь Австрийского Дому. Слог приятен.

Мне грустно расстаться с любезным Александром Ивановичем2. Я провел с ним несколько очень приятных часов. — Простите, будьте благополучны и не забывайте вашего покорнейшего

Н. Карамзина.

Адрес: Его Превосходительству Милостивому Государю моему Сергею Семеновичу Уварову.

Карамзин Н. М. Письмо Уварову С. С., 1 июля 1811 г. с. Остафьево // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 31. — [Т.] II—III.

№ 37. С. С. Уварову1

с. Остафьево, 1 июля 1811.

Милостивый Государь мой Сергей Семенович!

Усердно благодарю Вас и за обязательное письмо и за любопытную книгу Шлегелеву2, при сем возвращаемую3. Я читал ее с удовольствием и заметил для себя некоторые места или, лучше сказать, слова. Много неясного, неопределенного, от того, что Автор сам видит некоторые предметы в тумане. Он злословит Пантеизм4, но заменяет его чем-то весьма неудовлетворительным. Одним словом, историческая часть этой книги лучше умственной; а пиитическая имеет свою цену.

Прошу Вас считать меня в числе тех, которые умеют ценить Ваши достоинства и приязнь. Я всегда буду рад, когда Вы при каком-нибудь случае обо мне вспомните. Надеюсь сохранить Ваше

ко мне благорасположение. Простите. Живу теперь в сельском уединении и готовлюсь перейти из шестого в седьмой том моей истории.

С душевным почтением и преданностию имею честь быть, Милостивый Государь мой! Вашего превосходительства покорнейший слуга

Николай Карамзин.

Адрес: Его Превосходительству милостивому государю моему Сергею Семеновичу Уварову. В С. Петербург.

Карамзин Н. М., Карамзина Е. А. Письмо Оболенскому А. П., 11 апреля 1821 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 29—30. — [Т.] II—III.

№ 36. Оболенскому А. П.

С. Петербург, 11 Апр. 1821.

Христос Воскресе! Поздравляем всех вас с светлым праздником, почтеннейшего Князя Петра Александровича, Вас, верного Друга нашего, любезнейшую княгиню, милых детей и всех наших общих ближних. Будьте все здоровы и благополучны, к нашему сердечному удовольствию.

Любезное письмо Ваше, истинно дружеское, тронуло меня до слез: оно писано от сердца к сердцу. Будем любить друг друга пока живы, в надежде, что и смерть не прервет нашей душевной связи.

Мы, слава Богу! здоровы. Здесь праздник не очень весел; Государь не возвращается1, гвардия идет в поход. Императрица М. Ф. все еще не совсем здорова, хотя ей и лучше: вчера она христосовалась с нами в кабинете. Европейский мятеж позатихает2. Надеюсь, что не тронут гвардии с места; но вчерашний курьер привез новое повеление быть в готовности. Между тем думаем переехать в Царское Село, если нас пустят туда без Государя, в начале мая.

Скажите от меня ласковое слово почтенным благоприятелям нашим, Николаю Сильвестровичу3 и графу Владимиру Григорьевичу: здоровы ли они? Обнимаю Вас нежно. Бог с Вами и с нами! Навеки ваш

Н. Карамзин

(Приписка на полях):

Деньги пошлю на ближ. почте.

(Приписка рукой Е. А. Карамзиной):

Христос Воскресе! — Mes chers et bons Amis, je vous salue et vous felicite de tout mon c?ur en reiterant tous les v?ux que je forme tous les jours pour votre bonheur. Je vous remercie chere Princesse Sophie pour votre lettre amicale et pour l'aimable comlaisance d'avoir rempli ma commission, tous les effets me sont parvenus avec exactitude par le joli garcon Cherbatoff: vous trouveres ci-joint les 100 Ru. qui reviennent pour le sarafan et le bonnet; mais helas! cela ne m'epargne pas l'acquisition d'un nouveau sarafan de damas, ma capricieuse nourrice ne veut pas entendre de recevoir un habit qui fut porte. Je me porte asses bien exepte une lassitude asses douloureuse que j'eprouve dans tous mon corps et qui a ete renforcee par les fatigues de la devotion de la semaine Sainte ayant fait mes paques. Je sors encore tres peu, vous saves que c'est la chose que j'aime le moins. Adieu, mes bons et tres chers Amis, continues a m'aimer pour etre quitte envers moi de toute l'amitie que je vous porte. J'embrasse toute la chere famille, petits et tous mes grands freres et s?urs et particulierement la chere Мария Петровна de

chère famille, petits et tous mes grands frères et sœurs et particulièrement la chère Marie Petrovna de toute la tendresse de mon c?ur.

Христос воскресе! Любезнейший и почтеннейший батюшка, поздравляю вас с светлым праздником, прося Бога чтоб Он меня утешил в жизни, и дал мне счастие вас поздравить лично и целовать ваши ручки, а в ожидании сего, целую заочно.

Адрес: Его Сиятельству Милостивому государю князю Андрею Петровичу Оболенскому в доме его на Рожественке в Москве.

Перевод:

Христос Воскресе! Дорогие и милые друзья, я вас приветствую и поздравляю от всего сердца, повторяя все молитвы, которые я возношу всякий день за ваше благополучие. Я вас благодарю, дорогая княгиня Софья4, за ваше дружеское письмо и любезное согласие исполнить мое поручение. Все вещи доставлены мне в точности милым мальчиком Щербатовым. Вы найдете при сем 100 руб., следующих за сарафан и чепчик; но увы! Это меня не избавляет от покупки нового сарафана из камки5. Моя капризная кормилица не хочет и слышать об уже ношенной одежде. Я чувствую себя довольно сносно, если не считать некоторой болезненной усталости, которую я испытываю во всем теле и которая усугубилась говением на Страстной неделе и причастием. Я еще очень мало выезжаю, вы знаете, что я это менее всего люблю. Прощайте, милые и дражайшие друзья, любите меня по-прежнему, чтобы отплатить мне за те дружеские чувства, которые я к вам питаю. Я обнимаю все дорогое семейство, малышей и всех моих старших братьев и сестер, а особенно дорогую Марию Петровну6, со всей нежностью моего сердца.

Карамзин Н. М. Письмо Оболенскому А. П., 4 ноября 1820 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 29. — [Т.] II—III.

№ 35. Оболенскому А. П.

С-Петербург, 4 ноября 1820.

Любезный и почтенный Друг наш!

Я к Вам писал из Царского Села с французским путешественником Ст. Мором; но узнал, что он еще остался здесь до Декабря или Генваря. И так снова пишу, желая знать о здоровье Вашем и всех Ваших; желая также сказать Вам несколько слов о нашем верном дому Оболенских семействе. Мы лето провели изрядно, хотя я и захватил жестокий ревматизм в правой руке, еще более беспокоясь о жене, которая имеет одышку и совсем не кстати беременна; она должна родить около февраля. Помолитесь за нас, любезнейший Друг! Я не делаюсь безбожником. — Одна дочь невеста, хотя и без женихов; другая почти невеста. Сыновья растут. Большому минуло шесть лет: он уже рассуждает о Троице и душе, показывая ум действительно необыкновенный в такие лета. Мне иногда грустно думать, что я и слишком стар и недовольно богат для воспитания малюток. Государь обещал мне взять в них участие, когда меня не будет; но лучше надеяться на Бога: молю Бога единственно о том, чтобы Он дал им любовь к добру.

До Вас конечно дошли вести о происшествии в Семеновском полку1: оно не так важно. Авось Бог наставит Государя поступить в этом случае наилучшим образом. Солдаты раскаиваются, офицеры грустят, а публика уже перестает говорить.

Свидетельствую мое душевное почтение Милостивому Государю Князю Петру Александровичу, целую ручку у любезнейшей княгини и всех ваших обнимаю, а Вас первого. Жены нет дома: я за нее порука в нежнейшей к Вам любви. Будьте благополучны.

Навеки Ваш Н. Карамзин.

Любезнейший Друг! Есть в Вологде Надворный Советник Павел Алексеевич Шипилов2, который служил в Иностранной Коллегии и был долго уездным предводителем: он желает быть директором вологодской гимназии, если откроется вакансия. Прошу Вас об нем, зная его с стороны хорошей.

Адрес: Его Сиятельству Милостивому Государю Князю Андрею Петровичу Оболенскому. В доме его на Рожественке в Москве.

Карамзин Н. М., Карамзина Е. А. Письмо Оболенскому А. П., 16 января 1820 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 27—29. — [Т.] II—III.

№ 34. Оболенскому А. П.

С. Петербург, 16 генв. 1820.

Любезнейший Князь Андрей Петрович и почтенный Друг! Сердечно благодарим Вас за дружеское письмо и за радостное уведомление об умножении вашего семейства милого. Мысленно целуем любезного Родиона: дай Бог ему жить и веселить родителей! Кто богат детьми, богат и любовью; а любовь всего светлее. Вы перегнали нас, благодарящих Всевышнего за полдюжину чад добрых. Нам теперь есть с кем говорить о вас и ваших. Вчера мы обедали с почтенною Марьею Петровною1. Жалеем, что она приехала сюда хлопотать, но душевно обрадовались свиданию с нею. Будем ждать и Вас летом, если будем живы. О Москве не перестаем думать. Мне хотелось бы только издать здесь девятый том истории; но остается еще писать не мало, а пишется мало, впрочем не от разсеяния. Живем не по вашему: сидим прилежно дома, кроме четвергов, когда слушаем музыку, пение у императрицы; или смотрим на игру французских или русских актеров: собрания всегда приятные, тем более, что августейшая хозяйка всегда милостива. Ездить в другие домы лень: жизнь коротка, а дома и тепло и нескучно. Иногда заглядывают к нам добрые, умные люди; иногда умствуем, но не умничаем. За все благодарю Бога. Не жалуемся даже и на морозы; но каковы они? Новый претекст2 сидеть дома, чтобы не морозить людей. — На сих днях меня честила3 и Академия и публика4: это меня тронуло, но не до слез, хотя я и большой охотник плакать. Любовь моя к отечеству не совсем основана на самолюбии. Умею слушать и брань, и не боюсь потомства. Я заплатил почти весь свой долг России. На том свете сделаем расчет с нею. Есть другой важный заимодавец, которого я мог бы бояться; но Он добр, и стараясь любить Его, забываю страх. — Душевное и сердечное почтение милостивому Государю Князю Петру Александровичу, которого любезнейшее письмо к нам храним как драгоценность. У почтеннейшей княгини целую ручку. Вас и всех ваших обнимаю с дружескою нежностию. Бог с вами и с нами! Навеки ваш

Н. Карамзин.

Если увидите Николая Сильвестровича5 или будете писать к нему, скажите, как искренно мы любим и уважаем его.

(Приписка рукой Е. А. Карамзиной):

Je vous felicite de tout mon c?ur, chers et respectables Amis, avec la nouvelle annee et un nouveau fils; que le Ciel vous accorde toutes les prosperites de ce bas monde, dont le bonheur de famille est la plus precieuse, j'espe?re que Mr Rodion y contribuera de son cote comme tous vos autres chers enfans. Comme je desire renouveller connaissance avec tout votre petit monde! et combien de nouvelles a faire encore! — Nous jouissons de la douceur de voir la chere Mme Doktoroff asses souvent, et surement je me donnerai la satisfaction de la voir le plus possible pendant son sejour ici. Adieu, mes bons et chers Amis, vous etes bien surs des sentiments tendres et constants que vous porte votre devouee amie et

soeur C. Karamzine.

Нежно целую ручки у почтенного и любезнейшего батюшки, поздравляю его с Новым годом, прося Бога чтоб он нас утешил на тот год свиданием с ним и чтоб мы нашли его так же здорового как оставили. Всех братцев и сестриц нежно обнимаю.

(Приписка рукой С. Н. Карамзиной):

Permettez-moi, mon cher oncle, de joindre mes felicitations a celles de Papa et de Maman, en vous priant de vouloir bien ausi les faire agreer a Madame la Princesse, et en les accompagnant de bien sinceres remerciemens pour le souvenir amical que vous me conservez, et duquel je vous assure que je suis bien touchee. Ma Soeur me charge de vous temoigner aussi toute la part qu'elle prend a l'heureuse augmentation de votre famille, en vous exprimant pour elle, ainsi que pour moi, les sentimens de respect et d'affection que nous sommes habituees a vous porter depuis si longtems.

Sophie Karamzine.

Сонюшка и Катенька нежно целуют ручки у почтеннейшего дедушки и надеются, что он сохраняет им милостивое воспоминание.

Перевод:

Поздравляю вас от всего сердца, дорогие и уважаемые друзья, с новым годом и новым сыном, ниспошли вам Небо все радости этого мира, из коих семейное счастие есть самое дорогое. Надеюсь, что г-н Родион будет со своей стороны ему способствовать, как и другие ваши милые дети. Как я желаю снова видеть все ваше маленькое общество! И сколько новостей! Мы имеем удовольствие видеть дорогую госпожу Дохторову довольно часто, и я, разумеется, не упущу удовольствия видеть ее как можно чаще во время ее пребывания здесь. Прощайте, мои милые и дорогие друзья, будьте уверены в неизменных нежных чувствах, которые к вам питает ваш преданный друг и сестра К. Карамзина.

Позвольте мне, дорогой дядя, присоединить свои поздравления к Папиным и Маминым, прося вас сделать милость передать их госпоже Княгине, а также искренне поблагодарить вас за дружескую обо мне память, которой, я вас заверяю, я очень тронута. Сестра поручает мне засвидетельствовать вам свою радость по поводу счастливого прибавления вашего семейства, и выразить за нее и за меня, чувства уважения и привязанности, которые мы испытываем к вам издавна.

Софья Карамзина.

Карамзин Н. М. Письмо Оболенскому А. П., 24 октября 1818 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 27. — [Т.] II—III.

№ 33. Оболенскому А. П.

С. Петербург, 24 окт. 1818.

Сердечно благодарим вас, почтеннейший Друг наш, за радостное для нас известие о благополучном рождении любезного Князя Василия, с чем вас и почтеннейшую княгиню усердно поздравляем. Веселитесь им и всеми милыми детьми Вашими. Хотя мы отчасти знали о нездоровье князя Петра Александровича, но Катерина Андр., читая Ваше письмо, поплакала, а я также погоревал с нею. Утешаемся надеждою, что Бог еще подкрепит его силы. Живо представляем себе, в каком вы были беспокойстве, и вместе с вами благодарим Всевышнего, что Он сохранил ваших малюток: мы знаем скарлатину! Надеюсь, что и милая Катя теперь уже

оправилась, и что вы можете быть наконец совершенно спокойны после такой сердечной тревоги. Разлука не мешает нам делиться чувствами с вами. Часто говорим об вас, и теперь радуемся мыслию, что можем здесь увидеться месяца через три или скорее. Жена моя беременна: впрочем не гневим Бога и довольны Его к нам милостию. Лето провели в Царек. Селе приятно; все были здоровы, и 6 окт. переехали в город, в дом к К(атерине) Фед(оровне) Муравьевой у Аничкова мосту, где желаем жить тако же щастливо, как жили в Захарьевской улице1. Опять не без скуки занимаюсь корректурами, и не без лени ездим с визитами. К Москве не холодеем: там лучше проводить старость. Простите, любезный Друг. Мы ваши, пока живы. Целую ручку у почтеннейшей княгини. Скажите всем Вашим милым, начиная с почтенного Князя Петра Александровича, сколько мы к ним привязаны. Будьте все благополучны и любите нас. Душою и сердцем преданный Вам

Н. Карамзин.

Адрес: Его Сиятельству Милостивому Государю Князю Андрею Петровичу Оболенскому в доме его на Рожественке в Москве.

Карамзин Н. М., Карамзина Е. А. Письмо Оболенскому А. П., 16 октября 1817 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 24—25. — [Т.] II—III.

№ 30. Оболенскому А. П.

С. Петербург, 16 окт. 1817.

Почтеннейший Друг наш! С сердечною радостию поздравляем Вас как щастливого отца и деда. Целую ручку у Княгини. Будьте все здоровы и веселы. Сделайте нам одолжение, поздравьте от нас и М(илостивую) Г(осударыню) Катерину Андреевну и Николая Аполлоновича. Мы берем искреннейшее участие в их радости1.

Вместе с Вами, любезнейший Князь, благодарим Бога за выздоровление нашего почтенного Князя Петра Александровича2. Мы очень об нем беспокоились.

Да наслаждается он еще долго маститою старостию к Вашему и нашему утешению! — Состояние К(нязя) Василья Петровича3 нас тревожит. Он еще молод и сложения не слабого: надеемся на милость Божию. Ему, кажется, надобно быть щастливым с его редким добрым сердцем. Я полагаю, что он не без любви вздумал жениться: как думаете?

Надеюсь, что Вы, любезнейший князь, будете со всех сторон довольны Двором, к которому мы неравнодушны за все его милости к нам, простосердечным людям.

С утра до вечера занимаюсь корректурами. Надеюсь отделаться к Новому году; а там — как Бог даст... Вероятно, пробудем здесь или в Царском Селе до Августа, имея твердое намерение возвратиться в Москву к осени, чтобы там кончить жизнь в тишине, с Богом, с семейством и с друзьями. Желаем спокойствия не только себе, но и отечеству и доброму Государю; а всех нас любит Бог! Да будет Его воля!

Болезнь кормилицы заставляет нас беспокоиться о малютке4. У нас в доме несколько больных; но мы еще по сие время здоровы.

Простите, любезнейший. Всех ваших дружески обнимаю. Навеки ваш

Н. Карамзин.

(Приписка рукой Е. А. Карамзиной):

Je vous felicite mon cher et respectable Ami, avec les heureuses couches de vos chères femme et fille

Je vous felicite mon cher et respectable Ami, avec les heureuses couches de vos che?res femme et fille, en grace faites leur agreer mes tendres amities et mes v?ux pour leur prompt retablissement; je ne puis leur mieux desirer que de les engager a me prendre pour mode?le dans ce cas; dans quinze jours je me suis si bien trouvee apre?s mes couches, que j'ai pu me promener et dans la suite s'etoit de mieux en mieux. Combien j'ai ete profondement affligee d'apprendre la maladie du bien aime Papa et j'ai remercie du fond de mon ame la bonte Divine de nous avoir encore conserver cet etre precieux. Baises lui bien tendrement les mains pour moi mon bien cher Ami et dites mille amities a toute la chere famille grands et petits. — Je fais des v?ux ardents pour le bonheur du cher Basil. Rappeles nous au souvenir de sa future famille.1*

Адрес: Его сиятельству Милостивому государю моему Князю Андрею Петровичу Оболенскому. В Москве. На Рожественке в собственном доме.

Перевод:

Я вас поздравляю, дорогой и уважаемый друг, со счастливыми родами ваших дорогих жены и дочери, соблаговолите передать им мои нежные дружеские чувства и пожелания скорейшего выздоровления. Я не могу им пожелать ничего лучшего как предложить следовать моему примеру в этом отношении; через две недели после родов я себя так хорошо чувствовала, что могла гулять, а потом было лучше и лучше. Я была глубоко огорчена, узнав о болезни горячо любимого папеньки5 и от всей души благодарю Божию милость, сохранившую нам это дорогое существо. Поцелуйте ему нежно ручки за меня, мой дорогой друг, и скажите тысячу дружеских слов всем членам вашего милого семейства, как взрослым, так и малышам. Я горячо молюсь за счастье дорогого Василия. Передайте приветы от нас его будущей семье.

Карамзин Н. М. Письмо Оболенскому А. П., 15 марта 1817 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 24. — [Т.] II—III.

№ 29. Оболенскому А. П.

С. Петербург, 15 марта 1817.

Почтеннейший Друг! Сердечно благодарю Вас за обязательное исполнение моей просьбы: Вы одолжили меня и дали благосостояние бедному отцу семейства, человеку доброму, весьма не глупому и способному к этому делу, то есть к изданию газет1. Одним словом, Вы меня обрадовали; а мы не часто радуемся в свете! К(нязь) Шаликов от Вас в восхищении. Нам приятно слышать, что и все университетские крайне довольны вашим начальством. Делайте столько добра, сколько можете: Вам этому не учиться. — Обнимаю Вас со всею дружескою горячностию. Мы, слава Богу! здоровы. Работаю глазами более, нежели умом. По вечерам видим иногда у себя людей приятных; а на выезд почти не имею времени. — Всем домом и всему дому Вашему изъявляем любовь. Бог с Вами и с нами! Навеки преданный Вам

Н. Карамзин.

Просим Бога о выздоровлении К(нязя) А. Ф. Щербатова2. Нас потешили из Москвы лучшими об нем известиями; но Ваше письмо опять кольнуло нас в сердце. Будем надеяться.

Адрес: Его сиятельству Милостивому Государю Князю Андрею Петровичу Оболенскому в доме его на Рожественке в Москве.

Карамзин Н. М. Письмо Оболенскому А. П., 20 февраля 1817 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 24. — [Т.] II—III.

№ 28. Оболенскому А. П.

С. Петербург, 20 фев. 1817.

Почтенный Друг наш! Мы разделяем Ваше беспокойство о Князе Александре Федоровиче1: отврати Бог этот удар! Будем еще надеяться.

Убедительно прошу Вас, любезнейший Князь, сделать мне одолжение, представить князя П. И. Шаликова2 в помощники издателя Ведомостей3, который идет в отставку. Спасите от жестокой бедности доброго мужа и отца. Ручаюсь Вам, что он хороший человек и пишет лучше многих наших авторов. Иван Иванович Дмитриев4 знает и любит его.

Хотя дети наши и не совсем здоровы, однакож не жалуемся. Здешнею жизнию не скучаем, хотя и не веселимся. Видим добрых приятелей: других редко.

Не сомневаюсь в действии моей просьбы. Спешу отправить письмо на почту. Целую ручку у любезнейшей княгини, обнимаю Вас и всех ваших. Навеки преданный Вам

Н. Карамзин.

Адрес: Его Сиятельству Милостивому Государю Князю Андрею Петровичу Оболенскому в доме его на Рожественке в Москве.

Карамзин Н. М., Карамзина Е. А. Письмо Оболенскому А. П., 31 декабря 1816 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 22—23. — [Т.] II—III.

№ 26. Оболенскому А. П.

С. Петербург, 31 Дек. 1816.

Почтенный Друг наш! Поздравляем Вас и всех ваших с наступающим Новым Годом. Дай Бог вам всем здоровья и благоденствия!

А мы очень беспокоимся о Катеньке1: у нее злой кашель, так, что она мало и ест и спит.

Я показывал Ваше письмо Юрью Александровичу2. Он будет писать к вам. Могу уверить вас, любезнейший Князь, что я не сделал ни добра, ни худа; не давал и советов Юрью Александровичу, а только на вопрос его о письме сказал ему свое мнение.

Не только в Москве, но и здесь жалуют3 Вас в кураторы Московского Университета. Желаю, чтобы это была правда. Вы во всяком месте будете полезны, потому что любите добро.

Граф П. А. Толстой4 горюет о смерти брата5. Я был у него два раза; мы говорили об Вас.

О будущем мало думаю. Мне еще целый год надобно читать корректуры6. Стараюсь не верить предчувствиям! Бог с Вами и с нами!

Простите, любезнейший князь. Целую руку у почтенной, доброй княгини7, и свидетельствую мою душевную преданность Милостивому государю Князю Петру Александровичу8. Навеки Ваш

Н. Карамзин.

Сию минуту известили меня, что Указ о Кутузове и об Вас подписан, обнимаю любезнейшего Куратора9! Жуковскому10 Государь пожаловал 4000 рублей пенсии и перстень с своим шифром.

(Приписка рукой Е. А. Карамзиной):

Bonjour chers amis je vous felicite du fond du c?ur et sur la nouvelle annee et sur votre nouvelle nomination, mon cher Ami, Dieu veuille que premie?re s'ecoule pour vous dans toutes les prosperites et que la seconde vous procure tous les agremens possibles. Je vous embrasse de toute la force de ma tendresse, ainsi que tous les petits choux.

У батюшки11 нежно ручки целую и поздравляю с новым годом.

Адрес: Его Сиятельству Милостивому Государю Князю Андрею Петровичу Оболенскому в доме его на Рожественке в Москве.

Перевод:

Здравствуйте, дорогие друзья, я вас поздравляю от всего сердца и с новым годом, и с вашим новым назначением, мой дорогой друг. Дай Бог, чтобы первый прошел для вас в полном благополучии и чтобы второе принесло вам всевозможные милости. Я вас нежно обнимаю, а также всех малюток.

Карамзин Н. М. Письмо Оболенскому А. П., Нижний Новгород, 23 апреля 1813 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 22. — [Т.] II—III.

№ 25. Оболенскому А. П.

Нижний Новг., 23 Апреля 1813.

Любезный и почтенный друг!

Наш сын еще жив1, но не можем позволить себе надежды человеческой. Наташа2 в лихорадке. Катерина Андр. имеет не много сил; мои также весьма изнурились. Бог видит мою слабость невольную: я не чуждаюсь Его; ободряю себя, стараюсь поддерживать, но дрожу всеми нервами; худо сплю, и утро не освежает меня. Сил моих было достаточно только на месяц, а теперь уже исходит другой. Жаль, что вы от нас далеко. Так и быть: Господь с нами. Обнимаю вас и всех ваших милых, прося Бога, чтобы он хранил ваше здоровье и спокойствие. Простите и любите нас бедных. Навеки преданный вам

Н. Карамзин.

Адрес: Его сиятельству Милостивому Государю Князю Андрею Петровичу Оболенскому в доме его на Рожественке в Москве.

Карамзин Н. М. Письмо Оболенскому А. П., Тверь, 12 марта 1811 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 22. — [Т.] II—III.

№ 24. (Оболенскому А. П.1 12 марта 1811 г.)

Тверь, воскресенье в полдень.

Сейчас я возвратился от принца2, любезнейший князь. Он и великая княгиня3 приняли ваше письмо как нельзя лучше. Мы в затруднении, говорили оба: не хотим взять на себя ничего такого, что может произвести для князя неприятности семейственные. Однакож нам жаль отказаться (нрзб.) от мысли видеть его в этом мес(те) и проч. и проч. Далее было сказано: Должность губернаторская не заставила бы князя ездить из места в место; он жил бы спокойно в Твери и в

кругу своих родных, так же, как живет в Москве4. Впрочем ни слова досадного; все изъявляло наилучшее мнение об Вас и личное их к Вам благорасположение. Вероятно, что разговор об этом при первом случае возобновится. Я не долго был в Кабинете у Принца. Пока простите. Здесь ожидают гостя5, и нынешний день нет обеда во Дворце. У меня кружится голова от дороги и худо проведенной ночи. Мысленно Вас, почтенный Князь, обнимаю. Всем Вашим мое душевное почтение. Преданный Вам

Н. Карамзин.

Карамзин Н. М., Вяземская Е. А. Письмо князю Лобанову-Ростовскому Д. И., 9 мая 1808 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 20—22. — [Т.] II—III.

№ 23. Письмо княжны Вяземской Е. А.1

к князю Лобанову-Ростовскому Д. И.2

Ce 9 Mai Moscow 1808.

Ce n'est pas, sans grands regrets et sans contradictions a mes desirs, que j'ai differe de vous ecrire jusqu'a ce moment, mon cher et respectable Prince, si j'avois suivi l'impulsion de mon c?ur il y a longtemps, que vous auriez eu, une lettre, de ma part; mais vous deviez etre occupe de trop d'affaires, pour pouvoir vous en distraire, voila pourquoi, mettant l'egoisme de cote (qui pourtant auroit ete pardonnable dans ce cas) j'ai concilie mes desirs avec les circonstances. Ayant entendu, a present — que Vous vous ennuyez assez dans votre Residence, — j'ai pense qu'un peu plus un peu moins d'ennui ne faisant pas grand difference, je pouvois vous demander en faveur de l'attachement que nous vous portons tous, de nous donner le plaisir de recevoir quelques lignes de votre part, qui nous mettroient un peu au fait de votre sante et de la maniere dont vous passez votre tems, car personne ici ne peut nous contenter a ce sujet. Je sais aussi par l'amitie que vous nous accordez que vos voudrez savoir, Mon Prince, ce que nous faisons, je vous dirois donc que nous passons notre tems assez tristement, d'abord sans avoir de maladies graves, il y a toujours quelqu'un a soigner, ensuite nous nous trouvons separes de presque toutes les personnes auxquelles nous sommes attachees et dont l'amitie nous est le plus chere, vous saviez bien que pour moi surtout Vous etes surement le Numero premier de ces personnes, et que Votre absence ne peut se remplacer. Nous n'avons que les souvenirs, et aussi si vous saviez, comme il est souvent question au Калымажной двор du cher et aimable Prince Labanoff, je voudrois que par un petit coup d'electricite cela se communique a Pultawa, et que vous y pensiez aussi quelquefois a nous. — Nous nous preparons a quitter le reste de notre societe, ces jours-ci, pour aller retrouver le cher et bien triste Astafieva, Vous sentez que ce n'est pas sans un grand serrement de c?ur que nous allons nous y retrouver, mais il faut habituer a supporter tant qu'on peut les chagrins et les peines, on en a tant dans ce Monde! — Je vous dirois un mot encore sur Notre cher tuteur Monsieur Neledinsky, etant sure qu'il vous interesse; il s'est remis (нрзб.) qu'on ne (нрзб.) lui resta qu'une legere sensation dans la main, et quelquefois une faiblesse dans la tete, surtout lorsqu'il est en societe, il se menage pourtant beaucoup et a tout a fait change de genre de vie, j'espere que cet accident lui fera du bien; il n'a plus ses suffocations. Voila une description bien detalliee de tout ce qui se passe chez nous, je serois au comble de mes desirs si j'en recevois une pareille de vous, et que vous m'y disiez quelques mots sur Macha, car je puis ne pas lui ecrire, puisque cela m'est defendu helas! mais je ne pourrois jamais ne pas y penser bien bien souvent. Mon fre?re qui continue toujours a rire dans tous les tons, vous presente ses respects et vous demande la continuation de vos bontes, et moi je vous prie, Mon cher Prince, de recevoir l'assurance des sentimens de respects et d'attachement since?re et inviolable que vous a vouee a jamais Votre tres humble et tout devouee

E. Wiasemskoy.

Madame Karamzine me charge de vous dire mille choses tendres de sa part, entr'autres qu'elle vous aime toujours beaucoup et qu'elle sente bien la privation de votre bonne et aimable societe, d'autant plus que nous ne pouvons esperer de nous en dedommager bientot

que nous ne pouvons esperer de nous en dedommager bientot.

(Приписка рукой Н. М. Карамзина):

К сердечному сожалению нашему не имея от Вас, любезный и почтенный Князь, никакого известия, будем весьма обрадованы, если Вы напишите к нам хотя строчку. Вы конечно не сомневаетесь в нашей искренней к Вам привязанности. Дай Бог, чтобы Вы были совершенно здоровы и находили более и более удовольствия в добре, делаемом Вами Государству и частным людям!

Навеки преданный Вам Н. Карамзин.

Перевод:

9 мая Москва 1808.

Не без большого сожаления и вопреки своим желаниям, я откладывала до сего момента писать вам уважаемый Князь; если бы я следовала велению своего сердца, вы уже давно получили бы от меня письмо; но Вы должно быть заняты слишком многими делами, чтобы возможно было Вас от них отвлекать; вот почему, отбрасывая эгоизм (который может быть простителен в данном случае), я подчиняла мои желания обстоятельствам. Услышав, что Вам теперь довольно скучно живется в вашей Резиденции, я подумала, что чуть больше или чуть меньше скуки не составляет большой разницы и я могу Вас просить, рассчитывая на привязанность, которую все мы к Вам питаем, доставить нам удовольствие получить от Вас несколько строк, которые дали бы нам некоторое представление о Вашем здоровье и времяпровождении, поскольку здесь никто нас не может удовлетворить на этот счет. Я знаю также по дружбе, которой Вы нас дарите, что Вы хотите знать, Князь, что мы делаем; уверяю Вас, что мы проводим время довольно скучно, во-первых, хоть и нет серьезных болезней, всегда есть кто-то, требующий заботы; затем, мы отдалены почти от всех, к кому мы привязаны и чья дружба дороже всего для нас, Вы знаете, что для меня, в особенности, Вы без сомнения первый среди них, и Ваше отсутствие невосполнимо. У нас есть лишь воспоминания, и если бы Вы знали, как часто спрашивают в Колымажном дворе3 о дорогом и любезном Князе Лобанове; я бы хотела, чтобы это посредством небольшого электрического разряда могло сообщиться в Полтаву, и чтобы Вы тоже иногда о нас думали. Мы готовимся покинуть на днях и оставшееся наше общество, чтобы вернуться в дорогое и печальное Остафьево4. Вы понимаете, что мы туда возвращаемся с тяжелым сердцем, но нужно привыкать переносить как должно огорчения и страдания, их столько в этом Мире! Скажу Вам еще несколько слов о нашем дорогом опекуне господине Нелединском5, будучи уверена, что он Вас интересует; (нрзб.) у него осталось лишь слабое ощущение в руке и иногда слабость в голове, особенно когда он в обществе, он однако бережет себя и совсем переменил образ жизни, я надеюсь, что этот случай будет ему на пользу; его больше не мучают удушья. Вот детальное описание всего, что у нас происходит. Мои желания были бы исполнены, если бы я получила подобное от Вас, и Вы сказали бы мне несколько слов о Маше, поскольку я не могу ей написать, так как мне это запрещено. Увы! Но я никогда не смогу не думать о ней очень, очень часто. Мой брат6, который продолжает все время смеяться на все лады, выражает Вам уважение и просит сохранить Ваши добрые чувства к нему, а я прошу Вас, милый Князь, принять уверения в чувствах уважения и привязанности, искренних и нерушимых, преданной Вам навсегда Вашей покорной слуги

Е. Вяземской.

Мадам Карамзина7 мне поручает сказать Вам тысячу нежных слов от нее, между прочих, что она Вас, как и прежде, очень любит, и что ей очень не достает Вашего милого и любезного общества, тем более, что мы не можем надеяться вскорости вознаградить себя им.

Карамзин Н. М. Письмо (Аверкиеву?) И. А., 28 января 1808 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. архив, 1992. — С. 20. — [Т. I. — III

ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 20. — [Т.] II—III.

№ 22. (Аверкиеву?)1 И. А.

Милостивый государь мой Иван Алексеевич!

Сердечно благодарю Вас за Ваш благоприятный ответ и за добрую волю быть заступником наших крестьян, которым я снова и строго подтвердил, чтобы они во всех случаях, какие могут встретиться, руководствовались Вашими повелениями. Уверяю Вас в моей и всего нашего семейства искренней признательности. Может быть, найду случай видеться с Вами и подтвердить изустно, сколь умею ценить Ваши одолжения.

С высокопочитанием и душевною преданностию имею честь быть, милостивый государь мой! Ваш покорнейший слуга

Николай Карамзин.

Москва, 28 генваря 1808.

Карамзин Н. М., Карамзина Е. А. Письмо Муравьевой Е. Ф., [без даты] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 18—19. — [Т.] II—III.

№ 20. Муравьевой Е. Ф.

(Без даты)

Почтеннейшая и любезнейшая Катерина Федоровна!

Сердечно поздравляем вас со днем вашего щастливого для нас рождения, желая вам всего, что достойно желания. Нам грустно, что мы не будем праздновать с вами в этот день. Комнаты наши еще не топлены; отправим истопника на будущей неделе, и думаем переехать в конце ея. Мы, слава Богу! Здоровы, и не мало не скучали осенью и своим уединением, не только отец и мать, но и дочери, как они уверяют.

Горюем о кончине нашей доброй соседки, тем более печальной для дочери, что она не была при ней. Вы верно уронили не мало слез.

Мы имели об вас вести через Александра Ивановича1 и Гурьева2; но теперь, вероятно, они уже не заглянут к нам.

Вашим милым наше душевное почтение. Целую вашу ручку. Навеки преданный вам

Н. Карамзин.

(Приписка рукой Е. А. Карамзиной):

Je me joins a mon Mari, chere et respectable Madame Mouraview, pour vous feliciter sur le jour de votre naissance, mais surtout j'en felicite tous ceux qui ont le bonheur de vous appartenir et tous ceux qui jouissent de vos bontes et de votre amitie; comme j'espere que nous sommes du nombre c'est une vraie fete pour nous, et le toast de famille sera porte de tout c?ur a la sante et la prosperite de notre bonne et chere Катерина Федоровна. — Nous passons notre tems si tranquillement et si doucement que si ce n'etoit le desir de partager notre tems avec nos amis de Petersbourg nous aurions prolonge notre sejour ici.

Adieu ma bonne et che?re Amie, veuillez me rappeler au souvenir de toute votre aimable famille. Et croyez-moi toujours votre toute devouee de c?ur et d'ame.

C. Karamzine.

Перевод:

Я присоединяюсь к Мужу, милая и уважаемая госпожа Муравьева, чтобы поздравить вас с днем рождения, но особенно я поздравляю всех, кто имеет счастье принадлежать к Вашей семье и всех, кому вы дарите вашу доброту и дружбу; я надеюсь, что мы из их числа и это для нас истинный праздник. Наш семейный тост будет поднят за здоровье и благополучие милой и дорогой Катерины Федоровны. Мы проводим время так спокойно и приятно, что если бы не желание встречаться с нашими петербургскими друзьями, мы продлили бы свое пребывание здесь. Прощайте, дорогой и добрый друг, передайте мои приветы всему вашему милому семейству. И знайте, я всегда вам предана сердцем и душой.

К. Карамзина.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьевой Е. Ф., 19 августа 1825 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 18. — [Т.] II—III.

№ 19. Муравьевой Е. Ф.

Царское Село, 19 авг. 1825.

Любезнейшая и почтеннейшая Катерина Федоровна! всем семейством поздравляем вас со днем рождения любезного Никиты Михайловича1; поздравляем и всех ваших, начиная с него самого. Будьте все здоровы, спокойны и веселы! Как жаль, что мы лично не празднуем с вами! Я все хилею и дней шесть был опять очень нездоров. Дайте нам о себе весть. Уже нет Тургенева2, через которого мы знали все, что у вас делается! Теперь живем в глуши. Не ленитесь ли? Делаете ли движение? (нрзб.) целую вашу ручку с нежностию. Бог с вами и с нами! Навеки вам преданный

Н. Карамзин.

Адрес: Ея превосходительству Милостивой государыне Катерине Федоровне Муравьевой в ея доме у Аничкова мосту в С. Петербурге.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьевой Е. Ф., 10 ноября 1824 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 18. — [Т.] II—III.

№ 18. Муравьевой Е. Ф.

Любезнейшая и почтеннейшая Катерина Федоровна! мы об вас беспокоимся: не испугало ли вас страшное наводнение?1 Здоровы ли вы со всеми вашими? Мы не рады тому, что Бог не дал нам видеть этого общего бедствия. Нездоровье мое задержало нас в Царском Селе. Надеемся переехать к вам в субботу и найти вас всех в добром здоровье. Между тем целую вашу ручку. Душою и сердцем вам преданный

Н. Карамзин.

Получили ли вы наше письмо 1 ноября?

Адрес: Ее превосходительству Милостивой государыне Катерине Федоровне Муравьевой в ея доме у Аничкова моста. В С. Петербурге.

На штемпеле дата: 1824 10 ноября.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьевой Е. Ф., 6 сентября 1823 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 16—17. — [Т.] II—III.

№ 16. Муравьевой Е. Ф.

Царское Село, 6 сент. 1823.

Любезнейшая и почтеннейшая Катерина Федоровна! Давно не имеем от вас известия: надеемся, что вы здоровы и благополучны со всем милым семейством. Мы все еще слышим жестокий кашель наших детей, и все еще беспокоимся, хотя, слава Богу! и менее прежнего.

Не имея охоты от больных ехать в город, боясь, чтобы мои книги не мешали отделке ваших комнат, прошу вас приказать, чтобы их вынули из шкапов и в каких-нибудь коробах или в рогожах перенесли в новую нашу квартиру, вместе с фортепиано; но как это нужно сделать бережно, то я пишу к А. И. Тургеневу, чтобы он дал, для сей операции, своего чиновника надежного1, который бы дал себе труд за всем посмотреть, положил бы книги в той комнате, пятой от входа, где будет мой кабинет, и закрыл бы их на полу рогожами. Впрочем даю вам и Александру Ивановичу carte blanche*: сделайте милость, устройте так, чтобы книги были целы: ибо некоторые из них казенные, императрицыны, редкие и проч. Надобно также для переноски выбрать не дождливый день. Утруждаю вас этою просьбою в надежде на вашу дружескую к нам милость.

Нежно целую вашу ручку, свидетельствуя душевное почтение всем вашим. Навеки преданный вам

Н. Карамзин.

Когда перенесут книги и все наши вещи к Мижуеву, то их запереть и отдать ключи его прикащику.

Адрес: Ея превосходительству Милостивой государыне Катерине Федоровне Муравьевой в ея доме близ Аничкова мосту. В С. Петербурге.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьевой Е. Ф., 18 августа 1823 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 16. — [Т.] II—III.

№ 15. Муравьевой Е. Ф.

Почтеннейшая и любезнейшая Катерина Федоровна! Всем семейством усердно вас поздравляем с завтрашним праздником1, столь любезным для вашего сердца нежного; поздравляем почтенного Никиту Михайловича, милостивую государыню Александру Григорьевну2 и Александра Михайловича, желая, чтобы вы весело провели не только этот день, но и весь год. Если бы не болезнь детей, которая нас очень беспокоит, особливо Андрюшина3, то мы поздравили бы вас лично. Будьте вы здоровы со всеми вашими милыми. Целую вашу ручку. Навеки преданный вам

Царское Село, 18 авг. 1823.

Н. Карамзин.

Адрес: Ея превосходительству Милостивой Государыне Катерине Федоровне Муравьевой, в доме ея на Фонтанке у Аничкова мосту в С. Петербурге.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьевой Е. Ф., 13 августа 1823 г. Царское Село // Российский

Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 16. — [Т.] II—III.

№ 14. Муравьевой Е. Ф.

Царское Село, 13 авг. 1823.

Любезнейшая и почтеннейшая Катерина Федоровна! Мы наняли известный вам дом купца Мижуева1 на Моховой. Я должен сам приехать, чтобы перенести туда книги и фортепиано; но скоро быть не могу, будучи в грусти и в беспокойстве о детях. Между тем можно отослать туда наши не важные мебли2 и адресоваться к прикащику хозяина, который отопрет комнаты и укажет, где что поставить: для чего прошу вас приказать вашему управителю нанять на наш щет трех или четырех носильщиков и посмотреть за ними, чтобы все было цело. — Все мои свидетельствуют вам и вашим, вместе со мною, свое дружеское почтение. А мы живем теперь в совершенном уединении, ибо все нас бегают как чумных, боясь коклюша наших детей. Нежно целую вашу ручку. Навеки душею преданный вам

Н. Карамзин.

Адрес: Ея превосходительству Милостивой Государыне Катерине Федоровне Муравьевой. В доме ея на Фонтанке у Аничкова мосту.

Карамзин Н. М., Карамзина Е. А. Письмо Муравьевой Е. Ф., 26 сентября 1822 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 15—16. — [Т.] II—III.

№ 13. Муравьевой Е. Ф.

Царское Село, 26 сент. 1822.

Почтеннейшая и любезнейшая Катерина Федоровна! Еще ли вы за городом, или уже в городе? И мы помышляем о вашем городском крове. Сделайте милость, узнайте, вставлены ли у нас двойные окончины нашими платёрами, которым я послал за то и деньги? Да еще просим сделать второе одолжение, приказать, чтобы в людских комнатах заделали щель над дверью, в которую очень несет. Здоровы ли вы с вашими милыми? У нас все хорошо, слава Богу! Нежно целую вашу ручку, обнимаю любезных Никиту Михайловича и Александра Михайловича. Навеки душою и сердцем преданный вам

Н. Карамзин.

Если принесут на мое имя цыбик1 чаю, то прикажите Дворецкому взять его.

(Приписка рукой Е. А. Карамзиной):

Que faites-vous, chere et bonne Madame Mouravieff, dans vos iles enchantees, qui sont devenues, je suppose, un peu le sejour de Boree? J'espere pouvoir revenir sous votre toit hospitalier dans le courant du mois prochain; jusqu'a ce moment meme la campagne a conserve des charmes; je monte beaucoup a cheval; les promenades a pied ne sont pas negligees pour cela, et dans tous les tems, par un beau clair de lune, comme par un brillant soleil, et, comme aujourd'hui, par un tems tre?s brumeux. Je desire que vous vous porties tous aussi bien que nous, et que vous nous aimies autant que nous vous aimons. La dessus je vous embrasse et me rappelle au souvenir de vos Messieurs ainsi que de Mlle Batuschkoff.

Адрес: Ея превосходительству Милостивой государыне Катерине Федоровне Муравьевой. В доме ея на Фонтанке у Аничкова мосту. В С. Петербурге.

Перевод:

Что делаете вы, милая и дорогая госпожа Муравьева, на ваших волшебных островах, которые стали, я думаю, немного походить на прибежище Борея? Я надеюсь вернуться под вашу гостеприимную крышу в следующем месяце; деревня даже до сих пор сохранила очарование; я много езжу верхом; не пренебрегаем и пешими прогулками, причем в любую погоду, при прекрасном лунном свете, при сиянии солнца, или, как сегодня, при очень пасмурной погоде. Я желала бы, чтобы вы себя чувствовали так же хорошо, как и мы, и чтобы вы нас любили так же, как мы любим вас. За сим, я вас обнимаю и шлю приветы вашим мужчинам, а также девице Батюшковой2.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьевой Е. Ф., 28 августа 1822 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 15. — [Т.] II—III.

№ 12. Муравьевой Е. Ф.

Всем семейством поздравляем милого имянинника1, вас, почтеннейшая Катерина Федоровна, и любезнейшего Никиту Михайловича. Всего, что может назваться добром в здешнем Свете, сердечно желаем ему и вам. Будем пить за его здоровье, жалея, что не (в) вашем присутствии. Благодарим за дружеское угощение и за прекрасную прогулку, о которой еще с удовольствием вспоминаю. Мы, слава Богу! здоровы. Авось еще побываем у вас в гостях, если осень будет также хороша, как лето. Целую вашу ручку, обнимаю ваших милых. Навеки ваш

Царское Село, 28 авг. 1822.

Н. Карамзин.

Адрес: Ея Превосходительству Милостивой Государыне Катерине Федоровне Муравьевой.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьевой Е. Ф., 28 июля 1822 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 14—15. — [Т.] II—III.

№ 11. Муравьевой Е. Ф.

Царское Село, 28 июля 1822.

Почтеннейшая и любезнейшая Катерина Федоровна! Вы и мы были в Петергофе, а не съехались. Граф Каподистриа1 помешал и моей беседе с любезным Никитою Михайловичем, к моему сердечному сожалению. Мы собирались к вам, но теперь думаем отложить до 19 августа, чтобы праздновать у вас любезные имянины. Позволите ли приехать нам и с сыновьями? То есть, можете ли поместить всех нас дня на два в вашем обновленном доме? Думаю завтра, если не будет дождя, съездить часа на три в город для свидания с Иван. Иван. Дмитриевым2: полагаю, что вы еще в Петергофе, и не имею надежды видеть вас.

После засухи льют дожди, так, что грустно. Впрочем мы здоровы, слава Богу, и живем в тишине; мало гуляем, но много читаем. В Петергофе мне всегда приятнее была прогулка в шлюпке по морю, а прекрасной иллюминации мы почти не видали. Целую вашу ручку, обнимаю ваших милых, и свидетельствую мое душевное почтение Александре Николаевне3. Катерина Андр. будет писать к вам завтра. Навеки преданный вам

Н. Карамзин.

Адрес: Ея Превосходительству Милостивой Государыне Катерине Федоровне Муравьевой. В доме ея у Аничкова мосту на Фонтанке. В С. Петербурге.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьевой Е. Ф., 7 октября 1821 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 14. — [Т.] II—III.

№ 10. Муравьевой Е. Ф.

Ц. С. 7 окт. 1821.

Любезнейшая и почтеннейшая Катерина Федоровна! всею душою разделяем ваши чувства: радуемся, что любезный Никита Михайлович снова в службе, и грустим, что вы с ним должны расстаться. Дай Бог, чтобы не на долго, и с пользою для его службы1! Сам государь сказал мне о вашем к нему письме, прибавив к тому весьма хорошее слово о достоинстве Никиты Михайловича, который, надеюсь, не уедет до нашего переезда в город. Думаем скоро после 20-го окт. быть под вашим кровом. Мы, слава Богу! здоровы. Все мои свидетельствуют вам свою любовь и почтение, а я с нежностию целую вашу ручку. Навеки преданный вам

Н. Карамзин.

Адрес: Ея Превосходительству Милостивой Государыне Катерине Федоровне Муравьевой. В доме ея на Фонтанке у Аничкова моста в С. Петербурге.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьевой Е. Ф., 14 сентября 1821 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 14. — [Т.] II—III.

№ 9. Муравьевой Е. Ф.

Царск. Село, 14 сент. 1821.

Почтеннейшая и любезнейшая Катерина Федоровна! От всего сердца поздравляем вас и любезного Никиту Михайловича со днем его Ангела, желая дорогому имянинику всего, чего себе желаем.

Отдано ли в приказе?1 — Уведомьте нас, когда вы переедете в город: мы тотчас отправимся к вам в гости, если не ночевать, то обедать.

Повторяю просьбу, чтобы вы приказали на щет наш нанять работников и вставить двойные окончины2 в наших комнатах хорошенько.

Целую вашу ручку. Душою вам преданный

Н. Карамзин.

Адрес: Ея превосходительству Милостивой Государыне Катерине Федоровне Муравьевой.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьевой Е. Ф., 5 сентября 1821 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 13—14. — [Т.] II—III.

№ 8. Муравьевой Е. Ф.

Царское Село, 5 сент. 1821.

Сердечно благодарим вас, почтеннейшая и любезнейшая Катерина Федоровна, за ваше дружеское поздравление. Это был для нас имянинной сюрприз. Мы более удивились, нежели обрадовались.

Перед отъездом имянинника1 я напомнил Ему о нашем любезном Никите Михайловиче, и даже

опять упомянул об нем в письме 1 сент. Отчего это длится, не знаю: не от начальника ли? Увидим.

Мы, слава Богу! Здоровы, но беспокоимся о Лизе2: ее кормилица занемогла.

Нежно целую вашу ручку, обнимаю любезного Никиту Михайловича. Жена и дочери у обедни. Бог с вами и с нами! Навеки преданный вам

Н. Карамзин.

Адрес: Ея превосходительству Милостивой государыне Катерине Федоровне Муравьевой в ея доме у Аничкова мосту на Фонтанке. В С. Петербурге.

Карамзин Н. М., Тургенев А. И. Письмо Муравьевой Е. Ф., 14 июня 1820 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 13. — [Т.] II—III.

№ 7. Муравьевой Е. Ф.

Царское Село, 14 июня 1820.

Здравствуйте, любезнейшая и почтеннейшая Катерина Федоровна. Мы думали нынешний день ехать в город, следственно и к вам; но остаемся дома от того, что чувствую себя не совсем здоровым. Пишу к вам с А. И. Тургеневым1. Книги Государю я отдал. Он говорил о незабвенном Михаиле Никитиче2 с истинным чувством; сказал, что знает достоинства Никиты Михайловича, его ум, сведения, ревность к добру и к чести; что рад снова открыть ему путь по службе, когда Никита Михайлович пожелает того3. Это от слова до слова. Я был совершенно доволен отзывом.

На той неделе авось явлюсь у вас. Целую вашу ручку, обнимаю любезного Никиту Михайловича и Александра Мих. Навеки преданный вам

Н. Карамзин.

Адрес: Ея Превосходительству Милостивой государыне Катерине Федоровне Муравьевой.

(Приписка рукой А. И. Тургенева):

Зная, что письмо сие прочтете не без удовольствия, немедленно посылаю.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьевой Е. Ф., 27 июня 1819 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 13. — [Т.] II—III.

№ 6. Муравьевой Е. Ф.

Царское Село, 27 июня 1819.

Любезнейшая и почтеннейшая Катерина Федоровна! Напрасно ждали мы от вас письма из Москвы: вы не хотели написать к нам ни строки, и это нам очень грустно, тем более, что мы в своей уединенной жизни ничего об вас не слышим. Бог дал нам сына Владимира1. Катерина Андр. оправляется, но как-то медленно, теперь все еще слаба, хотя и начинает бродить по саду. Все еще надеемся, что вы хотя из Нижнего дадите нам добрую весть о вашем здоровье. Время, кажется, хорошо для путешествующих. Я давно не помню такого прекрасного лета. Мы живем в единообразии, а вы беспрестанно видите новые предметы. Нам покойнее, а вам веселее. Нижний с своею блестящею ярмонкою представится вашим глазам не в том виде, в каком мы его в 1812

году видели2. Всего более желаем вам здоровья. Сто раз целую вашу ручку, обнимаю любезных

братьев, Никиту и Александра Михайловичей. Усердно кланяюсь г. Гедике3. Когда ждать вас назад? В октябре? Как еще долго! навеки ваши

Карамзины.

Адрес: Ея превосходительству Милостивой государыне Катерине Федоровне Муравьевой. Отдать Е(го) Высокородию Петру Михайловичу Дружинину, г(осподину) Директору Училищ. В Москве.

Карамзин Н. М., Карамзина Е. А. Письмо Муравьевой Е. Ф., 27 июля 1818 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 11—12. — [Т.] II—III.

№ 5. Муравьевой Е. Ф.

(Рукой Е. А. Карамзиной)

S. Selo le 27 juillet 1818.

Bonjour, chere bonne et respectable Madame Mouraview, nous n'avons pas eu encore de vos nouvelles directes, s'entend; car si celles que nous recevions indirectement ne nous eussent satisfaites, il y a longtems que nous aurions rompu le silence pour savoir e quoi nous en tenir sur votre compte. Dieu veuille que la beaute de la saison augmente la bonte de votre sante? et vous fortifie asses pour pouvoir affronter les rigueurs de l'hiver sans en etre abattue. J'espare aussi que l'arrivee de votre jeune-Ami vous rendra aussi heureuse que vos amis peuvent le desirer. — Pour ce qui est de nous, ma respectable Amie, depuis notre arrivee ici il n'y a que mon Mari qui a eu le talent de gagner un gros rhume qui ne l'a pas encore tout a fait quitte, il a meme rencheri sur ce talent, car ces jours-ci il a beaucoup souffert d'un mal de gorge: mais comme tout cela ne tire pas a consequence, nous n'avons que des graces a rendre a la bonte de Dieu et a notre Auguste et tras aimable Hote pour son hospitalite. Reellement nous jouissons en plein du delicieux sejour de Sarsko-Selo. Mais tout en savourant le present encore, ne faut-il pas negliger le futur qui pour etre moins sur, n'en est pas moins interessant. C'est pourquoi nous nous adressons, a vous, chere Катерина Федоровна, pour savoir vos dispositions definitives au sujet de votre maison: en cas que vous n'en ayes pas encore dispose autrement, dites-nous avec la meme franchise si vous voules nous avoir pour vos locataires avec la modique paye de 5000 R. que nous en mettons a vous avouer que nous ne pouvons surpasser cette somme, vu l'etat de nos affaires, l'idee de loger sous le meme toit avec la personne que nous respectons le plus a Petersb. ajoute un charme infini au plaisir d'occuper un beau quartier. En attendant votre reponse comme celle d'oracle, seulement sans ambiguite, je suis pour la vie votre toute devouee C. Karamzine.

Mes filles sous presentent leurs respectueux hommages. Veuilles dire mille amities de ma part a Mr Alexandre et a Mlle Mouraview.

(Приписка рукой Н. М. Карамзина):

Целую вашу ручку, любезнейшая и почтеннейшая Катерина Федоровна. Здоровы ли вы? Поздравляем вас с удовольствием нашего доброго Батюшкова3. Надеюсь, что скоро поздравим и с благополучным прибытием милого Никиты Михайловича. Преданный вам навеки

Н. Карамзин.

Перевод:

Ц. Село, 27 июля 1818.

Здравствуйте, дорогая, милая и уважаемая госпожа Муравьева, мы до сих пор не имеем от вас

Здравствуйте, дорогая, милая и уважаемая госпожа Муравьева, мы до сих пор не имеем от вас известий, разумеется, прямых, те же, что доходят до нас косвенным путем, не могут нас удовлетворить. Мы уже давно бы нарушили молчание, если бы знали как вы к этому отнесетесь. Дай Бог, чтобы это прекрасное время года улучшило ваше здоровье и укрепило вас настолько, чтобы благополучно перенести зимние холода. Я надеюсь также, что приезд вашего молодого Друга1 сделает вас настолько счастливой, насколько ваши друзья могут этого желать. Что касается нас, мой уважаемый Друг, то после нашего приезда сюда только мой муж ухитрился получить сильный насморк, который еще не совсем прошел. Он весьма в этом отношении везучий, так как много еще страдал в эти дни и от боли в горле; но поскольку все обошлось без последствий, нам остается лишь возблагодарить Бога и нашего Августейшего и очень любезного Хозяина2 за его гостеприимство. Пребывание в Царском Селе доставляет нам большое удовольствие. Но наслаждаясь настоящим, не следует забывать о будущем, которое хоть и менее ясно, но не менее интересно. Поэтому мы обращаемся к вам, милая Катерина Федоровна, чтобы узнать ваши окончательные намерения относительно вашего дома: в случае, если вы пока им не распорядились иным образом, скажите нам с обычной откровенностью, хотите ли вы иметь нас своими жильцами за скромную плату в 5000 руб., которую, мы должны признаться, не имеем возможности увеличить из-за состояния наших дел. Мысль жить под одной крышей с особой, которую мы уважаем более всех в Петербурге, прибавляет бесконечное очарование к удовольствию занимать прекрасную квартиру. Ожидая вашего ответа, как приговора, только искреннего, я надеюсь, остаюсь на всю жизнь вам преданная

К. Карамзина.

Мои дочери выражают вам свое почтение. Передайте тысячу дружеских приветов от меня господину Александру и мадемуазель Муравьевой.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьевой Е. Ф., 22 июля 1817 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 11. — [Т.] II—III.

№ 4. Муравьевой Е. Ф.

Царское Село, 22 июля 1817.

Берем сердечное участие в ваших заботах, почтеннейшая Екатерина Федоровна. Знаем, что вам нелегко будет расстаться с любезным Никитою Михайловичем и на короткое время1. Дай Бог, чтобы он возвратился к вам благополучно.

В рассуждении дома, мы уже не думаем о перемене: остаемся у Баженовой2. Состояние Катерины Андр. не дозволяло мне ездить в город, чтобы искать удобнейшего дома; а между тем срок приближился, и нам должно было решиться.

Жена все еще не родила: жду этой минуты с беспокойством и с надеждою на милость Божию.

Целую вашу ручку с почтением и с любовию. Жена и дети мои уверяют вас в том же искреннем к вам чувстве. Бог с вами и с нами! Навеки преданный вам

Н. Карамзин.

Адрес: Ея превосходительству Милостивой Государыне Екатерине Федоровне Муравьевой.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьевой Е. Ф., июль 1817 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 11. — [Т.] II—III.

№ 3. Муравьевой Е. Ф.

Царское Село (середина июля 1817 г.)

Как нам грустно, что мы так давно не видали вас, любезнейшая и почтеннейшая Катерина Федоровна? Жена моя всякую минуту ждет родить1: оттого не могу оставить ее; иначе был бы у вас. — А. И. Тургенев2 сказывал мне, что вы желали бы отдать нам ваш верхний этаж: это было бы для нас прекрасно; но боюсь вашей излишней деликатности. С 1-го авг. нам должно или переехать в другой дом или остаться в занимаемом нами. Мы платим 4000 р.; можем дать и более. Скажите слово; но ради Бога без малейшего принуждения. Целую вашу ручку. Душою и сердцем преданный вам

Н. Карамзин.

Адрес: Ея превосходительству милостивой государыне Екатерине Федоровне Муравьевой.

Карамзин Н. М., Карамзина Е. А. Письмо Муравьевой Е. Ф., 29 марта 1816 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 10—11. — [Т.] II—III.

№ 2. Муравьевой Е. Ф.1

Москва, 29 марта 1816.

Почтеннейшая и любезнейшая Катерина Федоровна! Последним словом моим в Петербурге было изъявление моей сердечной к вам благодарности, а первым в Москве да будет тоже!2 Ваша милость и дружба составляют одно из главных благ моей жизни. Зная чистоту вашей души, радуюсь вашей любовию, которая дает более достоинства моему нравственному существу. — С нежностию целую вашу руку.

Я щастлив свиданием с милым семейством. Но сын, Андрей3, не здоров: это беспокоит меня, хоть и не вижу еще опасности. У него идут, кажется, зубы; а может быть есть и простуда. Помолитесь за нас: мы же будем за вас молиться.

Дай Бог что (б) в конце мая мы увиделись или в Царском Селе или в Петербурге благополучно! Хорошо жить в одном месте с вами.

Обнимаю молодых друзей моих, любезного Никиту Михайловича4 и веселого братца его5. Всем, кто ездит в ваш благословенный дом и вспомнит обо мне, от доброго сердца кланяюсь.

Простите, почтеннейшая Катерина Федоровна. Я еще не совсем отдохнул от худой дороги; но если Бог сохранит мое остальное семейство, то я готов веселиться и прыгать.

Любите нас всегда, как мы вас любить будем. Бог с вами и с нами. Душею преданный вам навеки

Н. Карамзин.

(Приписка рукой Е. А. Карамзиной):

Дозвольте и мне, любезнейшая и почтеннейшая Катерина Федоровна, соединить свою благодарность с мужнею и уверить вас, что умею ценить все ваши дружеские милости, оказанные в бытность его в Петербурге под вашим гостеприимным кровом. Надеюсь, что в будущее мое пребывание в вашем городе не оставите и меня полу-сироту без призрения; без шуток, из чистейших удовольствий в моей новой жизни будет для меня надежда заслужить вашу благосклонность. Примите, почтенная Катерина Федоровна, уверение в моей к вам преданности.

Адрес: Ея превосходительству Милостивой Государыне Катерине Федоровне Муравьевой в собственном ея доме на Фонтанке у Аничкова мосту, в С. Петербурге.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьеву М. Н., 20 апреля 1806 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 10. — [Т.] II—III.

№ 1. Муравьеву М. Н.1

Милостивый государь Михайло Никитич!

С живейшею признательностию чувствую все Ваши милости и одолжения. Теперь ожидаю только, чтобы князь Петр Васильевич2 и Петр Степанович3 сообщили сюда о Высочайшем позволении, мне данном, иметь вход в Архивы и Оружейную Палату. Abhandlungen B. G. W.4 меня также очень обрадовали; не замедлю возвратить их Вашему Превосходительству.

С сердечною преданностию и с глубочайшим почтением имею честь быть. Милостивый государь! Ваш покорнейший слуга

Москва, 20 апреля 1806.

Николай Карамзин.

Карамзин Н. М. Письмо Малиновскому А. Ф., 12 мая, 1816 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 33. — [Т.] II—III.

№ 42. (Малиновскому А. Ф.)1

(Москва)

Завещание Карамзина.

1, оставляю шесть ящиков, из коих три под № 1, 2 и 3, должны быть отправлены на почту в пятницу 19 мая; а другие три, под № 4, 5 и 6 остаются в архиве до моего востребования. Адресовать ящики на имя историографа К. в город Софию2 или Царское Село.

2, остается еще в архиве большой сундук с моими книгами до моего возвращения или распоряжения.

Н. Карамзин.

Мая 12, 1816.

Карамзин Н. М., Карамзина Е. А. Письмо Оболенскому А. П., 16 февраля 1818 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 26—27. — [Т.] II—III.

№ 32. Оболенскому А. П.

С. Петербург, 16 февр. 1818.

Любезнейший Князь и Друг! От всего сердца поздравляем Вас с блестящим знаком Царской милости1. Будьте только здоровы со всеми вашими: для того и пьем здоровье нового Кавалера Св. Анны.

Мы благодарим Бога, хотя иногда и беспокоимся о Катеньке: она еще худо оправляется2.

Вы, думаю, получили экземпляр моей истории3: читайте или не читайте; лишь только любите

нас. До сего времени публика балует меня тем, что раскупает книгу. Остается уже не более

тысячи экземпляров.

Обнимаю Вас со всею дружескою горячностию; целую руку у почтенной Княгини и всем Вашим свидетельствую мою искреннейшую преданность, начиная с милостивого Государя, Князя Петра Александровича. Еще ничего не знаем о свадьбе любезного К(нязя) Василья Петровича4. — Бог с Вами и с нами! Навеки Ваш

Н. Карамзин.

(Приписка рукой Е. А. Карамзиной):

Je vous salue de tout mon c?ur, cher Chevalier et le plus digne de l'etre; vous ne doutes pas de tout le plaisir que nous avons eu a cette bonne nouvelle, comme a tout ce qui peut vous arriver d'heureux; receves-en mes felicitations bien since?res et des v?ux que je forme pour que votre service vous soit toujours aussi agreable qu'il est utile aux autres. Dites mes felicitations a votre che?re et bonne femme qui j'embrasse tendrement ainsi que le mari et toute la chere famille. Je baise les mains a mon cher et respectable Papa en le felicitant de la joie qu'il a du eprouver en voyant le merite recompense dans la personne de son fils. — En grace dites-nous quelque chose de satisfaisant sur l'etat de la bonne et chere Lise; j'ai eu des moments cruels a son sujet, encore n'ai-je appris la nouvelle de sa maladie qu'apres que le danger etoit passe; dans ce moment j'espere qu'elle est parfaitement remise. Dieu le veuille.

Адрес: Его сиятельству Милостивому Государю Князю Андрею Петровичу Оболенскому. В доме его на Рожественке в Москве.

Перевод:

Я вас приветствую от всего сердца, дорогой Кавалер и достойнейший из людей, не сомневайтесь в том удовольствии, которое нам доставила эта добрая весть, как и все, что может с вами произойти счастливого. Прибавьте к моим искренним поздравлениям и мои пожелания, чтобы ваша служба так же была приятна для вас, как она полезна для других. Передайте мои поздравления вашей милой и доброй жене, которую я нежно обнимаю, как и ее мужа и все милое семейство. Целую ручки дорогому и уважаемому Батюшке и поздравляю его с радостью, которую он должен был испытать, видя, что заслуги его сына теперь вознаграждены. — Сделайте милость, скажите нам что-нибудь утешительное о состоянии милой и дорогой Лизы, о которой я сильно беспокоилась и о болезни которой узнала только после того как опасность миновала; сейчас, я надеюсь, что она совершенно поправилась, дай Бог.

Карамзин Н. М. Письмо Оболенскому А. П., 23 ноября 1817 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 25—26. — [Т.] II—III.

№ 31. Оболенскому А. П.

С. Петербург, 23 ноября 1817.

Любезнейший Князь и Друг наш!

Пишу к Вам с Баварским министром, Графом Бреем (C(omte) de Bray)1, который желает пользоваться Вашим приятным знакомством в Москве. Он человек умный и любезный в обществе, уважаем при Дворе и в свете, здешний хлебосол, и проч. и проч. Он всегда ласкал нас, и мы Вам скажем спасибо за Вашу к нему ласку. Мы говаривали с ним о Вашем почтенном семействе.

Поздравляем Вас с любезною имянинницею2. Будьте все здоровы и благополучны. Бог хранит

нас своею милостию. Живем более уединенно. Скажите нам о себе. И вблизи и в отдалении любим Вас всею душою. — Целую ручку у почтенной Княгини. Напомните об нас всем Вашим милым, начиная с милостивого Государя, Князя Петра Александровича. Никто более нашего не желает Вам добра. Обнимаем Вас мысленно. Навеки преданный Вам

Н. Карамзин.

Адрес: Господину князю Андрею Оболенскому куратору Университета в Москве в собственном его доме на Рожественке.

Карамзин Н. М. Письмо Оболенскому А. П., 25 января 1817 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 23. — [Т.] II—III.

№ 27. Оболенскому А. П.

С. Петербург, 25 Генв. 1817.

Любезнейший Князь!

Мы Вас ждем в Петербург, а Вы не едете. На всякий случай скажу Вам несколько слов. Я слышал, что письмо Марьи Петровны1 произвело самое лучшее действие, и что ей дана большая аренда; мне хотели прислать записку, но не прислали. Вероятно, что Вы уже знаете все лучше меня. Я опять в простуде, а Катенька в лихорадке. Здесь нам не здоровится, а надобно прожить еще года полтора! Жена должна родить в августе; это обстоятельство и корректура едва ли не удержат нас в городе на все лето. Как идут Ваши университетские дела? Желаем знать, будете ли сюда? Обнимаем Вас от всего сердца, как теперь обнимаю Вас мысленно. Целую ручку у любезной княгини и свидетельствую душевное почтение Князю Петру Александровичу. Навеки Ваш

Н. Карамзин.

Адрес: Его сиятельству Милостивому Государю Князю Андрею Петровичу Оболенскому в его доме на Рожественке в Москве.

Карамзин Н. М., Карамзина Е. А. Письмо Муравьевой Е. Ф., 2 ноября, (без года), Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 19—20. — [Т.] II—III.

№ 21. Муравьевой Е. Ф.

(Рукой Е. А. Карамзиной):

Le 2 Novembre Sarsko-Selo. (Без года)

Bonjour, chere et bonne Madame Mouravieff, malgre notre longue separation, elle ne nous fait pas oublier les jours aussi interessants que celui d'aujourd'hui: veuilles donc, chere Amie, recevoir les felicitations et les v?ux de toute la famille Karamzine, depuis la principale tige jusqu'au dernier rameau. Nous boirons a votre chere sante et votre prosperite a notre table de famille en regrettant de ne pas etre a la votre; mais j'espere dans une quinzaine venir vous demander de nous rendre les places que nous avons pris la douce habitude d'occuper a vos repas hospitaliers. — Nous passons notre tems tout tranquillement, mon Mari va doucement aussi pour sa sante, mais Dieu veuille seulement que ce ne soit pas moins bien. Mille amities a tous les votres, ne nous oublies pas nous autres solitaires. Toute a vous

C. Karamzine.

(Приписка рукой И. М. Карамзина):

(Приписка рукой Н. М. Карамзина).

Нежно целую вашу ручку, любезнейшая Катерина Федоровна, и поздравляю вас с радостным для нас днем вашего рождения. Дай Бог вам всего хорошего в жизни, начиная с здоровья вашего и всех ваших. В надежде скоро увидеть вас душевно преданный вам

Н. Карамзин.

Перевод:

2 ноября. Царское Село.

Здравствуйте, дорогая милая госпожа Муравьева. Несмотря на долгую разлуку, мы не забыли дни столь радостные, как сегодняшний1. Примите, дорогой друг, поздравления и пожелания от всей семьи Карамзиных, начиная от главы и до самых маленьких ее членов. Мы выпьем за ваше доброе здоровье и благополучие за своим семейным столом, сожалея, что не за вашим; но я надеюсь через две недели приехать просить вас вернуть

нам места, которые мы привыкли с удовольствием занимать за вашим гостеприимным столом. Мы проводим время очень спокойно. Муж чувствует себя довольно хорошо для своего здоровья, но дай только Бог, чтобы не стало хуже. Тысяча приветов всем вашим, не забывайте нас в нашем уединении. Ваша

К. Карамзина.

Карамзин Н. М., Карамзина Е. А. Письмо Муравьевой Е. Ф., 1 ноября 1823 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 17—18. — [Т.] II—III.

№ 17. Муравьевой Е. Ф.

Почтеннейшая и любезнейшая Катерина Федоровна! От всего сердца и всем семейством поздравляем вас со днем вашего рождения1. Нам грустно, что не будем праздновать его с вами: мы не можем переехать в город прежде 10-го ноября. Лишенные великого удовольствия жить под вашим кровом, желаем заменить его частыми свиданиями с вами; по крайней мере остаемся вашими соседями. Дети наши, слава Богу! уже не мучат нас своим кашлем. Дай Бог, чтобы мы всех вас нашли совершенно здоровыми. Целую вашу ручку. Свидетельствуем душевное почтение милостивой государыне Александре Григорьевне. Мысленно обнимаю любезных Никиту Михайловича и Александра Михайловича. Навеки преданный вам

Царское Село, 1 ноября 1823.

Карамзин.

(Приписка рукой Е. А. Карамзиной):

Vous ne doutez pas, ma bonne et respectable Madame Mouravieff, des v?ux que je forme pour votre tranquillite si ce n’est pour votre bonheur, a un certain age on y renonce; nous sommes bien peines de ne pas passer ce jour avec vous ayant pris la douce habitude de le feter avec votre famille comme en faisant presque membres et reellement nous le sommes par l’attachement since?re et inalterable que nous vous portons. — Nous nous recommandons a votre bon souvenir en attendant que nous ayons le plaisir de nous trouver a votre table hospitalie?re.

C. Karamzine.

Veuillez bien me rappeler au souvenir de tous les votres.

Перевод:

Не сомневайтесь, моя милая и уважаемая госпожа Муравьева, в пожеланиях спокойствия, если не счастья, от которого в определенном возрасте отказываются; мы очень огорчены, что не проводим этот день с вами, приобретя приятную привычку праздновать его с вашей семьей, почти как ее члены, и в действительности мы ими являемся по искренней и неизменной привязанности, которую мы к вам питаем. Шлем вам приветы, в ожидании удовольствия снова встретиться за вашим гостеприимным столом.

К. Карамзина.

Сделайте милость, передайте от меня приветы всем вашим.

Документы русской военной контрразведки в 1812 г. / Публ., [вступ. ст. и примеч.] В. М. Безотосного // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII —XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 50—68. — [Т.] II—III.

Разведка в 1812 г. — это новая, еще не известная страница русской военной истории. Несмотря на то, что литература о 1812 г. необозрима, деятельность разведки в этот решающий для России период ускользала от внимания специалистов.

Русская военная разведка очень активно начала действовать в Европе с 1810 г., с момента, когда правительственные круги в России ясно осознали близкую вероятность вооруженного конфликта с Империей Наполеона. Благодаря усилиям русских разведчиков военное руководство страны в 1810—1812 гг. имело возможность реально оценить силы своего будущего противника и дать верную оценку его замыслам.

Вся разведывательная информация перед войной стекалась в Военное министерство, но по мере приближения начала военных действий стало очевидно, что необходимо непосредственно в армии создать службу контрразведки, так как Военное министерство, находившееся в Петербурге, не сможет в военное время быстро и оперативно использовать получаемую информацию.

С 1810 по 1812 г. по инициативе тогдашнего военного министра России генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли проводилось реформирование вооруженных сил. Разработкой реформ занималась созданная при министерстве Комиссия по составлению воинских уставов и уложения. Итогом ее деятельности явились важнейшие законодательные акты, один из которых — «Учреждение для управления Большой действующей армии».

На базе трех секретных и неопубликованных дополнений «Учреждения...», подписанных императором Александром I 27 января 1812 г., была впервые на законных основаниях построена организационная структура русской военной контрразведки («Образование вышшей воинской полиции», «Инструкция директору вышшей воинской полиции», «Инструкция Начальнику Главного штаба по управлению вышшей воинской полиции»). В 1812—1815 гг. она действовала под названием «вышшей воинской полиции». В выявленном комплексе документов этой организации термин «вышшая воинская полиция» встречается с некоторыми разночтениями: «вышшая», «высшая», «вышняя», воинская (военная) полиция. Название так до конца и не устоялось, и его написание зависело от писарского произвола.

В трех секретных дополнениях к «Учреждению...» отразились тогдашние представления законодателей о ведении разведки в военных условиях. В них был аккумулирован как русский, так и европейский многовековой опыт разведработы. В указанных документах регламентировалось организационное построение военной контрразведки, ее иерархическая структура, очерчивался круг обязанностей сотрудников и агентов, разрабатывались правила, способы и методы работы с агентурой, сбора и передачи сведений.

[illegible]

15 марта 1812 г. эти три секретных документа были отправлены главнокомандующим армиями. Были назначены и директора высшей полиции в каждую армию. Так, в 3-ю Западную армию получил назначение действительный статский советник И. С. Барощци, хорошо зарекомендовавший себя на разведывательной работе во время Русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Но, прибыв на новое место, он объявил, что имеет от командования Молдавской армии особое поручение к царю. Был отправлен в Петербург и больше в 3-й армии не появлялся*.

На должность директора высшей полиции 2-й Западной армии был назначен французский эмигрант подполковник маркиз М.-Л. де Лезер, один из самых активных сотрудников русской разведки на западной границе перед войной. Но прибыл он во 2-ю армию после накала военных действий и занимал свой пост весьма недолго. Несмотря на то что с 1800 г. де Лезер служил в русской армии, участвовал в 17-ти боях с французами, успел получить за это три ордена, после неудачных действий русских войск под Смоленском он, как и многие иностранцы, был заподозрен «в сношениях с неприятелем» и выслан в Пермь*.

Фактически и во 2-й и в 3-й армиях контрразведка так и не получила своего организационного оформления. Лишь в 1-й армии высшая полиция, как и предписывалось секретными дополнениями к «Учреждению...», весь период боевых действий имела штат чиновников, канцелярию и директора. Ей же перед войной была подчинена и местная полиция от австрийской границы до Балтики**. На пост директора в марте 1812 г. был назначен Я. И. де Санглен, а с 17 апреля он же стал директором высшей полиции при военном министре***, то есть руководителем всей военной контрразведки в России. Таким образом, высшая полиция 1-й армии, единственная укомплектованная сотрудниками и имевшая начальника, положенного по штату, подменила собой органы 2-й и 3-й армий, существовавшие только на бумаге. Именно поэтому во время войны подчиненные де Санглена посылались для получения разведывательных сведений в районы боевых действий 2-й и 3-й армий, а также отдельных корпусов.

Первоначально регламентированная секретным законодательством деятельность контрразведки во время войны претерпела значительные изменения, и не все параграфы, предусмотренные правилами, подписанными царем, были реализованы во время военных событии 1812 г. Поскольку де Санглен находился в 1-й армии как сотрудник Военного министерства, то он стал подчиняться не начальнику Главного штаба, как указывалось в инструкции, а Барклаю, узаконившему доставку всех поступающих сведений лично ему****. Как видно из документов контрразведки, в первый период войны у де Санглена появляются и два ранее не санкционированных секретными дополнениями помощника — П. Ф. Розен и К. Ф. Ланг. Кроме того, надо сказать, что составители***** первых правил для контрразведки не проводили твердых границ между агентами, лазутчиками (нескольких родов), шпионами, «разнощиками писем» и зафиксировали многообразие лиц, которые должны сотрудничать с контрразведкой. На практике границы такой классификации были весьма подвижны и не соблюдались.

В начале осени в связи с оставлением поста военного министра Барклаем, сотрудники министерства, находившиеся при нем, покинули театр военных действий. Де Санглен вместе с канцелярией также 2 сентября отправился в Петербург. Директором высшей полиции в армии стал способный контрразведчик П. Ф. Розен. В декабре 1812 г. в армии была введена должность генерал-полицмейстера, на которого возлагались чисто полицейские функции. Это назначение не затронуло контрразведку. «Высшая полиция, — говорилось в предписании М. И. Кутузова, — остается на прежнем своем положении под непосредственным управлением оной надворного советника барона Розена»******.

Также необходимо учитывать, что документы получили окончательное оформление лишь в начале 1812 г. Но поскольку в это время даже в высших эшелонах власти не было ясности, где будут происходить будущие военные действия — на заграничной или собственной территории, а в рядах генералитета продолжалась борьба за выбор наступательного или оборонительного плана,

то эти колебания нашли отражение и в тексте трех основных публикуемых документов.

Можно указать и на другой аспект функционирования высшей полиции. Помимо сбора сведений и борьбы с агентурой противника на нее возлагались и задачи политической полиции: надзор за деятельностью чиновников, местной администрации, а также борьба со злоупотреблением властью и казнокрадством (последнее было особенно распространено среди интендантства и купечества, являвшегося основным поставщиком различной продукции и услуг для армии). Так что в какой-то степени высшая полиция, несмотря на то что в ее деятельности на первый план выступали задачи чисто военные, являлась предшественником 3-го Отделения.

Отдельного фонда высшей полиции не сохранилось, хотя таковой и существовал. Документальный комплекс из 143 дел за первую половину 1812 г. в 1816 г. был передан в архив Главного штаба*. Сохранилась отдельная опись с алфавитным указателем встречающихся там фамилий**. В дальнейшем фонды всех разведорганизаций попали в разряд секретных дел, хранившихся в особом кабинете канцелярии Военного министерства вместе с документами, оставшимися после смерти императора Александра I в его кабинете, и «бумагами, отбитыми у неприятеля». С 1856 г. начался разбор секретных дел, который был закончен в 1871 г. Часть малоценных материалов была уничтожена в 1868 г. Из оставшихся 1982 дел к уничтожению было предназначено 303.

Неизвестно, какими критериями, санкционируя ликвидацию документов, руководствовались чиновники. Для хранения в Военном министерстве было оставлено 1497 дел, а 182 — были переданы в другие ведомства***.

Публикуемые материалы составляют лишь мизерную часть этих секретных дел и относятся к началу организационного оформления русской контрразведки перед войной 1812 г. Комплекс документов хранится в фонде Военно-ученого архива ЦГВИА в «Бумагах, оставшихся после смерти кн. Багратиона» (ед. хр. 517). Оригиналов трех секретных дополнений к «Учреждению...» найти не удалось, но их копии сохранились в нескольких фондах. В то же время только в «Бумагах... Багратиона» все копии содержат и препроводительные документы. И именно здесь были найдены в единственном экземпляре «Присяга для агентов» и «Инструкция Начальнику Главного штаба...».

Документы представлены в той последовательности, в какой сохранились в архиве.

Документы

русской военной контрразведки в 1812 г.

1.

Секретно.

Господину генералу от инфантерии

князю Багратиону от военного министра

В дополнение к учреждению управления большой действующей армии, препровождаю при сем для исполнения Высочайше утвержденныя две секретныя инструкции.

1я Начальнику Главного штаба по управлению вышшей воинской полиции.

2я Директору вышшей воинской полиции с образованием оной.

№ 317

Военный министр Барклай де Толли1

(подпись)

С-Петербург. марта 15 дня.

1812 года

2.

1ая армия По части воинской

вышшей полиции С препровождением

Дополнения к инструкции Директору вышшей полиции

«11» апреля 1812 № 1

Секретно.

Господину Главнокомандующему

2ой Армиею Генералу от инфантерии

Князю Багратиону

Я имел честь препроводить к вашему Сиятельству список с высочайше утвержденной инструкции Директору вышшей полиции при армии. Ныне сделав в следствие того некоторыя дополнения, к упомянутой инструкции, при вверенной мне Армии, я препровождаю при сем к вам Милостивый Государь мой копии с оного, предполагая, что может быть и вашему Сиятельству угодно будет для взаимного содействия к достижению цели вышшей воинской Полиции учинить подобные распоряжения в высочайше вам вверенной Армии, в разсуждении чего и буду ожидать уведомления вашего Сиятельства.

Военный министр Барклай де Толли2

(подпись)

3.

Копия

Секретно.

Господину директору вышшей воинской полиции

при 1ой Западной армии3

Препровождая при сем для руководства вашего копию об высочайше утвержденной инструкции директору вышшей полиции при армии, в дополнение присовокуплю, что распоряжения ваши должны устремляны быть к достижению троякой цели сей полиции, состоящей: 1) в надзоре за полициею тех мест внутри государства, где армия расположена: 2) за тем, что происходит в самой армии и 3) в собирании сведений о неприятельской армии и занимаемой Ею Земли.

Сверх зависящаго от вас употребления агентов4, для достижения первой из означенных целей вы можете требовать нужных по вашей части сведений от начальников местной полиции.

Как о последней части подробно объяснено в прилагаемой инструкции, то в разсуждении двух первых в дополнение только последней нужным нахожу присоединить следующее:
1) цель надзора за местною полициею есть с одной стороны открытие и пресечение могущих быть злоупотреблений оной, а с другой возможность дать ей скорейшее пособие в нужных случаях.

2) надзоре за тем, что происходит в армии, имеет целию отвращение всякого недостатка в продовольствии, содержании войск и во всем для оных потребном, в поддержании в них надлежащего духа и наконец, чтобы всякой с должным рвением выполнял верноподданнический долг свой.

3) точныя сведения о движениях, расположении, духе и прочае неприятельских войск и земли оными занимаемой, нужны для открытия их слабой и сильной стороны и для принятия потому потребных мер.

4) для надзора за местною полициею директор вышшей полиции при армии требует от начальников первой сведений о бродягах, подозрительных людях, числе разного рода жителей и т. п.

5) для собирания точнейших сведений по каждой из трех вышеозначенных частей, директор вышшей полиции отправляет благонадежных и сведущих агентов5 в пограничныя губернии, в армию и за границу.

Замечание*. Само собою разумеется, что люди сии должны быть различных званий, смотря по возлогаемым на них поручениям; равномерно судя по способностям их, одному можно иногда сделать поручения и по разным частям.

6) агентов по удостоверении в том, что они имеют надлежащия сведения и свойства не иначе должно допускать к исправлению поручений, как приведя на перед к присяге по прилагаемой у сего форме.

7) каждый агент снабжается перед отправлением его инструкциею от директора высшей полиции6.

8) вообще обязанность агентов состоит в поспешном и верном доставлении всех сведений по данным им поручениям, при исполнении коих должны они строжайше наблюдать скрытность и скромность. За деяное же упущение своего долга, подвергаются жесточайшему взысканию. Агенты должны обращать особенное внимание на могущие быть злоупотребления чиновников, столь пагубныя в настоящих обстоятельствах.

9) директор вышшей полиции по получении известий от агентов предоставляет их с замечаниями своими начальнику Главного штаба и ожидает разрешения Его.

Сделав таким образом вам известными, сколько можно было предварительно, обязанности ваши, я твердо уверен, что вы по усердию ко благу отечества, будете прилагать все силы к тому, чтобы желаемой успех был последствием всех сих распоряжений.

Подлинное подписал военный министр

Барклай де Толли

№ 7

Главная квартира в Вильне

«11» апреля 1812-го года

верно: военный советник де Санглен7

(подпись)

4.

Присяга для агентов8.

Я обещаюсь и клянусь пред Всемогущим Богом и Святым Его Евангелием, что все поручения и повеления, которые я получу от своего начальства, буду исполнять верно и честно по лучшему разумению моему и совести, что за всеми явными и тайными врагами государства, кои учинятся виновными в речах или поступках, или окажутся подозрительными, будут тщательно наблюдать, объявлять об оных и доносить, как и где бы я ни нашел их; равномерно не буду внимать внушениям личной ненависти, не буду никого обвинять или клеветать по вражде, или по другому какому-либо противозаконному поводу, и все что на меня возложится, или что я узнаю, буду хранить в тайне и не открою или не обнаружу ничего ни пред кем, уже бы это был ближайший мой родственник, благодетель или друг. Все сие выполнить обязуюсь и клянусь столь истинно, как желал я. Да поможет мне Господь Бог, в сей равно и будущей жизни. Если же окажусь преступником против сей клятвы да подвергнусь без суда и добровольно строжайшему наказанию, яко клятвопреступник. Во уверение чего и подписуюсь9.

5.

На подлинном написано

собственною Его Величества рукою тако: Быть по сему.

С. Петербург генваря 27го дня 1812 года

Секретно.

Инструкция Директору вышшей воинской полиции.

Директор вышшей воинской полиции состоя в совершенном и непосредственном ведении Начальника Главного Штаба, обязан доставлять сведения о неприятельской армии положительно, скоро и безпристанно.

Он ответствует за доброе движение всей системы вышшей полиции.

Он ответствует за выбор и надежность всех употребляемых агентов.

Он ответствует за тайну всех действий вышшей полиции.

Он один находится в главной квартире.

Все переписки и сведения получаются им следующим образом:

На известныя места вне Главной Квартиры высылает он доверенных чиновников для принятия писем под условленными адресами к нему следующих.

Чиновники сии отсылают оные к нему с надежными людьми.

К его обязанностям относятся следующие предметы.

I. О средствах узнавать истинных лазутчиков

I. О средствах узнавать истинных лазутчиков.

§ 1.

Ложные лазутчики узнаются обыкновенно тем, что приносят новости неважные и никогда не доставляют других, кои могут или должны вероятно знать.

§ 2.

Ложные лазутчики могут быть отправлены к неприятелю в армию следующим образом:

Они должны быть схвачены и посажены под стражу, яко бы люди подозреваемые в шпионстве от неприятеля. Через несколько времени и после некоторой огласки их оправдания, могут они быть отпущены в неприятельскую армию.

§ 3.

Лазутчики сего рода должны быть употребляемы с большою платою за важныя известия, и нужною осторожностию, дабы не вышли действительно двусторонними10.

§ 4.

В числе сих лазутчиков могут быть употребляемы ложные дезертиры, кои передаваясь к неприятелю и вступая в его службу, уходят обратно и приносят известия11.

II. Об употреблении двусторонних лазутчиков

в свою пользу.

§ 5.

Как скоро лазутчик подозревается двойным, должно немедленно довести до его сведения важные ложные известия, и в то же время описав его приметы, сообщить всей цепи корреспондентов с предписанием наблюдать за ним и давать ему ложныя известия.

§ 6.

Когда он таким образом сделается безполезен неприятелю, должно схватить и посадить его под стражу12.

III. О способах удостоверения в верности

лазутчиков и агентов.

§ 7.

Сверх разного рода лазутчиков, обязаны начальники округов вышшей полиции набирать из слуг, продавцов и ремесленников партии шпионов, определяемых к наблюдению за поведением лазутчиков, впадших в подозрение. Они обязаны следовать за сими последними даже в неприятельский стан, есть ли сие нужно.

§ 8.

Для лучшего удостоверения в верности агентов, из неутральных или неприятельских чиновников набираемых, нужно привлекать их на свидание в местах безопасных, посылать к ним надежных офицеров с письмами от начальника Главного штаба, которые тотчас должны быть сожигаемы. Посланный обязан достать от них лестью и обещаниями такой письменный ответ, который бы

Посланный обязан достать от них лестью и обещаниями такой письменный ответ, который бы, будучи ясным доказательством измены со стороны агента, служил залогом его верности.

§ 9.

Свидания сии могут быть особенно полезны для поверки донесений лазутчиков и надежности их связей.

§ 10.

Вообще весьма полезно иметь от лазутчиков письменные доказательства о их услугах.

§ 11.

Никогда не должно дозволять лазутчикам приближаться к Главной Квартире, ни же к важнейшим пунктам соединения армии, дабы не могли они видеть ея движений и зделаться двусторонними шпионами, или чтобы не могли быть замечены и после узнаны неприятельскими лазутчиками.

§ 12.

Все шпионы и разнощики писем должны знать одних начальников округов и окружных постоянных агентов вышшей полиции, кои уже присылают свои письма к директору вышшей полиции.

§ 13.

Начальникам округов вышшей полиции и окружным постоянным агентам оной, строго запрещается иметь при себе слуг или лакеев, кои могут замечать людей, к ним приходящих, и изменив открывать их.

Примечание. Директор вышшей полиции во всех прочих его обязанностях, поступает по предписанию Начальника Главного Штаба.

Верно

Военный министр Барклай де Толли13

(подпись)

6.

На подлинном написано

собственною Его Императорского

Величества рукою тако: Быть по сему

С. Петербург генваря 27го дня 1812 года

Секретно

Образование вышшей воинской полиции при армии

Отделение первое.

Состав управления

вышшей воинской полиции при армии

§ 1.

Вышшая полиция армии состоит в непосредственном ведомстве Начальника Главного Штаба.

§ 2.

При нем находится директор оной.

§ 3.

Вся окружность армиею занимаемая, разделяется на три части, то есть: по обоим флангам и центру неприятельской армии.

§ 4.

Каждая часть сей окружности составляет округ вышшей полиции14.

§ 5.

Каждый из сих округов вверяется самому надежному и испытанному чиновнику вышшей полиции.

§ 6.

Начальники сих округов разсылают на все важнейшие точки, неприятельской операционной линии, постоянных агентов, и объемлют оными оба крыла и зад неприятельских операций и продовольствия.

§ 7.

К сим корреспондентам принадлежат

1е Партии испытанных и расторопных лазутчиков.

2е Жители неутральных и неприятельских областей, разных степеней, состояний и полов, кои могут быть употреблены вышшею полициею.

3е Партии низших лазутчиков из крестьян, кои употребляются на доставление местных сведений.

4е Разнощики тайных переписок трех округов и агентов вышшей полиции.

Отделение второе.

Об обязанностях окружных начальников

вышшей полиции

§ 8.

Обязанность окружных управлений вышшей полиции состоит в следующем:

2е Поверка сведений, ими доставляемых, сличением различных известий из одного места.

3е Строгое наблюдение, дабы агенты не могли знать либо встретить друг друга.

4е Охранение в величайшей осторожности и тайне сношений своих с директором вышшей полиции, строгим исполнением предписанных от него способов переписки.

Примечание 1. Окружные начальники вышшей воинской полиции не могут не токмо иметь между собой сношений, но даже и не должны знать один о другом.

Примечание 2. Агенты окружных управлений никогда не могут иметь доступа в Главную Квартиру иначе, как по собственному требованию Главнокомандующего, и не должны знать о местопребывании окружных управлений.

Отделение третие.

Об агентах.

§ 9.

Агенты суть трех родов:

1е в земле союзной

2е в земле неутральной

3е в земле неприятельской

§ 10.

Агенты в земле союзной могут быть чиновники гражданские и военные той земли, или от армии посланные.

§ 11.

Агенты в земле неутральной могут быть неутральные подданные, имеющие знакомства и связи, и по оным, или за деньги снабжаемые аттестатами паспортами и маршрутами, для переездов нужными. Они могут быть равным образом бургомистры, инспекторы таможень и проч.15.

§ 12.

Агенты в земле неприятельской, могут быть лазутчики, в оную отправляемые, и постоянно там остающиеся, или монахи, продавцы, публичные девки16, лекари и писцы, или мелкие чиновники, в неприятельской службе находящиеся.

Отделение четвертое.

О лазутчиках.

§ 13.

Начальник Главного Штаба обязан снабдить окружные управления вышшей полиции нужным числом лазутчиков двух родов:

1е Лазутчики на постоянном жалованье17. Они принадлежат непосредственно к окружным управлениям, разсылаются в нужных случаях, под разными видами и в различных одеяниях. Они должны быть люди расторопные, хитрые и опытные. Их обязанность есть приносить сведения, за коими они отправляются и набирать лазутчиков второго рода и разнощиков переписки.

2е Лазутчики второго рода должны быть предпочтительно обывателями неутральных и неприятельских земель разных состояний, и в числе оных дезертиры. Они приносят сведения по

треоованию, и по оольшеи части местныя.

Они получают особенную плату за каждое известие, по мере его важности.

Они обязаны делать связи и набирать себе помощников, в месте их послания

Отделение пятое.

О разнощиках тайных переписок

§ 14.

Разнощики тайных переписок должны необходимо быть жители тех самых земель, в коих вышшая воинская полиция действует, дабы имея знакомство и родственников, могли они иметь достаточные предлоги к частым отлучкам и переходам18.

Отделение шестое.

Способы действия вышшей воинской полиции.

§ 15.

Способы действия вышшей воинской полиции состоят:

1е в суммах, на оную употребляемых

2е в распоряжении ея действий.

§ 16.

Сумма, на вышшую полицию нужная19, вверится при самом начале кампании, Начальником Главного Штаба.

§ 17.

Он не ответствует за употребление ни сей суммы20, ни той, которая по требованием его отпускаема ему будет; но ответствует за то, чтобы вышшая полиция была учреждена на самом лучшем устройстве и чтобы Главнокомандующий имел всегда все нужныя от оной истинныя сведения.

§ 18.

Устройство и распоряжение действий вышшей полиции во всей их подробности учреждается инструкциями Начальнику Главного Штаба и директору вышшей полиции при армии.

Верно

Военный министр Барклай де Толли21

(подпись)

7.

На подлинном подписано собственною

Его Величества рукою: Быть по сему

С. Петербург генваря 27го дня 1812 года.

Секретно.

Инструкция

Начальнику Главного Штаба по управлению вышшей воинской полиции

Добрая система вышшей полиции равно необходима как в наступательной, так и в оборонительной войне. В первой для верного расположения предприятий к операциям нужных; во второй к благовремянному познанию всех предприятий неприятеля и положения земель, в тылу армии находящихся.

Система вышшей полиции тогда полезна и хороша, когда она так сокрыта, что неприятель думает, что ее нет и что противная ему армия не может получать никаких благоустроенных известий. По сему Начальник Главного Штаба обязан наблюдать, чтобы все действия его по вышшей полиции были непроницаемы и чтобы все получаемые о неприятельской армии известия оставались в величайшей тайне, даже и после удачных предприятий, на оных основанных.

В самой армии должно распускать слухи, что Главнокомандующий, оградив себя от неприятельского шпионства, сам иметь оное почитает ненужным.

Сведения, чрез вышшую полицию доставляемыя, тогда хороши, когда они быстры, полезны и справедливы.

К устройству вышшей полиции на сем основании, нужны следующие распоряжения.

I. О жалованье и плате лазутчикам.

§ 1.

В жалованье и плате лазутчикам, должно быть принято правилом, не давать им ни слишком мало, ни слишком много; ибо в первом случае могут они

сделаться двусторонними или неприятельскими шпионами; а во втором, обогатясь слишком скоро, отстать неожиданно в самое нужное время.

§ 2.

Нужно платить им достаточно, но держать их в ожидании большаго.

§ 3.

За важные известия должно платить щедро22.

§ 4.

Тем из агентов и лазутчиков, кои находясь в иностранной службе или в таком положении, которое препятствует принимать деньги, или жалованье, доставляют известия по какому либо духу партий, по личной преданности или дружбе, должно давать подарки, и доставлять выгоды под разными предлогами23, дабы не могли они подумать, что почитают их шпионами, служащими из корысти.

§ 5.

Раздавая подобныя подарки вперед бургомистрам, чиновникам иностранных полиций и

владельцам лучших домов в городах, в коих могли быть главныя квартиры, или жительство неприятельских генералов, можно подкупить их на будущее время.

II. О способах переписки и сообщений.

§ 6.

В числе множества известных способов переписки, предпочесть должно следующие:

1е Письмо может быть спрятано в восковой свече, выточенной из нутри трости, зашить в платье.

2е Оно может быть разрезано на полосы.

3е Им может быть заряжено охотничье ружье. В последнем случае, при доставлении можно ружье разрядить; при неудаче же, из него можно выстрелить.

§ 7.

Есть ли на реке, в одном каком либо месте, оба берега заняты постами действующей армии, известия же должны получаться с верьху реки по ея течению: тогда можно протянуть с одного берега на другой невод, в котором бы останавливались бутылки, или крепко закрытые ящики с письмами.

Заметить должно, что в бутылки и ящички сии должна быть положена такая тяжесть, которая бы держала их под водою.

§ 8.

С одного берега на другой могут быть протянуты в плотинах или кустарниках веревки, удерживаемые под водою привешенными к ним тяжестями. Веревки сии могут быть на блоках и служить к пересылке писем в ящиках и бутылках с одного берега на другой.

Были примеры, в коих употреблялся сей способ под льдом замерших рек.

§ 9.

Во всех сих случаях, есть ли бы один из сих способов сообщения, мог быть открыт неприятелем, должно выставлять условные знаки и подавать сигналы, чтобы лазутчики или агент не приближался более к месту сообщения.

§ 10.

С лазутчиками, которые не довольно смелы, можно условливаться о приносе письменных известий в кору выгнившего дерева, или под какой либо камень.

Посланный за сими письмами, может брать их и приносить ответы не зная вообще лазутчика.

§ 11.

Каждый округ вышшей полиции должен иметь разные ключи цыфирей, из главной квартиры получаемых. Один ключ должен быть употребляем для переписки с директором вышшей полиции, составлен из двух тысяч знаков, и внезапно, как можно чаще переменяем, особливо при каждом подозрении о его открытии перехваткою переписки, или изменою, и при перемене главного агента.

Частные ключи должны быть сколь можно разнообразны и сложны.

§ 12.

§ 12.

Важнейшая шифрованныя известия, должны быть посылаемы в двух, и даже в трех экземплярах, двумя или тремя разными путями, дабы в случае остановки, или побега, или перехвачения одного и двух разнощиков, известие могло дойти в Главную Квартиру.

§ 13.

Вместо цыфири, для большей поспешности, можно употреблять самые надежные симпатические чернила; но не иначе как те, кои доставлены будут из Главной Квартиры24.

§ 14.

В случаях сообщений словесных, особливо при посылке лазутчиков к таким лицам, коим они не знакомы, можно каждому из них дать предварительно пароль, по которому, при самом приближении лазутчика, могли бы узнать они, что действительно принадлежит он к вышшей полиции действующей армии; что они могут отвечать на пароль его известным отзывом, должны верить словам его, и могут сами все безопасно сообщить ему. Известные масонские знаки, и взаимные на них ответы, могут удобно в сих случаях быть употребляемы.

§ 15.

Лучшим знаком доверенности к посылаемому за известием лазутчику могут служить вырезанные карточки. Известное число их под номерами отдается тому, с кем учреждается сношение. К нему посылается лазутчик с половиною одной из заномеренных карточек25. Он складывает ее с своею половиною, одинакого номера и сим удостоверяется, что посланный надежен.

Сей способ удобен особливо в тех случаях, когда агент вышшей полиции находится в неприятельской армии, и не может отважиться давать письменных известий.

Примечание. В прочем изложенными в сей статье способами, не отвергается употребление и других, кои могут быть изобретены, и найдутся удобнее и вернее.

§ 16.

Важнейшим пунктом соединения тайных сношений могут служить монастыри, и поэтому должно стараться приобретать их начальников, ибо в сем случае монахи могут иметь разные способы доставлять письма и даже приносить известия, часто из повиновения своему начальнику, а иногда и за деньги.

III. Дополнительные правила и замечания.

§ 17.

Правила и замечания сии заключают в себе:

a., о частных образованиях вышшей воинской полиции

в., о принужденном шпионстве

с., о вооруженном шпионстве

д., о неприятельских шпионах

е., о пленных

ж., о ложных неприятельских беглецах

з., об устройстве вышшей полиции при ретираде26

1е О частных образованиях вышшей воинской полиции.

§ 18.

При каждом отдельном корпусе, и при передовом войске, обязан Начальник Главного Штаба устроить вышшую полицию на точных основаниях общей токмо в нужной соразмерности с числом корпуса же в гораздо меньшем виде27.

§ 19.

Каждый начальник передовых отрядов должен употреблять крестьян, занимаемых деревень, на разведывание сколь можно ближайшее к неприятелю, а посылать в одно место многих, но токмо в разное время.

2е О принужденном шпионстве.

§ 20.

В случае совершенной невозможности иметь известие о неприятеле в важных и решительных обстоятельствах, должно иметь прибежище к принужденному шпионству. Оно состоит в склонении обещанием наград, и даже угрозами местных жителей к проходу через места неприятелем занимаемыя.

3е О вооруженном шпионстве.

§ 21.

Вооруженное шпионство производится следующим образом28:

Командующий передовыми войсками отряжает разные партии Козаков, соразмерно в силе с неприятельскими постами. Команды сии поручает он самым отважным офицерам, и дает каждому расторопнаго лазутчика, который бы знал местное положение. Команды сии, помощию лесов, либо темноты, могут прорываться до назначенных им мест, и между тем, как офицер, командующий партиею, замечает местоположение, силы неприятеля и распорядок их, лазутчик узнает все обстоятельства и подробности.

§ 22.

Ежели неприятель ретируется, то сим способом можно видеть, в каком порядке и направлении идет он, можно напасть на обозы и транспорты его и сжечь их.

4е О неприятельских шпионах.

§ 23.

Неприятельские шпионы должны непременно быть наказываемы смертию публично пред войском и со всевозможною огласкою29.

§ 24.

Помилование их допускается в том токмо случае, когда будучи пойманы, дадут они сами важные известия, кои в последствии утвердятся произшествиями30.

§ 25.

До сей поверки сообщенных ими сведений, должны они быть содержимы под самою крепкою стражею.

5е О пленных

§ 26.

Начальник Главного Штаба, или, по поручению его, Директор вышшей полиции обязан наблюдать, что бы пленные нововзятые, содержимы были под стражею раздельно.

§ 27.

Он должен допрашивать их сам и каждого порознь31, збивать в речах, и из разных их показаний выводить заключения о составе и силе неприятельских корпусов, дабы потом схватив из котораго либо из них пленнаго, и узнав, к какому корпусу принадлежит он, можно было судить как силен действующий корпус.

Примечание. По захвачении болшаго множества пленных, не все они допрашиваются, но из них выбираются некоторые для допроса по назначению Начальника Главного Штаба, или по его поручению, Директор вышшей полиции.

6е О ложных неприятельских беглецах.

§ 28.

От неприятеля могут передаваться беглецы, имеющие повеление сообщать ложные известия32. Их должно допрашивать порознь и под угрозою смерти принуждать сказывать истинну, задерживая под стражею до поверки оной, и обещая награды за показания справедливыя.

§ 29.

Беглецов обыкновенных должно, принимая совсем иначе, сажать под стражу вместе с неприятельскими пленными, дабы сказываясь взятыми в плен прежде их могли они выведывать от первых разныя известия.

7е Об устройстве полиции при ретираде.

§ 30.

При отступлении армии должно:

1е Чтобы окружные агенты по предписанию начальника того округа, коему принадлежат они, взяли новую линию.

2е Чтобы, отступая, оставляли они в земле, неприятелем занимаемой, надежную и непрерывную цепь своих агентов и лазутчиков, устроя с ними весь порядок надежнейших сношений33.

§ 31.

В городах и селениях обязаны они удостовериться сколь можно в преданности бургомистров и владельцев таких домов, которые могут быть заняты неприятельскими штабами и генералами, дабы подслушивая их разговоры могли они извещать об оных чрез оставленных для сего лазутчиков.

§ 32.

Лазутчиками сего рода наилучше быть могут факторы34, евреи35 и слуги36.

Верно

Военный министр Барклай де Толли37

(подпись)

Примечания

1 ГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 517, л. 12. Подлинник.

2 ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 517, л. 13. Подлинник. (Копия, заверенная Я. И. де Сангленом, хранится в ЦГВИА, ф. 474, ед. хр. 9, л. 1.)

3 То есть военному советнику Якову Ивановичу де Санглену (1776—1864). Он родился в Москве в семье выходца из Франции. На гражданской службе с 1793 г. В 1804—1806 гг. — преподаватель Московского университета. В начале 1812 г. был назначен директором особенной канцелярии Министерства полиции, но после «дела Сперанского» переведен царем в военное ведомство и занял пост директора высшей воинской полиции при военном министре. Во время войны совмещал также должность генерал-гевальдигера 1-й Западной армии (22 июля — 13 августа 1812 г.). 2 сентября 1812 г. был отправлен в Петербург, где до 1816 г. исполнял свои обязанности. В царствование Николая I получил известность как сочинитель в московских литературных кругах. Оставил интересные мемуары (Записки Якова Ивановича де Санглена // Русская Старина, 1883, т. 37, № 1—3).

4 Термин «агент» в начале XIX в. больше соответствовал современному слову «сотрудник». Под этот разряд тогда подпадали как чиновники разведывательных организации, так и резиденты, действовавшие за границей. Четкого разделения не существовало, но вообще как бы подразумевался определенный уровень грамотности «агентов» по сравнению с «лазутчиками».

5 Имеются в виду агенты окружных управлений (см. документ 6).

6 Здесь имеются в виду сотрудники или чиновники высшей полиции, в чьи обязанности входила организация разведывательной работы на местах, сбор необходимых сведений и вербовка лазутчиков. Такие инструкции обнаружены: подполковнику Е. Г. Кемпену от 7 июня 1812 г. (ЦГВИА, ф. 474, ед. хр. 21, лл. 1—2; ОР ГПБ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 241, лл. 3—5). и подполковнику М.-Л. де Лезеру, датированные маем 1812 г. (Отечественная война 1812 года. Т. XI, СПб., 1909, с. 308—310). Они почти полностью совпадают с параграфами 1—11 Инструкции директору вышшей воинской полиции (см. документ 5).

7 ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 517, лл. 14—14 об. Копия. (Еще одна копия под № 11 от 13 апреля 1812 г. хранится в ЦГВИА, ф. 474, ед. хр. 9, лл. 2—2 об).

8 Присягу принимали, вероятно, только чиновники высшей полиции. Часть сотрудников, занимавшихся оперативной деятельностью, была взята из Министерства полиции: коллежский асессор барон П. Ф. Розен, отставной поручик (принятый вновь на военную службу) И. А. Лешковский, надворный советник П. А. Шлыков. В начале войны в контрразведку попали оставшиеся не у дел полицмейстеры городов Вильно и Ковно Вейс и майор Е. А. Бистром (погиб в Бородинском сражении), таможенный чиновник А. Бартц и житель Виленской губернии Я. И. Закс. Были приняты и несколько отставных офицеров, имевших опыт боевых действий: подполковник Е. Г. Кемпен, капитан К. Ф. Ланг, а также отставной ротмистр австрийской службы итальянец Винцент Ривофиннолли. В штат канцелярии поступили губернский секретарь

Протопопов, коллежский секретарь В. П. Валуа, студент Петросевич.

9 ЦГВИА, ф. ВУА. ед. хр. 517, л. 15.
10 В дуэли двух разведок русские часто прибегали к перевербовке агентов противника. Одним из самых удачных «двусторонних» агентов русской контрразведки можно назвать отставного ротмистра Давида Савана. В начале 1811 г. он был завербован наполеоновской разведкой и отправлен с заданием в Вильно. Но, прибыв в Россию, добровольно явился к русскому командованию. Поэтому контрразведка решила использовать его в своих целях, и он доставил в Варшаву подготовленные в русском штабе сведения. В начале 1812 г. Саван был вновь командирован французской разведкой на 5 месяцев в Вильно, где с его помощью контрразведке де Санглена удалось выявить 4 французских агентов, пресечь связи группы прибалтийских банкиров, снабжавших по договоренности с варшавскими банками агентуру Наполеона в Литве. Кроме того, во время пребывания в Вильно в мае 1812 г. личного посланца французского императора графа Л. Нарбонна Саван три раза тайно встречался с ним и передал специально подобранные в штабе Барклая сведения. То есть с помощью Савана удалось перед войной создать надежный канал дезинформации противника (ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 433, лл. 5—7; ед. хр. 436, ч. I, лл. 153—156 об.; ф. 474, ед. хр. 8, 10, 11).

11 Во время войны существовала такая практика засылки французских дезертиров. Например, 21 июля 1812 г. по приказу Барклая к противнику были отправлены обратно один португалец и один испанец (Отечественная война 1812 года. Т. XIV, СПб., 1910, с. 189).

12 В документах удалось отыскать факты двойной деятельности только на одного русского агента — жителя Белостока Х. М. Цыгана. В 1810—1811 гг. он был «двусторонним лазутчиком» русского полковника К. К. Щица и французского резидента А. Беллефруа. После того как удалось узнать, что он передал за границу сведения о поездках русских разведчиков А. И. Нейгарта и Г. Альперина в герцогство Варшавское и они там были взяты под стражу, Цыгана арестовали (ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 435, лл. 195—196; Отечественная война 1812 года. Т. I, ч. 1, СПб., 1900, с. 109; ч. 2, с. 262, 318; т. II, СПб., 1901, с. 66, 85, 89—90, 95, 166—167, 293; Т. III, СПб., 1902, с. 84—90; т. IV, СПб., 1903, с. 78, 261; т. V, СПб., 1904, с. 248—249).

13 ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 517. лл. 16—24. Копия. (Аналогичные копии см.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 482, лл. 8—12; ОР ГПБ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 250, лл. 3—5).

14 В документах высшей полиции не было найдено ни одного упоминания об округах, поэтому, вероятно, во время войны § 3—5 не выполнялись.

15 Большое количество таких агентов было в Восточной Пруссии, многие из которых попали в поле зрения русской разведки еще в 1805—1807 гг. Значительно меньше подобной агентуры находилось в герцогстве Варшавском.

16 Удалось разыскать сведения лишь об одной женщине среди русского агентурного контингента — жительнице г. Риги Таубе Адельсон, выполнявшей разведзадания в 1806—1807 гг. В 1812 г. она вновь была послана в тыл противника для сбора информации (ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 2, ед. хр. 2535, л. 37; ф. ВУА, ед. хр. 3500, л. 12 об.).

17 Таковых в русской контрразведке было мало, в основном ее контингент информаторов состоял из «лазутчиков второго рода».

18 Такой «разнощицей тайных переписок» у русской агентурной группы, действовавшей во время французской оккупации в Полоцке, была Федора Миронова, крепостная помещика Гласнова. В качестве связной она несколько раз без всяких подозрений проникала в занятый французами Полоцк и доставляла оттуда от русских разведчиков письменные донесения командованию. Ныне в Полоцке ее именем названа одна из улиц.

19 В практике того времени бюджет контрразведки составлялся из так называемых

19 В практике того времени бюджет контрразведки составлялся из так называемых «экстраординарных сумм», которые выдавались военачальниками во время войны.

20 Так, за октябрь — декабрь 1812 г. в 3-й армии на оплату агентов и лазутчиков, выполнивших задания, было израсходовано 95 червонцев, 717 рублей серебром и 2300 рублей ассигнациями (ЦГВИА, ф. 103, оп. 208б, св. 108, ед. хр. 1, ч. 2, лл. 3—4 об.).

21 ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 517, лл. 25—34 об. Копия. (Аналогичную копию см.: ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 482, лл. 1—7).

22 Как правило, агентура предпочитала получать за свои услуги звонкой монетой. Одноразовые выплаты составляли от 5 до 30 червонцев, от 15 до 100 рублей серебром или 200—300 рублей ассигнациями. При перерасчетах 100 рублей ассигнациями приравнивались в документах разведки к 25 рублям серебром (ЦГВИА, ф. 103, оп. 208б, св. 108, ед. хр. 1, ч 2, лл. 3—4 об.).

23 Например, немецкие офицеры, сотрудничавшие с русской разведкой, соглашались брать деньги только на путевые издержки для выполнения заданий на территории Германии. Стать платными агентами для них было равносильно потери дворянского достоинства.

24 Так, симпатическими чернилами (видимыми только на просвет или после держания бумаги над огнем) во время своего нахождения в герцогстве Варшавском пользовался для передачи разведывательных сведений в Россию в письмах на имя своего брата в Ригу упоминавшийся Д. Саван.

25 Речь идет о системе разрезных купонов или карточек. Она использовалась только до начала войны при отправлении русских разведчиков за границу. На границе купон неровно разрезался на две части. Одна выдавалась агенту, другую передавали на таможню, через которую должен был возвращаться этот разведчик. На обратном пути он предъявлял свою часть карточки и, если они сходились, беспрепятственно следовал дальше (Отечественная война 1812 года. Т. XI, с. 58—60; т. XII, СПб., 1909, с. 46). Необходимо указать, что способы агентурной деятельности и сообщений вполне соответствовали тогдашнему уровню развития техники и связи.

26 «Ретирада» — устаревший термин, соответствует современному «отступление».

27 В 1812 г. при 1-м корпусе генерал-лейтенанта П. Х. Витгенштейна находился сотрудник высшей полиции поручик И. А. Лешковский, а в отдельный корпус генерал-лейтенанта Ф. Ф. Эртеля в Мозырь во второй период войны был направлен подполковник Е. Г. Кемпен.

28 Речь идет о войсковой разведке. Какие уставные требования предъявлялись к этому виду разведки в 1812 г., выяснить не удалось. Сохранились лишь «Общие правила для рекогносцировок», подписанные адмиралом П. В. Чичаговым 8 сентября 1812 г. Для разведывательного отряда считалось нормальным, если он состоял из роты егерей и 50 казаков, улан или гусар (ЦГВИА, ф. 103, оп. 208а, св. 0, ед. хр. 13, лл. 299—302). Для захвата пленных практиковалось переодевание в форму противника. Так, 8 сентября 1812 г. на р. Стырь генерал-майор К. О. Ламберт для внезапного нападения, снятия постов противника и получения «языков» использовал 15 «охотников» Татарского уланского полка, знавших немецкий язык и переодетых в австрийские плащи и каски (Епанчин Н. Очерк событий 1812 года в пределах Киевского военного округа // Военно-исторический Вестник, 1911, № 7—8, с. 8).

29 Во время войны 5 человек, чья принадлежность к французской разведке была доказана, в августе 1812 г. были расстреляны после суда в Мозыре (ЦГВИА, ф. 1, т. 2, ед. хр. 2535, лл. 30—32). Такая же участь постигла пойманного на Дону руководителя особой разведывательной группы противника из трех человек полковника графа А. Платтера (ЦГИА, ф. 1409, оп. I, ед. хр. 798, л. 4). Смертная казнь применялась только во время боевых действий 1812 г. В документах не удалось отыскать ни одного факта расстрела «за шпионство» до войны и после окончания кампании 1812 г. После 1815 г. большая часть пойманных наполеоновских агентов была прощена

кампании 1812 г. После 1814 г. большая часть пойманных наполеоновских агентов была прощена и отпущена на свободу, а иностранцам было разрешено вернуться на родину.

30 В рассказах, записанных со слов А. П. Ермолова его братом Н. П. Ермоловым, сохранились интересные зарисовки о деятельности французского агента Ружанского, арестованного в Смоленске русской контрразведкой: «В 1812 году (во время пребывания Наполеона в Москве) был у нас (двойной) шпион капитан-исправник из Дорогобужа — он же доставлял известия Наполеону и нашей армии, но так как его семейство было в наших руках (отправлено в Тамбовскую губернию) и мы платили вдвое более французов, отсылали деньги прямо в семейство, он служил нам. Сведения составляли Беннигсен и А. П. Ермолов... Это продолжалось до тех пор, пока Коновницын (храбрый, но ограниченный человек) имел неосторожность похвалиться, что мы все знаем, что делается в Москве. Тогда шпион отказался еще туда возвратиться...» (ЦГАДА, ф. 1406, оп. 1, ед. хр. 999, л. 1 об.). Русская контрразведка пыталась также использовать пойманного в Риге в 1812 г. прусского разведчика Карла Цебе, написавшего под диктовку русских донесение своему начальнику, генералу Г.-Д.-Л. Иорку фон Вартенбургу. Но так как обратного послания не было получено, К. Цебе расстреляли (ЦГВИА, ф. 29, оп. 153а, св. 5, ед. хр. 532, лл. 1—5).

31 В 1812 г. все пленные допрашивались «порознь». Кроме того, неоднократно отдавались приказы сразу же обыскивать пленных «невзирая на особу», а все найденные бумаги немедленно присылать в главное дежурство армии (ЦГВИА, ф. 103, оп. 208в, св. 55, ед. хр. 5/44, л. 79; Материалы для истории войны 1812 года. Приложения к запискам Алексея Петровича Ермолова. М., 1864, с. 61).

32 Забвение основных положений этого параграфа во время боевых действий 1812 г. имело весьма негативные последствия для русских в одном из драматических эпизодов под занавес событий. В конце кампании главные силы Наполеона были окружены в районе р. Березины. Для французов ситуация сложилась почти катастрофическая. Три возможных пути для спасения лежали через р. Березину, но их контролировала армия адмирала П. В. Чичагова. Поэтому Наполеон решил имитировать концентрацию своих частей на юге, а сам намеревался прорываться на севере. С этой целью была проведена операция по дезинформации Чичагова. На юге у д. Ухолоды демонстративно началось строительство ложной переправы. Кроме того, собрали совет местных жителей и внушили им «под большим секретом», что именно здесь французские части будут готовиться переходить через Березину. Конечно, сразу же нашлись добровольцы, решившие предупредить русское командование. Трое жителей ночью перебрались к русским и сообщили эту новость Чичагову, который их щедро наградил, но оставил при себе. Главные силы адмирал стянул к Ухолодам, но события стали разворачиваться по другому сценарию. Французы начали переправляться на север у д. Студенка, там, где русских сил было крайне мало. Когда стало ясно, что Наполеон, перехитрив, вырвался из окружения, то по приказу Чичагова эти трое невольных участников операции французской разведки были повешены. (Военский К. Наполеон и борисовские евреи в 1812 году // Военный сборник, 1906, № 9, с. 211—219).

33 При отступлении русская контрразведка оставила большие агентурные группы в Белостоке, Велиже, Полоцке и Могилеве, которые активно действовали весь период французской оккупации.

34 Фактор — от латинского «делающий», «производящий». Посредник, маклер, комиссионер, то есть человек, заключающий сделки и выполняющий деловые поручения.

35 Большую часть агентуры русской контрразведки в западных областях Российской империи составляли евреи, преимущественно мелкие торговцы и ремесленники.

36 В мае 1812 г. во время пребывания в Вильно графа Л. Нарбонна по заданию русской контрразведки камердинером к этому французскому дипломату устроился некто Станкевич.

Станкевич не только вел наблюдение, но и сумел скопировать копию секретной инструкции Наполеона своему посланцу о военных задачах миссии в Вильно, в то время как Нарбонн и его свита находились на очередном светском рауте. С этой инструкцией был ознакомлен император Александр I и его ближайшее окружение (ОР ГПБ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 134, л. 2).

37 ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 517, лл. 35—56 об. Копия.

Публикация В. М. БЕЗОТОСНОГО

Афанасьева А. К., Эдельман О. В. [Письма Н. М. Карамзина, 1806—1825 гг.] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 7—10. — [Т.] II—III.

История отечественной культуры конца XVIII — первой четверти XIX в. неразрывно связана с именем Николая Михайловича Карамзина (1766—1826), историка, писателя, поэта, реформатора русского языка, который, по словам В. Г. Белинского, «преобразовал русский язык, совлекши его с ходуль латинской конструкции и тяжелой славянщины и приобщив к живой, естественной, разговорной русской речи».

Трудно переоценить вклад Карамзина в духовное развитие русского общества, несколько поколений которого воспитывалось на его произведениях. «Письма русского путешественника» впервые познакомили читающую публику России с жизнью европейских стран в эпоху Великой французской революции. Большой популярностью пользовался основанный Карамзиным журнал «Вестник Европы», литературные сборники Аглая», «Аониды». Заслуженную славу принесли писателю ставшие хрестоматийными повести «Бедная Лиза», «Марфа-посадница» и другие.

Но главным делом жизни Карамзина, принесшим ему мировую известность, стала история государства Российского». После выхода в свет первых ее томов, по выражению Пушкина, «все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Коломбом».

В этот же период Карамзиным было написано много писем. К родным и друзьям, к тем, кто помогал в работе, и к тем, кому нужна была его помощь.

О неоднократных публикациях писем Карамзина говорится в библиографических работах, наиболее полными из которых являются следующие: 1) Пономарев С. Материалы для библиографии литературы о Н. М. Карамзине: К столетию его литературной деятельности (1783—1883) // Записки Академии наук, 1883 г., т. 45 (ок. 2000 записей); 2) История русской литературы XIX века: Библиографический указатель под ред. К. Д. Муратовой. М. — Л., 1962.

Таким образом, читателям стали известны сотни писем Карамзина. Однако эпистолярное наследие историка опубликовано еще не полностью.

В личных архивных фондах и документальных коллекциях ОПИ ГИМ хранится 57 писем и записок Карамзина. Из них 32 никогда не публиковались. Остальные 25 были напечатаны в разное время в различных изданиях. Следует отметить, что только 4 письма были напечатаны в соответствии с современными научными требованиями. (Письма Карамзина к С. С. Уварову: Публикация М. И. Гиллельсона в сборнике: XVIII век. Вып. 8. Л., 1969).

В подавляющем большинстве случаев письма Карамзина представляют собой двойные листы почтовой бумаги отечественного или иностранного производства, на многих имеются водяные знаки. Текст написан черными чернилами (обладавший слабым зрением Карамзин предпочитал этот цвет) и расположен обычно на первых двух страницах. На последней странице, которая в сложенном письме оказывалась снаружи, рукой Карамзина написан адрес. Здесь же, как

правило, сохранилась и его личная печать красного сургуча с изображением дворянского герба. Письма, передававшиеся с оказией, обычно не запечатывались. Часть писем имеет почтовый

штемпель, на котором обозначены дата и место отправления.

Все публикуемые в этом издании письма Карамзина написаны им на русском языке. Историк свободно владел европейскими языками, но в письмах и в разговорах с соотечественниками предпочитал родной язык. Другими языками (главным образом, французским) он пользовался при общении с иностранцами и с теми из сограждан, кто плохо знал русский язык. Его упорное нежелание следовать прочно установившейся моде на французский язык особенно наглядно в письме княжны Е. А. Вяземской к Д. И. Лобанову-Ростовскому, где после написанных ею двух страниц французского текста следует приписка рукой Карамзина на русском языке (см. письмо № 23). Однако по свойствам своего характера Карамзин никому не навязывал своего мнения. Об этом красноречиво свидетельствуют приписки, сделанные рукой жены и дочерей в его письмах почти исключительно на французском языке.

Письма сгруппированы по адресатам (их 14) и расположены в хронологическом порядке.

Самая большая группа писем Карамзина (№ 1 — № 21) была адресована супругам М. Н. и Е. Ф. Муравьевым, с которыми его связывала многолетняя дружба.

Первое из представленных здесь писем было отправлено одному из самых образованных и культурных людей своего времени — Михаилу Никитичу Муравьеву, сыгравшему очень важную роль в судьбе историка: именно Муравьев выхлопотал у императора Александра I место историографа для Карамзина. Из письма видно, что Муравьев помог Карамзину получить доступ к архивам, присылал ему редкие иностранные издания, необходимые для работы.

Следующие 20 писем предназначались вдове М. Н. Муравьева Екатерине Федоровне, доброй, умной и энергичной женщине, неизменно оказывавшей большую поддержку семье Карамзина.

После смерти мужа в 1807 г. Е. Ф. Муравьева поселилась в Москве и целиком посвятила себя воспитанию сыновей Никиты и Александра — впоследствии видных деятелей декабристского движения. Карамзин был частым гостем этой семьи, помогал Екатерине Федоровне в делах по изданию сочинений ее покойного мужа. Семьи Карамзиных и Муравьевых особенно сблизились в трудные месяцы 1812 г., когда им пришлось покинуть Москву и поселиться в Нижнем Новгороде. После Отечественной войны Е. Ф. Муравьева с сыновьями переехала в Петербург.

В начале февраля 1816 г. Карамзин приехал в столицу хлопотать об издании первых 8 томов «Истории» и около двух месяцев жил в доме Муравьевых. 18 февраля он писал жене: «Милая хозяйка моя не изменяется в своих ласках. Вот истинная жена Михаила Никитича! Не мог я выбрать лучшего жилища, и это украсило для меня Петербург». Летом этого же года семья Карамзиных переехала в столицу, как предполагалось, на год-два, то есть время издания первых томов «Истории», но, как оказалось, навсегда.

Осенью 1818 г., когда надежды на скорое возвращение в Москву не осталось, Карамзины переехали к Е. Ф. Муравьевой, сдавшей им верхний этаж своего дома, где они прожили 5 лет, до осени 1823 г. В письме от 28 ноября 1818 г. Карамзин сообщал А. Ф. Малиновскому: «Домом, а особливо любезнейшею хозяйкою, не можем нахвалиться: она в Петербурге едва ли не всех ближе к нашему сердцу».

Каждое лето Карамзины проводили в Царском Селе, откуда регулярно писали Е. Ф. Муравьевой в Петербург. Эти письма содержат бытовые подробности о жизни семьи историка в императорской резиденции, свидетельствуют о постоянном участии Карамзина в судьбе сыновей Е. Ф. Муравьевой, к которым он относился с неизменной симпатией и нежностью.

Письма Карамзина передавались из поколения в поколение. В 1867 г. они принадлежали

Письма Карамзина передавались из поколения в поколение. В 1867 г. они принадлежали правнуку Е. Ф. Муравьевой М. Л. Бибикову, с разрешения которого 17 писем были напечатаны в «Русском архиве» (№ 3 за 1867 г.). Затем письма Карамзина к Е. Ф. Муравьевой оказались в

собрании известных московских коллекционеров Чертковых, и ныне они хранятся в семейном архивном фонде последних (ОПИ ГИМ, ф. 445). Три письма из этого комплекса публикуются здесь впервые (№ 5, 20, 21), так же как и приписки, сделанные Е. А. Карамзиной и А. И. Тургеневым (№ 2, 7, 13, 17); кроме того, уточнена датировка двух писем (№ 3, 18).

Вторая по величине группа состоит из 13 писем Карамзина к другу и родственнику по жене А. П. Оболенскому. Возможно, через младших братьев Оболенского, Василия и Александра, бывших в свое время адъютантами принца Георгия Ольденбургского, Карамзин познакомился с женой принца, сестрой императора, великой княгиней Екатериной Павловной. Это знакомство, переросшее в искреннюю дружбу, имело огромное значение для историка. Екатерина Павловна сумела высоко оценить как писательский талант, так и исторический труд Карамзина. Она покровительствовала историографу и представила его своему брату, императору Александру I, и матери, вдовствующей императрице Марии Федоровне, как своего друга, что значительно облегчило дальнейшую судьбу «Истории государства Российского».

Благоприятным фактором было также назначение в 1817 г. А. П. Оболенского куратором Московского университета и попечителем учебного округа вместо враждебно относившегося к Карамзину П. И. Голенищева-Кутузова.

Письма к Оболенскому проливают свет на некоторые обстоятельства, связанные с ходом работы историка, жизнью его семьи, на отношение Карамзина к выполнению светских обязанностей и т. п.

Судьбу этих писем до конца не удалось выяснить. В 1919 г. Историческому музею были принесены в дар 23 письма Карамзина, среди которых 13 писем адресованы А. П. Оболенскому. Даритель — В. Э. Мориц, литературовед, член редакции издания «Сборники Московского Меркурия по истории литературы и искусства» (М., 1917). В первом и единственном выпуске этого издания, осуществленном преподавателями историко-филологического факультета Московского университета, было опубликовано только одно (№ 25) из 13 писем Карамзина к Оболенскому.

Дар Морица включает в себя еще одну группу писем Карамзина, которые также до сих пор не были напечатаны. Это 6 писем историка к своему младшему брату А. М. Карамзину, жившему в Бугуруслане Оренбургской губернии. О родственниках историка известно довольно мало. В свое время были опубликованы его письма к старшему брату Василию, поддержавшему Николая Михайловича в решающий момент его жизни, дав ему денег на переезд в Петербург для издания «Истории государства Российского». Имя сводного брата Александра упоминается в письмах Карамзина очень редко. О своей мачехе (которая была родной теткой его лучшего друга И. И. Дмитриева) он вообще никогда не упоминал. Наличие 6-ти писем за 1817—1824 гг. говорит о том, что Карамзин поддерживал регулярные связи с младшим братом и его семьей.

Письма Н. М. Карамзина к А. М. Карамзину, как и письма к А. П. Оболенскому, хранятся в музейной коллекции документов по истории науки, культуры и общественного движения в России XVIII — начала XX в. (ОПИ ГИМ, ф. 281).

В этой же коллекции хранятся еще 4 письма, входящих в комплекс писем, подаренных Морицом: два — к А. С. Шишкову и письма к А. И. Тургеневу и С. Н. Глинке. Они также не публиковались (за исключением № 55, которое было не полностью напечатано в труде М. П. Погодина о Карамзине).

Еще три неопубликованных письма Карамзина были получены Историческим музеем в 1920 г. от известного библиографа, книгоиздателя, редактора и комментатора сочинений русских

писателей Л. Э. Бухгейма (1880—1942). Два из них (№ 50, 51) адресованы тверскому прокурору А. Е. Аверкиеву, которому Карамзин способствовал в продвижении по службе. Третье письмо (№ 22), по-видимому, предназначалось И. А. Аверкиеву, у которого, выехавшая из Москвы семья Карамзина, жила в Нижнем Новгороде осенью 1812 г.

В архивном фонде графов Уваровых, поступившем в Исторический музей в 1917 г., хранится 4 письма Карамзина к С. С. Уварову за 1811—1813 гг. Они говорят о добрых приятельских отношениях главы литературного направления с одним из наиболее просвещенных людей, попечителем Петербургского учебного округа, будущим активным членом общества карамзинистов «Арзамас» (арзамасское прозвище «Старушка»).

Следует упомянуть еще об одном документе, публикуемом здесь впервые. Это записка, в которой отсутствуют обращение и адрес, но имеется собственное заглавие: «Завещание Карамзина». Она попала в Исторический музей в составе обширной коллекции и личного архивного фонда известного историка и собирателя Е. В. Барсова (1836—1917). «Завещание Карамзина» датировано 12 мая 1816 г., то есть было составлено за несколько дней до окончательного переезда Карамзиных из Москвы в Петербург. Анализ содержания этой записки дает основание уверенно говорить о том, что она адресована одному из друзей Карамзина А. Ф. Малиновскому.

В настоящем издании вниманию читателей впервые предлагается цельное собрание писем Карамзина, имеющихся в Государственном историческом музее. Все они публикуются по автографам. Письма, написанные на французском языке, воспроизводятся точно, со всеми особенностями орфографии и пунктуации авторов, хотя они в отдельных случаях отступают от современных норм этого языка. В письмах отчетливо прослеживаются архаические черты орфографии XVIII в.: oi вместо ai (etois, pourrois и т. п.), es вместо ez (veilles) в глагольных окончаниях; asses вместо assez; tems вместо temps; enfan, agremen вместо enfant, agrement и т. п. Есть и другие отклонения от современного правописания. В орфографии и пунктуации исправляются лишь явные описки. Все неразобранные слова и фрагменты помещены в угловых скобках.

Все подчеркнутое в автографах выделено в издании курсивом.

Документы русской военной контрразведки в 1812 г.

Карамзин Н. М. Письмо Глинке С. Н., 5 сентября 1825 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 40. — [Т.] II—III.

№ 57. Глинке С. Н.

Почтенный Сергей Николаевич!

Мне сердечно жаль, что я не видался с вами. Верьте моему искреннейшему усердию. Обрадуюсь, когда узнаю, что вам дано хорошее место; иначе прозьба о пенсии впереди. Надобно выбирать любое: место или пенсию в 1000 ру. Буду наведываться о месте через Сербиновича1. Александр Семенович теперь в горе: лишился Дарьи Алексеевны2. — Будьте здоровы с вашим любезным семейством.

Навсегда вам преданный

Н. Карамзин.

Царское Село, 5 Сент. 1825.

Адрес: Его высокоблагородию Милостивому Государю моему Сергею Николаевичу Глинке в Москве.

Карамзин Н. М. Письмо Шишкову А. С., 8 марта 1825 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 39—40. — [Т.] II—III.

№ 56. (Шишкову) А. С.

Милостивый государь Александр Семенович!

В надежде на благосклонное Вашего Превосходительства1 расположение дозволяю себе еще утрудить Вас всепокорнейшею прозьбою. Дело о крестьянине нашем села Макателева, отрубившем себе палец2, до сего времени не решится в суде: нельзя ли сделать одолжение, законным образом побудить к тому Правосудие, чтобы бедный крестьянин не был истомлен понапрасну? За что останусь Вашему Превосходительству сердечно благодарным. Примите уверение в душевном почтении и в искреннейшей преданности, с коими имею честь быть, Милостивый Государь! Вашего Превосходительства покорнейший слуга

С Петербург. 8 марта 1825.

Николай Карамзин.

(На полях другой рукой): Ответ 18 марта. Писано тогда же г(осподину) Дурнищеву. О решении дела уведомлен.

Карамзин Н. М. Письмо Шишкову А. С., 14 февраля 1825 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 39. — [Т.] II—III.

№ 55. Шишкову А. С.

Милостивый Государь Александр Семенович!

Сердечно радуясь, что Ваше высокопревосходительство благоволили исходатайствовать 6000 р. Г(осподину) Глинке1, издателю «Русского Вестника»2 и «Российской Истории»3, для заплаты его долга в типографии Московского Университета, осмеливаюсь, без его ведома, убедительно просить Вас о довершении благодеяния, которого он достоин своим трудолюбием, чистою нравственностию, редким добродушием и крайнею бедностию, будучи отцом многочисленного семейства и не имея никакого дохода, кроме скудной платы от книгопродавцев за его сочинения. Он уже более двадцати лет пишет для публики, начинает стареться, и если перо, от изнеможения сил, выпадет из его рук, то жена и семеро детей останутся без куска хлеба. Нельзя ли сделать милость, доложить Государю Императору о всемилостивейшем пожаловании пенсии этому в строгом смысле доброму человеку, автору полезному и благонамеренному, так, чтобы она, в случае его смерти, могла производиться и бедному его семейству? 1000 или 1200 рублей были бы достаточны для того, чтобы он мог без ужаса думать о будущем и спокойно трудиться до конца дней своих.

Примите уверение в истинном высокопочитании и преданности, с коими имею честь быть, Милостивый Государь! Вашего Высокопревосходительства покорный слуга

Николай Карамзин.

С. Петербург, 14 февраля 1825.

Карамзин Н. М. Письмо Шишкову А. С., 25 мая 1824 г. Царское Село // Российский Архив:

История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 38—39. — [Т.] II—III.

№ 54. Шишкову А. С.1

Милостивый Государь Александр Семенович!

Примите мое усерднейшее поздравление2. Вы всегда любили истинное просвещение и старались распространять его Вашими полезными трудами. Достойное достойному.

Уверенный в Вашем добром ко мне расположении, прошу Ваше высокопревосходительство о милостивом внимании к двум чиновникам, которые теперь имеют честь служить под Вашим начальством в Департаменте Духовных дел: к Борису Михайловичу Федорову3 и Константину Степановичу Сербиновичу. Первый, может быть, известен Вам своими стихотворениями и драматическими сочинениями; второй также хорошо и правильно пишет, знает древние и новые языки. Оба (что еще важнее) отличаются благонравием и поведением беспорочным. Я коротко знаю их и люблю искренно. Они достойны Вашего покровительства.

Сердечно желая Вам доброго здоровья, с душевным высокопочитанием и совершенною преданностию имею честь быть, Милостивый Государь! Вашего Высокопревосходительства покорный слуга

Николай Карамзин.

Царское Село, 25 мая 1824.

Карамзин Н. М. Письмо Тургеневу Н. И., [без даты] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 38. — [Т.] II—III.

№ 53. (Тургеневу)1 Н. И.

(Без даты)

Сердечно, сердечно благодарю Вас, почтеннейший Николай Иванович! Вам преданный

Н. Карамзин.

Карамзин Н. М. Письмо Тургеневу А. И., 4 октября 1823 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 38. — [Т.] II—III.

№ 52. Тургеневу А. И.

Царск. Село, 4 окт. (1823 г.)

Здравствуйте, любезнейший Александр Иванович! Хотя и пришла невеселая осень, однакож мы еще не собираемся в город: потому низко Вам кланяюсь и прошу исполнить, что означено в приложенной записке1. Прилагаю еще письмецо к Сербиновичу2. Сделайте милость, уведомьте как его отчество: Константин Степанович или иначе? Не знаю, как благодарить его за все, что он для меня делал и делает. — Я читал реценсии Добровского3 в Jahrbucher der Litteratur4. Обнимаю вас нежно. Что батюшка?

Ваш Н. Карамзин.

(На полях помета): О церк. деньгах Яросл.

Адрес: Его Превосходительству Милостивому Государю Александру Ивановичу Тургеневу. В доме Министерства Духовных дел в С. Петербурге.

На штемпеле: 1823 окт. 4.

Карамзин Н. М. Письмо Аверкиеву А. Е., 8 января 1824 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 38. — [Т.] II—III.

№ 51. Аверкиеву А. Е.

С. Петербург, 8 Генв. 1824.

Милостивый Государь мой Александр Егорович!

Искренно благодарю Вас за Ваше обязательное письмо и поздравление с Новым Годом, сердечно желая и Вам всех возможных благ в здешнем свете.

Что касается до перемещения Вашего1, то я не имею никакого сведения о желании Дмитрия Ивановича итти в отставку; но если он действительно оставит службу, то я готов способствовать Вам в этом перемещении, будучи удостоверен, что Вы везде равно окажете Вашу ревность к службе и к чести.

Примите уверение в истинном почтении и преданности, с коими имею честь быть, Милостивый Государь мой! Ваш покорнейший слуга

Н. Карамзин.

Адрес: Его высокоблагородию Милостивому Государю моему Александру Егоровичу Аверкиеву, г(осподину) Прокурору в Твери.

Карамзин Н. М. Письмо Аверкиеву А. Е., 4 апреля 1821 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 37—38. — [Т.] II—III.

№ 50. Аверкиеву А. Е.1

С. Петербург, 4 Апр. 1821.

Милостивый Государь мой Александр Егорович!

Искренне благодаря Вас за Ваше обязательное письмо, столь же искренно желаю, чтобы исправление должности многотрудной принесло Вам и честь и благодарность общую. Принимая живейшее в том участие, я уверен, что Вы ревностным исполнением всех обязанностей доброго чиновника и благородным безкорыстием заградите уста и самому безстыдному злословию. Если я некоторым образом способствовал Вашему определению, то Вы не лишите меня удовольствия слышать, что Тверская губерния довольна выбором Г(осподина) Министра юстиции, коего внимание теперь обращено на Вас. Говорю Вам это не без чувства, будучи одушевлен и непритворным доброжелательством к Вам и любовию к Государственной пользе. Но Вы конечно не имеете нужды в моих, хотя и весьма усердных советах, следуя Вашему собственному влечению ко благу.

От всего сердца поздравляя Вас и почтеннейшую супругу Вашу с наступающим Светлым праздником, с истинным почтением и преданностию имею честь быть, Милостивый Государь мой! Ваш покорнейший слуга

Николай Карамзин.

Карамзин Н. М. Письмо Императрице Марии Федоровне, 24 января 1818 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 37. — [Т.] II—III.

№ 49. Императрице Марии Федоровне1

Всемилостивейшая Государыня!

Имею Счастие представить Вашему Императорскому Величеству мою Историю, полагаясь на Ваше милостивое расположение к Автору гораздо более, нежели на достоинство книги.

С сердечною радостию слышали мы от Государя Императора и Великого Князя о добром здоровье Вашего Императорского Величества. Москва не престает восхищаться своими Августейшими Гостями, а мы не престаем чувствовать нашего сиротства. Весна будет веселить нас только мыслию о близости лета. Павловское всегда прекрасно: надеюсь около половины мая гулять в садах его с приятностию, но не без грусти: там еще не будет Той, Которою все ожило и расцвело в сих некогда диких местах!

Повергаю себя со всем семейством к Вашим стопам.

Всемилостивейшая Государыня! Вашего Императорского Величества всеподданнейший

Николай Карамзин.

С. Петербург, 24 генваря 1818.

Карамзин Н. М. Письмо Карамзину А. М., 14 декабря 1824 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 36—37. — [Т.] II—III.

№ 48. Карамзину А. М.

С. Петербург, 14 Дек. 1824.

Любезнейший братец!

Прежде всего сердечно поздравляем вас и почтеннейшую сестрицу с вашим семейственным благополучием: с радостною помолвкою милой нашей племянницы Авдотьи Александровны. Дай Бог ей совершенного щастия, а вам утешения! Просим вас, любезнейший братец, рекомендовать нас как добрых родных почтенному Алексею Ивановичу: заочно любим его, желая сердечного удовольствия познакомиться с ним лично.

С радостию исполняя ваше желание, любезнейший братец, я тотчас написал письмо к Генералу Чечерину1, прося об увольнении в отпуск любезного племянника; но еще не имею ответа. Василий Александрович пишет ко мне, что он сам вручит мое письмо Генералу. Денег 1000 ру. отдал ему на дорогу.

Грустно было нам узнать о вашей тяжкой болезни, милый братец; но сердечно благодарим Бога, что оная миновалась, и что он сохранил вас для семейства, родных и друзей. Вы не сказали мне, какую болезнь имели: вероятно, горячку, как и в прошедшее лето. Надеюсь, что теперь будете здоровее прежнего.

Вы уже знаете о бывшем здесь наводнении2: погибло около 500 человек, а разоренных множество; но милосердие оказывает им деятельную помощь.

Простите, любезнейший братец. Мысленно вас обнимаю и целую ручку у почтеннейшей сестрицы. Навеки преданный вам покорный брат

Н. Карамзин.

Все мы, жена и дети, любим вас всех столько же, сколько я вас люблю. Ожидаю вашего ответа на мое прежнее письмо о вашем займе.

Борис писал ко мне из Москвы, чтобы я попросил Министра финансов3 о вашей суконной поставке; но мне сказали, что Министр в это не входит: кого же и о чем просить?

Адрес: Его высокоблагородию Милостивому государю Александру Михайловичу Карамзину в Бугуруслане Оренбургской губернии.

Карамзин Н. М. Письмо Карамзину А. М., 15 мая 1819 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 36. — [Т.] II—III.

№ 47. Карамзину А. М.

Царское Село, 15 мая 1819.

Любезнейший братец! Давно не имею от вас писем. Вы, кажется, не отвечали на мое последнее, в котором мы всем домом поздравляем вас с щастливым замужеством нашей любезной племянницы. Мы переехали рано в Царское Село, где и тотчас простудились и заперлись; теперь встаю с постели, но еще не выхожу из дому.

Пазухины1 едут из Петербурга, один определен в Владимире, а другой в Симбирске советником. Я велел сказать человеку Борисову, чтобы он во всех нуждах относился ко мне. В июле надобно будет отдать Борису Шабо 1000 ру., а ваших денег осталось у меня только 200 ру. с чем-то, которые пойдут на платье Борису. Нынешнею зимою я был несколько раз в пансионе у Шабо и могу похвалить его искренно: я не знаю лучшего. Борис учится изрядно. Василья видел я перед отъездом из Петербурга. Оба здоровы.

Братец Федор Михайлович отправляется к вам водою2.

Целую ручку у почтенной сестрицы Натальи Борисовны, дружески обнимаю вас и все ваше милое семейство. Жена и дети мои уверяют вас всех в своей душевной привязанности. Будьте здоровы, благополучны и любите преданного вам покорнейшего брата

Н. Карамзина.

Карамзин Н. М. Письмо Карамзину А. М., 4 июля 1818 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 35—36. — [Т.] II—III.

№ 46. Карамзину А. М.

С. Петербург, 4 июля 1818.

Любезнейший братец!

Сердечно благодарю вас за дружеское письмо и поздравляю вас с новым офицером. Вы уже знаете, думаю, что Васенька офицер. Это счастливо. Мы спешим снарядить его всем нужным. Борис Сергеевич Пазухин1 взял у меня на его обмундирование 2500 рублей. Когда вы пошлете ко мне сии деньги, то адресуйте на мое имя в Петербург, а не в Царское Село, где ваше письмо

лежало недели три. Хотя мы по милости Государя и отправились на сих днях в Царское Село, но проживем там не долго, и вернее надписывать к нам письма в Петербург.

Кажется, что мы останемся здесь еще на год для второго издания Истории: ибо первое все разошлось еще весною. Вы прислали мне 200 ру. на три экземпляра: у меня уже давно нет ни одного, но я купил их у книгопродавца Сленина2 и велел ему отправить их на ваше имя в Бугуруслан. Уведомьте, любезнейший братец, о получении. Надеюсь, что ваш экземпляр, отправленный мною к вам в феврале или марте, наконец дошел до вас.

Уведомьте также, что вы думаете сделать с Борисом: оставите ли его еще на год в пансионе у Шабо? Он учится изрядно и бывает часто у нас. О Васеньке генерал его отзывается также хорошо. Содержание его будет вам теперь стоить дороже; но что делать?

Каково-то у вас лето? У нас в Нижегородской деревне3 весьма плохи хлебы. Вести из других мест также не весьма хороши. Мы ходили здесь в шубах до июня; но теперь время прекрасное.

Целую ручку у любезной сестрицы Натальи Борисовны и все ваше милое семейство. Жена моя и дети уверяют всех вас в своей родственной дружбе.

Будьте благополучны, любезнейшие. А мы слава Богу! здоровы и преданы вам всею душою. Ваш верный брат

Н. Карамзин.

Обнимите за меня любезнейшего брата Федора Михайловича со всем его семейством.

Карамзин Н. М. Письмо Карамзину А. М., 14 января 1818 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 35. — [Т.] II—III.

№ 45. Карамзину А. М.

С.-Петербург, 14 генв. 1818.

Любезнейший братец! Александр Михайлович!

Сердечно благодарю вас за дружеское письмо. Грустно мне слышать о худом здоровье брата Федора Михайловича: дай Бог, чтобы оно уже поправилось и не мешало ему заниматься попечением о своем семействе любезном! В здешнем свете добрые не всегда благоденствуют; хлопот много, а наслаждений мало.

Я сам не очень здоров. Печатание истории кончилось: думаю недели через две видеть ее1. Тогда и к вам доставлю экземпляр.

Вчера обедали у нас и Василий и Борис; один служит, другой учится порядочно. Когда буду выезжать, то увижусь с Шабо и поговорю с ним. Остаемся при прежнем намерении, если будем живы, возвратиться в Москву около половины августа. Тогда поговорим о Борисе.

Катерина Андреевна вместе со мною свидетельствует душевное почтение любезнейшей сестрице Наталье Борисовне и вас уверяет в своей искреннейшей любви. Всем семейством обнимаем мысленно все ваше. Будьте здоровы и благополучны, милый брат. Мы уверены в вашей дружбе, а вы не сомневайтесь в нашей. Навеки преданный вам брат

Н. Карамзин.

Адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Александру Михайловичу Карамзину в

Бугуруслане.

Карамзин Н. М. Письмо Карамзину А. М., 14 августа 1817 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 34—35. — [Т.] II—III.

№ 44. Карамзину А. М.

Царское Село, 14 авг. 1817.

Любезнейший братец!

Сердечно благодарю вас за дружеское письмо и спешу известить, что Бог дал нам сына Николая1. По сие время благодаря Бога! и мать и новорожденный здоровы.

Пышные обещания при учреждении нового пансиона остались без исполнения: из него будут выпускать только в 14 класс; следственно выгоды нет, и Борису лучше остаться там, где он, до нашего переезда в Москву, где однакож не думаем быть прежде будущего августа2. — Ваши молодые, слава Богу! здоровы: знаю об них через добрых Пазухиных3. Василий4 был на маневрах, но мы сидели дома в Царском Селе, и не видали их.

Живем тихо и смирно; а скоро будет еще тише, когда Двор уедет в Москву. До сей минуты мы пользовались знаками Его милостивого к нам внимания.

Увы! Серый жеребец остался хромым; однакож я поездил на нем недели три.

Вести ваши о хлебах не очень радостны. Во многих местах жалуются на град. По крайней мере здесь хлеб не дешев.

Все мы, жена, муж, дети, свидетельствуем наше душевное почтение милостивой государыне сестрице Наталье Борисовне и мысленно целуем все ваше милое семейство. Будьте здоровы, благополучны и любите всегда преданного вам брата Н. Карамзина.

Обнимите за нас любезнейшего брата Федора Михайловича5 со всеми его любезными детьми.

Адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Александру Михайловичу Карамзину в Бугуруслане.

Карамзин Н. М. Письмо Карамзину А. М., 1 июня 1817 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 34. — [Т.] II—III.

№ 43. Карамзину А. М.1

Царское Село, 1 июня 1817.

Любезнейший братец!

Я к вам пишу в Бугуруслан, а вы не получаете моих писем: это мне грустно. Авось это письмо дойдет до вас.

Дети ваши, а мои любезные племянники, слава Богу! здоровы. Они у нас обедали перед нашим отъездом в Царское Село. Я уже к вам писал, и еще повторяю, что здесь, то есть в Петербурге, учреждается пансион казенной, откуда будут выпускать в офицеры, а в гражданскую службу от 12-го до 10-го класса: не решитесь ли вы отдать туда Бориса2? Платить надобно 1500 руб, следственно еще менее, нежели у Шабо3. — Вам, любезнейший братец, нет нужды просить меня

о племянниках: я готов сделать для них все, что могу. Они ведут себя хорошо.

Живем здесь в тишине, и благодарим Бога за то, что мы все здоровы по сие время. Я гуляю на

вашем коне. Думаю, что жена родит здесь: этой минуты жду с беспокойством. — Государя видел я только в саду, где он милостиво разговаривал с нами. У вдов(ствующей) императрицы4 мы обедали в Павловске. Главное мое дело и здесь читать корректуры.

Целую ручку у любезной сестрицы Натальи Борисовны5, обнимаю вас и всех детей. Жена и все наше семейство вам дружески кланяется. Мы часто говорим о вас, любезнейший братец, и с сердечным удовольствием вспоминаем о всех знаках вашей к нам родственной любви.

И здесь весна была ранняя; но теперь льют дожди. Надеюсь, что и у вас нет засухи.

Будьте со всеми милыми здоровы и благополучны. Да сохранит вас Бог от всякого горя! Еще раз обнимаю вас. Навеки верный вам брат

Н. Карамзин.

Адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Александру Михайловичу Карамзину в Бугуруслане.

Карамзин Н. М. Письмо Лунину А. М., 1812 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 32—33. — [Т.] II—III.

№ 41. Лунину А. М.1

(1812, Москва)

Будучи уже несколько дней нездоров и не выезжая, осмеливаюсь сими строками напомнить Вашему Высокопревосходительству о моей всепокорнейшей просьбе: могу ли в течение Генваря получить деньги из Опекунского Совета2, по Вашему милостивому обещанию? Ежели не все 15 000 рублей, то нельзя ли выдать мне теперь хотя 5000 р.? Ибо жена моя должна в генваре и в феврале внести сию сумму в Опекунский же совет по прежнему займу. Крайне изволите обязать пребывающего с душевным высокопочитанием и преданностию, Милостивый Государь! Вашего Высокопревосходительства покорнейшего слугу

Николая Карамзина.

Генваря 7.

Адрес: Его Высокопревосходительству Милостивому Государю Александру Михайловичу Лунину.

Карамзин Н. М. Письмо Уварову С. С., 29 декабря 1813 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 32. — [Т.] II—III.

№ 40. Уварову С. С.

Москва, 29 Дек. 1813.

Милостивый Государь Сергей Семенович!

Искренне благодарю Вас за приятное доказательство Вашего ко мне внимания и за удовольствие, с которым я читал похвалу генералу Моро1. Характер и судьба его действительно трогательна.

Вы воздали достойному достойное, языком благородного красноречия. Есть выражения сильные и щастливые. Как историограф я желал бы более исторических подробностей. — Ивана Ивановича нет в Москве2. Вручу ему экземпляр, когда возвратится.

Простите и не забывайте преданного Вам покорнейшего слугу

Н. Карамзина

Усердно поздравляю Вас с наступающим новым годом.

Адрес: Его Превосходительству Милостивому Государю Сергею Семеновичу Уварову в С. Петербурге.

Карамзин Н. М. Письмо Уварову С. С., 21 июля 1813 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 31—32. — [Т.] II—III.

№ 39. Уварову С. С.

Москва, 21 июля 1813.

Искренне благодарю Вас, Милостивый Государь Сергей Семенович, за обязательное письмо и за присланное сочинение Ваше, которого предмет без сомнения важен для народного воспитания1. Желаю сердечно, чтобы Ваше доброе, патриотическое намерение исполнилось. Хвалю усердие и мысли Ваши. Дай Бог, чтобы щастливый мир2 дал Правительству более способов заняться с успехом внутренним благоустройством России во всех частях! Доживем ли до времен истинного, векового творения, лучшего образования, назидания в системе гражданского общества? Разрушение наскучило. Говорю в смысле нашего ограниченного ума: Божественный видит иначе; но мы, бедные люди, имеем право молиться, в засуху о дожде, в бедах о спасении. — Питайте в себе усердие к общему добру и веру в возможность лучшего. Наблюдайте, размышляйте, пишите и приятельски сообщайте мне плоды Ваших трудов.

Богу угодно было испытать мое сердце тяжкою горестию: мы лишились прекрасного и единственного сына, уже шестилетнего3. — Однакож не это причиною, что я долго не отвечал Вам: Вы писали в Нижний, где меня уже не было4, и пакет Ваш странствовал недель шесть.

Потрудитесь сказать нашему общему приятелю, Александру Ивановичу Тургеневу, что я люблю и всегда буду любить его, несмотря на то, что он поленился отвечать на мое письмо: и в какое время? Когда мы, изгнанники Московские, оставив в жертву неприятелю и пламени все свое, спаслись только с любовию к отечеству и в самых незнакомых находили друзей.

Пишу теперь примечания к государствованию Ивана Васильевича и решился печатать написанное, как скоро будет мир. Для того собираюсь ехать в Петербург: однакоже посмотрю еще на обстоятельства.

Простите. Уверяю Вас в моем душевном почтении и в благодарности за Вашу приязнь. Будьте здоровы и благополучны: чего искренно желает преданный Вам

Н. Карамзин.

Адрес: Его Превосходительству Милостивому Государю моему Сергею Семеновичу Уварову. Г. Попечителю С. Петербургского Учебного округа. В Петербурге.

Карамзин Н. М. Письмо Уварову С. С., 6 марта 1812 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 31. — [Т.] II—III.

№ 38. Уварову С. С.

Москва, 6 марта 1812.

Искренно благодарю Вас, милостивый государь Сергей Семенович, за Шлегелеву книгу1, и еще более за обещание прислать мне византийцев; крайне одолжите меня, и я не замедлю возвратить их. — Шлегель пишет умно, но не излишне ли гоняется за призраком новых мыслей? Вторые причины ставит он иногда на место первых и держится исторического мистицизма; везде clairobscur*. Забавны также комплименты его в честь Австрийского Дому. Слог приятен.

Мне грустно расстаться с любезным Александром Ивановичем2. Я провел с ним несколько очень приятных часов. — Простите, будьте благополучны и не забывайте вашего покорнейшего

Н. Карамзина.

Адрес: Его Превосходительству Милостивому Государю моему Сергею Семеновичу Уварову.

Карамзин Н. М. Письмо Уварову С. С., 1 июля 1811 г. с. Остафьево // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 31. — [Т.] II—III.

№ 37. С. С. Уварову1

с. Остафьево, 1 июля 1811.

Милостивый Государь мой Сергей Семенович!

Усердно благодарю Вас и за обязательное письмо и за любопытную книгу Шлегелеву2, при сем возвращаемую3. Я читал ее с удовольствием и заметил для себя некоторые места или, лучше сказать, слова. Много неясного, неопределенного, от того, что Автор сам видит некоторые предметы в тумане. Он злословит Пантеизм4, но заменяет его чем-то весьма неудовлетворительным. Одним словом, историческая часть этой книги лучше умственной; а пиитическая имеет свою цену.

Прошу Вас считать меня в числе тех, которые умеют ценить Ваши достоинства и приязнь. Я всегда буду рад, когда Вы при каком-нибудь случае обо мне вспомните. Надеюсь сохранить Ваше ко мне благорасположение. Простите. Живу теперь в сельском уединении и готовлюсь перейти из шестого в седьмой том моей истории.

С душевным почтением и преданностию имею честь быть, Милостивый Государь мой! Вашего превосходительства покорнейший слуга

Николай Карамзин.

Адрес: Его Превосходительству милостивому государю моему Сергею Семеновичу Уварову. В С. Петербург.

Карамзин Н. М., Карамзина Е. А. Письмо Оболенскому А. П., 11 апреля 1821 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 29—30. — [Т.] II—III.

№ 36. Оболенскому А. П.

С. Петербург, 11 Апр. 1821.

Христос Воскресе! Поздравляем всех вас с светлым праздником, почтеннейшего Князя Петра Александровича, Вас, верного Друга нашего, любезнейшую княгиню, милых детей и всех наших

Александровича, Вас, верного друга нашего, любезнейшую княгиню, милых детей и всех наших общих ближних. Будьте все здоровы и благополучны, к нашему сердечному удовольствию.

Любезное письмо Ваше, истинно дружеское, тронуло меня до слез: оно писано от сердца к сердцу. Будем любить друг друга пока живы, в надежде, что и смерть не прервет нашей душевной связи.

Мы, слава Богу! здоровы. Здесь праздник не очень весел; Государь не возвращается1, гвардия идет в поход. Императрица М. Ф. все еще не совсем здорова, хотя ей и лучше: вчера она христосовалась с нами в кабинете. Европейский мятеж позатихает2. Надеюсь, что не тронут гвардии с места; но вчерашний курьер привез новое повеление быть в готовности. Между тем думаем переехать в Царское Село, если нас пустят туда без Государя, в начале мая.

Скажите от меня ласковое слово почтенным благоприятелям нашим, Николаю Сильвестровичу3 и графу Владимиру Григорьевичу: здоровы ли они? Обнимаю Вас нежно. Бог с Вами и с нами! Навеки ваш

Н. Карамзин

(Приписка на полях):

Деньги пошлю на ближ. почте.

(Приписка рукой Е. А. Карамзиной):

Христос Воскресе! — Mes chers et bons Amis, je vous salue et vous felicite de tout mon c?ur en reiterant tous les v?ux que je forme tous les jours pour votre bonheur. Je vous remercie chere Princesse Sophie pour votre lettre amicale et pour l'aimable comlaisance d'avoir rempli ma commission, tous les effets me sont parvenus avec exactitude par le joli garcon Cherbatoff: vous trouveres ci-joint les 100 Ru. qui reviennent pour le sarafan et le bonnet; mais helas! cela ne m'epargne pas l'acquisition d'un nouveau sarafan de damas, ma capricieuse nourrice ne veut pas entendre de recevoir un habit qui fut porte. Je me porte asses bien exepte une lassitude asses douloureuse que j'eprouve dans tous mon corps et qui a ete renforcee par les fatigues de la devotion de la semaine Sainte ayant fait mes paques. Je sors encore tres peu, vous saves que c'est la chose que j'aime le moins. Adieu, mes bons et tres chers Amis, continues a m'aimer pour etre quitte envers moi de toute l'amitie que je vous porte. J'embrasse toute la chere famille, petits et tous mes grands freres et s?urs et particulierement la chere Мария Петровна de toute la tendresse de mon c?ur.

Христос воскресе! Любезнейший и почтеннейший батюшка, поздравляю вас с светлым праздником, прося Бога чтоб Он меня утешил в жизни, и дал мне счастие вас поздравить лично и целовать ваши ручки, а в ожидании сего, целую заочно.

Адрес: Его Сиятельству Милостивому государю князю Андрею Петровичу Оболенскому в доме его на Рожественке в Москве.

Перевод:

Христос Воскресе! Дорогие и милые друзья, я вас приветствую и поздравляю от всего сердца, повторяя все молитвы, которые я возношу всякий день за ваше благополучие. Я вас благодарю, дорогая княгиня Софья4, за ваше дружеское письмо и любезное согласие исполнить мое поручение. Все вещи доставлены мне в точности милым мальчиком Щербатовым. Вы найдете при сем 100 руб., следующих за сарафан и чепчик; но увы! Это меня не избавляет от покупки нового сарафана из камки5. Моя капризная кормилица не хочет и слышать об уже ношенной одежде. Я чувствую себя довольно сносно, если не считать некоторой болезненной усталости, которую я испытываю во всем теле и которая усугубилась говением на Страстной неделе и причастием. Я еще очень мало выезжаю, вы знаете, что я это менее всего люблю. Прощайте,

милые и дражайшие друзья, любите меня по-прежнему, чтобы отплатить мне за те дружеские чувства, которые я к вам питаю. Я обнимаю все дорогое семейство, малышей и всех моих старших братьев и сестер, а особенно дорогую Марию Петровну6, со всей нежностью моего

сердца.

Карамзин Н. М. Письмо Оболенскому А. П., 4 ноября 1820 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 29. — [Т.] II—III.

№ 35. Оболенскому А. П.

С-Петербург, 4 ноября 1820.

Любезный и почтенный Друг наш!

Я к Вам писал из Царского Села с французским путешественником Ст. Мором; но узнал, что он еще остался здесь до Декабря или Генваря. И так снова пишу, желая знать о здоровье Вашем и всех Ваших; желая также сказать Вам несколько слов о нашем верном дому Оболенских семействе. Мы лето провели изрядно, хотя я и захватил жестокий ревматизм в правой руке, еще более беспокоясь о жене, которая имеет одышку и совсем не кстати беременна; она должна родить около февраля. Помолитесь за нас, любезнейший Друг! Я не делаюсь безбожником. — Одна дочь невеста, хотя и без женихов; другая почти невеста. Сыновья растут. Большому минуло шесть лет: он уже рассуждает о Троице и душе, показывая ум действительно необыкновенный в такие лета. Мне иногда грустно думать, что я и слишком стар и недовольно богат для воспитания малюток. Государь обещал мне взять в них участие, когда меня не будет; но лучше надеяться на Бога: молю Бога единственно о том, чтобы Он дал им любовь к добру.

До Вас конечно дошли вести о происшествии в Семеновском полку1: оно не так важно. Авось Бог наставит Государя поступить в этом случае наилучшим образом. Солдаты раскаиваются, офицеры грустят, а публика уже перестает говорить.

Свидетельствую мое душевное почтение Милостивому Государю Князю Петру Александровичу, целую ручку у любезнейшей княгини и всех ваших обнимаю, а Вас первого. Жены нет дома: я за нее порука в нежнейшей к Вам любви. Будьте благополучны.

Навеки Ваш Н. Карамзин.

Любезнейший Друг! Есть в Вологде Надворный Советник Павел Алексеевич Шипилов2, который служил в Иностранной Коллегии и был долго уездным предводителем: он желает быть директором вологодской гимназии, если откроется вакансия. Прошу Вас об нем, зная его с стороны хорошей.

Адрес: Его Сиятельству Милостивому Государю Князю Андрею Петровичу Оболенскому. В доме его на Рожественке в Москве.

Карамзин Н. М., Карамзина Е. А. Письмо Оболенскому А. П., 16 января 1820 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 27—29. — [Т.] II—III.

№ 34. Оболенскому А. П.

С. Петербург, 16 генв. 1820.

Любезнейший Князь Андрей Петрович и почтенный Друг! Сердечно благодарим Вас за дружеское письмо и за радостное уведомление об умножении вашего семейства милого.

Мысленно целуем любезного Родиона: дай Бог ему жить и веселить родителей! Кто богат детьми, богат и любовью; а любовь всего светлее. Вы перегнали нас, благодарящих Всевышнего за полдюжину чад добрых. Нам теперь есть с кем говорить о вас и ваших. Вчера мы обедали с почтенною Марьею Петровною1. Жалеем, что она приехала сюда хлопотать, но душевно обрадовались свиданию с нею. Будем ждать и Вас летом, если будем живы. О Москве не перестаем думать. Мне хотелось бы только издать здесь девятый том истории; но остается еще писать не мало, а пишется мало, впрочем не от разсеяния. Живем не по вашему: сидим прилежно дома, кроме четвергов, когда слушаем музыку, пение у императрицы; или смотрим на игру французских или русских актеров: собрания всегда приятные, тем более, что августейшая хозяйка всегда милостива. Ездить в другие домы лень: жизнь коротка, а дома и тепло и нескучно. Иногда заглядывают к нам добрые, умные люди; иногда умствуем, но не умничаем. За все благодарю Бога. Не жалуемся даже и на морозы; но каковы они? Новый претекст2 сидеть дома, чтобы не морозить людей. — На сих днях меня честила3 и Академия и публика4: это меня тронуло, но не до слез, хотя я и большой охотник плакать. Любовь моя к отечеству не совсем основана на самолюбии. Умею слушать и брань, и не боюсь потомства. Я заплатил почти весь свой долг России. На том свете сделаем расчет с нею. Есть другой важный заимодавец, которого я мог бы бояться; но Он добр, и стараясь любить Его, забываю страх. — Душевное и сердечное почтение милостивому Государю Князю Петру Александровичу, которого любезнейшее письмо к нам храним как драгоценность. У почтеннейшей княгини целую ручку. Вас и всех ваших обнимаю с дружескою нежностию. Бог с вами и с нами! Навеки ваш

Н. Карамзин.

Если увидите Николая Сильвестровича5 или будете писать к нему, скажите, как искренно мы любим и уважаем его.

(Приписка рукой Е. А. Карамзиной):

Je vous felicite de tout mon c?ur, chers et respectables Amis, avec la nouvelle annee et un nouveau fils; que le Ciel vous accorde toutes les prosperites de ce bas monde, dont le bonheur de famille est la plus precieuse, j'espe?re que Mr Rodion y contribuera de son cote comme tous vos autres chers enfans. Comme je desire renouveller connaissance avec tout votre petit monde! et combien de nouvelles a faire encore! — Nous jouissons de la douceur de voir la chere Mme Doktoroff asses souvent, et surement je me donnerai la satisfaction de la voir le plus possible pendant son sejour ici. Adieu, mes bons et chers Amis, vous etes bien surs des sentiments tendres et constants que vous porte votre devouee amie et soeur C. Karamzine.

Нежно целую ручки у почтенного и любезнейшего батюшки, поздравляю его с Новым годом, прося Бога чтоб он нас утешил на тот год свиданием с ним и чтоб мы нашли его так же здорового как оставили. Всех братцев и сестриц нежно обнимаю.

(Приписка рукой С. Н. Карамзиной):

Permettez-moi, mon cher oncle, de joindre mes felicitations a celles de Papa et de Maman, en vous priant de vouloir bien ausi les faire agreer a Madame la Princesse, et en les accompagnant de bien sinceres remerciemens pour le souvenir amical que vous me conservez, et duquel je vous assure que je suis bien touchee. Ma Soeur me charge de vous temoigner aussi toute la part qu'elle prend a l'heureuse augmentation de votre famille, en vous exprimant pour elle, ainsi que pour moi, les sentimens de respect et d'affection que nous sommes habituees a vous porter depuis si longtems.

Sophie Karamzine.

Сонюшка и Катенька нежно целуют ручки у почтеннейшего дедушки и надеются, что он сохраняет им милостивое воспоминание.

Перевод:

Перевод.

Поздравляю вас от всего сердца, дорогие и уважаемые друзья, с новым годом и новым сыном, ниспошли вам Небо все радости этого мира, из коих семейное счастие есть самое дорогое.

Надеюсь, что г-н Родион будет со своей стороны ему способствовать, как и другие ваши милые дети. Как я желаю снова видеть все ваше маленькое общество! И сколько новостей! Мы имеем удовольствие видеть дорогую госпожу Дохторову довольно часто, и я, разумеется, не упущу удовольствия видеть ее как можно чаще во время ее пребывания здесь. Прощайте, мои милые и дорогие друзья, будьте уверены в неизменных нежных чувствах, которые к вам питает ваш преданный друг и сестра К. Карамзина.

Позвольте мне, дорогой дядя, присоединить свои поздравления к Папиным и Маминым, прося вас сделать милость передать их госпоже Княгине, а также искренне поблагодарить вас за дружескую обо мне память, которой, я вас заверяю, я очень тронута. Сестра поручает мне засвидетельствовать вам свою радость по поводу счастливого прибавления вашего семейства, и выразить за нее и за меня, чувства уважения и привязанности, которые мы испытываем к вам издавна.

Софья Карамзина.

Карамзин Н. М. Письмо Оболенскому А. П., 24 октября 1818 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 27. — [Т.] II—III.

№ 33. Оболенскому А. П.

С. Петербург, 24 окт. 1818.

Сердечно благодарим вас, почтеннейший Друг наш, за радостное для нас известие о благополучном рождении любезного Князя Василия, с чем вас и почтеннейшую княгиню усердно поздравляем. Веселитесь им и всеми милыми детьми Вашими. Хотя мы отчасти знали о нездоровье князя Петра Александровича, но Катерина Андр., читая Ваше письмо, поплакала, а я также погоревал с нею. Утешаемся надеждою, что Бог еще подкрепит его силы. Живо представляем себе, в каком вы были беспокойстве, и вместе с вами благодарим Всевышнего, что Он сохранил ваших малюток: мы знаем скарлатину! Надеюсь, что и милая Катя теперь уже оправилась, и что вы можете быть наконец совершенно спокойны после такой сердечной тревоги. Разлука не мешает нам делиться чувствами с вами. Часто говорим об вас, и теперь радуемся мыслию, что можем здесь увидеться месяца через три или скорее. Жена моя беременна: впрочем не гневим Бога и довольны Его к нам милостию. Лето провели в Царек. Селе приятно; все были здоровы, и 6 окт. переехали в город, в дом к К(атерине) Фед(оровне) Муравьевой у Аничкова мосту, где желаем жить тако же щастливо, как жили в Захарьевской улице1. Опять не без скуки занимаюсь корректурами, и не без лени ездим с визитами. К Москве не холодеем: там лучше проводить старость. Простите, любезный Друг. Мы ваши, пока живы. Целую ручку у почтеннейшей княгини. Скажите всем Вашим милым, начиная с почтенного Князя Петра Александровича, сколько мы к ним привязаны. Будьте все благополучны и любите нас. Душою и сердцем преданный Вам

Н. Карамзин.

Адрес: Его Сиятельству Милостивому Государю Князю Андрею Петровичу Оболенскому в доме его на Рожественке в Москве.

Карамзин Н. М., Карамзина Е. А. Письмо Оболенскому А. П., 16 октября 1817 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 24—25. — [Т.] II—III.

№ 30. Оболенскому А. П.

С. Петербург, 16 окт. 1817.

Почтеннейший Друг наш! С сердечною радостию поздравляем Вас как щастливого отца и деда. Целую ручку у Княгини. Будьте все здоровы и веселы. Сделайте нам одолжение, поздравьте от нас и М(илостивую) Г(осударыню) Катерину Андреевну и Николая Аполлоновича. Мы берем искреннейшее участие в их радости1.

Вместе с Вами, любезнейший Князь, благодарим Бога за выздоровление нашего почтенного Князя Петра Александровича2. Мы очень об нем беспокоились.

Да наслаждается он еще долго маститою старостию к Вашему и нашему утешению! — Состояние К(нязя) Василья Петровича3 нас тревожит. Он еще молод и сложения не слабого: надеемся на милость Божию. Ему, кажется, надобно быть щастливым с его редким добрым сердцем. Я полагаю, что он не без любви вздумал жениться: как думаете?

Надеюсь, что Вы, любезнейший князь, будете со всех сторон довольны Двором, к которому мы неравнодушны за все его милости к нам, простосердечным людям.

С утра до вечера занимаюсь корректурами. Надеюсь отделаться к Новому году; а там — как Бог даст... Вероятно, пробудем здесь или в Царском Селе до Августа, имея твердое намерение возвратиться в Москву к осени, чтобы там кончить жизнь в тишине, с Богом, с семейством и с друзьями. Желаем спокойствия не только себе, но и отечеству и доброму Государю; а всех нас любит Бог! Да будет Его воля!

Болезнь кормилицы заставляет нас беспокоиться о малютке4. У нас в доме несколько больных; но мы еще по сие время здоровы.

Простите, любезнейший. Всех ваших дружески обнимаю. Навеки ваш

Н. Карамзин.

(Приписка рукой Е. А. Карамзиной):

Je vous felicite mon cher et respectable Ami, avec les heureuses couches de vos che?res femme et fille, en grace faites leur agreer mes tendres amities et mes v?ux pour leur prompt retablissement; je ne puis leur mieux desirer que de les engager a me prendre pour mode?le dans ce cas; dans quinze jours je me suis si bien trouvee apre?s mes couches, que j'ai pu me promener et dans la suite s'etoit de mieux en mieux. Combien j'ai ete profondement affligee d'apprendre la maladie du bien aime Papa et j'ai remercie du fond de mon ame la bonte Divine de nous avoir encore conserver cet etre precieux. Baises lui bien tendrement les mains pour moi mon bien cher Ami et dites mille amities a toute la chere famille grands et petits. — Je fais des v?ux ardents pour le bonheur du cher Basil. Rappeles nous au souvenir de sa future famille.1*

Адрес: Его сиятельству Милостивому государю моему Князю Андрею Петровичу Оболенскому. В Москве. На Рожественке в собственном доме.

Перевод:

Я вас поздравляю, дорогой и уважаемый друг, со счастливыми родами ваших дорогих жены и дочери, соблаговолите передать им мои нежные дружеские чувства и пожелания скорейшего выздоровления. Я не могу им пожелать ничего лучшего как предложить следовать моему примеру в этом отношении; через две недели после родов я себя так хорошо чувствовала, что могла гулять, а потом было лучше и лучше. Я была глубоко огорчена, узнав о болезни горячо любимого папеньки5 и от всей души благодарю Божию милость, сохранившую нам это дорогое

существо. Поцелуйте ему нежно ручки за меня, мой дорогой друг, и скажите тысячу дружеских слов всем членам вашего милого семейства, как взрослым, так и малышам. Я горячо молюсь за счастье дорогого Василия. Передайте приветы от нас его будущей семье.

Карамзин Н. М. Письмо Оболенскому А. П., 15 марта 1817 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 24. — [Т.] II—III.

№ 29. Оболенскому А. П.

С. Петербург, 15 марта 1817.

Почтеннейший Друг! Сердечно благодарю Вас за обязательное исполнение моей просьбы: Вы одолжили меня и дали благосостояние бедному отцу семейства, человеку доброму, весьма не глупому и способному к этому делу, то есть к изданию газет1. Одним словом, Вы меня обрадовали; а мы не часто радуемся в свете! К(нязь) Шаликов от Вас в восхищении. Нам приятно слышать, что и все университетские крайне довольны вашим начальством. Делайте столько добра, сколько можете: Вам этому не учиться. — Обнимаю Вас со всею дружескою горячностию. Мы, слава Богу! здоровы. Работаю глазами более, нежели умом. По вечерам видим иногда у себя людей приятных; а на выезд почти не имею времени. — Всем домом и всему дому Вашему изъявляем любовь. Бог с Вами и с нами! Навеки преданный Вам

Н. Карамзин.

Просим Бога о выздоровлении К(нязя) А. Ф. Щербатова2. Нас потешили из Москвы лучшими об нем известиями; но Ваше письмо опять кольнуло нас в сердце. Будем надеяться.

Адрес: Его сиятельству Милостивому Государю Князю Андрею Петровичу Оболенскому в доме его на Рожественке в Москве.

Карамзин Н. М. Письмо Оболенскому А. П., 20 февраля 1817 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 24. — [Т.] II—III.

№ 28. Оболенскому А. П.

С. Петербург, 20 фев. 1817.

Почтенный Друг наш! Мы разделяем Ваше беспокойство о Князе Александре Федоровиче1: отврати Бог этот удар! Будем еще надеяться.

Убедительно прошу Вас, любезнейший Князь, сделать мне одолжение, представить князя П. И. Шаликова2 в помощники издателя Ведомостей3, который идет в отставку. Спасите от жестокой бедности доброго мужа и отца. Ручаюсь Вам, что он хороший человек и пишет лучше многих наших авторов. Иван Иванович Дмитриев4 знает и любит его.

Хотя дети наши и не совсем здоровы, однакож не жалуемся. Здешнею жизнию не скучаем, хотя и не веселимся. Видим добрых приятелей: других редко.

Не сомневаюсь в действии моей просьбы. Спешу отправить письмо на почту. Целую ручку у любезнейшей княгини, обнимаю Вас и всех ваших. Навеки преданный Вам

Н. Карамзин.

Адрес: Его Сиятельству Милостивому Государю Князю Андрею Петровичу Оболенскому в доме его на Рожественке в Москве.

Карамзин Н. М., Карамзина Е. А. Письмо Оболенскому А. П., 31 декабря 1816 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 22—23. — [Т.] II—III.

№ 26. Оболенскому А. П.

С. Петербург, 31 Дек. 1816.

Почтенный Друг наш! Поздравляем Вас и всех ваших с наступающим Новым Годом. Дай Бог вам всем здоровья и благоденствия!

А мы очень беспокоимся о Катеньке1: у нее злой кашель, так, что она мало и ест и спит.

Я показывал Ваше письмо Юрью Александровичу2. Он будет писать к вам. Могу уверить вас, любезнейший Князь, что я не сделал ни добра, ни худа; не давал и советов Юрью Александровичу, а только на вопрос его о письме сказал ему свое мнение.

Не только в Москве, но и здесь жалуют3 Вас в кураторы Московского Университета. Желаю, чтобы это была правда. Вы во всяком месте будете полезны, потому что любите добро.

Граф П. А. Толстой4 горюет о смерти брата5. Я был у него два раза; мы говорили об Вас.

О будущем мало думаю. Мне еще целый год надобно читать корректуры6. Стараюсь не верить предчувствиям! Бог с Вами и с нами!

Простите, любезнейший князь. Целую руку у почтенной, доброй княгини7, и свидетельствую мою душевную преданность Милостивому государю Князю Петру Александровичу8. Навеки Ваш

Н. Карамзин.

Сию минуту известили меня, что Указ о Кутузове и об Вас подписан, обнимаю любезнейшего Куратора9! Жуковскому10 Государь пожаловал 4000 рублей пенсии и перстень с своим шифром.

(Приписка рукой Е. А. Карамзиной):

Bonjour chers amis je vous felicite du fond du c?ur et sur la nouvelle annee et sur votre nouvelle nomination, mon cher Ami, Dieu veuille que premie?re s'ecoule pour vous dans toutes les prosperites et que la seconde vous procure tous les agremens possibles. Je vous embrasse de toute la force de ma tendresse, ainsi que tous les petits choux.

У батюшки11 нежно ручки целую и поздравляю с новым годом.

Адрес: Его Сиятельству Милостивому Государю Князю Андрею Петровичу Оболенскому в доме его на Рожественке в Москве.

Перевод:

Здравствуйте, дорогие друзья, я вас поздравляю от всего сердца и с новым годом, и с вашим новым назначением, мой дорогой друг. Дай Бог, чтобы первый прошел для вас в полном благополучии и чтобы второе принесло вам всевозможные милости. Я вас нежно обнимаю, а также всех малюток.

Карамзин Н. М. Письмо Оболенскому А. П., Нижний Новгород, 23 апреля 1813 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 22. — [Т. I] II—III.

Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 22. — [Т.] II—III.

№ 25. Оболенскому А. П.

Нижний Новг., 23 Апреля 1813.

Любезный и почтенный друг!

Наш сын еще жив1, но не можем позволить себе надежды человеческой. Наташа2 в лихорадке. Катерина Андр. имеет не много сил; мои также весьма изнурились. Бог видит мою слабость невольную: я не чуждаюсь Его; ободряю себя, стараюсь поддерживать, но дрожу всеми нервами; худо сплю, и утро не освежает меня. Сил моих было достаточно только на месяц, а теперь уже исходит другой. Жаль, что вы от нас далеко. Так и быть: Господь с нами. Обнимаю вас и всех ваших милых, прося Бога, чтобы он хранил ваше здоровье и спокойствие. Простите и любите нас бедных. Навеки преданный вам

Н. Карамзин.

Адрес: Его сиятельству Милостивому Государю Князю Андрею Петровичу Оболенскому в доме его на Рожественке в Москве.

Карамзин Н. М. Письмо Оболенскому А. П., Тверь, 12 марта 1811 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 22. — [Т.] II—III.

№ 24. (Оболенскому А. П.1 12 марта 1811 г.)

Тверь, воскресенье в полдень.

Сейчас я возвратился от принца2, любезнейший князь. Он и великая княгиня3 приняли ваше письмо как нельзя лучше. Мы в затруднении, говорили оба: не хотим взять на себя ничего такого, что может произвести для князя неприятности семейственные. Однакож нам жаль отказаться (нрзб.) от мысли видеть его в этом мес(те) и проч. и проч. Далее было сказано: Должность губернаторская не заставила бы князя ездить из места в место; он жил бы спокойно в Твери и в кругу своих родных, так же, как живет в Москве4. Впрочем ни слова досадного; все изъявляло наилучшее мнение об Вас и личное их к Вам благорасположение. Вероятно, что разговор об этом при первом случае возобновится. Я не долго был в Кабинете у Принца. Пока простите. Здесь ожидают гостя5, и нынешний день нет обеда во Дворце. У меня кружится голова от дороги и худо проведенной ночи. Мысленно Вас, почтенный Князь, обнимаю. Всем Вашим мое душевное почтение. Преданный Вам

Н. Карамзин.

Карамзин Н. М., Вяземская Е. А. Письмо князю Лобанову-Ростовскому Д. И., 9 мая 1808 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 20—22. — [Т.] II—III.

№ 23. Письмо княжны Вяземской Е. А.1

к князю Лобанову-Ростовскому Д. И.2

Ce 9 Mai Moscow 1808.

Ce n’est pas, sans grands regrets et sans contradictions a mes desirs, que j’ai differe de vous ecrire jusqu’a ce moment, mon cher et respectable Prince, si j’avois suivi l’impulsion de mon c?ur il y a longtemps, que vous auriez eu, une lettre, de ma part; mais vous deviez etre occupe de trop d’affaires,

pour pouvoir vous en distraire, voila pourquoi, mettant l'egoisme de cote (qui pourtant auroit ete pardonnable dans ce cas) j'ai concilie mes desirs avec les circonstances. Ayant entendu, a present — que Vous vous ennuyez assez dans votre Residence, — j'ai pense qu'un peu plus un peu moins d'ennui ne faisant pas grand difference, je pouvois vous demander en faveur de l'attachement que nous vous portons tous, de nous donner le plaisir de recevoir quelques lignes de votre part, qui nous mettroient un peu au fait de votre sante et de la maniere dont vous passez votre tems, car personne ici ne peut nous contenter a ce sujet. Je sais aussi par l'amitie que vous nous accordez que vos voudrez savoir, Mon Prince, ce que nous faisons, je vous dirois donc que nous passons notre tems assez tristement, d'abord sans avoir de maladies graves, il y a toujours quelqu'un a soigner, ensuite nous nous trouvons separes de presque toutes les personnes auxquelles nous sommes attachees et dont l'amitie nous est le plus chere, vous saviez bien que pour moi surtout Vous etes surement le Numero premier de ces personnes, et que Votre absence ne peut se remplacer. Nous n'avons que les souvenirs, et aussi si vous saviez, comme il est souvent question au Калымажной двор du cher et aimable Prince Labanoff, je voudrois que par un petit coup d'electricite cela se communique a Pultawa, et que vous y pensiez aussi quelquefois a nous. — Nous nous preparons a quitter le reste de notre societe, ces jours-ci, pour aller retrouver le cher et bien triste Astafieva, Vous sentez que ce n'est pas sans un grand serrement de c?ur que nous allons nous y retrouver, mais il faut habituer a supporter tant qu'on peut les chagrins et les peines, on en a tant dans ce Monde! — Je vous dirois un mot encore sur Notre cher tuteur Monsieur Neledinsky, etant sure qu'il vous interesse; il s'est remis (нрзб.) qu'on ne (нрзб.) lui resta qu'une legere sensation dans la main, et quelquefois une faiblesse dans la tete, surtout lorsqu'il est en societe, il se menage pourtant beaucoup et a tout a fait change de genre de vie, j'espere que cet accident lui fera du bien; il n'a plus ses suffocations. Voila une description bien detalliee de tout ce qui se passe chez nous, je serois au comble de mes desirs si j'en recevois une pareille de vous, et que vous m'y disiez quelques mots sur Macha, car je puis ne pas lui ecrire, puisque cela m'est defendu helas! mais je ne pourrois jamais ne pas y penser bien bien souvent. Mon fre?re qui continue toujours a rire dans tous les tons, vous presente ses respects et vous demande la continuation de vos bontes, et moi je vous prie, Mon cher Prince, de recevoir l'assurance des sentimens de respects et d'attachement since?re et inviolable que vous a vouee a jamais Votre tres humble et tout devouee

E. Wiasemskoy.

Madame Karamzine me charge de vous dire mille choses tendres de sa part, entr'autres qu'elle vous aime toujours beaucoup et qu'elle sente bien la privation de votre bonne et aimable societe, d'autant plus que nous ne pouvons esperer de nous en dedommager bientot.

(Приписка рукой Н. М. Карамзина):

К сердечному сожалению нашему не имея от Вас, любезный и почтенный Князь, никакого известия, будем весьма обрадованы, если Вы напишите к нам хотя строчку. Вы конечно не сомневаетесь в нашей искренней к Вам привязанности. Дай Бог, чтобы Вы были совершенно здоровы и находили более и более удовольствия в добре, делаемом Вами Государству и частным людям!

Навеки преданный Вам Н. Карамзин.

Перевод:

9 мая Москва 1808.

Не без большого сожаления и вопреки своим желаниям, я откладывала до сего момента писать вам уважаемый Князь; если бы я следовала велению своего сердца, вы уже давно получили бы от меня письмо; но Вы должно быть заняты слишком многими делами, чтобы возможно было Вас от них отвлекать; вот почему, отбрасывая эгоизм (который может быть простителен в данном случае), я подчиняла мои желания обстоятельствам. Услышав, что Вам теперь довольно скучно живется в вашей Резиденции, я подумала, что чуть больше или чуть меньше скуки не составляет

большой разницы и я могу Вас просить, рассчитывая на привязанность, которую все мы к Вам питаем, доставить нам удовольствие получить от Вас несколько строк, которые дали бы нам некоторое представление о Вашем здоровье и времяпровождении, поскольку здесь никто нас не может удовлетворить на этот счет. Я знаю также по дружбе, которой Вы нас дарите, что Вы

хотите знать, Князь, что мы делаем; уверяю Вас, что мы проводим время довольно скучно, во-первых, хоть и нет серьезных болезней, всегда есть кто-то, требующий заботы; затем, мы отдалены почти от всех, к кому мы привязаны и чья дружба дороже всего для нас, Вы знаете, что для меня, в особенности, Вы без сомнения первый среди них, и Ваше отсутствие невосполнимо. У нас есть лишь воспоминания, и если бы Вы знали, как часто спрашивают в Колымажном дворе3 о дорогом и любезном Князе Лобанове; я бы хотела, чтобы это посредством небольшого электрического разряда могло сообщиться в Полтаву, и чтобы Вы тоже иногда о нас думали. Мы готовимся покинуть на днях и оставшееся наше общество, чтобы вернуться в дорогое и печальное Остафьево4. Вы понимаете, что мы туда возвращаемся с тяжелым сердцем, но нужно привыкать переносить как должно огорчения и страдания, их столько в этом Мире! Скажу Вам еще несколько слов о нашем дорогом опекуне господине Нелединском5, будучи уверена, что он Вас интересует; (нрзб.) у него осталось лишь слабое ощущение в руке и иногда слабость в голове, особенно когда он в обществе, он однако бережет себя и совсем переменил образ жизни, я надеюсь, что этот случай будет ему на пользу; его больше не мучают удушья. Вот детальное описание всего, что у нас происходит. Мои желания были бы исполнены, если бы я получила подобное от Вас, и Вы сказали бы мне несколько слов о Маше, поскольку я не могу ей написать, так как мне это запрещено. Увы! Но я никогда не смогу не думать о ней очень, очень часто. Мой брат6, который продолжает все время смеяться на все лады, выражает Вам уважение и просит сохранить Ваши добрые чувства к нему, а я прошу Вас, милый Князь, принять уверения в чувствах уважения и привязанности, искренних и нерушимых, преданной Вам навсегда Вашей покорной слуги

Е. Вяземской.

Мадам Карамзина7 мне поручает сказать Вам тысячу нежных слов от нее, между прочих, что она Вас, как и прежде, очень любит, и что ей очень не достает Вашего милого и любезного общества, тем более, что мы не можем надеяться вскорости вознаградить себя им.

Карамзин Н. М. Письмо (Аверкиеву?) И. А., 28 января 1808 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 20. — [Т.] II—III.

№ 22. (Аверкиеву?)1 И. А.

Милостивый государь мой Иван Алексеевич!

Сердечно благодарю Вас за Ваш благоприятный ответ и за добрую волю быть заступником наших крестьян, которым я снова и строго подтвердил, чтобы они во всех случаях, какие могут встретиться, руководствовались Вашими повелениями. Уверяю Вас в моей и всего нашего семейства искренней признательности. Может быть, найду случай видеться с Вами и подтвердить изустно, сколь умею ценить Ваши одолжения.

С высокопочитанием и душевною преданностию имею честь быть, милостивый государь мой! Ваш покорнейший слуга

Николай Карамзин.

Москва, 28 генваря 1808.

Карамзин Н. М., Карамзина Е. А. Письмо Муравьевой Е. Ф., [без даты] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 18—19. — [Т.] II—III.

ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 18—19. — [Т.] II—III.

№ 20. Муравьевой Е. Ф.

(Без даты)

Почтеннейшая и любезнейшая Катерина Федоровна!

Сердечно поздравляем вас со днем вашего щастливого для нас рождения, желая вам всего, что достойно желания. Нам грустно, что мы не будем праздновать с вами в этот день. Комнаты наши еще не топлены; отправим истопника на будущей неделе, и думаем переехать в конце ея. Мы, слава Богу! Здоровы, и не мало не скучали осенью и своим уединением, не только отец и мать, но и дочери, как они уверяют.

Горюем о кончине нашей доброй соседки, тем более печальной для дочери, что она не была при ней. Вы верно уронили не мало слез.

Мы имели об вас вести через Александра Ивановича1 и Гурьева2; но теперь, вероятно, они уже не заглянут к нам.

Вашим милым наше душевное почтение. Целую вашу ручку. Навеки преданный вам

Н. Карамзин.

(Приписка рукой Е. А. Карамзиной):

Je me joins a mon Mari, chere et respectable Madame Mouraview, pour vous feliciter sur le jour de votre naissance, mais surtout j'en felicite tous ceux qui ont le bonheur de vous appartenir et tous ceux qui jouissent de vos bontes et de votre amitie; comme j'espere que nous sommes du nombre c'est une vraie fete pour nous, et le toast de famille sera porte de tout c?ur a la sante et la prosperite de notre bonne et chere Катерина Федоровна. — Nous passons notre tems si tranquillement et si doucement que si ce n'etoit le desir de partager notre tems avec nos amis de Petersbourg nous aurions prolonge notre sejour ici.

Adieu ma bonne et che?re Amie, veuillez me rappeler au souvenir de toute votre aimable famille. Et croyez-moi toujours votre toute devouee de c?ur et d'ame.

C. Karamzine.

Перевод:

Я присоединяюсь к Мужу, милая и уважаемая госпожа Муравьева, чтобы поздравить вас с днем рождения, но особенно я поздравляю всех, кто имеет счастье принадлежать к Вашей семье и всех, кому вы дарите вашу доброту и дружбу; я надеюсь, что мы из их числа и это для нас истинный праздник. Наш семейный тост будет поднят за здоровье и благополучие милой и дорогой Катерины Федоровны. Мы проводим время так спокойно и приятно, что если бы не желание встречаться с нашими петербургскими друзьями, мы продлили бы свое пребывание здесь. Прощайте, дорогой и добрый друг, передайте мои приветы всему вашему милому семейству. И знайте, я всегда вам предана сердцем и душой.

К. Карамзина.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьевой Е. Ф., 19 августа 1825 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 18. — [Т.] II—III.

№ 19. Муравьевой Е. Ф.

Царское Село, 19 авг. 1825.

Любезнейшая и почтеннейшая Катерина Федоровна! всем семейством поздравляем вас со днем рождения любезного Никиты Михайловича1; поздравляем и всех ваших, начиная с него самого. Будьте все здоровы, спокойны и веселы! Как жаль, что мы лично не празднуем с вами! Я все хилею и дней шесть был опять очень нездоров. Дайте нам о себе весть. Уже нет Тургенева2, через которого мы знали все, что у вас делается! Теперь живем в глуши. Не ленитесь ли? Делаете ли движение? (нрзб.) целую вашу ручку с нежностию. Бог с вами и с нами! Навеки вам преданный

Н. Карамзин.

Адрес: Ея превосходительству Милостивой государыне Катерине Федоровне Муравьевой в ея доме у Аничкова мосту в С. Петербурге.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьевой Е. Ф., 10 ноября 1824 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 18. — [Т.] II—III.

№ 18. Муравьевой Е. Ф.

Любезнейшая и почтеннейшая Катерина Федоровна! мы об вас беспокоимся: не испугало ли вас страшное наводнение?1 Здоровы ли вы со всеми вашими? Мы не рады тому, что Бог не дал нам видеть этого общего бедствия. Нездоровье мое задержало нас в Царском Селе. Надеемся переехать к вам в субботу и найти вас всех в добром здоровье. Между тем целую вашу ручку. Душою и сердцем вам преданный

Н. Карамзин.

Получили ли вы наше письмо 1 ноября?

Адрес: Ее превосходительству Милостивой государыне Катерине Федоровне Муравьевой в ея доме у Аничкова моста. В С. Петербурге.

На штемпеле дата: 1824 10 ноября.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьевой Е. Ф., 6 сентября 1823 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 16—17. — [Т.] II—III.

№ 16. Муравьевой Е. Ф.

Царское Село, 6 сент. 1823.

Любезнейшая и почтеннейшая Катерина Федоровна! Давно не имеем от вас известия: надеемся, что вы здоровы и благополучны со всем милым семейством. Мы все еще слышим жестокий кашель наших детей, и все еще беспокоимся, хотя, слава Богу! и менее прежнего.

Не имея охоты от больных ехать в город, боясь, чтобы мои книги не мешали отделке ваших комнат, прошу вас приказать, чтобы их вынули из шкапов и в каких-нибудь коробах или в рогожах перенесли в новую нашу квартиру, вместе с фортепиано; но как это нужно сделать бережно, то я пишу к А. И. Тургеневу, чтобы он дал, для сей операции, своего чиновника надежного1, который бы дал себе труд за всем посмотреть, положил бы книги в той комнате, пятой от входа, где будет мой кабинет, и закрыл бы их на полу рогожами. Впрочем даю вам и

[illegible] Александру Ивановичу carte blanche*: сделайте милость, устройте так, чтобы книги были целы: ибо некоторые из них казенные, императрицыны, редкие и проч. Надобно также для переноски выбрать не дождливый день. Утруждаю вас этою просьбою в надежде на вашу дружескую к нам милость.
Нежно целую вашу ручку, свидетельствуя душевное почтение всем вашим. Навеки преданный вам

Н. Карамзин.

Когда перенесут книги и все наши вещи к Мижуеву, то их запереть и отдать ключи его прикащику.

Адрес: Ея превосходительству Милостивой государыне Катерине Федоровне Муравьевой в ея доме близ Аничкова мосту. В С. Петербурге.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьевой Е. Ф., 18 августа 1823 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 16. — [Т.] II—III.

№ 15. Муравьевой Е. Ф.

Почтеннейшая и любезнейшая Катерина Федоровна! Всем семейством усердно вас поздравляем с завтрашним праздником1, столь любезным для вашего сердца нежного; поздравляем почтенного Никиту Михайловича, милостивую государыню Александру Григорьевну2 и Александра Михайловича, желая, чтобы вы весело провели не только этот день, но и весь год. Если бы не болезнь детей, которая нас очень беспокоит, особливо Андрюшина3, то мы поздравили бы вас лично. Будьте вы здоровы со всеми вашими милыми. Целую вашу ручку. Навеки преданный вам

Царское Село, 18 авг. 1823.

Н. Карамзин.

Адрес: Ея превосходительству Милостивой Государыне Катерине Федоровне Муравьевой, в доме ея на Фонтанке у Аничкова мосту в С. Петербурге.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьевой Е. Ф., 13 августа 1823 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 16. — [Т.] II—III.

№ 14. Муравьевой Е. Ф.

Царское Село, 13 авг. 1823.

Любезнейшая и почтеннейшая Катерина Федоровна! Мы наняли известный вам дом купца Мижуева1 на Моховой. Я должен сам приехать, чтобы перенести туда книги и фортепиано; но скоро быть не могу, будучи в грусти и в беспокойстве о детях. Между тем можно отослать туда наши не важные мебли2 и адресоваться к прикащику хозяина, который отопрет комнаты и укажет, где что поставить: для чего прошу вас приказать вашему управителю нанять на наш щет трех или четырех носильщиков и посмотреть за ними, чтобы все было цело. — Все мои свидетельствуют вам и вашим, вместе со мною, свое дружеское почтение. А мы живем теперь в совершенном уединении, ибо все нас бегают как чумных, боясь коклюша наших детей. Нежно целую вашу ручку. Навеки душею преданный вам

Н. Карамзин.

Адрес: Ея превосходительству Милостивой Государыне Катерине Федоровне Муравьевой. В

Адрес: Ея превосходительству Милостивой государыне Катерине Федоровне Муравьевой. В доме ея на Фонтанке у Аничкова мосту.

Карамзин Н. М., Карамзина Е. А. Письмо Муравьевой Е. Ф., 26 сентября 1822 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 15—16. — [Т.] II—III.

№ 13. Муравьевой Е. Ф.

Царское Село, 26 сент. 1822.

Почтеннейшая и любезнейшая Катерина Федоровна! Еще ли вы за городом, или уже в городе? И мы помышляем о вашем городском крове. Сделайте милость, узнайте, вставлены ли у нас двойные окончины нашими платёрами, которым я послал за то и деньги? Да еще просим сделать второе одолжение, приказать, чтобы в людских комнатах заделали щель над дверью, в которую очень несет. Здоровы ли вы с вашими милыми? У нас все хорошо, слава Богу! Нежно целую вашу ручку, обнимаю любезных Никиту Михайловича и Александра Михайловича. Навеки душою и сердцем преданный вам

Н. Карамзин.

Если принесут на мое имя цыбик1 чаю, то прикажите Дворецкому взять его.

(Приписка рукой Е. А. Карамзиной):

Que faites-vous, chere et bonne Madame Mouravieff, dans vos iles enchantees, qui sont devenues, je suppose, un peu le sejour de Boree? J'espere pouvoir revenir sous votre toit hospitalier dans le courant du mois prochain; jusqu'a ce moment meme la campagne a conserve des charmes; je monte beaucoup a cheval; les promenades a pied ne sont pas negligees pour cela, et dans tous les tems, par un beau clair de lune, comme par un brillant soleil, et, comme aujourd'hui, par un tems tre?s brumeux. Je desire que vous vous porties tous aussi bien que nous, et que vous nous aimies autant que nous vous aimons. La dessus je vous embrasse et me rappelle au souvenir de vos Messieurs ainsi que de Mlle Batuschkoff.

Адрес: Ея превосходительству Милостивой государыне Катерине Федоровне Муравьевой. В доме ея на Фонтанке у Аничкова мосту. В С. Петербурге.

Перевод:

Что делаете вы, милая и дорогая госпожа Муравьева, на ваших волшебных островах, которые стали, я думаю, немного походить на прибежище Борея? Я надеюсь вернуться под вашу гостеприимную крышу в следующем месяце; деревня даже до сих пор сохранила очарование; я много езжу верхом; не пренебрегаем и пешими прогулками, причем в любую погоду, при прекрасном лунном свете, при сиянии солнца, или, как сегодня, при очень пасмурной погоде. Я желала бы, чтобы вы себя чувствовали так же хорошо, как и мы, и чтобы вы нас любили так же, как мы любим вас. За сим, я вас обнимаю и шлю приветы вашим мужчинам, а также девице Батюшковой2.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьевой Е. Ф., 28 августа 1822 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 15. — [Т.] II—III.

№ 12. Муравьевой Е. Ф.

Всем семейством поздравляем милого имянинника1, вас, почтеннейшая Катерина Федоровна, и любезнейшего Никиту Михайловича. Всего, что может назваться добром в здешнем Свете, сердечно желаем ему и вам. Будем пить за его здоровье, жалея, что не (в) вашем присутствии. Благодарим за дружеское угощение и за прекрасную прогулку, о которой еще с удовольствием

Благодарим за дружеское утощение и за прекрасную прогулку, о которой еще с удовольствием вспоминаю. Мы, слава Богу! здоровы. Авось еще побываем у вас в гостях, если осень будет также хороша, как лето. Целую вашу ручку, обнимаю ваших милых. Навеки ваш

Царское Село, 28 авг. 1822.
Н. Карамзин.

Адрес: Ея Превосходительству Милостивой Государыне Катерине Федоровне Муравьевой.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьевой Е. Ф., 28 июля 1822 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 14—15. — [Т.] II—III.

№ 11. Муравьевой Е. Ф.

Царское Село, 28 июля 1822.

Почтеннейшая и любезнейшая Катерина Федоровна! Вы и мы были в Петергофе, а не съехались. Граф Каподистриа1 помешал и моей беседе с любезным Никитою Михайловичем, к моему сердечному сожалению. Мы собирались к вам, но теперь думаем отложить до 19 августа, чтобы праздновать у вас любезные имянины. Позволите ли приехать нам и с сыновьями? То есть, можете ли поместить всех нас дня на два в вашем обновленном доме? Думаю завтра, если не будет дождя, съездить часа на три в город для свидания с Иван. Иван. Дмитриевым2: полагаю, что вы еще в Петергофе, и не имею надежды видеть вас.

После засухи льют дожди, так, что грустно. Впрочем мы здоровы, слава Богу, и живем в тишине; мало гуляем, но много читаем. В Петергофе мне всегда приятнее была прогулка в шлюпке по морю, а прекрасной иллюминации мы почти не видали. Целую вашу ручку, обнимаю ваших милых, и свидетельствую мое душевное почтение Александре Николаевне3. Катерина Андр. будет писать к вам завтра. Навеки преданный вам

Н. Карамзин.

Адрес: Ея Превосходительству Милостивой Государыне Катерине Федоровне Муравьевой. В доме ея у Аничкова мосту на Фонтанке. В С. Петербурге.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьевой Е. Ф., 7 октября 1821 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 14. — [Т.] II—III.

№ 10. Муравьевой Е. Ф.

Ц. С. 7 окт. 1821.

Любезнейшая и почтеннейшая Катерина Федоровна! всею душою разделяем ваши чувства: радуемся, что любезный Никита Михайлович снова в службе, и грустим, что вы с ним должны расстаться. Дай Бог, чтобы не на долго, и с пользою для его службы1! Сам государь сказал мне о вашем к нему письме, прибавив к тому весьма хорошее слово о достоинстве Никиты Михайловича, который, надеюсь, не уедет до нашего переезда в город. Думаем скоро после 20-го окт. быть под вашим кровом. Мы, слава Богу! здоровы. Все мои свидетельствуют вам свою любовь и почтение, а я с нежностию целую вашу ручку. Навеки преданный вам

Н. Карамзин.

Адрес: Ея Превосходительству Милостивой Государыне Катерине Федоровне Муравьевой. В доме ея на Фонтанке у Аничкова моста в С. Петербурге.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьевой Е. Ф., 14 сентября 1821 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 14. — [Т.] II—III.

№ 9. Муравьевой Е. Ф.

Царск. Село, 14 сент. 1821.

Почтеннейшая и любезнейшая Катерина Федоровна! От всего сердца поздравляем вас и любезного Никиту Михайловича со днем его Ангела, желая дорогому имяниннику всего, чего себе желаем.

Отдано ли в приказе?1 — Уведомьте нас, когда вы переедете в город: мы тотчас отправимся к вам в гости, если не ночевать, то обедать.

Повторяю просьбу, чтобы вы приказали на щет наш нанять работников и вставить двойные окончины2 в наших комнатах хорошенько.

Целую вашу ручку. Душою вам преданный

Н. Карамзин.

Адрес: Ея превосходительству Милостивой Государыне Катерине Федоровне Муравьевой.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьевой Е. Ф., 5 сентября 1821 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 13—14. — [Т.] II—III.

№ 8. Муравьевой Е. Ф.

Царское Село, 5 сент. 1821.

Сердечно благодарим вас, почтеннейшая и любезнейшая Катерина Федоровна, за ваше дружеское поздравление. Это был для нас имянинной сюрприз. Мы более удивились, нежели обрадовались.

Перед отъездом имянинника1 я напомнил Ему о нашем любезном Никите Михайловиче, и даже опять упомянул об нем в письме 1 сент. Отчего это длится, не знаю: не от начальника ли? Увидим.

Мы, слава Богу! Здоровы, но беспокоимся о Лизе2: ее кормилица занемогла.

Нежно целую вашу ручку, обнимаю любезного Никиту Михайловича. Жена и дочери у обедни. Бог с вами и с нами! Навеки преданный вам

Н. Карамзин.

Адрес: Ея превосходительству Милостивой государыне Катерине Федоровне Муравьевой в ея доме у Аничкова мосту на Фонтанке. В С. Петербурге.

Карамзин Н. М., Тургенев А. И. Письмо Муравьевой Е. Ф., 14 июня 1820 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 13. — [Т.] II—III.

№ 7. Муравьевой Е. Ф.

Царское Село, 14 июня 1820.

Здравствуйте, любезнейшая и почтеннейшая Катерина Федоровна. Мы думали нынешний день ехать в город, следственно и к вам; но остаемся дома от того, что чувствую себя не совсем здоровым. Пишу к вам с А. И. Тургеневым1. Книги Государю я отдал. Он говорил о незабвенном

Михаиле Никитиче2 с истинным чувством; сказал, что знает достоинства Никиты Михайловича, его ум, сведения, ревность к добру и к чести; что рад снова открыть ему путь по службе, когда Никита Михайлович пожелает того3. Это от слова до слова. Я был совершенно доволен отзывом.

На той неделе авось явлюсь у вас. Целую вашу ручку, обнимаю любезного Никиту Михайловича и Александра Мих. Навеки преданный вам

Н. Карамзин.

Адрес: Ея Превосходительству Милостивой государыне Катерине Федоровне Муравьевой.

(Приписка рукой А. И. Тургенева):

Зная, что письмо сие прочтете не без удовольствия, немедленно посылаю.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьевой Е. Ф., 27 июня 1819 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 13. — [Т.] II—III.

№ 6. Муравьевой Е. Ф.

Царское Село, 27 июня 1819.

Любезнейшая и почтеннейшая Катерина Федоровна! Напрасно ждали мы от вас письма из Москвы: вы не хотели написать к нам ни строки, и это нам очень грустно, тем более, что мы в своей уединенной жизни ничего об вас не слышим. Бог дал нам сына Владимира1. Катерина Андр. оправляется, но как-то медленно, теперь все еще слаба, хотя и начинает бродить по саду. Все еще надеемся, что вы хотя из Нижнего дадите нам добрую весть о вашем здоровье. Время, кажется, хорошо для путешествующих. Я давно не помню такого прекрасного лета. Мы живем в единообразии, а вы беспрестанно видите новые предметы. Нам покойнее, а вам веселее. Нижний с своею блестящею ярмонкою представится вашим глазам не в том виде, в каком мы его в 1812 году видели2. Всего более желаем вам здоровья. Сто раз целую вашу ручку, обнимаю любезных братьев, Никиту и Александра Михайловичей. Усердно кланяюсь г. Гедике3. Когда ждать вас назад? В октябре? Как еще долго! навеки ваши

Карамзины.

Адрес: Ея превосходительству Милостивой государыне Катерине Федоровне Муравьевой. Отдать Е(го) Высокородию Петру Михайловичу Дружинину, г(осподину) Директору Училищ. В Москве.

Карамзин Н. М., Карамзина Е. А. Письмо Муравьевой Е. Ф., 27 июля 1818 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 11—12. — [Т.] II—III.

№ 5. Муравьевой Е. Ф.

(Рукой Е. А. Карамзиной)

S. Selo le 27 juillet 1818.

Bonjour, chere bonne et respectable Madame Mouraview, nous n'avons pas eu encore de vos nouvelles

Bonjour, chere bonne et respectable Madame Mouraview, nous n'avons pas eu encore de vos nouvelles directes, s'entend; car si celles que nous recevions indirectement ne nous eussent satisfaites, il y a longtems que nous aurions rompu le silence pour savoir e quoi nous en tenir sur votre compte. Dieu veuille que la beaute de la saison augmente la bonte de votre sante? et vous fortifie asses pour pouvoir affronter les rigueurs de l'hiver sans en etre abattue. J'espare aussi que l'arrivee de votre jeune-Ami vous rendra aussi heureuse que vos amis peuvent le desirer. — Pour ce qui est de nous, ma respectable Amie, depuis notre arrivee ici il n'y a que mon Mari qui a eu le talent de gagner un gros rhume qui ne l'a pas encore tout a fait quitte, il a meme rencheri sur ce talent, car ces jours-ci il a beaucoup souffert d'un mal de gorge: mais comme tout cela ne tire pas a consequence, nous n'avons que des graces a rendre a la bonte de Dieu et a notre Auguste et tras aimable Hote pour son hospitalite. Reellement nous jouissons en plein du delicieux sejour de Sarsko-Selo. Mais tout en savourant le present encore, ne faut-il pas negliger le futur qui pour etre moins sur, n'en est pas moins interessant. C'est pourquoi nous nous adressons, a vous, chere Катерина Федоровна, pour savoir vos dispositions definitives au sujet de votre maison: en cas que vous n'en ayes pas encore dispose autrement, dites-nous avec la meme franchise si vous voules nous avoir pour vos locataires avec la modique paye de 5000 R. que nous en mettons a vous avouer que nous ne pouvons surpasser cette somme, vu l'etat de nos affaires, l'idee de loger sous le meme toit avec la personne que nous respectons le plus a Petersb. ajoute un charme infini au plaisir d'occuper un beau quartier. En attendant votre reponse comme celle d'oracle, seulement sans ambiguite, je suis pour la vie votre toute devouee C. Karamzine.

Mes filles sous presentent leurs respectueux hommages. Veuilles dire mille amities de ma part a Mr Alexandre et a Mlle Mouraview.

(Приписка рукой Н. М. Карамзина):

Целую вашу ручку, любезнейшая и почтеннейшая Катерина Федоровна. Здоровы ли вы? Поздравляем вас с удовольствием нашего доброго Батюшкова3. Надеюсь, что скоро поздравим и с благополучным прибытием милого Никиты Михайловича. Преданный вам навеки

Н. Карамзин.

Перевод:

Ц. Село, 27 июля 1818.

Здравствуйте, дорогая, милая и уважаемая госпожа Муравьева, мы до сих пор не имеем от вас известий, разумеется, прямых, те же, что доходят до нас косвенным путем, не могут нас удовлетворить. Мы уже давно бы нарушили молчание, если бы знали как вы к этому отнесетесь. Дай Бог, чтобы это прекрасное время года улучшило ваше здоровье и укрепило вас настолько, чтобы благополучно перенести зимние холода. Я надеюсь также, что приезд вашего молодого Друга1 сделает вас настолько счастливой, насколько ваши друзья могут этого желать. Что касается нас, мой уважаемый Друг, то после нашего приезда сюда только мой муж ухитрился получить сильный насморк, который еще не совсем прошел. Он весьма в этом отношении везучий, так как много еще страдал в эти дни и от боли в горле; но поскольку все обошлось без последствий, нам остается лишь возблагодарить Бога и нашего Августейшего и очень любезного Хозяина2 за его гостеприимство. Пребывание в Царском Селе доставляет нам большое удовольствие. Но наслаждаясь настоящим, не следует забывать о будущем, которое хоть и менее ясно, но не менее интересно. Поэтому мы обращаемся к вам, милая Катерина Федоровна, чтобы узнать ваши окончательные намерения относительно вашего дома: в случае, если вы пока им не распорядились иным образом, скажите нам с обычной откровенностью, хотите ли вы иметь нас своими жильцами за скромную плату в 5000 руб., которую, мы должны признаться, не имеем возможности увеличить из-за состояния наших дел. Мысль жить под одной крышей с особой, которую мы уважаем более всех в Петербурге, прибавляет бесконечное очарование к удовольствию занимать прекрасную квартиру. Ожидая вашего ответа, как приговора, только искреннего, я надеюсь, остаюсь на всю жизнь вам преданная

К. Карамзина.

Мои дочери выражают вам свое почтение. Передайте тысячу дружеских приветов от меня господину Александру и мадемуазель Муравьевой.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьевой Е. Ф., 22 июля 1817 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 11. — [Т.] II—III.

№ 4. Муравьевой Е. Ф.

Царское Село, 22 июля 1817.

Берем сердечное участие в ваших заботах, почтеннейшая Екатерина Федоровна. Знаем, что вам нелегко будет расстаться с любезным Никитою Михайловичем и на короткое время1. Дай Бог, чтобы он возвратился к вам благополучно.

В рассуждении дома, мы уже не думаем о перемене: остаемся у Баженовой2. Состояние Катерины Андр. не дозволяло мне ездить в город, чтобы искать удобнейшего дома; а между тем срок приближился, и нам должно было решиться.

Жена все еще не родила: жду этой минуты с беспокойством и с надеждою на милость Божию.

Целую вашу ручку с почтением и с любовию. Жена и дети мои уверяют вас в том же искреннем к вам чувстве. Бог с вами и с нами! Навеки преданный вам

Н. Карамзин.

Адрес: Ея превосходительству Милостивой Государыне Екатерине Федоровне Муравьевой.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьевой Е. Ф., июль 1817 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 11. — [Т.] II—III.

№ 3. Муравьевой Е. Ф.

Царское Село (середина июля 1817 г.)

Как нам грустно, что мы так давно не видали вас, любезнейшая и почтеннейшая Катерина Федоровна? Жена моя всякую минуту ждет родить1: оттого не могу оставить ее; иначе был бы у вас. — А. И. Тургенев2 сказывал мне, что вы желали бы отдать нам ваш верхний этаж: это было бы для нас прекрасно; но боюсь вашей излишней деликатности. С 1-го авг. нам должно или переехать в другой дом или остаться в занимаемом нами. Мы платим 4000 р.; можем дать и более. Скажите слово; но ради Бога без малейшего принуждения. Целую вашу ручку. Душою и сердцем преданный вам

Н. Карамзин.

Адрес: Ея превосходительству милостивой государыне Екатерине Федоровне Муравьевой.

Карамзин Н. М., Карамзина Е. А. Письмо Муравьевой Е. Ф., 29 марта 1816 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 10—11. — [Т.] II—III.

№ 2. Муравьевой Е. Ф.1

Москва, 29 марта 1816

Москва, 29 марта 1810.

Почтеннейшая и любезнейшая Катерина Федоровна! Последним словом моим в Петербурге было изъявление моей сердечной к вам благодарности, а первым в Москве да будет тоже!2 Ваша милость и дружба составляют одно из главных благ моей жизни. Зная чистоту вашей души,

радуюсь вашей любовию, которая дает более достоинства моему нравственному существу. — С нежностию целую вашу руку.

Я щастлив свиданием с милым семейством. Но сын, Андрей3, не здоров: это беспокоит меня, хоть и не вижу еще опасности. У него идут, кажется, зубы; а может быть есть и простуда. Помолитесь за нас: мы же будем за вас молиться.

Дай Бог что (б) в конце мая мы увиделись или в Царском Селе или в Петербурге благополучно! Хорошо жить в одном месте с вами.

Обнимаю молодых друзей моих, любезного Никиту Михайловича4 и веселого братца его5. Всем, кто ездит в ваш благословенный дом и вспомнит обо мне, от доброго сердца кланяюсь.

Простите, почтеннейшая Катерина Федоровна. Я еще не совсем отдохнул от худой дороги; но если Бог сохранит мое остальное семейство, то я готов веселиться и прыгать.

Любите нас всегда, как мы вас любить будем. Бог с вами и с нами. Душею преданный вам навеки

Н. Карамзин.

(Приписка рукой Е. А. Карамзиной):

Дозвольте и мне, любезнейшая и почтеннейшая Катерина Федоровна, соединить свою благодарность с мужнею и уверить вас, что умею ценить все ваши дружеские милости, оказанные в бытность его в Петербурге под вашим гостеприимным кровом. Надеюсь, что в будущее мое пребывание в вашем городе не оставите и меня полу-сироту без призрения; без шуток, из чистейших удовольствий в моей новой жизни будет для меня надежда заслужить вашу благосклонность. Примите, почтенная Катерина Федоровна, уверение в моей к вам преданности.

Адрес: Ея превосходительству Милостивой Государыне Катерине Федоровне Муравьевой в собственном ея доме на Фонтанке у Аничкова мосту, в С. Петербурге.

Карамзин Н. М. Письмо Муравьеву М. Н., 20 апреля 1806 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 10. — [Т.] II—III.

№ 1. Муравьеву М. Н.1

Милостивый государь Михайло Никитич!

С живейшею признательностию чувствую все Ваши милости и одолжения. Теперь ожидаю только, чтобы князь Петр Васильевич2 и Петр Степанович3 сообщили сюда о Высочайшем позволении, мне данном, иметь вход в Архивы и Оружейную Палату. Abhandlungen B. G. W.4 меня также очень обрадовали; не замедлю возвратить их Вашему Превосходительству.

С сердечною преданностию и с глубочайшим почтением имею честь быть. Милостивый государь! Ваш покорнейший слуга

Москва, 20 апреля 1806.

Николай Карамзин.

Карамзин Н. М. Письмо Малиновскому А. Ф., 12 мая, 1816 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 33. — [Т.] II—III.

№ 42. (Малиновскому А. Ф.)1

(Москва)

Завещание Карамзина.

1, оставляю шесть ящиков, из коих три под № 1, 2 и 3, должны быть отправлены на почту в пятницу 19 мая; а другие три, под № 4, 5 и 6 остаются в архиве до моего востребования. Адресовать ящики на имя историографа К. в город Софию2 или Царское Село.

2, остается еще в архиве большой сундук с моими книгами до моего возвращения или распоряжения.

Н. Карамзин.

Мая 12, 1816.

Карамзин Н. М., Карамзина Е. А. Письмо Оболенскому А. П., 16 февраля 1818 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 26—27. — [Т.] II—III.

№ 32. Оболенскому А. П.

С. Петербург, 16 февр. 1818.

Любезнейший Князь и Друг! От всего сердца поздравляем Вас с блестящим знаком Царской милости1. Будьте только здоровы со всеми вашими: для того и пьем здоровье нового Кавалера Св. Анны.

Мы благодарим Бога, хотя иногда и беспокоимся о Катеньке: она еще худо оправляется2.

Вы, думаю, получили экземпляр моей истории3: читайте или не читайте; лишь только любите нас. До сего времени публика балует меня тем, что раскупает книгу. Остается уже не более тысячи экземпляров.

Обнимаю Вас со всею дружескою горячностию; целую руку у почтенной Княгини и всем Вашим свидетельствую мою искреннейшую преданность, начиная с милостивого Государя, Князя Петра Александровича. Еще ничего не знаем о свадьбе любезного К(нязя) Василья Петровича4. — Бог с Вами и с нами! Навеки Ваш

Н. Карамзин.

(Приписка рукой Е. А. Карамзиной):

Je vous salue de tout mon c?ur, cher Chevalier et le plus digne de l'etre; vous ne doutes pas de tout le plaisir que nous avons eu a cette bonne nouvelle, comme a tout ce qui peut vous arriver d'heureux; receves-en mes felicitations bien since?res et des v?ux que je forme pour que votre service vous soit toujours aussi agreable qu'il est utile aux autres. Dites mes felicitations a votre che?re et bonne femme qui j'embrasse tendrement ainsi que le mari et toute la chere famille. Je baise les mains a mon cher et respectable Papa en le felicitant de la joie qu'il a du eprouver en voyant le merite recompense dans la personne de son fils. — En grace dites-nous quelque chose de satisfaisant sur l'etat de la bonne et chere Lise; j'ai eu des moments cruels a son sujet, encore n'ai-je appris la nouvelle de sa maladie qu'apres que

Elise; j'ai eu des moments cruels a son sujet, encore n'ai-je appris la nouvelle de sa maladie qu'apres que le danger etoit passe; dans ce moment j'espere qu'elle est parfaitement remise. Dieu le veuille.

Адрес: Его сиятельству Милостивому Государю Князю Андрею Петровичу Оболенскому. В доме его на Рожественке в Москве.

Перевод:

Я вас приветствую от всего сердца, дорогой Кавалер и достойнейший из людей, не сомневайтесь в том удовольствии, которое нам доставила эта добрая весть, как и все, что может с вами произойти счастливого. Прибавьте к моим искренним поздравлениям и мои пожелания, чтобы ваша служба так же была приятна для вас, как она полезна для других. Передайте мои поздравления вашей милой и доброй жене, которую я нежно обнимаю, как и ее мужа и все милое семейство. Целую ручки дорогому и уважаемому Батюшке и поздравляю его с радостью, которую он должен был испытать, видя, что заслуги его сына теперь вознаграждены. — Сделайте милость, скажите нам что-нибудь утешительное о состоянии милой и дорогой Лизы, о которой я сильно беспокоилась и о болезни которой узнала только после того как опасность миновала; сейчас, я надеюсь, что она совершенно поправилась, дай Бог.

Карамзин Н. М. Письмо Оболенскому А. П., 23 ноября 1817 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 25—26. — [Т.] II—III.

№ 31. Оболенскому А. П.

С. Петербург, 23 ноября 1817.

Любезнейший Князь и Друг наш!

Пишу к Вам с Баварским министром, Графом Бреем (C(omte) de Bray)1, который желает пользоваться Вашим приятным знакомством в Москве. Он человек умный и любезный в обществе, уважаем при Дворе и в свете, здешний хлебосол, и проч. и проч. Он всегда ласкал нас, и мы Вам скажем спасибо за Вашу к нему ласку. Мы говаривали с ним о Вашем почтенном семействе.

Поздравляем Вас с любезною имянинницею2. Будьте все здоровы и благополучны. Бог хранит нас своею милостию. Живем более уединенно. Скажите нам о себе. И вблизи и в отдалении любим Вас всею душою. — Целую ручку у почтенной Княгини. Напомните об нас всем Вашим милым, начиная с милостивого Государя, Князя Петра Александровича. Никто более нашего не желает Вам добра. Обнимаем Вас мысленно. Навеки преданный Вам

Н. Карамзин.

Адрес: Господину князю Андрею Оболенскому куратору Университета в Москве в собственном его доме на Рожественке.

Карамзин Н. М. Письмо Оболенскому А. П., 25 января 1817 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 23. — [Т.] II—III.

№ 27. Оболенскому А. П.

С. Петербург, 25 Генв. 1817.

Любезнейший Князь!

Мы Вас ждем в Петербург, а Вы не едете. На всякий случай скажу Вам несколько слов. Я

слышал, что письмо Марьи Петровны1 произвело самое лучшее действие, и что ей дана большая аренда; мне хотели прислать записку, но не прислали. Вероятно, что Вы уже знаете все лучше меня. Я опять в простуде, а Катенька в лихорадке. Здесь нам не здоровится, а надобно прожить еще года полтора! Жена должна родить в августе; это обстоятельство и корректура едва ли не удержат нас в городе на все лето. Как идут Ваши университетские дела? Желаем знать, будете ли сюда? Обнимаем Вас от всего сердца, как теперь обнимаю Вас мысленно. Целую ручку у любезной княгини и свидетельствую душевное почтение Князю Петру Александровичу. Навеки Ваш

Н. Карамзин.

Адрес: Его сиятельству Милостивому Государю Князю Андрею Петровичу Оболенскому в его доме на Рожественке в Москве.

Карамзин Н. М., Карамзина Е. А. Письмо Муравьевой Е. Ф., 2 ноября, (без года), Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 19—20. — [Т.] II—III.

№ 21. Муравьевой Е. Ф.

(Рукой Е. А. Карамзиной):

Le 2 Novembre Sarsko-Selo. (Без года)

Bonjour, chere et bonne Madame Mouravieff, malgre notre longue separation, elle ne nous fait pas oublier les jours aussi interessants que celui d'aujourd'hui: veuilles donc, chere Amie, recevoir les felicitations et les v?ux de toute la famille Karamzine, depuis la principale tige jusqu'au dernier rameau. Nous boirons a votre chere sante et votre prosperite a notre table de famille en regrettant de ne pas etre a la votre; mais j'espere dans une quinzaine venir vous demander de nous rendre les places que nous avons pris la douce habitude d'occuper a vos repas hospitaliers. — Nous passons notre tems tout tranquillement, mon Mari va doucement aussi pour sa sante, mais Dieu veuille seulement que ce ne soit pas moins bien. Mille amities a tous les votres, ne nous oublies pas nous autres solitaires. Toute a vous

C. Karamzine.

(Приписка рукой И. М. Карамзина):

Нежно целую вашу ручку, любезнейшая Катерина Федоровна, и поздравляю вас с радостным для нас днем вашего рождения. Дай Бог вам всего хорошего в жизни, начиная с здоровья вашего и всех ваших. В надежде скоро увидеть вас душевно преданный вам

Н. Карамзин.

Перевод:

2 ноября. Царское Село.

Здравствуйте, дорогая милая госпожа Муравьева. Несмотря на долгую разлуку, мы не забыли дни столь радостные, как сегодняшний1. Примите, дорогой друг, поздравления и пожелания от всей семьи Карамзиных, начиная от главы и до самых маленьких ее членов. Мы выпьем за ваше доброе здоровье и благополучие за своим семейным столом, сожалея, что не за вашим; но я надеюсь через две недели приехать просить вас вернуть нам места, которые мы привыкли с удовольствием занимать за вашим гостеприимным столом. Мы проводим время очень спокойно. Муж чувствует себя довольно хорошо для своего здоровья, но дай только Бог, чтобы не стало хуже. Тысяча приветов всем вашим, не забывайте нас в нашем уединении. Ваша

К. Карамзина.

Карамзин Н. М., Карамзина Е. А. Письмо Муравьевой Е. Ф., 1 ноября 1823 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 17—18. — [Т.] II—III.

№ 17. Муравьевой Е. Ф.

Почтеннейшая и любезнейшая Катерина Федоровна! От всего сердца и всем семейством поздравляем вас со днем вашего рождения1. Нам грустно, что не будем праздновать его с вами: мы не можем переехать в город прежде 10-го ноября. Лишенные великого удовольствия жить под вашим кровом, желаем заменить его частыми свиданиями с вами; по крайней мере остаемся вашими соседями. Дети наши, слава Богу! уже не мучат нас своим кашлем. Дай Бог, чтобы мы всех вас нашли совершенно здоровыми. Целую вашу ручку. Свидетельствуем душевное почтение милостивой государыне Александре Григорьевне. Мысленно обнимаю любезных Никиту Михайловича и Александра Михайловича. Навеки преданный вам

Царское Село, 1 ноября 1823.

Карамзин.

(Приписка рукой Е. А. Карамзиной):

Vous ne doutez pas, ma bonne et respectable Madame Mouravieff, des v?ux que je forme pour votre tranquillite si ce n'est pour votre bonheur, a un certain age on y renonce; nous sommes bien peines de ne pas passer ce jour avec vous ayant pris la douce habitude de le feter avec votre famille comme en faisant presque membres et reellement nous le sommes par l'attachement since?re et inalterable que nous vous portons. — Nous nous recommandons a votre bon souvenir en attendant que nous ayons le plaisir de nous trouver a votre table hospitalie?re.

C. Karamzine.

Veuillez bien me rappeler au souvenir de tous les votres.

Перевод:

Не сомневайтесь, моя милая и уважаемая госпожа Муравьева, в пожеланиях спокойствия, если не счастья, от которого в определенном возрасте отказываются; мы очень огорчены, что не проводим этот день с вами, приобретя приятную привычку праздновать его с вашей семьей, почти как ее члены, и в действительности мы ими являемся по искренней и неизменной привязанности, которую мы к вам питаем. Шлем вам приветы, в ожидании удовольствия снова встретиться за вашим гостеприимным столом.

К. Карамзина.

Сделайте милость, передайте от меня приветы всем вашим.

Документы русской военной контрразведки в 1812 г. / Публ., [вступ. ст. и примеч.] В. М. Безотосного // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII —XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 50—68. — [Т.] II—III.

Разведка в 1812 г. — это новая, еще не известная страница русской военной истории. Несмотря на то, что литература о 1812 г. необозрима, деятельность разведки в этот решающий для России период ускользала от внимания специалистов.

Русская военная разведка очень активно начала действовать в Европе с 1810 г., с момента, когда правительственные круги в России ясно осознали близкую вероятность вооруженного конфликта

с Империей Наполеона. Благодаря усилиям русских разведчиков военное руководство страны в 1810—1812 гг. имело возможность реально оценить силы своего будущего противника и дать верную оценку его замыслам.

Вся разведывательная информация перед войной стекалась в Военное министерство, но по мере приближения начала военных действий стало очевидно, что необходимо непосредственно в армии создать службу контрразведки, так как Военное министерство, находившееся в Петербурге, не сможет в военное время быстро и оперативно использовать получаемую информацию.

С 1810 по 1812 г. по инициативе тогдашнего военного министра России генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли проводилось реформирование вооруженных сил. Разработкой реформ занималась созданная при министерстве Комиссия по составлению воинских уставов и уложения. Итогом ее деятельности явились важнейшие законодательные акты, один из которых — «Учреждение для управления Большой действующей армии».

На базе трех секретных и неопубликованных дополнений «Учреждения...», подписанных императором Александром I 27 января 1812 г., была впервые на законных основаниях построена организационная структура русской военной контрразведки («Образование вышшей воинской полиции», «Инструкция директору вышшей воинской полиции», «Инструкция Начальнику Главного штаба по управлению вышшей воинской полиции»). В 1812—1815 гг. она действовала под названием «вышшей воинской полиции». В выявленном комплексе документов этой организации термин «вышшая воинская полиция» встречается с некоторыми разночтениями: «вышшая», «высшая», «вышняя», воинская (военная) полиция. Название так до конца и не устоялось, и его написание зависело от писарского произвола.

В трех секретных дополнениях к «Учреждению...» отразились тогдашние представления законодателей о ведении разведки в военных условиях. В них был аккумулирован как русский, так и европейский многовековой опыт разведработы. В указанных документах регламентировалось организационное построение военной контрразведки, ее иерархическая структура, очерчивался круг обязанностей сотрудников и агентов, разрабатывались правила, способы и методы работы с агентурой, сбора и передачи сведений.

15 марта 1812 г. эти три секретных документа были отправлены главнокомандующим армиями. Были назначены и директора высшей полиции в каждую армию. Так, в 3-ю Западную армию получил назначение действительный статский советник И. С. Бароцци, хорошо зарекомендовавший себя на разведывательной работе во время Русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Но, прибыв на новое место, он объявил, что имеет от командования Молдавской армии особое поручение к царю. Был отправлен в Петербург и больше в 3-й армии не появлялся*.

На должность директора высшей полиции 2-й Западной армии был назначен французский эмигрант подполковник маркиз М.-Л. де Лезер, один из самых активных сотрудников русской разведки на западной границе перед войной. Но прибыл он во 2-ю армию после накала военных действий и занимал свой пост весьма недолго. Несмотря на то что с 1800 г. де Лезер служил в русской армии, участвовал в 17-ти боях с французами, успел получить за это три ордена, после неудачных действий русских войск под Смоленском он, как и многие иностранцы, был заподозрен «в сношениях с неприятелем» и выслан в Пермь*.

Фактически и во 2-й и в 3-й армиях контрразведка так и не получила своего организационного оформления. Лишь в 1-й армии высшая полиция, как и предписывалось секретными дополнениями к «Учреждению...», весь период боевых действий имела штат чиновников, канцелярию и директора. Ей же перед войной была подчинена и местная полиция от австрийской границы до Балтики**. На пост директора в марте 1812 г. был назначен Я. И. де Санглен, а с 17 апреля он же стал директором высшей полиции при военном министре***, то есть руководителем всей военной контрразведки в России. Таким образом, высшая полиция 1-й армии, единственная укомплектованная сотрудниками и имевшая начальника, положенного по штату,

подменила собой органы 2-й и 3-й армий, существовавшие только на бумаге. Именно поэтому во время войны подчиненные де Санглена посылались для получения разведывательных сведений в районы боевых действий 2-й и 3-й армий, а также отдельных корпусов.

Первоначально регламентированная секретным законодательством деятельность контрразведки во время войны претерпела значительные изменения, и не все параграфы, предусмотренные правилами, подписанными царем, были реализованы во время военных событии 1812 г. Поскольку де Санглен находился в 1-й армии как сотрудник Военного министерства, то он стал подчиняться не начальнику Главного штаба, как указывалось в инструкции, а Барклаю, узаконившему доставку всех поступающих сведений лично ему****. Как видно из документов контрразведки, в первый период войны у де Санглена появляются и два ранее не санкционированных секретными дополнениями помощника — П. Ф. Розен и К. Ф. Ланг. Кроме того, надо сказать, что составители***** первых правил для контрразведки не проводили твердых границ между агентами, лазутчиками (нескольких родов), шпионами, «разнощиками писем» и зафиксировали многообразие лиц, которые должны сотрудничать с контрразведкой. На практике границы такой классификации были весьма подвижны и не соблюдались.

В начале осени в связи с оставлением поста военного министра Барклаем, сотрудники министерства, находившиеся при нем, покинули театр военных действий. Де Санглен вместе с канцелярией также 2 сентября отправился в Петербург. Директором высшей полиции в армии стал способный контрразведчик П. Ф. Розен. В декабре 1812 г. в армии была введена должность генерал-полицмейстера, на которого возлагались чисто полицейские функции. Это назначение не затронуло контрразведку. «Высшая полиция, — говорилось в предписании М. И. Кутузова, — остается на прежнем своем положении под непосредственным управлением оной надворного советника барона Розена»******.

Также необходимо учитывать, что документы получили окончательное оформление лишь в начале 1812 г. Но поскольку в это время даже в высших эшелонах власти не было ясности, где будут происходить будущие военные действия — на заграничной или собственной территории, а в рядах генералитета продолжалась борьба за выбор наступательного или оборонительного плана, то эти колебания нашли отражение и в тексте трех основных публикуемых документов.

Можно указать и на другой аспект функционирования высшей полиции. Помимо сбора сведений и борьбы с агентурой противника на нее возлагались и задачи политической полиции: надзор за деятельностью чиновников, местной администрации, а также борьба со злоупотреблением властью и казнокрадством (последнее было особенно распространено среди интендантства и купечества, являвшегося основным поставщиком различной продукции и услуг для армии). Так что в какой-то степени высшая полиция, несмотря на то что в ее деятельности на первый план выступали задачи чисто военные, являлась предшественником 3-го Отделения.

Отдельного фонда высшей полиции не сохранилось, хотя таковой и существовал. Документальный комплекс из 143 дел за первую половину 1812 г. в 1816 г. был передан в архив Главного штаба*. Сохранилась отдельная опись с алфавитным указателем встречающихся там фамилий**. В дальнейшем фонды всех разведорганизаций попали в разряд секретных дел, хранившихся в особом кабинете канцелярии Военного министерства вместе с документами, оставшимися после смерти императора Александра I в его кабинете, и «бумагами, отбитыми у неприятеля». С 1856 г. начался разбор секретных дел, который был закончен в 1871 г. Часть малоценных материалов была уничтожена в 1868 г. Из оставшихся 1982 дел к уничтожению было предназначено 303.

Неизвестно, какими критериями, санкционируя ликвидацию документов, руководствовались чиновники. Для хранения в Военном министерстве было оставлено 1497 дел, а 182 — были переданы в другие ведомства***.

Публикуемые материалы составляют лишь мизерную часть этих секретных дел и относятся к

началу организационного оформления русской контрразведки перед войной 1812 г. Комплекс документов хранится в фонде Военно-ученого архива ЦГВИА в «Бумагах, оставшихся после смерти кн. Багратиона» (ед. хр. 517). Оригиналов трех секретных дополнений к «Учреждению...» найти не удалось, но их копии сохранились в нескольких фондах. В то же время только в «Бумагах... Багратиона» все копии содержат и препроводительные документы. И именно здесь были найдены в единственном экземпляре «Присяга для агентов» и «Инструкция Начальнику Главного штаба...».

Документы представлены в той последовательности, в какой сохранились в архиве.

Документы

русской военной контрразведки в 1812 г.

1.

Секретно.

Господину генералу от инфантерии

князю Багратиону от военного министра

В дополнение к учреждению управления большой действующей армии, препровождаю при сем для исполнения Высочайше утвержденныя две секретныя инструкции.

1я Начальнику Главного штаба по управлению вышшей воинской полиции.

2я Директору вышшей воинской полиции с образованием оной.

№ 317

Военный министр Барклай де Толли1

(подпись)

С-Петербург. марта 15 дня.

1812 года

2.

1ая армия По части воинской

вышшей полиции С препровождением

Дополнения к инструкции Директору вышшей полиции

«11» апреля 1812 № 1

Секретно.

Господину Главнокомандующему

2ой Армиею Генералу от инфантерии

Князю Багратиону

Я имел честь препроводить к вашему Сиятельству список с высочайше утвержденной инструкции Директору вышшей полиции при армии. Ныне сделав в следствие того некоторыя дополнения, к упомянутой инструкции, при вверенной мне Армии, я препровождаю при сем к вам Милостивый Государь мой копии с оного, предполагая, что может быть и вашему Сиятельству угодно будет для взаимного содействия к достижению цели вышшей воинской Полиции учинить подобные распоряжения в высочайше вам вверенной Армии, в разсуждении чего и буду ожидать уведомления вашего Сиятельства.

Военный министр Барклай де Толли2

(подпись)

3.

Копия

Секретно.

Господину директору вышшей воинской полиции

при 1ой Западной армии3

Препровождая при сем для руководства вашего копию об высочайше утвержденной инструкции директору вышшей полиции при армии, в дополнение присовокуплю, что распоряжения ваши должны устремляны быть к достижению троякой цели сей полиции, состоящей: 1) в надзоре за полициею тех мест внутри государства, где армия расположена: 2) за тем, что происходит в самой армии и 3) в собирании сведений о неприятельской армии и занимаемой Ею Земли.

Сверх зависящаго от вас употребления агентов4, для достижения первой из означенных целей вы можете требовать нужных по вашей части сведений от начальников местной полиции.

Как о последней части подробно объяснено в прилагаемой инструкции, то в разсуждении двух первых в дополнение только последней нужным нахожу присоединить следующее:

1) цель надзора за местною полициею есть с одной стороны открытие и пресечение могущих быть злоупотреблений оной, а с другой возможность дать ей скорейшее пособие в нужных случаях.

2) надзоре за тем, что происходит в армии, имеет целию отвращение всякого недостатка в продовольствии, содержании войск и во всем для оных потребном, в поддержании в них надлежащего духа и наконец, чтобы всякой с должным рвением выполнял верноподданнический долг свой.

3) точныя сведения о движениях, расположении, духе и прочае неприятельских войск и земли оными занимаемой, нужны для открытия их слабой и сильной стороны и для принятия потому потребных мер.

4) для надзора за местною полициею директор вышшей полиции при армии требует от начальников первой сведений о бродягах, подозрительных людях, числе разного рода жителей и т. п.

5) для собирания точнейших сведений по каждой из трех вышеозначенных частей, директор вышшей полиции отправляет благонадежных и сведущих агентов5 в пограничныя губернии, в армию и за границу.

Замечание*. Само собою разумеется, что люди сии должны быть различных званий, смотря по

возлогаемым на них поручениям; равномерно судя по способностям их, одному можно иногда сделать поручения и по разным частям.

6) агентов по удостоверении в том, что они имеют надлежащия сведения и свойства не иначе должно допускать к исправлению поручений, как приведя на перед к присяге по прилагаемой у

сего форме.

7) каждый агент снабжается перед отправлением его инструкциею от директора высшей полиции6.

8) вообще обязанность агентов состоит в поспешном и верном доставлении всех сведений по данным им поручениям, при исполнении коих должны они строжайше наблюдать скрытность и скромность. За деяное же упущение своего долга, подвергаются жесточайшему взысканию. Агенты должны обращать особенное внимание на могущие быть злоупотребления чиновников, столь пагубныя в настоящих обстоятельствах.

9) директор вышшей полиции по получении известий от агентов предоставляет их с замечаниями своими начальнику Главного штаба и ожидает разрешения Его.

Сделав таким образом вам известными, сколько можно было предварительно, обязанности ваши, я твердо уверен, что вы по усердию ко благу отечества, будете прилагать все силы к тому, чтобы желаемой успех был последствием всех сих распоряжений.

Подлинное подписал военный министр

Барклай де Толли

№ 7

Главная квартира в Вильне

«11» апреля 1812-го года

верно: военный советник де Санглен7

(подпись)

4.

Присяга для агентов8.

Я обещаюсь и клянусь пред Всемогущим Богом и Святым Его Евангелием, что все поручения и повеления, которые я получу от своего начальства, буду исполнять верно и честно по лучшему разумению моему и совести, что за всеми явными и тайными врагами государства, кои учинятся виновными в речах или поступках, или окажутся подозрительными, будут тщательно наблюдать, объявлять об оных и доносить, как и где бы я ни нашел их; равномерно не буду внимать внушениям личной ненависти, не буду никого обвинять или клеветать по вражде, или по другому какому-либо противозаконному поводу, и все что на меня возложится, или что я узнаю, буду хранить в тайне и не открою или не обнаружу ничего ни пред кем, уже бы это был ближайший мой родственник, благодетель или друг. Все сие выполнить обязуюсь и клянусь столь истинно, как желал я. Да поможет мне Господь Бог, в сей равно и будущей жизни. Если же окажусь преступником против сей клятвы да подвергнусь без суда и добровольно строжайшему наказанию, яко клятвопреступник. Во уверение чего и подписуюсь9.

5.

На подлинном написано

собственною Его Величества рукою тако: Быть по сему.

С. Петербург генваря 27го дня 1812 года

Секретно.

Инструкция Директору вышшей воинской полиции.

Директор вышшей воинской полиции состоя в совершенном и непосредственном ведении Начальника Главного Штаба, обязан доставлять сведения о неприятельской армии положительно, скоро и безпристанно.

Он ответствует за доброе движение всей системы вышшей полиции.

Он ответствует за выбор и надежность всех употребляемых агентов.

Он ответствует за тайну всех действий вышшей полиции.

Он один находится в главной квартире.

Все переписки и сведения получаются им следующим образом:

На известныя места вне Главной Квартиры высылает он доверенных чиновников для принятия писем под условленными адресами к нему следующих.

Чиновники сии отсылают оные к нему с надежными людьми.

К его обязанностям относятся следующие предметы.

I. О средствах узнавать истинных лазутчиков.

§ 1.

Ложные лазутчики узнаются обыкновенно тем, что приносят новости неважные и никогда не доставляют других, кои могут или должны вероятно знать.

§ 2.

Ложные лазутчики могут быть отправлены к неприятелю в армию следующим образом:

Они должны быть схвачены и посажены под стражу, яко бы люди подозреваемые в шпионстве от неприятеля. Через несколько времени и после некоторой огласки их оправдания, могут они быть отпущены в неприятельскую армию.

§ 3.

Лазутчики сего рода должны быть употребляемы с большою платою за важныя известия, и нужною осторожностию, дабы не вышли действительно двусторонними10.

§ 4.

В числе сих лазутчиков могут быть употребляемы ложные дезертиры, кои передаваясь к неприятелю и вступая в его службу, уходят обратно и приносят известия11.

II. Об употреблении двусторонних лазутчиков

в свою пользу.

§ 5.

Как скоро лазутчик подозревается двойным, должно немедленно довести до его сведения важные ложные известия, и в то же время описав его приметы, сообщить всей цепи корреспондентов с предписанием наблюдать за ним и давать ему ложныя известия.

§ 6.

Когда он таким образом сделается безполезен неприятелю, должно схватить и посадить его под стражу12.

III. О способах удостоверения в верности

лазутчиков и агентов.

§ 7.

Сверх разного рода лазутчиков, обязаны начальники округов вышшей полиции набирать из слуг, продавцов и ремесленников партии шпионов, определяемых к наблюдению за поведением лазутчиков, впадших в подозрение. Они обязаны следовать за сими последними даже в неприятельский стан, есть ли сие нужно.

§ 8.

Для лучшего удостоверения в верности агентов, из неутральных или неприятельских чиновников набираемых, нужно привлекать их на свидание в местах безопасных, посылать к ним надежных офицеров с письмами от начальника Главного штаба, которые тотчас должны быть сожигаемы. Посланный обязан достать от них лестью и обещаниями такой письменный ответ, который бы, будучи ясным доказательством измены со стороны агента, служил залогом его верности.

§ 9.

Свидания сии могут быть особенно полезны для поверки донесений лазутчиков и надежности их связей.

§ 10.

Вообще весьма полезно иметь от лазутчиков письменные доказательства о их услугах.

§ 11.

Никогда не должно дозволять лазутчикам приближаться к Главной Квартире, ни же к важнейшим пунктам соединения армии, дабы не могли они видеть ея движений и зделаться двусторонними шпионами, или чтобы не могли быть замечены и после узнаны неприятельскими лазутчиками.

§ 12.

Все шпионы и разнощики писем должны знать одних начальников округов и окружных постоянных агентов вышшей полиции, кои уже присылают свои письма к директору вышшей полиции.

§ 13.

Начальникам округов вышшей полиции и окружным постоянным агентам оной, строго запрещается иметь при себе слуг или лакеев, кои могут замечать людей, к ним приходящих, и изменив открывать их.

Примечание. Директор вышшей полиции во всех прочих его обязанностях, поступает по

предписанию Начальника Главного Штаба.

Верно

Военный министр Барклай де Толли13

(подпись)

6.

На подлинном написано

собственною Его Императорского

Величества рукою тако: Быть по сему

С. Петербург генваря 27го дня 1812 года

Секретно

Образование вышшей воинской полиции при армии

Отделение первое.

Состав управления

вышшей воинской полиции при армии

§ 1.

Вышшая полиция армии состоит в непосредственном ведомстве Начальника Главного Штаба.

§ 2.

При нем находится директор оной.

§ 3.

Вся окружность армиею занимаемая, разделяется на три части, то есть: по обоим флангам и центру неприятельской армии.

§ 4.

Каждая часть сей окружности составляет округ вышшей полиции14.

§ 5.

Каждый из сих округов вверяется самому надежному и испытанному чиновнику вышшей полиции.

§ 6.

Начальники сих округов разсылают на все важнейшие точки, неприятельской операционной линии, постоянных агентов, и объемлют оными оба крыла и зад неприятельских операций и продовольствия.

§ 7.

К сим корреспондентам принадлежат

1е Партии испытанных и расторопных лазутчиков.

2е Жители неутральных и неприятельских областей, разных степеней, состояний и полов, кои могут быть употреблены вышшею полициею.

3е Партии низших лазутчиков из крестьян, кои употребляются на доставление местных сведений.

4е Разнощики тайных переписок трех округов и агентов вышшей полиции.

Отделение второе.

Об обязанностях окружных начальников

вышшей полиции

§ 8.

Обязанность окружных управлений вышшей полиции состоит в следующем:

2е Поверка сведений, ими доставляемых, сличением различных известий из одного места.

3е Строгое наблюдение, дабы агенты не могли знать либо встретить друг друга.

4е Охранение в величайшей осторожности и тайне сношений своих с директором вышшей полиции, строгим исполнением предписанных от него способов переписки.

Примечание 1. Окружные начальники вышшей воинской полиции не могут не токмо иметь между собой сношений, но даже и не должны знать один о другом.

Примечание 2. Агенты окружных управлений никогда не могут иметь доступа в Главную Квартиру иначе, как по собственному требованию Главнокомандующего, и не должны знать о местопребывании окружных управлений.

Отделение третие.

Об агентах.

§ 9.

Агенты суть трех родов:

1е в земле союзной

2е в земле неутральной

3е в земле неприятельской

§ 10.

Агенты в земле союзной могут быть чиновники гражданские и военные той земли, или от армии

Агенты в земле союзной могут быть чиновники гражданские и военные той земли, или от армии посланные.

§ 11.

Агенты в земле неутральной могут быть неутральные подданные, имеющие знакомства и связи, и по оным, или за деньги снабжаемые аттестатами паспортами и маршрутами, для переездов нужными. Они могут быть равным образом бургомистры, инспекторы таможень и проч.15.

§ 12.

Агенты в земле неприятельской, могут быть лазутчики, в оную отправляемые, и постоянно там остающиеся, или монахи, продавцы, публичные девки16, лекари и писцы, или мелкие чиновники, в неприятельской службе находящиеся.

Отделение четвертое.

О лазутчиках.

§ 13.

Начальник Главного Штаба обязан снабдить окружные управления вышшей полиции нужным числом лазутчиков двух родов:

1е Лазутчики на постоянном жалованье17. Они принадлежат непосредственно к окружным управлениям, разсылаются в нужных случаях, под разными видами и в различных одеяниях. Они должны быть люди расторопные, хитрые и опытные. Их обязанность есть приносить сведения, за коими они отправляются и набирать лазутчиков второго рода и разнощиков переписки.

2е Лазутчики второго рода должны быть предпочтительно обывателями неутральных и неприятельских земель разных состояний, и в числе оных дезертиры. Они приносят сведения по требованию, и по большей части местныя.

Они получают особенную плату за каждое известие, по мере его важности.

Они обязаны делать связи и набирать себе помощников, в месте их послания

Отделение пятое.

О разнощиках тайных переписок

§ 14.

Разнощики тайных переписок должны необходимо быть жители тех самых земель, в коих вышшая воинская полиция действует, дабы имея знакомство и родственников, могли они иметь достаточные предлоги к частым отлучкам и переходам18.

Отделение шестое.

Способы действия вышшей воинской полиции.

§ 15.

Способы действия вышшей воинской полиции состоят:

1е в суммах, на оную употребляемых

2е в распоряжении ея действий.

§ 16.

Сумма, на вышшую полицию нужная19, вверится при самом начале кампании, Начальником Главного Штаба.

§ 17.

Он не ответствует за употребление ни сей суммы20, ни той, которая по требованием его отпускаема ему будет; но ответствует за то, чтобы вышшая полиция была учреждена на самом лучшем устройстве и чтобы Главнокомандующий имел всегда все нужныя от оной истинныя сведения.

§ 18.

Устройство и распоряжение действий вышшей полиции во всей их подробности учреждается инструкциями Начальнику Главного Штаба и директору вышшей полиции при армии.

Верно

Военный министр Барклай де Толли21

(подпись)

7.

На подлинном подписано собственною

Его Величества рукою: Быть по сему

С. Петербург генваря 27го дня 1812 года.

Секретно.

Инструкция

Начальнику Главного Штаба по управлению вышшей воинской полиции

Добрая система вышшей полиции равно необходима как в наступательной, так и в оборонительной войне. В первой для верного расположения предприятий к операциям нужных; во второй к благовремянному познанию всех предприятий неприятеля и положения земель, в тылу армии находящихся.

Система вышшей полиции тогда полезна и хороша, когда она так сокрыта, что неприятель думает, что ее нет и что противная ему армия не может получать никаких благоустроенных известий. По сему Начальник Главного Штаба обязан наблюдать, чтобы все действия его по вышшей полиции были непроницаемы и чтобы все получаемые о неприятельской армии известия оставались в величайшей тайне, даже и после удачных предприятий, на оных основанных.

В самой армии должно распускать слухи, что Главнокомандующий, оградив себя от неприятельского шпионства, сам иметь оное почитает ненужным.

Сведения, чрез вышшую полицию доставляемыя, тогда хороши, когда они быстры, полезны и справедливы.

К устройству вышшей полиции на сем основании, нужны следующие распоряжения.

I. О жалованье и плате лазутчикам.

§ 1.

В жалованье и плате лазутчикам, должно быть принято правилом, не давать им ни слишком

мало, ни слишком много; ибо в первом случае могут они сделаться двусторонними или неприятельскими шпионами; а во втором, обогатясь слишком скоро, отстать неожиданно в самое нужное время.

§ 2.

Нужно платить им достаточно, но держать их в ожидании большаго.

§ 3.

За важные известия должно платить щедро22.

§ 4.

Тем из агентов и лазутчиков, кои находясь в иностранной службе или в таком положении, которое препятствует принимать деньги, или жалованье, доставляют известия по какому либо духу партий, по личной преданности или дружбе, должно давать подарки, и доставлять выгоды под разными предлогами23, дабы не могли они подумать, что почитают их шпионами, служащими из корысти.

§ 5.

Раздавая подобныя подарки вперед бургомистрам, чиновникам иностранных полиций и владельцам лучших домов в городах, в коих могли быть главныя квартиры, или жительство неприятельских генералов, можно подкупить их на будущее время.

II. О способах переписки и сообщений.

§ 6.

В числе множества известных способов переписки, предпочесть должно следующие:

1е Письмо может быть спрятано в восковой свече, выточенной из нутри трости, зашить в платье.

2е Оно может быть разрезано на полосы.

3е Им может быть заряжено охотничье ружье. В последнем случае, при доставлении можно ружье разрядить; при неудаче же, из него можно выстрелить.

§ 7.

Есть ли на реке, в одном каком либо месте, оба берега заняты постами действующей армии, известия же должны получаться с верьху реки по ея течению: тогда можно протянуть с одного берега на другой невод, в котором бы останавливались бутылки, или крепко закрытые ящики с письмами.

Заметить должно, что в бутылки и ящички сии должна быть положена такая тяжесть, которая бы держала их под водою.

§ 8.

С одного берега на другой могут быть протянуты в плотинах или кустарниках веревки, удерживаемые под водою привешенными к ним тяжестями. Веревки сии могут быть на блоках и служить к пересылке писем в ящиках и бутылках с одного берега на другой.

Были примеры, в коих употреблялся сей способ под льдом замерших рек.

§ 9.

Во всех сих случаях, есть ли бы один из сих способов сообщения, мог быть открыт неприятелем, должно выставлять условные знаки и подавать сигналы, чтобы лазутчики или агент не приближался более к месту сообщения.

§ 10.

С лазутчиками, которые не довольно смелы, можно условливаться о приносе письменных известий в кору выгнившего дерева, или под какой либо камень.

Посланный за сими письмами, может брать их и приносить ответы не зная вообще лазутчика.

§ 11.

Каждый округ вышшей полиции должен иметь разные ключи цыфирей, из главной квартиры получаемых. Один ключ должен быть употребляем для переписки с директором вышшей полиции, составлен из двух тысяч знаков, и внезапно, как можно чаще переменяем, особливо при каждом подозрении о его открытии перехваткою переписки, или изменою, и при перемене главного агента.

Частные ключи должны быть сколь можно разнообразны и сложны.

§ 12.

Важнейшая шифрованныя известия, должны быть посылаемы в двух, и даже в трех экземплярах, двумя или тремя разными путями, дабы в случае остановки, или побега, или перехвачения одного и двух разнощиков, известие могло дойти в Главную Квартиру.

§ 13.

Вместо цыфири, для большей поспешности, можно употреблять самые надежные симпатические чернила; но не иначе как те, кои доставлены будут из Главной Квартиры24.

§ 14.

В случаях сообщений словесных, особливо при посылке лазутчиков к таким лицам, коим они не знакомы, можно каждому из них дать предварительно пароль, по которому, при самом приближении лазутчика, могли бы узнать они, что действительно принадлежит он к вышшей полиции действующей армии; что они могут отвечать на пароль его известным отзывом, должны верить словам его, и могут сами все безопасно сообщить ему. Известные масонские знаки, и взаимные на них ответы, могут удобно в сих случаях быть употребляемы.

§ 15.

Лучшим знаком доверенности к посылаемому за известием лазутчику могут служить вырезанные карточки. Известное число их под номерами отдается тому, с кем учреждается сношение. К нему посылается лазутчик с половиною одной из заномеренных карточек25. Он складывает ее с своею половиною, одинакого номера и сим удостоверяется, что посланный надежен.

Сей способ удобен особливо в тех случаях, когда агент вышшей полиции находится в неприятельской армии, и не может отважиться давать письменных известий.

Примечание. В прочем изложенными в сей статье способами, не отвергается употребление и других, кои могут быть изобретены, и найдутся удобнее и вернее.

§ 16.

Важнейшим пунктом соединения тайных сношений могут служить монастыри, и поэтому должно стараться приобретать их начальников, ибо в сем случае монахи могут иметь разные способы доставлять письма и даже приносить известия, часто из повиновения своему начальнику, а иногда и за деньги.

III. Дополнительные правила и замечания.

§ 17.

Правила и замечания сии заключают в себе:

а., о частных образованиях вышшей воинской полиции

в., о принужденном шпионстве

с., о вооруженном шпионстве

д., о неприятельских шпионах

е., о пленных

ж., о ложных неприятельских беглецах

з., об устройстве вышшей полиции при ретираде26

1е О частных образованиях вышшей воинской полиции.

§ 18.

При каждом отдельном корпусе, и при передовом войске, обязан Начальник Главного Штаба устроить вышшую полицию на точных основаниях общей токмо в нужной соразмерности с числом корпуса же в гораздо меньшем виде27.

§ 19.

Каждый начальник передовых отрядов должен употреблять крестьян, занимаемых деревень, на разведывание сколь можно ближайшее к неприятелю, а посылать в одно место многих, но токмо в разное время.

2е О принужденном шпионстве.

§ 20.

В случае совершенной невозможности иметь известие о неприятеле в важных и решительных обстоятельствах, должно иметь прибежище к принужденному шпионству. Оно состоит в склонении обещанием наград, и даже угрозами местных жителей к проходу через места неприятелем занимаемыя.

3е О вооруженном шпионстве.

§ 21.

Вооруженное шпионство производится следующим образом28:

Командующий передовыми войсками отряжает разные партии Козаков, соразмерно в силе с неприятельскими постами. Команды сии поручает он самым отважным офицерам, и дает каждому расторопнаго лазутчика, который бы знал местное положение. Команды сии, помощию лесов, либо темноты, могут прорываться до назначенных им мест, и между тем, как офицер, командующий партиею, замечает местоположение, силы неприятеля и распорядок их, лазутчик узнает все обстоятельства и подробности.

§ 22.

Ежели неприятель ретируется, то сим способом можно видеть, в каком порядке и направлении идет он, можно напасть на обозы и транспорты его и сжечь их.

4е О неприятельских шпионах.

§ 23.

Неприятельские шпионы должны непременно быть наказываемы смертию публично пред войском и со всевозможною огласкою29.

§ 24.

Помилование их допускается в том токмо случае, когда будучи пойманы, дадут они сами важные известия, кои в последствии утвердятся произшествиями30.

§ 25.

До сей поверки сообщенных ими сведений, должны они быть содержимы под самою крепкою стражею.

5е О пленных

§ 26.

Начальник Главного Штаба, или, по поручению его, Директор вышшей полиции обязан наблюдать, что бы пленные нововзятые, содержимы были под стражею раздельно.

§ 27.

Он должен допрашивать их сам и каждого порознь31, збивать в речах, и из разных их показаний выводить заключения о составе и силе неприятельских корпусов, дабы потом схватив из котораго либо из них пленнаго, и узнав, к какому корпусу принадлежит он, можно было судить как силен действующий корпус.

Примечание. По захвачении болшаго множества пленных, не все они допрашиваются, но из них выбираются некоторые для допроса по назначению Начальника Главного Штаба, или по его поручению, Директор вышшей полиции.

6е О ложных неприятельских беглецах.

§ 28.

От неприятеля могут передаваться беглецы, имеющие поведение сообщать ложные известия32

От неприятеля могут передаваться беглецы, имеющие повеление сообщать ложные известия32. Их должно допрашивать порознь и под угрозою смерти принуждать сказывать истинну, задерживая под стражею до поверки оной, и обещая награды за показания справедливыя.

§ 29.

Беглецов обыкновенных должно, принимая совсем иначе, сажать под стражу вместе с неприятельскими пленными, дабы сказываясь взятыми в плен прежде их могли они выведывать от первых разныя известия.

7е Об устройстве полиции при ретираде.

§ 30.

При отступлении армии должно:

1е Чтобы окружные агенты по предписанию начальника того округа, коему принадлежат они, взяли новую линию.

2е Чтобы, отступая, оставляли они в земле, неприятелем занимаемой, надежную и непрерывную цепь своих агентов и лазутчиков, устроя с ними весь порядок надежнейших сношений33.

§ 31.

В городах и селениях обязаны они удостовериться сколь можно в преданности бургомистров и владельцев таких домов, которые могут быть заняты неприятельскими штабами и генералами, дабы подслушивая их разговоры могли они извещать об оных чрез оставленных для сего лазутчиков.

§ 32.

Лазутчиками сего рода наилучше быть могут факторы34, евреи35 и слуги36.

Верно

Военный министр Барклай де Толли37

(подпись)

Примечания

1 ГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 517, л. 12. Подлинник.

2 ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 517, л. 13. Подлинник. (Копия, заверенная Я. И. де Сангленом, хранится в ЦГВИА, ф. 474, ед. хр. 9, л. 1.)

3 То есть военному советнику Якову Ивановичу де Санглену (1776—1864). Он родился в Москве в семье выходца из Франции. На гражданской службе с 1793 г. В 1804—1806 гг. — преподаватель Московского университета. В начале 1812 г. был назначен директором особенной канцелярии Министерства полиции, но после «дела Сперанского» переведен царем в военное ведомство и занял пост директора высшей воинской полиции при военном министре. Во время войны совмещал также должность генерал-гевальдигера 1-й Западной армии (22 июля — 13 августа 1812 г.). 2 сентября 1812 г. был отправлен в Петербург, где до 1816 г. исполнял свои обязанности. В царствование Николая I получил известность как сочинитель в московских литературных кругах. Оставил интересные мемуары (Записки Якова Ивановича де Санглена // Русская Старина, 1883, т. 37, № 1—3).

4 Термин «агент» в начале XIX в. больше соответствовал современному слову «сотрудник». Под этот разряд тогда подпадали как чиновники разведывательных организации, так и резиденты, действовавшие за границей. Четкого разделения не существовало, но вообще как бы подразумевался определенный уровень грамотности «агентов» по сравнению с «лазутчиками».

5 Имеются в виду агенты окружных управлений (см. документ 6).

6 Здесь имеются в виду сотрудники или чиновники высшей полиции, в чьи обязанности входила организация разведывательной работы на местах, сбор необходимых сведений и вербовка лазутчиков. Такие инструкции обнаружены: подполковнику Е. Г. Кемпену от 7 июня 1812 г. (ЦГВИА, ф. 474, ед. хр. 21, лл. 1—2; ОР ГПБ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 241, лл. 3—5). и подполковнику М.-Л. де Лезеру, датированные маем 1812 г. (Отечественная война 1812 года. Т. XI, СПб., 1909, с. 308—310). Они почти полностью совпадают с параграфами 1—11 Инструкции директору вышшей воинской полиции (см. документ 5).

7 ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 517, лл. 14—14 об. Копия. (Еще одна копия под № 11 от 13 апреля 1812 г. хранится в ЦГВИА, ф. 474, ед. хр. 9, лл. 2—2 об).

8 Присягу принимали, вероятно, только чиновники высшей полиции. Часть сотрудников, занимавшихся оперативной деятельностью, была взята из Министерства полиции: коллежский асессор барон П. Ф. Розен, отставной поручик (принятый вновь на военную службу) И. А. Лешковский, надворный советник П. А. Шлыков. В начале войны в контрразведку попали оставшиеся не у дел полицмейстеры городов Вильно и Ковно Вейс и майор Е. А. Бистром (погиб в Бородинском сражении), таможенный чиновник А. Бартц и житель Виленской губернии Я. И. Закс. Были приняты и несколько отставных офицеров, имевших опыт боевых действий: подполковник Е. Г. Кемпен, капитан К. Ф. Ланг, а также отставной ротмистр австрийской службы итальянец Винцент Ривофиннолли. В штат канцелярии поступили губернский секретарь Протопопов, коллежский секретарь В. П. Валуа, студент Петросевич.

9 ЦГВИА, ф. ВУА. ед. хр. 517, л. 15.

10 В дуэли двух разведок русские часто прибегали к перевербовке агентов противника. Одним из самых удачных «двусторонних» агентов русской контрразведки можно назвать отставного ротмистра Давида Савана. В начале 1811 г. он был завербован наполеоновской разведкой и отправлен с заданием в Вильно. Но, прибыв в Россию, добровольно явился к русскому командованию. Поэтому контрразведка решила использовать его в своих целях, и он доставил в Варшаву подготовленные в русском штабе сведения. В начале 1812 г. Саван был вновь командирован французской разведкой на 5 месяцев в Вильно, где с его помощью контрразведке де Санглена удалось выявить 4 французских агентов, пресечь связи группы прибалтийских банкиров, снабжавших по договоренности с варшавскими банками агентуру Наполеона в Литве. Кроме того, во время пребывания в Вильно в мае 1812 г. личного посланца французского императора графа Л. Нарбонна Саван три раза тайно встречался с ним и передал специально подобранные в штабе Барклая сведения. То есть с помощью Савана удалось перед войной создать надежный канал дезинформации противника (ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 433, лл. 5—7; ед. хр. 436, ч. I, лл. 153—156 об.; ф. 474, ед. хр. 8, 10, 11).

11 Во время войны существовала такая практика засылки французских дезертиров. Например, 21 июля 1812 г. по приказу Барклая к противнику были отправлены обратно один португалец и один испанец (Отечественная война 1812 года. Т. XIV, СПб., 1910, с. 189).

12 В документах удалось отыскать факты двойной деятельности только на одного русского агента — жителя Белостока Х. М. Цыгана. В 1810—1811 гг. он был «двусторонним лазутчиком» русского полковника К. К. Щица и французского резидента А. Беллефруа. После того как удалось узнать, что он передал за границу сведения о поездках русских разведчиков А. И.

Нейгарта и Г. Альперина в герцогство Варшавское и они там были взяты под стражу, Цыгана арестовали (ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 435, лл. 195—196; Отечественная война 1812 года. Т. I, ч. 1, СПб., 1900, с. 109; ч. 2, с. 262, 318; т. II, СПб., 1901, с. 66, 85, 89—90, 95, 166—167, 293; Т. III, СПб., 1902, с. 84—90; т. IV, СПб., 1903, с. 78, 261; т. V, СПб., 1904, с. 248—249).

13 ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 517. лл. 16—24. Копия. (Аналогичные копии см.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 482, лл. 8—12; ОР ГПБ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 250, лл. 3—5).

14 В документах высшей полиции не было найдено ни одного упоминания об округах, поэтому, вероятно, во время войны § 3—5 не выполнялись.

15 Большое количество таких агентов было в Восточной Пруссии, многие из которых попали в поле зрения русской разведки еще в 1805—1807 гг. Значительно меньше подобной агентуры находилось в герцогстве Варшавском.

16 Удалось разыскать сведения лишь об одной женщине среди русского агентурного контингента — жительнице г. Риги Таубе Адельсон, выполнявшей разведзадания в 1806—1807 гг. В 1812 г. она вновь была послана в тыл противника для сбора информации (ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 2, ед. хр. 2535, л. 37; ф. ВУА, ед. хр. 3500, л. 12 об.).

17 Таковых в русской контрразведке было мало, в основном ее контингент информаторов состоял из «лазутчиков второго рода».

18 Такой «разнощицей тайных переписок» у русской агентурной группы, действовавшей во время французской оккупации в Полоцке, была Федора Миронова, крепостная помещика Гласнова. В качестве связной она несколько раз без всяких подозрений проникала в занятый французами Полоцк и доставляла оттуда от русских разведчиков письменные донесения командованию. Ныне в Полоцке ее именем названа одна из улиц.

19 В практике того времени бюджет контрразведки составлялся из так называемых «экстраординарных сумм», которые выдавались военачальниками во время войны.

20 Так, за октябрь — декабрь 1812 г. в 3-й армии на оплату агентов и лазутчиков, выполнивших задания, было израсходовано 95 червонцев, 717 рублей серебром и 2300 рублей ассигнациями (ЦГВИА, ф. 103, оп. 208б, св. 108, ед. хр. 1, ч. 2, лл. 3—4 об.).

21 ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 517, лл. 25—34 об. Копия. (Аналогичную копию см.: ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 482, лл. 1—7).

22 Как правило, агентура предпочитала получать за свои услуги звонкой монетой. Одноразовые выплаты составляли от 5 до 30 червонцев, от 15 до 100 рублей серебром или 200—300 рублей ассигнациями. При перерасчетах 100 рублей ассигнациями приравнивались в документах разведки к 25 рублям серебром (ЦГВИА, ф. 103, оп. 208б, св. 108, ед. хр. 1, ч 2, лл. 3—4 об.).

23 Например, немецкие офицеры, сотрудничавшие с русской разведкой, соглашались брать деньги только на путевые издержки для выполнения заданий на территории Германии. Стать платными агентами для них было равносильно потери дворянского достоинства.

24 Так, симпатическими чернилами (видимыми только на просвет или после держания бумаги над огнем) во время своего нахождения в герцогстве Варшавском пользовался для передачи разведывательных сведений в Россию в письмах на имя своего брата в Ригу упоминавшийся Д. Саван.

25 Речь идет о системе разрезных купонов или карточек. Она использовалась только до начала войны при отправлении русских разведчиков за границу. На границе купон неровно разрезался на две части. Одна выдавалась агенту, другую передавали на таможню, через которую должен был

возвращаться этот разведчик. На обратном пути он предъявлял свою часть карточки и, если они сходились, беспрепятственно следовал дальше (Отечественная война 1812 года. Т. XI, с. 58—60; т. XII, СПб., 1909, с. 46). Необходимо указать, что способы агентурной деятельности и сообщений вполне соответствовали тогдашнему уровню развития техники и связи.

26 «Ретирада» — устаревший термин, соответствует современному «отступление».
27 В 1812 г. при 1-м корпусе генерал-лейтенанта П. Х. Витгенштейна находился сотрудник высшей полиции поручик И. А. Лешковский, а в отдельный корпус генерал-лейтенанта Ф. Ф. Эртеля в Мозырь во второй период войны был направлен подполковник Е. Г. Кемпен.

28 Речь идет о войсковой разведке. Какие уставные требования предъявлялись к этому виду разведки в 1812 г., выяснить не удалось. Сохранились лишь «Общие правила для рекогносцировок», подписанные адмиралом П. В. Чичаговым 8 сентября 1812 г. Для разведывательного отряда считалось нормальным, если он состоял из роты егерей и 50 казаков, улан или гусар (ЦГВИА, ф. 103, оп. 208а, св. 0, ед. хр. 13, лл. 299—302). Для захвата пленных практиковалось переодевание в форму противника. Так, 8 сентября 1812 г. на р. Стырь генерал-майор К. О. Ламберт для внезапного нападения, снятия постов противника и получения «языков» использовал 15 «охотников» Татарского уланского полка, знавших немецкий язык и переодетых в австрийские плащи и каски (Епанчин Н. Очерк событий 1812 года в пределах Киевского военного округа // Военно-исторический Вестник, 1911, № 7—8, с. 8).

29 Во время войны 5 человек, чья принадлежность к французской разведке была доказана, в августе 1812 г. были расстреляны после суда в Мозыре (ЦГВИА, ф. 1, т. 2, ед. хр. 2535, лл. 30—32). Такая же участь постигла пойманного на Дону руководителя особой разведывательной группы противника из трех человек полковника графа А. Платтера (ЦГИА, ф. 1409, оп. I, ед. хр. 798, л. 4). Смертная казнь применялась только во время боевых действий 1812 г. В документах не удалось отыскать ни одного факта расстрела «за шпионство» до войны и после окончания кампании 1812 г. После 1815 г. большая часть пойманных наполеоновских агентов была прощена и отпущена на свободу, а иностранцам было разрешено вернуться на родину.

30 В рассказах, записанных со слов А. П. Ермолова его братом Н. П. Ермоловым, сохранились интересные зарисовки о деятельности французского агента Ружанского, арестованного в Смоленске русской контрразведкой: «В 1812 году (во время пребывания Наполеона в Москве) был у нас (двойной) шпион капитан-исправник из Дорогобужа — он же доставлял известия Наполеону и нашей армии, но так как его семейство было в наших руках (отправлено в Тамбовскую губернию) и мы платили вдвое более французов, отсылали деньги прямо в семейство, он служил нам. Сведения составляли Беннигсен и А. П. Ермолов... Это продолжалось до тех пор, пока Коновницын (храбрый, но ограниченный человек) имел неосторожность похвалиться, что мы все знаем, что делается в Москве. Тогда шпион отказался еще туда возвратиться...» (ЦГАДА, ф. 1406, оп. 1, ед. хр. 999, л. 1 об.). Русская контрразведка пыталась также использовать пойманного в Риге в 1812 г. прусского разведчика Карла Цебе, написавшего под диктовку русских донесение своему начальнику, генералу Г.-Д.-Л. Иорку фон Вартенбургу. Но так как обратного послания не было получено, К. Цебе расстреляли (ЦГВИА, ф. 29, оп. 153а, св. 5, ед. хр. 532, лл. 1—5).

31 В 1812 г. все пленные допрашивались «порознь». Кроме того, неоднократно отдавались приказы сразу же обыскивать пленных «невзирая на особу», а все найденные бумаги немедленно присылать в главное дежурство армии (ЦГВИА, ф. 103, оп. 208в, св. 55, ед. хр. 5/44, л. 79; Материалы для истории войны 1812 года. Приложения к запискам Алексея Петровича Ермолова. М., 1864, с. 61).

32 Забвение основных положений этого параграфа во время боевых действий 1812 г. имело весьма негативные последствия для русских в одном из драматических эпизодов под занавес событий. В конце кампании главные силы Наполеона были окружены в районе р. Березины. Для французов ситуация сложилась почти катастрофическая. Три возможных пути для спасения

лежали через р. Березину, но их контролировала армия адмирала П. В. Чичагова. Поэтому Наполеон решил имитировать концентрацию своих частей на юге, а сам намеревался прорываться на севере. С этой целью была проведена операция по дезинформации Чичагова. На юге у д. Ухолоды демонстративно началось строительство ложной переправы. Кроме того, собрали совет местных жителей и внушили им «под большим секретом», что именно здесь французские части будут готовиться переходить через Березину. Конечно, сразу же нашлись добровольцы, решившие предупредить русское командование. Трое жителей ночью перебрались к русским и сообщили эту новость Чичагову, который их щедро наградил, но оставил при себе. Главные силы адмирал стянул к Ухолодам, но события стали разворачиваться по другому сценарию. Французы начали переправляться на север у д. Студенка, там, где русских сил было крайне мало. Когда стало ясно, что Наполеон, перехитрив, вырвался из окружения, то по приказу Чичагова эти трое невольных участников операции французской разведки были повешены. (Военский К. Наполеон и борисовские евреи в 1812 году // Военный сборник, 1906, № 9, с. 211—219).

33 При отступлении русская контрразведка оставила большие агентурные группы в Белостоке, Велиже, Полоцке и Могилеве, которые активно действовали весь период французской оккупации.

34 Фактор — от латинского «делающий», «производящий». Посредник, маклер, комиссионер, то есть человек, заключающий сделки и выполняющий деловые поручения.

35 Большую часть агентуры русской контрразведки в западных областях Российской империи составляли евреи, преимущественно мелкие торговцы и ремесленники.

36 В мае 1812 г. во время пребывания в Вильно графа Л. Нарбонна по заданию русской контрразведки камердинером к этому французскому дипломату устроился некто Станкевич. Станкевич не только вел наблюдение, но и сумел скопировать копию секретной инструкции Наполеона своему посланцу о военных задачах миссии в Вильно, в то время как Нарбонн и его свита находились на очередном светском рауте. С этой инструкцией был ознакомлен император Александр I и его ближайшее окружение (ОР ГПБ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 134, л. 2).

37 ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 517, лл. 35—56 об. Копия.

Публикация В. М. БЕЗОТОСНОГО

Москва в 1812 г.

Москва в 1812 г.: (Рапорт старшего адъютанта Н. Я. Бутковского) / Публ., [вступ. ст. и примеч.] А. П. Капитонова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 68—72. — [Т.] II—III.

Среди ценнейших источников об Отечественной войне 1812 г. — воспоминания Августы Яковлевны Бутковской «Рассказы бабушки»*. Ровесница века, дочь богатого купца, получившая хорошее образование, страстная любительница истории и литературы, она оставила мемуары, которые, несмотря на небольшой объем, содержательны, не лишены увлекательности, отличаются изящным стилем и легкой иронией.

Наряду с собственными воспоминаниями она передает и некоторые эпизоды, слышанные от мужа, Николая Яковлевича Бутковского, участника Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода.

Имя Н. Я. Бутковского (1782—1848), генерал-лейтенанта, крупного военного чиновника николаевского времени, давно забыто. Возможно, это произошло и потому, что «личность

человека терялась в великих событиях»**, как замечала многие десятилетия спустя жена Бутковского. Она считала излишним перелагать послужные документы мужа. Об участии в Отечественной войне в них только и сказано, что будучи адъютантом генерал-лейтенанта К. И. Оппермана, инженер-капитан Бутковский «в 812 году поступил в Главную армию, состоял при Главной квартире и находился во время ретирады и преследования неприятеля до Плоцка»*, за

что и награжден орденом св. Анны 2-й степени.

Между тем существуют любопытные документы, раскрывающие некоторые обстоятельства службы капитана Бутковского в грозные дни 1812 г. Но прежде чем обратиться к ним, остановимся на его предшествующей биографии.

Военная карьера Бутковского была в большой степени предопределена тем, что его предки служили России именно на этом поприще. Привезенный в Петербург из Вятки в 13-летнем возрасте, он поступает в Артиллерийский и Инженерный шляхетский корпус. По его окончании, в 1799 г. Бутковский, кондуктор 2-го класса, направляется сначала в артиллерийскую экспедицию, а затем в Инженерный корпус с причислением к Собственному его императорского величества Депо карт. Первую свою награду, золотую табакерку, молодой офицер получил за участие в составлении известной столистовой карты России.

Вскоре он поступает под непосредственное начальство генерал-лейтенанта К. И. Оппермана, сыгравшего значительную роль в его судьбе. Опперман, известный военный деятель, талантливый администратор, энергичные усилия которого в немалой степени содействовали развитию инженерного дела в России и укреплению ее границ.

Молодой офицер постоянно находился в разъездах и командировках, сопровождая Оппермана при осмотре укреплений и строящихся оборонительных сооружений. Свое боевое крещение поручик Бутковский получил в 1807 г. в боях под Островом и Остроленкой, исполняя обязанности по квартирмейстерской части. Следующие несколько лет прошли в непрерывных странствиях.

12 июня 1812 г. французские войска перешли Неман...

Опперман успел посетить Дриссу и с 20 июня до середины июля находился в Киеве, руководя ходом строительных работ. К моменту соединения 1-й и 2-й русских армий у Смоленска он был уже там.

Во время отступления к Смоленску капитан Бутковский, доставляя донесение Барклаю де Толли, стал свидетелем трагичного и ужасного по своей нелепости случая, когда по распоряжению главнокомандующего был расстрелян юный прапорщик, ничего не подозревавший о мародерстве своих солдат**. Это единственный эпизод 1812 г., который со слов мужа привела в своих воспоминаниях А. Я. Бутковская.

Что же было с ним далее, о чем не рассказала «бабушка» в своих мемуарах?

Обратимся к архивным документам. Самый значительный из них — это рапорт самого Бутковского от 15 сентября 1812 г. на имя генерал-лейтенанта П. П. Коновницына, дежурного генерала при главнокомандующем всеми армиями.

Уникальность этого исторического источника заключается в следующем. Во-первых, она определяется исключительными обстоятельствами, послужившими к его созданию: утратой при отступлении походной канцелярии генерал-лейтенанта Оппермана, содержащей важные документы, в том числе и секретные. Во-вторых, описанием событий 1—2 сентября, когда русская армия оставляла Москву, а в город вступали французы. В-третьих, непосредственной близостью описываемого в рапорте ко времени его появления.

Наконец, этот документ важен и интересен тем, что, являясь формально официальной деловой бумагой, он одновременно носит мемуарный характер, будучи одним из самых ранних показаний русских очевидцев о трагедии, разыгравшейся в Москве в начале сентября 1812 г.

Можно только догадываться, почему один из наиболее напряженных отрезков жизни

Бутковского не нашел отражения в мемуарах его жены. Да и был ли он ей известен? Возможно, что для самого Бутковского этот эпизод был не самым приятным воспоминанием. Так, 24 октября, давая отчет Опперману о своих действиях и прилагая рапорт на имя Коновницына, он уверял: «...причем долгом почитаю изъяснить вашему превосходительству сколь мне прискорбно даже одно воспоминание такого происшествия, которое случилось совершенно неожиданно, вопреки моему усердию»*. Вероятно, такие чувства могли сохраниться у Бутковского и впоследствии.

№ 188

Дежурному генералу Всех армий, господину

генерал-лейтенанту и кавалеру Коновницыну1. Адъютанта генерал-лейтенанта Оппермана2 инженер капитана Бутковского

Рапорт

Господин генерал-лейтенант Опперман при отъезде своем из Смоленска в Санкт-Петербург к Государю Императору приказал мне с другим своим адъютантом капитаном Жуковым3 до возвращения его с походным его экипажем и канцеляриею отправиться в Вязьму к господину артиллерии генерал-майору Ставицкому4, куда мы, прибыв, и явились к нему без всякого о том особенного отношения; а получа от него словесное приказание находиться там, когда ж будет какое движение, то он даст о том особенное повеление, но по скорости или запамятовав, он при ретираде войск уехал, не дав нам о том знать. Однако ж разведав, куда он отправился, мы догнали его в Волоколамске и оттуда следовали всегда при нем до Ситцевой фабрики5, в 10-ти верстах от Москвы по Большой Смоленской дороге находящейся, где во время марша войск были как ими, так и большими обозами разлучены до того, что никак не могли следовать вместе, и он приказал, чтоб я со всем экипажем следовал прямо в Москву по проселочной дороге, где только могу проехать и там остановиться. Что мною и исполнено; а по прибытии в Москву ночью на 1-е сентября остановились в Хамовнической части, в приходе Благовещения6, в доме у землемера Новикова. На другой день утром являлись у господина коменданта7, требовали фуража, но его не получили, а между тем находящийся при мне Инженерного департамента курьир послан был отыскивать, где остановился господин генерал Ставицкой, который в полдень возвратился, не могши его отыскать; а после обеда капитан Жуков ездил также как на то место, где он обещал остановиться, так искав его и по другим местам возвратился без успеха.

Во время сих поездок по притчине весьма дурных особливо проселочных дорог и без того уже старая казенная бричка пришла в весьма большую ветхость, а в последний переезд заднее колесо почти и совсем развалилось и далее ехать на ней было невозможно, то я, имея на сие сумму, решился ее исправить или купить другую, но не мог сего сделать в 1-й день яко воскресной, и что жители заняты были весьма важным приказом, отданным о защищении столицы8. Между тем встретился с адъютантом г-на генерала Ставицкого, который объявил мне, что г. генерал имеет повеление отправиться в Петербург, куда и едет очень скоро, но как я за два дни до сего получил чрез господина полковника Мишо9 от господина генерал-лейтенанта Оппермана вторичное приказание дабы мне продолжать находиться с экипажем его при армии, куда и он сам скоро быть надеется, то я и должен был остаться тут с тем намерением, чтоб искупя новую повозку, пристать или к инженерному парку или испросить повеление от Вашего Превосходительства, где б мне быть приказали.

На другой день (2-го сентября) поехал я для приискания повозки в каретные ряды10, но нашел их все запертыми, исключая двух или трех лавок, но и тут за чрезвычайною дороговизною купить не мог; между тем в сих лавках встретил я господина инженера-генерал-майора Ферстера11 и Пионерного полка полковника Грессера12, которые также покупали себе коляску. Искупив только некоторые необходимые для людей в дороге вещи, возвратился на квартиру, приторговав на дороге небольшую тележку, которую при нужде хотел взять, для нужных только вещей, возвратился домой. Не знав тогдашних обстоятельств13 и не имея ни малейшей опасности, особливо после встречи с вышеписанными господами, не слышав от них совсем ничего о близком нахождении неприятеля. Я однако ж приказал приготовляться к отъезду в тот же самый вечер вслед за войсками, а между тем взяв нужное число денег, две казенные лошади и курьира Инженерного департамента, я поехал взять решительно или крытую бричку или сторгованную телегу при свидетельстве другого адъютанта капитана Жукова. У лавок нашли мы адъютанта г-на генерала Ферстера с генеральским экипажем и еще некоторых офицеров, от которых узнав, что уже начали проходить последние наши войски: почему я, взяв телегу, поехал немедленно домой, дабы уложить важнейшие только дела, протчей ж экипаж оставить и тотчас ехать по рязанской дороге, куда слышал пошли наши войски. Но подъезжая к Большой улице14, отделяющую часть, где мы жительство имели, от противолежащей, услышал я, что неприятель вступил уже в город. Видев своими глазами множество нашего обоза, и здоровых и раненых, как рядовых так и офицеров, в городе еще находящихся, и спокойствие обывателей, я никак не хотел сему поверить и уверился в сем тогда уже только, как действительно приметил, что французские войски по сей улице маршируют с музыкою и барабанным боем и некоторые из них, рассыпаясь по другим улицам, отнимали у встречающихся оружие, вещи и лошадей. Я послал курьира верхом в одну улицу, а сами поехали в другую, дабы как возможно стараться проехать на другую сторону Большой улицы, но принуждены были возвратиться на прежнее место, не получив успеха по притчине марширующего сплошь неприятеля, и видав, как в глазах наших всех попадающихся грабили и прогоняли назад. Между тем собрались около нас многие по большей части конные наши офицеры, также о сем не знавшие и едва успевшие уйтить сами, оставив иные казенные, а иные свое имущества; и мы вместе пробрались до заставы, где я и ожидал до самых поздних сумерек, дабы с помощию темноты не могу ли пробраться до места и сделать все возможное для выпровождения казенных вещей. Но выходящие из столицы различные люди уничтожали мою надежду и притом видев, как у самой даже заставы начали показываться неприятели (из коих один и был заколот казаками). Следственно, полагая предприятие мое бесполезным и даже безрассудным, я поспешил по разным известиям добраться до Главной квартиры, и донеся о сем Вашему Превосходительству, покорнейше просить сделать возможное пособие в отыскании находящейся при экипаже небольшой секретной канцелярии15. Все оставленное там состоит в следующем: сундучок с разными бумагами, зеленая сафьяная трубка с некоторыми планами, небольшие свертки с неважными бумагами, четыре верховые лошади с седлами и прибором и семь подъемных; все собственные наши и некоторые генеральские вещи, одна простая, а другая с верхом ветхая бричка; из людей: два фурлейта, двое вольных, один денщик и один крепостной человек. По расторопности сего последняго я очень надеюсь, что ежели не все, то по крайней мере что нибудь спасено и вывезено по владимирской дороге или по какой-нибудь иной.

Имея честь донести о всем подробно Вашему Превосходительству, покорнейше прошу приказать нам, что вы в сем случае заблагорассудить изволите.

сентября 15 дня

1812-го года.

Инженер капитан Бутковской16

Примечания

Публикуется по подлиннику, хранящемуся в ЦГВИА (ф. 14414, оп. 10/291, св. 68 (281), д. 8, ч. 6,

лл. 26—28).

1 Коновницын Петр Петрович (1764—1822), граф, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, сенатор, военный министр (1815—1819); в 1812 г. — генерал-лейтенант, в начале войны командовал 3-й пехотной дивизией, с 19 августа — начальник арьергарда 1-й и 2-й Западных армий; в сражении при Бородине временно сменил раненого П. И. Багратиона; с 7 сентября — дежурный генерал при М. И. Кутузове; с ноября — командующий 3-м пехотным корпусом.

2 Опперман Карл Иванович (1765—1831), граф, инженер-генерал, член Государственного совета, директор инженерного департамента и «начальствующий» строительным департаментом Морского министерства; в 1812 г. — генерал-лейтенант, инспектор Инженерного корпуса, с сентября — директор инженерного департамента, участвовал в боевых действиях, с октября находился при М. И. Кутузове.

3 Жуков Александр Григорьевич, в 1812 г. инженер-капитан, адъютант К. И. Оппермана.

4 Ставицкий Петр Федорович (1768—1815), артиллерии генерал-майор; в 1812 г. — дежурный генерал Военного министерства по рекрутской части.

5 Находилась на левом берегу Москвы-реки, на расстоянии версты от деревни Фили.

6 Район между Ростовской набережной и улицей Плющихой.

7 Гессе Иван Христианович (1757—1816), генерал-лейтенант; в 1812 г. — комендант г. Москвы.

8 Имеется в виду воззвание московского генерал-губернатора Ф. В. Ростопчина от 30 августа к жителям «идти на Три горы» и защитить город.

9 Мишо Александр Францевич (1774—1841), граф де-Боретур, генерал-лейтенант, генерал-адъютант; в 1812 г. — полковник, флигель-адъютант, состоял при штабе М. И. Кутузова, который посылал его к императору Александру I с донесением об оставлении Москвы и о Тарутинском сражении.

10 Находились в районе улицы Петровки.

11 Ферстер Егор Христианович (1756—1826), инженер-генерал-лейтенант; в 1812 г. — инженер-генерал-майор, начальник инженеров 2-й Западной армии, с сентября — начальник инженеров Главной армии.

12 Грессер Александр Иванович (1772—1822), генерал-майор; в 1812 г. — полковник, шеф 2-го Пионерного полка.

13 Имеется в виду решение об оставлении Москвы, принятое на военном совете в Филях 1 сентября.

14 Улица Арбат.

15 Имеющиеся документы подтверждают утрату материалов походной канцелярии К. И. Оппермана. См.: ЦГВИА, ф. 827, оп. 3, д. 1636, лл. 38—38 об.; оп. 1, д. 262—263.

16 В ближайшее же время после описываемых событий Бутковский блестяще проявил себя. Спустя два месяца враг был изгнан из пределов России. Началась новая кампания. Капитан Бутковский прошел через целую цепь сражений, проявив особенное мужество, находчивость и хладнокровие при осаде и взятии в марте 1813 г. крепости Торн. За это он получил золотую шпагу с надписью «За храбрость». С армией он прошел через Силезию, Богемию, Саксонию, был в боях под Дрезденом. В сражении под Лейпцигом он получил единственное свое ранение

(контузию в левую ногу) и был награжден алмазными знаками ордена св. Анны 2-й степени. Далее Магдебург, Гамбург, побывал он и в Париже, о котором сохранил самые благоприятные впечатления. В начале 1815 г. подполковник Бутковский вернулся в Петербург. Дальнейшая его судьба складывалась вполне благополучно и удачливо.

Четыре письма к А. И. Тургеневу и стихотворение В. Л. Пушкина. 1816—1821 гг.

Пушкин В. Л. «В науке нравиться я вечно — шах и мат...» // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 75. — [Т.] II—III.

***

В науке нравиться я вечно — шах и мат,

Для бедного ума она — Теодикея,

Согласен я теперь идти пешком в — Карлс-бат,

В лохмотьях щеголять и бороды не — брея,

Но только, чтоб за мной чрез горы и — болоты

Летели игры вслед, забавы и — Эроты.

Где я ни буду жить, поставлю я — кумир

Амура милого работы — Прокителя.

С Амуром кто живет, год для того — неделя

И часто рубище лестнее, чем — мундир.

Публикация А. П. КАПИТОНОВА

Пушкин В. Л. Письмо Тургеневу А. И., 20 июня 1821 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 75. — [Т.] II—III.

Прошу вас, почтеннейший Александр Иванович, вывесть меня из беспокойства; я ничего не знаю о любезном нашем кн(язе) Петре Андреевиче, а сам к нему не пишу оттого, что его всякой день в Москву ожидают. Скоро ли он к нам возвратится или останется на некоторое время в Петербурге? Брат Сергей Львович12 мне пишет, что он не имел удовольствия его видеть, хотя и несколько раз был у него. Я надеюсь, что вы получили собрание моих стихотворений, и надеюсь также на дружбу вашу, что вы поможете мне их сбыть с рук и напечатать. Не оставьте моей просьбы; я очень буду вам благодарен. Простите, любезнейший! Дай Боже, чтоб вы были здоровы и благополучны и чтоб Сергей Иванович13 поскорее возвратился восвояси! Обнимаю вас и кн(язя) Петра Андреевича (буде он не уехал) от искреннего сердца. Братцу вашему Николаю Ивановичу14 свидетельствую мой усерднейший поклон и любовь.

Преданный вам слуга Василий Пушкин

Москва, 20 июня 1821 года

Москва. 20 июня 1821 года

На обороте:

Его Превосходительству милостивому государю

Александру Ивановичу Тургеневу.

В С. Петербурге. В доме Е. С. министра

просвещения и духовных дел, на Фонтанке.

Пушкин В. Л. Письмо Тургеневу А. И., 13 мая 1821 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 74—75. — [Т.] II—III.

Дело сделано, любезнейший Александр Иванович; наконец я собрал мои стихотворения и общий друг наш кн(язь) Петр Андреевич Вяземский тебе их доставит. Надеюсь на твою дружбу, что ты выгод моих без внимания не оставишь. Если Гнедич7, Грейч8 или Слёнин9 пожелают купить мои стихотворения и печатать на свой кошт, я на это согласен, лишь бы только издание было хорошее и исправное. Кажется, всего лучше печатать в осьмую долю; впротчем, я совсем отдаюсь на все то, что ты к пользе моей придумаешь. Я все весенние праздники пролежал в постеле и был очень болен10. Слышу, что и ты жалуешься на свое здоровье, и жалею о том сердечно. Петербургский Университет не скоро заменит Сергея Семеновича Уварова11; таких людей, каков он, мало, и не худо бы было для пользы наук и просвещения стараться их беречь и удерживать. Завтра Вяземский отправляется в Петербург, и я сейчас к нему еду. И мне б хотелось в рай, но грехи не пускают. Прости, любезнейший мой! Желаю от всего сердца, чтоб ты был здоров и благополучен! Будь уверен, что я искренно люблю тебя, почитаю и остаюсь навсегда преданнейший твой слуга

13го мая 1821. Москва.

Василий Пушкин

На обороте:

Его Превосходительству милостивому государю

Александру Ивановичу Тургеневу. В С. Петербурге.

Пушкин В. Л. Письмо Тургеневу А. И., 4 декабря 1816 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 74. — [Т.] II—III.

Москва, 1816 года декабря 4го

На етих днях, любезнейший Александр Иванович, я писал к тебе в письме Вяземского3 и благодарил за присланный экземпляр моего Буянова4. Я сердечно рад, что эпитимия моя кончилась и что я опять возрожден и произведен в старосты5. Жаль только, что по обстоятельствам моим мне долго не бывать в Арзамасе. Вяземский счастливее меня. Он едет к вам в самом непродолжительном времени; завидую ему и жалею, что не могу быть его товарищем. Батюшков6 отправляется в деревню, а оттуда в Петербург. Москва будет для меня пустынею. Если ты получишь деньги для Елизаветы Семеновны Поповой, то пришли их прямо на ее имя. Она живет в собственном доме Дарьи Михайловны Глебовой, близ бывшего Ивановского монастыря и Архива Коллегии иностранных дел. Бог тебя наградит за нее и за всех, кому ты делаешь добро. Прости, почтеннейший и любезнейший друг! Будь уверен, что я тебя люблю душевно и желаю тебе совершенного благополучия. Покорный слуга твой

Василий Пушкин

Всех наших арзамасцев обними за меня.

На обороте:

Его Превосходительству милостивому государю

Александру Ивановичу Тургеневу.

В С. Петербурге. В Департаменте министерства

иностранных исповеданий, на Фонтанке.

Пушкин В. Л. Письмо Тургеневу А. И., 27 ноября 1816 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 74. — [Т.] II—III.

27 ноября (1816 г.)1

Благодарю искренно любезнейшую Эолову Арфу2 за приписку и за доставление мне Опасного моего соседа. Жаль только, что находятся в моем сочинении некоторые опечатки. Соболезную сердцем, что я не с вами, и кажется, по всем обстоятельствам мне в Петербурге не бывать долго. Живите, наслаждайтесь всеми удовольствиями, какими только можно, и хотя изредка вспомните о бедном вашем старосте, который вас всех душевно любит.

В. Пушкин

Юхименко Е. М. Примечания: Четыре письма и стихотворение В. Л. Пушкина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 75—76. — [Т.] II—III.

Автографы писем и стихотворения В. Л. Пушкина хранятся в ОПИ ГИМ (ф. 213, ед. хр. 121, лл. 3—10).

1 Год устанавливается по упоминанию в В. Л. письме к А. И. Тургеневу от 4 декабря 1816 г.

2 Арзамасское прозвище А. И. Тургенева.

3 Вяземский Петр Андреевич (1792—1878), поэт, журналист, литературный критик, один из главных участников общества «Арзамас».

4 Герой поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед».

5 Весной 1816 г., возвращаясь из Петербурга в Москву, В. Л. Пушкин написал в дороге вирши на заданные рифмы, которые потом послал арзамасцам. На заседании общества эти неудачные стихи были подвергнуты критике, Василия Львовича разжаловали из старост и переименовали в «Вотрушку». В. Л. Пушкин ответил посланием «К арзамасцам» («Я грешен. Видно, мне кибитка не Парнас; Но строг, несправедлив карающий ваш глас...»), которое было высоко ими оценено, и на заседании 10 августа 1816 г. ему возвратили почетное звание старосты и прозвище «Вот я вас».

6 Батюшков Константин Николаевич (1787—1855), поэт. В декабре 1815 г. выехал в Москву, где провел целый год, подготавливая свои сочинения к изданию. В январе 1817 г. приехал в Хантоново Череповецкого уезда Новгородской губернии (деревня, принадлежавшая его матери). В Петербург прибыл в августе 1817 г.

В Петербург приехал в августе 1817 г.

7 Гнедич Николай Иванович (1784—1833), поэт, переводчик «Илиады» Гомера, член Российской академии, издатель.

8 Греч Николай Иванович (1787—1867), писатель, журналист, редактор «Сына Отечества» (1812—1839), издатель.

9 Слёнин Иван Васильевич (1789—1836), петербургский книгопродавец (с 1817), издатель «Полярной Звезды», «Северных Цветов» и др., поэт-дилетант.

10 В конце жизни В. Л. Пушкин сильно страдал подагрой. В письме А. И. Тургеневу П. А. Вяземский писал из Москвы 25 апреля 1821 г.: «Василий Львович в подагре и почти его не вижу» (Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921, вып. 6, с. 10).

11 Уваров Сергей Семенович (1786—1855), один из организаторов литературного общества «Арзамас». В 1811—1822 гг. — попечитель Петербургского учебного округа, в 1822 г. был назначен директором департамента мануфактур и внутренней торговли. С 1818 г. — президент Петербургской Академии наук, с 1833 г. — управляющий Министерством народного просвещения, с 1834 г. — министр народного просвещения, председатель Главного управления цензуры, с 1846 г. — граф.

12 Пушкин Сергей Львович (1770—1848), брат В. Л. Пушкина, отец А. С. Пушкина.

13 Тургенев Сергей Иванович (1792—1827), брат А. И. и Н. И. Тургеневых. В январе 1820 г. — сентябре 1821 г. — второй советник при русской миссии в Константинополе. В конце июля 1821 г. в связи с эпидемией чумы русское посольство выехало из Константинополя. 2—17 августа 1821 г. С. И. Тургенев находился в карантине в Одессе, 4 сентября прибыл в Петербург.

14 Тургенев Николай Иванович (1789—1871), брат А. И. и С. И. Тургеневых, государственный и общественный деятель, один из руководителей «Союза благоденствия», видный член Северного общества.

Публикация Е. М. ЮХИМЕНКО

Юхименко Е. М. [Четыре письма и стихотворение В. Л. Пушкина] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 73. — [Т.] II—III.

Публикуемые письма к А. И. Тургеневу и одно из ранних стихотворений В. Л. Пушкина входят в состав коллекции автографов, собранной П. И. Щукиным и хранящейся ныне в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея.

Василию Львовичу Пушкину (1767—1830), поэту, дяде А. С. Пушкина, принадлежит весьма заметная роль в литературной жизни первой четверти XIX в. Уже в своих первых печатных выступлениях 1790-х гг., примкнув к Н. М. Карамзину и И. И. Дмитриеву, он стал страстным сторонником нового литературного направления. Произведения В. Л. Пушкина начала 1810-х гг., в частности послания «К В. А. Жуковскому» (1810), «К Д. В. Дашкову» (1811), поэма «Опасный сосед» (1811), направлены против деятельности А. С. Шишкова и основанной им «Беседы любителей русского слова». К данному периоду относится вошедшее в коллекцию П. И. Щукина письмо В. Л. Пушкина к Д. Н. Блудову от 23 мая 1812 г.*, в котором с позиций литературных симпатий и антипатий описываются подробности московской литературной жизни. Это письмо отражает процесс складывания «арзамасского братства»**, организационно оформившегося в литературное общество «Арзамас» лишь в 1815 г. В. Л. Пушкин был принят в «Арзамас» (заочно) на первом же заседании 14 октября 1815 г. Прием по всем правилам состоялся в первой половине марта 1816 г., а на следующем заседании он был избран старостой общества с прозвищем «Вот я вас». Живший в Москве Василий Львович не мог бывать на всех заседаниях

«Арзамаса»; его сожаление по этому поводу, а также неизменный интерес к деятельности общества нашли отражение в двух письмах к одному из организаторов «Арзамаса» А. И. Тургеневу (27 ноября, 4 декабря 1816 г.).

Здесь же содержится весьма ценное упоминание о литографированном издании поэмы «Опасный сосед» (Мюнхен, 1815), что опровергает свидетельство С. Полторацкого, согласно которому сам

В. Л. Пушкин не знал о существовании данного издания***.

В 1820-е гг. В. Л. Пушкин отошел от литературной полемики. В 1821 г. он предпринял издание своих стихотворений, но поскольку у него самого не было ни средств, ни опыта, то пришлось прибегнуть к помощи П. А. Вяземского, А. И. Тургенева, П. А. Плетнева, Н. М. Карамзина. Подготовке этого издания посвящены два письма поэта к А. И. Тургеневу от 13 мая и 20 июня 1821 г.

В коллекцию П. И. Щукина наряду с письмами В. Л. Пушкина к Д. Н. Блудову и А. И. Тургеневу попал также автограф недатированного стихотворения «В науке нравиться я вечно — шах и мат...», которое на основании времени изготовления бумаги следует отнести к началу XIX в.****.

Письма Н. Ф. Минкиной к графу А. А. Аракчееву. 1823 г

Минкина Н. Ф. Письмо Аракчееву А. А., 21 августа, Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 78—79. — [Т.] II—III.

Москва 21 августа*

Отец мой и милый друг.

Я в любезном вашем Грузино7. Ах, как я покойна. В нем жалаю служить и умереть. У нас все, слава богу, здоровы, а работы идут хорошо и будем стараца все зделать по вашему приказанию. Теперь зачну приготовлять занавески в гостину комнату и царковны работы.

Друг мой, берегите себя. Право, нет минуты, чтоб я могла забыть вас. Время очень дурно, не знаю как у вас.

Посылаю к вам все то, что нужно для покупки и ваш теплой бант. Кар. Крес.8 прошу кланица. Я надеюсь на него, он любит вас. Отец мой, скажу вам свою новою комисию и любовь к человечеству. Наш любезной лекарь овдовел.

Ах, как он жалок. Я веяла его двух дочерей к себе в комнату и смотру на ним, но сама не мения мучусь виде серот у потереного отца. Вам извесно каков его характер и любовь была своему другу. О, друг, не дай бог разлучица, и подумать не могу без слес. Бедны дети, оба нездоровы, а отец бедно потерял свое силы. Родные не приехали к нему. Он просица в Петербург, но я стараюсь его удерживать потому, что он хочит в теперешное время ехать, а дети останутся у меня нездоровы.

О, друг, граф, дай бог, чтоб вы были здоровы и я могла б вам служить. Одна мысль утешает меня — люби меня, не миняй на временых обажательниц, которые все свое хитрости потребляют для улавления любви, а вы знаете свое здоровье. Сие мучит вернова и преданова друга и слугу. Цалую ручку несколько рас.

Ваша Н. М.

Приписка на полях:

Приписка на полях:

Гос. Левашова9 угостила очень хорошо, о чём он (нрзб) писать к вам. Все было (нрзб) него впорятке так (нрзб) ила от Минута10.

Минкина Н. Ф. Письмо Аракчееву А. А., 16 апреля 1823 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 77—78. — [Т.] II—III.

В Грузинские дела

16 апреля 1823*.

апреля 14-го

Отец мой, что могу сказать, кроме моего мучения, что не могу быть с вам(и) завтра. Но вы любете все чтоб было хорошо, то я от Семена1 принимаю все вещи, да Степан2 просит, чтоб ему все так здали, как от него принили. Обос я отправляю севодни, но ожидаю фанаря от Кларка3. Он обещался прислать, а нам удобно вести в брички.

Сколь я благодарю бога, что вы меня любете и рада когда слышу чью молитву о вас, мой отец.

Маврина (?) сама пришла, после муш был. Верте, что слезы их катились невольно по лицу, когда он говорил: «Бог нам дал сиротам отца». Ах, граф, и я тем отвечала от радости, что слышу молящих о вас.

13-го вечеру принесли мироносицу, как хорошо. Желею, что не могу доставить к вам, к заутрене. Причина — домашные хлопоты, а все пить насти(...)**. Видно радительница моя чувст(вовала)***, когда умирала и жалела. «Одна у меня, — говорила, — девочка остае(шься) горя». Теперь я помню ее слова.

Прости, мой отец и друг, все мое благополучие в (тебе) и Мишин(ке)4.

У нас дощь очень велик. Мои господа хотят ехать, но лошадей нельзя достать, велик разгон, потому не при(ехали) к обедне.

Сегодне прислали посвещник от Татищева5, но я е(го) обратно послала Чихочеву6, что подает.

Прости, мой отец любезной. Цалую ваши ручки, ношки. Сам бог сохранит вашу жизнь.

Верная вам Н. М.

Приписка на полях:

Мишу цалую и прошу, чтоб был усерден к вам.

Самонина Е. С. Примечания: Письма Н. Ф. Минкиной к графу А. А. Аракчееву // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 79. — [Т.] II—III.

Публикуется по автографам, хранящимся в ОПИ ГИМ (ф. 190, ед. хр. 1, лл. 12—13).

1 Семен Алексеев, дворовый человек графа Аракчеева, был управляющим мирским заемным банком, вел в Грузино всю домашнюю переписку.

2 Степан Миловидов, казначей графа Аракчеева.

3 Вероятно, имеется в виду Альван Кларк (1804—1887), американский оптик. Позднее, в 1860 г. он с сыном основал фирму по изготовлению объективов для обсерваторий.

4 Михаил Шумский (1803—1851), поручик, флигель-адъютант императора Александра I, мнимый сын Аракчеева и Настасьи Минкиной.

5 Вероятно, имеется в виду граф Татищев Александр Иванович (1762—1833), генерал от инфантерии, военный министр.

6 Имеется в виду Чихачев, полицеймейстер.

7 Село в Новгородской губернии на реке Волхов, имение Аракчеева, подаренное ему императором Павлом I в 1796 г.

8 Карл Крестианович Даллер, главный врач военных поселений.

9 Вероятно, имеется в виду Левашов Василий Васильевич (1783—1848), генерал-адъютант, генерал от кавалерии, участник Отечественной войны 1812 г., близкий сподвижник императора Николая I.

10 Вероятно, имеется в виду Александр Иванович Минут, инженер-архитектор, служивший у Аракчеева в Грузино и ведавший постройками в имении, или Минут Андрей Яковлевич (1773—1842), генерал-лейтенант, один из ученейших артиллеристов того времени.

Сообщила Е. С. САМОНИНА

Самонина Е. С. [Письма Н. Ф. Минкиной к графу А. А. Аракчееву] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 76—77. — [Т.] II—III.

В ОПИ ГИМ хранится небольшой архив графа Алексея Александровича Аракчеева (1769—1834), генерала от артиллерии, военного министра, видного государственного деятеля при дворах императоров Павла I и Александра I. Фонд состоит из материалов, поступивших из коллекции Щукина и Черткова.

Среди корреспонденции Аракчеева имеется два письма Настасьи Федоровны Минкиной, домоуправительницы и фаворитки графа.

Сведения о происхождении Минкиной и о первом ее знакомстве с Аракчеевым очень неполны и противоречивы. Из всех рассказов о ней можно с достоверностью утверждать только то, что она была крестьянкой, дочерью кучера и в 1792 г. была куплена Аракчеевым у помещика Шляттера. Настасья Минкина сразу же понравилась графу не только внешностью, но и расторопностью и аккуратностью. Бойкая и сметливая, она скоро поняла загадочный для других характер своего грозного барина, изучила его вкусы и привычки, угадывала и предупреждала все его желания. Она получила звание экономки в имении графа Грузино Новгородской губернии. Влияние Минкиной на графа было так велико, что перед ней заискивали и дарили ей подарки высокопоставленные лица, посещавшие Грузино. Сам император Александр I заходил к ней пить чай. Желая окончательно привязать к себе графа, она симулировала беременность и взяла у крестьянки Лукьяновой новорожденного ребенка, которого выдала за своего сына, впоследствии получившего дворянство под фамилией Шумский. Настасья Федоровна добилась образцового порядка в имении Аракчеева, но управление хозяйством у Минкиной основывалось на жестокости, грубости и насилии по отношению к крестьянам и дворовым. Ее отношение к дворовым людям, находившимся в полном ее распоряжении, отличалось такой жестокостью, что нередко доводило их до самоубийства. Дворовые люди предприняли несколько неудачных попыток отравить фаворитку. В 1825 г. они организовали заговор, в результате которого 10

сентября Минкина была убита.

Живя постоянно в Грузино, Настасья Федоровна регулярно посылала отчеты Аракчееву о состоянии дел в имении. В журналах «Русская Старина» (1887, т. 41, ч. 3) и «Русский Архив» (1868, № 6) были опубликованы 12 писем Н. Ф. Минкиной к графу Аракчееву, датированные 1816—1820 гг. Два письма, публикуемые в настоящем издании, относятся к более позднему

периоду. Они носят личный характер, а также содержат некоторые сведения о хозяйственных делах в имении.

Переписка П. П. Свиньина с С. С. Уваровым и А. А. Закревским. 1826—1829 гг.

Свиньин П. П. Письмо Закревскому А. А., 13 апреля 1829 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 86. — [Т.] II—III.

Милостивый Государь Павел Петрович!

Исполняя желание Ваше, изясненное в письме от 12 сего апреля, возвращаю принадлежащие Вам бумаги и имею честь быть с совершенным почтением и преданностию.

13 апреля 1829 г.

Его Высокородию П. П. Свиньину.

Свиньин П. П. Письмо Закревскому А. А., 12 апреля 1829 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 86. — [Т.] II—III.

По секрету.

Милостивый Государь Арсений Андреевич!

Видя, что предложение мое — посвятить на службу отечества, под высоким начальством Вашего Высокопревосходительства, усердие мое и опытность, приобретенную десятилетними трудами в изучении отечества, не обратило внимания Вашего, ибо я никак не думаю, чтоб желание мое быть приняту настоящим чином, могло затруднить Вас, еслиб Вы почли полезным употребить меня и когда над другими доказали онаю возможность и легкость, покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство пожаловать возвратить мою прозьбу без огласки. Повторяю, что одно только личное уважение к особе Вашей, одна уверенность, что вступая в управление Министерством Внутренних дел, Вы лучше всякаго другаго благоволите оценить пожертвования частнаго человека для познания своего государства, могли решить меня просить службы.

Быть может, что Правительство имеет тысячи людей с большими противу меня способностями, но смело могу сказать, что никто еще не сделал более моего пожертвований чинами, почестями, фортуною для узнания своего отечества, и могу похвалиться, могу доказать, что никто лучше меня и обстоятельнее не знает России, а потому ласкал себя надеждою, что приобрел некоторое право на внимание начальства, и что пожелание мое употребить на службу мои сведения — могли быть им принято благосклонно!

Впрочем и без службы я непрестану стараться быть полезным моему отечеству, непрестану стараться приобресть паки доброе мнение Вашего Высокопревосходительства, которое по видимому я имел несчастие утратить — может быть по влиянию каких ниесть недоброжелательных для меня людей, и имею честь быть с глубочайшим почтением и таковою

недоброжелательных для меня людей, и имею честь быть с глубочайшим почтением и таковою же преданностию Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

12 апреля 1829. С. Петербург.

Павел Свиньин.

Свиньин П. П. Письмо Закревскому А. А., 3 января 1829 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 85—86. — [Т.] II—III.

Его Высокородию П. П. Свиньину

Послано 3-го генваря 1829 года С. Петербург

Милостивый Государь Павел Петрович!

Письмо Ваше от 25-го декабря я имел честь получить и спешу поздравить Вас с будущим совершением Вашего счастия и вступлением в брак. Вы начинаете новый год под весьма радостным для Вас знамением. Искренно желаю Вам провести оный и встретить многие грядущие в совершенном здравьи и удавольствии и наслаждаться благополучием семейственной жизни с будущею супругою Вашею, которую прошу покорнейше также поздравить от меня.

В скором времени Вы намереваетесь возвратиться в С. Петербург, и так я полагаю лучше при личном с Вами свидании переговорить о желании Вашем вступить в службу по Министерству Внутренних дел.

С совершенным почтением имею честь быть и проч.

Свиньин П. П. Письмо Закревскому А. А., 19 декабря 1828 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 85. — [Т.] II—III.

Аполлон Александрович и Наталья Ивановна Майковы, имеют честь известить о помолвке дочери их Надежды Аполлоновны за Павла Петровича Свиньина, декабря 19 дня, 1828 года.

Свиньин П. П. Письмо Закревскому А. А., 25 декабря 1828 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 84—85. — [Т.] II—III.

Милостивый Государь Арсений Андреевич!

Позвольте прежде всего принесть Вашему Высокопревосходительству мое искреннее поздравление с наступившими праздниками и пожелать Вам встретить и провесть новый год в совершенном удовольствии и здоровьи — сколь драгоценном для тысячи Вам преданных и облагодетельствованных людей, столько же необходимом для блага Отечества нашего.

Ласкаю себя надеждою, что Вы изволите принимать участие в судьбе моей, честь имею приложить при сем от имени будущаго тестя моего, извещение о совершении моего счастия. Кончаю странническую мою жизнь, выполняя священный долг гражданина пред отечеством, т. е. узнав оное в подробности и совершенстве, я желал бы мою опытность и усердие посвятить высочайшей службе под лестным начальством Вашего Превосходительства; а потому усерднейше прошу Вас, Милостивый Государь, доставить мне случай быть полезным, и хотя сколько ниесть содействовать тем благим мерам, кои изволите Вы предпринимать для устройства государства, требующаго поистинне больших изменений и всей Вашей деятельности, мудрости и порядка.

А. А. Закревский

В конце будущаго месяца надеюсь иметь счастие представить Вашему Высокопревосходительству и Милостивой Государыне Аграфене Федоровне мою будущую и повторить словестно уверение в том глубочайшем почтении и совершенной преданности, с коими имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою
25-го декабря 1828 Москва

Павел Свиньин

Свиньин П. П. Письмо Закревскому А. А., 22 ноября 1828 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 83—84. — [Т.] II—III.

Милостивый Государь Арсений Андреевич!

Сей час, пред самым отправлением моим в Москву, я получил послужный свой список, который и поспешаю доставить Вашему Высокопревосходительству с следующим замечанием:

Если прозьбе моей угодно вам будет дать обыкновенной ход, т. е. через Комитет Министров, то без сомнения откажут мне и в чине статскаго советника; но если, в убеждении, что я могу, действительно, быть полезен службе, Вы сделайте представление прямо к Государю, то Его Величество, конечно, согласно смыслу и силе онаго, неоткажет определить меня с носимым мною чином, чему безпрерывно видим примеры. Я укажу на некоторые: господин Перовский2 из отставных коллежских советников принят был с повышением чина статскаго советника, равно и товарищ его попечитель Казанскаго университета Пушкин3 взят также в службу статским советником из отставных полковников, чин коего получен им был при отставке из капитанов гвардии*. Наконец, господин Булгарин4 из поручиков французской службы определен по Министерству просвещения с чином коллежскаго асессора — за полезныя свои сочинения! Ласкаюсь надеждою, что в сем последнем отношении издатель Отечественных Записок имеет неоспоримое преимущество пред всеми другими, и смею сказать — имеет право на признательность правительства, ибо он первый посеял желание в руских знать и уважать свое отечество, знакомя их со всем хорошим у нас находящимся; он первой возстал против иностраннаго духу якобинства у нас распространившегося, за что претерпел большия клеветы и огорчения; он один из руских пожертвовал 100 тысяч рублей для у знания отечества, без малейшаго пособия правительства, и 10 лет лучшей своей жизни!5 И теперь намерен плоды сих наблюдений — принесть на олтарь службы, намерен посвятить себя совершенно службе! Надеюсь, что сего достаточно, чтоб сколько ни есть сделать мне отличие от тех, кои ищут службы единственно для честолюбия или других каких видов. Смею думать, что Ваше Высокопревосходительство, как опытной, просвещенный муж знаите всему цену, знаите, что нет ничего легче как обыкновенная канцелярская служба, на коей получаются чины и почести!

Но, если паче чаяние определение меня с чином статскаго советника может быть сколько ниесть для Вас затруднительно, или сомнительно, то благоволите прозьбу мою оставить без внимания и возвратить мне без огласки! Я не желаю нанесть собою никому, тем паче Вам хотя малейшую неприятность или обременение, и без канцелярской службы постараюсь быть полезным моему отечеству!

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

С. Петербург 1828 22 ноября

Павел Свиньин.

Свиньин П. П. Письмо Закревскому А. А., 9 апреля 1828 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 83. — [Т.] II—III.

Его Высокородию П. П. Свиньину послано 9-го апреля 1828 С. Петербург

Милостивый Государь Павел Петрович!

Три первых книжки за нынешний 1828 год издаваемых вами Отечественных записок я имел честь получить при письме вашем от 7-го текущаго месяца и спешу благодарить вас за присылку оных. Несколько лет уже постоянно я получаю журнал ваш, столь занимательный по всем отношениям для каждого Русскаго и нынешний год, находясь также в числе подписавшихся на оной, — имел уже удовольствие прочитывать вышедшия книжки Отечественных записок. Пользуюсь сим случаем, чтобы засвидетельствовать вам мое истинное почтение и преданность, с коими имею честь быть и проч.

Свиньин П. П. Письмо Закревскому А. А., 7 апреля 1828 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 83. — [Т.] II—III.

Милостивый Государь Арсений Андреевич!

Полагаю, что по нынешним занятиям Вашего Превосходительства, Вам приятно будет бросить взгляд на журнал, посвященный единственно в продолжении 8 лет одному рускому, отечественному1, я беру смелость препроводить три вышедшия книжки Отечественных записок за нынешний год, прося покорнейше принять сие знаком того совершеннаго почтения и таковой преданности, с коими имеет честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

7е апреля 1828 год

Павел Свиньин.

Следующие № будут с исправностию доставляться по мере их выхода в свет.

Свиньин П. П. Письмо Уварову С. С., 2 июня 1832 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 82—83. — [Т.] II—III.

Богородское 2 июня 1832 год.

Милостивый Государь Сергей Семенович!

Домашния обстоятельства вынуждают меня растаться с моим русским Музеумом, собирание коего, как Вы сами изволите знать, стоили мне толиких трудов и пожертвований. Зная патриотизм и просвещенный вкус Вашего Превосходительства, я беру смелость предложить Вам приобретение онаго собственно для себя, или для правительства?* В сем последнем отношении, мне кажется, он даже необходим для пополнения многих предметов в Румянцевском Музее, чем составится в нем нечто целое, достойное внимания просвещенных посетителей и положится твердое основание Отечественному Музеуму.

Помнится я имел честь вручить Вашему Превосходительству каталог моего собрания, когда Вы почтили оный Вашим посещением; но на всякий случай я приказал моему кореспонденту доставить Вам другой экземпляр.

Не имею надобности, кажется, описывать столь просвещенному ценителю и любителю изящнаго,

редкость некоторых предметов, составляющих мой музеум, доложу только Вашему Превосходительству, что мне неоднократно предлагаемо было иностранцами до 130 тысяч рублей, но я всегда желал сохранить мое собрание для отечества, и готов сделать большие пожертвования для того, что б оно осталось в России и в целости! А потому предлагаю на собственный Ваш суд, чего стоит мой Музей и приму все возможные кондиции для облегчения в приобретении онаго; как то разсрочку уплаты на несколько лет и проч. и проч.

В надежде, что предложение мое встретит одобрение Ваше, с чувствами глубочайшего почтения и совершенной преданности, имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Павел Свиньин.

Свиньин П. П. Письмо Уварову С. С., 18 апреля 1832 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 81—82. — [Т.] II—III.

18 апреля 1832 года

Богородское, Костромской губернии, в Галич

Милостивый Государь Сергей Семенович!

В часы отдохновения от головоломной и чрезвычайно утомительной работы, заключавшейся в продолжении двух лет сличением повествований, печатных и письменных, о Петре Великом, мною собранных в великом множестве, я написал роман: Шемякин суд или последнее междусобие удельных князей русских, и почитаю обязанностию препроводить к Вашему Превосходительству билет на получение сей безделки. Благоволите, Милостивый Государь, принять сие знаком душевной моей к Вам преданности и позвольте надеяться, что Вы будите снисходительны к моему детищу — яко к первенцу; ибо Вам известнее, чем всякому другому, сколь трудно приподнимать завесу житья бытья русскаго в XIV или XV веке? К счастию многия местности и предания пособили мне к совершению сего дерзскаго предприятия. По крайней мере я первый проложу дорогу к столь отдаленной древности.

Граф С. С. Уваров

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть, Вашего Превосходительства, Милостивый Государь покорнейшим слугою

Павел Свиньин.

Свиньин П. П. Письмо Уварову С. С., 19 декабря 1826 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 81. — [Т.] II—III.

С. Петербург 1826 19 декабря

Милостивый Государь Сергей Семенович!

Приступив к составлению 6-й части описания С. Петербурга и его окрестностей, я имел честь неоднократно быть у Вашего Превосходительства, дабы повторить мою покорнейшую прозьбу о снабжении меня приказанием, кому следует, для показания мне азиатскаго музеума, библиотеки, минц-кабинета и прочих достопамятностей Кунскамеры. Благоволите, Милостивый Государь, доставить мне сие приказание с подателем и верить чувствам совершеннаго почтения и таковой же преданности, с коими имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Павел Свиньин.

Я бы чувствительнейше был обязан Вашему Превосходительству еслиб снабдили меня рисунком прекрасной вазы Вашей, которую я видел во время Вашего отсутствия и полагаю, что она есть единственной в своем роде.

Белозерова И. В. Примечания: Переписка П. П. Свиньина с С. С. Уваровым и А. А. Закревским // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 86—87. — [Т.] II—III.

Письма публикуются по автографам, хранящимся в ОПИ ГИМ (ф. 239, ед. хр. 4, лл. 18—19; ед. хр. 10, лл. 17—19; ед. хр. 13, лл. 39—43 и ф. 17, ед. хр. 81, лл. 16—20).

Два письма П. П. Свиньина к А. А. Закревскому от 22 ноября 1828 г. и 12 апреля 1829 г. были опубликованы в «Сборнике старинных бумаг», хранящихся в музее П. И. Щукина», 10 часть, М., 1902, с. 469—471.

1 Имеется в виду периодическое ежемесячное издание журнала «Отечественные Записки» с 1820 по 1830 г., до этого в 1818—1819 гг. вышло два альманаха под этим же названием.

2 Вероятно, Перовский Алексей Алексеевич (1787—1836), писатель пушкинской эпохи, более известный под литературным псевдонимом Погорельский. Сын графа А. К. Разумовского и М. М. Соболевской. С 1816—1822 гг. надворный советник, чиновник особых поручений по департаменту духовных дел иностранных исповеданий. После смерти отца (1822) немедленно вышел в отставку. В 1825 г. министром народного просвещения А. С. Шишковым был приглашен на пост попечителя Харьковского учебного округа (до 1830), а в 1826 г. утвержден в чин действительного статского советника.

3 Пушкин Михаил Николаевич (1725—1862), действительный тайный советник и сенатор, попечитель С.-Петербургского и Казанского военных округов.

4 Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859), русский журналист и писатель. Принимал участие в походах Наполеона против Италии, Испании и России, во французской армии дослужился до чина капитана. После падения Наполеона вернулся в Россию, в 1822—1828 гг. издавал журнал «Северный Архив». В 1826 г. по протекции графа Бенкендорфа был зачислен в штат Министерства народного просвещения чиновником особых поручений с чином коллежского асессора.

5 Вероятно, имеется в виду издание журнала «Отечественные Записки».

Сообщила И. В. БЕЛОЗЕРОВА

Белозерова И. В. [Переписка П. П. Свиньина с С. С. Уваровым и А. А. Закревским] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 79—81. — [Т.] II—III.

Среди документальных материалов Отдела письменных источников Государственного Исторического музея хранятся письма Павла Петровича Свиньина (1787—1839) — литератора, историка, художника, путешественника, собирателя древностей, издателя журнала «Отечественные Записки» (1818—1830). Они адресованы двум видным государственным деятелям России — Сергею Семеновичу Уварову (1786—1855) и Арсению Андреевичу Закревскому (1786—1865).

Современники с некоторым недоверием относились к его произведениям и изысканиям, считая, что Свиньин поминает в них места, которых никогда не видел. Однако именно Свиньин одним из первых в России на страницах своего журнала описал старейшие русские музеи (Кунсткамеру, Артиллерийский), различные коллекции собирателей предметов древности и русской старины

Артиллерийский), различные коллекции собирателей предметов древности и русской старины, археологические и историко-архитектурные памятники Центральной России, Украины, Молдавии, Урала, Башкирии, Киргизии. Он собрал биографические сведения о замечательных русских людях, самоучках и т. д. В письме к Уварову (1826) Свиньин говорит о завершении шестой части наиболее известной своей работы «Достопримечательности С. Петербурга и его окрестностей», издававшейся в «Отечественных Записках» в 1818—1826 гг. В этом же письме он высказывает желание осмотреть экспонаты Кунсткамеры, находившейся в ведении

Петербургской Академии наук, президентом которой с 1818 по 1855 год был Уваров. Особый его интерес вызывает Азиатский музей («Восточный кабинет»), созданный в 1818 г. по распоряжению Уварова при Кунсткамере. В Азиатском музее хранились памятники письменности, различные предметы, монеты стран Востока.

П. П. Свиньин

Свиньин издавал «Отечественные Записки» до 1830 г., после чего уехал в свою деревню в Костромскую губернию близ Галича, где написал ряд исторических романов и повестей. В письме к Уварову (1832) он сообщает о завершении работы над повестью «Шемякин суд, или Последнее междусобие удельных князей русских», повествующей о событиях русской истории XIV—XV вв. По свидетельству биографов, повесть не имела успеха у современников. В эти же годы он собирает материалы для издания большой работы о Петре I, что также упоминается в письме. Известно, что работа была им почти доведена до конца, но не опубликована.

Занимаясь изучением русской истории, описанием достопримечательностей Москвы, Петербурга и других городов России, Свиньин и сам был любителем и собирателем предметов искусства и старины. Как он вспоминает в «Отечественных Записках», мысль о создании собственного художественного музея возникла у него в 1816 г., по возвращении из путешествия по Европе и Америке, где он был в качестве дипломатического чиновника Министерства иностранных дел. С этого времени он начинает собирать «русский музеум», сосредоточивший в себе коллекции картин, скульптурных слепков, нумизматики, рукописей. Судя по его «Краткой описи», помещенной в «Отечественных Записках» за 1829 г., к этому времени живописное собрание насчитывало свыше 80 картин русских художников конца XVIII — начала XIX в. Среди них были работы Ф. Алексеева, К. Брюллова, Ф. Бруни, А. Венецианова, Е. Волкова, М. Воробьева, О. Кипренского, А. Орловского, В. Тропинина, С. Щедрина. Кроме того, в прекрасном скульптурном отделе были представлены работы М. Козловского, Ф. Шубина, Э. Фальконе, И. Мартоса и др. В музее были собраны также изделия русских мастеров из яшмы, малахита, гранита, бронзы, серебра, кости, камеи, миниатюры, русские медали и многое другое. Имелась большая библиотека, составленная из рукописей XIV — начала XIX в. и книг, относящихся преимущественно к царствованию Петра I. В 1834 г. по ряду причин это интереснейшее собрание было распродано Свиньиным с аукциона, а рукописи поступили в Российскую Академию наук. В этом отношении обращает на себя внимание письмо Свиньина к Уварову (1832), где он предлагает продать свой музей на любых условиях или в личную коллекцию адресата, или для пополнения коллекции Румянцевского музея.

Письма Павла Петровича Свиньина сохранились также в личном архиве А. А. Закревского. Они написаны в 1828—1829 гг., когда Закревский только занял пост министра внутренних дел, на котором находился до 1831 г. В этих посланиях Свиньин выражает желание вступить на службу в Министерство внутренних дел, обосновывая свое право на получение чина статского советника. Увы — желание его не было исполнено, и вскоре он на несколько лет переселился в деревню.

Письмо Е. А. Баратынского к А. А. Закревскому. 1831 г.

Боратынский Е. А. Письмо Закревскому А. А. / Сообщ. [и вступ. ст.] М. В. Фалалеевой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 87—88. — [Т.] II—III.

Письмо Е. А. Боратынского к А. А. Закревскому

В ОПИ ГИМ (ф. 239, ед. хр. 28, л. 1) среди бумаг министра внутренних дел Арсения Андреевича Закревского сохранилось письмо поэта Евгения Абрамовича Боратынского (1800—1844), написанное в 1831 г.

Как известно, в феврале 1816 г. Боратынский был исключен из Пажеского корпуса с запрещением, по личному распоряжению императора Александра I, поступать на какую-либо службу, кроме военной, и только рядовым. Лишь после больших хлопот в январе 1820 г. он был произведен в унтер-офицеры и переведен в Нейшлотский полк в Финляндию, где ему пришлось пробыть более 5 лет. Генерал-губернатором Финляндии в это время был Закревский, который, будучи расположенным к поэту, принимал участие в его судьбе.

Именно с созданных в Финляндии поэм и элегий начинается поэтическая слава Боратынского. Во многом благодаря Закревскому Боратынский имел полную возможность заниматься поэзией.

Здесь, в Финляндии, он познакомился и подружился с ротным командиром Нейшлотского полка, капитаном Н. М. Коншиным, написавшим впоследствии статью о юности Боратынского, и адъютантом Закревского — Н. В. Путятой. Осенью 1824 г. с разрешения Закревского поэт находился несколько месяцев при штабе корпуса в Гельсингфорсе, где познакомился с супругою Закревского, Аграфеной Федоровной, женщиной красивой и незаурядной. Как и Пушкин, он был увлечен ею. Образ Закревской вдохновил поэта на создание многих лирических стихотворений. Закревская послужила прототипом Нины в поэме Боратынского «Бал».

Вместе с тем, находясь в Финляндии, Боратынский тяготился состоянием «раболепного покоя». Друзья и знакомые не забывали поэта. За него хлопотали. В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, Д. В. Давыдов, А. Н. Голицын. Беспрестанно заботился об освобождении Боратынского и Закревский, на которого большие надежды в этом деле возлагал А. С. Пушкин. Общие хлопоты о деле Боратынского увенчались успехом, и 21 апреля 1825 г. он был произведен в офицеры, получив возможность оставить военную службу.

В этом отношении особый интерес представляет автограф письма Боратынского к Закревскому, в котором Боратынский пишет: «(...) я помню того, которому обязан свободою и досугом, нужным литератору». В письме также идет речь, видимо, о поэме Боратынского «Цыганка» (первоначальное название «Наложница»), завершенной в 1831 г.

Е. А. Боратынский — А. А. Закревскому

к сведению*.

получено 1-го июня 1831 С. Петербург

Ваше Сиятельство.

Важные государственные занятия не оставляют вам времени на чтение стихотворных безделок, и, представляя вам экземпляр моей поэмы, я не думаю обратить на нее ваше внимание, но желаю только доказать, что всегда с равною живою благодарностию я помню того, которому обязан свободою и досугом, нужными литератору.

С истинным почтением и совершенною преданностию честь имею быть. Вашего Сиятельства покорнейший слуга

Е. Боратынский

Сообщила М. В. ФАДЕЕВА

Сообщила М. В. ФАЛЕЕВА

Письмо И. В. Киреевского к князю В. Ф. Одоевскому. Февраль 1845 г.

Киреевский И. В. Письмо Одоевскому В. Ф. / Публ., [вступ. ст. и примеч.] В. И. Сахарова //

Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 89—90. — [Т.] II—III.

Письмо И. В. Киреевского В. Ф. Одоевскому

Послание русского философа и писателя Ивана Васильевича Киреевского (1806—1856) князю Владимиру Федоровичу Одоевскому (1803—1869) посвящено одному из главных начинаний критика-славянофила — изданию в 1845 г. обновленного журнала «Москвитянин». В письме Киреевского разработана целая программа просвещенного и объективного «центристского» издания, продолжающего традиции пушкинского «Современника» и стоящего над кружками и литературными партиями. Это интереснейший документ для истории русской журналистики и общественной мысли.

Приняв у прежнего издателя М. П. Погодина редакторство, И. В. Киреевский, поддержанный А. С. Хомяковым, Н. М. Языковым, В. А. Жуковским, Гоголем и другими друзьями и литературными единомышленниками, намеревался объединить в «Москвитянине» лучшие умы и таланты России и с этой целью пригласил публиковаться и западников: Герцена, Т. Н. Грановского, В. Ф. Одоевского. Статьи самого редактора и материалы, присланные его друзьями, способствовали успеху первых трех номеров журнала, составленных И. В. Киреевским. Число подписчиков «Москвитянина» сразу выросло с 400 до 700 и продолжало увеличиваться, появилась надежда выкупить издание у его владельца Погодина.

Однако столь широко и интересно задуманному журналу мешали продолжающиеся разногласия между славянофилами и западниками, финансовые и организационные затруднения и вынужденное деление редакторства со скуповатым, упрямым и влиятельным Погодиным. Окончательно же оставить «Москвитянина» Киреевского вынудила тяжелая болезнь, о чем писал поэт Н. М. Языков: («Москвитянин») замят на ходу и, кажется, вовсе упадет. Здоровье Киреевского так расстроилось, что он отказался от редакторства — и журнал опять в руках Погодина! Мы не знаем, что и делать в таком горе!»* После этого пути славянофилов и западников разошлись окончательно, их журналы и сборники начали ожесточенную полемику. Раскол в русском образованном обществе стал свершившимся фактом и продолжал углубляться. Тем более интересна попытка И. В. Киреевского объединить в своем «Москвитянине» лучшие духовные силы России.

Письмо Киреевского предположительно датируется второй половиной февраля 1845 года.

И. В. Киреевский — В. Ф. Одоевскому

Хотя мы несколько раз обещали друг другу переписываться, хотя никогда не держали своего обещания, однако, любезный друг Одоевский, ведь каждый из нас знает и про себя и про другого, что мы не писали оттого только, что собирались писать, и откладывали потому только, чтобы больше написать. Nous etions occupes a reculer, pour mieux sauter. — C'est l'occupation du moment. Nous marchions avec le siecle**. — Но теперь мне откладывать больше нельзя: кончено дело! Писать надобно сей час же для того, чтобы представить тебе 1-й № «Москвитянина». — Он покажет тебе, что я должен был из халата перерядиться в сюртук, из деревни переехать в Москву, от сохи взяться за перо, от моего конного завода перейти к скотному двору литературных баранов (где теперь падеж мыслей и стихов), из моего dolce far niente*** перейти к il durissimo far molto****, — и все это, само собою разумеется, не без надежд на твое участие и

содействие. — Впрочем, я взял теперь покуда еще на пробу погодинского «Москвитянина».

— Я издам 3 книжки, и если окажется, что подписчиков достаточно для того, чтобы заплатить Погодину1 известную сумму, тогда журнал останется у меня; если же подписчиков будет недостаточно, то он перейдет к прежнему владельцу. — Финансовые отношения мои не позволяют мне сделать иначе. — След(овательно), от вас, моих друзей, зависит теперь: быть иль не быть мне журналистом. — Если вы примете участие в журнале, поддержите его при начале,

украсите вашими именами, не пожалеете вложить в него хотя по одной, сочной, любопытной, живой статье, — тогда он пойдет, если не поддержите, тогда мало надежды; придется опять ехать в деревню, заглушать досаду литературной неудачи удовольствиями хозяйственных занятий. — Из чего явствует, что жду от тебя немедленной присылки чудесной, восхитительной статьи, или повести, или что Бог на сердце положит, и кроме того, надеюсь, что ты употребишь все возможные старания, чтобы доставить мне что-нибудь от к(нязя П. А.) Вяземского2, к которому письмо у меня уже давно написано, тогда как другое было написано и к тебе, но не послано потому, что с тех пор переменились некоторые обстоятельства. — Твое участие в «Москвитянине» не нарушит твоего участия в «Отеч(ественных) зап(исках)»3. — Кажется, теперь читающая публика уже достаточно велика для того, чтобы один журнал не мешал возможности другого, особливо противуположного, потому, что, между нами будь сказано, я желал бы своего «Москвитянина» сделать журналом хорошим, чистым, благородным, сочувствующим всему, что у нас есть благородного, чистого и хорошего, — след(овательно), для него нужны совсем другие читатели.

Прошу тебя послать прилагаемые билеты4 по адресам. Я хотел бы послать еще Веневитинову5, Мальцеву6 и Соболевскому7, но так как журнал принадлежит еще не мне, то не имею права. — Получать «Москвитянина» по этим билетам можно будет у книгопродавца Иванова, к которому отправлены или отправлю немедленно для сего экземпляры.

Жена моя8 кланяется тебе и твоей жене9, у которой я целую ручку с чувством искренней дружбы.

Обнимаю тебя, твой И. Киреевский.

(Вторая половина февраля 1845 г.)

Примечания

Публикуется по автографу, хранящемуся в Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинского Дома), ф. Р-1, оп. 12, ед. хр. 202, лл. 1—2.

1 Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — писатель и историк, профессор Московского университета. Издавал журнал «Москвитянин» с 1841 по 1856 г.

2 Вяземский Петр Андреевич (1792—1878) — поэт и критик, сотрудничавший в «Москвитянине».

3 «Отечественные Записки» — Петербургский литературный журнал, издававшийся А. А. Краевским при участии В. Ф. Одоевского. Печатая статьи Белинского, Герцена и других писателей-западников, «Отечественные Записки» противостояли славянофилам, сплотившимся вокруг погодинского «Москвитянина».

4 Имеются в виду бесплатные билеты на по лучение годовой подписки «Москвитянина».

5 Веневитинов Алексей Владимирович (1806—1872) — друг Киреевского, брат известного поэта, чиновник Министерства внутренних дел.

6 Мальцов Иван Сергеевич (1807—1880) — дипломат и промышленник.

6 Мальцов Иван Сергеевич (1807—1880) — дипломат и промышленник.

7 Соболевский Сергей Александрович (1803—1870) — литератор и библиограф.

8 Наталья Петровна, урожд. Арбенева (1809—1900).

9 Ольга Степановна, урожд. Ланская (1797—1872).

Публикация В. И. САХАРОВА

О гибели А. С. Грибоедова

Бакунин М. М. Письмо Бакуниной В. И., 26 марта 1829 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 94. — [Т.] II—III.

***

Москва, 26 марта 1829

Получили письма ваши, мой друг, от 13. Что от нас не получили на прошлой почте, (так) на последующей, конечно, получили два. Пишем всякую почту, но как в продолжительном пути письма должны проходить через разные мытарства, то подвергаются задержкам, а по теперешней поре и дорогам — и необходимой остановке. Из «Московских ведомостей»19 вы должны уже знать о несчастной участи Грибоедова и свиты его в Тегеране. Остался в живых секретарь Мальцов и три еще человека, и те, полагать должно, изранены. Сие дело не имеет никакого сношения с политикою и последовало от необдуманной надменности, кажется, с нашей стороны и зверства и фанатизма — с другой. Говорят, что требовано было возвращения двух увезенных грузинок, которые невольно приведены были в магометанство. Говорят, что и шах был согласен, и находились уже в доме посланника, но муллы подбили народ. Верного — только убивство, а подробности еще гадательные.

Сказывали мне, что есть уже в Тифлисских газетах, что турки в 20. 000 и с большою артиллериею обложили Ахалцих, который защищал один батальон Шериванцев, что они две недели отражали превосходного неприятеля, что подоспел к ним на помощь полковник Бурцов с 3000, что турок разбили на голову, взяли много в плен и всю артиллерию. Начало славное и сделает и для сей кампании впечатление на неприятеля20.

Пишут из П(етер)бу(рга), что Государь Император с Императрицею и наследником после праздника вскоре поедут в Варшаву. Полагать должно, что там или на границах будет свидание с Королем Прусским — отцом и дедушкою21.

Я получил маленькую коллекцию семян от Фишера чрез Баркова22, третья часть оных завтра к вам отправлены будут.

Об дураке-женихе — ни слуху, ни духу. За неустрашимость его в Персии пожалован кавалером 3ст Владимира23. Думаю, что дурак сбирается сюда к фоминой (неделе) и рассудил, что зачем трудиться отвечать.

Посылаю письмо от Ванички, которое очень долго ехало. Я еще Хомякова не видал. Что узнаю от него, уведомлю24.

Детей и внука цалую и крещу.

Ножки и ручки твои цалую.

Миша

Бакунин М. М. Письмо Бакуниной В. И., 16 марта 1829 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 92—93. — [Т.] II—III.

Москва, 16 марта 1829 года.

Письма ваши от 3 марта получили. Благодарю Господа, что вы все здоровы и что Любинька хотела встать с постели. Не рано ли? Но, конечно, не позволили бы вы. Не успел еще отправить Крестика — заказал и, надеюсь, готов будет к будущей почте.

Препровождаю записку от тетушки Кат(Ерины) Але(ксандровны)1. Вы, конечно, также ее поздравите2. Я ее поздравлял. Она, между прочим, и тем довольна, что — немец3; говорит, что немец и с маленьким состоянием проживет хорошо, а русский и большее промотает, и что, как сему немцу под сорок лет, то постоянно будет любить жену. Немец, говорят, не богат, но действительно не только что немец, (но) и достойный человек.

Вар(вара) Апо(ллоновна), которую я довольно часто навещаю, больна: одной ноге стало лучше, на другой открылися раны. Не скоро, как кажется, выздоровит, хотя почти всякий день ездит Высоцкий4.

Ни политических, ни внутренних известий, заслуживающих большого внимания, нету. Забыл, французскому послу по приезде его, в день самого представления, пожалован Андреевский орден5. Должно полагать, что привез приятные известия и что дворы весьма дружны и согласны.

Пронесся слух, но дай Бог, чтоб не справедливый, что Грибоедов умер в Тигране и жена его осталась беременною, за которою и поехал отець6. Сии подробности вынуждают верить, но каких подробностей не рассказывали о Загряцком, убитом перед фрунтом полковником!

От Ванички7 давно не получаю писем, надеюсь на днях отправить к нему рублей 500.

Препровождаю к вам письмо от вашей крестницы, а маленькой шапочки в большом ящике не рассудил отправить, успеете и сами сие сделать.

Жду уведомления о крестинах. Боюсь только, чтоб от гостей Любинька не устала. Правда, вы там, но приглашенные на празднество не всегда сговорчивы и рассудительны.

В день письма моего перед сим8 была здесь метель, а к вечеру — мороз, и доходил до 15 градусов. С тех пор и на солнце только что на крышах несколько притает. Дороги по всему городу хорошие, зимние. Всякую ночь — 10 градусов морозу, а днем — от 4 до 5 гр.

От дурака Хвощинского9, который не отвечал ни на мое, ни (на) Ива(на Пав(ловича)10 письмо, есть побочные известия, что он, дурак, все просится, чтоб скакать в Москву, но его не отпускают — некому командовать батальон(ом). Поджидают, каковы между тем свидания Ав(дотьи) Па(вловны)11 с имярек. Ей уже пускали пиявочную кровь, а она с горя только что жиреет.

Поцалуй за меня и благослови Любиньку, Василья Ивановича12 и чадо их. Как счастливо для меня будет сие самому сделать! Пашиньку и Катиньку13 цалую и благословляю.

Ручки и ножки твои цалую.

Миша

Бакунин М. М. Письмо Бакуниной В. И., 23 марта 1829 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 93—94. — [Т.] II—III.

ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 93—94. — [Т.] II—III.

***

Москва, 23 марта 1829 года

Письмо твое, мой друг сердечный, от 10 получил. Благодарю Господа, что вы здоровы и утешены приездом Вас(илия) Мих(айловича)14. Ежели вы получаете «Московские ведомости», то уже знаете, что Ваничке дан Аннинский крестик с бантиком 3 сте(пени)15. Желательно бы было, чтоб был переведен в гвардию, но — да устроит Господь судьбу их по благости своей!

Превозносится человек часто к гибели своей. Пример сему — Грибоедов. Он не от болезни умер, а насильственной смертию. Точных подробностей еще не знают; вернейшие кажутся, что в дороге люди его поссорились с Персиянами, он вступился за своих и запальчивые Персияне его закололи и многих из бывших с ним. Полное Шах дает удовлетворение, но они уже не воскреснут. Каково для матери и сестры Грибоедова! Жена его осталась беременною.

Последнее мое письмо писал в горестном духе к тебе, мой друг16. Разлука в наши лета горька для меня, и от сего много на ум приходит и не розового цвета. Здесь также после крутой зимы третий день, как открылась весна, но полагать должно, что, несмотря на постоянную оттепель, неделю переездят. Но должны быть опасны реки и ручьи, и потому рад, что вы не пустились в дорогу. Не знаю еще, что угодно будет устроить постоянного с нами Богу, но полагаю необходимым, чтоб на возвратном пути побывать тебе в Спаске17. Там много идет на разлад. Может быть, Господь поможет и мне туда приехать хотя на короткое время.

Препровождаю письмо от тетушки18. На будущей тяжелой почте отправлена будет ее и наша посылка.

Благодарю Василья Ивановича и Любиньку за их приписки. Обнять их и сына их будет для меня большим утешением в сем мире.

Поцалуй за меня, мой друг, Вас(илия) Мих(айловича) и благослови его. Уведомь, какие его намерения на щет продолжения службы его. Всего бы лучше — жениться, успокоить себя и на» утешить.

Здесь начинают поговаривать об мире, но, кажется, дело несбыточное без одной еще кампании.

И детей, и внука цалую и благословляю.

Ручки и ножки твои цалую.

Миша

Аничкова М. Мемуарная запись / Публ., [вступ. ст. и примеч.] С. Г. Блинова, С.Д. Воронина, В. М. Мельникова, А. Л. Налепина, М.Д. Филина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 96—97. — [Т.] II—III.

Публикуемый рассказ о гибели А. С. Грибоедова записан супругой Николая Андрияновича Аничкова (1809—1892), видного дипломата дореволюционной России, с его слов. Осведомленность последнего не вызывает сомнений. С 1834 г. Аничков служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Затем был генеральным консулом в Тавризе, главою русской миссии в Тегеране, чрезвычайным посланником и полномочным министром при Дворе шаха персидского. За годы заграничной службы ему не раз приходилось сталкиваться с очевидцами (и участниками?) катастрофы 1829 г. Об этих встречах и беседах дипломат поведал жене. Разумеется, к свидетельствам, исходящим из шахского окружения, должно относиться

весьма настороженно: они вряд ли искренни. Определенную сдержанность надо проявить и к записи М. Аничковой, которая, судя по всему, не принадлежала к числу высокообразованных особ. Возможны и аберрации памяти. Тем не менее сведения, ею сообщаемые, иногда подтверждаются другими источниками.

Думается, что мемуарная запись заслуживает быть включенной в корпус документов, анализирующих обстоятельства давней тегеранской трагедии. Трагедии, многие аспекты которой

не выяснены и поныне.

Со слов Н. А. Аничкова

Разсказ Дедушки нынешняго Шаха персидскаго,

Казим Мирзы об Грибоедове.

Когда бывало Грибоедов приходил к Шаху1 на ауденцию*, то садился, то вставал как сумасшедший, ходил по комнате, не садился и произносил бранныя слова, самовольно вскакивал с места и прохаживался по комнате, бранился2. Персидский Шах** смотря на поведение Грибоедова очень сердился на него и говорил, что нужно наказать русскаго посланника Грибоедова. Грибоедов часто прохаживаясь по комнате плевал на пол и бормотал. По словам же Мелик Касим Мирзы, Шах приходил в Андерун (женская половина Шахских жен) и говорил что нужно пугнуть Грибоедова. Но никак он не думал, что все это кончится так печально для Грибоедова. Грибоедов велел казакам стрелять в народ; как лишь убили однаго персиянина, разумеется фанатизм взбударажился и народ подняв убитаго понес по городу и потом к Муллам, которые не долго думая разрешили народу разгромить Русскую миссию. Когда народ хлынул на Русскую миссию, всех убили и даже стены разнесли, остался жив один секретарь Мальцев3, котораго курьер Миссии4 завернул в персидский ковер и поставил в чулан, что бы народ его не видал5. Курьер этот несчастный получил 14 ран, ему пожаловало наше правительство, кажется, офицерский чин и орден, который и надел себе на шее. Но богатый Мальцев по своей скупости ничего не дал бедному и семейному курьеру. В*** 1878 году мой муж видел Мальцева в Нице, и ему сказал, что его спаситель курьер до сих пор, кажется, жив и живет в большой бедности. Мальцев только покачал головою.

22 апреля 1890 года.

М. Аничкова.

Post. S. Эти подробности никому не известны.

Примечания

Публикуется по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ (ф. 136, оп. 1, ед. хр. 52).

1 То есть к Фет-Али-шаху (1762—1834).

2 О «тегеранском» Грибоедове, как о «господине в высшей степени раздражительного характера», отзывались и другие современники. Так, граф И. О. Симонич писал, что «мой несчастный друг, покойный Грибоедов, в отношении к шаху принял надменный тон, доходивший до безрассудства» (А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., «Федерация», 1929, с. 206). О «настойчивости» Грибоедова сообщал барон К. К. Боде (А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980, с. 201) и т. д.

3 Мальцев (Мальцов) Иван Сергеевич (1807—1880), первый секретарь русской миссии в Персии.

4 Не исключено, что имеется в виду Амбарцум (Ибрагим-бек), уцелевший курьер миссии. Его рассказ о гибели Грибоедова, записанный неким Г. А., впоследствии был опубликован в «Русской

рассказ о гибели Грибоедова, записанный неким Г. А., впоследствии был опубликован в «Русской Старине», 1901, октябрь, с. 66—68.

5 По другим сведениям, Мальцев спасся от гибели в частном доме неподалеку от штурмуемого посольства.

Публикация редакции

Сидоров И. С. Примечания: О гибели А. С. Грибоедова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 94—95. — [Т.] II—III.

Публикуется по автографам, хранящимся в ЦГАОР (ф. 825, оп. 1, ед. хр. 48, лл. 220—223, 226—231).

1 Екатерина Александровна Бибикова, урожденная Чебышева (1766—1833), вдова генерал-майора Гаврилы Ильича Бибикова (1747—1803), родного дяди В. И. Бакуниной

2 Речь идет о предстоящей свадьбе Екатерины Павловны Бибиковой (род. ок. 1810), любимой внучки Е. А. Бибиковой.

3 Жених Е. П. Бибиковой — генерал-майор барон Иван Петрович Оффенберг (1792—1870).

4 Доктор медицины и хирургии Григорий Яковлевич Высотский (1781—1849).

5 Сообщение об этом — в «Московских Ведомостях» № 21 от 13 марта 1829 г. Французский посол — герцог Мортемар.

6 Отвечая на это письмо, В. И. Бакунина писала мужу 27 марта: «Благодарю за письмо и новости. Жаль Грибоедова, ежели правда. Новое, миллионное доказательство непостоянства счастья в подлунном мире! Все удалось, честолюбие, сердечная склонность удовлетворены... и тут надобно со всем этим расстаться. Тяжело, я думаю, было, ежели это чувствовал» (ЦГАОР, ф. 825, оп. 1, ед. хр. 23, л. 56).

7 Иван Михайлович Бакунин (1802—1874), сын М. М. и В. И. Бакуниных; в это время — штабс-ротмистр, адъютант князя В. Г. Мадатова, командовавшего 3-й гусарской дивизией на Балканском театре русско-турецкой войны 1828—1829 гг.

8 Предыдущее письмо М. М. Бакунина было написано и отправлено 12 марта (ЦГАОР, ф. 825, оп. 1, ед. хр. 48, лл. 216—219).

9 Павел Ксаверьевич Хвощинский (1792—1852), старый знакомый семьи Бакуниных, обучавший когда-то их младших дочерей арифметике; участник Отечественной войны 1812 г., член Союза Благоденствия; в это время — флигель-адъютант, полковник лейб-гвардии Московского полка, командир батальона в Отдельном Кавказском корпусе. По его просьбе Бакунины хлопотали в Москве об устройстве его свадьбы.

10 Иван Павлович Голенищев-Кутузов, племянник В. И. Бакуниной, сын П. И. Голенищева-Кутузова (1767—1829), литератора, попечителя Московского университета (1810—1816).

11 Авдотья Павловна Голенищева-Кутузова (1795—1863), сестра И. П. Голенищева-Кутузова, впоследствии — жена поэта-декабриста Ф. Н. Глинки.

12 Василий Иванович Головин, зять Бакуниных, муж Любови Михайловны, гвардии поручик в отставке.

13 Прасковья Михайловна (1812—1882) и Екатерина Михайловна (1813—1894) Бакунины

13 Прасковья Михайловна (1812—1882) и Екатерина Михайловна (1815—1894) Бакунины, младшие дочери М. М. и В. И. Бакуниных.

14 Василий Михайлович Бакунин (1795—1863), сын М. М. и В. И. Бакуниных; участник Отечественной войны 1812 г., член Союза Благоденствия; автор водевилей, ставившихся на московской сцене в начале 1820-х годов; в это время — полковник, командир эскадрона драгунского герцога Вюртембергского полка.

15 Указ от 14 февраля 1829 г., опубликованный в «Московских Ведомостях» № 23 от 20 марта 1829 г.

16 Имеется в виду письмо от 19 марта (ЦГАОР, ф. 825, оп. 1, ед. хр. 48, лл. 224—225), в котором М. М. Бакунин сетовал на откладывавшееся возвращение В. И. Бакуниной в Москву.

17 Имение Бакуниных в Новосильском уезде.

18 См. примеч. 1.

19 Вероятно, не ко всем экземплярам «Московских Ведомостей» от 23 марта, рассылавшимся в провинцию, было приложено «Прибавление...» с сообщением о событиях в Тегеране, так как В. И. Бакунина в ответ на это письмо писала мужу 10 апреля: «Мы уж в газетах читали об его (И. М. Бакунина) кресте, но об Грибоедове в №х, нами полученных, еще нет. Что бедная мать его? Неужели и теперь не верит? Легко станется, что и с ума сойдет. Хорошо, что сестра вышла замуж, — есть другие привязанности в утешение» (ЦГАОР, ф. 825, оп. 1, ед. хр. 23, л. 46 об.).

20 В «Московских Ведомостях» сообщение об этом появилось на следующий день — 27 марта (№ 25) под рубрикой «Из Тифлиса, Марта 7».

21 Поездка царского семейства действительно состоялась в конце апреля, но никаких предварительных сообщений в газетах не было. Вероятно, М. М. Бакунин узнал об этом из письма кого-то из петербургских знакомых, возможно, того же Д. Н. Баркова, который упоминается ниже в этом же письме (см. примеч. 22).

22 Дмитрий Николаевич Барков (1796 — после 1855), давний знакомый семьи Бакуниных; театральный критик и переводчик, член общества «Зеленая лампа»; в это время — камер-юнкер, столоначальник департамента внешней торговли.

23 Речь идет о П. К. Хвощинском (см. примеч. 9), которому был пожалован орден согласно Указу от 8 февраля 1829 г., опубликованному в «Московских Ведомостях» № 23 от 20 марта 1829 г.

24 Речь идет о письме И. М. Бакунина от 20 февраля 1829 г., в котором он писал, в частности: «Пишу к вам через моего товарища Хомякова, которого просил лично вам доставить мое письмо и рассказать про наше бытье-житье. Он отпущен к родным и в Москве пробудет недолго». (ЦГАОР, ф. 825, оп. 1, ед. хр. 17, л. 55). Алексей Степанович Хомяков (1804—1860), впоследствии — известный писатель и общественный деятель.

Публикация И. С. СИДОРОВА

Сидоров И. С. [Письма М. М. Бакунина] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 91—92. — [Т.] II—III.

Трагедия в Тегеране разыгралась 30 января 1829 г.*. Когда и как узнали об этом в Петербурге и Москве? Согласно опубликованным документам**, российский консул в Тебризе А. К. Амбургер узнал об этом через неделю и 8 февраля направил в Тифлис рапорт

главноуправляющему Кавказской областью И. Ф. Паскевичу и донесение министру иностранных дел К. В. Нессельроде. Одновременно с этими посланиями Паскевич получил 22 февраля известие и от находившегося в Тифлисе персидского чиновника Мирзы-Салеха, который, в частности, предоставил ему выписку из письма генерал-губернатора Тегерана к наследному принцу Аббасу-Мирзе от 30 января с описанием произошедших там событий. 23 февраля Паскевич отправил письмо Нессельроде, приложив донесение Амбургера и материалы, полученные от Мирзы-Салеха.

Петербургский почт-директор К. Я. Булгаков в письме к брату А. Я. Булгакову в Москву от 15 марта*** писал, что накануне были получены сведения о тегеранской трагедии****. Немедленно со всеми материалами был ознакомлен император Николай I. К 15 марта была выработана позиция правительства, сообщенная Паскевичу в послании Нессельроде от 16 марта: «При сем горестном событии его величеству отрадна была бы уверенность, что шах персидский и наследник престола чужды гнусному и бесчеловечному умыслу и что сие происшествие должно приписать опрометчивым порывам усердия покойного Грибоедова, не соображавшего поведение свое с грубыми обычаями и понятиями черни тегеранской, а с другой стороны, известному фанатизму и необузданности сей самой черни, которая одна вынудила шаха и в 1826 г. начать с нами войну»*****. Тогда же, вероятно, был согласован и характер публикации в газетах.

Сообщение это появилось 16 марта на французском языке в «Journal de Saint-Pe?tersbourg» под рубрикой «Внутренние известия. Санкт-Петербург, 15 марта» со ссылкой на некие письма, полученные из Тегерана. От кого и кем были получены эти письма, не указывалось. Заметка содержала краткий рассказ о разгроме посольства и гибели почти всех его сотрудников (без каких-либо указаний на возможные причины или повод) и показывала непричастность к этому персидских властей. 18 марта это же сообщение появилось в «St. Petersburgische Zeitung» в переводе на немецкий язык и в «Санкт-Петербургских Ведомостях» в переводе на русский язык. 19 марта в собственном переводе на русский язык его опубликовала «Северная Пчела», а «Русский Инвалид» дал перепечатку из «Санкт-Петербургских Ведомостей». Заметим, что не во всех газетах эта заметка была напечатана на первой полосе. Так, в «Северной Пчеле» она оказалась на второй полосе (между объявлением монаршего благоволения астраханскому губернатору за поставку армии 1000 верблюдов и сообщением о прошедших публичных испытаниях в частном пансионе пастора фон Муральта), а в «Русском Инвалиде» — на третьей полосе.

В Москву официальное сообщение попало 20 или 21 марта с газетой «Journal de Saint-Petersbourg»******. Но «Московские Ведомости», очевидно, дожидались прибытия «Санкт-Петербургских Ведомостей», чтобы перепечатать заметку оттуда. Эта петербургская газета пришла в Москву, вероятно, 22 марта, когда очередной номер «Московских Ведомостей» (№ 24 от 23 марта) был уже сверстан. Поэтому срочно было набрано и на отдельном листке напечатано «Прибавление к № 24 Московских Ведомостей 1829 года», которое рассылалось вместе с газетой. Однако московские слухи значительно опередили газеты. Можно с большой уверенностью утверждать, что первые известия о гибели Грибоедова проникли в Москву 15 марта* и, следовательно, никак не могли происходить из Петербурга, а к моменту получения петербургских газет и выхода «Московских Ведомостей» по частным каналам в Москву уже проникли подробности, которых не было в газетном сообщении, но которые содержались в бумагах, доставленных из Тифлиса. Судя по содержанию публикуемого ниже письма от 26 марта, эти подробности восходят к уже упоминавшемуся письму К. Я. Булгакова от 15 марта.

Автор публикуемых писем — Михаил Михайлович Бакунин (1764—1847), генерал-майор в отставке, бывший петербургский гражданский губернатор (1808—1816), сенатор, уволенный со службы в 1827 г. С начала 1820-х годов он жил с семьей в Москве. Адресованы письма его жене Варваре Ивановне, урожденной Голенищевой-Кутузовой (1773—1840), уехавшей навестить замужнюю дочь Любовь Михайловну Головину (1801—1830?), которая жила с мужем в деревне и уже в присутствии матери 25 февраля родила сына.

Записка А. М. Унковского и А. А. Головачева о недостатках правительственной программы крестьянской реформы. 1857 г.

[Унковский А. М., Головачев А. А.] Записка А. М. Унковского и А. А. Головачева о недостатках правительственной программы крестьянской реформы (1857 г.) / Публ., [вступ. ст. и примеч.] А.Д. Яновского // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 98—118. — [Т.] II—III.

В истории либерального движения русского дворянства второй половины 1850 — начала 1860-х гг. центральное место принадлежит наиболее активной, последовательной и решительной тверской оппозиции. Во главе тверских либералов в это время стояли по существу два человека: А. М. Унковский и А. А. Головачев. Им обоим (особенно Унковскому) предстояло впоследствии стать крупными общественными деятелями, известными всей просвещенной России публицистами, внесшими заметный вклад в дело подготовки и проведения в стране реформ 1860—1870-х гг.

Об Алексее Михайловиче Унковском (1828—1893) написано немало исследователями различных поколений. Его имя фигурирует практически во всех значительных монографиях по истории крестьянской реформы 1861 г. Имеются об Унковском и специальные работы*. Гораздо менее изучен жизненный путь соратника Унковского Алексея Адриановича Головачева (1819—1903). Биографические данные о нем очень бедны**. Известно, что родился Головачев в 1819 г. в Корчевском уезде Тверской губернии, принадлежал к древнему дворянскому роду. В 1839 г. он окончил юридический факультет Московского университета. Когда в 1852 г. после смерти своего отца Унковский переехал из Москвы в Тверь, Головачев «жил у себя в деревне и занимался хозяйством и лесной торговлей»***. В этом же году они и познакомились. Дворянство Тверского уезда избрало Унковского депутатом для ревизии отчета по земским повинностям. Аналогичные функции выполнял и Головачев. «На этой почве мы сошлись с Алексеем Андреяновичем Головачевым, — вспоминал Унковский много лет спустя. — Я был депутатом по Тверскому уезду, а он — по Корчевскому (...). Сходство мыслей и стремлений в ту пору у нас было положительно; поэтому в первый же раз, как только мы засели в общее присутствие комитета земских повинностей и не ограничились только книгами, которые представлялись на ревизию, мы сильно вооружили против себя чуть не всю губернию (...)»****.

Честность, принципиальность и неподкупность Унковского и Головачева хотя и вызывали раздражение и неприязнь губернских властей и некоторых помещиков, тем не менее помогли молодым ревизорам завоевать уважение и авторитет у довольно значительной части местного дворянства. В 1856 г. Головачева избрали предводителем дворянства Корчевского уезда, а через год Унковский, проработав более трех лет тверским уездным судьей, стал предводителем дворянства Тверской губернии.

После подписания высочайших рескриптов от 20 ноября и 5 декабря 1857 г. о создании в губерниях дворянских комитетов по «улучшению быта помещичьих крестьян», Унковский и Головачев написали свой собственный проект освобождения и в середине декабря 1857 г. отправили его в столицу императору Александру II. Эта записка — плод совместной работы двух лидеров тверского либерального дворянства, свидетельство их крепкой, неразрывной дружбы и общности взглядов. Долгое время фигура Головачева оставалась в тени, и это обстоятельство искренне возмущало Унковского. В сентябрьском выпуске журнала «Русская мысль» за 1891 г. Унковский свидетельствовал: «Все письменные работы, какие только были в Твери по делу освобождения крестьян, производились мною пополам с бывшим тогда членом комитета г. корчевским уездным предводителем Алексеем Адриановичем Головачевым. Окончательная редакция была моя, но писали мы двое и обсуждали все вместе. А. А. Головачев из всех наиболее

расположенных к делу моих сотоварищей был в полном смысле слова единственным лицом, способным к работе письменной. Притом, большую часть письменной работы в то горячее время приходилось производить наскоро, иногда по ночам, и мне бы одному, без Головачева не справиться»*.

Первую часть записки составил Головачев. Он дал критический разбор правительственной программы решения крестьянского вопроса, предложенной в высочайших рескриптах от 20 ноября и 5 декабря 1857 г. Вторая часть принадлежала перу Унковского. В ней выдвигались предложения по организации жизни и быта крестьян в связи с отменой крепостного права, отстаивалась необходимость выкупа помещичьих земель. В 1858 г. или в начале 1859 г. эта часть проекта, написанная Унковским, оказалась в Лондоне у А. И. Герцена и Н. П. Огарева, которые опубликовали ее в 39-м номере «Колокола» 1 апреля 1859 г. Первая же половина записки, составленная Головачевым, долгое время считалась утраченной. Во всяком случае, в 1894 г. близкий друг и биограф Унковского, известный историк, юрист и публицист Г. А. Джаншиев отмечал следующее: «У меня имеется черновик, написанный рукою Унковского и испещренный поправками и добавлениями. Он начинается словами: «Из всего предыдущего ясно видно, что» и т. д. Очевидно, стало быть, тут предшествовало что-то, но что именно неизвестно, быть может, изложение сущности официальной программы»**. Историку А. А. Корнилову первая часть записки также была незнакома***.

В 1962 г. исследователь из США Т. Эммонс, собирая материал по истории крестьянской реформы 1861 г., обнаружил в фонде III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии полный текст записки Унковского и Головачева и со значительными сокращениями опубликовал его в приложении к своей монографии****. После Т. Эммонса на этот источник обратил внимание и И. П. Попов, которому удалось выявить еще один, более поздний вариант проекта (1858 г.) Унковского и Головачева*****.

На сегодняшний день можно говорить о четырех списках этого источника (не считая варианта 1858 г., найденного И. П. Поповым) идентичного содержания, имеющих лишь незначительные неточности и разночтения******.

Предлагаемый текст первой (ранее никогда не публиковавшейся) части записки, принадлежавшей перу Головачева, был найден в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина*******. Этот документ хранится здесь под неверным названием «Обзор оснований, принятых при составлении Положения об устройстве быта помещичьих крестьян в Тверской губ.»*.

Записка Унковского и Головачева представляет собой рукопись на 24 листах, исписанных (все, кроме первого) с обеих сторон. На первом листе — заголовок: «Мысли об улучшении быта помещичьих крестьян Тверской губернии, изложенные тверским губернским предводителем дворянства Уньковским и корчевским уездным предводителем дворянства Головачевым». Сам текст записки начинается со второго листа. Первая часть, автором которой был Головачев (лл. 2—21), написана одним почерком, напоминающим руку жены Головачева, и почти полностью избавлена от тех неточностей, искажений, а порой и просто неграмотности (пропуск букв, слов, строчек, целых предложений), которые имеются в других списках. Она включает и дополнительный раздел «Составление проектов», отсутствующий в других вариантах.

Вторая часть документа, которую составлял Унковский, написана иным почерком (очень похожим на почерк самого Унковского). Она представляет собой черновик и занимает менее шести страниц (лл. 21—24). Этот раздел записки — лишь начало проекта Унковского, опубликованного в апреле 1859 г. в «Колоколе». Она заканчивается словами: «Рассмотрим сперва, в какой мере должны быть вознаграждены помещики за крестьян и землю, и на кого должны падать убытки этого вознаграждения»**. Далее, примерно полстраницы (лл. 24—24 об.) занимает записка «О возможности сокращения некоторых расходов земского сбора и новых налогах Тверской губернии, могущих послужить источником платежа процентов по облигациям,

*** И

приписываемым на счет государства»***. Но в указанном варианте эта записка составлена небрежно и неразборчиво.

Трудно сказать, каким образом публикуемый документ оказался в фонде издателя «Отечественных записок» А. А. Краевского и близкого к нему историка и публициста В. А. Бильбасова. Возможно, что Унковский, лично знавший Краевского, сам отослал ему один или несколько списков разработанного им с Головачевым проекта освобождения крестьян (вряд ли Унковский ограничился только этим незаконченным вариантом)****. Не исключено также, что известный публицист С. С. Громека, часто встречавшийся с Унковским, много писавший о нем в «Отечественных записках», приезжавший к нему в Тверь еще во время работы Тверского губернского комитета (1858—1859), мог получить от Унковского этот документ, попавший затем к Краевскому*****. Весьма вероятно, что именно Громека или Краевский, лично переписывавшиеся с Герценом, послали в Лондон текст проекта Унковского, так же, как год спустя, и его широко известные по всей России «Соображения по докладам Редакционных комиссий», опубликованные в 1860 г. в IX книге «Голосов из России»******. Хотя аналогичные предположения можно в равной степени отнести и в адрес М. А. Бакунина, с которым Унковский часто переписывался, а также близко знал и был дружен с его братьями Н. А. и А. А. Бакуниными, жившими с ним в одной губернии и имевшими много общего по работе в Тверском дворянском губернском комитете по улучшению быта помещичьих крестьян*******.

МЫСЛИ

Об улучшении быта помещичьих крестьян Тверской губернии,

изложенные тверским губернским предводителем дворянства Уньковским

и корчевским уездным предводителем дворянства Головачевым

Важность вопроса и значение его для России

Циркулярные отношения министра внутренних дел губернским предводителям дворянства от 24 ноября и 8 декабря1 задают вопросы, которые касаются интересов не только дворянства и помещичьих крестьян, но всех вообще сословий, всего административного и полицейского порядка в государстве. Стоит вспомнить, что теперь должны обсуживаться участь 20 миллионов жителей и судьба будущего экономического быта России. Все стороны общей государственной жизни народа касаются этих вопросов, и следовательно потребуют реформ, тем более существенных, чем более их связь с интересами помещиков и земледельцев. В таких обстоятельствах каждый истинный сын отечества обязан сказать правительству все свои верования прямо и откровенно, без всякой боязни и утайки, объяснить все, к чему, по его мнению, может и должно вести обсуждение настоящего вопроса и вместе с сим показать, если имеет в виду, какой способ он считает возможным и более удобным для перехода от старого порядка к новому.

Необходимость упразднения крепостного права

Необходимость освобождения крестьян очевидна. Стоит лишь сравнить нынешние отношения крестьян к помещикам с теми, которые существовали лет за 20-ть перед сим, и всякий беспристрастный человек убедится, что патриархальные начала, на которых основываются эти отношения, слабеют с каждым днем и, боже сохрани, если они исчезнут, и мы не постараемся их заменить новыми, более рациональными.

К чему же отнести, к чему приписать это ослабление патриархальных начал, прежде так тесно связавших помещика с крестьянином? Здесь время и просвещение имеют важное значение. Образ жизни, характер, привычки, потребности народа — все изменяется, а с ними изменяется и направление народного труда. Зависимость одного частного лица от другого в младенческие эпохи народов есть факт всеобщий. Но как бы ни был порабощен народ, все часть его с

эпохи народов есть факт всеобщий. Но как бы ни был порабощен народ, все часть его с известным временем нечувствительно освобождается, и возле труда обязательного является труд свободный. Этот свободный труд, не имея возможности соперничать с трудом обязательным в одной и той же промышленности, переходит к другим родам деятельности. Таким образом, в одной промышленности, обеспеченной вследствие обязательного труда достаточными выгодами, забот об улучшении не прилагается; все идет рутиною, допотопный порядок и невежество остаются нетронутыми и полагают непреодолимую преграду всякому успеху. В других же сферах деятельности предприниматель, не имея верного обеспечения в неволе ближнего,

старается вознаградить себя улучшениями всякого рода (вот причина, почему наше сельское хозяйство на такой низкой степени в сравнении с другими отраслями промышленности). Успехи в других родах деятельности порождают необходимость усовершенствований в промышленности отсталой и вызывают мнения о вреде труда обязательного. Выше было сказано, что просвещение здесь имеет также свое значение. Просвещение не может проникать одинаково все слои общества; помещики, как люди с большими средствами, должны были необходимо уйти далеко вперед от своих крепостных людей и начать жизнь совершенно иную. Прежде помещики жили жизнью, если неодинаковою с их крепостными людьми, то, по крайней мере, близкою к их жизни и имели с ними много общего. Теперь с каждым шагом помещиков на пути к просвещению, эти два класса все более и более расходятся между собою в жизни и образе мыслей. Вместе с тем, цивилизация, проникая и в низшие слои общества, порождает в крепостном сословии сознание несправедливости существующих отношений, чему способствует соседство свободных сословий. А так как цивилизация и соседство свободных сословий суть явления необходимые, то и сознание несправедливости крепостного права есть также необходимость и растет с временем.

Вот внутренние, исторические, необходимые причины ослабления тех начал, на которых держится крепостное право. Они незаметно ослабляют патриархальные связи помещиков и крестьян; но есть еще причины другие, внешние, происходящие от сознательной деятельности или самого общества, или правительства. Общее сознание несправедливой зависимости и желание сколько-нибудь оградить личность от произвола и насилия порождают ряд мер законодательных, которые, ограничивая власть владельцев, явно разрушают в народе сознание законности крепостного права и порождают антагонизм между помещиками и крестьянами. Этот антагонизм вследствие необходимости самых мер является в свою очередь необходимостью и существует более или менее повсеместно, скрываясь в глубине души. Хотя явной борьбы еще нет, но попытки к ней являлись уже в некоторых местностях2. Зато язва общественной деморализации начинает свое дело. Крепостной человек, будучи бесправным в отношении к своему господину, сознавая в глубине души незаконность его власти и нуждаясь в необходимом, остается в невежестве и против власти может прибегать лишь к лжи, обману, воровству и плутням. Владелец, имеющий в своем имении и полицейскую, и судебную власть, обличая часто эти пороки, принужден обращаться к телесным наказаниям, при повторении которых теряет всякое уважение к личности человека, ему принадлежащего; обязанный же государственною службою он переносит и в служебную деятельность это неуважение к личности человека. Руководствуясь произволом в своих отношениях к людям, ему принадлежащим, он переносит, по привычке, этот произвол и на службу. Таким образом, крепостное право порождает естественным путем недобросовестность чиновников и, следовательно, недоверие к ним народа. Даже свободные сословия не имеют сочувствия к дворянству, ибо будучи ближе по степени образования и образу жизни к лицам зависимым, они естественно тяготеют более к сим последним. Вот следствия настоящего положения вещей, откуда прямо вытекает необходимость упразднения крепостного права. В этом немногие сомневаются. Эти немногие редко возвышаются мыслию над тем, что существует. Привычка к обыденному порядку, при отсутствии всякой мысли вне этого порядка, порождает страх за будущее. Страх этот извинителен, потому что общество не имеет ни малейшего понятия о тех началах, которыми будет руководствоваться правительство в экономической, финансовой и административной жизни государства. Выбор пути для перехода и объяснения с правительством с полною откровенностию, должен уничтожить последние опасения.

Невозможность

постепенного освобождения крестьян

Теперь является вопрос: каким путем придти к новому порядку вещей. Возможно ли улучшение быта помещичьих крестьян без совершенного освобождения их от власти помещиков, и возможен ли, в этом случае, постепенный переход, как предлагает правительство, или нужно разом и совершенно прекратить зависимость? С первого взгляда кажется, что постепенный переход, без нарушения всех хозяйственных отношений землевладельцев к работнику, есть лучший, но чем глубже мы вникаем в существующий порядок и в будущие отношения этих двух сословий, тем более убеждаемся в противном. Выше мы видели, что полумеры для ограничения власти помещика и ограждения личности крестьянина, в сущности необходимые, порождают антагонизм, ибо поселяют в крестьянине уверенность, что правительство желает его освобождения, но что помещики противополагают этому все возможные препятствия. Настроение в этом смысле крестьян в настоящее время до того сильно и неведение их в законах так велико, что самые неосновательные поводы, не имеющие даже и тени здравого смысла, принимаются ими за полное доказательство для отыскивания вольности, а с тем вместе является и полное неповиновение. В настоящее время довольно, чтобы крестьяне подали какую-нибудь просьбу об освобождении, и они совершенно убеждены в том, что повиновение помещику лишит их свободы и даже составит преступление против Особы Государя Императора. Всякому, кто бывал при увещании таковых крестьян, конечно, удавалось слышать следующие слова: «что же я буду против великого Государя, если, утруждая его просьбою, обяжусь повиноваться помещику». И никакие убеждения не только местных властей, но даже лиц, командируемых по Высочайшим повелениям, не могут заставить его верить, что он обязан повиновением. Крестьянин ложится с крестом под розги, повторяя, что святые больше терпели. Наконец, когда уже меры строгости превышают человеческое терпение, тогда только крестьянин покоряется необходимости. Такое настроение крестьян есть плод разных полумер, принятых в последнее время правительством для ограничения помещичьей власти, полумер в сущности вовсе недействительных, и хотя, можно сказать, что борьбы между дворянством и крестьянами еще нет, но она уже наготове. Переходное состояние, которое предлагает правительство3, породит повсеместно то, что теперь является в редких случаях и приведет к совершенной анархии. Ненависть между двумя сословиями, обязанными жить вместе, и на добром согласии которых должно основываться все благосостояние государства, поселится окончательно. Улучшить быт крестьян без их освобождения, оградить крепостного человека от произвола помещика, не уничтожая вовсе его власти, согласовать свободу и неволю, полицейскую и административную власть помещика и самостоятельность крестьянина — задача чисто невозможная; а, между тем, эта-то задача и лежит в основании идеи постоянного* перехода от зависимости к свободе. Крестьяне переходного состояния должны получить право жаловаться на помещика и вместе с тем подлежат его полицейским взысканиям. Возможно ли такое положение? Да и к чему поведет это право жалоб? Может ли существовать беспристрастный суд, когда он будет в руках чиновников, которые также помещики? Возможно ли допустить беспристрастный суд, когда власть и подчинение должны остаться и после суда? Сверх того, давно уже в народе ходят слухи, что он должен быть свободным. Он чувствует, что наступило время, в которое он может надеяться на лучшую участь, ожидает этого со спокойствием и с твердым убеждением, что это необходимо. Можно ли при этом настроении народа поставить его в полузависимость и растолковать ему необходимость этой полу зависимости в видах административных? Он не поймет как этих целей, так и их необходимости, а что всего хуже, он не поверит, что на это есть Высочайшая воля. Он будет разочарован в своих ожиданиях, и негодование вследствие этого разочарования обратится опять на помещиков, в которых он увидит своих притеснителей. Неминуемым следствием такого положения дел будет совершенное нарушение всего хозяйственного порядка, который желают поддержать постепенным переходом к свободе, и притом разрушение не временное, которое бы могло пройти, как скоро уляжется брожение умов, нет! разрушение, порожденное ненавистью, следовательно, на долгое время, если не навсегда. Остзейские провинции4 не могут служить в этом случае примером. Не говоря уже о том, в какой мере сносно настоящее положение тамошнего работника и лучше ли оно в сравнении с положением помещичьего крестьянина в Тверской губернии (что подлежит большому

положением помещичьего крестьянина в Тверской губернии (что подлежит большому сомнению). Следует заметить, что остзейский крестьянин до сих пор находится еще в переходном состоянии. Преимущественный способ отбывания крестьянами Эстляндской губернии господских повинностей есть барщина, и помещик может подвергать неисправных работников телесному наказанию. Такое положение после долгих стремлений к освобождению и самый продолжительный срок переходного состояния вовсе не говорят в пользу подобного учреждения. Где то хваленое освобождение, когда существует барщина и розги. Этого освобождения не было и нет! Оно существует только на одной бумаге. Во всяком случае, это переходное состояние

возможно было в Остзейских провинциях, но не у нас. Там крестьянин относился к помещику как раб; он сделался им вследствие завоеваний. Там крестьянин принадлежит к одному племени, а помещик к другому, и крестьянин никогда не считал себя собственником той земли, на которой жил. У нас наоборот, крестьянин никогда не был в полном смысле рабом, сословие русских помещиков не есть сословие завоевателей, а потому отношения между ними и крестьянами должны были образоваться более мягкие, на началах патриархального быта, и крестьянин наш, будучи всегда владельцем земли, а не батраком, привык себя считать собственником земли. Для него положение остзейского батрака будет невыносимым. Сверх того, количество крепостных в трех остзейских губерниях, поставленных в такое положение, совершенно ничтожно в сравнении с десятью миллионами душ великороссийского крепостного сословия5. Что могли сделать остзейцы? Они были поставлены в совершенную необходимость подчиниться безропотно своей участи, даже если и не были ею довольны. Будет ли это так у нас — отвечать трудно. Из всего этого ясно, что постепенное освобождение крестьян представляет такие опасности, которыми рисковать не следует. Совсем другое дело переход решительный, так, чтоб между крестьянином и помещиком не оставалось никаких отношений, кроме могущих установиться впоследствии по обоюдному соглашению. Такой переход не породит никаких неудовольствий со стороны народа. Возможность разрешения вопроса этим способом рассмотрим ниже, а здесь будем разбирать предположения, сообщенные правительством.

Увольнение с одной усадебной землей

не представляет гарантии для свободы крестьянина6

Возможно ли увольнение крестьян с одной усадебной землей? Рассматривая предположение правительства в этом отношении, мы видим, что усадебная земля предоставляется крестьянам в избежание вредной подвижности и бродяжничества. Достигается ли эта цель? Отвечать на это возможно по рассмотрении всех отношений крестьянина к помещику. Мы видим, что крестьянину предоставляется вся усадебная земля в собственность и вместе с тем право на пользование участками земли, принадлежащими помещику, и вознаграждение, которое он должен платить деньгами или работою за владение этими участками, определяется комитетом7. Если такой обязательный наем земли8 будет временным, то по окончании переходного состояния он заменится добровольным соглашением и, в таком случае, на нем не следует останавливаться, хотя бы неудобства его и были очевидны. Неудобства могут быть оправданы административными целями, если они непродолжительны. Если же этот обязательный наем помещичьей земли будет вечный, то где же свобода крестьянина? В таком случае земледелец или община крестьян должны, несмотря ни на какие обстоятельства, в которые может поставить их судьба, по чужому усмотрению, нести обязательства, которые принять на себя, быть может, не желают. При этом надо вспомнить, что обязательства, в которые таким образом будет поставлен человек, будут обязательствами не временными и преходящими, но обязательствами на всю жизнь, и от которых зависят все средства существования человека. Если наука осуждает все возможные ограничения свободы при размене услуг, даже маловажных, то как же допустить это ограничение в вопросе: быть или не быть? И какая возможность, какие средства определить справедливую цену услуг без взаимного соглашения заинтересованных сторон? Какой добросовестный человек возьмет на себя эту обязанность? Ошибки, злоупотребления будут встречаться на каждом шагу и упадут всею своею тяжестию на бедных тружеников, не имеющих никакой возможности представить на вид ценителей все те мелкие подробности, от которых могут зависеть цены на наем земли в известной местности. Из этого видно, что вместо освобождения крестьянин при таком положении

вещей будет подчинен еще большему произволу, нежели в крепостном состоянии, когда собственная выгода помещика требовала, чтобы крестьянин не приходил в разорение. Всякий комитет при определении количества вознаграждения необходимо должен руководствоваться известными правилами; но разве возможно предположить, чтобы все условия земледельческого быта могли быть подведены под одинаковые правила? Словом, здесь произвол одного заменится произволом многих, с тою только разницею, что этому одному были знакомы все подробности, все мелочи этих условий, от которых зависит благосостояние земледельца, а этим многим почти

ничего не известно. Из этого ясно, что добровольное соглашение здесь необходимо, и, что с окончанием переходного срока, оно должно быть допущено. Посмотрим же, насколько обеспечивается свобода крестьянина при этом порядке вещей? Оседлому человеку, имеющему свой дом и хозяйство, не все равно нанять землю где бы то ни было. Для него необходима именно та земля, которая окружает его оседлость. Здесь он имеет одобрение*, вывозка которого составляет значительный труд; сюда только он может выйти и выгнать скот во всякое время. В разнообразном сельском хозяйстве сколько есть невыгод и неудобств, когда земля чужого владения не только окружает, но даже подходит близко к оседлости. Представим себе несколько человек людей, которым принадлежит в собственность средняя комната большого дома, и которые не имеют средств из нее переселиться, между тем, как все остальные комнаты находятся в распоряжении другого владельца. Вот положение крестьян, уволенных с одной усадебной землей. По необходимости они должны будут соглашаться на всякие условия, которые вздумается назначить помещику. Если бы еще наш крестьянин не имел никакой собственности, если б он был бездомным работником, то тогда он не принял бы тягостных условий помещика и не* перешел бы к другому, предлагающему ему более выгодные. Но теперь он имеет клочок земли, принадлежащий ему в собственность, на котором устроен его дом, и заведено все его хозяйство. Не говоря уже о привязанности нашего крестьянина к месту своей родины и общине, к которой он принадлежит от рождения, не говоря о связях родства и знакомства, которые оставить для него будет тяжело, он не может переселиться на другую землю без совершенного разорения. Вся его постройка на месте имеет одну цену, а при перевозке едва ли сохранит и треть этой цены. Наконец, самая перевозка разве не отнимет у него времени, которое для него дороже собственности и сполна посвящено заботе о насущном пропитании себя и семьи своей. И что он будет делать с купленным им клочком усадебной земли, который он должен оставить? Может ли он найти для него покупателя за настоящую цену, когда известно, что он поставлен в необходимость продать его? Все эти соображения заставят его постоянно соглашаться на все тягостные условия до тех пор, пока у него останется какая-либо собственность. Спрашивается, где же тут свобода крестьянина и улучшение его быта?

При недостатке оседлости

неизбежно уничтожение характера земледельца

В таком положении вещей крестьянин будет поставлен в необходимость выбирать одно из двух: или, оставаясь земледельцем, придти к совершенному разорению, или, продав свой скот и все земледельческие орудия, обратиться к торговле, ремеслам и заработкам даже потерею своего огорода. Само собою разумеется, что он изберет последнее средство, и тогда останется ли в нем земледелец. Нет, он обратится в того же бездомного батрака, подверженного всем бедствиям бродячей жизни, которую правительство желает предупредить. С полным убеждением можно сказать, что одна усадебная земля не может иметь достаточного залога для того, чтоб крестьянин сохранил свою оседлость. Представим же себе десять миллионов ревизских душ или двадцать миллионов жителей, принадлежащих сельскому населению, не имеющих ни малейшего обеспечения в средствах существования и никаких общих интересов с остальным народонаселением России! Не нарушит ли такое положение вещей весь хозяйственный порядок, о поддержании которого заботится правительство? И не доставит ли оно крестьянину вместо свободы самую тяжкую неволю. Такой порядок вещей изменит весь характер нашего крестьянина. Он убьет в нем земледельца и обратит его в горожанина или бездомного батрака. Прибавим ко всему этому, что наш крестьянин привык себя считать собственником владеемой

земли. Причину этому надо искать во всей исторической жизни народа: вспомним одно только, что, может быть, значительная часть наших крестьян поступила в крепостное сословие с землею, которая им принадлежала в собственность. Легко ли и возможно ли им будет отказаться от мысли, что владеемая ими земля принадлежит им в собственность, от того убеждения, которое охватило весь их быт, слилось со всем их существованием? Только увольнение крестьян с землею, обеспечивающею им по крайней мере средства пропитания, доставит им возможность сохранить настоящий хозяйственный быт, служащий твердым залогом будущего благоденствия

России и примирит их с дворянством, с которым они должны будут иметь много общих интересов как мелкие землевладельцы с богатыми. Вместо борьбы между этими сословиями образуется союз, из которого государственная жизнь будет почерпать новые силы на пути к ее развитию.

Увольнение крестьян с одной усадебной землей не представляет

никакой гарантии для интересов дворянства

Мы видели невыгоды подобного освобождения для крестьян; теперь посмотрим, насколько оно обеспечивает интересы помещика. Помещик сохраняет право собственности на всю землю за исключением усадебной, а крестьяне получают ее в вечное пользование. Как согласить эти два понятия? Собственник обязывается уступить свою собственность в пользование другому без всякой возможности возвратить когда-нибудь себе самые существенные признаки права собственности — пользование и свободное распоряжение ею — и притом не имеет возможности даже определять и вознаграждение за эту уступку, ибо количество оброка и работы за пользование его землей определяется комитетом. Если допустить, что подобный порядок останется постоянным, тогда всякая идея о праве собственности на землю должна исчезнуть. Право собственности необходимо предполагает свободу располагать имуществом по усмотрению; уничтожить эту свободу значит вызвать те же самые невыгоды для владельца, как и для крестьянина. А если для обеих заинтересованных сторон подобное положение невыгодно, то для чего же прибегать к нему? Таким образом, необходимо допустить добровольное соглашение и свободу в распоряжениях по крайней мере по истечении срока переходного состояния, но и тогда эта свобода распоряжений будет только пустым словом для бумаги. И в этом случае помещик не может ни отдать в наем эту землю кому-либо другому, ни пользоваться ею сам. Если он сам будет пользоваться ею, то сколько встретит неудобств и ссор с свободными крестьянами, которые поселены в середине его владений? В состоянии ли он уберечь поля свои от одних потрав, а сколько еще других мелких столкновений предстоит ему в таком соседстве. При существующем ныне антагонизме между помещиком и крестьянами эти столкновения будут постоянно поддерживать раздражение, которое неминуемо перейдет в постоянную борьбу, проявляющуюся в мелочах, наносящую постоянный убыток, определить и вознаградить который не в состоянии никакая власть и при лучшем устройстве суда и полиции, нежели у нас. По той же самой причине помещик не в состоянии будет найти и других лиц, которые бы пожелали взять в арендное содержание эту землю. Таким образом, помещик поставлен будет в необходимость отдавать непременно свою землю крестьянам, на ней поселенным. Следовательно, допуская свободное соглашение, помещик лишен возможности свободно располагать собственностию. Нельзя ожидать хороших последствий там, где люди связаны насильно в своих отношениях по имуществу. Но допустим даже, что как крестьяне, так и помещик обойдут все вышеозначенные неудобства и препятствия к доброму соглашению и условятся во всех отношениях. Где гарантия в исполнении этих условий со стороны крестьян? Здесь нет даже той гарантии, которая может существовать в Остзейских провинциях. Там земля разделена на отдельные участки, находящиеся в арендном содержании, поэтому участок по неисправности арендатора может быть отдан другому. У нас же общинное владение землею не представляет и этой гарантии. Разрушить же нашу общину значит перевернуть наизворот всю народную жизнь, пересоздать весь характер народный, что очевидно невозможно.

Платеж оброчной суммы вперед невозможен, потому что для этого надобно, чтоб крестьяне

были все чрезвычайно зажиточны; а мы видим, что большая часть их едва имеет средства существования. Если же крестьянин не может ничем обеспечить исправного исполнения своих обязанностей и не будет исполнять их, то останутся ли у помещика какие-либо средства обеспечить свое право собственности и заставить крестьян исполнять договоры даже и при добросовестности и деятельности местных властей. Прогнать их из имения? Невозможно: они живут на своей собственной усадебной земле. Отнять участок владеемой ими земли? Но что с ним делать, когда он состоит из разных полос вследствие общинного владения? И кто пожелает взять его из людей посторонних? Отдать крестьянина в опеку? Кому? И что сделает с ним опека? Продать его движимость? А потом, способен ли он будет продолжать заключенное условие? Все эти неудобства усиливаются условиями общинного владения земли, которое при всем том, представляет много полезных сторон, а главное так присуще русскому человеку. Единственная гарантия интересов помещика есть личность каждого крестьянина отдельно взятого. Но достаточна ли эта гарантия? Скажем более: есть ли тут какая-нибудь гарантия? При таком порядке вещей сколько должно возродиться тяжб между крестьянами и помещиками? Одно число их представит непреодолимую трудность разрешения; а что если при этом принять в соображение недостаточное устройство нашей полиции и суда?

Затруднения эти непременно явятся даже в имениях оброчных. Чего же можно ожидать в имениях, где повинности крестьян будут определены работою? Положительно можно сказать, что имения эти должны совершенно разориться. Кто когда-либо занимался на практике сельским хозяйством, тот знает, из каких мелочных распоряжений состоит оно; сколько заботливости, деятельности и сметливости необходимо иметь, чтобы оно шло с должным успехом. Здесь все зависит от умения распорядиться, от умения воспользоваться временем и благоприятною погодою; а потому требуют немедленного и беспрекословного исполнения договоров, особенной точности в распределении всех работ и непременно известного числа рабочих в известное время. Возможно ли все это в то время, когда останется обязательный труд, но не будет ни той власти, ни того подчинения, которое до сих пор связывали отношения крестьянина и помещика. Смело можно отвечать отрицательно на этот вопрос. Остзейские провинции и здесь не составляют примера. Там земля разделена на участки, и арендатор исполняет повинности чрез своих работников, которым все равно работать ли на помещика или на арендатора, там работник знает и уверен, что если он не будет в свое время на своем месте и не будет работать

усердно, то ни один арендатор его держать не станет, и, что таким образом, он потеряет последние средства существования. Такое положение работника само по себе обеспечивает исправность и производительность его работы. У нас напротив, каждый крестьянин имеет свою полосу земли, и помещик должен ведаться с каждым из них особо, и не в состоянии будет их уличить в недобросовестном исполнении возложенных на них обязанностей. Он не придет в известное время на работу, имея (быть может) необходимость употребить это время на свои собственные домашние занятия. Конечно, его можно выслать в другой день, но разве в хозяйстве все равно: иметь рабочего сегодня или завтра. В сельском хозяйстве дорог иногда час, не только день. В летнюю пору иногда по состоянию погоды нужно переменить работу несколько раз. Неужели возможно вести мелочные счеты по всем разнообразным сельским работам, записывать не только рабочие дни, но даже часы, в которые крестьянин находился на известной работе, и каждый день подводить под урочное положение?9 К тому же всем известно, что постоянная работа не то, что переменная; как же прилагать урочное положение? При существовании обязательного труда — какая сложная бухгалтерия должна быть заведена в каждом имении, бухгалтерия, которая в малых хозяйствах поглотит если не все, то большую часть доходов. А кто будет вести эту бухгалтерию? Есть ли у нас люди для этого? И, наконец, к чему это все поведет? Корыстолюбие, укрываясь за конторскими счетами, всегда найдет возможность выводить неоплатные долги на крестьянина, а лень, нерадивость и бедность с другой стороны не признают никогда этих счетов правильными, отзываясь неграмотностию. Одним словом, помещик добросовестный будет весь в руках крестьян, а злонамеренный начтет на них неоплатные долги. Следствием этого будут тяжбы и споры без конца, а где данные для их разрешения? Ни конторские счеты, ни показания крестьян не могут быть приняты в уважение: те и другие могут быть с умыслом искажены. Сверх того по мелочности своей каждая

и другие могут быть с умыслом искажены. Сверх того по мелочности своей каждая неисправность крестьянина не может служить предметом немедленной жалобы, а потому жалобы могут возникать лишь при поверке счетов за некоторый период времени, когда даже и при добросовестности может не остаться никаких доказательств. Память, служащая здесь единственным средством для поверки счетов, может изменить и крестьянину, и помещику. Таким образом, из всего вышеписанного видно, что по упразднении настоящего крепостного права для успешного хозяйства есть только два выхода: или крестьянин должен получать за свою работу денежное вознаграждение, которое не может быть определяемо иначе, как добровольным

соглашением, и тогда неисправность его может быть наказываема денежным штрафом, или при существовании обязательной работы он должен быть подчинен помещику с правом телесного наказания, необходимость которого признана даже нынешним положением о крестьянах Эстляндской губернии10. Но спрашивается: где же будет тогда эта мнимая свобода крестьян и улучшение их быта, если личность их не будет ограждена от произвола землевладельцев? Теперь, по крайней мере, помещик обязан и законом и собственной выгодой заботиться о благосостоянии крестьян, помогать им в случае пожара, голода, падежа и других бедствий, которым они могут подвергнуться, и это хотя несколько вознаграждает крестьянина за потерю его личной свободы, а тогда все эти обязанности должны уничтожиться для помещика, и крестьянин не приобретет свободы. Словом, при увольнении крестьян с одной усадебной землею, чтобы не разрушить хозяйственный, ныне существующий порядок, придется оставить в силе все унизительные положения крепостного состояния, не удержав его выгод.

Невозможность составления

и применения урочных положений

Мы видели все неудобства, могущие произойти для помещичьих хозяйств, при увольнении крестьян с одной усадебной землею, но мы придем к убеждению совершенной невозможности существования этих хозяйств, если рассмотрим возможность составления и приложения урочных положений.

Кто когда-либо занимался сельским хозяйством, тот знает до какой степени разнообразны сельские работы, как различно время, потребное для них по разнообразию почвы, состоянию погоды, силам и способностям человека, а также силам рабочего скота. Одно исчисление всех этих работ может представить много затруднений, потому что хозяйства непохожи одно на другое. Здесь все зависит от личности человека, управляющего хозяйством, от его воззрения на хозяйство, от способа, которым он руководствуется в управлении. Иное дело работы в простом рутинном хозяйстве, где распоряжается староста или управляющий по старым обычным преданиям, иное дело, где опытный хозяин старается о постепенном улучшении почвы; много разницы в работах, когда хозяйством управляет чисто практический человек или человек, образованный теоретически, плодопеременное хозяйство требует других работ и в другое время, нежели трехпольное; одни различные способы удобрения, как-то: навоз, глина, мергель, известь, зола представляют множество различных работ, которые предвидеть невозможно. Здесь решительно можно сказать: «Что город, то норов, что деревня, то обычай». При этом нужно взять в расчет, что с развитием сельского хозяйства постоянно являются новые работы, и, что каждый дельный хозяин может предпринять разные необходимые работы, не входящие в состав обыкновенных, например: осушение болот, улучшение лугов и различные их способы. Одно лесоводство при его усовершенствовании может представить множество в настоящее время неизвестных работ. А хозяйственные разнообразные постройки, устройство и починка хозяйственных машин и орудий, особенный уход за скотом! Можно ли все это заранее предвидеть и исчислить в урочном положении? Если же одно исчисление сельских работ невозможно, то сколько же невозможностей представится при определении времени, в которое должна быть произведена известная работа. Все ли равно вспахать десятину на сухом песчаном месте или на осушенном болотном? Все ли равно вспахать ее во время сырой погоды или после продолжительной засухи? К тому же вспахать можно широкими пластами и узкими, глубоко и мелко, а это потребует различного времени. Все ли равно скосить десятину поемного луга, где

мелко, а это потребует гораздо более времени. Все ли равно скосить десятину тощего луга, где трава бывает часто в грудь человека, и пустошного, где десятина дает не более 50 пудов сена? Все ли равно скосить эту десятину в сырую погоду или в знойную, утром по росе или среди дня? Все ли равно косить белоус или мягкую траву? В лесу или на открытом месте? Между кочками или на гладком месте? А жатва? Не представит ли она столько же затруднений при определении времени, в которое может быть сжата десятина? Не одно и то же жать редкий хлеб и частый, стоячий и полегший; жать хлеб рослый с колосом полным и крупным, — не одно и то же, что хлеб низкий, с мелким и неполным колосом, словом, все возможные сельские работы требуют совершенно различного времени, смотря по бесчисленным обстоятельствам, при которых они производятся, и разность во времени здесь так велика, что не допускает никакого сравнения. А сколько бесчисленных оттенков между этими крайностями? Возможно ли их все предвидеть в урочном положении, а если даже это и возможно, то кто будет сортировать работы на месте? Перемена работ от состояния погоды разве не имеет влияния на время? Пошел дождь, надо прекратить работу, а идти на другую некогда. Через час можно опять возобновить ее. А сколько таких работ, которые нужно исполнять всем миром, где невозможно определить, кто из крестьян не выполняет урочного положения? И при которых усердие или лень могут быть только видимы, но не доказаны, так, например: подъем тяжестей, гребля сена, уборка снопов. Наконец, как подвести под тесную рамку урочного положения искусство плотника, столяра, кузнеца, которых работы необходимы в сельском хозяйстве. Здесь все зависит от нравственных качеств человека и от побудительных причин его усердия.

Но положим, что комитеты в состоянии будут преодолеть все эти непреодолимые преграды и строгою справедливостью и точностью определят все подробности работ и время, для них нужное: как же громадно в таком случае должно быть это положение, а, между тем, оно должно быть необходимо известно во всех своих подробностях как помещику, так и крестьянину. Конечно, никто не станет утверждать, что человек может соблюдать свои права и исполнять свои обязанности, не имея точного о них сведения. При отсутствии юридических понятий в большей части наших помещиков невозможно предположить, чтобы они вполне поняли свои права и не выступили за пределы их, а если принять в соображение необразованность одних, корысть других, невозможность, по состоянию на службе или другим причинам лично заниматься хозяйством и необходимость передавать свои права управляющим, часто почти безграмотным, что тогда будет? Все эти неудобства усиливаются по отношению к крестьянам еще более. Отсутствие грамотности почти всеобщее не допускает никакой возможности, чтоб крестьянин имел какое-нибудь понятие об урочном положении, а между тем, ему необходимо изучить его во всех подробностях. Есть ли у него достаточно времени, чтоб посвятить его на это изучение, когда он ежедневным тяжелым трудом едва добывает необходимые средства существования, а для изучения громадного положения, при неразвитости крестьянина, нужно будет много времени. Нет, у него не достанет на это ни времени, ни желания: они ему нужны для удовлетворения тех необходимых потребностей, которые у него ежеминутно перед глазами и давят его всей своею тяжестью. А поймет ли он то, что изучил? Не перетолкует ли он его по-своему, как перетолковывает часто законоположения, относящиеся к его быту? Язык книжный, язык образованного человека — не то, что язык крестьянина. Дайте прочитать крестьянину какое-нибудь положение закона, особенно, если оно состоит из длинного периода, он непременно будет спрашивать объяснения на словах. Это подтвердит всякий, кто имел частое сношение с крестьянами по службе. Но допустим, что и времени, и понятия достанет у крестьян для изучения урочного положения, но как перейти отсутствие грамотности? Здесь мы уже совершенно теряемся, ибо знаем, что весьма часто в целой деревне, особенно в мелкопоместных имениях, нет ни одного грамотного.

Мысли об урочном положении для сельских работ невольно обращают внимание на подобные учреждения, уже действующие в нашем законодательстве. Справочные цены и урочные положения при наших технических учреждениях рисуются перед глазами вместе со всем злом, ими порождаемым, со всеми плутнями, мошенничеством и казнокрадством, которым они служат и средством и предлогом. Укрываясь в широком поле урочного положения и справочных цен, недобросовестный чиновник всегда находит окольный путь, чтоб не встретиться с карающей строгостью закона. Неужели при установлении новых начал нашего сельского хозяйства можно

строгостью закона. Неужели при установлении новых начал нашего сельского хозяйства можно желать того порядка вещей, который действует в наших строительных комиссиях. Боже нас упаси от подобной мысли! Мы должны ее отвергать всеми силами нашей души, со всею энергиею человека, в котором есть преданность отечеству.

Мы доказали невозможность существования хозяйств, в которых повинности крестьян будут определены работою, и потому необходимо должны придти к заключению, что все они перейдут в имения оброчные. Но не вся же помещичья земля поступит в пользование крестьян. Половина

ее по крайней мере останется во владении помещиков. Спрашивается: что они будут с нею делать? Да не подумает кто-либо, что мы боимся недостатка рабочих, несообразности цен между произведениями земли и наемным трудом и других возражений, к которым прибегают защитники крепостного права. Нет, мы спрашиваем, что помещики будут делать с землею, потому что для всякой промышленности, в которой работа производится наймом, нужен оборотный капитал: при замене крепостного труда наемною работою помещику нужно устроить помещения для рабочих, купить земледельческие орудия и машины (в особенности последние для удешевления производства), обзавестись рабочим скотом, наконец, нужны деньги для содержания рабочих и платы им. На все это помещику нужен значительный капитал при самом устройстве наемного хозяйства. Сверх того при этом хозяйстве нужен и впоследствии наличный капитал на случай неурожая или других бедствий для поддержания хозяйства в настоящем виде. Всякое промышленное предприятие имеет нужду в запасных средствах, тем более имеет в них нужду сельское хозяйство, где по большей части успех и неудача находятся вне всех человеческих расчетов. В таких обстоятельствах копейка рублем оборачивается, — говорит русский человек и говорит правду! Посмотрим на зажиточного крестьянина и бедного, отчего при одинаковом трудолюбии и умении работать, первый скоро переходит в богатого крестьянина, а последний разоряется совершенно? Оттого, что у первого есть копейка, на которую он может приобрести все ему нужное в дешевое время, а продать свой избыток в самое дорогое; у последнего же нужда нужду погоняет, и он поневоле должен платить втридорога за вещь ему необходимую в известное время и продавать по нужде свои произведения в самое невыгодное время. Приходит время сенокоса, крестьянин, имеющий деньги, уже давно купил хорошую косу дешево, не имеющий же денег сперва должен отыскать человека, который бы дал ему хотя какую-нибудь косу в долг, и, таким образом, он теряет время, платит двойную цену и имеет дурную косу.

Точно в таком же положении будет помещик, если устроит свое хозяйство на свои последние деньги или в долг. Приходит осень, надо рассчитаться с рабочими, а цены на хлеб еще не установились, дорог нет, приходится продать хлеб за дешевую цену, чтоб не потерять доверие рабочих; и вот гораздо менее дохода, нежели можно было получить. Выбьет хлеб градом, или постигнет неурожай, придется продавать скот для расчета с рабочими. А потом недостаток удобрения в один год истощит землю на долгое время. Таким образом, хозяйство пойдет все хуже и хуже, и мы имеем полное основание сказать, что помещику нечего делать с оставшейся у него землей; у него нет капитала для устройства наемного хозяйства. С уверенностью можно сказать, что едва ли из десяти помещиков один имеет необходимый для этого капитал. Каким же образом расстроить* совершенно хозяйство девяти десятых помещиков? Огромные потери падут здесь не на одних дворян, а на все государство. В государственной жизни

народа интересы всех и каждого тесно связаны между собою; невозможно, чтобы страдания одного сословия не отозвались на других. Весь хлеб, ныне обращающийся в торговле, преимущественно покупается у помещиков. Что ж будет с губерниями, которые не имеют достаточно хлеба для продовольствия своего населения? Чем будут продовольствоваться города? Капиталы, ныне занятые хлебною торговлею, останутся без движения — потеря для торгового сословия. Руки и силы, занятые доставкою хлеба из наших хлебородных губерний к главным центрам внешней и внутренней торговли, будут без дела — потеря страшная для рабочего класса. Вот картина, ожидающая Россию! Неужели подобный порядок вещей может остаться без влияния на государственные финансы? А наше единственное кредитное учреждение — Опекунский совет11, которого все обороты состоят в отдаче вверенных ему капиталов под залог

дворянских имений? Судьба его будет решена, он будет продавать почти все имения и едва ли найдет покупателей. А ежели он не в состоянии будет платить по билетам, что скажут тогда капиталисты? Предоставляем судить об этом кризисе людям, более нас знакомым с делом финансового управления, и с ужасом отвернемся от этой картины, не развивая далее ее подробностей.

Невозможность

полицейской и административной власти помещика12

Нам остается рассмотреть, возможно ли приложение полицейской и административной власти, предоставленной помещику? Что составляет сущность всякой власти вообще? Это нравственная сила, на которую опирается власть. Что составляет сущность помещичьей власти в особенности? Это убеждение крестьянина, что он принадлежит помещику. Сила помещика состоит в этом убеждении крестьянина, которое заставляет его повиноваться и в нужных случаях оказывать помещику свое содействие. Только в редких случаях помещик находится в необходимости прибегать к содействию полиции или местных властей для приведения в исполнение своих распоряжений, и потому существование помещичьей власти возможно. Было бы совсем наоборот, если бы этой нравственной силы не было; для поддержания власти следовало бы постоянно обращаться к правительству. Сверх того помещик имеет право суда за маловажные проступки и безапелляционный суд по имуществу. Все это поддерживает его власть. Но раз нарушить убеждение крестьянина о принадлежности помещику, объявить ему, что он свободен, отнять у помещика право суда и предоставить крестьянину право иметь тяжбу с помещиком по имуществу, значит уничтожить нравственную силу власти, и сделать невозможным всякое подчинение. Предоставлять же власть одному частному лицу над другим на основании одних имущественных отношений невозможно, ибо эта власть не будет иметь никакой нравственной силы. Тут, с одной стороны, явятся несправедливые требования, с другой, при виде несправедливости, нежелание исполнять их. К тому же и самые справедливые требования могут казаться подчиненному неправыми, и он постоянно будет уклоняться от их выполнения, что породит новые причины обоюдного раздражения и борьбы, в которой должны исчезнуть последние следы свободы крестьянина! Если же начала свободы присущи русскому человеку, и если они не будут убиты при этой борьбе, то они должны развиться в совершенную анархию и безначалие.

Администрация общины с утверждения помещика также невозможна, как и сохранение полицейской власти. В таком случае вместе с дробностию помещичьих владений должна дробиться и административная власть, чего нельзя допустить в благоустроенном государстве. Быть может, возразят, что если теперь существует эта дробность, так почему же не допустить ее и в будущее время. Но теперь крепостные люди не имеют прав, все их интересы сосредоточены в интересе помещика; впоследствии же они будут свободные люди, им предоставятся права, часто противуположные интересам помещика. В таком положении административная власть при дробности всегда будет носить характер слабости, что при противуположности интересов даст новый предлог к столкновению и всем его следствиям. Наконец, если бы наши государственные люди и могли обойти все выставленные нами затруднения постепенного освобождения крестьян, то сколько томов надобно написать, чтобы составить положение крестьян всех великороссийских губерний. Сложность отношений при подобном порядке вещей представляет с первого взгляда важные затруднения. Что ж будет, когда эти затруднения усилятся различными местными условиями? Можно ли предвидеть и предупредить все случаи? То, что казалось возможным и хорошим на бумаге, может оказаться совсем другим на практике — и вот беспрестанные изменения и пополнения! Следствием этого будет постоянная неизвестность условий земледельческого быта, как в настоящем, так и в будущем. Давно доказана истина, что только прочность постановлений, относящихся к имущественным отношениям людей, ведет их к развитию, как нравственному, так и материальному.

Составление проектов

Составление проектов положения для крестьян возлагается на губернские комитеты, состоящие

Составление проектов положения для крестьян возлагается на губернские комитеты, состоящие из одних помещиков. Кто не желает себе добра и выгоды? «Отсеки правую руку, если она не желает добра левой», — говорит пословица. Личный интерес закрывает часто глаза и людям добросовестным. Хотя мы не подозреваем, чтобы дворянство допустило умышленно какую-либо недобросовестность в этом деле, но считаем невозможным совершенное беспристрастие там, где дворянство будет судьею в собственном деле, без всякого даже участия лиц посторонних. Такое решение не допускалось нигде, даже в самых обыденных и маловажных делах.

Наше законодательство в особенности всегда заботилось о доставлении каждому сословию при всяком случае возможности защищать свои собственные интересы. Строгие правила о приглашении сословий к участию в делах через депутатов и устав о земских повинностях13 могут служить этому совершенным доказательством. Конечно, крепостное сословие, как не имевшее никаких прав, было представляемо их помещиками. Но как допустить, чтобы вопрос о даровании права сословию, составляющему третью часть всего народонаселения империи, и о новом устройстве быта почти всего земледельческого сословия в государстве, по преимуществу земледельческом, — вопрос равно важный для всех сословий и тесно связанный со всеми вопросами государственной и общественной жизни — был решен одним только сословием, лично и более всех прочих заинтересованным в этом деле? Мы не думаем, чтобы крепостные люди в настоящее время могли принимать участие в решении этого вопроса. Теперь они вовсе не имеют прав и похожи на заключенных в темнице, которую желают отворить. Вопрос состоит только в том, каким образом отворить дверь в эту темницу и, конечно, до решения его совещание с самими заключенными невозможно. Но отчего же не приглашать к участию в этом деле все прочие свободные сословия, тем более, что они по образу жизни и мыслей более тяготеют к крепостному сословию, нежели к дворянству? Присутствие депутатов их в комитетах совершенно обеспечило бы справедливое решение этого вопроса.

Наконец, в предположениях правительства не видно, поручается ли губернским комитетам окончательное решение вопроса об улучшении быта помещичьих крестьян или проекты их будут обсуживаться и изменяться с целию сколько возможно единообразного разрешения этого вопроса для всего государства. Конечно, нельзя требовать повсеместно совершенного однообразия. Условия быта крестьян неодинаковы по всей империи. Но вместе с тем нельзя допустить и совершенно различного решения этого вопроса во всех губерниях. Устройство быта крестьян должно быть по возможности уравнено: без этого во многих местах, а особенно в близких к разным губерниям, могут произойти недоразумения и вызвать общее недовольство новым порядком вещей. Из всего предыдущего ясно видно, что улучшение быта помещичьих крестьян, основанное на началах, изложенных в Высочайших рескриптах и отношениях министра внутренних дел к генерал-губернаторам виленскому и с.-петербургскому, должно представить следующие неудобства14

О возможности сокращения некоторых расходов

земского сбора и новых налогах Тверской губернии, могущих послужить источниками платежа процентов

по облигациям, приписываемым на счет государства15

I. Ежегодные из земского сбора:

1) От учреждения волостных почт останется в экономии

74 123 р. 31 ? к.

2) Если отложить устройство тюрем, присутственных мест, этапных помещений и продолжать нанимать для них помещения

35 700 р. 30 к.

3) Если возвратить в ведение городов по-прежнему все существующие в них переправы

20 273 р. 1 ? к.

4) Если прекратить совершенно бесполезную выписку Губернских ведомостей для приходов

2361 р.

5) При новом устройстве посредничества предвидится экономии около

2000 р.

Итого из земского сбора 134 457 р. 52 к.16

II. Если набавить на ведро вина по 50 коп., что весьма возможно при настоящем положении откупов, то с определенного для Тверской губернии ежегодного количества — добавки около

400 000 р.

III. Налог по 5 коп. с 4 096 623 десятин удобной земли доставит около

204 500 р.

К сему нужно прибавить налог с фабрик, заводов, лавок, купеческих капиталов, недвижимых имуществ в городах, и остальное затем может быть легко покрыто прямым налогом с земли или душ, если таковой будет допускаем.

Комитет найдет еще весьма много других средств, о которых мы не можем иметь в настоящее время никакого понятия.

Примечания

1 Спустя 4 дня после подписания императором Александром II высочайшего рескрипта на имя виленского, гродненского и ковенского генерал-губернатора В. И. Назимова от 20 ноября 1857 г., призывавшего местное дворянство учредить «особые комитеты из предводителей дворянства и других помещиков для рассмотрения существующих там инвентарных правил» и «приступить к составлению по каждой губернии, в соответственность собственному вызову представителей дворянства, подробного проекта об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян», министр внутренних дел С. С. Ланской составил в соответствии с этим указом циркулярное письмо, раскрывающее правительственную программу постепенного освобождения крестьян с выкупом ими «усадебной оседлости», и разослал его по губерниям. Аналогичное письмо было составлено Ланским и после подписания императором Александром II рескрипта на имя с.-петербургского генерал-губернатора П. Н. Игнатьева от 5 декабря 1857 г. о создании в столичной губернии комитета по «улучшению быта крестьян». Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости. Т. 1., СПб., 1869, с. 1—5 (далее: Сборник...); Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. Вып. 1, Берлин, 1860, с. 138—169 (далее: Материалы...); Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Т. 1, Пг., 1915, с. 33—50 (далее: Журналы...).

2 Всего за период с 1850 по 1857 г. по России было зафиксировано 514 различных волнений помещичьих крестьян. Крестьянское движение в России в 1850—1856 гг. Сборник документов. М., 1962, с. 732—733; Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 гг. Сборник документов. М., 1963, с. 736.

3 В [illegible] 20 [illegible] 1857

3 В соответствии с рескриптами императора Александра II от 20 ноября и 5 декабря 1857 г. отмена крепостного права должна была проводиться «постепенно, шаг за шагом», «осторожно и благоразумно». В циркулярных письмах С. С. Ланского от 24 ноября и 8 декабря 1857 г. отмечалось, что крестьяне первое время после объявления воли будут находиться «в состоянии переходном», которое не может превышать 12 лет. За это время они, оставаясь «крепкими земле», должны будут нести повинности в пользу помещика и выкупить свою «усадебную оседлость». Правительство же во время этого переходного периода определит размеры полевого надела крестьян и их повинности за пользование этим наделом.

Журналы... Т. 1, Пг., 1915, с. 18—26, 33—50; Материалы... Вып. 1, Берлин, 1860, с. 129—131, 146—150, 163—167; Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. Изд. 3-е, М., 1968, с. 85.

4 Имеются в виду три губернии Российской империи: Курляндская, Лифляндская и Эстляндская (современные Латвия и Эстония). В соответствии с законами 1816—1817 гг. и 1819 г. крестьяне этих губерний получали личную свободу. Однако земля оставалась в руках у помещиков, у которых крестьяне вынуждены были брать ее в аренду, за что отбывали сначала барщинную повинность, а затем были переведены на смешанную аренду, то есть вносили помещику часть арендной платы деньгами. В 30—40-е гг. XIX в. в Остзейских губерниях обострилась борьба крестьян с помещиками. Правительство разработало ряд новых аграрных законов, направленных на некоторое улучшение положения крестьянства: барщина заменялась оброком, и крестьянин получал право выкупать с согласия помещика свой земельный участок. В Лифляндии такой закон был принят в 1849 г., а в Эстляндии — в 1856 г. Но эти нововведения проводились в жизнь слишком медленно и непоследовательно: затягивался перевод крестьян на оброк, помещик часто отрезал у крестьян значительную часть земли в свою пользу, что вело к обезземеливанию крестьянства и росту числа батраков. Долгое время сохранялось право телесного наказания помещиком крестьян. (История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 4, М., 1968, с. 371—375; История Латвийской ССР. Т. 1, Рига, 1952; История Эстонской ССР. Т. 1—2, Таллинн, 1961—1966.)

5 Имеется в виду крепостное население 29 так называемых великороссийских губерний: Астраханской, Владимирской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Казанской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Пермской, Псковской, Рязанской, Самарской, С.-Петербургской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Ставропольской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Ярославской. Общая численность крепостных крестьян в этих губерниях по переписи 1858 г. составляла свыше 13,5 млн. человек.

Тройницкий А. Г. Крепостное население в России по 10-й народной переписи. СПб., 1861, с. 49; Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI — начало XX вв.). М., 1973.

6 Усадебная земля (усадебная оседлость). В секретном отношении № 36, составленном министром внутренних дел С. С. Ланским в качестве приложения к высочайшему рескрипту от 20 ноября 1857 г. В. И. Назимову, давалось следующее определение «усадебной оседлости»: «1) Усадебную оседлость крестьянина составляют: изба или хата, в которой он живет, с двором и принадлежностями, с огородом и с землею под оными. 2) Права свободного состояния и право собственности на эту оседлость приобретаются крестьянами не иначе, как по взносе ими, в продолжение переходного срока, выкупа, сумма коего не должна превышать ценности приобретаемой ими в собственность оседлости. 3) Уплата сия может быть произведена или деньгами или особыми работами, независимо от тех, которые крестьяне обязаны отбывать за земли, им отводимые в пользование...».

А. М. Унковскому и А. А. Головачеву такая трактовка показалась крайне узкой, не обеспечивающей быт крестьянина, закрывающей путь для самостоятельного развития крестьянского хозяйства. «Они находили нужным, — вспоминала в своих мемуарах дочь Унковского С. А. Унковская, — отдать крестьянам всю ту землю, которой они владели до

Унковского С. А. Унковская, — отдать крестьянам всю ту землю, которой они владели до реформы, причем при немедленном полном выкупе сделать им 10% скидку. Они стояли не только за улучшение быта крепостных крестьян, как намеревалось правительство, а за полное их освобождение: оставить за ними не только усадебные земли, как настаивало большинство дворян, но и полный полевой надел».

Материалы... Вып. 1, Берлин, 1860, с. 147—148; Журналы... Т. 1, Пг., 1915, с. 38, 271—275; Унковская С. А. Алексей Михайлович Унковский. Воспоминания (ОР ГПБ, ф. 1007, оп. 1, ед. хр. 21, л. 51).

7 Имеется в виду губернский дворянский комитет по устройству и улучшению быта помещичьих крестьян. Такие комитеты по распоряжению правительства в 1858 г. были открыты в 48 губерниях и областях европейской России. Целью их деятельности было изучение местных условий в каждой губернии, определение положения помещичьих крестьян и составление проектов их освобождения и обеспечения быта крестьянства. «Каждому губернскому комитету, — указывалось в рескрипте императора Александра II от 20 ноября 1857 г. виленскому, гродненскому и ковенскому генерал-губернатору В. И. Назимову, — состоять под председательством губернского предводителя дворянства из следующих членов: а) по одному от каждого уезда губернии, выбранному из среды себя дворянами, владеющими в том уезде населенными имениями, и б) двух опытных помещиков той же губернии по непосредственному назначению начальника оной... Губернские комитеты, по открытии их, должны приступить к составлению по каждой губернии в соответственность собственному вызову представителей дворянства, подробного проекта об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян оной...» По мере составления названных проектов губернские комитеты направляли их в столицу в Главный комитет по крестьянскому делу, который с марта 1859 г. передавал эти проекты в Редакционные комиссии для систематизации их и выработки общего проекта реформы. Тверской губернский комитет работал с 7 августа 1858 г. по 7 февраля 1859 г.

Журналы... Т. 1, Пг., 1915, с. 33—35; Материалы... Вып. 1, Берлин, 1860, с. 139—140; Сборник... Т. 1, СПб., 1869, с. 1—3.

8 Помимо усадебной оседлости, как предполагалось высочайшими рескриптами, крестьяне могли получить и полевые наделы за «отбывание ими для помещика натуральных повинностей и работ, или же за плату помещику оброка деньгами или произведениями». От пользования этим наделом крестьянин, пока он находился «в состоянии переходном», не имел права отказываться, в то время как вопрос о предоставлении или непредоставлении крестьянину полевого надела целиком и полностью зависел от доброй воли и желания помещика. Таким образом, наем полевого надела был обязателен только для крестьян.

Журналы... Т. 1, Пг., 1915, с. 38, 48; Материалы... Вып. 1, Берлин, 1860, с. 148—149, 164—166.

9 Фиксированная для каждой губернии в отдельности ежедневная норма барщинной и оброчной повинностей, которые крестьянин обязан выплачивать помещику за пользование земельным наделом. «Размер как оброка, так натуральных повинностей и работ, — отмечалось в секретном отношении С. С. Ланского, приложенном к высочайшему рескрипту В. И. Назимову, — должен быть положительно определен соответственно пространству и качеству отведенной в пользование крестьян земли... Натуральные повинности и работы отправляются на основании особых урочных положений, кои должны быть составлены губернскими комитетами на основаниях, сколь возможно простых и несложных... В случае неисправности во взносе оброка, помещику предоставляется право обращать неисправного плательщика на работы натурою; при неисправности же крестьянина в исполнении работ натурою, помещик может лишать его того участка земли, коим сей крестьянин пользуется». Журналы... Т. 1, Пг., 1915, с. 39; Материалы... Вып. 1, Берлин, 1860, с. 149—150.

10 Имеется в виду новый аграрный закон 1856 г. См.: примеч. 4.

11 Одновременно с учреждением воспитательных домов в Москве (1763) и С.-Петербурге (1772)

11 Одновременно с учреждением воспитательных домов в Москве (1763) и С.-Петербурге (1772) были основаны два опекунских совета для управления этими воспитательными домами и созданными при них кредитными учреждениями. В соответствии с уставом 1829 г. Опекунского совета и его экспедиций данные кредитные учреждения наряду с выполнением своих основных функций давали нуждающимся представителям дворянских фамилий займы из 6 процентов «под залог недвижимых имений, состоящих в деревнях, и каменных, в столицах находящихся домах; ...под залог облигаций Комиссии Погашения Государственных долгов» и т. п. В 1873 г. петербургский и московский опекунские советы, главный совет женских учебных заведений и московское его отделение были соединены в один совет под названием Опекунский совет учреждений Императрицы Марии.

Устав Опекунского совета и его экспедиций. СПб., 1829, с. 55.

12 В публикуемом нами варианте записки этот раздел не имеет специального названия (см.: ОР ГПБ, ф. 73, ед. хр. 395, л. 19). Однако поскольку по тексту он полностью совпадает с вариантом, находящимся в фонде 89 (ед. хр. 160, л. 59 об), где значится под заголовком «Невозможность полицейской и административной власти помещика», то и в данной публикации он приводится под этим названием.

13 Очевидно, имеются в виду земские соборы XVI—XVII вв., выполнявшие роль центральных сословно-представительных учреждений в России. К участию в них привлекалась Боярская дума, включая и думных дьяков, высшее духовенство, верхушка светских феодалов, представители наиболее зажиточной части посада (крестьянство в земских соборах практически не участвовало).

Устав о земских повинностях был принят в 1851 г. Он разделял все земские повинности на денежные и натуральные. Денежные земские повинности шли на содержание полицейских и судебных органов, административных и земских учреждений, больниц, школ, пожарных дружин. Крестьяне исполняли также и натуральные земские повинности: строительство и ремонт дорог, мостов, поставка подвод, обеспечение войск квартирами и т. п.

Акты, относящиеся к истории земских соборов. М., 1909; Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978; Материалы по земскому общественному устройству. Т. 1, СПб., 1885; Веселовский Б. Б. История земства за 40 лет. Т. 1, СПб., 1909.

14 Именно этой фразой начинается имевшийся у Г. А. Джаншиева вариант записки А. М. Унковского и А. А. Головачева. С этого места текст писал уже Унковский. Джаншиев Г. А. А. М. Унковский и освобождение крестьян. М., 1894, с. 58. Примечание.

15 Эта записка, приложенная к тексту проекта Унковского и Головачева, публикуется нами по списку фонда 89 (оп. 1, ед. хр. 160, л. 84 об. — 85 об.), хотя она имеется и в фонде 73 (ед. хр. 395, лл. 24—24 об.), по которому дается весь основной текст публикации. Однако в фонде 73 эта записка-приложение составлена очень мелким и неразборчивым почерком. Тем не менее приводимые в ней цифры и отдельные, поддающиеся прочтению слова, полностью совпадают с тем, что имеется в варианте фонда 89.

16 В документе при итоговом подсчете допущена явная арифметическая ошибка: вместо 134 457 Р. 63 к. стоит 134 457 р. 52 к.

Публикация А. Д. ЯНОВСКОГО

Переписка Александра II и великого князя Константина Николаевича. 1857—1861 гг. (70 писем)

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II. 23 ноября / 5 декабря 1861 г. Ганновер

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 23 ноября / 5 декабря 1861 г. Ганновер // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 219—220. — [Т.] II—III.

№ 70.

От глубины души благодарю Тебя, любезнейший Саша, за Твое милое, дружественное письмо, и за все добрые слова, которые Ты написал. Душевно рад, что записка Краббе о действиях Морского Министерства удостоилась Твоего благоволения. Могу Тебя уверить, что мы на этом

не остановимся и будем постоянно стремиться идти вперед той же дорогой, не торопясь, но вместе с тем и не уклоняясь от цели. И это мне возможно только при тех честных и добросовестных помощниках, которые меня окружают и которые вполне понимают и разделяют мои убеждения. Твоя же доверенность к нам, милый Саша, и Твое к нам благоволение не дают в нас засыпать доброй воле и поддерживают в нас силы! Один из залогов наших успехов есть единомыслие и единодушие между всеми главными действующими лицами как в Министерстве, так и в Портах. Без этого единодушия мы ничего бы не достигли. Дай Бог, чтобы Совет Министров с теми правилами, которые Ты вновь подтвердил, удовлетворил Твоим ожиданиям и дал министрам то единство, которое Ты всегда от них требовал1. Не могу Тебе достаточно выразить, до какой степени меня тянет домой, и как нетерпение меня разбирает быть на моем служебном месте при теперешних нелегких обстоятельствах, чтоб служить Тебе, чтоб помогать Тебе всеми моими силами! Невозможность оторваться отсюда меня невыразимо мучает, и нетерпение мое растет с каждым днем! Но это ни к чему не помогает, приходится покоряться неизбежности. Состояние моей бедной жинки таково, что я не смею ее оставить. Упадок сил, совершенное расстройство нерв, как еще никогда не было, и разлука с ней теперь решительно невозможна. Припадок, случившийся с ней 12-го числа, совершенно расстроил все ее состояние. Собственно кровь прекратилась на другой же день, но боли продолжались еще дня два или три, так что каждую минуту можно было ожидать возобновления fausse-couche. Когда боли окончательно прекратились, осталась эта невыразимая слабость, совершенная prostration de forces*, какой я еще никогда у нее не видал. С тем вместе возобновились все ее старые страдания, расстройства нерв, геморроидальные боли, боли в голове и, главное, в спинном хребте, но в гораздо сильнейшей степени, чем когда-либо прежде! Просто невыразимо, как она страдает! Она едва-едва в состоянии переходить с кровати на кресла. Посидевши час или два, снова должна ложиться. Она очень похудела и побледнела. При этом доктора объявляют, что необходимо выждать время следующей periode, и что до тех пор необходимо избегать всего того, что может еще больше расстроить ее нервы, и потому решительно сопротивляются моему отъезду. Мое положение ужасное! С одной стороны, чувство долга меня зовет домой, зовет все сильнее и сильнее, с другой стороны, чувство долга заставляет беречь больную жену! Ужасно! Я уверен, что Ты, милый Саша, меня понимаешь и сожалеешь о мне! Здешняя семья трогательно мила с жинкой и окружает ее самою искреннею дружбою. Король и Королева были очень тронуты Твоим воспоминанием о них и особенно просили меня Тебя благодарить.

Прощай, дорогой мой Саша. Бедная жинка и я обнимаем Тебя и милую Твою Марию от всей души.

Твой верный брат Константин.

23 Ноября / 5 Декабря 1861 года.

Ганновер.

Александр II (император). Письмо Константину Николаевичу, 17/29 ноября 1861 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 219. — [Т.] II—III.

№ 69.

Царское Село 17/29 Ноября 1861.

На последнее письмо твое из Англии я не отвечал тебе, любезный Костя, в ожидании скорого твоего возвращения. Узнав теперь, что нездоровие Санни задержало вас на неопределенное время в Ганновере, я хочу по крайней мере написать тебе несколько слов.

Надеюсь прежде всего, что милая Санни скоро поправится, и что если она действительно беременна, что Бог не оставит ее своим благословением и даст вам новое утешение. Весьма рад,

что морское купанье и тебе принесло пользу.

Завтра месяц, что я воротился сюда и, благодаря Бога, с тех пор ничего не было особенно худого, хотя зародыши зла неоспоримо существуют и пустили даже довольно глубокие корни, и потому мы не дремлем. Для большего единства в действиях правительства я предписал строго держаться предписанного порядка еще в 1857 г. для внесения всех важных дел в Совет Министров и возложил на него обязанность представить о всем том, что уже сделано, или в ходу, или еще в предположении по всем ведомствам1. На этом основании мы выслушали вчера весьма ясно и дельно составленную записку Краббе2 о ходе преобразований в морском министерстве, которых результат действительно весьма утешителен, и я вновь поставил его примером и для всех прочих. Надеюсь, что оно не останется без действия и что Бог благословит нас идти мирным путем к дальнейшим улучшениям для блага дорогой нашей России.

При этом ты поймешь, с каким нетерпением я жду твоего возвращения.

Жена и дети, благодаря Бога, здоровы и твоим Николой вообще весьма довольны. На днях у них начнутся экзамены.

Зима у нас стала необыкновенно рано, все уже покрыто глубоким снегом и морозы достигли до 16°. 24-го числа мы предполагаем переселиться в город, где, кроме моих занятий, придется нам веселить общество, что также принадлежит к числу обязанностей нашей и без того нелегкой жизни.

Итак, надеюсь до скорого свидания, а покуда обнимаем вас от всей души.

Твой друг Александр.

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 10 октября 1860 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 214—215. — [Т.] II—III.

№ 65.

10 Октября 1860 года. С.-Петербург

С Божиею помощию, мы сегодня приступили, любезнейший Саша, к окончательному рассмотрению крестьянского дела, и преклонясь пред Твоею волею как моего Государя и Брата, я вступил в исполнение должности председательствующего1. Моя надежда на Бога, что Он мне поможет исполнить мой долг верою и правдою, как Ты это от меня ожидаешь. Ты знаешь, что я этой должности не искал и не желал, а принял ее по Твоему желанию. Видно, что тому была Воля Божия, преклоняюсь перед Ней, я и от Нее только и ожидаю сил и способностей для Ея исполнения. Поэтому перед открытием заседания я сегодня заезжал в крепость и над могилою нашего бесценного Папа? долго и усердно молился о ниспослании мне сил с Выше. Эта молитва в этом святом месте меня подкрепила, и оттуда я прямо отправился в Комитет, из которого сию минуту воротился и берусь за перо, чтоб Тебе донести о первом нашем собрании. Сперва прочитано было Твое Высочайшее повеление, потом записка покойного Якова Ивановича2, которая так ясно и так толково и умно разъясняет все главные вопросы этого дела. Затем, pour

nous mettre au clair entre nous-memes* и дабы засим не колебаться в основных началах мы положили себе 4 главные пункта, которые должны составлять нашу окончательную цель. Ты их увидишь из краткого донесения Буткова3. При этом предложены были две идеи: 1) Гр(афом) Блудовым4 об обязательном выкупе, 2) Кн(язем) Гагариным5 о разрешении всего крестьянского дела единственно путем полюбовных сделок без всяких ограничений. После недолгих, но весьма жарких прений обе мысли были отвергнуты и ясно была доказана вся их несостоятельность и невозможность. Я очень рад, что мы достигли этого результата в самом первом заседании, это нас избавит от бездны пустых и бесполезных споров при самом рассмотрении проектов. Затем

было решено собраться в Пятницу и начать с разбора местных учреждений и мировых посредников6. Все это время мы находимся в страшном горе и беспокойстве об нашей дорогой Матушке. Ее силы страшно слабеют каждым днем, пищеварение не в порядке, и дыхание очень затруднительное. Она худеет ужасно и просто тает и гаснет, как свеча. Карель7 все уверяет, что минутной опасности еще нет, но что он ни за что ручаться не может, Думали мы не раз о причастии, и Мери даже хотела об этом сказать Мама?, но Карель не допустил и обещал, что скажет, когда будет время. Это ужасно, и мы должны быть готовы на самый худой исход! Да будет Воля Божия! Твое положение, любезный Саша, между необходимостию оставаться в Варшаве и желанием воротиться к больной Матушке должно быть ужасно8.

При интересных делах мне необходимо быть в городе, а жинка переедет завтра совсем в Царское Село, потому что Мама? любит иметь ее при себе.

Прощай, любезнейший мой Саша, обнимаю Тебя от всей души.

Твой верный брат

Константин.

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 2 октября 1859 г. Стрельна // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 214. — [Т.] II—III.

№ 64.

2 Октября 1859 года. Стрельна.

Любезнейший Саша!

Милую Твою телеграфическую депешу получили мы в Воскресение вечером, покуда у нас происходила пляска. Мы в этот день давали dejeuner dansant, чтоб позабавить молодежь, который очень хорошо удался и был весьма оживлен. Никса оставался до обеда, и хотя у него в этот день порядочно горло болело, почему он и должен был уехать ранее, но кажется, что он очень забавлялся. Мы же все любовались его милым манерам и вообще всей его турнюрой и поведением. На этот счет один только общий голос.

Я истинно обрадовался, что Ты был доволен тем немногим, что видел в Николаеве, но весьма сожалею, что не был доволен Гардемаринами, тем более, что я их видел в Июне сего года и был очень доволен как их наружным видом и выправкой, так и самим заведением, которое хотя бедно, но хорошо и чисто содержалось. Эта школа вообще отличалась тем прекрасным духом, который в нее вселил покойник Корнилов1 при самом ее основании, и который до сих пор в ней поддерживался удачным выбором начальствующих лиц.

Вчера вечером получил 2-й рапорт от «Олафа» из Голландии, куда он должен был зайти по случаю повреждения в котлах, происшедшего от двух огромнейших штормов, которые он выдержал в Немецком море. Один из них был боковой, другой прямо в лоб, и волнение развело такое огромное, что он потерял весь гальюн несмотря на то, что он был связан железом. Об

эскадре Нордмана имеем мы последние известия из Бреста, об Амурском отряде — из английских портов. Как на тех, так и на других все хорошо.

У нас здесь все благополучно и нового ничего нет. Завтра мы совсем переезжаем в город.

Прощай, любезнейший Саша, жинка и я обнимаем Тебя от души.

Твой верный брат Константин.

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 17/29 августа 1859 г. Райд // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 212—213. — [Т.] II—III.

№ 62.

17/29 Августа 1859-го года. Райд.

Искренно благодарю Тебя, любезнейший Саша, за милое письмо Твое от 9-го Августа, которое получил я 15-го числа в Лондоне и сердечно** поздравляю с великолепным результатом, достигнутым на Кавказе. Честь и слава нашему молодцу Барятинскому. Дай Бог ему и вперед подобных успехов. Он себе составит тогда громкое имя в истории России, заключив со славою нашу вековую Кавказскую борьбу, которая стоила России столько крови и столько денег.

Радуюсь, что Ты остался доволен Красносельскими маневрами, но я вижу из письма Твоего, что не Низи и Миша командовали воюющими сторонами, как то было весною.

Надеюсь, что Ты тоже остался доволен осмотром Средиземной эскадры Адмирала Нордмана. Из депеши Метлина мы знаем, что она отправилась в поход 13-го числа, и потому я сомневаюсь, чтоб она могла меня здесь застать, так как мы полагаем отправляться 25-го Августа. Очень об этом сожалею.

У нас здесь, слава Богу, все благополучно и нового ничего нет. Купания продолжаются регулярно и, кажется, начинают приносить пользу, потому что я не так легко утомляюсь, как прежде. В Четверг на прошлой неделе я обедал у Королевы и в то же время с ней простился, так как сегодня она отправляется в Шотландию. Она, как и в первый раз, была весьма мила и любезна и приказала Тебе кланяться. Там я видел Пальмерстона, но никакого замечательного разговора с ним не имел. Нахожу, что он очень постарел и опустился. В Пятницу ездили мы в Лондон, где оставались Субботу и воротились сюда в Воскресенье. Осматривали там Хрустальный дворец, знаменитый огромный пароход «Great Eastern» и Британский Музеум. Это решительно три чуда мира. На этой неделе мы снова туда поедем, чтоб потаскаться по некоторым заводам и сделать несколько покупок, а затем во Вторник на будущей неделе предпримем наконец и обратный путь. Итак, в ожидании, Бог даст, скорого свидания, обнимаю Тебя и Твою милую Марию от всей души.

Твой верный брат Константин.

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 10/22 августа 1859 г. Райд // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 212. — [Т.] II—III.

№ 61.

10/22 Августа 1859. Райд.

От всей души благодарю Тебя, любезнейший Саша, за милое письмо Твое от 29-го Июля, которое я здесь получил 5-го Августа.

В продолжение этой недели у нас ничего не произошло достойного замечания. Наш скромный образ жизни и ежедневные купания по-старому продолжаются регулярно, и признаюсь, довольно скучно, так что крепко-накрепко тянет домой, а еще остается две недели.

Вчера вечером пришел сюда благополучно «Генерал-Адмирал» после удивительно шибкого перехода в 6 дней. Он красуется теперь здесь совершенным колоссом между остальных судов. Интересно будет узнать мнение англичан про него и что будут писать в газетах.

В течение этой недели я был два раза в Портсмутском адмиралтействе, где теперь огромная деятельность. Особенно усиленно у них строение линейных кораблей, несмотря на то что англичане сами признают, что при теперешних успехах кораблестроения, и особенно артиллерии, их время прошло. Но народное самолюбие их сильно затронуто успехами Французского Флота, который теперь и численностью, и совершенством почти равен Английскому. А англичане нигде равенства терпеть не хотят и хотят иметь неоспоримое преимущество, хотя бы по крайней мере в числительности. Просто уморительно, как здесь боятся возможности Французского нашествия. Это их постоянное пугало. С нами были весьма и весьма учтивы, но больше ничего. Ясно видно, что сочувствия или симпатии к России нет никакой, и память последней войны далеко не прошла. Ce n'est qu'une treve*, какая разница против Франции и Сардинии, где война была противна народным чувствам и где всеми силами стараются загладить прошедшее.

В Четверг на этой неделе я опять приглашен к обеду у Королевы, а в Пятницу мы едем на один день в Лондон.

Надеюсь, что Ты остался доволен Красносельскими учениями и маневрами, и сам притом не слишком утомился.

Прощай, любезнейший Саша. Обнимаю Тебя и милую Марию от всей души.

Твой верный брат Константин.

Александр II (император). Письмо Константину Николаевичу, 8/20 августа 1859 г. Петергоф // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 210—212. — [Т.] II—III.

№ 60.

Петергоф 8-го / 20 Августа 1859.

Благодарю тебя, любезный Костя, за письмо твое из Райда от 27/8 ч(исла). Радуюсь, что ты благополучно совершил твое путешествие и остался доволен «Светланою» и первым приемом твоим в Англии. Письмо это я получил во время маневров 4/16 ч(исла) в Гастилицах, где мы обедали с женою. Все эти знакомые места мне очень напомнили прежние годы и бесценного нашего Папа?. В Дятлицах я стоял на том самом месте, где столько раз стояла его палатка. 6/18 ч(исла) мы праздновали в Ропше, а вчера маневры начались около (...). С одной стороны командовал Ген(ерал) Корф1, а с другой, Гильденштубе2, и я всеми остался совершенно доволен, при этом погода нам чрезвычайно благоприятствовала и после осенней сделалась опять летнею.

Н. А. Милютин

6-го же числа мы были обрадованы известием с Кавказа о совершенном покорении Искерии, Дагестана и Аварии и почти без кровопролития, кроме на геройской переправе Ген(ерала) Врангеля3 чрез Аварское Койсу. Шамиль, оставленный всеми, бежал с сыном, как полагают, в Гуниб, к стороне Лезгинской линии, которая одна еще нам не покорилась. Этим славным результатом мы обязаны умным распоряжением Барятинского4 и совместному действию Ген(ерала) Евдокимова и Врангеля. Первого, равно и Милютина5, сделал я Ген(ерал)-

Ген(ерала) Вдокимова и Врангеля. Первого, равно и Милютина, сделал я Ген(ерал) Адъютантами, а Врангелю — 3-го Георг(ия). Весьма рад, что Путятину удалось достать подробное описание пушки Армстронга и совершенно согласен на заказ таковой в Америке на сумму, предназначавшуюся для покупки секрета.

Послезавтра 10/22 ч(исла) намерен осмотреть в Кронштадте обе заграничные эскадры, 11/23 назначен большой парад в Кр(асном) С(еле), после чего мы перебираемся в Цар(ское) С(ело). 16/28 отправляюсь в Москву, а к 25/6 буду назад.

При обратном твоем следовании чрез Копенгаген надобно будет тебе непременно сделать визит Королю, где бы он ни был в окрестностях, ибо иначе мы рискуем с ним совсем перессориться. Из депеши, нами полученной после твоего проезда, видно, что он серьезно обиделся и опасаются дурных последствий для членов королевской фамилии, у которых ты был и которые тебя так ласково принимали.

Нового, впрочем, ничего нет. Санни и детей твоих я не видел с прошедшего воскресения.

Мы с женою обнимаем тебя от всего сердца.

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 3/15 августа 1859 г. Райд // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 210. — [Т.] II—III.

№ 59.

3/15 Августа 1859. Райд.

Любезнейший Саша!

Вот уже одна неделя нашего пребывания прошла, и остается нам прожить еще три. Хотя здесь очень мило и приятно, но Ты понимаешь, как меня тянет домой, и я уже считаю дни, когда можно будет окончательно сняться с якоря. Жизнь наша здесь весьма однообразна. По утрам я работаю, потом купаемся несмотря ни на какую погоду и после этого почти все время остаемся на воздухе, гуляя раза три или четыре в день, все пешком. Чувствую я себя весьма хорошо, так что уже польза очевидна.

У королевы я уже был один раз с визитом, а в другой раз за обедом. И она и Принц Альберт были весьма милы, разговорчивы и любезны, так что большая разница против приема 1857-го года. И вообще, все англичане, которых я до сих пор видел, весьма учтивы и любезны. Мери приезжала сюда на один день вместе с Марусей, чтоб видеть Королеву и чтобы со мною повидаться. Мы почти целый год друг друга не видали et notre revoir a ete tres tendre*.

Дня три тому назад наша Средиземная Эскадра Истомина отправилась в Кронштадт. Перед этим я ей делал общее учение и был весьма доволен, видно, какую пользу принесло им заграничное плавание. Наши моряки не нахвалятся здешним приемом. Зато и они себя примерно ведут на берегу. Матросов увольняли гулять беспрепятственно, и на них не было ни одной жалобы, ни одной истории. Удивительный народ, наши матросики! Невозможно их не любить, когда ближе их узнаешь.

На наступающей неделе я намерен осмотреть Портсмутское Адмиралтейство, которого 12 лет не видал, а потом съездить дня на три в Лондон.

Прощай, любезнейший Саша. Обнимаю Тебя и Марию от всей души.

Твой верный брат Константин.

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 19 мая / 10 июня 1859 г. Константинополь // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 206—207. — [Т.] II—III.

№ 55.

19 Мая / 10 Июня 1859. Константинополь.

Любезнейший Саша!

Мы надеемся сами быть наконец в Петербурге несколько дней после того, что Ты получишь это письмо. Наше странствование по востоку продолжается уже почти два месяца, и, признаюсь, мы с нетерпением ждем минуты возвращения и свидания. Надеемся также застать еще нашу дорогую Матушку до ее отправления за границу. После последнего моего письма из Бейрута, мы получили двух фельдъегерей; одного от 22-го Апреля мы нашли с «Баяном» в Родосе, другого от 17-го Мая — здесь в Константинополе. Искренно благодарю Тебя, любезнейший Саша, за милые Твои письма. Ты знаешь, что желания Твои всегда для нас суть закон, и потому мы торопимся домой сколько возможно. Но Константинополь нас задерживает. Здесь сделаны такие огромные приготовления; прием, нам оказанный, до такой степени выходит из ряда того, что когда-либо здесь происходило, что оставаться менее недели не было никакой возможности, оно значило бы на неимоверное гостеприимство отвечать грубостию. Достоверно, что Султан1 для нашего приема израсходовал более двух миллионов рублей серебром. Нам отведен особый дворец на Босфоре, Эмерчьян, совершенно заново и великолепно отделанный, снабженный огромной прислугой, кухней, экипажами и каиками. Кроме того приготовлено несколько великолепных киосков. Мне Султан дал алмазные знаки своего ордена, жене — великолепный бриллиантовый браслет с изумрудом. Сам он из кожи лезет, чтоб сделать нам приятное. Так, в день нашего приезда, несмотря на скверную погоду и на проливной дождь, он выехал к нам навстречу в Топхане и встретил нас внизу лестницы. На другой день он нам отдал визит. Завтра, покуда я буду обедать у него, жена будет обедать в его гареме с его первой женой, сестрами и дочерьми. Все это вещи до сих пор никогда не виданные, которые выходят совершенно из общепринятого порядка и из обычаев. И делается это лично Султаном, вопреки желанию его министров, чтоб публично доказать, как высоко он ценит дружбу Русского Государя и как рад показать это, принимая его брата. Что касается до министров, то они должны волею или неволею этому повиноваться, но это им очень неприятно, особенно нашему старому приятелю Фуад-Паше. Из них составляет резкое исключение Риза-Паша2, который явно придерживается Русской стороны. Английский Посол Sir Henry Bulwer3 тоже ужасно не в духе, и я Тебе расскажу по возвращении разные про него довольно скверные истории. Едем мы отсюда во Вторник, 2-го Июня, на пароходе нашей Черноморской компании «Владимире», и направимся прямо в Николаев, чтоб поспеть в Петербург к 13-му или 14-му числу. Чрез это я, к сожалению, опять лишен случая посетить Севастополь.

Из Бейрута мы отправились тремя днями ранее «Ретвизана», который все принимал уголь, что при ограниченных средствах этого скверного порта составляет предлинную и прескучную работу. Этим мы воспользовались, чтоб осмотреть Родос, Патмос, Самос и Хиос, и еще в Смирне дожидались корабля целый день. Здесь погода нам весьма не благоприятствует, все холодно и дождь. Однако я уже два раза возил жинку в город. Между прочим, мы видели, разумеется, и Софийский Собор, который после возобновления стал невыразимо великолепен. Недостает только ему одного креста! Будем надеяться, что рано или поздно мы его там увидим. По политической части мы только знаем по телеграфу об начале кровавого боя у Ponte-Magente4, но результат его еще не известен.

Прощай, любезнейший Саша. От души Тебя обнимаю до скорого свидания. Как приятно писать это слово.

Твой верный брат Константин.

Александр II (император). Письмо Константину Николаевичу, 17/29 мая 1859 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 206. — [Т.] II—III.

№ 54.

Царское Село 17-го / 29 Мая 1859.

Сегодня отправляю к тебе, любезный Костя, последнего курьера, который должен встретить тебя в Одессе или Николаеве. С нетерпением ожидаю твоего возвращения, а между тем благодарю тебя за интересное письмо из Афин. Весьма рад, что все остались довольны вашим пребыванием в Греции и, надеюсь, того же в Константинополе, где, как кажется, известие о приезде вашем было принято с радостью. От Лобанова ты, вероятно, уже знаешь о хороших наших сношениях и о том духе, в котором мы действуем. Дай Бог чтобы на Востоке также не заварилась каша, в ней роль наша будет гораздо труднее и может повлечь за собою вновь войну с Англиею.

Поэтому из предосторожности я составил здесь комитет для обсуждения мер, которые нам придется принять как по Черному морю, так и здесь. Метлин тебя, вероятно, уже уведомил о распоряжениях по морской части, о подробностях не имею времени писать и оставляю до личного объяснения.

С театра войны в Италии по последним известиям ничего еще решительно не было, но в 1-ом деле под Montebello, которое Австр(ийцы) называют успешною рекогносцировкою, успех остался на стороне союзников1.

Германия решительно с ума сошла, и я крепко боюсь, что и Пруссия не устоит общему Германскому влечению, несмотря на все наши старания.

Матушка, благодаря Бога, здорова, но нерешительное состояние Германии ее тревожит и поэтому с отъездом ее в Эмс еще ничего не решено.

Дети ваши, наконец, переехали сюда и, слава Богу, здоровы.

Вот неделя, что мы наслаждаемся совершенно летнею погодой после самой холодной весны.

Поздравляю тебя вперед с днем твоего Ангела, да сохранит тебя Бог таким, каким я тебя знаю, и да возвратит он вас поскорее домой.

Обнимаю вас обоих и милого Николу от всей души.

До скорого свидания!

А.

Александр II (император). Письмо Константину Николаевичу, 13/25 октября 1858 г. Гатчина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 170—171. — [Т.] II—III.

№ 33.

Гатчина. 13/25 Октября 1858.

Пользуюсь отъездом Головнина1, чтобы написать тебе, любезный Костя, хотя несколько слов. Вчера узнали мы по телеграфу о благополучном прибытии вашем в Киль, а сегодня в Гамбург. Надеюсь, что морское путешествие в эту позднюю пору не повредило милой Санни. Скажи ей, что здесь, в Гатчине, все ее напоминает и что в честь ее орган играл уже неоднократно елдорадо-

кадриль**. Я по-старому возобновил мои ночные прогулки, и мне все казалось, что я должен был ее встретить где-нибудь в темных аллеях, с веселым обществом, как в 54 году.

Матушка перебралась сюда в прошедшую среду, но, к сожалению, третьего дня, кажется, немного простудилась в холодной спальне Маруси2, и с тех пор уже сильно голова разболелась, и она не выходит из своих комнат. К счастию, лихорадки нет, так что можно надеяться, что дурных последствий не будет. Мы прибыли сюда в пятницу к обеду, и вчера приехала Елена Павл(овна).

Общество довольно многочисленное, так что за столом в арсенале бывает до 80 ч(еловек). Молодежь (кажется?) en train* и уже несколько раз плясала. Вчера и сегодня был франц(узский) театр, а завтра готовятся charades en action**. Я два раза был на охоте и завтра собираюсь полевать. Погода стоит теплая и даже солнечная, что для нас, об эту пору, редкость. Мы намерены остаться здесь до четверга. По делам нового ничего нет, и все покуда спокойно. Метлин за исполнением бумаг, у меня еще не был.

Да благословит Бог ваше заграничное пребывание и да возвратит он вас морально и физически укрепленными. Обнимаю вас, с милым Николою, от всего сердца.

Твой брат и друг Александр.

Поздравляю с рождением Миши. По телегр(афу) знаем, что они оба воротились сегодня в Крым к своим женам и надеюсь быть здесь около 28-го окт(ября).

Александр II (император). Письмо Константину Николаевичу, 24 сентября 1858 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 170. — [Т.] II—III.

№ 32.

Ц(арское) С(ело) 24 Сентября

Мы прибыли сюда совершенно благополучно и обнимаем вас всех.

Последние известия от Мама? из Дрездена от вчерашнего вечера. Она здорова, но очень устала. В Кронштадте прежде Субботы я быть не могу. В 12 час(ов) полагаю сесть на пароход в Петергофе.

А.

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 13 сентября 1858 г. Стрельна // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 169—170. — [Т.] II—III.

№ 31.

13 Сентября 1858 года. Стрельна.

Не знаю как благодарить Тебя, бесценнейший Саша, за Твое чудное, Дружественное письмо из Ковно. Бог дал Тебе тот же дар, как и незабвенному нашему Папа?, несколькими словами вознаградить человека и возбудить в нем новые силы! Высшей награды мне невозможно было получить, как эти несколько добрых слов, написанных Тобою! Моя милая жинка, которая со мною все одинаково чувствует, была тоже несказанно тронута этим письмом и приказала обнять Тебя нежнейшим образом.

Получил я это письмо в Кронштадте на Артиллерийском Учебном корабле «Прохор», которому

производил смотр. Он в превосходном состоянии, и это есть учреждение, которое приносит неоцененную пользу Флоту. Командир корабля Римский-Корсаков вполне вник в дело и ведет его именно так, как желательно, чтобы оно шло. Третьего дни была в Кронштадте закладка новой парусной мастерской в новом адмиралтействе, в которое мы переобразовываем мало-помалу старые шлюпочные сараи. В нынешнюю осень надеемся вывести стены под самый карниз. Приготовление «Громобоя» к походу подвигается быстро вперед, и к Твоему возвращению он будет совершенно готов. Если Тебе будет время, я весьма бы желал, чтоб Ты его осмотрел до его отхода, и я уверен, что он Тебе очень понравится. 4-го числа был на Охте спуск нового парохода «Храбрый», который так хорошо удался, что перелом на нем всего ? дюйма, а около 20-го числа будет спуск на галерном островке нового парохода «Смелый».

На днях получено известие о благополучном приходе эскадры Кузнецова1 в Гонконг* и двух отсталых судов его эскадры «Воеводы» и «Пластуна» в Сингапур. Вот, кажется, и все наши новости. В Понедельник 15-го числа ожидаем прихода Елены Павловны2 на «Гремящем».

Дома у меня все, Слава Богу, хорошо, и мы на будущей неделе переезжаем в город.

Прощай, любезнейший Саша, еще раз благодарю Тебя и обнимаю от всей души.

Твой верный брат Константин.

Александр II (император). Письмо Константину Николаевичу, 9 сентября 1858 г. Ковно // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 169. — [Т.] II—III.

№ 30.

Ковно. 9-го Сентября 1858.

Искренно благодарю тебя, любезный Костя, за милое письмо твое от 30-го авг(уста), на которое мне не было никакой возможности отвечать тебе из Москвы, а теперь поздравляю тебя от всего сердца с днем твоего рождения. Да сохранит тебя Бог, твое семейное счастие. Да подкрепит Он тебя и физически и морально, чтобы продолжать служить Матушке нашей России, как ты начал, т. е. верой и правдой!

Ты знаешь, что никто более меня не любит тебя и не умеет ценить и отдавать справедливость твоему усердию как по морской части, так и по таким делам государственным, в которые я, по доверию моему к тебе, сделал тебя участником, и потому еще раз искреннее и сердечное спасибо за все.

Душевно радуюсь, что Санни поправляется и надеюсь найти ее уже совершенно укрепившеюся.

Мари тебе вероятно лично передала утешительное впечатление, произведенное на нас первой половиной нашего путешествия по сердцу России. Могу то же сказать и про вторую половину. Радушие, с которым меня повсюду встречали, не может быть поддельным.

Завтра после учения Драг(унской) и Гусар(ской) Бриг(ад) 1 (...) Кав(алеристской) Див(изии) отправляюсь в Варшаву. Дай Бог, чтобы и там было все хорошо. Туда должны прибыть Пр(инц) Прусский, Пр(инц) Карл Баварский и Карл Веймарский.

17-го ч(исла) надеюсь пуститься в обратный путь и быть дома 20-го.

Обнимаю тебя, Санни и ваших милых ребятишек от всего сердца.

Да хранит вас Бог. Тебя душевно любящий брат и друг

Александр.

Александр II (император). Письмо Константину Николаевичу, 19 августа 1858 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 167. — [Т.] II—III.

№ 28.

19 Авг. 1858.

Поздравляем вас от всей души с благополучным рождением сына Константина и благодарим Бога, что все кончилось так скоро и хорошо. Мал(енького) Константина назначаю шефом Тифлисского Гренадер(ского) полка и состоять ему в Конной Гвардии, в Измайл(овском) п(олку) и в Гвард(ейском) Экипаже. Около 1/4—10 надеемся проездом чрез Стрельну по жел(езной) дор(оге) вас там обнять.

А.

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 19 августа 1858 г. Стрельна // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 167. — [Т.] II—III.

№ 27.

19 августа 1858. Стрельна.

Искренно благодарю Тебя, любезнейший Саша, за Твое милое письмо из Костромы. Слава Богу, что Ты доволен Твоим путешествием и приемом нашего доброго Православного народа. Прием, который Ты всюду встречаешь, меня не удивляет. Слава Богу, наш народ в своей привязанности к своему Белому Царю не меняется, а в Тебе, дорогой Саша, он еще видит Того, который зачал великое дело преобразования крепостного права!

У нас, Слава Богу, все идет так хорошо, как только можно желать. Сегодня 10-ый день, и жинка в первый раз переселилась из постели на кушетку. Но на ноги ей не позволят становиться до будущей недели. Она все время была чрезвычайно послушна докторам и вела себя очень благоразумно. Маленький Костя все не может справиться с своим пищеварением, его очень часто слабит, но несмотря на то он уже значительно вырос и пополнел, и необыкновенный красавчик. Весь день он лежит у жены на постели и составляет все ее счастие. Остальные наши дети ему не нарадуются.

По морской части у нас все благополучно. На прошедшей неделе воротилась с моря эскадра Шанца1. Завтра отправляюсь в Кронштадт ее посмотреть и потом отпущу ее в гавань.

Сегодня утром свершилось в городе ужасное несчастие. Взорвало несколько мастерских на Охтенском пороховом заводе. Я еще никаких подробностей не знаю, но говорят, что убитых человек 70, а раненых около 30. — Это ужасно.

Прощай, любезнейший Саша, Обнимаю Тебя и Марию от всей души, и желаю, чтоб Ваше путешествие окончилось так же благополучно, как началось.

Твой верный брат Константин.

Александр II (император). Письмо Константину Николаевичу, 16 августа 1858 г. Кострома // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 166—167. — [Т.] II—III.

№ 26.

№ 26.

Кострома. 16-го Августа 1858.

Благодарю тебя, любезный Костя, за письмо твое, полученное в Ярославле, и радуюсь, что у вас все идет благополучно. Дай Бог, чтобы Санни совершенно поправилась и укрепилась в силах перед отправлением за границу.

Путешествием нашим мы доселе чрезвычайно довольны. Нас повсюду принимают с невыразимым радушием, доходящим иногда, можно сказать, до безумия, в особенности в Ярославле и здесь, так что страшно показываться на улице.

Из всего, что я слышу, народ везде спокоен и послушен, а Дворянство, я надеюсь, после того, что оно от меня самого слышало1, примется за дело с усердием, — так что с Божьею помощью можно надеяться, что все пойдет хорошо.

Вчера мы прибыли сюда на пароходе компании Глазенапа самым приятным образом и завтра на нем же отправляемся далее.

Здесь нашел я много моряков и между прочим Перелешина, который женится.

Сейчас воротились мы с бала, весьма многолюдного и жаркого. Красавиц весьма немного.

Вот покуда и все. Обнимаем вас обоих от всего сердца, равно и милых ваших ребятишек.

Господь с вами!

А.

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 12 августа 1858 г. Стрельна // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 166. — [Т.] II—III.

№ 25.

12 Августа 1858. Стрельна.

Пишу Тебе несколько слов, любезнейший Саша, чтоб уведомить Тебя, что у нас все, благодаря Бога, идет удовлетворительно. Сегодня идет третий день. У жинки начинает показываться молоко, груди наливаются и сильно вспухают, и от того она начинает довольно сильно страдать, но лихорадки, Слава Богу, еще нет ни малейшей. К сожалению, только ее старые бессонницы все еще продолжаются. Маленький Костя1 тоже хорош и весь день лежит у своей матери на постели. Наша бесценная Мама? каждый день у нас бывает и остается довольно долго. Вчера она со мною обедала.

Вчера офицеры Конной Гвардии и третьей Артиллерийской бригады приходили en corps* меня поздравлять. Я им сказал, что прошу их нового их кантониста любить и жаловать, и что если Господь Бог его возрастит и сохранит, я уже за него ручаюсь, что он их полюбит и будет им добрым товарищем.

Впрочем, все у нас благополучно. Желаю Тебе совершить Твое путешествие к полному Твоему удовольствию и без устали.

Обнимаю от души Тебя и Твою дорогую Марию.

Твой верный брат Константин.

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 18 июня 1858 г. Павловск // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 165—166. — [Т.] II—III.

№ 24.

18 июня 1858-го года. Павловск.

Любезнейший Саша!

Мне приходится взять сегодня перо в руки, чтобы, к сожалению, написать к Тебе про два довольно неприятные случая. Во-первых, пароход Онега», назначенный в Онежское Озеро для перевозки Твоей свиты, отправившись отсюда 14-го числа, был на другой день посажен лоцманом на камень при входе в Ладожское Озеро. Едва его с этого камня стянули, как через несколько часов в нем лопнул пополам поршень в паровом цилиндре! Это очень неприятно, потому что машина у него Английская, совершенно новая. Но остановки для Твоего путешествия никакой не будет, потому что почтовое ведомство уступило нам для сего свой пароход «Петербург», тот самый, на котором Папа? ходил в 1854 году.

Вторая история состоит в том, что корабль «Ретвизан» в день своего возвращения со мною из Ревеля, идя большим Кронштадтским рейдом, срединою фарватера, вдруг о что-то стукнулся и с тех пор очень сильно потек. Вероятно, он ударился о какой-нибудь якорь, лежавший на дне, и пробил себе борт. Это доказывает, что Кронштадтский рейд до такой степени мелеет, что малейшая вещь, на дне лежащая, делается опасною для кораблей теперешних размеров, что для нашей будущности не чересчур приятно. Через несколько дней «Ретвизан» войдет в док, и тогда только окажутся подробности его повреждения, но к твоему смотру он никак не может быть готов, о чем я чрезвычайно сожалею, потому что он решительно лучший наш корабль. Кроме этого у нас, Слава Богу, все благополучно. Погода стоит отличная, и Твоя жена часто у нас бывала в Павловске, который чудо как хорош. Послезавтра, 20-го числа, мы переезжаем в Стрельну. Надеюсь, что Твоя Беломорская прогулка на «Гремящем» хорошо удастся, и что Ты скоро и благополучно к нам воротишься. Прощай, любезнейший Саша, обнимаю Тебя от всей души.

Твой верный брат Константин.

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 23 сентября 1857 г. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 165. — [Т.] II—III.

№ 23.

23 сентября 1857 года. Петербург.

Душевно благодарю Тебя, любезнейший Саша, за милое письмо, которое написал мне из Штутгарта среди тех тяжелых для Тебя дней свидания с Наполеоном. С чрезвычайным интересом читал я тоже Твое письмо к Мама?. Я убежден, что это свидание будет иметь самые благие последствия для будущности и не останется тщетным. Напротив того, думаю, что Веймарское свидание ни к чему не поведет.

На прошедшей неделе я два дня жил с женою в Кронштадте и мы в это время проводили нашу Океанскую эскадру. Весь Кронштадт собрался на эти проводы, потому что никогда еще Россия не отправляла столько судов в Океан, и оно было весьма торжественно!

На сих же днях пришли в Кронштадт благополучно корвет «Оливуцца» и транспорт «Двина» с Амура, и фрегат «Илья Муромец» из Архангельска.

Вот все, что у нас нового, впрочем все благополучно. Жена и я обнимаем Вас от всей души и ждем с нетерпением.

Твой верный брат Константин.

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 14/26 сентября 1857 г. Кронштадт // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 162—164. — [Т.] II—III.

№ 21.

14/26 сентября 1857 года. Кронштадт.

Сегодня пишу я Тебе, любезнейший Саша, под самым грустным впечатлением, потому что вчера узнали мы про ужасное происшествие, случившееся с «Лефортом» 10-го числа. Если помнишь, во время еще Твоего пребывания в Варшаве я спрашивал Твое разрешение по телеграфу привести сюда корабли Ревельские и Свеаборгские для упрощения увольнения команд. Получив на это разрешение, тотчас им было приказано по телеграфу вооружаться, а Адмирал Митьков1 (Дивизионный Начальник) пошел отсюда за ними с тремя пароходами. В Свеаборге находились «Красный» и «Не тронь меня», а в Ревеле «Памяти Азова», «Императрица Александра», «Владимир» и «Лефорт». Пароходы взяли на буксир оба Свеаборгские корабля и «Азов» и благополучно привели их в Кронштадт. Остальные три Ревельские корабля под начальством Нордмана2, пользуясь попутным ветром, пошли под парусами. Только что пароходы пришли с первыми тремя кораблями, я их тотчас послал опять в море за остальными тремя. Но вдруг получаю я от них телеграф из Ревеля, что они пришли туда, не встретив Нордмана; это уже начало нас немного беспокоить, тем более что все это время стояли жестокие ветра с ужасно холодной погодой и иногда со снегом. Пароходы, выйдя из Ревеля, пошли опять отыскивать эскадру и наконец привели сюда вчера утром два корабля «Императрицу» и «Владимира». Нордман тотчас ко мне приехал с рапортом. На нем лица не было, и он мне рассказал следующее. Попутный ветер, выведший их из Ревеля, недолго продолжался. Скоро он перешел к N, потом к NO и постоянно свежел, с пасмурностию, иногда со снегом. Ну, в этом еще ничего удивительного нет, кому из нас этого не случалось испытывать. Нордман и продолжал лавировать, радуясь как эскадра хорошо держится соединенною несмотря на пасмурность и на темные ночи. Таким образом они благополучно обогнули N оконечность Гогланда в ночи с 9-го на 10-ое число. Но тогда ветер стал еще крепчать, они взяли третий риф, и уже мало выигрывали лавировкой, их все сносило на S к острову Тютерсу. С рассветом 10-го числа Нордман опять увидел всю эскадру в соединении, очень был этому рад и в начале восьмого часа сделал сигнал поворотить через Фордевинд на левый галс (Нордман сидел на «Владимире», непосредственно за ним шел «Лефорт»). Во время поворота ветер стал еще крепчать, и они тогда видят, что «Лефорт» шквалом сильно положило на бок. Однако марса шкоты и марса фалы на нем отдали, стало там не зевают. Продолжают смотреть и видят, что «Лефорт» не только не поднимается, а, напротив, его все более и более кренит на левую сторону, так что он медленно и постепенно ложится совершенно на бок, реи и мачты уходят в воду, и пять минут спустя он в этом положении исчезает в воде! Можешь себе вообразить какое это должно было сделать впечатление на всех! Это происшествие неслыханное в истории флотов! Добро бы это еще случилось с кораблем какой-нибудь новой неслыханной неиспытанной конструкции! А «Лефорт» был 80-пуш(ечный) корабль, совершенно однаго чертежа со всеми нашими другими 80-пуш(ечными) кораблями, которые и ходки, и остойчивы, и обладают самыми отличными морскими качествами, и к тому же он был корабль самый новый и свежий с 1853-го года. В прошлом столетии погиб в Портсмуте на якоре Английский корабль «The Royal George». Он стоял с открытыми пушечными портами и конопатился с одной стороны. Для этого все пушки были перевезены на один борт, дабы его более накренить, но при этом имели неосторожность оставить пушечные порта отворенными. Шквалом его накренило еще, он черпнул всеми портами, и пошел, как ключ, ко дну со всем народом. На «Лефорте» этого быть не могло, потому что

крепкий ветер стоял уже несколько дней, и, разумеется, как это всегда бывает, все пушечные порта были наглухо задраены. Мы все себе ломаем головы, чтоб объяснить себе причину этого неслыханного и беспримерного несчастия, и ничего придумать не можем. Полагаем, может быть, что от сильного крена, во время внезапного шквала не сорвалось ли несколько пушек с наветренного борта, которые, перекатившись стремительно на противную сторону, могли выломать борт, и чрез это сделать такой пролом, чрез который вдруг хлынула вода в огромной массе. Но это могло бы случиться на совершенно дрянном и гнилом корабле, а «Лефорт» был совершенно новый, крепкий и свежий. К несчастию, никто никогда этого не объяснит, потому что все, которые были на корабле, с ним вместе и погибли мгновенно. Командовал им командир

13-го Экипажа Кишкин3. На нем было человек 20 офицеров и около 800 матросов со своими женами и детьми, которых перевозили на зимовку в Кронштадт. Ничего ужаснее и поразительнее этого колоссального несчастия себе вообразить невозможно. Мы вчера немедленно отслужили здесь парадную панихиду.

С другой стороны, есть у нас несколько приятных новостей, которые, однако, омрачены этим несчастием. Бутаков пишет, что первые три корвета пришли в Севастополь в самом блестящем положении. В Копенгаген благополучно пришли с Амура Транспорт «Двина» и корвет «Оливуца», про которого мы очень беспокоились, потому что давно не имели никаких известий, и из Архангельска винтовой Фрегат «Илья Муромец». Вот покуда и все. Здоровье жены, кажется, несколько поправляется. Для нее необходим совершенный покой, вот почему жизнь теперь в Стрельне ей очень полезна.

С нетерпением ожидаем известий и результат Твоего свидания с Наполеоном, а затем и Твоего возвращения4.

Прощай, любезнейший Саша, обнимаю Тебя и Марию от всей души.

Твой верный брат Константин.

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, [без даты] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 162. — [Т.] II—III.

№ 20.

Любезнейший Саша!

Мне по-настоящему решительно нечего Тебе писать. Все у нас, слава Богу, благополучно. В Кронштадте больных так мало, как я никогда не помню; менее 1000 человек. Холера тоже уменьшается. На прошлой неделе ушли последние три Черноморские корвета, и я уж имею известие о приходе их в Копенгаген1. Первые три корвета, которые вышли отсюда 16 июня, уже прошли Константинополь и на днях должны быть в Севастополе. На будущей неделе пойдет и Амурский Отряд.

Вчера Матушка переехала в Царское Село и по дороге у нас обедала, и очень долго оставалась. Мы остаемся в Стрельне, потому что в Павловске, к моему ужасному прискорбию, негде жить в эту холодную пору. Константиновский дворец тесен, а в Большом, в теперешнем его виде, жить нельзя. Он и холоден и сыр. Завтра мы поедем в Царское, поздравить Никсу2 с его 14 годами. Как Вам будет грустно провести этот день вдали от него. Вчера я видел молодого Игнатьева3, и мы долго с ним говорили. Желательно было бы нам суметь воспользоваться теперешним случаем, если он только не потерян.

Прощай, любезнейший Саша, Жена и я обнимаем Тебя и Марию от всей души.

Твой верный брат Константин.

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 10/22 июля 1857 г. Стрельна // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 162. — [Т.] II—III.

№ 19.

10 / 22 Июля 1857. Стрельна.

Сегодня, любезнейший Саша, военный Министр посылает Тебе последнего Фельдъегеря, сухим путем, дабы он застал Тебя еще в Берлине, потому что субботний очередной приехал бы в Штетин именно в день Твоего отъезда и мог бы очень легко с Тобой разъехаться. Мне решительно нечего было бы писать Тебе про здешние обстоятельства; все хорошо и благополучно. Остается только благодарить Тебя за милое Твое письмо от 29-го числа из Киссингена, которое меня несказанно обрадовало тем, что я вижу, что Ты мною доволен.

Вчера мне прислано из Французского Посольства прилагаемое здесь письмо ко мне Императора Наполеона. Из содержания его Ты увидишь, в чем дело, и что он желал бы осенью иметь с Тобой свидание. От Твоей воли будет теперь зависеть дать самому какой угодно ответ или приказать Кн. Горчакову сочинить ответное письмо от меня. Для сего я препровождаю письмо в оригинале.

Обнимаю тебя и милую Твою Марию от души, в ожидании скорого свидания.

Твой верный брат Константин.

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 10/22 июля 1857 г. Стрельна // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 162. — [Т.] II—III.

№ 19.

10 / 22 Июля 1857. Стрельна.

Сегодня, любезнейший Саша, военный Министр посылает Тебе последнего Фельдъегеря, сухим путем, дабы он застал Тебя еще в Берлине, потому что субботний очередной приехал бы в Штетин именно в день Твоего отъезда и мог бы очень легко с Тобой разъехаться. Мне решительно нечего было бы писать Тебе про здешние обстоятельства; все хорошо и благополучно. Остается только благодарить Тебя за милое Твое письмо от 29-го числа из Киссингена, которое меня несказанно обрадовало тем, что я вижу, что Ты мною доволен.

Вчера мне прислано из Французского Посольства прилагаемое здесь письмо ко мне Императора Наполеона. Из содержания его Ты увидишь, в чем дело, и что он желал бы осенью иметь с Тобой свидание. От Твоей воли будет теперь зависеть дать самому какой угодно ответ или приказать Кн. Горчакову сочинить ответное письмо от меня. Для сего я препровождаю письмо в оригинале.

Обнимаю тебя и милую Твою Марию от души, в ожидании скорого свидания.

Твой верный брат Константин.

Александр II (император). Письмо Константину Николаевичу, 5/17 июля 1857 г. Киссинген // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 161. — [Т.] II—III.

№ 17.

Киссинген. 5/17 июля 1857.

Письмо твое, любезный Костя, от 29-го ч(исла) получил я третьего дня вечером. Слава Богу, что все у нас тихо. По Астраханскому делу нахожу, что вы весьма дельно распорядились, и надеюсь, что дело это распутают.

30-го ч(исла) утром отправился я в Вильдбад и прибыл туда сюрпризом вечером. Матушку застал, благодаря Бога, совершенно здоровою.

К этому дню съехались туда 3 брата ее и много русских. 1-го ч(исла) после обедницы было поздравление, потом фамильный обед, во время которого Пр(инц) Карл1 нас смешил до слез, а вечером гулянье и маленький бал. На другое утро отправились мы вместе до Мюлакера, где простились с Олли и по жел(езной) дор(оге) при нестерпимой жаре съехались в Брукзале с милой невестой Миши. К 5 ч(асам) прибыли мы в Франкфурт, отобедали у Мама?, я воротился сюда ночью.

Вчера вечером она выехала оттуда и прибыла сегодня утром в Веймар, а завтра утром будет в Потсдаме.

Я намерен выехать отсюда 11/23 ч(исла) утром, прибыть 12/24 в Веймар, 13, 14 и 15 в Сан-Суси, а 16/28 отправиться на «Гремящем» восвояси и, с Божьей помощью, надеюсь быть дома 20/1 ч(исла), забрав дорогой детей в Гапсале. Матушка полагает отправиться на «Олафе» 18/30 ч(исла) и может быть 21/2 ч(исла) дома.

Насчет встречи распоряжусь на месте.

Санни написала жене, что доктор требует еще продолжения лечения, и потому, хотя ей лучше, но, к прискорбию нашему, нельзя ей встретиться с нами.

Короля Баварского, который принял нас чрезвычайно радушно, назначил я шефом С.-Петерб(ургского) Улан(ского) п(олка), а он меня — своего 1-го пол(ка) Chev., leg., je me serais passe de cet honneur*, да нечего было делать.

Жена его мила с нами по-прежнему. Louis и Алек также здесь, и послезавтра ожидаем Олли с мужем. У меня голова кружится от множества королей и принцев, которых мы видели в столь короткое время**...

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 15/27 июня 1857 г. Стрельна // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 155—156. — [Т.] II—III.

№ 11.

15/27 Июня 1857 года. Стрельна.

Любезнейший Саша!

Сегодня на первый раз мне решительно нечего Тебе писать. Все здесь благополучно, ничего особенного до моего сведения не дошло. По телеграфу я знаю, что вчера Твои дети пришли на «Рюрике» в Ревель, и в тот же день отправились далее в Гапсель. Все эти дни я жил в Кронштадте в беспрерывной работе. Мы готовили корабли «Ретвизан» и «Гангут», фрегат «Аскольд», все корветы и клипера. Надеюсь, что к возвращению Мама? хоть часть этих судов будут на рейде. Первые три Черноморские корветы пошли в море в четверг утром. Остальные три пойдут в Июле или Августе. На Амур мы готовим два корвета и два клипера, потому что при теперешних китайских обстоятельствах нам необходимо иметь там хоть какую-нибудь военную силу в распоряжении Путятина1. «Олаф» воротился из Средиземного моря в весьма хорошем виде, так что я его пошлю за нашей любезнейшей Мама?, которая его чрезвычайно полюбила,

когда буду наверное знать время и место ее отправления. Почтенная наша «Аврора», которая вписала одну из самых блистательных страниц в историю нашего Флота, втянулась наконец в гавань после четырехлетнего трудного похода. (Она вышла из Кронштадта в Августе 1853 года.) Нельзя хладнокровно смотреть на ее команду и офицеров. Все молодец на молодце. Зато они и по-царски награждены. У нас стоит ясная хорошая погода, но весьма-весьма нетеплая. Сегодня у меня собирается в первый раз Комиссия2.

Прощай, любезнейший Саша. Обнимаю Тебя, Марию и детей от всей души.

Твой верный брат Константин.
Александр II (имп.). Письмо Константину Николаевичу, 11/23 мая 1857 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 155. — [Т.] II—III.

№ 10.

Ц(арское) С(ело) 11/23 Мая 1857.

Несколько слов только, любезный Костя, чтобы поблагодарить тебя за твои интересные письма из Парижа. К крайнему моему удивлению, как кажется, твое там пребывание оставило во всех отношениях самое лучшее впечатление. Надеюсь того же и от Осборна1.

Здесь у нас все благополучно. Мари, благодаря Бога, совершенно поправляется, но доктора посылают ее в Кисинген, куда и я настроен ее проводить, с тем чтобы воротиться морем чрез Штетин к 15/27 Июля. Мы полагаем отправиться отсюда морем же 16-го / 28 Июня чрез Киль и оттуда через Дармштадт прямо к Мама? в Вильбад на 2 дня, а потом тотчас в Кисинген. Никола завтра пускается в путь, дай Бог, ему благополучно доехать до Ганновера. Не могу тебе выразить, как мы им были во все время довольны, и признаюсь, мы с прискорбием с ним расстаемся, но одно нас утешает — это ваша радость при свидании с ним. Обними его за меня, равно и милую Санни и скажи ей, что я ее душевно благодарю за милое письмо.

Итак, до скорого свидания, ожидаю тебя с нетерпением, а покуда обнимаю также от всего сердца.

А.

Про несносное дело Анненковой решу, как с тобою увидимся.

Александр II (император). Письмо Константину Николаевичу, 20 января / 1 февраля 1857 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 125—126. — [Т.] II—III.

№ 1.

С. Петербург. 20-го янв. / 1-го февр. 1857 г.

Пользуюсь отъездом Крауна1, чтобы ответить тебе, любезный Костя, на три твоих письма, за которые искренно благодарю тебя1а.

Прежде всего с душевным удовольствием могу сказать тебе, что наш милый Никола2 благодаря Бога совершенно поправился после довольно долгого нездоровья, почти с самого отъезда твоего. Кроме кашля он не жаловался ни на что, но был скучен и соплив, имея притом почти постоянно жар. Доктор опасался, что не скрывается ли в нем какая-нибудь сыпь. С того дня, как я тебя известил по телегр(афу), что ему позволили прийти к нам, ему стало лучше и теперь он снова весел и мил по-прежнему. Признаюсь у меня как гора с плеч свалилась, дай Бог, чтобы ничего подобного не повторялось!

Офиц(ерский) мунд(ир), подаренный Алексею3 в день его 7 лет, в нем возбудил немного зависть, но он впрочем сам себя утешает мыслию, что скоро он того же удостоится. Мило будет видеть обоих наших моряков в одинаковом мундире.

С большим любопытством прочел я описание твоего вторичного пребывания в Дерпте и присутствии при орденском празднике и рад, что ты остался доволен приемом.

Насчет перемен в твоем маршруте я все совершенно одобряю и радуюсь весьма, что тебе можно будет дольшее время пробыть с нашей бесценной Мама4 и сопутствовать ей, вместе с Олли5, в путешествии по Италии.

По телегр(афу) знаю, что «Выборг» благополучно прибыл в Геную, о прочих не имею еще сведений. Надзор твой за ними будет весьма полезен.

Письмо твое к Горчакову6, о Китайских делах, прочел я также с большим вниманием и мысль о посылке туда Путятина7 опробую, но присутствие его здесь необходимо для личных объяснений, соображений и наставлений, вот почему я по телегр(афу) приказал немедленно ему прибыть сюда. Время для нас дорого и весьма желательно, чтобы мы могли кончить с китайцами, прежде чем Франц(узская) и Англий(ская) миссии туда прибудут. Дай Бог нам успеха.

В политике нового ничего нет. Невшательское дело надеюсь вскоре кончится мирными конференциями8, и Греческий вопрос так же близок к удовлетворительной развязке и есть надежда, что незваные гости скоро оттуда уберутся9.

Из Персии после занятия англичанами (...), мы еще положительных сведений не имеем, слухи носятся, будто бы Шах согласился на все их требования10. Это меня бы не удивило, ибо подлость и малодушие в их характере. Из Лондона нас уверяют, что они ничего серьезного не намерены там предпринимать. Дай Бог, чтобы оно было так, но ты сам знаешь, какое можно иметь доверие к правительству, которого достойный представитель есть Пальмерстон11.

На днях получил я премилое письмо от Наполеона12, в котором он весьма откровенно объясняет прежние свои действия и удостоверяет, что теперь, когда все что касалось до Парижского трактата удовлетворительно разъяснилось, он столь же будет верен союзу со мною, как был верен Англии13. Я ему на это отвечал с тою же откровенностью, что радуюсь искренно его дружескому расположению, я вижу в союзе с Францией залог будущего спокойствия Европы. Все это для тебя одного*.

Здесь у нас благодаря Бога все спокойно. Третьего дня была прибивка новых штанд(артов) Л(ейб)-Г(вардии) Черном(орской) и (Царскосельской) див(изий) и Кирас(ирского) п(олка) жены14 и, в её присутствии освящение и парад в манеже. Все удалось очень хорошо.

Посылаю тебе 2 тел(еграфные) деп(еши) от Крюднера. Из первой должно заключить, что Мад(ам) Берг была в сношениях с Герц(огиней) Пармскою!!! Но куда они девались Бог знает? Бедный отец мне жалок!15 Helas! il y a du louche dans toute cette histoire, de meme que dans leur derniere escapade. Si vous y voyez plus clair, je vous en felicite!**

Вот покуда и все.

Обнимаю тебя, Санни16 и милых ребятишек от всего сердца.

Да будет благословение Божие с вами.

Всей семье мой поклон.

А.

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 13/25 ноября 1861 г. Ганновер //

Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 217—218. — [Т.] II—III.

№ 68.

13/25 Ноября 1861. Ганновер.

Сегодня приходится мне сообщить Тебе, любезнейший Саша, весьма грустное и неприятное для нас обстоятельство. С Октября месяца (около его середины) начали обнаруживаться у моей дорогой жинки все признаки начинающейся беременности. Это вполне соответствовало желаниям доктора, которые были только вполовину удовлетворены результатом лечения в Киссенгене и требовали непременно повторения такового же лечения в будущем году, но желали при том, чтобы между этими двумя лечениями была беременность. Морские купанья принесли много добра. Силы жинки быстро стали расти, она могла без усталости ходить пешком часа по два в день, бодрость духа и свежесть лица начали возвращаться. В последних днях Октября, когда был срок de la periode*, она не появлялась, и в наших глазах не было сомнения в начинающейся беременности. В это время мы были в Лондоне. Она очень хорошо выдержала неизбежные усталости, так же как и трехдневный визит в Виндзор, где ради траура она все время провела в королевском семействе без малейшего утомления. При этом я должен сказать, что прием, оказанный нам королевой, был самый радушный и дружественный, напоминавший былые времена. Но дымный и туманный воздух Лондона возобновил у жены отчасти боли в горле. В это время стояли сильные осенние бури. Ради жестокого шторма мы должны были отложить наше отправление на один день. Наконец, 3-го Ноября мы пустились в море из Темзы и имели прекрасный переход до Голландии. Погода была тихая и, главное, ясная, что в теперешнее туманное время составляет большую редкость. Но в море были остатки зыби от прошедшего шторма. Для нашей братии это было незаметно, но дамы все страдали, а бедная жинка более других. Я редко ее видал в море в таких страданиях, как на этом коротком переходе, и я полагаю, что тут главная причина теперешнего несчастия! 5-го числа вечером мы были в Суздайке у Тетушки Анны Павловны, которая была невыразимо обрадована нашим приездом и была с нами дружественна и мила, как всегда. Мы провели у нее все 5-ое число. В этот день приезжал и король1, который был в хорошем духе, потому что был внимателен и любезен не только с нами, но даже и с своей Матерью. В Гаагу мы не заезжали ради царствующей там скарлатины, от которой был очень серьезно болен Принц Оранский, но теперь он вне опасности. Далее путешествие наше мы должны были расположить коротенькими переездами, чтобы не утомить жинки чугунками в ее теперешнем положении. Поэтому 6-го числа мы ночевали в Кельне, а 7-го приехали во Франкфурт, где нашли нашу милую Олли. С ней мы чрезвычайно приятно и спокойно провели два следующих дня. В это время жинка себя чувствовала очень нехорошо. Состояние ее требовало большой осторожности, и мы хотели здесь в Ганновере (куда мы приехали 10-го числа) остаться 4 дня, чтоб дать ей хорошенько отдохнуть среди тихой семейной жизни, чтобы собраться силами для предстоящего длинного пути. Сперва все шло хорошо, и вчера она особенно чувствовала себя здоровою, без малейших болей, так что вечером мы всей семьей поехали в Театр, где давали Гугенотов. Все шло хорошо, как вдруг среди четвертого акта вдруг ей сделалось дурно, она побледнела, как полотно, и почувствовала, что у нее показалась кровь. Тотчас мы ее повезли домой, уложили в постель и послали за знаменитым здешним королевским акушером Кауфманом. Он объявил, что совершенный невозмутимый покой ей необходим по крайней мере на 2 недели. Ночь прошла довольно хорошо, и крови немного, так что Кауфман еще не может сказать, есть ли, нет ли fausse-couche*. Но самая большая осторожность необходима. Мне не стоит объяснять Тебе, любезнейший Саша, что во мне происходит. Твое братское сердце само это понимает. Одно упование на Господа Бога. Его судьбы неисповедимы! Вот мы по крайней мере сюда прикованы на две недели, что далее будет, Ему одному известно.

Бедная моя жинка со мною вместе Тебя обнимает и Твою милую Марию. Мы убеждены, что она тоже понимает наше горе. Прощай, дорогой мой Саша.

Твой верный брат Константин.

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 9/21 октября 1861 г. Binstead // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 216—217. — [Т.] II—III.

№ 67.

Любезнейший Саша!

Прежде всего позволь мне благодарить Тебя от всего сердца за дозволение не прерывать лечение моей милой жинки морскими купаниями, которые приносят ей очевидную пользу. Я ее застал в родительском доме в Хумельсхайне, далеко не в удовлетворительном положении. Общее ее состояние было до того расстроено, что одно лечение в Киссингене не могло его радикально поправить. Оно имело хорошее влияние на ее геморроидальные страдания и на положение матки, но все остальное оставалось по-прежнему, страшные головные боли и особенно страшные боли в спине слишком часто возобновлялись. Доктора требовали непременно употребление морских ванн несмотря на большой риск дурной погоды ради весьма позднего времени года. К счастию, мы здесь нашли удивительно теплую осень, и купанье с первых же разов начало действовать удовлетворительно. Силы ее, видимо, возрастают, так что она в состоянии делать довольно большие прогулки пешком, и боли в спине являются реже, хотя нельзя сказать, чтобы они вовсе прекратились. Это хорошее начало и заставило нас просить отсрочки. Если б возвращаться к 20 Октября, как было нами первоначально намерено, то жинка могла бы взять не более 15 или 16 ванн (ради Gunther), что было бы слишком недостаточно. Это было бы опять полулечение, от которого никакого добра ожидать было нельзя. Согласившись на наше возвращение в Ноябре, Ты, любезнейший Саша, дал нам возможность продолжать начатое добро, и я не могу сказать, до какой степени и жинка и я, мы оба, Тебе за это благодарны! Мы здесь живем не в самом городе Райде, а верстах в 2 от него в прелестном доме, называемом Binstead, при котором чудный сад. Растительность неимоверная! Тут находишь деревья, которые я видал только в Крыму или в Италии, как-то: великолепные кипарисы, настоящие каштаны, веерочные пальмы, фиги и т. д. Удивительно благословенная страна и благорастворенный климат. В воде до сих пор 12 и 13 градусов, и купанья просто доставляют удовольствие. Бывают дни даже жаркие. Образ жизни у нас самый уединенный и тихий. Никаких знакомств мы не заводим, кроме старого моряка Sir Augustus Clifford, который родственник покойного Герцога Девонширского, с ним вместе был в 1826 году в Москве на коронации Папа и питает к нему удивительно балгодарную память. Оттого он очень мил и любезен со всеми русскими. Так как мы каждый день гуляем в городе, вся публика нас знает, и надо отдать ей справедливость, что она чрезвычайно с нами учтива. На днях пришел сюда Попов1 на корвете «Новик». Через неделю или две я ожидаю и остальные суда его отряда. С ним вместе я осматривал английский окованный фрегат «Warrior». Признаюсь, ужасная досада меня разбирала при осмотре этого гиганта с его непробиваемыми боками, с машиною в 1250 сил, дающею ему около 14 узлов хода, с его Армстронговскими пушками, вспоминая при этом, как мы у себя далеко от всего этого отстали. Этого рода судов в Англии уже 5 спущены, а 10 новых строятся! В Портсмутское Адмиралтейство я собираюсь на будущей неделе. Мы полагаем купаться здесь до 20 числа, провести этот грустный день здесь же в тишине, пригласив нашего почтенного Лондонского Священника для панихиды2, а потом поехать на неделе в Лондон, которого жинка еще никогда не видала. В это же время мы, вероятно, получим приглашение к Королеве в Виндзор. На возвратном пути через Немеччину постараемся где-нибудь увидаться с Олли, которой я уже об этом писал. Мы, вероятно, поедем не на Остенд, а на Ротердам, чтоб заехать на один день навестить тетушку Анну Павловну, которая несколько раз нас о том просила.

С удовольствием видели мы из Твоего телеграфа, что Ты остался доволен путешествием по Кавказу, кажется, Черное море опять по старой привычке угостило Тебя бурей. Ужасно досадно читать в здешних газетах про наши Университетские истории3. С нетерпением ожидаем об них достоверные известия из дому. Воображаю, как Тебе должны были быть неприятны и грустны

эти известия по возвращении в Крым. Дай Бог, чтобы все это скоро улеглось и пришло снова в порядок. Мое здоровье хорошо, и усталость, которая так часто меня томила, проходит. Я здесь в тишине стараюсь набраться сил и свежести, чтоб по возвращении снова приняться за службу Тебе, которая, как Ты знаешь, составляет единственную цель моей жизни.

Жинка и я обнимаем Тебя и милую Твою Марию от всей души.

Твой верный брат Константин.

9/21 Октября 1861. Binstead.
Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 29 мая 1861 г. Павловск // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 215—216. — [Т.] II—III.

№ 66.

29 Мая 1861. Павловск.

Любезнейший Саша!

Не знаю, как у Вас в Белокаменной, а здесь у нас вот уже целая неделя, что стоит погода самая прелестная, которая каждым днем становится все теплее, так что теперь совершенное лето. Павловск в полном блеске, все зелено, все цветет, даже сирени начинают распускаться, весь воздух наполнен благоуханием и, одним словом, прелесть неимоверная, и я воображаю, как бы Ты тут жуировал и восхищался. Всю эту неделю у нас гостила Маруся. Никса часто приезжал, и мы весьма приятно провели время. Между тем, и дело не забывалось. Я несколько раз ездил в город в Комитеты Крестьянский и Финансов и был в Колпине, которая весьма усердно работает, и где есть некоторые весьма хорошие вещи и инструменты, выписанные из Англии1.

Наступившая неделя будет для меня весьма грустная, потому что в Пятницу жинка моя должна отправляться за границу. Вспоминая лето 1857 года, которое я провел один, без нее, я не могу без страха думать о наступающей новой разлуке. После многих рассуждений я решился не провожать до Киля, дабы избегнуть двух прощаний, которые всегда ужасны. Ей бы пришлось здесь прощаться с детьми, а в Киле со мною. На это у меня просто куражу не хватает, и мы решились все зараз покончить здесь в Пятницу. Адъютанта моего Чихачева2 я назначаю, чтобы проводить ее на «Смелом» до Киля. Дай Бог только, чтоб эта поездка ей помогла и действительно восстановила ужасно расстроенное ее здоровье! Летом же для меня главным утешением будут дети и Кронштадт со Флотом. Но грустно, страшно грустно. Я убежден, что Ты понимаешь меня, милый Саша.

В Среду мы будем в Финансовом Комитете разбирать новые предложения Общества железных дорог. Я уже их читал и нахожу их гораздо разумнее и практичнее, чем те, которые были присланы зимою3. Не знаю еще взгляда на них Чевкина4.

Надеюсь, что конец Твоего пребывания в Москве и поездка по Монастырям будет так же удачна, как начало. Прощай, любезнейший Саша. Обнимаю Тебя от всей души. До скорого свидания.

Твой верный брат Константин.

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 22 сентября 1859 г. Стрельна // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 213—214. — [Т.] II—III.

№ 63.

22 Сентября 1859 года. Стрельна.

Это письмо застанет Тебя, любезнейший Саша, полагаю, в Николаеве. Надеюсь, что Ты и там будешь доволен тем, что успеешь осмотреть, хотя, признаюсь, Николаев производит на меня теперь всегда весьма грустное впечатление, когда вспомнишь его прежнее значение и его теперешний невольный застой. Будем надеяться, что мы еще доживем до того времени, когда опять на Черном море будет снова развеваться наш флаг в его прежнем могуществе и когда Николаев и Севастополь опять заживут своей прежней жизнию и деятельностию1.

Здесь у нас все, слава Богу, благополучно и нового ничего нет. На прошлой неделе мы с жинкой провели три дня в Кронштадте, весьма приятно. Я таскался по Адмиралтействам и разным работам, а жена осматривала школы и приюты. Работы идут помаленьку вперед, хотя нынешнее лето нельзя считать весьма благополучным по высокости всех цен и по трудности добывать рабочих людей. Я решился оставить «Синоп» и «Цесаревич» на зиму в доках, чтоб можно было не торопясь их хорошенько подкрепить и исправить и сделать вполне надежными для всякой службы. Состояние здоровья команд весьма удовлетворительно. Больных в госпитале менее 700 человек, чего я никогда не помню.

По телеграфу мы знаем, что «Светлана» пришла в Геную 16-го числа, выйдя из Портсмута 4-го. Это неимоверно шибкий переход и подтверждает мое хорошее мнение об ее качестве.

Вчера было первое заседание Государственного Совета, для первого раза весьма интересное.

Погода стоит у нас большею частию холодная и неприятная, что не мешает, однако, молодежи забавляться. В Четверг будет dejeuner dansant* у Низи в Знаменском, а в Воскресение у нас. Но здесь делается так неприятно, что, я полагаю, в начале Октября мы переберемся в город, хотя жинке весьма не хочется оставлять Стрельны. Она приказала сказать Тебе, что душевно Тебя обнимает. Дети по-прежнему милы и здоровы, хотя у Кости до сих пор зубов нет.

Прощай, любезнейший Саша. Надеюсь, что мы скоро опять Тебя увидим и обымем довольным и здоровым.

Твой верный брат Константин.

Александр II (император). Письмо Константину Николаевичу, 29 июля / 10 августа 1859 г. Красное Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII —XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 209—210. — [Т.] II—III.

№ 58.

Красное Село 29-го Июля / 10-го Августа 1859.

Пользуюсь отъездом Строганова1, чтобы написать тебе несколько слов. Прежде всего, искренно благодарю тебя, любезный Костя, за милое письмо твое из Копенгагена, и в особенности за последние слова, которые меня глубоко тронули.

Да сохранит Бог нам навсегда нашу взаимную дружбу и обоюдную доверенность и да подкрепит он твои моральные и физические силы.

Ты хорошо сделал, сказавшись больным в Копенгагене, чтобы избегнуть неприятной встречи с известною ведьмою. Радуюсь, что ты доволен «Светланою» и началом пребывания твоего в Райде. Надеюсь, что морские ванны принесут тебе желанную пользу.

Поездка наша в Гапсаль, благодаря Бога, хорошо удалась и 7 дней, там проведенных, были для меня отдыхом. На «Штандарте» мы расположились весьма покойно, но идя туда при сильном противном ветре нас порядком покачало, а меня, разумеется, и укачало, напротив того, на обратном пути мы имели самую благоприятную погоду.

26 и 27 Санни обедала у нас с детьми. Вечером мы перебрались сюда до пятницы, т. е. до 31 ч(исла). Покуда я черезвычайно доволен всем, что видел.

Нового, впрочем, ничего нет.

Обнимаю тебя от всей души.

Твой верный брат и друг Александр.

Жена тебя обнимает тоже.

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 27 июля / 8 августа 1859 г. Райд // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 208—209. — [Т.] II—III.

№ 57.

27 Июля / 8 Августа 1859 года. Город Райд на Острове Вайт.

Наконец, любезнейший Саша, пишу я Тебе с острова Вайта, куда мы добрались, как я с самого начала предполагал, в 10 дней, то есть 4 дня до Копенгагена, 2 дня там, и 4 дня сюда. Все время без малейшего исключения мы имели противный ветр, так что лишь весьма изредка могли ставить трисселя. Было просто уморительно, куда мы не повернем, так и ветер постоянно с нами ворочал, да все в лоб да в лоб. «Светлана» вел себя очень хорошо и, когда ветер стихал, и не было зыби, он легко бежал по 10 узлов. Так мы шли весь последний день (25-го числа) Английским каналом. На Портсмутском рейде мы нашли нашу Средиземную эскадру Истомина1 и Английскую эскадру, состоящую из 5 кораблей и 5 великолепных фрегатов. Барон Бруннов тотчас к нам приехал, и мы с ним вместе съехали на берег и поместились в премиленьких маленьких квартирах в трактире на самом берегу моря. Тут дожидалась нас большая толпа народа чрезвычайно учтиво, особенно дамы, которые чрезвычайно приветливо кланялись. Толпа даже раз прокричала «ура». Сегодняшнего дня начали мы купаться, и с тем вместе начал я и мои регулярные занятия и могу Тебя уверить, что времени не теряю. Между прочим, много занимаюсь я с Путятиным. Самое важное есть то, что ему удалось приобрести секрет Армстронговской пушки. Чертежи ее и описание я при сем прилагаю. За сим в посылке артиллерийского офицера в его распоряжение надобности нет, а 30 000 руб(лей) чер(вонцами), которые ты разрешил употребить для приобретения этого секрета, он, Путятин, полагает употребить для заказа таковой пушки. У нас железное производство не имеет еще достаточного развития, чтобы по одному чертежу произвести такую замысловатую штуку, как эту пушку. Посему Путятин и просит разрешения употребить выше обещанную сумму на заказ этой пушки за границей. Он полагает обратиться для того в Америку и употребить для сего одного из состоящих при нем весьма дельных молодых офицеров. Он не полагает, чтоб это можно было исполнить в Англии, потому здесь считают это национальной тайной, и боясь общественного мнения, вряд ли какой-либо заводчик согласился бы принять этот заказ. В Америке же никакого затруднения представиться не может. Я и с своей стороны осмеливаюсь присоединить мое ходатайство к этой просьбе Путятина. Мне кажется, что, раз решившись пожертвовать 30 000 для одного приобретения секрета, Ты не откажешь в этой же сумме для самого заказа, который гораздо важнее. С нетерпением буду ждать Твоего ответа. Завтра отправляюсь с визитом в Осборн к королеве. Обнимаю тебя и милую твою Марию от всей души с сегодняшним ее днем рождения. У нас был по сему случаю общий салют, в котором принимала участие и Английская эскадра.

Твой верный брат Константин.

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 21 июля / 2 августа 1859 г.

Копенгаген // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 207—208. — [Т.] II—III.

№ 56.

21 Июля / 2 Августа 1859-го года. Копенгаген.

В дополнение к моей сегодняшней шифрованной телеграфической депеше, любезнейший Саша, я должен рассказать Тебе подробности неприятной истории с королем1. Когда мы сюда прибыли, в Воскресение 19-го числа, короля здесь не было. Он за несколько времени, в величайшем секрете,

не сказавши ни слова не только семье, но даже и министрам, ушел в Швецию для свидания с молодым королем2. Здесь узнали про это по телеграфу и были довольно неприятно этим поражены. Возвращение короля ожидали на сегодняшний день, и посему и я отложил мой уход, хотя желал и мог бы отправиться вчера вечером. Ожидали, что король будет в городе и примет меня в своем дворце, где его презренная тварь, так называемая Графиня Даннер, не является. Но вышло иначе. Он неожиданно воротился вчера, высадился прямо на своей новой даче на берегу моря, где он живет en menage* с этой женщиной, и сказался больным для того, чтобы не приезжать в город. Ко мне же он прислал приглашение к завтраку на сегодняшний день, туда к нему на дачу. По объяснению нашего Посланника и всех лиц, знающих здешние обстоятельства, все это не что иное, как хитрость, pour me prendre dans un guet-apens** и свести меня с этой женщиной. А именно там на даче король живет по-домашнему без всякого придворного этикета, и эта мадам официально играет роль хозяйки, так что не только что мне пришлось бы ей представляться, но я должен был бы вести ее за руку к столу и сидеть подле нее. Вот почему мы желали, чтоб король меня принял в городе во дворце. В такую же ловушку раз нечаянно попал и был взят Принц Фридрих Нидерландский, и был оттого в отчаянии. Мы долго рассуждали поэтому с нашим Посланником, как тут поступить, и решили тем, что я сказался больным. Унгерн-Штернберг говорит, что все очень хорошо поймут, что это значит, и будут крайне радоваться этому щелчку госпоже Даннер, которая всеми равно ненавидима и презираема. Унгерн-Штернберг не изъемлет тут и самого короля, которому она крепко надоела, но он находится у нее под таким гнетом и в таком страхе, что не смеет пикнуть без нее. Ее же претензии растут каждым днем, и она просто добивается сделаться Королевой, и если бы мы поддались этой ловушке, это бы ей весьма помогло. Кроме этой неприятной истории, я был весьма доволен моим кратким пребыванием здесь. Все, особенно королевская семья и датские моряки, меня принимали как старинного знакомого и приятеля. Было здесь два официальных обеда, у наследного Принца и у вдовствующей королевы. После полудни я возвращаюсь с берега на «Светлану», и мы тотчас же снимаемся с якоря для отправления в дальнейший путь. До сих пор я весьма доволен «Светланой». Она нисколько не течет покуда и ходит очень хорошо. Без ветру она легко идет 10 ? узлов, против сильного противного ветра, с весьма высоким, коротким и неправильным волнением она подвигалась по 6 узлов. Во весь переход мы постоянно имели противный ветр, и 17-го числа было очень свежо и неприятно. Как-то вы шли тогда на «Штандарте»? Боюсь, что вас крепко покачивало!

Не могу окончить письма, не обнявши Тебя, бесценный мой Саша, крепко-накрепко в мыслях. Никогда не забуду я во всю жизнь Твоего разговора в Петергофе 1-го Июля и прощания на «Штандарте». Твое расположение ко мне, которое Ты мне так ясно высказал, переполняет мою душу, и я не знаю, что было бы мне невозможно для Тебя, моего брата и моего Государя. Самая большая награда для меня — доброе слово от Тебя, самая большая гордость — быть Твоим первым и самым верным подданным. Служа Тебе, ведь мы продолжаем службу нашему незабвенному Папа?.

Поздравляю от души с завтрашними именинницами, и с наступающим 27-м Июля. От всего сердца обнимаю Тебя, Марию и милых детей.

Твой верный брат Константин.

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 13/25 мая 1859 г. Бейрут // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 204—206. — [Т.] II—III.

№ 53.

13/25 Мая 1859. Бейрут.

Любезнейший Саша!

Вот наше Иерусалимское путешествие, на поклонение Святыне Господней, по благословению Божию, благополучно совершилось и оставило в нас всех, которые удостоились этого счастия, неизгладимое впечатление и память на всю жизнь. Описать, что чувствуешь, что происходит в душе, когда мы прильнули губами к Святому Гробу и к Голгофе, когда мы осматривали места, ознаменованные земною жизнию Иисуса Христа, как-то: Вифлеем, Гефсиманский сад, Элеонскую гору и так далее, нет никакой возможности. Я не знаю как у других, а у меня вся душа обращалась в молитву, а между тем я слов для выражения молитвы не находил. Было в одно и то же время и страшно в своем недостоинстве находиться среди такой святыни, и в высшей степени утешительно, так что оторваться не хотелось. Самое глубокое впечатление на меня произвела Русская Обедня на Голгофе. Там и иконостаса нет, так что все происходит на виду. Итак, видеть среди нашей чудной литургии приношение бескровной жертвы на том самом месте, где за весь род человеческий была принесена страшная кровавая жертва, слышать слова: «Пийте от нее вси, сие есть кровь моя», на том месте, где в самом деле эта кровь обливала то место, на котором мы стояли, это производило такое ужасное и глубокое впечатление, что решительно этого выразить нельзя, я не плакал, а просто таял слезами. Было в то же время и страшно, и сладко, и утешительно. Мысли об Тебе, мой милейший Саша, об нашей дорогой Мама?, об вас всех, о Папа?, об Адини1, об всей России, все это сменялось и смешивалось в душе бессознательно и обращалось без слов, без определенных мыслей в одну общую несказанную молитву. Обедню эту я во всю жизнь мою не забуду!

Описать теперь в письме все путешествие и пребывание в Иерусалиме нет никакой возможности, это составило бы несколько томов. Откладываю это до того счастливого времени, когда можно нам будет словесно передать все это Тебе. Теперь посылаю Тебе через Мансурова журнал, веденный по моему приказанию во время путешествия, а сам Мансуров может служить тому живым дополнением. Здесь только прибавлю, что все путешествие совершилось чрезвычайно благополучно, жары не были столь сильны*, как по времени года можно было ожидать, и трудную дорогу по Иудейским горам жинка моя вынесла очень хорошо и терпеливо. Все происходило весьма прилично, встреча была великолепная, и старик Патриарх из кожи лез, чтоб нам угодить. Я принял от него просьбу насчет имений Святого Гроба в Дунайских княжествах, которые хотят от них отнять, чрез это здешняя Церковь будет поставлена в безвыходное положение, не будет в состоянии поддерживать своего достоинства, и главное, не будет в состоянии бороться против сильной и богатой Латинской пропаганды. Наше дело устройства Русского Поклонничества пойдет, надеюсь, на лад. Купленные земли прекрасно выбраны, утверждены за нами фирманами, и, надеюсь, что Иерусалимский Паша нам будет помогать. Станиславская лента, которую я вручил ему Твоим именем, тоже этому поможет. В отношении к нашему Преосвященному Кириллу я тоже исполнил Твое поручение, и, надеюсь, что, если мы и не достигнем с его стороны сочувствия и поддержки консульству, то по крайней мере избегнем явного противудействия. Подробности про все это может Тебе передать Мансуров, которым я был очень доволен и которому мы обязаны всем благополучно совершенным путешествием. Из Яффы мы должны были зайти сюда в Бейрут за углем и пойдем отсюда через Архипелаг к Дарданеллам, надеясь на дороге встретиться с «Баяном», который должен привезти Твоего Апрельского курьера. Он мне очень важен, чтоб при теперешних политических обстоятельствах знать Твою окончательную волю на чаш счет. До сих пор мы только знаем через Телеграфическую Депешу кн. Лобанова, что Тебе угодно, чтоб мы возвращались через Константинополь. Посему мы и располагаем теперь наш путь к Дарданеллам в ожидании

Константинополь. Посему мы и располагаем теперь наш путь к Дарданеллам в ожидании «Баяна», и надеюсь, что сами будем в дорогом нашем отечестве скоро по получении Тобою этого письма. Через Мансурова посылаю Тебе также представление к награде некоторых здешних лиц, которое, мне кажется, по здешним обстоятельствам и для пользы нашего дела совершенно необходимо. Прошу на это милостивого Твоего снисхождения.

Прощай, дорогой мой Саша, обнимаю Тебя от всей души, до, надеюсь, скорого свидания.

Твой верный брат Константин.

Александр II (император). Письмо Константину Николаевичу, 22 апреля / 4 мая 1859 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 203—204. — [Т.] II—III.

№ 52.

Царское Село. 22-го Апреля / 4-го Мая 1859.

Благодарю тебя, любезный Костя, за письмо твое перед отъездом из Неаполя и за поздравления к 17 ч(ислу) из Афин. Радуюсь, что вы оба поправились, и надеюсь, что теперешнее ваше путешествие укрепит вас обоих. Насчет вашего возвращения через Францию, при теперешних политических обстоятельствах и при возгоравшейся уже войне в Италии, нахожу его неудобным, тем более что Наполеон, как кажется, сам желает принять командование над войсками, следовательно, вы его в Париже уже не застанете. По всему этому желаю, чтобы вы из Яффы шли на «Рюрике» прямо в Константинополь и оттуда в Одессу и сухим путем уже сюда.

Гауровиц1 писал мне, что он желал бы для тебя несколько недель отдыха и лечения где-нибудь на Германских водах, но при теперешних обстоятельствах присутствие твое здесь необходимо. Равно и для Санни лучше быть дома, чем таскаться по Германии, куда, вероятно, и Матушка навряд поедет, ибо при теперешнем напряжении умов в Германии надобно ожидать или всеобщей войны, или внутренних смут. Надеюсь, что приход твой на «Рюрике» чрез Дарданеллы и Босфор не встретит препятствия. Я уже приказал написать об этом Лобанову2 в Константинополь и тебя уведомить в Яффу. Если бы, паче чаяния, мы встретили в этом препятствия, то в таком только случае разрешаю тебе идти прямо в Марсель и потом сухим путем кратчайшим домой; т. е. до Киля или Штетина, а оттуда морем. Эскадре нашей прикажи из Яффы возвращаться в Кронштадт, не заходя в Англ(ийские) порты. Если бы, чего я, впрочем, надеюсь не будет, возгорелась война между Францией и Англиею и par contrecoup* с нами, то она всегда найдет убежище во Франц(узских) военных портах. Ты видишь, что политический горизонт после последнего моего письма не только не прояснился, но стал еще грознее.

Наши предложения о конгрессе, принятые сначала всеми безусловно, кроме Австрии, встретили непреодолимые препятствия благодаря упрямству этой державы, поддерживаемой двуличностью Англии. Из газет ты увидишь все переговоры и предложения, которые перекресчивали друг друга.

Наконец, когда по предложению Англии все согласны были на предварительные переговоры в Лондоне, Австрия отсылает ультиматум в Турин с требованием немедленного обезоружения и ответа через три дня, в противном же случае Ген(ерал) Гюляй должен был тотчас же начинать военные действия. Последствия можно легко было предвидеть. Все протестовали, даже Англия, но это не помешало Австрийцам перейти через границу, но расчет их разгромить Сардинцов не удался, ибо Французы с необыкновенной быстротою успели подоспеть к ним на помощь сухим путем и морем в Геную.

Теперь обе армии находятся в виду друг перед другом около Александрии, но встречи еще не было.

Все мои старания клонятся, чтобы локализировать войну, и Пруссия до сих пор действует в этом же смысле, но прочие Германские державы с ума сошли и только, и бредят идти самим атаковать Францию. Не знаю, удастся ли нам их урезонить, иначе война сделается всеобщею.

С нашей стороны вся южная Армия и 14 и 15 Див(изии) и 5 Кор(пус) приводятся в военное положение не с тем, чтобы принимать участие в военных действиях, но как демонстрация против Австрии. Буду до крайности стараться сохранять нейтралитет, но отвечать невозможно, чтобы восстания как в Венгрии, так и в Славянском населении Австрии и Турции не принудило бы и нас вмешаться в дело.

Роль Англии весьма двусмысленная и для нас важна. При таких обстоятельствах ты поймешь, почему я желаю твоего возвращения.

Здесь у нас, благодаря Бога, все тихо, и работа продолжается весьма усердно. Ольга Фед(оровна) поправляется и крестины Николая Мих(айловича)3 назначены 3-го Мая. Матушка переехали сюда в самый день его рождения, а мы вчера, но погода стоит ужасная, ночью была метель с 3° мороза.

17-го ч(исла) получил я радостное известие о взятии Веденя штурмом после довольно продолжительной осады, прочем благодаря умелым распоряжениям Ген(ерала) Евдокимова потеря была самая незначительная4. Кур(...) п(олк) остается там на постоянных квартирах. Шамиль ушел, говорят, в (Андалял). 17-го же числа праздновал я мое 25-летие назначения в флигель-адъютанты со всеми моими старыми товарищами, которые все у нас обедали на другой день. Дети ваши здоровы, кроме Кости, у которого шейные гланды распухли, и потому они еще остались в городе. Поздравляю с завтрашними именинами нашей дорогой Матушки и милой Санни. Обнимаю вас от всей души.

А.

Обними за меня милого Николу за его милое письмо.

А.

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 22 апреля / 4 мая 1859 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 200—203. — [Т.] II—III.

№ 51.

22 Апреля / 4 мая 1859. Афины.

Сперва позволь мне от души поблагодарить Тебя, дорогой мой Саша, за милое письмо Твое от 31-го Марта, которое получил я здесь от Мансурова, в самый день нашего прихода, за то, как Ты взял все наше Иерусалимское дело под Твое собственное покровительство, и за все сочувствие и за любовь, которое Ты в этом деле показал. Поручения Твои в отношении нашего Арх(имандрита) Кирилла и других лиц в Иерусалиме я постараюсь по силам исполнить и надеюсь, что при помощи Божией и не горячась, а со спокойствием мне удастся усмирить и успокоить разные затронутые самолюбия и страсти и привести все в надлежащее спокойствие. Благодарю также за разрешение представить моего доброго Мансурова к награде. Я бы полагал, что назначение его Статс-Секретарем было бы для него лучшей наградой, которая в то же время дала бы ему и то общественное положение и вес, которые нужны, чтобы с надлежащим успехом действовать в порученном ему деле. Мы полагаем отправиться отсюда в Иерусалим послезавтра 24-го числа на «Громобое» в сопровождении «Ретвизана» и «Палкана». «Медведя» я отсюда отправляю прямо по своему назначению, то есть к нашей миссии в Константинополь. В Яффе к нам присоединится «Баян», который привезет нам Апрельского курьера. С ним я ожидаю Твои

окончательные приказания насчет нашего возвращения, сообразно с чем мы и расположим наш дальнейший путь. Теперешние европейские события, разумеется, будут иметь на это большое влияние. По телеграфу мы уже знаем про ультиматум Австрии, про сосредоточие Французской Армии в Турине и про переход Австрийцев через Сардинскую границу1. Вот, стало быть, и заварилась каша! Как она кончится, кто может предвидеть? У Тебя, любезнейший Саша, должна быть совесть чиста, потому что Ты со своей стороны сделал все возможное для сохранения мира. Дай Бог, чтоб мы оставались в стороне так долго, как возможно. Здесь от всей этой Европейской кутюрьмы все находятся в большом беспокойстве, опасаясь, чтоб эти происшествия не произвели un contrecoup* на Восток, потому что чувствуют, что минута для решения Восточного вопроса еще не пришла, и боятся, чтобы какая-нибудь преждевременная вспышка в Христианском

населении Турции не возродила бы каши в этих странах. Посему Король и Королева всем и всюду твердят про тишину, терпение и совершенный нейтралитет. Здешнее Министерство в том же смысле говорит. Мне кажется, что это дельно, и потому и я поддерживал их в том же смысле. Весь день почти только про это идет речь. Другой предмет долгих моих разговоров с Королем и Королевой был вопрос о престолонаследии. Тут я должен им отдать полную и совершенную справедливость, что они совершенно вошли в национальную роль, совершенно убеждены в необходимости православного наследника и вполне разделяют в этом отношении народное убеждение. Все затруднения тут происходят от упрямства Баварского дома, с которым они поэтому почти в явном разрыве, так что более года не имеют даже Баварского Посланника. Баварцы все отделываются полуответами, двусмысленными словами, и невозможно их довести до какого-нибудь окончательного категорического объяснения, так что они сами в отчаянии. С Министром Иностранных Дел я тоже говорил про это. Он смотрит на этот вопрос спокойнее и говорит, что в случае смерти Короля у них останется регентство Королевы, которая чрезвычайно любима, и убеждения, что ни она, ни народ Греческий, ни Европейские державы, подписавшие протокол, никогда не допустят другого наследника, кроме Православного, и этого убеждения ему довольно.

Рассказами про подробности нашего пребывания и про наши поездки и прогулки я Тебе надоедать не буду. Жена, вероятно, про все это пишет подробно. Ограничусь только общим впечатлением, которое Греция на меня произвела. Что более всего здесь поражает, это процесс возрождения этого молодого и энергического народа. Успехи его в эти 30 лет, со времени его освобождения от Турецкого ига, — поразительны, но они были бы еще значительнее, если б этому периодически не мешал запад, как то было в знаменитой и гадкой истории Пачифико2, и в 1854, 55 и 56-х годах, когда Французы и Англичане держали тут свой гарнизон. Но это последнее обстоятельство имело и свои хорошие последствия, ибо усилило общее национальное чувство и почти уничтожило Французскую и Английскую партии. Самое явное стремление в народе — это стремление к просвещению. Вся страна покрыта учебными заведениями; почти каждая деревня имеет свою школу, и везде учение даровое, то есть все содержится Правительством, учащиеся же ничего не платят, и оттого почти весь народ грамотный. И все это учение и воспитание чисто свое, национальное, без влияния западных бредней, и основано на Православии, в котором страна чрезвычайно сильна. Это влияние Православия так сильно, что оно распространилось даже на католического короля Оттона. От долгого пребывания в этой стране он совершенно, так сказать, огречился, то есть сделался Греком и заставил забыть, что он сам католик. Вообще, я мог здесь убедиться в чрезвычайной популярности Короля и Королевы в народе. В высших слоях общества есть много недовольных и большая партия антикоролевская, но народ весь стоит за Короля и Королеву, особенно с 1855 года, когда видели, что он должен был терпеть от французов и англичан. Это тяжкое время испытания, которого подробности действительно превосходят всякое воображение, создало неразрывную связь между народом и Королем. К нам, к России, сочувствие есть большое, но оно более религиозное, чем политическое, потому что здесь чувствуют, что мы слишком далеки, чтоб быть Греции столь полезными, как бы хотели, и что Запад слишком близок и Флотами и войсками слишком легко может против них действовать, как и было в 1854 году.

Нас принимали чрезвычайно ласково и дружески, Король и Королева приняли нас, как родных (Король двоюродный брат жены, а брат Королевы женат на сестре жены), и потом предложили

(Король двоюродный брат жены, а брат Королевы женат на сестре жены), и потом предложили нам говорить друг другу ты. Они приехали к нам на Фрегат только что мы встали на якорь, что здесь сделало очень хорошее впечатление. Народ нас принимал тоже очень дружески, но неприличного энтузиазма никакого не было. Вел я себя здесь как можно осторожнее и, кроме министров, никого не принимал, потому что меня предваряли, что много недовольных из оппозиции двору будут у меня просить аудиенций. Поэтому я от всяких аудиенций решительно отказался и знаю, что это было королю очень приятно. В день Твоего рождения была торжественная обедня в нашей великолепной Посольской Церкви, куда приехали in corpore* все Министерство и весь Дипломатический корпус, так что это было и весьма торжественно, и весьма прилично. После обедни дипломатический корпус, Министерство, Председатели обоих

камер и всех присутственных мест, Генералитет и все Греки, имеющие Русские Ордена, собрались во дворце для принесения поздравления с этим торжественным днем, так что это имело вид политической демонстрации в Твою честь. Вечером был большой бал.

24 апреля / 6 мая 1859**.

Сегодня вечером мы отправляемся в море. Дай Бог, чтоб переход был удачный, дабы жинка не слишком страдала. Политических новостей никаких не было и это увеличивает общее ожидание и беспокойство. Я начинаю серьезно думать о том, каким путем нам придется возвращаться? Эти последние дни нашего пребывания здесь были столько приятны, как и все остальные. Король и Королева в высшей степени с нами милы, все Греки чрезвычайно учтивы и явно довольны видеть Русских у себя в гостях.

Теперь пора и кончить это длинное и несвязное письмо, за которое прошу прощения. Следующее будет, вероятно, из Обетованной земли, куда мы с нетерпением желаем добраться.

Прощай, любезнейший, дорогой мой Саша. Да благословит и да хранит Тебя Бог в теперешних трудных обстоятельствах. Обнимаем с жинкой Тебя, Марию и детей от всей души.

Твой верный брат Константин.

Далее следует приписка Александры Иосифовны:

Je n'ai pas pu ecrire des details sur notre charmant sejour ici a Maman parce que Amelie ne me laisse pas le temps de le faire a force d'amabilite. Elle a declare qu'Elle profiterait de chaque moment pour etre ensemble et me tire par la manche quand je prends la plume a la main desirant toujours causer avec moi. Nous sommes enchantes de la maniere cordiale dont nous avons ete traites par le Roi et la Reine qui sont excellents tous les deux. J'attends avec impatience l'incomparable bonheur de me prosterner devant le tombeau de Notre Seigneur et d'y deposer des prieres pour Toi, tout aime Sacha, ainsi que pour Marie et toute la famille. Que Dieu Te soutienne dans les temps difficiles qui se preparent.1* Господь с Тобою, Твоя Санни.

Перевод с французского:

1* Я не смогла написать Мама о некоторых деталях нашего чудесного пребывания здесь, потому что Амелия так любезна со мной, что совершенно не оставляет мне времени это сделать. Она заявила, что пользуется каждой минутой, чтобы побыть со мной, и тянет меня за рукав всякий раз, как я беру в руку перо, постоянно желая беседовать со мной. Мы очарованы сердечным обращением с нами Короля и Королевы, которые оба — милейшие люди. С нетерпением жду не сравнимого ни с чем счастья преклонить колени перед гробом Нашего Господа и вознести молитвы о Тебе, любимый Саша, о Марии и о всей семье. Да поможет Тебе Бог в наступающие трудные времена!

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 12/24 апреля 1859 г. Мессина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.:

Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 199—200. — [Т.] II—III.

№ 50.

12/24 Апреля 1859 года. Мессина.

Христос Воскресе!

От души поздравляю Тебя, любезнейший Саша, с сегодняшним Светлым Праздником. В одно время с Вами у нас была сегодня утром наша чудная служба.

Ты можешь себе представить, как мы об Вас всех думали, как наши мысли были в Зимнем Дворце в Большой Церкви. Чудный это праздник, лучший, самый дорогой в году. И какое утешение нам, морякам, что мы всюду, под нашим Андреевским Флагом, возим с собою кусочек нашей Матушки России. Когда с берега чужого возвращаемся на корабль, это как будто бы мы возвращались в Россию. Тут мы находим и свою семью, и свой язык, и свои законы, и свое Богослужение.

Хочется мне сказать Тебе несколько слов про наше плавание. Депешу кн. Горчакова об том, чтоб мы пришли в Грецию после Пасхи, получили мы за полчаса до нашего предполагавшегося отъезда из Неаполя, 6-го числа вечером. Поэтому мы снялись с якоря только 7-го числа утром, пошли в Кастакамаре и посетили Соренто, которого ни я, ни жена еще не видели. Оттуда мы ушли 8-го утром. Весь этот день был штиль, и мы шли хорошо, но на другой день, в Великий Четверток, сделался жестокий южный ветр, широкко*, так что машины не были в состоянии нас двигать против ветра, и мы принуждены были лавировать. Так как мы были всего в 20 милях от Мессины, то волнения не было никакого, но несмотря на то мы должны были употребить целый день, чтоб вылавировать это короткое пространство, и встали на якорь в Мессине, когда уже стемнело. Мы и решились здесь дождаться Пасхи и встретили ее со всем возможным великолепием. Сегодня вечером, после всенощной, мы снимаемся с якоря и продолжаем наш путь в Афины. Кажется, можно надеяться, что у нас будет северный попутный ветр. Все у нас благополучно, здоровье мое совершенно поправилось, хотя некоторая слабость еще продолжается.

Прощай, любезнейший Саша, обнимаю Тебя от всей души.

Твой верный брат Константин.

Скоро надо ожидать родов Ольги. Дай Бог, чтоб все совершилось благополучно, Христос Воскресе, cher bon Саша, je pense a Vous tous et me souviens de l’annee passee et de la scene de Jule!

De c?ur et d’ame Ta Sanny**.

Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 5/18 апреля 1859 г. Неаполь // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 197—199. — [Т.] II—III.

№ 49.

5/17 Апреля 1859 года. Неаполь.

Искренно благодарю Тебя, любезнейший Саша, за письмо Твое от 17-го Марта, полученное мною здесь 1-го Апреля. Искренно и сердечно благодарю за разрешение нашей Иерусалимской поездки и понимаю вполне, что Вы нам завидуете. Ты можешь себе представить, как мы будем молиться у Гроба Господня за Вас всех, за душу нашего незабвенного Папа?, за нашу дорогую Матушку Россию! Также благодарю Тебя, любезнейший Саша, за весь прием, оказанный моему Мансурову, что выслушал его, что дал ему высказаться, что поддержал его, и особенно за то, что

взял это дело в Твое непосредственное распоряжение и под Твое покровительство. Теперь оно этим вполне обеспечено, теперь оно непременно пойдет вперед и не может не удаться. Слава Богу, слава Богу!! История Европейского Конгресса, Тобою предложенного, про которую Ты мне пишешь, что мы уже знали из газет, меня тоже сердечно обрадовала. Дай Бог, чтоб это хоть бы по крайней мере отдалило начало войны, если б даже и не удалось вполне ее избегнуть. Пребывание наше здесь в Неаполе было чрезвычайно неудачное. Дня через 4 после нашего приезда жинка моя заболела геморроидальною лихорадкою с ужасными болями в животе, так что ей должны были два раза ставить пиявки на живот и на спину. Она три дня ужасно страдала, а потом осталась у нее большая слабость. В это время мне было, разумеется, не до поездок и не до осмотров. Едва она стала оправляться, как я сам заболел. Почти что с самого приезда сюда я

начал страдать головными болями. Я долго старался переломить их частыми прогулками пешком. Но вышло противное, так что боли становились все хуже и хуже. К этому присоединилась лихорадка, и 24-го Марта, наконец, мне стало невмоготу и я слег. У меня начиналась, как говорили доктора, une fievre cerebrale*. Головой я страдал ужасно. Пиявки облегчили боль, но головокружения продолжались очень долго. Хотя я в постели лежал только два дня, но я так ослаб, что было просто смешно. Теперь я, Слава Богу, почти совсем поправился, но все еще очень слаб, и силы возвращаются очень тихо. Посему прошу прощения и за сегодняшнюю рукопись. Надеюсь, что в море я скорее поправлюсь.

6/18 Апреля**.

Во время нашей болезни здешняя семья была чрезвычайно мила. Все Принцы и Принцессы приезжали почти ежедневно сами осведомляться об нашем здоровии, а Король приказывал себе давать знать ежедневно по телеграфу. Мы особенно подружились здесь с Графом Аквила и его женою, которые решительно Jes plus distingues*** из здешней семьи. Граф Аквила начальник здешнего Флота.

Между тем, здоровье короля очень плохо. В нем общее худосочие, отчего раны на ноге его не только что не заживали, а напротив того, сделалась изнурительная лихорадка, которая бросилась на легкие. Долго его состояние скрывали от всех, даже от собственной семьи, но наконец сделалось так плохо, что скрывать правды не было возможности. Вся семья была собрана в Казерте и почти безвыездно там оставалась. 1-го и 2-го Апреля было так плохо, что с минуты на минуту ждали его смерти. Его утром приобщили, после чего он простился со всей семьей и всех благословил, как говорят, с удивительным присутствием духа. Ожидали, что ночью все кончится, вместо того, он ночь провел спокойно, и ему теперь несколько лучше, так что семья из Казерты воротилась в город. Но, кажется, que ce n'est qu'un mieux passager**** и что оно долго продлиться не может. Сегодня мы едем посмотреть Помпею, для того чтобы не иметь стыда выехать из Неаполя, не видавши ничего. Вечером перебираемся на Фрегат, а в полночь снимаемся с якоря, чтобы следовать прямо в Афины. Если обстоятельства в море будут не слишком дурны, мы надеемся к Пасхе быть в Афинах и остаться там неделю или дней 10, после чего идти прямо в Яффу, где надеемся быть около 28-го или 30-го Апреля нашего стиля. На пребывание в Палестине уйдет дней 10, после чего мы отправляемся из Яффы и идем прямо чрез все Средиземное море в Вилла-Франку или Геную, где можем быть около 20-го Мая. Посему, если б Ты послал Апрельского Фельдъегеря в Неаполь, он мог бы там сесть на «Баян», которого я нарочно для этого там оставляю. Он его привезет к нам в Яффу. Если же Майский Фельдъегерь будет отправлен около 10-го числа, мы бы его застали в Генуе. Мне кажется, что этот план будет самый удобный.

Этот Майский Фельдъегерь мог бы привезти к нам в Геную Твои приказания, любезнейший Саша, насчет дальнейшего пути нашего. Во-первых, угодно ли будет Тебе, чтобы мы сделали наш визит в Мадрит, как прежде предполагалось, и где, судя по газетам, нас ожидают, — или Тебе угодно, чтобы по позднему времени года эта поездка была вовсе отменена. Потом предстоит вопрос о возвратном нашем пути. Из Генуи можно возвращаться разными дорогами. Через Mont-Cenis путь весьма утомительный, дорогой и неудобный. Другой путь через Марсель по Французским железным дорогам. Это тот путь, по которому несколько раз ездили Мери, Елена

Французским железным дорогам. Это тот путь, по которому несколько раз ездили Мери, Елена Павловна и Екатерина Михайловна. Но тут возбуждается следующий вопрос. Уже много наших Великих княгинь проезжали по Франции ради удобства пути, ни разу не заезжая в Париж, что, как я наверное знаю, производило всякий раз неприятное впечатление Наполеону, который толкует это тем, что Русские Великие Княгини чуждаются знакомства с его женою. Ловко ли будет после всего этого мне, который уже два раза был в Париже и был Императрицею Евгениею так хорошо принят, ловко ли будет мне, ехавши с женою, взять тот же путь, минуя Париж? Не сделает ли это там еще худшее впечатление? и это в ту минуту, когда мы с Францией в союзе. Ты знаешь, какую большую роль играют в Тьюлльерийском Дворце les questions d'amour-propre*. Не будет ли поэтому натурально и прилично, чтобы я с женою, на самый короткий срок, на несколько дней, заеду в Париж, с тем чтоб она могла познакомиться с Императрицей. Прости мне, любезнейший Саша, за откровенное изложение моих мыслей. Я уверен, что Ты за это не рассердишься. Хотел я только ясно изложить Тебе обстоятельства дела, с тем чтоб Ты мог хорошенько все обсудить и прислать нам в Геную Твои приказания, которые будут свято исполнены, Ты в этом уверен.

Позволь мне теперь вперед поздравить Тебя от души с наступающим Светло-Христовым Воскресением, с 12-ю годами Владимира1 и с Твоим собственным Рождением. У нас не будет под рукою телеграфа, чтобы поздравления послать в самые Праздники. Вообще, теперь мы будем на долгое время отрезаны друг от друга, и трудно будет сообщать известия про путешествие.

Прощай теперь, любезнейший Саша, обнимаю Тебя от всей души вместе с Твоей милой Марией и детьми.

Твой верный брат Константин.

Александр II (император). Письмо Константину Николаевичу, 31 марта / 12 апреля 1859 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 196—197. — [Т.] II—III.

№ 48.

С. Петербург 31-го Марта / 12-го Апреля 1859.

Письмо это вручит тебе, любезный Костя, радостный жених Мансуров (Николаевский Озеров)1, который несмотря на свою помолвку с тем же рвением готов продолжать полезные свои труды относительно Иерусалимских дел. Он изустно передаст тебе все, что здесь по этому было решено, и ты усмотришь из копии утвержденного мною журнала особого комитета2, что, кажется, дело пошло на лад и впредь, надеюсь, столкновения разных властей будут отстранены. Поездка твоя в Иерусалим будет весьма кстати и прошу тебя стараться успокоить и ускромнить, сколько возможно, излишнюю пылкость нашего арх(имандрита) Кирилла. Боюсь, что при всех его хороших качествах он по строптивости своего характера не перессорился бы как с греческим духовенством, с которым нелегко ладить, так и с нашим консулом3 и самим Мансуровым. — Надеюсь в этом на тебя, что тебе удастся их примирить и объяснить общую благую цель, для которой можно, кажется, жертвовать личностями, имея в виду подобное святое дело. Мансуров вручит тебе также наперстный крест для Иерусалимского патриарха и две панагии для его наместников, которые поручаю тебе дать им моим именем, если ты останешься, как я надеюсь, доволен приемом. При этом я должен тебе сказать, что я весьма был доволен всеми моими разговорами с Мансуровым и нашел в нем при всей пылкости (le feu sacre*), которую я люблю встречать в нашем молодом поколении, много рассудительности и истинного благородства в чувствах. Поэтому разрешаю тебе представить его к награде, какую ты сочтешь приличной.

Благодарю тебя за милое письмо из Неаполя от 11/23 марта. К сожалению, вскоре после того узнали мы по телегр(афу) сначала о нездоровий Санни, а потом и твоем собственном. Дай Бог вам обоим скорее оправиться и продолжать благополучно ваше путешествие.

Обнимаю милого Николу за его милое письмо и за присылку вещей как Па и Ма, так и братцам и сестрам, все были очень этим обрадованы.

Теперь насчет твоего возвращения. — Желаю, чтобы ты воротился сюда к открытию памятника Папа?, т. е. к 25-му Июня. Поэтому разочти, как тебе будет угоднее ехать, ибо, следуя с эскадрою, едва ли ты поспеешь вовремя. О намерениях Санни я ничего не знаю, но если ей доктора не предпишут какого-либо лечения на водах, то нахожу приличным, чтобы и она сюда воротилась к тому же времени. Этим вы будете иметь утешение застать еще здесь дорогую Матушку, с которою вы бы иначе разъехались. — Здоровье ее, благодаря Бога, поддерживается.

Она, как тебе уже, вероятно, известно, переехала на 2-ой нед(еле) вел(икого) поста в Аннич(ков) Дв(орец), откуда намерена воротиться в З(имний) Д(ворец) в вербную Субботу.

Политические дела все еще в той же запутанности, благодаря упрямству Австрии, поддерживаемой двуличностью Англии. До этих пор не могли еще сойтись насчет оснований для конгресса, и навряд ли он состоится, а если и будет, то едва ли удастся упрочить на долгое время мир. Дай Бог только нам оставаться сколь возможно долее зрителями той борьбы, которая неминуемо должна вспыхнуть рано или поздно в Италии.

Здесь покуда, благодаря Бога, у нас все спокойно и занятия идут своим порядком.

Обнимаю вас обоих и Николу от всей души. Помолитесь за нас Богу у Гроба Господня.

Да хранит вас Бог.

Твой верный друг и брат А.

Александр II (император). Письмо Константину Николаевичу, 17/31 марта 1859 г. Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 194—196. — [Т.] II—III.

№ 47.

С. Петербург 17-го / 29 марта 1859.

Благодарю тебя, любезный Костя, за два письма твои с курьером и с Мансуровым. С большим любопытством прочел я описание поездки вашей в Мальту и весьма рад, что все хорошо обошлось. Но грустно было мне слышать, что (конструкция) нашего Черноморского корабля «Цесаревич» оказалась столь непрочною. Ты прав, говоря, что это доказывает, что кораблестроение еще у нас в детстве и что вообще нам еще многому должно учиться. Но недостатки, оказавшиеся как на «Светлане», так и на «Баяне», выстроенных в Бордо, по-моему, доказывают, что система эта далеко не соответствует нашим ожиданиям, и что, кажется, в этом отношении англичане далеко еще впереди против французов, не говоря о силе машин и превосходстве вооружения артиллериею

Несчастные случаи, бывшие на нашей эскадре при салютационной пальбе, мне крайне неприятны и, по-моему, неизвинительны. Прошу за них примерно взыскать, ибо при должном порядке они не должны случаться. Весьма рад, что здоровье людей на эскадре столь удовлетворительно.

Я уже тебе отвечал по телеграфу, что совершенно согласен на поездку вашу в Иерусалим и, признаюсь, завидую вам. — С большим любопытством прочел я записку Мансурова, спасибо ему за все, что сделано. Я с ним имел долгий разговор и, надеюсь, что все дело можно будет наладить и устроить прочным образом. Подробности он передает тебе лично. Здесь, благодаря Бога, все у нас тихо, но хлопот много. Крестьянское дело подвигается деятельно, благодаря особой редакционной комиссии под председательством Ростовцова. Крику против нее много, как

обыкновенно, но надеюсь с Божиею помощью, что дело пойдет на лад. В политике одно только новое, то, что все главные державы согласились на мое предложение конгресса для разъяснения Итальянских дел1. Дай Бог, чтобы этим мы могли сохранить мир, но я не могу скрыть от тебя, что надежды у меня мало, чтобы удалось достигнуть этого результата. Австрия и Сардиния, поддержанные Францией, слишком далеко зашли, и едва ли нам удастся их урезонить. В случае разрыва тебе известна роль, которую я намерен играть. Я никак от нее не отступлюсь.

19 / 31 Мая*.

Курьера я должен был задержать на два дня, ибо с ним надобно было отвечать Киселеву и Брунову2. Англия предложила главные основания для обсуждения на конгрессе, с которыми мы все согласны, даже и Австрия, несмотря на все ее уловки, чтобы этому воспротивиться. Пруссия ведет себя весьма умно и деятельно нам помогает. Итак, около 1-х чисел мая конгресс должен быть собран в Бадене. С нашей стороны назначил я самого к(нязя) Горчакова и Брунова, прочие еще неизвестны, но, вероятно, все мин(истры) иностр(анных) д(ел) главных пяти держав будут присутствовать лично! Итальян(ские) державы будут иметь своих представителей не для прямого участия, но в виде совещателен. Дай Бог, чтобы из всего этого вышел прок!

По телегр(афу) я тебя уже известил, что я остался весьма доволен посещением моим Кронштадта, о чем, вероятно, Метлин донесет тебе в подробности.

Воен(ный) Мин(истр) докладывал мне письмо твое, основанное на отзыве Путятина, о жалком будто бы состоянии Кронштадтских верков, переданных по твоему же настоянию в сухоп(утные) виды, из подробного донесения о их осмотре ты увидишь, что, кроме самых незначительных неисправностей, все находится в должном порядке и постепенно ремонтируется. При этом я должен тебе заметить, что все это отзывается сплетнями и голословными нареканиями Морск(ого) вед(омства) на сухопут(ные), до которых я не охотник. Наблюдения за исправностью крепости лежат на прямой обязанности коменданта, который теперь по твоему желанию назначен из Адмиралов, следовательно, ему следовало снестись с надлежащим начальством, если он считал это нужным, а не поручать Путятину, который сам нигде не был, жаловаться тебе. Прошу, чтобы подобные дрязги впредь не повторялись. Ты и брат Николай, вы оба, служите мне, и ваше дело состоит в том, чтобы друг другу помогать, а не ссориться. Аминь.

С Кавказа продолжают поступать самые удовлетворительные известия, Ген(ерал) Евдокимов3 обложил самый Веден, откуда Шамиль4 с конницею заблаговременно убрался в Иакерию, куда самое население просит его удалиться. В скором времени можно надеяться, что Ведень будет в наших руках, не с тем, чтобы его брать, но чтобы стоять там твердой ногой. — Вот покуда и все.

Третий имам Дагестана и Чечни Шамиль

Обнимаю тебя, Санни и милого Николу от всего сердца.

Да хранит вас Бог! — Жена и дети вас также обнимают.

Твой верный друг и брат А.

Брачное свидетельство, выданное И. С. Тургеневым крепостной девице А. Антоновой. 18 октября 1853 г.

[Тургенев И. С.] Брачное свидетельство, выданное И. С. Тургеневым / Сообщ. [и примеч.] О. В. Николаевой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 238—239. — [Т.] II—III.

Свидетельство

Спасской Главной Конторы

Октября 18го дня 1853 года1

Данное Предъявительнице сего Орловской Губернии Мценского Уезда села Спасского Коллежского Секретаря Ивана Сергеевича Тургенева, Крепостной Крестьянской девице Аграфене Антоновой, положенной по сказке в селе Спасском в том, что дозволяется ей от Господина ввойти в замужество по собственному согласию. Чернского Уезда в имение Надворного Советника Николая Сергеевича Тургенева2, Сельцо Слободку, за Крепостного Крестьянина Евсигнея Васильева, получившего от своего Господина на женитьбу дозволение. №

20 Удостоверение сего Спасская Главная Контора выдала Антоновой сие свидетельство за подписью и приложением Конторской печати для предъявления оного Села Тургенева Священно Церковно служителям, на законное право повенчать ея с сказанным Крестьянином буде не окажется между ими какого законного препятствия. Лет поименованная девица имеет 18ть

У сего печать

Иван Тургенев

Примечания

Документ хранится в Отделе рукописных фондов ГЛМ (ф. 17, РОФ 4149). Документ поступил в 1960 г.

1 В мае 1852 г. за публикацию в «Московских Ведомостях» (1852, 25 марта, № 32) «Письма из Петербурга (Памяти Н. В. Гоголя)», запрещенного Петербургским цензурным комитетом, И. С. Тургенев по «высочайшему повелению» был выслан на жительство в родовое имение Спасское. Ссылка продолжалась до октября 1853 г.

2 Николай Сергеевич Тургенев (1816—1879), старший брат писателя.

Сообщила О. В. НИКОЛАЕВА

Письма Н. Ф. Христиановича к А. А. Фету и его жене. 1872, 1889 гг.

Христианович Н. Ф. Письмо Фету А. А., 26 января 1889 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 242. — [Т.] II—III.

Полтава

26 января 1889

Глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич,

сейчас прочел я в «Московских ведомостях» о том, что днем юбилейного празднества Вашего окончательно назначено 29 января13.

Празднеству этому я сочувствую не только потому, что на нем будет чествоваться один из тех поэтов, которые дали русскому народу так много прелестных образов действительной поэзии, но еще более потому, что этот поэт представляет собою отраднейшее явление — и далеко не обыденное — неутомимой и многие десятки лет непрерывающейся деятельности на поприще умственного труда, выразившегося в таких литературных работах и филологических изысканиях,

которые немыслимы без значительной затраты физических и нравственных сил человека14.

Явление это отрадно и достойно особого чествования еще более потому, что не необходимость и не славолюбие заставляли и заставляют этого поэта-ученого работать с энергией, вызывающей удивление современников его, а одна лишь чистая любовь к своему призванию, та любовь, сила которой в чем и как бы она не проявлялась, всегда неотразима.

Примите же, дорогой поэт, мой сердечный привет и пожелания Вам еще долгих счастливых дней жизни.

Жена моя присоединяет и свои поздравления чтецу и переводчику «Фауста»15. Передавайте наш привет многоуважаемой Марье Петровне.

Кончаю это письмо известным изречением: Was stark ist bricht durch*.

Душевнопреданный Н. Христианович.

Полтава 29 января (18)89

P. S. Письмо это адресую в редакцию «М(осковских) В(едомо)стей», потому что не уверен в названии улицы, на которой Ваш дом: Плющиха или иначе называется она.

Христианович Н. Ф. Письмо Фету А. А., 26 марта 1873 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 241—242. — [Т.] II—III.

Орел

26 марта 1873

В письме, которое я адресовал Вам, многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, на Змеевку6 я спрашивал Вас об условиях для занятия летом Новоселок7 (о них подал мне мысль Тимирязев8, будучи в Орле). Затем я видел Иоста9, который мне сказал, что условия одинаковы для обоих имений, ибо про страховку Новоселок он ничего не знает.

Прочитавши Ваше письмо, я нахожу более удобным остаться при прежней даче, но только желал бы знать, возможно ли мне будет расчитывать на помещение рояля в большом доме и, следовательно, на право пользования им, т. е. большим домом, как в прошлом году. Я бы просил Вас потрудиться дать мне снова два ответа.

Что же касается до Вашей приписки о том, что ответ Ваш может возбудить во мне какие-нибудь неприятные чувства, то, виноват, я даже не понял, что, по Вашему мнению, могло в Вашем ответе мне не понравиться? В качестве представителя интересов опекаемого Вы написали мне то, что и я бы написал Вам, если бы Вы нанимателем были, а я опекуном.

Примите на себя труд передать мой усердный поклон уважаемой Марии Петровне.

Искренне преданный Вам Христианович.

Орел 27 марта (18)73

P. S. Вчера один певец пел мой романс, написанный на слова Ваши «Что за ночь, прозрачный воздух скован»10. Слова Ваши произвели на слушателей необыкновенное впечатление — музыкою я только дорисовал картину ночи, о которой идет там речь. Лиза поехала с визитом к Капнистам11 в Киев.

Офросимовы12, зная, что я буду Вам писать, просили меня передать Вам и Марье Петровне

Офросимовы12, зная, что я буду Вам писать, просили меня передать Вам и Марии Петровне бесконечное число поклонов, пожеланий, etc., etc.

Христианович Н. Ф. Письмо Фет М. П., 26 июля 1872 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 241. — [Т.] II—III.

Н. Ф. Христианович — М. П. Фет

с. Клейменово

26 июля (1872)1

Лиза2 сбиралась два дня писать Вам и просить Вас, Марья Петровна, принять на себя труд выслать ей рецепт делания пастилы яблочной3 — просбиравшись два дня она в момент отправления посланного на станцию железной дороги принялась меня упрашивать писать к Вам. Ее нелюбовь к писанию может войти в поговорку — это ее болезнь, вот почему я и обращаюсь за нее к Вам с покорнейшей просьбой. Дело в том, что яблоки поспевают и скорее, уже поспели — пришлите рецепт на станцию М(осковско)-К(урской) ж(елезной) д(ороги) Отрада4, а там уж мы получим.

Извините за беспокойство и примите уверения в искреннем уважении.

Душевнопреданный Н. Христианович

с. Клейменово 26 июля

Афанасию Афанасьевичу и милому юноше5 мои искренние приветы.

Асланова Г. Примечания: Письма Н. Ф. Христиановича к А. А. Фету // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 242—243. — [Т.] II—III.

Автографы писем хранятся в ОР ГБЛ (ф. 315, оп. 2, к. 12, ед. хр. 29—30).

1 Письмо датируется по филиграни «1872».

2 Очевидно, жена Христиановича. Никаких сведений о ней найти не удалось.

3 Яблочная пастила, которая изготовлялась по рецепту Марии Петровны Фет, славилась в кругу родных и друзей. О ней не раз упоминается в переписке Фета и его жены.

4 Железнодорожная станция вблизи родового имения Шеншиных Клейменово, принадлежавшего племяннице Фета Ольге Васильевне Шеншиной (1858—1942), в замужестве Галаховой. В то время, к которому относится письмо Христиановича, Фет был ее опекуном.

5 Петр Иванович Борисов (1859—1888), племянник Фета, опекуном и воспитателем которого он был.

6 Ближайшая от Степановки железнодорожная станция.

7 Имение в Мценском уезде, принадлежавшее после смерти матери П. И. Борисову.

8 Тимирязев Александр Аркадьевич (1818—1877), мценский уездный предводитель дворянства, брат ученого-биолога К. А. Тимирязева.

9 Иост Александр Иванович, управляющий имениями Клейменово и Новоселки, впоследствии

9 Ибот Александр Иванович, управляющий имениями Клейменово и Новоселки, впоследствии — управляющий фетовским имением Воробьевка.

10 Не совсем точная цитата. Стихотворение Фета начинается: «Что за ночь! Прозрачный воздух скован...» В публикации романс имеет заглавие «Признание».

11 В Малороссии жило несколько семей из рода Капнистов. Кого имеет в виду Христианович, установить не удалось.

12 Офросимов Илья Федорович (1827—1892), генерал-лейтенант (с 1883), орловский помещик, близкий знакомый Фета. Его жена — Варвара Лукинична, дочь — Лидия Ильинична. И. Ф.

Офросимову и Л. И. Офросимовой Фет посвятил два стихотворения.

13 Речь идет о праздновании 50-летия литературной деятельности Фета.

14 Христианович имеет в виду литературно-эстетические работы, публицистику и переводы Фета.

15 «Фауст» Гёте в переводе Фета вышел в Москве в 1882—1883 гг.

16 Дом Фета находился на Плющихе.

Публикация Г. АСЛАНОВОЙ

Асланова Г. [Письма Н. Ф. Христиановича к А. А. Фету] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 239—241. — [Т.] II—III.

В 1860—1877 гг. Афанасий Афанасьевич Фет почти постоянно жил на своем Степановка в Орловской губернии. Среди его окружения в этот период в мемуарах Л. Е. Оболенского упоминается Николай Филиппович Христианович. «...чаще всего он (Фет. — Г. А.) приезжал в Орел, чтобы пофилософствовать и послушать игру на фортепьяно выдающегося музыканта Николая Филипповича Христиановича, бывшего в то время товарищем председателя окружного суда». (Оболенский Л. Е. Литературные воспоминания и характеристики. // Исторический Вестник, 1902, № 2, с. 489).

Н. Ф. Христианович (1828—1890) был уроженцем Калужской губернии. Его незаурядное музыкальное дарование проявилось уже в раннем детстве, но специального музыкального образования он не получил. Подчинясь воле отца, он оканчивает в 1848 г. училище правоведения, становится юристом, служит чиновником Московской палаты гражданского суда. И все это время он не прекращает занятия музыкой.

В 1856 г. Христиановичу удается уехать в Германию, некоторое время он учится в Лейпцигской консерватории. В 1857 г. в журнале «Русский Вестник» появилась статья Христиановича о Шопене. Тогда же в Петербурге он познакомился с Даргомыжским, который высоко оценил его музыкальные способности: «...вы рождены с музыкой и для музыки... Нельзя, нельзя вам быть полу-музыкантом». Однако Христиановичу до конца жизни пришлось быть «полу-музыкантом».

В 1859—1866 гг. он — товарищ председателя губернской гражданской палаты в Ярославле, а в свободное от службы время занимается музыкой с воспитанницами сиротского дома, организует бесплатную музыкальную школу, участвует в благотворительных концертах как пианист и дирижер. И очень много сочиняет: романсы, мазурки, музыкальные картины на сюжет лермонтовского «Демона» для хора и оркестра, пишет статьи о Шумане и Шуберте.

В 1866 г. Христианович получает назначение в Орел на должность товарища председателя окружного суда по уголовным делам. Когда он познакомился с Фетом, установить не удалось. Но

было это не позднее конца 1867 г., потому что летом этого года поэт был избран мировым судьей и по роду своей новой деятельности должен был общаться с представителями правопорядка. Не мог он, разумеется, оставить без внимания и появление в городе замечательного пианиста.

Через десять лет, в 1876 г., Христианович уезжает в Полтаву, где служит председателем полтавского окружного суда. В «Воспоминаниях» И. П. Капнист есть интересные сведения о Христиановиче: «Летом 1887 года... мы все находились в имении, в Малороссии. В соседстве, на берегу Пела, в старинной усадьбе — Мануйловке гостил тогда у нашей родственницы Николай Филиппович Христианович, человек выдающийся по своему уму и музыкальному таланту — ученик Листа, прелестно сочинявший и импровизировавший. Память его, как светлого

художественного деятеля, еще жива в Полтаве, где он жил и где теперь похоронен, — и вечно останется в благодарных сердцах его многочисленных учеников, которых он учил даром, по любви к искусству. Остроумный и вместе с тем задушевный, он был лучом солнца в нашей глуши» (Капнист П. И. Соч. М., 1901, т. 1, с. CC—CCI).

О взаимоотношениях Фета и Христиановича Оболенский говорит очень скупо: «...к Христиановичу и любил изредка приезжать Фет. Здесь он находил себе слушателей, мог и сам послушать многое».

А послушать Фет мог не только блестящее исполнение произведений Шопена. Иногда его ожидал сюрприз: новый романс на его стихи, написанный Христиановичем. Судя по изданиям П. И. Юргенсона, в 1866—1875 гг. Христианович написал семь романсов на стихи Фета. Но скорее всего их было гораздо больше, потому что он редко отдавал свои сочинения в печать.

Три письма Христиановича, хранящиеся в Отделе рукописей ГБЛ, адресованные Фету и его жене в разные годы, позволяют утверждать, что их отношения носили близкий, дружеский характер. Связывала их не только любовь к музыке и поэзии, но и взаимные симпатии людей, превыше всего ценящих в жизни искусство и красоту и служащих им, несмотря ни на какие жизненные препятствия. Вероятно, Христианович помогал Фету в его судебных делах советами и консультациями, так как поэт не имел юридической подготовки.

Письма Христиановича содержат новые ценные сведения о жизни Фета. Мы узнаем, что летом 1872 и 1873 гг., а может быть, и в другие годы семья Христиановича снимала родовое имение Шеншиных Клейменово, принадлежавшее несовершеннолетней племяннице Фета О. В. Шеншиной, опекуном которой он был. Интересно сообщение Христиановича, что на вечере в Орле исполнялся его романс на слова Фета. Очевидно, это был не единичный случай.

Исключительно важное значение имеет письмо от 26 января 1889 г. Расставшись с Фетом в 1876 г. и живя в «глуши», Христианович остался поклонником таланта поэта, следил за его литературной деятельностью. Об этом говорит краткая, но очень точная оценка всего творчества Фета.

Упоминание о Фете как чтеце «Фауста» — единственное пока свидетельство о чтении поэтом этого произведения в дружеском кругу. Можно предположить, что Фет читал «Фауста» в оригинале (он прекрасно знал немецкий язык) и что это чтение он сопровождал своим переводом.

Письмо А. Калачовой к Н. С. Стромилову. 1887 г.

Калачова А. Письмо Стромилову Н. С. / Публ., [вступ. ст. и примеч.] Е. В. Неберекутиной // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 243—245. — [Т.] II—III.

Николай Семенович Стромилов (1842—1895), последние годы своей жизни являвшийся Александровским уездным предводителем дворянства, известен также как исследователь

Александровским уездным предводителем дворянства, известен также как исследователь Владимирского края, историк и библиограф. В широкий круг его научных интересов входила и генеалогия. В 1887 г. он издал очерки о своем роде «Род Стромиловых. XIV—XIX вв. Сказание, исторические деятели, поколенные росписи и герб». Кроме того, им были написаны некоторые статьи для «Родословного сборника русских дворянских фамилий» В. В. Руммеля.

Н. С. Стромилов, собирая материал для своих очерков, вел большую переписку с представителями рода Стромиловых. Его интересовали различные семейные предания, сведения о существовании сел и деревень с названием «Стромиловка» или «Стромилово», сведения о местах захоронения Стромиловых и т. п. Он продолжал поиски интересующих его материалов и после издания работы о роде Стромиловых, о чем свидетельствует и публикуемое ниже письмо А. А.

Калачовой, жены председателя Юрьевского общества сельского хозяйства Владимира Васильевича Калачова. В семье А. А. Калачовой, по материнской линии происходившей из рода Стромиловых, сохранилось предание о ее прабабушке, которая по приказу Емельяна Пугачева была казнена вместе со своими сыновьями, но чудом осталась в живых.

Это семейное предание согласуется и с официальным источником. В период подавления Крестьянской войны 1773—1775 гг. командующим правительственными войсками графом П. И. Паниным* были собраны и отправлены в Петербург поименные ведомости погибших, составленные в канцеляриях тех городов, которые были захвачены восставшими**. В приговоре руководителям Крестьянской войны — в «Сентенции о наказании смертною казнию изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников»*** указывалось, что сводные сведения о всех погибших будут выпущены отдельными списками****. Эти сводные сведения получили название «Описание, собранное поныне из ведомостей разных городов, сколько самозванцем и бунтовщиком Емелькою Пугачевым и его злодейскими сообщниками осквернено и разграблено Божиих храмов, также побито дворянства, духовенства, мещанства и прочих званий людей, с показанием кто именно и в которых местах».

Среди погибших в Пензенском уезде в «Описании» указаны «...прапорщика Александра Стромилова дети, сыновья Михаила, Николай, дочь Авдотья, да брат родной Сергей»*.

Впервые «Описание» стало известно широкому кругу читателей по переводному роману «Ложный Петр III», вышедшему в 1809 г., затем его опубликовал А. С. Пушкин в «Истории Пугачева» в 1834 г., откуда этот документ стал известен и Н. С. Стромилову, использовавшему его при составлении поколенных росписей рода Стромиловых.

Однако семейное предание несколько расходится с официальным документом. Первое называет погибшими трех сыновей А. Стромилова, а второй — брата, двух сыновей и дочь. Какая из версий более точная, решить очень трудно, но следует отметить, что Н. С. Стромилов, следовавший в своих родословных росписях официальной версии, не внес в них изменений и после получения письма А. А. Калачовой**.

А. Калачова — Н. С. Стромилову

Вёски1 29 сентября 1887 года

Милостивый Государь, Николай Семенович.

Премного благодарю Вас за присланные и составленные Вами «Очерки рода Стромиловых». Извините, что долго не отвечала на Ваше любезное письмо. Причиной этому было мое продолжительное отсутствие из Весок, куда я вернулась только в конце сентября месяца, и спешу сообщить Вам то, что знаю на Ваши вопросы.

Анастасия Александровна, урожденная Стромилова2, была мне родная бабушка, мать моей покойной матери Варвары Матвеевны. Родилась она в 1874 году3, в год Пугачевского бунта. Похоронена в селе Никульском Юрьевского уезда в самой церкви, где похоронен и муж ея

Похоронена в селе Никульском Юрьевского уезда в самой церкви, где похоронен и муж ея Матвей Платонович Мусин-Пушкин4. От покойной моей матери я слыхала, что мать Анастасии Александровны попала в руки Пугачева, который в глазах ея приказал расстрелять трех ея сыновей, а затем ее. Все тела их были сброшены в кучу. На другой день этого произшествия какой-то крестьянин ехал мимо трупов и услыхал слабые стоны, остановился и вытащил из-под телов не совсем добитую Стромилову, положил ее к себе на дровни, отвез к себе домой, привел ее в чувство и спрятал ее от злодея в подполье, где она оправилась от ран, но осталась на всю жизнь кривая, так как один глаз оказался простреленным. В это время она была беременна Анастасией Александровной, которая впоследствии вышла замуж за дедушку моего Мусина-Пушкина и жила в Вошне5, где и скончалась.

В Саратовской губернии Петровского уезда есть деревня Стромиловка, бывшая вотчина Анастасии Александровны, от которой по наследству досталась сыну ея Николаю Матвеевичу Мусину-Пушкину. После составления Уставной грамоты6 земля господская, оставшаяся за наделом крестьян, кажется, уже продана, что Вы можете узнать от Александра Федоровича Янхен, которому досталась Стромиловка и земля после Николая Матвеевича Мусина-Пушкина.

Адрес Янхен: Черниговская губерния Новозыбковского уезда посад Климово.

Если эти краткие сообщения мои будут для Вас небезынтересны, я буду очень рада. Когда случится Вам быть в наших краях, я была бы очень счастлива видеть Вас у себя и вспомнить то время, когда Вы навещали нас. С совершенным к Вам почтением имею честь быть готовая к услугам

А. Калачова

Примечания

Публикуется по автографу, хранящемуся в ОПИ ГИМ (ф. 195, ед. хр. 175, лл. 36—38).

1 Село Юрьевского (Польского) уезда Владимирской губернии.

2 Стромилова Анастасия Александровна, дочь Александра Стромилова. В работе Н. С. Стромилова он указан под № 28 по списку тех Стромиловых, которые не вошли ни в одну из росписей. Всего насчитывалось четыре ветви Стромиловых (см.: Стромилов Н. С. Род Стромиловых, с. 20).

3 Следует читать в «в 1774 году».

4 Мусин-Пушкин Матвей Платонович, прапорщик, умер в 1810 г.

5 Село Юрьевского (Польского) уезда Владимирской губернии.

6 Документ, определявший отношения помещика с временнообязанными крестьянами в России после отмены крепостного права в 1861 г. В грамоте указывался размер пореформенного надела и повинностей, фиксировались сведения о разверстании угодий и перенесении усадеб.

Публикация Е. В. НЕБЕРЕКУТИНОЙ

Письмо Д. С. Мережковского к А. А. Волынскому. 1891 г.

Мережковский Д. С. Письмо Волынскому А. Л. / Публ. [и примеч.] Н. К. Пушкаревой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 245—246. — [Т.] II—III.

С.-Петербург

19 Октября 91.

Аким Львович!

Когда я прочел Вашу статью о Толстом1, мне хотелось написать Вам тотчас, но потом я решил не писать под первым впечатлением, чтобы обдумать каждое слово. Теперь я, успокоившись еще более уверен — это не только Ваша лучшая статья, но и одно из крупных литературных явлений последнего времени. Я чувствую потребность Вам это сказать, потому что долгое время был несправедлив к Вам. И я теперь понял, почему я был несправедлив и скажу Вам откровенно: я

знаю, что Вы не разсердитесь. Я глубоко Русский, Вы глубоко Еврей. Существует какая-то странная, необъяснимая и как Вл. Соловьев верно говорит, «зоологическая» сила, которая отталкивает семитическую и арийскую расу и вместе с тем притягивает их друг другу. Поймите: Евреи как великий, страдальческий и несправедливо гонимый народ привлекает меня, как мне чуждый, далекий и вместе с тем бесконечно близкий: своей мистической верой в Божественную Тайну. Евреев сближает со Славянами глубокий, если можно так выразить неутолимый мистицизм, жажда религии. Вот почему в моем чувстве к Вам всегда боролось два элемента, две стихии — симпатия к тому общечеловеческому, что есть в Еврейском идеале, в таких величайших мировых книгах, как Иов, Пророк Исайя. Я искренне люблю Ваше горячее увлечение Спинозой и ту логическую, немного мне чуждую и все таки благородную страсть, с которой Вы, жестикулируя, говаривали, что внешнего мира не существует, что он мираж. Но когда дело касалось темперамента, литературных вкусов и суждений, не содержания, а формы мыслей, тех прирожденных симпатий и антипатий, неуловимых и безконечно значительных оттенков духа, которые определяют национальность, я чувствовал, что Вы от меня уходите, я чувствовал, что мы чужие, мне казалось, что мы говорим на двух разных языках и это мне было тем более прискорбно, тем более меня раздражало, что другой стороной Вашего существа Вы были мне близки. Я знаю, что из-за этого не следовало мне быть несправедливым к Вам, но что-же делать все мы слабые люди и та часть «миража», которую мы называем народом, имеет такую великую власть над нашим сердцем!

Ваша живая и сильная статья о Толстом показала мне еще больше, что мы идем по одной дороге. Я почти уверен, что этой статьи не почувствуют у нас и не оценят в литературе, как следует. Но знайте, что Ваши слова не останутся без отклика. Я со многим не согласен в этой статье, но ее основа, ее сущность для меня, а следовательно и для других, похожих на меня, родственная. Я как будто вдруг услышал заблудившись темной ночью голос живого человека и мне важно, что человек этот совсем по другой тропинке, с другого места увидел тот же свет, который я вижу и он подает мне голос: «вот где свет!» Что касается до самого Толстого, то мне кажется он для Вас только предлог, Вы по поводу его высказываете себя, причем думая хвалить его, с философской точки зрения уничтожаете. И знаете-ли: здесь опять повторение спора отцов и детей. Вы уже одной страшно важной умственной чертой современне, ближе к нашему еще не изображенному поколению детей, чем к поколению Толстого, т. е. наших отцов. Вы уже откровеннее мистик-философ. Вы уже сознательно дерзаете верить в Бога и в Божественную Тайну, не справляясь с кодексом модного в 60-е годы скептицизма. А Толстой не дерзает. Он и любит и стыдится Бога, как будто сидит перед Писаревым и Малешоттом2, перед таким холодным, как северное небо, трезвым и казарменным ученым «здравым смыслом» Великороссов, перед той гаденькой, пошленькой насмешечкой доныне распространенной в идеологической и бездарной так называемой «русской молодежи», которую я ненавижу и которая Потапенку3 считает куда больше Гончарова и Чернышевского куда больше Сократа.

Напишите, когда можно Вас видеть или зайдите. Мне хочется поговорить и передать Вам на словах благодарность за Вашу статью,

Крепко жму Вашу руку Д. Мережковский

Примечания

Автограф письма хранится в Отделе рукописных фондов ГЛМ (ф. 9, оп. 1, ед. хр.43).

1 Имеется в виду статья А. Л. Волынского «Нравственная философия гр. Л. Толстого» (Северный Вестник, 1891, № 10).

2 Молешотт Яков (1822—1893), немецкий ученый, автор книги «Круговорот жизни в природе».

3 Потапенко Игнатий Николаевич (1856—1929), писатель, драматург.

Публикация Н. К. ПУШКАРЕВОЙ

Письмо Л. Н. Толстого в редакцию американской газеты

Письмо Л. Н. Толстого в редакцию американской газеты «North American Newspaper» / Публ., [вступ. ст. и примеч.] Ф. А. Петрова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 246—248. — [Т.] II—III.

В коллекции документальных материалов ОПИ ГИМ по истории науки и культуры России XVIII—XX вв. хранится письмо Л. Н. Толстого в редакцию американской газеты «North American Newspaper»*. Письмо написано рукой Толстого на английском языке, чернилами, на листе бумаги, 4°.

Это письмо было ответом на телеграмму из американской газеты от 1 (14) февраля 1904 г., в которой Толстого спрашивали в связи с началом русско-японской войны: «Сочувствуете ли Вы России, Японии или никому?» В полном собрании сочинений Толстого письмо было опубликовано по копировальной книге (№ 6, л. 63), с датой «1904. Февраля 9/22»**. Текст был написан рукой Григория Моисеевича Беркенгейма (1872—1919), который в 1903—1904 гг. жил в Ясной Поляне в качестве личного врача семьи Толстых.

Сравнение этого текста с автографом письма Толстого из собрания ОПИ ГИМ обнаруживает весьма существенные, на наш взгляд, разночтения. Так, в опубликованном варианте написано:

«I am neither for Russia, nor for Japan, but for labouring people of both, deceived by governments...», т. е. «Я ни за Россию, ни за Японию, а за рабочий народ обеих стран, обманутый правительствами...»

Между тем, как явствует из подлинника письма Толстого, он был «not for Russian nor Japanese governments», то есть «ни за русское, ни за японское правительства» (курсив наш. — Ф. П.).

Л. Н. Толстой — в редакцию

«North American Newspaper»

Philadelphia

North American

Newspaper.

I am not for Russian nor Japanese governments, but for deceived labouring people of both country, obliged to fight against their welfare, conscience and religion.

Tolstoy

Перевод

Филадельфия

«Норт Американ Ньюспейпер».

Я ни за русское, ни за японское правительства, но за обманутый рабочий народ обеих стран, вынужденный воевать против своего благополучия, совести и религии.

Толстой

Сообщил Ф. А. Петров

Шуточные стихи Ф. Е. Корша

[Корш Ф. Е.] Шуточные стихи Ф. Е. Корша / Публ., [вступ. ст. и примеч.] Ф. А. Петрова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 248—251. — [Т.] II—III.

В архиве известного русского юриста и писателя Николая Васильевича Давыдова хранится стихотворение, написанное Федором Евгеньевичем Коршем (1843—1915), филологом, профессором Московского университета. Это стихотворение не подписано, но достоверность руки подтверждается сравнением с письмами Корша из собрания «Материалы по истории науки и культуры России XVIII — нач. XX вв.»*. Стихотворение снабжено шуточной надписью: «Конфиденциально. Его превосходительству Николаю Васильевичу Давыдову. Прокламация неизвестного злоумышленника, сочиненная для расклейки на столбах всероссийского просвещения 12 января 1905».

150-летний юбилей Московского университета совпал с такими событиями, как начало первой русской революции и русско-японская война, о которых несколько раз говорится в тексте стихотворения.

Представляется, что этот документ отражает настроения значительной части университетской профессуры в сложный, драматический период истории России.

12 (25) января 1905 г.

1. Годовщина давняя

Университета...

Не чета она другим:

Эта быть могла б одним

Пушкиным воспета.

2. Он лишь пламенным стихом

Все, что в нас назрело,

Все, чем университет

–

Горд и силен, — он, поэт,

Выразил бы смело.

3. Полтора столетия

Наш приют науки

Насчитал себе в сей день —

Видел солнце, видел тень,

Торжества и муки.

4. Вспомнить прошлое его

Радостно и больно:

Вкруг царили тьма и гнет,

Но и враг ему почет

Воздавал невольно.

5. Под грозою всяких бед

Мирные витии,

Наши деды и отцы,

Лили свет во все концы

Матушки-России.

6. И твердил иной в глуши

Жмудской иль Мордовской

В знак своих духовных прав,

Гордо голову подняв:

«Я — студент Московский».

7. Старший русский храм наук,

Славный и любимый,

Не сочтет и лучший друг

Всех святых твоих заслуг

Пред страной родимой.

8. Там и сям ты сон прогнал,

Пыль и грязь повытер;

Хвал тебе платили дань

Киев, Харьков и Казань,

А подчас — и Питер1.

9. Как тебя не задушил

Мрак отчизны нашей?

Рос и цвел ты, но зато

Рад давно был кое-кто

Съесть тебя хоть с кашей.

10. Но нашлась-таки змея

С твоего же лона.....

Поднялись толпы врагов,

Во главе их — сам Катков2,

Штатский царь без трона.

11. Мы боролись, как могли,

Устно и в печати,

Но нам ясно был внушен

Текст о том, что на рожон,

Есть жестоко прати.

12. Сочинили нам устав3

Горше пуль японских:

Муть пошла и ложь и страх,

И мы грустно на реках

Сели Вавилонских.

13. Где наш выборный уклад?

Где права Совета?

И притом единство касс...

А за все ругает нас

Наша же газета4.

14. Выбран нами кандидат,

Кафедра готова. —

Нет, дождись, братец, когда

Даст ярлык тебе Орда

Чрез городового.

15. В ней источник всяких благ

Да грошовых выдач.

Так, овец словесных, нас

Патриархом древним пас

Граф Иван Давыдыч5.

16. Но входили иногда

В стачку два министра

И, вдвоем вопрос решив,

С тем, кто нравом был строптив,

Расправлялись быстро6.

17. Нас пришибла, развела

Вечная облава;

Нам не верил уж студент...

Заслужили монумент

Авторы устава.

18. Их мечта — чтоб идеал

Заменила шкура,

Русский университет

Пал десятка за два лет

Раньше Порт-Артура.

19. Что ж? Поднимем хоть теперь

Мы свой голос дружно:

Alma mater — тот же храм,

Уваженья больше нам

И свободы нужно.

20. И во славу нашего

Университета,

Хоть «отложен» юбилей,

В ожиданьи лучших дней

Грянем «Много лета».

Примечания

Публикуется по автографу, хранящемуся в ОПИ ГИМ (ф. 202, ед. хр. 4, лл. 19—22).

1 Московский университет был основан в 1755 г., Казанский — в 1804 г., Харьковский — в 1805 г., Петербургский — в 1819 г.

2 М. Н. Катков (1818—1887), окончивший Московский университет в 1838 г., был редактором газеты «Московские ведомости». На ее страницах проводил кампанию за пересмотр университетского устава 1863 г. и ограничение автономии.

3 Имеется в виду устав 1884 г.

4 До 1909 г. «Московские ведомости» считались печатным органом Московского университета.

5 Имеется в виду И. Д. Делянов (1818—1897), министр народного просвещения в 1882—1897 гг.

6 В 1880-е гг. из-за «политической неблагонадежности» покинули университет ученые-юристы С. А. Муромцев и М. М. Ковалевский. В 1898 г. был уволен «за выслугой лет» К. А. Тимирязев.

Публикация Ф. А. ПЕТРОВА

В. А. Жуковская. Мои воспоминания о Григории Ефимовиче Распутине. 1914—1916 гг.

Жуковская В. А. Мои воспоминания о Григории Ефимовиче Распутине, 1914—1916 гг. / Публ., [вступ. ст. и примеч.] Т. Латыповой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 252—317. — [Т.] II—III.

Уникальной биографии Григория Ефимовича Распутина (1872—1916) посвящено немало мемуарных страниц. Свою лепту внесла и Вера Александровна Жуковская (урожд. Микулина) (1885—1956), в пору описываемых событий пробовавшая свои силы на литературном поприще. Уже будучи автором сборника рассказов «Марена» (Киев, 1914), молодая писательница, заручившись рекомендациями своего дяди, знаменитого ученого Н. Е. Жуковского, принимавшего участие в ее судьбе, представилась историку-расколоведу А. С. Пругавину. Свой интерес к нетрадиционным формам религиозного сознания Жуковская объяснила замыслом нового романа. Найдя в Пругавине лицо заинтересованное, она, благожелательно принятая в доме Распутина, стала для Историка источником информации о жизни «старца».

Интерес Пругавина к этой личности, сыгравшей не последнюю роль в трагическом финале династии Романовых, был непреходящим. В 1915 г. он опубликовал в журнале «Русская Иллюстрация» документальную повесть «Около старца», где Жуковская описана под именем Ксении Владимировны Гончаровой. Отдельное издание было осуществлено в 1916 г. под названием «Леонтий Егорович и его поклонницы». Судьба этой книги печальна — почти на весь

ее тираж был наложен арест. Второе издание вышло под заголовком «Старец» Григорий Распутин и его поклонницы» уже в 1917 г. Сюжет повествования был прост: знакомство автора с госпожой Гончаровой и подробное воспроизведение всего виденного и слышанного ею. «...Я более всего заинтересована, — говорила Гончарова, объясняя причины своего обращения к столь неординарной стороне жизни, — тем религиозным брожением... или, может быть, точнее будет сказать, тем поветрием, которое наблюдается теперь в разных слоях нашего общества и которое я затрудняюсь охарактеризовать одним каким-нибудь термином. Словом, я имею в виду то полное мистицизма и суеверия брожение, которое выдвинуло у нас разных «прозорливцев», выступающих в роли религиозных подвижников, выдвинуло разных «пророков», юродивых, блаженных». Автор повести дает героине следующее напутствие: «Вам предстоит нелегкий труд разобраться в этом диком конгломерате мистицизма, эротомании и политики, распутать этот клубок религиозных порывов и половых, сексуальных эмоций, переплетающихся с реакционными вожделениями и заданиями». Главы документального повествования Пругавина в значительной степени соотносимы с первыми тремя главами воспоминаний Жуковской, написанных, вероятно, десятилетие спустя, на основе дневников.

Перу Жуковской принадлежат еще две книги: повесть «Сестра Варенька» (М., 1916) и сборник рассказов «Вишневая ветка» (М., 1918). Перипетии личной жизни в 20-х гг., неудачи в публикации своих произведений решили ее литературную судьбу. После ранней смерти мужа в 1924 г. Жуковская порывает с городской суетой и перебирается на жительство в сельцо Орехово Владимирской губернии, в места, издавна связанные с родом Жуковских. Отойдя от активной литературной деятельности, она почти всецело посвятила себя заботам об увековечении памяти Н. Е. Жуковского.

Влад(имирский) округ

Село Ставрово

Деревня Орехово1

Оглавление

Глава

I.

Мое первое свидание с Распутиным

II.

Посещение Распутина с А. С. Пругавиным

III.

«Радение» с Лохтиной

IV.

Распутин о своей «тайне»

V.

Разговор о цветочном магазине

VI.

Распутин о своем «преображнении»

VII.

Старческое «окормление»

VIII.

Распутин о назначении Питирима

IX.

Распутин о созыве думы в ноябре 1915 г.

X.

Ольга Владимировна Лохтина

XI.

Последнее свидание с Распутиным

XII.

Семейство Головиных

Предисловие

Настоящие записки составлены мною по дневникам, которые я раньше вела ежедневно. Во время моих встреч с Распутиным я, вернувшись домой, записывала все слышанное и виденное, а т. к. память у меня вполне удовлетворительная, то некоторые записи представляли собою почти стенографическую точность.

Во время моего знакомства с Р. я была еще очень молода и поэтому, конечно, относилась ко всему в жизни довольно поверхностно. Р. интересовал меня, главным образом, со стороны своего воздействия на людей, ничем не заинтересованных в его влиянии, и этой-то стороне уделена наибольшая часть моих записок. О ней же, должна сказать, почти не упомянуто во всей посвященной ему до сей поры литературе. Одна книжонка «Из недавнего прошлого»2, принадлежащая перу посещавшей Р. дамы, хотя и пытается осветить личность Р., но в ней слишком явно выражено желание отмежеваться от впечатления, производимого Р., и в некоторых случаях она явно не соответствует истине. Так, в одном месте дама пишет о гнилых зубах и зловонном дыхании Р., но как3 раз зубы были у него безукоризненные и все до одного целы, а дыхание совершенно свежее. Вообще надо иметь мужество признать, что Р. была натура во всяком случае исключительная и обладал он огромной силой. Это даже признает М. Н. Покровский4, а его-то уже никак нельзя обвинить в пристрастии к Р.

Я очень сожалею, что я не политик и не историк — тогда бы я, конечно, извлекла гораздо больше из трехлетнего знакомства с Р., но и то, что я там слышала и видела, не занимаясь исследованиями и расспросами, настолько не похоже на все то, что мы имеем в обыденной жизни, что всякий, кто прочтет эти записки, так или иначе почувствует весь кошмар последних дней русской монархии и жизни ее «высшего света».

В. Жуковская

Глава I

1914 г.

1914 г.

Мое первое свидание с Распутиным

О Р. я услышала в первый раз в К(иеве). Я тогда только что кончила гимназию и, заинтересовавшись благодаря случайному знакомству одной из отраслей сектантства, посещала тайком собрания Божиих людей, как они себя называли (много позже я узнала, что их же зовут хлыстами в сектантской литературе).

И вот там, на окраине города, однажды, во время обычного вечернего чая с изюмом, любимого напитка божиих людей, Кузьма Иваныч, так звали хозяина, вдруг повел речь о старце Григории Распутине. Из этой речи, полной неясных образов и довольно сумбурной, какими вообще всегда бывают речи пророков людей божиих, я поняла, что этот старец куда-то обманом втерся, кого-то надул и что очень Россия от него пострадает, потому что он продает божий дар, что ему было много дано и все взыщется. В конце своей обличительной речи Кузьма Иваныч заметил, что вначале кажется, словно на кривде дальше уедешь, чем на правде, но что потом заплатишь за все сторицею; при этом он как пример привел нашу православную церковь, где все построено на лжи, а, между прочим, она стоит уже вторую тысячу лет. «Но погодите, братья и сестры! — вдохновенно воскликнул он, — расплата ждет, и будет она побита тем же оружием, которым защищалась, и во многом здесь поможет Григорий». Я спросила его, кто такой этот старец. Прищурив свои яркие глаза (у всех хлыстов глаза совершенно особые: они горят каким-то жидким переливчатым светом, и иногда блеск становится совершенно нестерпимым), он сказал усмехаясь: «Какой он старец, ему и пятидесяти лет нет. Это его епископ Феофан5 расславил: старец да старец, а «старец» такими делами занимается, что только кучеренку какому-нибудь под стать; спохватился Феофан, да поздно: пошел разоблачать, а Гриша к тому времени укрепился где надо и самого Феофана ссунул. Теперь до него рукой не достанешь, у царей свой брат стал. Слушок был в свое время, что он Алешуб излечил, не совсем, а все же подходяще, и что царица святым его считает, а только враки, ведь темный он». — «Что значит «темный»?» — спросила я, затая дыхание, но ответ получила нескоро. Долго молчал Кузьма Иваныч, а потом неясно и запутанно стал говорить. Мало можно было понять из его слов, но выходило так, что, выбирая пророка, божий люди налагают на него искус: 33-дневный пост, который он проводит в затворе, получая лишь через известные промежутки хлеб и воду. После этих дней открывают тайник, в самую полночь, на большом соборе, т. е. на собрании всех братьев и сестер, и он выходит или светлым или темным, иными словами, преодолел он искушение или нет, одолел его враг, или он покорил его себе, и, сообразно с этим, бывает или торжество духа среди собравшихся или общее падение и — жестокий бич хлыстовства — общий свальный грех. «А почему вы думаете, что Распутин темный?» — спросила я, все еще не вполне понимая сущность дела. Кузьма Иваныч опять усмехнулся как-то вовсе не весело и сказал нехотя: «Он с нашими братьями был, а только мы отреклись от него: в плоть он дух зарыл». Потом промолчал и добавил как бы про себя: «Положим, горевать очень не приходится, не все ли одно. Там наверху и так плутни много, теперь одним обманщиком больше стало, только и всего. А держит он их крепко, сознаться надо». — «А чем?» — спросила я. «Поезжай да посмотри сама. Приглядись, авось что ни то и поймешь», — загадочно сказал Кузьма Иваныч и свел разговор на другое.

Сильно заинтересованная этими таинственными намеками и рассказом Кузьмы Ивановича, воротилась я домой и решила при первой же возможности увидать Р. и понять, в чем тут дело. Случай скоро представился, я поехала в Петроград. Здесь я начала с того, что пошла к известному исследователю сектантства А. С. Пругавину, надеясь получить от него нужные мне сведения о Р. Я не ошиблась: Пругавин знал все, что вообще можно было внешне знать о Р., — ближайшим другом которого являлась Анна Александровна Вырубова7, интимнейшая подруга царицы, — одной записки которого, написанной крупными, корявыми буквами неверной, будто детской или пьяной, рукой к любому из министров, было достаточно, чтобы просителя немедленно удовлетворяли согласно его желанию. О близости к нему царицы и о его диких ночных оргиях под шумок говорил весь город, но громко никто не смел сказать слова из опасения, что слово это потом жестоко ему отплатится. А он сам, окопавшись где-то в самом

сердце одурелой столицы, делал свое тайное темное дело. Какое? Вот это-то я и хотела понять. Это я сказала Пругавину. Он с большим огорчением посмотрел на меня и стал просить отказаться от моего намерения познакомиться с Р., т. к. последствия этого знакомства могут стать для меня гибельными. Но я повторила, что решила это твердо, и даже попросила его узнать мне адрес и телефон Р. «Пусть будет по-вашему, — со вздохом согласился Пругавин, — я сделал все, что мог, чтобы предостеречь вас, теперь я умываю руки».

На другой день он сообщил мне по телефону адрес и телеф(он) Р., он жил тогда на Английском проспекте № 3, а телефон был 646 46. Я, конечно, не стала мешкать и тут же позвонила по апокрифическому телефону. Я случайно попала в редкую минуту, когда телефон Р. был свободен — как я увидала впоследствии, дозвониться к Р. было так же трудно, как выиграть в

лотерею. Минутку постояв с, надо сознаться, сильно забившимся сердцем у телефона, я услыхала сиповатый говорок: «Ну кто там? Ну слушаю». Спрашиваю чуть дрогнувшим голосом: «Отец Григорий?» — «Я самый и есть, ну кто говорит? али незнакома?» — «Говорит молодая дама. Я очень много о вас слышала. Я нездешняя, и мне очень хочется вас увидать: можно?» — «А откеле ты звонишь-то?» — с готовностью отозвался Р. Я сказала. «Знашь што? — заторопился он. — Приезжай ко мне сичас, хошь? — голос его выражал нетерпение. — А ты кака? красива?» — «Посмотрите!» — засмеялась я. «Ну скорее, скорее, приезжай, душка, ну ждать буду. Через полчаса приедешь? не можешь? ну через час, живее, душка!»

Менее чем через час я входила в подъезд огромного серого дома на Английском. Какое-то жуткое чувство охватило меня в этом широком светлом вестибюле. Внизу стояли рядом чучела волка и медведя; подъеденные молью, потрепанные шкуры вольных лесных хищников казались такими жалкими на фоне декадентского окна, на котором засыхал куст розового вереска, наполовину оголенные ветки его сиротливо выглядывали из-под безобразных зеленых бантов. Лифт остановился на самом верху. Отворив дверцу, швейцар указал мне на одну из высоких желтых дверей: Вам к Распутину! — и лифт сейчас же начал спускаться вниз, а я вспомнила, что он не спросил меня внизу, к кому я пришла.

На звонок мне отворила невысокая полная женщина в белом платочке. Ее широко расставленные серые глаза глянули неприветливо: «Вам назначено?» — «Да!» — «Ну входите. Нет, здесь не раздевайтесь, — прибавила она, видя, что я направилась к вешалке, — снимете там, если хотите». После я узнала, что привилегия раздеваться в передней давалась только тем посетителям, которые считались своими и проходили не в «ожидальню», так называлась приемная для просителей, а во внутренние комнаты.

«Гр. Еф. еще не вернулся от обедни», — затворяя за мной дверь в ожидальню, проворчала женщина. Большая комната была почти пуста, если не считать нескольких стульев, расставленных около стен далеко друг от друга, обиты они были грубым кретоном в новом стиле. Огромный неуклюжий буфет около нелепо раскрашенной печи с какими-то зелеными хвостами у карниза. В комнате трое посетителей: д(ействительный) с(татский) с(оветник) в вицмундире со звездой, плешивый, в золотом пенсне, неопределенный субъект в очень плохом костюме с всклокоченной бородой и разными глазами. А у самой двери, присев на кончике стула, бледная девушка в старой, обшитой барашком кофточке и кругленькой шапке.

Дверь из передней отворилась, и недовольный женский голос крикнул: «Мара!»8 Из внутренних комнат пришла на зов, сутулясь и раскачивая бедра, высокая девочка в гимназическом платье. Подойдя к двери, она повернулась и несколько секунд пристально всматривалась в меня, и я смотрела на это белое широкое лицо с тупым животным подбородком и нависшим низким лбом над серыми угрюмыми глазами с бегающими в них мгновенными искрами. Волосы ее, тусклые, безжизненные, были завиты крупными локонами, и она нетерпеливо взмахивала головой, отгоняя от глаз низко подстриженную челку. Каким-то хищным звериным движением она провела острым кончиком языка по широким ярко-красным губам полуоткрытого, точно вывернутого рта, судорожно зевнула и скрылась в передней. Опять все затихло, яркое зимнее солнце

ослепительно блестело на бездарной позолоте рыночной мебели и назойливо синем карнизе.

Дверь из передней приоткрылась, и шмыгая туфлями, поспешно, как-то боком вскочил Распутин. Раньше я не видала даже его портрета, но сразу узнала, что это он. Коренастый, с необычайно широкими плечами, он был одет в лиловую шелковую рубашку с малиновым поясом, английские полосатые брюки и клетчатые туфли с отворотами. Лицо его показалось мне давно знакомым: темная морщинистая кожа обветренного, опаленного солнцем лица его складывалась теми длинными узкими полосами, какие мы видим на всех пожилых крестьянских лицах. Волосы его, небрежно разделяющиеся на пробор посередине, и довольно длинная, аккуратно расчесанная борода были почти одного темно-русого цвета. Глаз его я не разглядела, хотя, войдя, он тотчас же взглянул на меня и улыбнулся, но подошел к субъекту в плохо сшитом костюме. «Ну што надо-то, ну говори, — спросил он негромким своим говорком, склоняя голову несколько набок, как это делают священники во время исповеди. Проситель стал излагать какое-то запутанное дело, из его слов я поняла, что это был сельский учитель, т. к. он несколько раз упомянул, что ему все сделала бы записочка к товарищу министра Нар(одного) просв(ещения). Нахмурясь, Р. сказал нехотя: «Ох, не люблю я просвещении этих. Ну постой, ну ладно, ну жди, напишу». Затем он подошел к д(ействительному) с(татскому) с(оветнику), но тот попросил разговора наедине. Р. посмотрел было в сторону вставшей, как все сделали при его входе, девушки, робко стоявшей у притолоки, но потом повернулся и направился ко мне. Подойдя совсем вплотную, он взял мою руку и наклонился ко мне. Я увидала широкий, попорченный оспой нос, скрывающиеся под усами узкие, бледные губы, а потом мне в глаза заглянули его небольшие, светлые, глубоко скрытые в морщинах. На правом был небольшой желтый узелок. Сначала и они показались мне совсем обычными, но уже в следующую минуту мне стало неловко и я почувствовала ясно, что там, за этой внешней оболочкой, сидит кто-то лукавый, хитрый, скользкий, тайный, знающий это свое страшное. Иногда во время оживленного разговора глаза Р. загорались нетерпимым блеском и из них струилась какая-то неприятная дикая власть. Взгляд был пристальный и резкий, мигали его глаза очень редко, и этот неподвижный магнетический взгляд смущал самого неробкого человека. «Это ты, душка, утрием звонила?» — своим быстрым придыхающим говорком спросил Р. Я кивнула. «О чем хотела поговорить?» — продолжал он, сжимая мою руку. «О жизни», — ответила я неопределенно, захваченная врасплох, т. к. сама не знала, о чем я стану говорить с Р. Повернувшись к двери, Р. позвал: «Дуня!»9 На зов вошла смиренница в зеленой кофте и белом платочке. «Проведи в мою особую», — вполголоса сказал Р., указав на меня. «Идемте!» —

Григорий Распутин. Начало 1910-х гг.

пригласила она довольно приветливо. Мы вышли в переднюю, она повернула налево, провела мимо закрытой двери, сквозь которую слышались сдержанные голоса, и ввела в длинную узкую комнату с одним окном. Оставшись одна, я огляделась: у стены около двери стояла кровать, застланная поверх высоко взбитых подушек пестрым шелковым лоскутчатым одеялом, рядом стоял умывальник, с вделанным в дощатый белый крашеный стол тазом, по краю стол был обит белым коленкором, на краю около таза лежал обмылок розового мыла, на гвозде висело чистое полотенце с расшитыми концами. Около умывальника перед окном письменный стол, на нем плохонькая, вся залитая чернилами чернильница, несколько ручек с грязными перьями, карандаш, две бумажные коробки, полные отдельно нарванных листочков бумаги, масса записок разных почерков. На самой середине стола будильник и около него большие карманные золотые часы с госуд(арственным) гербом на крышке. У стола два кресла. Наискось от окна у противоположной стены женский туалет с зеркалом, совершенно пустой. В углу не было иконы, но на окне большая фотография алтаря Исаакиевского собора, и на ней связка разноцветных лент. И по аналогии я вспомнила хатку божиих людей на окраине К(иева): там тоже в углу не было иконы, а нерукотворный Спас стоял на окне, и на нем тоже висели ленты...

В столовой зазвонил телеф(он), дверь в нее была неплотно прикрыта, и я услышала, как Дуня нехотя спрашивала: «Кто?» Но внезапно голос ее изменился, стал угодлив, и она поспешно сказала, что позовет сейчас. Шмыгающие ее шаги в стоптанных башмаках живо простучали

мимо двери, и сейчас же из ожидальной с нею почти так же быстро зашмыгал Р. Я слышала, как она шепнула ему: «Анна Александровна», — значит, Вырубова.

Отрывистые ответы Р. ясно доносились до меня: «Ну люди у меня. Немного. Ну здоров. Ничего. Приезжай к чаю. В 6 приедешь? А когда же? Ах, занят буду. Ну ладно! Жду». Кончив разговор, он поспешно прошел через столовую и вошел ко мне, затворив плотно дверь.

Придвинув кресло, он сел напротив, поставив мои ноги себе меж колен и, наклонясь, спросил: «Что скажешь хорошего?» — «В жизни хорошего мало», — сказала я. Он засмеялся, и я увидала его белые хлебные зубы, крепкие, точно звериные. «Это ты-то говоришь! — и, погладив меня по лицу, он прибавил: Слышь, што я тебе скажу? знашь стих церковный: от юности моея мнози борют мя страсти, но сам мя заступи и спаси, Спасе мой, знашь?10» Говоря «знашь?», он быстро щурил глаза и бегло взглядывал острым хищным взглядом, мгновенно гаснувшим. «Знаю», — ответила я, недоумевая и не понимая, к чему он это сказал. «Ты постой, постой, — торопливо остановил он меня. — Я тебе все как есть докажу. Понимашь? До тридцати годов грешить можно, а там надо к Богу оборотиться, а как научишься мысли к Богу отдавать, опять можно им грешить (он сделал непристойный жест), только грех-то тогда будет особый — но сам мя заступи и спаси, Спасе мой, понимашь? Все можно, ты не верь попам, они глупы, всей тайны не знают, я тебе всю правду докажу. Грех на то и дан, штоб раскаяться, а покаяние — душе радость, телу сила, понимашь? Знашь што, поговей на первой неделе, што придет?» — «Зачем?» — спросила я. Он всполошился и близко наклонился ко мне. «Тута спрашивать неча, — забормотал он, — хошь верь тому, што я говорю, тогда слушать должна, а я тебе все скажу, всю правду докажу, ходи только ко мне почаще. Ах ты моя дусенька, пчелка ты медова. Полюби меня. Перво дело в жизни любовь, понимашь? От своно, да любимого, все примешь, всяко слово стерпишь, а коли чужой — то стану я тебе што хошь говорить, в одно ухо впустишь, а друго выпустишь. Посиди маненько, а я письмо напишу, пратецю просят».

Подойдя к столу, он взял перо и стал писать, скрипя и громко шепча каждое слово, перо вихлялось в его руке как привязанное. Буквы, крупные, кривые, он точно нарочно прилеплял к бумаге. Отрываясь от писания, подбегал и целовал меня. Я сказала наконец: «Ну долго же им придется ждать вашего письма». Р. махнул досадливо рукой: «Ох, дусенька, больно уж не люблю писаний этих, то ли дело слово живо, а то гляди, што — чиста сажа, вот только и написал», — он протянул мне записку. Там стояло нелепыми каракулями выведенное: «Милой дорогой ни аткажиистелаи празьбу можише иму дать да Григорий». — «А что же вы не пишете кому?» — спросила я. Р. как-то растерянно улыбнулся: «А нешто я всех упомню, чай сами знают, какому министру несть, а для меня все одно: милай, дорогой, — я всем так пишу. Сиди тута, сичас отдам», — и он убежал.

Вернулся Р. скоро и опять уселся против меня, сжав мои колени. Глаза его потемнели, и в них загорелся яркий блеск, наклонившись ко мне, он шептал поспешно: «Теперь не пушу тебя, раз пришла, должна теперь приходить. А то я с тобой ничего не поделаю, понимашь? Запиши-ка мне телефон свой», — заключил он, подавая мне лоскут бумаги и карандаш. Пока я писала, он, наклонясь, дышал в ухо, и едва я дописала последнюю цифру, как он спросил быстро: «Ну што же ты хотела о жизни со мною поговорить?» — «Скажите, знаете вы, в чем грех и где правда?» — спросила я. Р. посмотрел на меня с любопытством: «А ты знаешь?» — «Откуда же мне знать?» — вопросом же ответила я. Р. усмехнулся какой-то непонятной, неизвестно к чему относившейся улыбкой. «Ты, верно, книг больно много читаешь, а толк-то не всегда в книгах этих есть, другие только мутят и с ума сводят. Есть у меня одна така на твой образец, может, знаешь, в(еликую) кн(ягиню) Милицу Николаевну11. Всю-то книжну мудрость она прошла, а того, што искала, не нашла. Много мы с ней говорили, Умница она, а только покою ей не хватат. Перво в жизни любовь, а потом покой. А коли так ту безудержу жить, не получишь ты покоя. Вот она тоже о грехе спрашиват. А грех понимать надо. Вот попы, они ни... в грехе не понимают. А грех само в жизни главное». — «Почему главное?» — переспросила я недоумевая. Р. прищурился: «Хошь знать, так грех только тому, кто его ищет, а если скрозь него итти и мысли у Бога держать, нет тебе ни в чем греха, понимашь? А без греха жизни нет, потому покаяния нет, а

покаяния нет — радости нет. Хошь я тебе грех покажу? Поговей вот на первой неделе, что придет, и приходи ко мне после причастия, когда рай-то у тебя в душе будет. Вот я грех-то тебе и покажу. На ногах не устоишь!» Раскрасневшееся лицо Р. с узкими, то выглядывающими, то прячущимися, глазами надвинулось на меня, подмигивая и подплясывая, как колдун лесной сказки, он шептал сладострастно расширившимся ртом: «Хошь покажу?»

Кто-то страшный, беспощадный глядел на меня из глубины этих почти совсем скрывшихся зрачков. А потом вдруг глаза раскрылись, морщины расправились, и, взглянув на меня ласковым взглядом странников, он тихо спросил: «Ты што так на меня глядишь, пчелка?» — и, наклонившись, поцеловал холодным монашеским ликованьем.

В полном недоумении глядела я на него: ведь не во сне же я видела это темное, горящее лицо, с крадущимся страшным взглядом и слышала злорадный шепот: «Хошь покажу?» А сейчас передо мной сидит простой мудрый мужичок с залегшими крупными складками на красновато загорелой коже, и его светлые выгоревшие глаза пытливо смотрели на меня, только где-то в далекой глубине этих небольших глаз мелькал тот беспутный и заманивал и ждал... Я встала: «Мне пора идти». Р. стал удерживать. «Ну што с тобою делать, — сказал он наконец, тоже вставая и крепко обнимая. — Только, смотри, скорее приходи. Придешь, што ли? — настаивал он, провожая меня в переднюю. — А как скушно станет, так телефоном звони, я сичась и подойду. Я всегда дома, разве што только Аннушка увезет в Царско. Когда придешь, дусенька. Хошь завтра вечером приходи в половине десятого, придешь?» — «Приду».

Я шла и думала обо всем, что слышала от Р. Впечатление мое получилось крайне сумбурное, и казалось странным, почему здесь было так просто и естественно все то, что в другом месте показалось бы возмутительным и непристойным. Но, уходя, я знала твердо одно, что приду опять обязательно.

Глава II

Мое посещение Распутина с А. С. Пругавиным

На утро после того дня, как я была у Р., мне позвонил Пругавин и стал спрашивать о впечатлении, вынесенном мною из этого свидания, при этом он сказал, что сам давно уже собирается повидать Р. Вскоре мне позвонили с Английского, сначала говорил чей-то женский голос, потом подошел Р. и настойчиво просил прийти к нему в 10 вечера. Я сказала, что буду. У меня явилась мысль убить разом двух зайцев: сделать удовольствие А. С. Пругавину, дав ему возможность понаблюдать за Р. во время этого свидания, и обмануть сладострастные надежды Р. Я позвонила Пругавину, он, конечно, с радостью согласился сопровождать меня, и вечером мы поехали на Английский. На наш звонок дверь открыл сам Р. Заметив, что я не одна, он нахмурился, но я сделала вид, что не замечаю его неудовольствия. «А вот мой дядя! — сказала я весело. — Он очень хотел с вами познакомиться». Не отвечая, Р. сумрачно помогал мне раздеться и, снимая шубку, спросил шепотом: «Ты чего же это не одна пришла?» В полуоткрытую дверь столовой был виден накрытый стол, на нем, посреди двух больших ваз с фруктами, три неоткупоренных бутылки вина, обернутые тонкой розовой бумагой. Пока Пругавин раздевался, Р. поспешно вошел в столовую, взял бутылки и унес их в спальную. Мы вошли в столовую. Здесь вечером все казалось приветливее, ярко горел свет, на всех окнах цветы. Вошел Р. и хмуро спросил Пругавина: «Так ты ей дядя?» Пругавин подтвердил. «Ну што же, давай поцелуемся». Облобызавшись трижды, он усадил нас к столу и сел сам. Указывая на меня, Р. сказал, разливая чай: «Вот мы с ней вчера все спорили. Я ее убедить хочу, а она все не идет. Ну што, уверилась што ли?» — спросил он меня. «В чем?» — удивилась я. Р. погладил меня по лицу. «Ах, душка, я все тебе докажу. Ну а как насчет того, штоб поговеть?» — неожиданно закончил он. Я не ответила ничего. Р. наклонился совсем близко: «Слышь, без раскаяния душу свою не найдешь. Ты меня только слушай. С жизни пример возьми: ежели ты кого усердно просишь, наверно тебе всяк сделат». — «Смотря кого просить, — сказала я, — все, кто имеют большую власть, только раздражаются на излишние просьбы, вот, я думаю, царь не любит, когда

его просят долго, если он хочет исполнить, то и без больших просьб сделает». Р., прищурясь, посмотрел на меня: «Ты это почему царя вспомнила? он очень добрый, царь-то, я его вот ничуть не робею! Его што ни попрошу, все сделат». — «Вы ему хорошо делаете, и он вам», — медленно сказал Пругавин, как-то странно взглянув на Р. Р., привскочив, замахал руками: «Вот видать, што ты ничего не знашь: это я-то ничего не сделал плохого царю? да, думаться, во всей Рассей нет никого, кто бы ему столько зла сделал, как я, а он меня все любит». Он внезапно замолчал и подозрительно вгляделся в Пругавина: «Ты не думай о том, што я сказал, — и он хитро усмехнулся, — все одно тебе не понять, в чем дело тута. А только помни, покеда я жив, то и они живы, а коли меня порешат, ну тогда узнашь, что будет, увидишь», — загадочно прибавил он. Мы все молчали, стало невольно как-то жутко. Словно сибирский колдун приподнял завесу темного будущего, и пахнуло оттуда чем-то неизбежным, как сознанная смерть. Я встала и прошла к окну, на нем стоял богатый складень — Александр Невский, Борис и Глеб, около, на маленьком столике, роскошная корзина гиацинтов. Р. тоже встал и пошел за мной. «Все шлют мне, — сказал он и, указав на большую корзину полуувядших ландышей, прибавил как-то вскользь: Вот это царица прислала». Я невольно подумала, как равнодушно он относится к своему необычайному положению. Самомнения выскочки у него нет совсем. И, словно отвечая на мои мысли, Р. сказал: «Ах, пчелка, чем гордиться-то, все одно, все прах и тлен — помирать-то все одинаково будем, што царь, што ты, што я. Одна радость воля. На озерцы бы теперь на наши, на сибирски, в леса бы наши. Ух! высоки леса! Вот она где правда-то! вот она тайна. Ни греха не увидишь, ни страху нет — одна великая сила вольная. Вон она где!» Р. воодушевился, глаза его загорелись нестерпимым огнем, он точно вырос, и голос его окреп и звучал какой-то вдохновенной проповедью. Пругавин глядел на него не отрываясь, и я видела, как мучительно не хватает ему его письменного стола, карандаша и листочка бумаги, чтобы тут же записать слышанное. «Знашь што, выпьем вина!» — вдруг совершенно неожиданно, как он это делает всегда, закончил Р. И, быстро выбежав, вернулся, неся бутылку портвейну. «А старик твой пьет?» — спрашивал он, весело распоряжаясь, откупоривая вино, наливая в стаканы и пододвигая мне торт. Но Пругавин отказался, и Р. опять налил ему чая. Выпив стакан, Р. налил другой и, достав засунутые под поднос несколько конвертов, протянул их мне. «На-ка, прочитай-ка, што пишут». Я прочитала: все три оказались прошения, очень коряво написанные. Я попросила за одного — писаря земской управы, уволенного по наговору. «Ладно, поможем, — согласился Р. — Это к какому же министеру пратецю написать, душка? — деловито осведомился он, беря карандаш и листок бумаги, — надо быть, к Маклакову12, он ведь по губернаторам, а земство-то, оно у губернатора. Ну давай писать. Эх, горе человеку неграмотному. И коли только время тако будет, штоб у русского мужика водки не было, а грамота была». Криво, крупно Р. написал обычное: «Милай, дорогой, нагавору веры нету писаренка варатититити рибяты плачат грех да Григорий». «Много несправедливости в жизни!» — заметил Пруг. «Зато на том свету хорошо будет, — живо откликнулся Р. — Ах, велика радость поношения». — «А там адом пугают, — сказала я. — А только я в ад не верю, неправда все это!»

Р. наклонился ко мне и до боли сжал мою руку. «Это в ад-то не веришь, — спросил он шепотом. — А хошь, я тебе его покажу, ад-то?» — «Ну как вы его покажете?» — сказала я с сомнением. Выпустив мою руку, он пристально, не мигая, смотрел мне в глаза. «Не веришь? ну погодь, поверишь, я коли тяжко захочу — много могу, приходи попозже, как ни то, хошь завтра. А он у тебя старик правильный, — неожиданно обнимая меня, заключил Р., — вот я тебя при нем ласкаю, а он ничего. А я всегда так, не могу я без ласки, потому душа через тело познается, понимашь? Вот погодь, може и ты поверишь, случится с тобою чудо, ты и поверишь. В чудеса-то веришь?» — «А разве жизнь, Гр. Еф., не чудо?» — вставил неожиданно Пруг. Р. весело засмеялся: «И правда, што чудо! На самом деле, кто я таков, штоб мне с царем из одной миски хлебать? мужик, как есть серый, села Покровского, ходил без сапог! а теперь вона гляди! Приходи ко мне завтра, — обратился он ко мне, — хошь? Всяких у меня увидишь. А еще одну увидишь, ленточну бешену. — Наклонившись, он положил руку мне на колено. — Ну как, пчелка, будешь приходить? Ах ты моя ягодка!» В глазах его замелькали буйные, темные огоньки, а дыхание стало хрипло, все ближе наклоняясь, он сначала гладил, потом стал комкать грудь. Я встала: «Мне пора». Р. отпустил.

Когда мы вышли на улицу, Пругавин, крупно шагая, заговорил возмущенно: он находил, что Р. преступный тип, ловкий шарлатан, научившийся своему искусству у какого-нибудь сибирского шамана. Что в нем есть колоссальная темная сила и орудует он ею чрезвычайно ловко. Относительно женщин Пругавин думал, что дикое сладострастие Р. играет здесь решающую роль. Мы подходили к моему дому. Пругавин остановился. «А вы помните его загадочные слова? о царе? — спросил он медленно. — Вы запомните их! Что-то говорит мне, что в них разгадка этого дикого явления. Да, я думаю, Р. сыграет решающую роль в судьбе России и династии».

Глава III

«Радение» с Лохтиной

Когда я на другой день в 12 ч. пришла к Р., Дуня сказала мне, очень неприветливо, что Гр. Еф. у обедни, и опять, не дав мне раздеться в прихожей, где на вешалке уже висело множество нарядных шубок, провела в ожидальную. Через несколько минут из двери в переднюю поспешно вскочил Р., он был в нарядной голубой расшитой шелками рубашке, плисовых штанах и лакированных сапогах. «Што же это она тебя, тупорыла, к гостям-то не свела?» — торопливо забормотал он, целуя меня и увлекая за собою. Но у двери в столовую он вдруг задержался и подозрительно посмотрел на меня. «Али же лучше не надо? — колеблясь, сказал он. — Може наглядишься на нее да сбежишь от меня?» — «Если надумаю сбежать, без всякой причины сбегу, — сказала я. — А вот, может быть, вашим дамам будет неприятно, что вы приведете к ним незнакомую?» Р. нетерпеливо мотнул головой: «А мне... с ними, раз мне знакома, и им должна быть знакома. Ну идем, дусенька!»

В столовой ослепительно сверкал хрусталь на столе, и как сквозь радугу ярких зимних лучей солнца я увидала лица сидевших за столом. Подведя меня к столу, Р. сказал: «Примайте гостью, она мне больно полюбилась», — и, усадив меня в пустое кресло на краю стола, сел рядом на хозяйском месте. Поклонившись и несколько смущенная необычайной обстановкой, я украдкой осматривала собравшихся. Всех дам было около 10 и на самом отдаленном конце стола молодой человек в жакете, нахмуренный и, видимо, чем-то озабоченный. Рядом с ним, откинувшись на спинку кресла, сидела очень молоденькая беременная дама в распускной кофточке. Ее большие голубые глаза нежно смотрели на Р. Это были муж и жена Пистелькорс13, как я узнала потом, встречаясь с ними, но в следующие годы знакомства я Пистелькорса самого никогда больше не видала у Р., а только Сану. Рядом с Саной сидела Люб. Вал. Головина14, ее бледное увядшее лицо очень мне понравилось, — она вела себя как хозяйка: всех угощала и поддерживала общий разговор. Около нее сидела немолодая, но очень красивая генеральша Ливен, за ней полная, обрюзгшая Шаповальникова — владелица одной из частных гимназий, давнишний друг Р., так же часто посещавший его, как Головины15.

«Аннушку знашь?» — тихонько шепнул мне Р., подмигнув на соседку Шаповальниковой, — «Аннушка»! — так Р. звал Вырубову, — я посмотрела на нее с любопытством: высокая полная блондинка, одетая как-то слишком просто и даже безвкусно, лицо некрасивое с ярко-малиновым чувственным ртом и неестественно блестевшими большими голубыми глазами. Лицо ее постоянно менялось — оно было какое-то ускользающее, двойственное, обманное, тайное сладострастие и какое-то ненасытное беспокойство сменялось в нем с почти аскетической суровостью. Такого лица, как ее, больше в жизни я не видала и должна сказать, что оно производило неизгладимое впечатление.

Сидевшая рядом с нею Муня Головина больше других поглядывала на меня своими кроткими, мигающими, бледно-голубыми глазами. Я почему-то сразу решила, что это она, и, когда Р. позвал «Мунька», была довольна, что не ошиблась. В светло-сером шелковом платье, белой шапочке с фиалками казалась она такой маленькой и трогательной. В каждом взгляде и в каждом лове проглядывала беспредельная преданность и готовность полного подчинения.

Поглядев на соседку Муни, я несколько секунд не могла отвести взгляда от этого лица —

смуглое, почти желтоватое, с большими продолговатыми черными глазами, усталыми и гордыми, — оно казалось неживым, как лицо старинного портрета, но иногда оно вдруг все вспыхивало, и в глазах мелькала тоска неразрешимого вопроса. Она была как-то неестественно бледна, и тем ярче выделялись на этом лице тонкие губы красного рта. Одетая в лиловый шелк и маленькую шапочку из черно-синих крылышек, она сидела, спокойная и безучастная, глубоко засунув руки в горностаевую муфту. Я не спросила, кто она, и больше у Р. я ее не встречала, но узнала ее по портретам и думаю, что это была в(еликая) к(нягиня) Милица Никол., та самая, о которой Р. в первое свидание со мной говорил: «Есть у меня тут одна княгиня в. Милица, може знашь? она вот тоже всю книжну премудрость произошла, а спокою не нашла». Да, человеку с таким лицом не грезилось даже мечтать о покое.

Остальные дамы были незначительны и все как-то на одно лицо, и на них я взглянула мельком. На углу стола кипел огромный, ведерный, ярко начищенный самовар, и стол весь был буквально завален разной снедью, но сервировка была очень странная: рядом с роскошными тортами и великолепными хрустальными вазами с фруктом лежала прямо на скатерти грудка мятных пряников и связки грубых больших баранок, варенье стояло в замазанных банках, рядом с блюдом роскошной заливной осетрины — ломти черного хлеба и огурцы на серой пупырчатой тарелке. Перед Р. на глубокой тарелке лежало десятка два вареных яиц и стояла бутылка кагору, около нее три чайных стакана. «Ну, пейте чай, пейте», — сказал Р., придвигая тарелку с яйцами. Немедленно все руки потянулись к нему, глаза блеснули: «Отец, яичко!» Особенно болезненно выразилось нетерпение в глазах беременной Саны Пист. Я взглянула на нее с недоумением: очень уже все это было дико! Наклонившись, Р. набрал целую горсть яиц и стал оделять каждую, кладя по яйцу в протянутую ладонь. Раздав всем, он повернулся ко мне: «Хошь яичко?» Но я отказалась, и сейчас же глаза всех с удивлением посмотрели на меня. Вырубова встала и, подойдя к Р., подала ему на ломте хлеба два соленых огурца. Перекрестясь, Р. принялся за еду, откусывая попеременно то хлеба, то огурца. Ел он всегда руками, даже рыбу, и, только слегка обтерев свои сальные пальцы, гладил между едой соседок и при этом говорил «поучения». «Вот, — сказал Р., прожевывая огурец и кладя жирную ладонь на живот своей соседки справа, молодой барышни в красной кофточке, — вчера пришла она ко мне, — он кивнул на меня. — О вере мы с ней говорили, и никак убедить я ее не мог. Она, вишь, в церкву не ходит, а я ее причащаться посылал, не идет така супротивна — я сам попов-то не очень хвалю, много в них есть неправды, ну а без церкви не проживешь: она до всего доспеват, знашь?» В разговор вступила старая Головина. «Хорошо, что вас привело к Гр. Еф., — сказала она, ласково на меня глядя, — вот походите с недельку к нему, и вам вся жизнь сразу станет яснее». — «Ну, ну, не торопись больно, — отозвался Р., — с ею не мене трех лет провозишься. А я рад, што она пришла, вот это так и знай, коли от кого на сердце сладость, значит, тот человек хорош, а от кого — скука делатся, ну, значит, подлюка, понимашь?» — и он приблизил ко мне лицо с прищуренными глазами. «Только вот правильно жить надоть, — заключил он. — Любить надоть, прощать, да в церкву ходить!» — «Уж научить церковь прощению, — сказала я. — Анафему вот когда провозглашают, это в особенности хорошо прощение». — «Меня тоже всегда анафема смущает, Гр. Еф., — сказала Люб. Валер. — К чему это она?» Р. медленно проглотил чай и нехотя отозвался: «Ну ее, анахтиему эту, мы другого раза оставим, ну ее!»

В комнату вошла та самая высокая девочка в гимназическом платье, которую я видела в приемной в первый приход. Руки всех протянулись ей навстречу: «Мара, Марочка!» Очень было любопытно посмотреть, как все эти княгини и графини целовали дочь Распутина, одна даже, вероятно, обознавшись, поцеловала ее руки — потом ее усадили на диване около старой Головиной.

«Вот солнышко-то как нынче светит радостно, — сказал Р., обращаясь ко мне, — это оно для тебя светит, потому ты на добро пришла. Знашь, так всегда бывает, кому вера-то есть, вот солнце тоже, когда глядит на дома-то. все люди особыми будто стали, а по делу-то своею верою глядишь, оно и выходит солнечно. Ходи в церкву», — неожиданно закончил он свое туманное «поучение», которому все внимали с благоговением. «Вот тоже Ольга16, — заговорил Р., прожевав баранку. — Была баба умна, в бога верила, в церкву ходила, и вдруг словно што ее,

крестила старушку. — Ишь какая умная, в Бога верила, в церкву ходила, а вдруг такое дело, подлюку, ужалило, своротила в сторону и вместе с отступником Серьгой Трухановым17, знашь, такой монах был в Царицыне, бешеный, Иллиодор! — оба на церкву наплевали, он вовсе из Рассей сбежал, а она каку-то дуру ленточну из себя смастерила, да, вот, погодь, сичас сама увидишь. Чует мое сердце, што явится она и не даст мне стакана чая толком допить». И точно в ответ на его слова в передней раздался сильный шум. Я повернулась к полуоткрытой двери, а на пороге ее уже колыхалось что-то невероятно яркое, широкое, развевающееся, косматое, нелепое и высоким звенящим голосом выпевало по-кликушечьи: «Хри-и-и-сто-с Во-о-о-скре-е-с!!!» — «Ну вот тебе Ольга, радуйся!» — хмуро сказал Р.

Мимо меня пронеслось это ни на что раньше мною виданное не похожее и рухнуло между моим и Р. креслами. Отчетливо запомнила я белую козью ротонду, веером разостлавшуюся по полу, а

потом какой-то мех на затылке — густой, желтый, волчий.

Поднявшись на полу, Лохтина протянула Р. шоколадный торт, выкрикнув немного более по-человечески: «Вот гляди при-и-нес-ла-свер-ху белень-ко-е! внутри черненькое!» Р., сидевший с момента ее появления отвернувшись и насупившись, повернулся к ней, взял торт и, сунув его на край стола, сказал скороговоркой: «Хорошо, отстань, сатана!» Стремительно вскочив, Лохтина обняла сзади его голову и стала дико целовать его, выкликая захлебывающимся срывающимся голосом исступленные ласки, уловить слова было почти невозможно, и только иногда проскальзывало кое-что, напоминавшее человеческую речь. «Дорогусенько, сосудик благостный, бородусенька, безценьице, мученьице, бриллиантики, алмазик мой, божестьице мое, боженочек мой, любосточек аленький, сокровище мое, радостичек мой, блаженнинький мой, святусик!!!» Отчаянно отбиваясь, Р. кричал, полузадушенный: «Отста-ань! сатана! отста-а-нь, бес, сво-о-лочь, дьявол!! тебе говорю, сука, стерьва! отста-ань!!»

Наконец, оторвав ее руки от своей шеи, он отбросил ее со всего размаху в угол и, весь красный, взъерошенный, задыхаясь от злости, крикнул: «Всегда до греха доведешь, сила окаянная! паскуда!»

Тяжело дыша, Лохтина добралась до кушетки, около которой упала, и. помахав руками, окутанными цветными вуалями, звонко выкрикнула: «А все-е же-ты мо-ой!! и я к те-бе прило-жи-и-лась!! И я-а к тебе при-и-ло-жи-ла-сь. Бо-ог ты мо-ой! Кто-о бы не сто-о-ял ме-е-жду на-а-ми, а я к тебе при-и-ло-жусь!! И я зна-а-ю Ты ме-е-ня лю-и-бишь!» — «Ненавижу я тебя, сволочь! — быстро и решительно возразил Р. — Вот перед всеми говорю: ненавижу я тебя, не только что люблю — бес в тебе. Убил бы я тебя, всю морду избил!» — «А я счаст-ли-и-ва! счаст-ли-и-ва-и все же ты меня-лю-и-бишь! — запела Лохтина, подпрыгивая на одном месте и трепеща цветными тряпками и лентами. — И я к те-е-бе опять при-и-ло-жусь!» Мгновенно подбежав к Р., она обхватила его голову и с теми же дикими сладострастными криками принялась целовать его, неистово крича и выкликая. «А ты дьявол!» — в бешенстве завопил Р. и ударил ее так, что она отлетела к стене, но сейчас же, вскочив на ноги, Лохтина опять закричала исступленно: «Ну, бей, бей! бей!!» Все выше, выше поднимался голос, и такое блаженство было в нем и в этих протянутых худых руках, что невольно становилось как-то жутко: а вдруг все это уже перестало быть действительностью, потому что в здравом уме и твердой памяти нельзя присутствовать на подобном бедламе, зная, что это не сумасшедший дом, но тогда что же это такое?

Наклоняя голову, Лохтина старалась поцеловать то место на груди, куда ее ударил Р., и, видя, что это невозможно, подскакивала и рычала, с отчаянием целуя воздух громкими жадными поцелуями, била себя ладонями по груди и целовала эти ладони, извиваясь в сладострастном экстазе. Она напоминала какую-то страшную жрицу, беспощадную в своем гневе и обожании.

Понемногу ее возбуждение стало стихать. Отойдя к кушетке, она легла на нее и закрылась вуалями. Я внимательно смотрела на нее: наряд ее был невероятен — вся она была обвешана плиссированными юбками всевозможных цветов, думаю, их было не меньше десяти, мне пришло

в голову, как по-дурацки должен себя чувствовать человек, если только он вправду не сошел еще с ума, обвешиваясь всем этим костюмом, и я чуть не расхохоталась. Юбки эти от ее быстрых нервных движений кружились и развевались вокруг нее, как гигантские крылья, разлетались вуали (их было столько же, сколько юбок) по обеим сторонам головы, на которой была надета волчья собирская шапка Р. (как я потом узнала от Муни), с прикрепленными к ней пучками разноцветных лент. Поверх надетой на Лохт. красной русской рубашки Р. висели на ремнях мешочки, наполненные разным хламом и остатками еды Р.: половинками обкусанных огурцов, яблок, баранок, ломтей хлеба, костями рыб, кусками сахара, старыми пуговицами, обрывками лоскутов, записочками. На ремнях же висело несколько пар его старых рукавиц. На шее Лохтиной, словно цепи, свисали разноцветные ряды четок, гремевших при каждом ее движении. На руках ее были неуклюжие мужские перчатки, которые она потом скинула. Ноги были обуты в старые огромные сапоги, вероятно, те самые, в которых он «тридцать лет искал бога по земле». Лицо ее трудно было разглядеть под двойным венчиком вроде тех, которые кладут на покойников, и сквозь вуали виден был только скорбный изящный рот, обезображенный несколькими выбитыми зубами, наверно, самим же Р.

«Бо-ог! бо-ог! си-ила! твоя!» — нарушая общее тягостное молчание, внезапно выкрикнула Лох. Р., опять было принявшийся за чай, резко повернулся к ней и погрозил ей кулаком: «Вот, как перед Истинным, доспеешь ты окаянная, продолблю я твою голову, кобыла бешена! Сгинула бы с глаз долой, опостылела, сука?!» — «За что вы ее так поносите?» — спросила я возмущенно. Все сидевшие быстро повернулись ко мне, а Р., мгновенно изменив свое свирепое лицо на ласковое, погладил меня по плечам. «А ты сама подумай, пчелка, как же мне ее не ругать, — сказал он примирительно, — какого мне все это терпеть, бесы тому и рады, што она церкву бросила, и Муньку за собою тянет?» — «А вы только что говорили, надо прощать!» — заметила я. «Слы-ы-шу умные речи! — запела Лохт. Откинув вуаль, она пристально вгляделась в меня темно-серыми, все еще прекрасными глазами. — Это кто же такая! видно, новенькая. Ну, сюда, сюда и руку целуй, руку!!» — «Замолчишь ли ты, сатана ленточный!» — крикнул Р. Дамы все по-прежнему молчали, только дышать они начали часто, нервно поводили плечами, лица покраснели, и глаза застилались. «Не замол-чу-у! — не унималась Лох. — Я все дни кри-чу-у! об одном, а вы глу-ухи, вы-сле-е-пы!!» — «Я не понимаю, зачем вы раздражаете Гр. Еф.? — сказала неожиданно Люб. Вал., обращаясь к Лохт. — Разве вы не видите, что ему это неприятно?» Вырубова встала, подошла к Лох., стала перед ней на колени и поцеловала ей руку, потом вернулась на свое место. «Догадалась наконец! — очень спокойно сказала Лох. и сейчас же опять закричала, выкликая; точно так же внезапно стихнув, она наклонила голову и, раздвинув вуали, принялась вглядываться в сидящих. — Что-то я не вижу своей послушницы? Ну живо, живо! на колени, и ручку, ручку!!» Муня встала и, став на колени перед Лох., поцеловала ее руку. «Погоди, подлюка! Найду я на тебя кнута!» — крикнул Р. «Бо-ог пра-авду любит», — завопила Лохт. «Не в тебе ли она, сила нечистая?» — огрызнулся Р. Муня вернулась к столу. «Смотри, дура, — погрозил ей Р., — станешь постылой!» Люб. Вал. спросила сдержанно, но вся покраснев: «Гр. Еф., это ужасно — как вы Марусю браните?» — «А что она меня в грех вводит, — отозвался Р., — руки у Ольги целует — сколько раз говорил ей: не смей Ольге ничего давать!» — «Что же мне голодной теперь оставаться? — покорно спросила Лох. — Сегодня опять не обедала и вчера ничего не ела, у меня денег нет. Последние сегодня шоферу отдала. Он меня шибко, хорошо вез! Я опоздать боялась. Я ему говорю: направо, налево туда, сюда, а он поворачивает, и вот я здесь, и ничего у меня нет! Сегодня прощенное воскресенье, прислуга будет прощение просить, на чай надо давать, а у меня нет! А я голодна, есть хочется», — как-то по-детски беспомощно протянула она последние слова. «Так тебе и надо, стерва!» — спокойно сказал Р.

Дуня внесла огромную миску дымящейся ухи и поставила на столик у двери. Муня встала, налила тарелку и отнесла ее Лохт. «Мунька! — сердито прикрикнул Р., — тебе говорю, не смей служить Ольге, ну ее!» (он прибавил краткое, но выразительное словечко). Не слушая его, Муня поставила уху на круглый столик около кушетки. «Это зачем тут? — указала Лохт. на корзину гиацинтов на окне. — Здесь все мое раньше было, чашка моя тут стояла, все подъели, все выкинули, подлянки!» Муня молча взяла тяжелую корзину, сняла ее с окна и с трудом, напрягая

выкинули, подлянки!» Муня моя ка взяла тяжелую корзину, сняла ее с окна и с трудом, напрягая свои худенькие плечи, поставила ее в угол на пол: Р. обернулся. «Ну чего мне еще ждать?! — воскликнул он. — Коли эта сука проклята Муньку у меня отбирает. Хушь бы кто ее, гадюку, из городу убрал, в ноги бы тому поклонился!» Люб. Вал. взволнованно сказала Муне: «Маруся. ну что ты делаешь, зачем сердить Гр. Еф.». — «Ну мама, мамочка, не надо, не говори так», — шепнула Муня. «Разве ты не можешь сделать все, что захочешь? — немедленно стала выкликать Лохт., приходя в исступление, — бери бу-ма-гу, пи-и-ши, пи-и-ши! пусть возь-му-т и я по-оле-чу за те-бя-в кан-далы в це-е-пи-в-тюрь-му-ты мо-ой!! ты меня лю-ю-би-ишь! Ну пи-ши!» — «А потом скажут, что я тебя выгнал и ты от меня с ума сошла — не хочу этого!» — сумрачно сказал Р.

Шаповальникова встала и, пройдя мимо Лохтиной, стала разливать уху по тарелкам. Лох.

яростно вскинулась на своей кушетке: «Сам бей! бей! плюй! на меня, но запрети им портить мне мою дорожку*. А теперь я должна к тебе при-ло-житься!» Она вскочила. «Посмей только, сука!» — становясь в оборонительную позу, пригрозил Р. Она стала заходить слева. «Ой, Ольга, не доводи до греха!» — жимая кулаки, урчал Р. Но ловким, неожиданным движением, забежав справа, она обхватила его голову, со стоном приникнув к ней. Отцепив ее руки и совсем уже по-звериному рыча, Р. отшвырнул ее так, что она с размаху упала на кушетку, застонавшую под ней. Но, сейчас же выпрямясь, Лох. с блаженством стала целовать концы пальцев, посылая Р. воздушные поцелуи. «Зачем вы нарочно сердите Гр. Еф.?» — опять сказала Люб. Вал. Лохт. выпрямилась и ответила по-фр(анцузски): «Почему вы не называете меня, обращаясь ко мне, милая Люб. Вал.?» Головина слегка смутилась и ответила на том же языке: «Очень извиняюсь, я совершенно не имела в виду обидеть Вас, милая Ольга Владим.!» — «Пожалуйста, не беспокойтесь», — кротко прервала ее Лох., но тут же опять закричала петухом и стала твердить свои бессмысленные ласки ходившему по комнате Р. Остановившись около меня, Р. сказал: «Ну спроси ее сама, почему она такую шутиху из себя строит? да еще говорит, што я ее на таку дурость благословил». — «А кто-о-же-кро-о-ме те-бя! — пронзительно крикнула Лохт. — Ты-бо-ог! мой! падите ниц!» — подпрыгивая и размахивая руками, дико кричала Лохт. «Вот, гляди на нее, — развел руками Р., — как же мне ее, бесовку, не проклинать. Ну да как другие меня тоже за Христа почитать начнут по ее-то примеру?» — «Не за Христа, а за бога! — закричала Лохт. — Ты бо-ог! мой Саваоф, бог живой!» — «А вы бы ее спросили, почему она вас за бога считает?» — сказала я. «Дусенька, — отчаянно махнул рукой Р., — да нешто я ей, дуре, не говорил? колько раз спрашивал — нешто бог с бабой спит? нешто у бога бабы родят, а она знай свое ладит — не хитри, все одно не скроешься, бог ты Саваоф!» — «Бог ты мой! живой! А все вы в содоме сидите!» — запела Лох. «Ох, што ни то да я над ней, гадой, сделаю!» — и Р. приподнялся на кресле, но тут же протянулись женские руки: «Отец! успокойся!»

Зазвонил телеф(он), Р. пошел говорить. Дуня собрала грязные тарелки и сказала Муне: «Мунька, снеси тарелки на кухню!» — «Что у вас за странная манера говорить, Дуня! — порывисто сказала старая Головина, — ведь можете же вы сказать: «Мария Евгеньевна, снесите тарелки». — «Не надо, мамочка, оставь», — тихо шепнула Муня.

«Ну, ничего, ну здоров, ну чай пью; гости у меня», — доносилось от телеф(она). Я, точно проснувшись, огляделась вокруг и опять подумала: где я и что же все это такое? Лохт. встала и направилась в спальню. Повернувшись от телеф(она), Р. подмигнул Маре, чтобы она шла за ней, та быстрым кошачьим движением проползла за спинами сидевших на диване дам и крадучись двинулась за Лохт. Около двери спальни та внезапно остановилась и кинула ей: «Что подсматривать за мной?» — так властно, что на миг заставила забыть и свой шутовской наряд и всю странную обстановку. Даже Р. смутился и ответил очень коротко: «Не за тобой, а за своими рубашками». — «Очень мне нужны новые посконки, — презрительно отозвалась Лохт. — Твою! твою! с тебя сниму, захочу сниму, а там я все должна освидетельствовать!» Она кинулась в спальню, Мара проскользнула за ней. Несколькими прыжками Р. проскочил в спальную, и сейчас же оттуда раздался неистовый шум, что-то падало, разбивалось, доносились удары, и все покрывалось отчаянными воплями Лохтиной. Хлопнула где-то дверь, по передней раздался тяжелый топот, и в столовую вбежала Лохт., растерзанная, с разорванными вуалями. В ту же

тяжелый топот, и в столовую вбежала Лохт., растерзанная, с разорванными буклями. В ту же минуту из спальной появился Р., красный, потный, мимо него вьюном прошмыгнула Мара. Нырнув за спины дам, она, отдуваясь, уселась между Головиной и Шаповальниковой. Увидев ее, Лохтина закричала, грозя ей обеими руками: «Дрянь! дрянь! гадина! Если бы ты любила отца, ты знала бы, что ему нужна не эта казенная дрянь! а бесценные, единственные часы, уника! с рубинами! с изумрудами, с яхонтами! я их на Невском видела! И они будут у него! А эту гадость отдай! отдай!!» Мара быстро переложила из одной руки в другую большие золотые часы Р. с государственным гербом на крышке и спрятала их под юбку. Несколько минут по комнате носился дикий смерч крика, проклятий и ругани. Голоса Р. и Лохт. сливались, покрывались один другим, слова обгоняли, подхватывались на лету, перебрасывались обратно, кружились в буйном кабацком плясе, оглушая и парализуя всякую мысль. Дамы сидели с виду спокойно, только лица их то бледнели, то краснели, нестерпимым возбуждением горели влажные глаза...

Лох. уступила; пятясь от наступавшего на нее Рас, она дошла до кушетки, повалилась на нее и затихла в полном изнеможении. Р. сел отдуваясь на свое место и вытирая потное лицо рукавом своей нежно-голубой шелковой рубашки — она сразу пожелтела.

Люб. Вал. заговорила первая: «Как вам не совестно, Ольга Влад., — начала она слегка дрожащим голосом. — Когда вас нет, мы сидим спокойно и слушаем Гр. Еф., а как только вы являетесь, мы все начинаем дрожать — ссора, крик, за этими воплями мы и слов Гр. Еф. не слышим». — «А кто из вас делает что-нибудь ради него? — с негодованием воскликнула Лох. — Кто любит его, как я, и душу отдаст за него?!» Муня принесла блюдо печеной рыбы и первой подала Лох., та мгновенно затихла, взяла кусок и строго сказала Муне: «Знаешь, что виновата, Мунька, проси прощенье». Муня отнесла рыбу на стол, вернулась к Лох., стала на колени и поцеловала ее руку, поклонившись ей в ноги. «Ах, Маруся, ну зачем ты это, Маруся», — растерянно пролепетала Люб. Вал. «Ну перестань, мамочка, не надо!» — тихо отозвалась Муня. Р. не сказал ничего, и все принялись за рыбу. Лохт. опять стала всматриваться в сидевших, точно высматривая кого-то, и вдруг с торжеством воскликнула: «Вот и причина ясна: вижу беленькая сидит ни гу-гу! А она сегодня под супружеской охраной!» Молодой человек сильно покраснел и заметил резко: «Попрошу вас оставить мою жену в покое». — «Замо-о-лчи несчаст-ны-ый!» — грозно крикнула Лох. Р. обернулся к ней: «Молчи уж, молчи, сука!» — «Они не смеют говорить перед тобой!» — вопила Лох. «Да вы сами-то успокойтесь, Ольга Влад., и дайте нам послушать Гр. Еф.», — сказала Люб. Вал.

В это время по непонятной причине упал столик у стены, со стоящей на нем миской с ухой, все вздрогнули, а Сана Пистел. вся затряслась. Мара побежала на кухню. Началось какое-то странное замешательство, пролившаяся уха желтым ручьем быстро разливалась по паркету. Лох. встала, на кончиках пальцев с трудом шагая в неуклюжих сапогах, пробралась к Р. и кинулась его целовать с воплями: «А я к тебе приложилась!!» Потом отскочила раньше, чем он успел ее ударить, и, встав за креслом, на таком расстоянии, что до нее не доставал Р. кулак, стала просить его дать ей стакан с вином. С невыразимой силой в своем красивом звонком голосе, она просила упорно: «Отец, дай, дай! вина — винцо красненькое, причащуся я, слюнкой твоей причащуся, дай! дай! дай!» — «Не получишь ни...! — кратко и выразительно сказал Р. — Уезжала бы к свому сукину сыну Иллиодору — вот разбери ты их, — продолжал он, обращаясь ко мне, — он, отступенек, от церкви отрекся и считает меня мошенником, плутом и блудником, а она под его отречением подписалася, а меня за бога Саваофа почитает!» — «А разве Иллиодорушка тебя не любит! — закричала Лох., — любит! любит!» К Р. подошла Дуня и что-то шепнула ему, кивнув на спальню. Р. торопливо встал и прошел в переднюю. Как только он закрыл за собой дверь, Лох. кинулась к столу, схватила недопитый Р. стакан кагора, затем, взойдя на кушетку, встала на нее, подняв руки к переднему углу. Несколько секунд стояла она так. В комнате была какая-то неприятная, напряженная тишина. Приблизив к губам стакан, Лохт. медленно выпила вино и, упав навзничь на кушетку, лежала неподвижно. Громко вздохнула Люб. Вал. и, обращаясь к Муне, сказала едва не плача: «И зачем только ты меня сюда привезла сегодня, Маруся, я опять буду совсем больна! Если бы вы только знали, — вдруг обратилась она ко мне, — что здесь было вчера утром, меня едва лавровишневыми каплями отпоили, а сегодня я опять вся дрожу. Не могу я оставаться равнодушной, не могу!» — «Ну успокойся, мамочка, ну не надо!» — с тоской

я оставаться равнодушной, не могу!» — «Ну успокойся, мамочка, ну не надо!» — с тоской сказала Муня. «Зачем Ольга Влад. все это делает?» — спросила я Муню. Ее мигающие глаза смотрели куда-то далеко, и она ответила спокойно: «Ее надо понимать!» — «Ну нет! — возмущенно воскликнула Люб. Вал. — Я решительно отказываюсь это делать, — и, снова обращаясь ко мне, добавила спокойнее. — Уже четыре года и один месяц я знаю Гр. Еф. и люблю его безгранично, я и Ольгу Влад. люблю, но только не могу понять и одобрить ни ее поведения по отношению к нему, ни его к ней!»

«Если я за-мол-чу-у-то ка-а-мни возопиют!» — внезапно выкликнула Лохт. Встав с кушетки, она подкралась к двери спальной, откуда, сквозь щель, слышался хриплый говорок Р. и женский смешок. Наклонясь, Лох. вся приникла к двери, та заскрипела. «Нельзя, нельзя!» — сердито сказал Р., припирая ее изнутри. Лох. дико захохотала и, колотя кулаками по двери, закричала:

«Набирай их себе! набирай! Хоть с целым миром спи! А все же ты мой и я от тебя не уйду и не дам тебя никому!!»

За столом произошло движение — Сана Пист. встала и медленно пошла к Лохт., протянув вперед руки. Ее большие глаза горели в каком-то восторженном экстазе, а губы пересохшего рта шептали что-то. Но она не дошла до нее: встав за нею из-за стола, ее муж догнал ее на середине комнаты и, взяв под руку, увел ее, сопротивлявшуюся и упиравшуюся, в переднюю.

Разговор за столом смолк опять, и вокруг комнаты потянулось снова что-то молчаливое, клейкое. Дальше оставаться в этой атмосфере посторонним зрителем было невозможно: Сана Пист. только первая выразила то, что думали все — надо было или уходить или тоже начать биться и кричать, ломая все, что попадется под руку. Вырубова встала первая и прошла в спальню, в(еликая) к(нягиня), поднявшись вслед за ней, сделала знак сидевшей с ней рядом молоденькой девушке и направилась к передней, но навстречу ей кинулась Мара Рас, обняв ее за шею. Наклонясь к ней, в(еликая) к(нягиня) стала целовать Мару бесконечными поцелуями, потом, обняв за талию, увела с собой в переднюю.

Из спальни выскочил Р. Я встала, общим поклоном простилась с оставшимися и подошла к нему: «До свидания, Гр. Еф., я ухожу». — «Ну а когда же придешь, душка?» — торопливо спросил он, заглядывая в глаза. «Не знаю, — сказала я. — Позвоните мне как-нибудь». Меня прервал дикий хохот Лохтиной, корчась на кушетке, она выкликала: «Во-от до чего я до-о-жила! О-он-Бог Сава-оф будет зво-о-нить девчонке! по телефону!!» Выйдя с Р. в переднюю, я быстро нашла шубку, принесенную кем-то из ожидальной, где я ее сняла. Р. спросил тревожно, помогая одеваться: «Ну што, одного дурного насмотрелась у меня, али чего хорошего нашла?» — «Не знаю», — ответила я.

Из спальной в переднюю вышли совсем одетые к выходу Вырубова и в(еликая) к(нягиня). Подойдя к Р., они протянули ему лица: «Отец, до свидания!» — «Ну прощайте, прощайте», — говорил Р., крестя их и наспех целуя. Вырубова взяла его руку и приникла к ней, по телу ее пробегала дрожь.

Я быстро спустилась по лестнице и, очутившись на улице, вздохнула всей грудью. Солнце садилось. Больше трех часов продолжалось это своеобразное «радение».

Глава IV

Распутин о своей «тайне»

Прошло несколько дней, я больше не была у Р., ко мне звонили с Английского, но я просила говорить, что меня дома нет. После дикого раденья с Лохтиной в Прощенное воскресенье, мне стало противно все, что окружало Р., и я решила, что из наблюдений моих все равно толку не будет, а для интереса ходить туда я не буду. Но чем больше проходило дней, тем сильнее становилось желание пойти туда, в эту неуютную, словно нежилую, квартиру, где все вещи

кажутся случайно собранными, и думается невольно, что здесь не живут, а остановились проездом посмотреть на загадочного сибирского странника, захватившего своими жилистыми руками неслыханную власть и претворяющего в безумных юродивых всех этих княгинь и графинь разлагающейся столицы. Интересно не то, что они теперь стаями ходят к нему: теперь это мода, теперь не быть у Р. так же совестно, как не слышать Шаляпина, а интересно, с чего началось это паломничество? чем он взял первых пришедших к нему. Что связывает, напр(имер), с ним Вырубову и семью Головиных. И та и другие ничем не зависят от него: их связи и кровное родство с царским домом в свою очередь ему оказали поддержку, раньше, в годы его опалы 10—11, но вот чем он их завлек, почему для них он первый человек в доме и слово его закон? Конечно, проще всего сказать, как А. С. Пругавин, — опасный мошенник и плут; царица больная, а остальные посетительницы психопатки, страдающие нимфоманией, большинство же пресмыкается просто из желания урвать кусочек и воспользоваться скандалезной и модной

протекцией — и все. Кажется просто. Но вот тут-то и начинается: но. Когда вспомнишь этого странного человека, с его тихим сиповатым говорком, узкими бледными губами, сложенными в непонятную усмешку, и этот мгновенно загорающийся магнетический взгляд светлых глаз, в которых смотрит не один зрачок, а весь глаз, где минутами выглядывает кто-то, таящийся за этой невзрачной оболочкой, кто-то страшный, могучий, заманивающий любовно в непроходимые дебри, куда он, пожалуй, охотно проводит, ну а назад выбирайся сама как хочешь. Когда вспомнишь эту его диковинную особенность мгновенно изменяться, как колдун в старой были: ударился о землю — поскакал серым волком, перевернулся — взлетел черным вороном, скинулся камнем на землю — уполз зеленым лешим. Так и здесь: сейчас сидел простой, неграмотный мужичок, грубоватый, почесывающийся, и язык у него шевелится мешкотно и слова ползут неповоротливо, как плохо связанные воза, и вдруг превращается он в вдохновенного пророка — носителя ему одному понятной тайны — и зовет за собою в какие-то высоты духовных открытий, до сих пор не известных никому областей, где грех и истина дружески сплелись воедино, но опять новый скачок перевертыша, и с диким звериным сладострастием скрипят белые зубы, из-за тяжелой завесы морщин бесстыдно кивает кто-то хищный, безудержный, как молодой зверь, и по-звериному ласкает с тайной жаждой уничтожения. В последний раз ударился оземь невидимый оборотень, и на месте распоясанного охальника сидит серый сибирский странник, тридцать лет ищущий бога по земле, с тихой лаской говорит он о синих озерцах, о бескрайних лесах, о моховой подстилочке, и просты и немудрящи слова, прост и он сам — надолго ли?

Когда, за два дня до моего отъезда, мне вечером позвонила Муня Головина и сказала, что Григ. Еф. уезжает в М(оскву) и хочет со мной проститься, я сказала, что буду сейчас, и поехала на Английский.

Открывшая мне дверь Дуня встретила ласково и помогла раздеться. Р. вышел поспешно из приемной и радостно воскликнул: «Ну вот ладно, што пришла, пчелка! — потом, обращаясь к Дуне, спросил. — А што там слободно?» — «Слободно», — ответила она. Р. обнял меня и, целуя, увлек в коридор. «Куда вы меня ведете, Гр. Еф.?» — спросила я. В темноте я услышала, как Р. усмехнулся: «Не бось, не съем, пришли уж!» — он втолкнул меня в какую-то дверцу и, повернув выключатель, зажег свет — комната была почти пустая, только у стены у самой двери широкий кожаный диван и дальше два кресла. Усадив меня, он сел рядом: «Ну скажи теперя, пчелка, как живешь?» — «Домой собираюсь», — ответила я. Р. неодобрительно покачал головой: «Вот ты зря это все скачешь, бесам того и надо. Ты бы маненько спокой бы себе дала. Поживи при мне, я тебе всю жизнь докажу, всю тебе тайну открою!» — «Какую тайну?» — спросила я. Р. заторопился: «Постой, постой, кака торопыга, да ты знашь ли, в чем жизнь-то? в ласке она, а только ласкать-то надо по-иному, не так, как эти ерники-то ваши, понимашь? Они ласкают для свово тела, а я вполовину и для духа, великая тут сила. И знашь, што я тебе скажу: со всеми я одинаково ласков, понимашь? Многому меня научила моя-то жизнь: ведь я, пчелка, тридцать лет бога на земле ищу. Вот захочешь тайну-то узнать, скажи, хочу, мол, и дашь мне, хорошо? и таку радость узнаешь! Кого я тяжко полюблю, тому все будет от меня, всяку крошку свою отдам, понимашь?» — «А кого же вы тяжко любите? — просила я. — Ольгу Влад.?» Он отрицательно мотнул головой: «Нет. Ольгу давно тяжко не любил, но — она, дура, таки башкой на

отрицательно мотнул головой: «Нет, Ольгу давно тяжко не любил, на ... она, дуру таку бешену из себя уделала и Муньку туда же тянет — нет — Ольга крест мой тяжелый. А вот из тех, кого у меня видала, я многих тяжко люблю, и тебя полюблю, коли дашь. А только надо, штоб и ты полюбила. Знашь, есть така путинка от земли и до неба, — он провел по моим коленям черту. — Коли я кого тяжко люблю, я ее, ту путинку, все в уме держу и знаю по ней, она идет али свихнулась, и тогды мне ровно ножом по душе пройдет. Потому я с нее грехи все снял, а она у меня идет чистенька, а коли свихнулась, то грех-то мой, а не ее, понимашь? И она идет покойна и знат, што я ее в душе держу». — «А много их таких, кого вы тяжко любите?» — спросила я. Р. задумался, потом поднял голову, точно что-то соображая, и сказал наконец решительно: «Нет, пчелка, таких, кого тяжко люблю, немного при мне!» — «Ну, а остальные-то как же? чего они от вас ждут?» Он прищурился: «Да мало ли их тут ходит: каждая хочет, надо и ей. Только тут много таких, которы повсюду липнут и везде клянчат, ох и много их! А которы без делов, те

сами по себе». — «Ну а им что вы даете?» — спросила я. Он внимательно на меня посмотрел: «Вот ты все тако спрашиваешь, дусенька, чему ответу нету. Ну подумай сама: коли я скажу: я им и то и то дать могу, а на деле выйдет ни ... во мне нет. Тогда я и выйду обманщик и плут. Ты думашь, мало дело, ласка некуплена? Это, думашь, всем дается? Да друга какая за таку ласку што хошь сделат, понимать? Душу всю свою отдаст, а я говорил тебе, што я со всеми всегда одинаково ласков, мало тебе этого? а коли хошь боле узнать, так я тебе тоже сказал: пойди поговей и приходи ко мне чистенька. Почему не причастилась да не пришла?» — «Ну и что же было бы?» — спросила я. Он прищурился: «Взял бы я тебя, вот што! ух и хорошо чистеньку!» — он скрипнул зубами. «И что же бы я тогда узнала?» — поинтересовалась я. «Эх, душка, — досадливо крикнул Р., — много больно головой живешь, нешто словами все расскажешь? духом надо да сердцем жить, понимать? Коли бы пустила в тело-то чистенько, так и рай бы и ад увидала! велика тут сила: ты мою ласку еще не знашь, ты пусти, заместо того, штоб рассуждать-то, а там сама увидишь, што получишь!» — он наседал все ближе.

Я встала: «Пустите, Гр. Еф., мне пора!» — «Нет, теперя не пущу», — и он схватил меня за плечи. В столовой послышался голос вошедшей Вырубовой: «Муня, а что Григ. Еф. занят?»

Р. быстро прислушался. «Аннушка приехала, — шепнул он, — в Царско едем, Алеша там что-то хворает, седня звонили, штоб приезжал. Ну, пчелка, прощай, — торопливо продолжал он, целуя и выводя в коридор. — Время-то больно тесно. Придешь што ли еще?» — помогая одеться, спросил Р. «Не знаю, поспею ли», — сказала я. «Ну прощай, дусенька!»

Глава V

1914

Разговор в цветочном магазине

Я медленно сходила по лестнице, она почему-то была совсем темная, вероятно, испортилось электричество. Пройдя первый поворот, я вдруг почувствовала, что кто-то осторожно дотронулся до моей шубки, и тихий женский голос спросил: «Вы от него идете?» Несмотря на неожиданность вопроса, я, не думая, ответила: «Да». На верхней ступеньке площадки сидела съежившись маленькая женская фигура. Рука протянулась опять и удержала меня за платье: «Зачем вы к нему ходите?» Голос был почти беззвучный. «Я знаю его», — помолчав, сказала я. Она встала и близко наклонилась ко мне: «Вы чужая, вы не его, случайная?!» — настойчиво сказала она. Ее маленькая холодная рука скользнула в мою муфту и доверчиво сжала мою. «Послушайте, простите, но я больше не могу, я с ума схожу. Побудьте со мной, пойдемте!» — и она потянула меня вниз по лестнице. Я шла за ней совершенно машинально.

Осторожно минуя швейцара, не заметившего нас, мы вышли на улицу, я посмотрела на свою странную спутницу, но лицо ее было закрыто плотной вуалью, кроме того, она сейчас же отворачивалась. Пройдя какой-то проходной двор, мы вышли на незнакомую мне улицу, завернули в низкие ворота и, пройдя их, остановились у двери, обитой клеенкой. На

нетерпеливый стук моей спутницы дверь сейчас же открылась, из нее выглянула молодая девушка в белом. Они поговорили между собою по-польски. Я этот язык знаю плохо, но все же поняла, что моя спутница спрашивала, есть ли кто-нибудь, а девушка ответила отрицательно и ушла, а мы вошли в полутемные сени, пройдя их, спутница моя открыла еще одну дверь, так же плотно обитую, как и первая, и на меня пахнуло сырым, душистым теплом оранжереи, запахом земли, гнилых листьев и мха. Мы были, очевидно, в заднем отделении цветочного магазина: стояли кадки с полуувядшими рододендронами, горшки отцветших и цветущих азалий, ящики ландышей, валялись обрывки плиссированной бумаги и разноцветных стружечных лент. В углу кучка мха, а рядом ящик цветущих гиацинтов, стены лежали опрокинутые пустые ящики. Подойдя к одному из них, она села и потянула меня рядом с собою: «Послушайте, я хочу рассказать вам все, я не могу, чтобы никто не знал, что случилось. Вы чужая, вы не знаете меня, вам не будет больно, слушайте, слушайте! ради бога!» — бессвязно, как в лихорадке, заговорила она, сжимая мою руку. Она сидела съежившись в своем куньем меху, но он, казалось, мало грел ее узенькие плечи, потому что вся она дрожала мелкой дрожью. Немного помолчав, она спросила: «Вы приезжая?» Я кивнула. «Как и я, у меня они все там: мама, муж, Валик... — она задрожала еще сильнее. — И я теперь не знаю, как я буду дальше жить и что мне делать? Сказать все можно, а вот как жить?» Она замолчала, переводя дух, потом заговорила опять шепотом: «Как вы думаете, ведь не могла она не знать, на что меня послала? Ведь не со мною же с одной он так поступил?» Потом, резким движением приблизив голову к моей, спросила на ухо: «Причащаться посылал?» Я кивнула. Ее пальцы судорожно впились в мои: «А вы пошли?» — «Нет», — сказала я. Она заметалась, руки ее мучительно сжались. «Я ходила, я все сделала, а я верю и всегда верила, за что же так ужасно наказал меня бог? за то ли, что я пошла к нему, или за то, что послушалась его? Но как я могла знать, как могла! Почему же бог не защитил меня, ведь я же не знала, что будет, не знала, зачем он велел придти?» Она замолчала, задыхаясь.

Тихо падали где-то капли воды, тускло горела маленькая лампочка на стене; одуряюще пахли гиацинты. «Нет, я все должна рассказать! — внезапно заговорила она. — Из любопытства пошла я к нему, а ведь я видела его глаза, как у зверя, и так он сказал тогда: придешь? и усмехнулся плотоядно. И я согласилась и пришла к нему вечером после причастия, он ждал меня один, был разряженный, вино на столе стояло, стал угощать, я не пила. Потом вдруг схватил, поволок в спальну. Знаете тот угол у него, где на окне святой стоит? кинул меня на колени, сам сзади встал и шепчет в ухо: «Давай молиться, — стал поклоны бить, — преподобный Семен Верхотурский, помилуй меня грешного» — тебе, говорит, не нужно: ты чистенькая, а сам зубами заскрипел: «Причастилась седни?» И только я ответить успела, как полетела головой вниз: как зверь голодный накинулся, последнее, что помню, как белье рвал, больше ничего. Очнулась, лежу на полу, растерзанная, вся загаженная, а он надо мною стоит, бесстыдный, голый. Увидал, что гляжу, и сказал со своей усмешкой подлой — знаете, наверно? — «Ну чего сомлела? не люблю спулых, скусу такого нету, все одно што в рыбе». Наклонился, пошлепал, поднял и к кровати поволок: «Ну еще разок дашь? только не спи!» А...а...а...» — застонала она, покачиваясь из стороны в сторону и обхватив руками голову, и сейчас же заговорила опять, захлебываясь и путаясь: «Кто-то одел, по лестнице свел, на улицу вывел и на извозчика посадил. Тот было поехал, а потом спрашивает, куда везти, а я ничего не могу, забыла, где живу. Остановились у фонаря. Извозчик говорит: слезай, коли так, — тут офицер подошел, что-то спрашивает, а я ничего сказать не могу. Он на меня посмотрел, потом сел рядом, и поехал извозчик. Привез меня к себе, уложил, я заснула, проспала до сумерек следующего дня, а он не тронул меня, чаем напоил, умыться подал, ванну сделал, а не тронул. А вот теперь я каждый день туда хожу, сижу на лестнице и думаю, что же делать и как дальше жить. Раньше я в бога верила, а он веру мою испакостил и убил, а бог меня не защитил. За что все это со мной было? И уехать не могу, и так жить не могу, и, кто мне помочь может, не знаю».

Медленно падали капли, пахли гиацинты и мох; резко стучала в висках кровь. Она начала плакать, сначала тихо, потом все громче, плач переходил в истерику; дверь быстро отворилась, вбежала девушка в белом. Припав на колени перед судорожно рыдавшей моей незнакомкой, она нежно, ласково шептала, прося успокоиться, потом, повернувшись к двери, позвала: «Янек!» —

вошел мальчик лет двенадцати. «Проводи пани до улицы», — сказала она и, обращаясь ко мне, добавила, точно извиняясь: «Анеля останется здесь, теперь она зараз не спокоится». Мальчик вывел меня из ворот и кликнул мне извозчика.

На другой день я уехала из Петербурга, и дела мои сложились так, что следующий раз я могла приехать в него только в начале 1915 г.

Глава VI

1915 г.

Распутин о своем «преображении»

Приехав в Пет(роград) 14-го февр(аля), я в тот же вечер пошла к Р. Он жил теперь на Гороховой в доме № 64, а телефон у него по-прежнему был 646 46. Соотношение цифр во всяком случае интересное. Пройдя под темным сводом во двор, залитый асфальтом, я подошла к парадной двери трехэтажного красновато-коричневого дома, она открылась мне навстречу, и очень любезный швейцар пояснил мне, раньше моего вопроса, что Р. живет во втором этаже и дверь к нему обита малиновым сукном. Пока он снимал с меня ботики, я подозрительно посмотрела на некую личность в осеннем пальто, с поднятым воротником, сидевшую в углу за маленькой железной печкой: он был похож, с одной стороны, на обычных посетителей швейцарских, но, с другой, он излишне внимательно вглядывался в каждого входящего, так и блуждая рысьим взглядом маленьких хитрых глаз, и вслед за тем принимал глубоко равнодушный вид.

На звонок мне открыла все та же Дуняша. Раздеваясь в передней, я, сквозь открытые двери, увидала такую же приемную, как на Английском, как ее называла Дуняша: «ожидальня» — пустую комнату с редкими стульями по стене, в ней было полно самых разнообразных посетителей, начиная с генерала при всех орденах, кончая каким-то невзрачным человеком в синей чуйке, сильно напоминавшем какого-нибудь деревенского трактирщика. Как ни покажется это странным, но на распутинских приемах я видала всегда или очень высокопоставленных лиц или подозрительных темных личностей. Середина, весь трудящийся малоимущий элемент почему-то никогда не шел к Р. Напр(имер), я ни разу не видала на Гороховой ни одного рабочего или крестьянина. Очевидно, у этой части населения, невысказанно, таилась та же мысль, которую раз сказал мне один знакомый крестьянин на Охте: «Пусть лучше все пропадом пропадет, чем искать защиты и помощи у Распутина...»

Я еще не успела раздеться, как из столовой — дверь направо из передней — выскочил Р. и, радостно воскликнув — «Дусенька, а ведь это ты!» — крепко обнял. «Вот рад-то я тебе! — твердил он, целуя. — Ну дай на себя взглянуть — идем, идем! пускай ждут!» — продолжал он, подталкивая меня к маленькой двери рядом с приемной. Здесь стояла та же красная мебель, как в той комнате, где мы были с ним в последний раз на Английском, только кожа на диване вся истерлась, а спинка отломана и приставлена. «Ну садись, садись, — нудил Р., обнимая, подпихивая и напирая сзади. — Хушь разочек бы дала», — он налег на спинку дивана, и она наискось отвалилась. Вырвавшись от него, я сказала, глядя на сломанный диван: «Нехорошо, Гр. Еф., хоть бы столяра что ли позвали». Он всполошился: «Слышь, дусенька, ты думашь, что ... я дивану эту? Да она от этого самого и развалилась? — забормотал он, поднимая одной рукой тяжелую спинку и ставя ее на место. — Это все Акулина18, дуй ее горой, сестрица Сибирска, как только здесь ночует, так обязательно развалит — чистый леший. Грузнет в диване этой самой, привыкла на соломе спать — все она, я те говорю. Ну потолкуем, пчелка, как живешь?» Я села на кончик письменного стола, он весь был завален телеграммами, записками и чистыми четвертушками почтовой бумаги, на каких Р. пишет свои «пратеци».

«Григ. Еф., — сказала я. — Как же это война-то, долго ли еще она продолжится?» Р. тяжело вздохнул: «Што делать, дусенька, враги ищут, такое уж дело стряхнулось, теперь ничего не поделашь, кончать надо». — «Не надо было начинать», — вырвалось у меня. Р. сокрушенно покачал головой: «Все они тута без меня настряпали, такое дело тута получилось, кругом на руки. На

покачал головои: «Все они тута оез меня настряпали тако дело тута подошло врагам на руку. Не было бы ничего, пчелка, кабы я к тому случаю здесь был, а ведь тогды какой грех стряхнулся, когды меня та безноса-то пырнула ножом? Небось помнишь? Подлюка та эта Гусева19, штоб ей издохнуть — все от нее и пошло. Помнишь, раз было тоже начиналась хмара из-за болгарушек, наш-то хотел их защитить, а я ему тогда и сказал, царю-то: Ни, ни, не моги, в кашу не ввязывайся, на черта тебе эти болгарушки? Он послушался, а посля-то как рад был, и теперь с немцами то же было бы, кабы не эта безноса сука! Уж я молил, молил бога: Господи, не дай погибнуть от безносой: от красивой да складной и смерть принять хорошо, а от безносой стервы — тьфу (он плюнул). Телеграмтов я им сюда, царям-то, пока больной лежал, много давал, да што бумага — подтирушка, слово живо — только одно и есть. Да еще вот ежели так!» — заключил он, обхватывая меня. Я посторонилась: «Ну а что же долго ли еще воевать?» Р. покачал головой: «А Богу весть, пчелка, крепко держатся колбасники. Да. делов много эта война настряпала и,

пожалуй, еще боле настряпат. Одно хорошо, винополку мы эту уничтожили. Уж я просил, просил царя — все не хотел, наконец сдался, оттого и Коковцев20 тогда полетел: нешто мыслимо слезой народной казну наливать? Русскому человеку пить не надо — он слезу свою пьет». — «Сколько народу погибло и еще погибнет на войне!» — сказала я. Р. разгорячился: «Вот то-то и оно, пчелка, не замолимый грех война эта, понимашь? все делать можно, а убивать нельзя!» — «Так надо поскорей ее кончать!» — воскликнула я. Р. сощурился: «Молчи, знай, горло нам с тобою за слова такие перервут, понимашь?» И, притягивая меня к себе на колени, он, внезапно меняя разговор, шепнул сладострастно: «Когда же ко мне ночевать, все што хоть тебе за это сделаю!» — «Помните, как вы мне обещали показать ад?» Он наклонился совсем низко: «И покажу, и покажу, спроси у франтихи21, хошь? Вот я ей ад-то казал». — «А какой же это ад вы показываете?» — спросила я, дразня. «Да ты што не веришь што ли? — закричал он, приходя в какую-то бешеную похотливую ярость. — Вот постой, доберусь я до тебя, такой ад увидишь, што на ногах не устоишь!» Его глаза, налитые кровью, сощуренные, жуткие, теряли всякое сходство с человеческими, а зубы хрустели уже совсем по-звериному. С трудом освободившись из-под его рук, я быстро отступила к двери и крикнула ему: «А что же дух?!» Р. внезапно весело захохотал: «И хитрая же ты, змеюка, пчелка! — сказал он, отдуваясь. — Ну што с тобой делать, идем чай пить!» Едва мы вошли в столовую, как зазвонил телефон, и Р. поспешил туда; вглянувшись, я увидала несколько знакомых лиц около чайного стола и между ними Люб. Вал. и Муню. Они ласково кивали мне, подзывая к себе. Я села на свободный стул рядом с Люб. Вал., около меня очутилась с другой стороны тоже старая посетительница Р. Шаповальникова, владелица одной из петербургских гимназий.

За самоваром сидела сдобная Акулина Никитишна с елейным своим взглядом и таким же голосом. Около нее сидела какая-то мне совсем незнакомая молодая дама в соболях и еще две-три незначительные женские фигуры.

От телефона доносилось обычное: «Ну здравствуй, ну чай пьем, эх, душка, время-то больно тесно. Ну, пожалуй, приезжай. Нет ближе 11-ти нельзя». Повесив трубку, Р. подошел к нам и, садясь на свое место, спросил сумрачно: «Зачем так далеко села?» — «Я с Муней поговорить хочу», — ответила я. Он нахмурился еще больше: «Неча с нею говорить, ничего от нее не услышишь путного, только и речи, што про Ольгу, смерть надоели. Ух, не люблю я, кады эта гадюка у меня в зубах вязнет!» — «Ах, Григ. Еф.! — вздохнула Люб. Вал. — Вы сами знаете, в каком тяжелом положении Ольга Влад., у нее одних долгов до 2-х тысяч, имение в опеке, родные от нее отказались, на кого же ей теперь надеяться, как не на вас. Убедите царя, чтобы он уплатил ее долги и дал ей денег на дорогу, она не может уехать так, а ей необходимо. Она очень устала!» — «Сама виновата, бешена! — сказал Р. — Кто ее неволит таку дуру смастерить, не видать бы мне ее, стерву, лопни мои глаза». — «Что же делать нам теперь, Григ. Еф.», — тихим вздохом вырвалось у Муни. Одутловатое, болезненное лицо Шаповальниковой внезапно покрылось синеватым румянцем и, комкая в руках старую облезлую котиковую муфту, она сказал робко: «Григ. Еф., я ей, может быть, отдам, а я сама как-нибудь...» Несколько секунд Р. молча глядел на нее и потом обрушился: «Да ты што, облепихи опилась што ли, ну и дура: у самой дела из рук вон плохи, а она туда же, тупорыла, суется деньги раздавать, да у тебя детей што ли нет? а чем ты

их кормить-то будешь, коли с сумой пойдешь? штоб я боле дури такой от тебя не слыхал!» Шаповальникова, вся красная, молчала. «Трудно с вами, ох и трудно — дуры вы», — примирительно закончил Р., принимаясь за чай.

Дав ему допить стакан, Шаповальникова встала и за нею сидевшая около нее молодая девушка. «Нам пора, отец, помолиться бы», — робко извиняясь, сказала Шаповальникова, покрываясь пятнами от волнения. Р. проворчал что-то и, припадая в коленях, шмыгнул в спальную, мелко ступая в своих клетчатых туфлях с отворотами. Дамы пошли за ним. Муня грустно вздохнула и прошептала: «Что же теперь будет с Ольг. Влад?» Люб. Вал. тоже сокрушенно качала головой. Дама в соболях встала и, подойдя к Муне, положила ей на колени несколько сотенных бумажек, сказав поспешно: «Это для Ольг. Влад.». И не слушая благодарности Муни, простилась и вышла. Из спальной выскочил Р. как раз в тот момент, когда Муня прятала деньги в свою бисерную

сумочку. «Выклянчила?! — накинулся он на нее, — у франтихи выпросила? бессовестна, бесстыдница, вот бесы-то манят, смотри, Мунька, доведешь до греха. На кой они, деньги, Ольге-то, мотовка она, подлюка, душа окаянная! не стану я за нее просить, пущай што хочет, то и делат!» Сложив на груди свои маленькие руки. Муня чуть не плача шепнула: «Григ. Еф., только один государь может помочь, попросите, пожалуйста!» — «Жулик она, бесовка, — жила бы у сестры, сатана ленточный, спостылила, глаза бы на нее не глядели. Как я теперь к нему приставать буду, он и своими-то делами вовсе расстроен, а тут я еще полезу с бесовкой этой, надоела она мне». — «Гр. Еф., ну еще в последний раз», — кротко, но настойчиво попросила Муня. Р. досадливо отмахнулся: «Што с тобою делать, ну попрошу еще раз, а только помни, боле не стану; будя! пусть не мотает, бесам того и надо!» Глаза Муни наполнились слезами и, нагнувшись, она поцеловала руку Р. «Спасибо, ах, какое спасибо!» — «Ну ладно, ну будя», — проворчал Р. и, обратившись к Акулин. Никит., сказал, зевнув: «Тюрьки бы мне, поди сготовь-ка, что-то захотелось, намешай!» Та с готовностью подняла свое рыхлое тело со стула и, переваливаясь уточкой, направилась в кухню. Гр. Еф. повернулся к Муне: «Ты, Мунька, у меня смотри, — погрозился он, — как раз в бесовки угодишь, коли суку ту слушать будешь. Прокляну тебя вот как перед Истинным. Только посмей! Ненавижу я ее, Ольгу-то!» — «За что вы ее так всегда ругаете?» — спросила я. «А как же не ругать, дусенька? — живо отозвался он. — Для че она меня богом считает? пес ее знает! Ну какой я бог? Колько раз ей говорил, нетто бог с бабой спит, нешто он тюрю хлебает?» — «А с каких же пор она вас богом считает?» — поинтересовалась я. Р. так и вскинулся: «Давно, дусенька, лихо ее возьми, да вот, постой, сейчас припомню. Постой, постой! А я и вправду в тот раз преобразился, вот лопни мои глаза! понимать, дух на меня накатил, и заговорил я тогды ух как! Да вот Акулина тогда с нами во дворце была, должна упомнить, как дело-то было, вот она!» — живо обратился он к входившей Акул. Ник., вносившей обычную полоскательницу, на этот раз в ней была тюря: квас, хрен и квашеная капуста. Поставив чашку перед Р. и положив около несколько деревянных ложек, она прошла на свое место и, подняв медоточивые свои взоры вверх, заговорила своим поющим говорком: «Это ты о том что ли, как тогда во дворце ты преобразился, отец? Как не помнить, точно вчерась все было: нити тогды от тебя во все стороны пошли, весь светом ты залился, а воздух вокруг так и заходил, так и заходил и все волнами, такое духовное осияние вокруг тебя разлилось. На завтраке мы тагды были у царицы, и ты про эту самую Альфу и Онегу говорить зачал!» — «Во, во, само оно, — быстро проглатывая ложку тюри, перебил ее Р. — Из Покалипса я тагда говорить зачал, понимать? Аз есмь Альфа и Омега — звезда вечерняя и утренняя, тут меня вдруг что-то расперло точно паром обдало — вот как с морозу в избу войдешь. Накатило на меня, и заговорил я духом и сам не помню, што и говорил-то, словно как тогды голопупым по селу бегал и к покаянию звал. А тут Ольга как вдруг завопит: «Бог! бог сошел на землю!» — так под стол и покатилась, вот с той самой поры и повредилась, уж это как есть, а теперь хушь голову ей продолби, не выбьешь из нее, што я бог, бодай ее бык!» — «А почему бы, вместо чем ее ругать, вам бы не сказать ей серьезно, что вы не бог и что вы не хотите, чтобы она вас так называла?» — спросила я. Р. снисходительно улыбнулся: «Пчелка ты милая моя, да нешто с ей, дурой ленточной, говорить можно? Не токмо што говорил: боем вбивал в ее башку бешену: какой я мол бог — только-только што печи на ей не было. Да нешто ты Ольгу не знашь, што она себе под повойник раз вбила, того зубилом не вышибешь. Уперлась, как козел в забор рогами, и ни с места. Ты,

говорит, таишь, Христос таил и ты таишь. А ты бог и преобразился, вот и поговори с нею!» — «Да вы-то сами разве верите в то, что «преобразились»?» — воскликнула я. Р. немного помолчал, потом взглянул на меня растерянным беспомощным взглядом, который бывает у него очень редко: «Што же я могу сделать, коли все они, и царица, и Ольга одно заладили: преобразился да преобразился, а може я и вправду преобразился?» И сейчас же меняя тон, сунул мне в руку деревянную ложку и, весело подмигнув, указал на тюрю: «Ух и ловко же дерет, так глотку и начистит!» — «Нет, не хочу!» — отказалась я от тюри. Он поморщился: «Эка кака несговорчива», — и сунул ложки Муне и Люб. Вал. Последняя вздохнула, видимо, обеспокоенная. «Ох не знаю, Гр. Еф., — сказала она, доставая осторожно из чашки плавающую капусту. — Как бы мне не было плохо, прошлый раз я совсем захворала!» — «Мамочка, что ты говоришь, господи!» — почти со страхом шепнула Муня, испугавшись, что Люб. Вал. осмелилась выразить сомнение, как бы не стало ей худо от распутинской «освященной» его

ложкой тюри. «Ну, ну буду есть!» — покорно согласилась Люб. Вал. и стала есть тюрю.

Я встала и начала прощаться. Р. поспешно вскочил: «Идем ко мне в хату, пчелка, посиди со мною, хушь маленько потолкуем. Эка ты торопыга, и куда тебя все носит?» Взяв меня за руку, он прошел со мною в соседнюю со столовой свою спальную, плотно прикрыв за собою дверь. Здесь была такая же неуютная пустота, как и в других комнатах, хотя всюду и стоят самые необходимые вещи, но и здесь так же, как в квартире на Английском, казалось, что в комнатах пусто, вероятно, потому, что нигде не видно мелких вещей домашнего обихода, ничего, что бы указывало на интимную жизнь и привычки обитателей. Кровать, застланная тем же шелковым лоскутчатым одеялом и горой подушек в несвежих цветных наволочках, стояла у левой стены, рядом прелестный ореховый дамский туалет с большим зеркалом. На стене висела шуба и ватное пальто Р., а внизу под ними боты и палка с набалдашником. «Зачем вам туалет, Гр. Еф.?» — спросила я. Р. отмахнулся: «Да это нешто мой? дочки Вари он, некуда ей было поставить, вот ко мне и втискала, ну иди сюда, иди, — хлопал он ладонью по кровати. — Сядь потолкуем». Подходя к кровати, я увидала на столике в изголовье большую корзину ландышей, а рядом большой кабинетный портрет царицы в профиль с низкой прической, в углу ее рукой написано: «Александра». Заметив мой взгляд, Р., равнодушно почесывая под мышками, сказал: «Это царица прислала!» — «Очень красивые», — любуясь цветами, заметила я. Поглядев на цветы, Р. равнодушно зевнул: «На што они зимою. Это хорошо, когда они в лесу по весне цветут, дух-то какой от них, пчелка, благодать-то какая, лесная! А зимой отрада одна вот тута», — и он расположился тискать. «Неужели вам все это не надоело, Гр. Еф.?» — спросила я. «А чему тут надоесть-то? — отозвался он. — Ты думашь може: я так со всеми и живу, кои ко мне ходят? Да вот. хошь знать: с осени не боле четырнадцати баб было, которых... А зря-то можно што хошь наболтать, вон которые ерники брешут, што я и с царицей живу, а того, леший, идолы, не знают, што ласки-то много поболе этого есть (он сделал жест). Да ты сама хошь поразмысли про царицу? коли хотя видал я ее одну-то? Дети тут, а то Аннушка, а то няньки, и того ли она у меня ищет? На черта ей мой ..., она этого добра сколько хочет может взять. А вот не верит она им, золотопупым, а мне верит и ласку мою любит. Эти, лешие, норовят только кус урвать и все им, прости господи, мало и все врут, наредь слова правды от них услышишь, а я всю правду всегда говорю. Поглядела бы ты на ихне житье, хоша и царей, ни в жисть так ту бы жить не стал! Один он и она одна, и никому веры дать нельзя, и всяк продать готов, а я поласкаю ее, утешу, и спокоится она. Ласка моя непокупана? Ласку мою ни с чьей не сменишь, такой они не знали и боле не увидят, понимашь, душка?» — «Ну а Лохтину как вы ласкали?» — спросила я. Р. даже весь затрясся от ярости: «Ах дуй ее горой, подлюку, как она мне за всю мою любовь отплатила, сука проклята! От себя это она с ума сошла, не моя вина, коли ласку мою не разобрала она. Хошь покажу тебе как ни то, как я Ольгу ласкал, помни всегда, — продолжал он, наседая все ближе, — через тело дух познается. Это ничего, коли поблудить маленько, надо только, чтобы тебя грех не мучил, штоб ты о грехе не думал и от добрых дел не отвращался. Вот, понимашь, как надо: согрешил и забыл, а ежели я, скажем, согрешу с тобой, а посля ни о чем, окромя твоей... думать не смогу — вот то грех будет нераскаянный». — «Значит, делать можно все, а только не думать?» — сказала я. «Во, во, пчелка, мысли-то святы должны быть, через то я и тебя святою сделаю. А посля в церкву пойдем, помолимся рядышком, и тогда грех забудешь, а радость

узнаешь». — «Но если все-таки считать это грехом, зачем делать?» — спросила я. Р. зажмурился: «Да ведь покаяние-то, молитва-то — они без греха не даются, — заговорил он быстро. — Мысли-то святы как сделать без греха. не будут они святы!» — «А у вас святы?» — «Ну да, святой я, — просто сказал Р. и, наклонившись близко, заглянул в глаза. — Согрешить надо! без этого не наешь». Все ниже склоняясь, он налегал грудью, комкая тело и вывертывая руки, Р. дошел до бешенства. Мне всегда кажется, что в такие минуты он кроме этого дикого вожделения не может чувствовать ничего и его можно колоть, резать, он даже не заметит. Раз я воткнула ему в ладонь толстую иглу и, вытащив, заметила, что кровь не пошла, а он даже не почувствовал. Так было и на этот раз. Озверелое лицо надвинулось, оно стало какое-то плоское, мокрые волосы, точно шерсть, космами облепили его, и глаза, узкие, горящие, казались через них стеклянными. Молча отбиваясь, я решила наконец прибегнуть к приему самозащиты и, вырвавшись, отступила к стене, думая, что он кинется опять. Но он, шатаясь, медленно шагнул

ко мне и, прохрипев: идем помолимся! — хватил за плечо, поволок к окну, на котором стояла икона Семена Верхотурского, и, сунув в руки лиловые бархатные четки, кинул на колени, а сам, рухнув сзади, стал бить земные поклоны, сначала молча, потом приговаривая: «Препод(обный) Семен Верхотур(ский), помилуй меня грешного! — через несколько минут он глухо спросил, — как тебя зовут?» — и, когда я ответила, опять стал отбивать поклоны, поминая вперемежку себя и меня. Повторив это раз пять — десять, он встал и повернулся ко мне, он был бледен, пот ручьями лился по его лицу, но дышал он совершенно покойно и глаза смотрели тихо и ласково — глаза серого сибирского странника. Взяв мою руку, он провел ею по себе: «Вота, пчелка, понимать, што значит дух-то? дай поцелую», — и он поцеловал бесстрастным монашеским ликованьем.

Идя домой, я думала, а что если это и была та ласка, о которой он говорил: «Я только вполовину и для духа», — и которой он ласкал Лохтину? Ведь не все же относились равнодушно к нему? наверно, его неудержимая чувственность, его больное сладострастие действовали на женщин. А, если он с Лохтиной и поступал так: доведя ее до исступления, ставил на молитву? А может быть, и царицу так же? Я вспомнила жадную ненасытную страсть, прорывавшуюся во всех исступленных ласках Лохтиной — такою может быть только всегда подогреваемая и никогда не удовлетворяемая страсть. Но узнать это никогда не узнаешь наверно, а догадок и предположений можно создать тысячи. Во всяком случае, так просто все, что касается нелепого, кошмарного влияния Р. на Вырубову и царицу, в руках которых, в сущности говоря, сосредоточено правление, объяснено быть не может, и к каким хитростям, к каким чудовищным увертками прибегает он — это, может быть, узнается много позже, когда никого из них не будет в живых.

Глава VII

1915 г.

Старческое «окормление»*

На этот раз народу у Р. не было. За столом у кипящего самовара, который, кажется, вообще не сходит со стола Р., сидела размякшая Акулина Никитишна в своем сером платье сестры милосердия: она работает в царском госпитале, а рядом с нею приютилась Муня, с кротким обожанием смотревшая на Р., притиснувшего меня в угол дивана. Позвонили. Муня пошла отворять. «Кто пришел?» — спросила я Р. Он досадливо поморщился: «Душка, знамо, лопни ее глаза». — «Ну не очень-то вы любезны, Гр. Еф.», — засмеялась я. «Ну ее на ..., — заявил Р. — Одолели!»

В столовую вошла Муня и две дамы. Одна из них прелестная блондинка, тоненькая, как танагрская статуэтка, с нежным светлым лицом и большими голубыми глазами. В своем светло-сером костюме с шиншиля и такой же шляпе она походила на портрет Генсборо22. Что-то знакомое мелькнуло мне в ее лице, и я вспомнила, что в прошлом году встречала ее не раз: это была Ал. Ал. Пистелькорс — Сана, как ее звали домашние — сестра Вырубовой, жена камер-юнкера Пистелькорса — сына от первого брака Ольги Валериан. Пистелькорс, сестры Любови

юнкера Пистелькорса — сына от первого брака Ольги Валериан. Пистелькорс, сестры Любови Валер. Головиной, бывшей теперь замужем за в(еликим) к(нязем) Павлом Александ. под именем кн(ягини) Палей.

Протянув свои маленькие руки, все унизанные кольцами, и звеня бульками браслета, Пист. повисла на шее Р., твердя своим певучим ласковым голосом: «Отец, отец, дорогой отец!» — потом, отстранясь немного, поманила свою спутницу — угловатую переспелую девицу, с ртом как у акулы и костлявыми руками: «Вот, отец, привезла тебе девочку (это звучало очень смешно, когда звенящая пушистая крошка Пист., действительно казавшаяся девочкой, называла так особу, годившуюся ей только в старые тетки). Теперь она вполне на моей ответственности, отец! — нежно пела Пист., склоняя на плечо довольно мычавшего что-то Р. голову. — Ты не поверишь, как я над ней дрожу, отпускаю ее по вечерам не иначе как в карете, а днем все время беру с собою. Обещала ее жениху хранить ее и храню». Я не позавидовала жениху.

Неизменная Дуня, в своей обычной зеленой кофте и белом платочке, внесла большую корзину ландышей. «Вот тебе цветочков, отец!» — ласкаясь, проворковала Пист., целуя Р., потом попросила его благословения, и все сели к столу. Я подошла к Муне, а около Р. с обеих сторон уселись Пист. и ее спутница — места почетные, но не очень приятные: любимая манера Р., съехав вниз на своем стуле, класть локти на живот своей соседки, иногда придавливая его и поскрипывая зубами, так и теперь он расположился на животе Пист., пренебрегши тощими прелестями ее спутницы. Началась обычная духовная беседа. Любопытное зрелище представляет Р. за чайным столом (кстати не лишнее будет заметить, что чайная беседа является любимейшим видом хлыстовских собраний, у которых без чая не обходится ни одно радение). Сидя во главе стола, окруженный восторженно ловящими каждое его слово поклонницами, Р., чавкая, невнятно роняет перлы своих духовных наставлений, в которых по большей части ничего нельзя разобрать. Обыкновенно это фразы из писания, не связанные друг с другом, и в них вставлены его собственные размышления вроде: «солнце-то, вот оно светит, ну и радость, а кто многомнитель, тот себе враг» — «в жизни греха рай, а нет той мочи погрешить, тому нудно», или: «кто миром облепит дорожку, затемнит, а враги доспевают и казнят» и тому подобные, мало связные и понятные рассуждения, но княгини и графини с жадностью ловят эти перлы сибирской облепихи и, томно вздыхая, переглядываются, с довольным и важным видом участвуя в духовной беседе.

«Ах, отец, — заговорила Пист., склоняясь к пощипывающему и подтискивающему ее Р. — Ах, отец, ты не поверишь, до чего я рада теперь, когда мы с нею, — она кивнула в сторону девицы, — только теперь я поняла, что значит совместная молитва, а дети как ее полюбили! Я так была одинока, с тех пор как Бодя на войне, всякий покой потеряла. Мы с нею целый день вместе, а вечером крестим друг друга». — «Во, во, хорошо так, да, понимать? — невнятно отозвался Р., прожевывая баранку, — вот я и говорю, любовь-то хорошо, жить хошь в духовной, хошь в плотской, вот тута, — он нажал ей локтем на живот, — а которы говорят грех, те сами блудят, грех-то как на его глядеть: может он и очисточка, а смирение и кротость к покою ведут, а покой к Богу, понимать?» Окончив этим своим обычным «понимать?» поучение, такое же неясное и мало-понятное, как все остальные, он прищурил глаза, спрятав в них того лукавого, который ехидно посматривает из них. «Ах, отец, отец, святые твои слова!» — покорно вздохнула Пист., а Муня, сложив на коленях свои худенькие ручки, в каком-то экстазе молча глядела на Р. Взяв из сахарницы горсть сахару, Р. протянул руку — мгновенно все чашки подвинулись к нему, и он стал оделять сахаром почитательниц. По долгому наблюдению во время моих частых посещений Р., я скажу, что, очевидно, этот сахар имел какое-то тайное символическое значение — слишком уже стремились все получить хотя один лишний кусочек в пододвинутую чашку и пили этот переслащенный чай, замирая от наслаждения. Я спросила как-то раз Муню, зачем все так кидаются на сахар из рук Р., но она сказала туманно, что вообще все ценно, что исходит от Гр. Еф. На этот раз больше половины всего сахара попала в чашку Саны Пист., и я, не преувеличивая, скажу, что она выпила свою чашку кусками с шестью, то и больше сахара.

Григорий Распутин в кругу почитателей. Середина 1910-х гг.

Опять позвонили, пришла кн. Шаховская — высокая, довольно полная, брюнетка с медлительными движениями, ленивыми и манящими. Она была в платье сестры милосердия, работая в госпитале Царск(ого) Села. «Не сердись, что я опоздала, отец, — начала она с еще с порога. — Только что собралась уходить — пришла Царица и задержала». — «Ну знаю, знаю, без тебя, всегда отговорки найдутся, — недовольно забормотал Р. — Сознавайся лучше, какой такой ёрник сманил? у кого ночевала?» Шаховская, придвинув стул, села сбоку, между Р. и спутницей Пист. При последних его словах она весело рассмеялась: «Да что ты, Отец, Бог с тобой, до того ли мне: целую ночь не спала, два тяжелых там у нас, так устала, только и думаю, как бы поспать, а к тебе, видишь, приехала». — «Ну смотри-ка у меня, — сказал Р., упираясь локтем ей в живот. — Знашь, кака сладка, ух ты моя лакомка, — он гладил ее по груди, залезая за воротник. — Да ты кака-то колюча стала, все от меня отгребаешься, тоже почитай как пчелка, — он кивнул в мою сторону, — така супротивна, раскалит и уйдет, — и, сжимая ее колено, он

добавил, щурясь, — так ты уж по ейному не делай, а то вы мой дух-то весь съедите, когда сказал раз — приезжай, то значит приезжай — понимашь? от юности моей мнози борят мя страсти, так оно и есть, глыбоко купаться надо, чем глыбже нырнешь — тем к Богу ближе. А знашь, для чего сердце-то человеческо есть? и где дух, понимашь? ты думашь, он здеся? — он указал на сердце, — а он вовсе здеся, — Р. быстро и незаметно поднял и опустил подол ее платья. — Понимашь? Ох трудно с вами!.. Смотри ты у меня, святоша, — он погрозился, — а то вот как перед истинным задушу, вот те крест!» — «Я сейчас домой поеду, — кладя голову на плечо Р., сказала, ласкаясь, Шаховская, — ванну возьму и спать, или нет, вот лучше как я сделаю: отдохну после ванны и приеду к тебе, поговорить надо по душе, а вечером спать, спать... весь день завтра я свободна и буду спать». — «Нет, дусенька, не так, — проглатывая сухарь и поглаживая ее по животу, сказал Р. — На кой тебе ... (он удержался) — ванна? коли хошь спать — ступай — спи, а мне звони опосля, хошь?» — он, прищурясь, низко наклонился к ней. «Ах нет, не выйдет, отец, — вздохнула Шаховская, совсем по-кошачьи жмурясь и потягиваясь, — опять не высплюсь!» Внимательно в нее вглядевшись, Р. сказал медленно: «Ну как хошь!» — и стал пить чай, дуя на блюдечко. «Отец, ну не сердись, давай помиримся, отец? — умильно просила Шаховская, подставляя лицо для поцелуя. — Ты ведь знаешь, отец!» — «Ну, ну, лакомка, — благодушно отозвался Р., тиская ее грудь. — Захотела». Пист. встала: «Отец, мне пора, пройдем к тебе, поговорить надо, отец!» — «Ну ладно, ладно! — отозвался Р., идя за ней и похватывая ее сзади, — а она... — указал он на спутницу Пист., — пущай ждет, — та скромно потупила свои мышиные глазки. «Про мужа не хнычь... — скрываясь в спальной, говорил Р., — придет он, я говорю, понимашь?»

Дверь осталась неплотно прикрытой. Мы с Муней пересели от стола на диван, стоявший у стены. Шаховская вполголоса говорила о лазарете с Акул. Никит., спутница же Саны Пист. с едва скрываемым нездоровым любопытством прислушивалась к каждому звуку, доносившемуся из спальной. Там Пист. все время как-то странно смеялась, как смеются от спазм щекотки. Муня, повернувшись ко мне, спросила, надолго ли я в Пет(роград). Я ответила, что сама еще не решила, а из спальной слышалось волнующее, замирающее: «Ах, отец, ах», — не то вздох, не то стон и какой-то скрип. Щеки кн. Шаховской покрылись ярким румянцем, а «девочка» судорожно облизывала потемневшие губы, но внешне все оставалось так же, как и всегда: продолжался незначительный разговор, пыхтела за самоваром Акул. Ник.; бесшумно двигаясь, прибирала посуду Дуня. Это всегда меня удивляет в странном обиходе Р.: почему же все делают вид, что они или ничего не замечают, или ничего не понимают. Почему здесь можно уйти в спальную и, даже не потрудившись прикрыть дверь как следует. вести себя там так, как вообще при лишних свидетелях не полагается. Почему здесь все можно и ничего не стыдно? А попробуйте где-нибудь в другом месте просто сделать вольное замечание. Как лицемерно всполошатся и ужаснутся все эти томные княгини и графини. Или здесь все по-иному? Конечно, нигде не увидишь того, что здесь в этой пустой столовой, где на большом столе, покрытом ослепительной скатертью, лежат рядом обкусанные огурцы и дивные персики, в полоскательной чашке уха и рядом восхитительный торт в кружевах, бесценные хрустальные вазы и ножи и вилки с поломанными черенками. Где рядом с грубыми чалдонками сидят изнеженные аристократки и, замирая, ждут очереди попасть в неуютную комнату с бестолково расставленной мебелью, ждут ласк

грязноватого пожилого мужика, сменившего страннический армяк на шелковую рубаху и полосатые брюки на вздержку без нижнего белья, чтобы не мешало: «На ... они, исподники-то, только путаться с ими...» И главное интересно то, что они действительно ждут покорно очереди, не сердясь и не ревнуя... Зазвонил телефон, Гр. Еф. выскочил потный и взъерошенный, подбежал к телеф(ону), и послышалось обычное: «Ну здравствуй, ну гости у меня, ну чай пьем, матору пришлешь? а почто? Ехать в Царско? ну что? захворала? ну помолюсь, ладно, ладно! Ну как хошь! Эх, Аннушка, твои штуки, знаю, знаю, до всего доспеваешь! Ну Христос с тобою», — он повесил трубку. Из спальной вышла Пист. Нежное лицо ее слегка порозовело, а глаза стали влажны; смеясь нервным радостным смехом, подошла она к костлявой своей спутнице и, обняв ее, сказала: «Ну едем, сейчас едем, девочка!» Та, вся приникнув к ней, каким-то ненасытным взглядом смотрела ей в глаза. Отойдя от телефона, Р., поглаживая себя под мышками, сказал, глядя в мою сторону: «Ну, верно, не придется нам побеседовать с тобою; вот я тебе скажу, духом

до всего доспеешь, а только про грех не думай. Тело-то оно, так глядишь, пустышка, все одно сгниет, а дух-то без него тоже не поймашь, вота тайна! От Бога-то не отклоняйся, с ним надо!» — «Да, да с тобою, отец, только с тобою и молитва, — нежно заворковала Пист., сжимая и целуя руки Р. — Отец, отец, дорогой отец, ах, без тебя мы не знали молитвы!» — «Вот и ладно, говорю, выходит это ладно», — поддакивал Р., по своему обыкновению как-то весь подплясывая и подпрыгивая.

Кн. Шаховская, все время не сводившая глаз с Р., повернулась к стоявшей у стены Дуняше: «Почему это, милая, вы не смотрите за тем, что надето на отце? Если ему не подать, он в одной и той же рубашечке будет хоть год ходить, а эту, что на нем, давно пора отдать нищему. Что за бездарная идея этот бутылочный цвет! и не идет он ему совсем! Где красненькая, которую я на той неделе привезла?» Дуняша замялась: «Отдали ее Гр. Еф., ходит тут один нищенка, так вот ему». — «Почему же не бутылочную?» — возмутилась Шаховская. «А уж больно от души подарена была рубаха-то эта, — сказал, зевая, Р., — бедна девка дала, а хороша, подлюга, ух кака душка!» — «А мою рубашечку отец пять дней носил, — прильнув к нему, протянула Пист. шаловливо. — Ну ухожу, ухожу, надо непременно еще к бабушке* заехать, ах, отец, от тебя никак не уйдешь, ты нам новый мир открыл, без тебя жизнь была так пуста, а теперь ты явился и все совсем стало другое». И, повиснув у него на шее, она щебетала звонко свое: «Ах отец, отец!» — блестели глаза, зубы, кольца, звенели бульки браслета. Р., довольный, урчал что-то мало понятное. «Я тоже пойду», — сказала Муня, вздохнув. Оторвавшись наконец от Р., Пист. вышла с Муней и своей спутницей. Остались мы с Шаховской. Подойдя ко мне, Р. обнял за плечи и сказал быстро: «А ты, пчелка, не уходи, скоро Аннушка приедет на маторе, увезет меня в Царско, а пока мы с тобой потолкуем». — «Отец, я ухожу», — нетерпеливо окликнула его Шаховская, но он продолжал не обращать на нее никакого внимания. «Ну прощай, отец!» — настойчиво позвала Шаховская. Р. нетерпеливо отмахнулся: «Ну, ладно, ну уходи!» Ничего не ответив ему на его последние слова, Шаховская вышла в переднюю, захлопнув дверь. Я вышла за ней. Накинув наскоро шубу, она открывала дверь на лестницу. «Ну прощай, душка!» — крикнул ей вслед Р. Не отвечая ни слова, она с такой силой захлопнула входную дверь, что стекла задрожали. «Ну и злая, — простодушно заметил Р., помогая мне одеться. — Эка бешена!» — «А за что она так рассердилась?» — спросила я. Он засмеялся, сощурясь: «Ревнива больно, вроде Ольги. Таких только две у меня, а то все спокойнии». Выйдя от него, я пошла пешком и думала: «Вот значит и ревность есть, но только почему же у двух, а не у всех?»

Глава VIII

1915 г.

Распутин о назначении Питирима

Когда я пришла около часа дня на Гороховую, то из передней услышала громкие голоса в столовой и пьяненький хохот. Я было подумала уйти, но в переднюю выскочил Р., красный и веселый, в нарядной лиловой рубахе, и с криком: «Дусенька вота ко времю-то попала», —

потащил меня в столовую. Здесь за столом сидело четверо — видный монах с сияющим крестом на клобуке маленький попик в шелковой зеленой рясе, какой-то господин восточного типа и болезненный юноша, кажется, Осипенко, секретарь Питирима23, тогда еще не назначенного Петербургским митрополитом, но о близком назначении которого все говорили. Компания была более или менее пьяна, а на столе стояла целая батарея бутылок, огромное блюдо осетрины, два-три торта, масса беспорядочно открытых и кое-как наваленных коробок с консервами, тут же лежали ломти черного хлеба, соленые огурцы, горка белого хлеба и пирожков прямо на скатерти. «Вот привел вам душку», — сказал Р., усаживая меня около себя во главе стола спиною к окну, как он сидел всегда. Подставив рюмку пожилом господину, сидевшему право от него, он крикнул: «А ну-ка, князенька, наливай Пей, дусенька, — подставил он мне рюмку мадеры. — Это мне Ванька привез», — он указал на молодого человека. «Я не хочу, Григ. Еф.», — отказалась я. «Отчего не выпить, барышня, — заговорил вдруг заплетающимся голосом монах. — Сие есть отнюдь не богопротивное действие, ибо даже освещено отцом нашим равноапостольным князем Владимиром, сказавшим великую истину: пити есть веселие Руси и не можем мы без этого быти». — «Верно, Владыка, верно, — поддержал тот, кого Р. называл «князенька», вероятно, это был Андроников24, которого я не встречала как-то раньше, а Р. вообще никого не называл почти по имени. — Мы без вина, — продолжал он, — как рыба без воды». — «Дело говоришь, князь, дело, — забормотал Р., потягивая мадеру. — Пей, грех не страшен: через грех душа очищается. А после угоднички отмолят нас!» — «Только им и дело, что ваши грехи отмаливать», — сказала я. Р. ударил кулаком по столу так. что все чашки подпрыгнули: «Отмолят, я говорю отмолят, ваши не захотят, мой сибирский отмолит. У меня теперь свой есть!» — «Воистину твой, батюшка Григорий Ефим., — заикаясь, заговорил совсем пьяненький попик. — Уж так ты нас своих земляков обеспечил, дай тебе Боже многие лета здравствовать — открыл нам источник благо, теперь, с той поры как мощи святителя Иоанна Тобольского у нас открыты, ежечасно к нам текут приношения и нам малость сирым и убогим от щедрот перепадает». — «Врешь, поп! — закричал Р., — какая там малость, мощам деньги не нужны, все в ваш карман течет. Небось домишко выстроил да и дочерям на приданое кое-что отложил. А все через мово угодничка, ноги мои вы мыть должны и воду пить, вот что!» — «И выпьем, и выпьем», — икая, твердил все более хмелевший попик. «Я Самарину25 так и сказал, — горячился Р., — хошь разорвись, лопни глаза твои завидущие, а мово угодника не трожь. Ну и что же, по-моему все выходит, не сегодня завтра Самарину тю, тю, а там найдем себе друга и защитника кого поставить! так ли я говорю», — и Р. опять ударил кулаком. «Так, так, Григор. Еф., ваши слова всегда мудры и справедливы», — сказал князь, подливая всем мадеры. «Они, брат, думали, Синод-то, что им меня удастся провести, — хвастал Р. — Ан нет, думали, запретим, мол, не утвердим открытие и все отменят. А мы с Варнавкой26 сами их провели — царь-то нам разрешение прислал, а потом ему назад-то спятиться и нельзя. Тут Самарин уж юлил, юлил вокруг него, просил отменить разрешение, по-ихнему поступить, по Синоду, а царь уперся на своем. Что, мол, сказал раз-то, и ладно, царь я или нет?» — «А какой это святой Иоанн Тобольский?» — полюбопытствовала я. Р. живо ко мне повернулся: «А это мы с Варнавкой епископом доспели себе в Сибири мощи. Обидно нам показалось, что в Рассеи мощами хоша пруд пруди, а у нас ни ... одних нет. Како может быть православие без мощей». — «Какое там без мощей благолепие», — бормотал попик икая. А князь все подливал и подливал, компания становилась развязней. Пора было уходить, и как ни жалко показалось мне не услыхать больше подробностей об этом диковинном открытии, надо было бежать вовремя. Я встала: «Мне пора, Григ. Еф.», — он вцепился в меня. «И не выдумывай, и не бормочи зря, пчелка, ни в жисть не пущу». Но я пошла к двери, таща его за собою: «Пустите, Григ. Еф., все равно уйду!» — «Ах ты супротивная, — сказал он недовольно, отступая от меня, — и чего тебе не сидится на месте, чисто ветром тебя перегоняет». — «Ничего не поделаешь, надо идти», — и я открыла дверь в переднюю. «Вот что, душка, — заговорил Р., удерживая меня, — знашь что, приезжай ко мне седни в пять часов, поедем с тобою поплясать». — «А куда?» — спросила я. Он успокоительно кивнул головой: «В верно место, не в трахтир, к друзьям тут одним». — «Ну хорошо», — согласилась я, очень уж было мне интересно посмотреть его знаменитую пляску, я о ней только слышала, но до этого случая видеть ее мне не приходилось... Когда я приехала к пяти часам, то застала Р. в приемной, окруженного четырьмя мужчинами и одной дамой. Все были не то евреи, не то армяне и крайне подозрительного вида. У двери стояла бледненькая барышня в легонькой

не то армяне и крайне подозрительного вида. У двери стояла бледненькая барышня в легонькой кофточке.

Окружавшая Р. публика галдела на ломаном русском языке, о каких-то концессиях или кондициях, слышались имена господина Мануса и господина Рубинштейна27, причем Р. умоляли сделать на кого-то нажим, чтобы концессия осталась за ними. Р. отмахивался и палкой, и руками и бормотал свое обычное: «Ну ладно, ну сделам, ну на утрие приходи, ну тесно больно время-то!» Увидав меня, он обрадованно побежал мне навстречу: «Ах, ты моя дусенька, ну спасибо, пчелка, что не обманула». Взяв меня под руку, он потянул к выходу и задержался около бледной барышни: «А ты, душка, почто ко мне, тесно время-то больно». Она подняла на Р. хорошие темные глаза, полные слез: «Григ. Ефим., я — вот письмо, мама там заболела, а я, а у меня — мне так стыдно...» — она совсем смешалась и только сдерживала рыдания. Р. всполошился — бросив палку, он обнял ее за плечи и заглянул в лицо: «Ах ты душка, ну ничего, не горюй, мать-

то, говорю, велико дело мать, только не помрет твоя мать, поправится, да поезжай ты к ней, — вдруг обрадовался он, — постой, я те сейчас отщелкаю». Распахнув шубу, он достал торопливо из кармана металлическую машинку, какие делали для трех серебряных монет 10, 15 и 20 коп. «Вот видишь, — продолжал он, показывая машинку. — Мне Аннушка вчера дала, теперь золотых-то нету, спрятались, ну я те нащелкаю, давай руку». И в протянутую руку девушки он скинул три пятирублевых золотых. «Григ. Еф., что вы, не надо, Григ. Еф.», — смущенно отказывалась барышня, но развеселившийся Р. достал из кармана еще бумажную десятку и пятерку и, сунув все это ей в руки, он, не слушая благодарности, схватил поднятую кем-то из мужчин палку, опять взял меня под руку и чуть не бегом побежал вниз по лестнице. Мы вышли на улицу, у ворот пыхтел автомобиль защитного цвета с шофером-солдатом. Увидав Р., он сделал под козырек. Р. в ответ помахал палкой и живо ступил на подножку, таща меня за собой. Сопровождавшая его компания засуетилась, подсаживая его под руки: «Григ. Еф., так вы не забудьте, Григ. Еф., так вы, пожалуйста, устройте!» — в один голос льстиво умоляли они. «Ну ладно, ну будет, только у меня смотрите!» — погрозил Р. палкой. «Да мы, Григ. Еф., все, все готовы, да помилуйте!» — завопили они, дама молчала, ее цыганские глаза из-под черной шапочки с ярко-красным пером упорно и сердито-заманчиво глядели на Р., но он не смотрел в ее сторону. Автомобиль отъехал, напутствуемый пожеланиями. Р. уселся, развалясь на глубоком сиденье и засунув руку в мою муфту. «Вот не люблю я ее, — сказал он внезапно, — губернаторшу, не лежит моя душа к ней, а лезет-то как! во только не нужна она мне, нет в ней ласки, не верю ей!» — «Кто она такая?» — спросила я, он поморщился: «Насчет поставок там разных на армию, офицерша одна, да ведь ты знаешь, пчелка, фамилий-то я не упомню, на што, вон тебя люблю, второй год тебя знаю, а как зовут не упомню».

На углу Невского автомобиль попал в затор и, притиснутый к самому тротуару, остановился у фонаря. Проходившая публика задерживалась, с любопытством глядя на нас. Р. был, очевидно, узнан, и до нас стали доноситься нелестные замечания. Р. нахмурился и засопел, но, к счастью, автомобиль тронулся. Проехали Невский, промчались по набережной и по льду переехали Неву. Р. философствовал: «Ловко можно искупаться, если вся эта штука под лед-то ахнет». — «Нет, уже, пожалуй, это не купанье будет, а похуже, — засмеялась я. — Утонем, а вы не боитесь?» — «Чего бояться-то? — заметил он благодушно, поглаживая мою руку. — В радости, пчелка, и умирать радость, не так ли?»

Мы подъехали к мрачному дому по Большому Проспекту. «Вот должно здеся, — сказал Р., вылезая из автомобиля. — А ну спроси-ка у швейцара, дусенька, тут ли живут Соловьевы?» — взяв меня под руку, он вошел со мной в парадное. Я удивленно посмотрела на Р.: «Как же так, Григ. Еф., вы говорили, что это ваши друзья, а даже точно не знаете, где они живут?» Он взглянул на меня растерянно, а этом взгляде — он у него бывает очень редко — есть что-то трогательное, почти детское: «Забываю я все, — сказал он, точно извиняясь, — делов-то путы, ну всего и не припомню». Швейцар с невыразимой угодливостью кинулся нас провожать и сам позвонил у двери второго этажа, дощечки на ней не было. Дверь открыла толстенькая пузатая женщина, совсем коротенькая. С восторженным криком: «Отец, отец! дорогой отец!» — на бросилась обнимать Р. По короткости своей она обхватила его талию и целовала в живот, громко

чмокая.

В переднюю вышел высокий костлявый человек в синих очках и распахнул обе половинки двери в комнаты, стало светло, и я разглядела его получше. Это был длинноногий субъект в несвежем костюме, худой, с сизым небритым подбородком и в синих очках. Помогая Р. раздеться, он тоже припал к нему, подобострастно целуя в плечо, и в каких-то чересчур вычурных цветистых выражениях стал благодарить за благодатное посещение. Маленькая женщина вертелась вокруг Р., подскакивая как испорченный волчок, и стонала восторженно: «Как ты нас осчастливил, отец, отец дорогой, ну идем скорее, скорее!» Мы вошли в столовую, служившую одновременно и гостиной, у левой (стены) стоял обильно накрытый стол, у правой — мягкая мебель, покрытая безвкусным красным плюшем. Весь передний угол был закрыт божницей с большими новыми ярко блестевшими иконами в топорных базарных ризах, перед ними горело несколько лампадок.

На креслах сидели двое молодых людей неопределенного положения, почтительно вставших при виде Р.

Взглянув на меня, хозяйка лукаво подмигнула Р.: «А что, отец, сменил видно душку-то?» Р., весело посмеиваясь, повел меня к столу, поясняя: «Та сама по себе, а эта сама по себе, хороша ягодка!» Мы сели. Из переднего угла кто-то пропел: «Спаси Христос!» Полусидя на коленках высокий старичок в монашеском полукафтанье и знаком союза Рус(ского) Нар(ода) на груди, перед ним грудка разноцветных шерстяных клубочков. «А, Вася, — благодушно отозвался Р. — Как живешь, Вась?» Не отвечая ничего, тот, припав к полу, разбирал свои клубочки, вынув один беленький, он поднялся и хихикая кинул им в меня, так ловко, что клубочек попал на тарелку, отскочил и скатился на колени. Хозяйка засмеялась, суетясь вокруг стола, и одобрительно похлопала жирными ладонями: «Похвалил Вась, душку похвалил». Р. пробормотал что-то невнятное. Из соседней комнаты появился хозяин, припадая на согнутых коленках и выглядывая из-под синих очков, он осторожно шел с нанизанными между пальцами обеих рук бутылками. Поставив их на стол, он сладко заговорил, потирая ладонью засаленный локоть: «А твоего любимого пока нет, отец, сейчас Ванька привезет, жду его каждую минуту, попробуй пока портвейну». — «Ну ладно, давай что ли», — охотно согласился Р., подставляя рюмку. Пригубив, он подал ее мне: «На пей, дусенька, неправда, что вино пить грех, ничего не грех, ну их к ... матери, сами блудят без толку, а в других грехи ищут. Не в том дело, што делать, а в том, как делать. Хитрость тута проста, да они, гадюки, больно много о себе понимают, а того не знают, что без греха нету спасения». Он быстро выпил одну за другой две рюмки и ударил кулаком по столу: «Расправлюсь я с ними, вота увидишь, мне што синод, што митрополиты — седни есть синод, на утрие нет синода. Кабы не война эта у нас в горле застряла как щучья кость, ух и наделали ли бы мы делов. Пей!» — кричал он, почти насильно вливая мне в рот вино. «Ну вы чего жметеся, — подозвал он юношей. — Пейте, когда я говорю — хочу гулять и буду и плясать сейчас будем. Ну начинай!» — весело распоряжался Р., наливая вино. «Больно глупы все они, — обратился он ко мне, — вот тогда в Галицию, когда наши солдатики вступили, надо бы повременить укрепиться, а синод-то сразу дело не разобрамши Евлогия28 туда православие насаждать, а немцы-то всех и турнули, и солдатиков, и Евлогия, и получился срам один и шум, и цари у-у как боле всего шума боятся». Хозяин вошел, с ним тот юноша, которого я видела утром у Р. «А, Ванька!» — приветствовал его Р. и, притянув его рядом с собою, расцеловался с ним. Хозяин с радостным лицом откупоривал бутылку мадеры, любимого вина Р. «Вот и винцо поспело, отец, пригубь», — как-то гнусно сюсюкал он, подливая Р. вина. Хозяйка принесла огромное блюдо шипящих жареных лещей. «Ух люблю!» — воскликнул Р., принимаясь за еду. Отрывая куски рыбы, он клал их мне на тарелку и, едва отерев о скатерть пальцы, гладил меня. Присев на кончик стула, хозяин умильно поглядывал на жующего Р. и, улучив минутку, когда рот Р. освободился, спросил подобострастно: «А как с владыкой Питиримом решили, отец!» Р. прищелкнул языком: «Думка одна, сюда его надо, друг и защитник. Грызня из-за него идет. Ничего, я его в обиду не дам. Питирим он молодец, охулки на руку не положит, и ловок парень, и выпить не дурак. Я письмо послал царю, Питирим пусть будет, теперь надо ждать, Питирим он свой человек». — «Только пальца в рот ему не клади», — глубокомысленно заметил хозяин, вздохнув. Р. весело захохотал: «А на кой ... тебе пальцы ему в рот класть?» — «И консисторию

вздохнув. Р. весело захохотал: «А на кой ... тебе пальцы ему в рот класть?» — «А консисторию при нем подтянут», — жаловался хозяин. Р. наотмашь хлопнул его по плечу: «А ну-ка давай балалайки. Эх люблю барыню, ну!» Мгновенно появились две балалайки и хлопнула пробка шампанского. Р. вылетел летом из-за стола при первых же звуках разудалой плясовой: «Эй ну-ка! эй, эй! А блаженненькому-то и не поднесли!» — схватив бокал, Р. побежал в передний угол. Но блаженный закрылся обеими руками и испуганно захлюпал. «Ну не хошь, не надо, я ведь не в обиду тебе, Вась». Выпив одним духом бокал, он кинул его (на) пол и пошел плясать, лихо вскрикивая и гикая. В своей нарядной лиловой рубахе с красными кистями, высоких лакированных сапогах, пьяный, красный и веселый, он плясал безудержно с самозабвением, в какой-то буйной стихийной радости. От топанья, гиканья, крика, звона балалаек, хруста разбитого стекла кружилось все вокруг, и туман носился за развевающейся рубашкой Р. Раскидывая мебель, нечайно встречавшуюся на пути, он в мгновение освободил в пляске всю середину комнаты. Блаженный, открыв рот, смотрел на пляшущего Р. и вдруг как-то по-детски

захохотал. Перебираясь и подплясывая на месте, он стал кидать в Р. свои цветные клубочки. Балалайки изнемогали, не поспевая за бешеной пляской Р. Внезапно подбежав к столу, он через него на вытянутых руках поднял меня с дивана, перебросил через себя и, поставив на пол, задыхаясь, крикнул: «Пляши!» Пройдя круга два, я остановилась у двери. Р. сейчас же подскочил ко мне, надо мной плыло его горящее лицо и бешено мчался напев: «Ой барыня, сударыня, пожалуйте ручку!» Маячились цветные клубочки юродивого, и он улюлюкал где-то... «Идем отдохнем, — шепнул мне Р. — Дай хушь разок». — «Сядь, отец, сядь, дорогой, ты устал, — запела хозяйка, подбегая к нам. — Еще мадерцы выпей или шампанского». — «Всего давай!» — благодушно сказал Р. Отдуваясь, он сел на диван: «Ну и поплясал же я сегодня, и все не то, что у нас в Сибири. День, бывало, дерева рубишь, а дерева-то какие! здесь таких и не видывали. А ночью разложишь костер на снегу и отплясываем круг него во ... твою мать, лихо живали. А то скинешь рубаху и по морозцу нагишом, а морозы не вашим чета! Здесь что, хмара одна в городах ваших, а не жисть!» — «Григ. Еф., идемте странствовать», — сказала я. «А ты што думашь? — весело отозвался он. — Я тем только крепость свою и храню, что знаю, как только кака заварушка, так я котомочку за плечи, палку в руку и пошел, понимашь? Воля-то она обща божья и земля божья — ходи знай, нигде тебе запрету нет. Вот лето придет и пойдем. В лесу ух тяжко хорошо, костерик зажжем, на мошку полежим, под кустом побалуемся, ух сладко!»

В комнате было нестерпимо жарко, один из юношей совсем пьяный сидел на ковре, глупо расставив колени, два другие лениво тренькали на балалайках. Свернувшись клубком, спал в углу юродивый, прижимая к груди свои мотки разноцветной шерсти. Хозяин зорко следил за мною из-за своих темных очков, и от этого пристального взгляда становилось как-то жутко и неприятно. Вдруг Р. ударил кулаком по столу и указал на свой пустой бокал. Со всех ног бросившись его наполнять, хозяин спросил своим елейным говорком: «А как же с собором думаете поступить, Григ. Ефим., все-таки будут его собирать?» Тупо на него взглянув, Р. сказал невнятно отяжелевшим языком: «Понимашь, война — дай с ею разделаться... ее мать. А то нешто за нами дело, мы живо все обделали, Рассеи без патриарха худо, только бы мир заключить, сичас собор созовем и поставим патриарха». — «Ну а как насчет консистории?» — мямлил хозяин. Но Р. внезапно выскочил из-за стола и ударил в ладони: «Эх, барыня, сударыня ... ее мать твою консисторию, а Питирима, сукина сына, проведем в митрополиты, ой, барыня, сударыня, мне что синод, мне что Самарин, я знаю сам, что скажу, пусть будем. Испуганно застонал проснувшийся блаженный. Юноша, сидевший на полу, пополз почему-то на четвереньках за носившимся как бес в дикой пляске Р. Отчаянно заливались балалайки. «Нынче не пущу, — кричал мне Р. — Ко мне ночевать. Ой барыня, сударыня, пожалуйте ручку!.. Мне что собор, плевать мне на церковь, мне что патриарх на ... его, что Питирим, мне штоб было, как сказал», — и, громко гикая, он несся по кругу. Незаметно встав из-за стола, я осторожно пробралась к дверям передней. Притворив двери за собою, я ощупью нашла свою меховую шубку, кое-как накинула ее и поспешно ушла, а мне вслед несся разухабистый мотив плясовой и выкрикивания захмелевшего Р.: «Ой, барыня, сударыня, пожалуйте ручку. А Питирим ловкий парень, молодец. Будет у меня митрополитом сукин сын. Эй, Ванька, играй веселей!!»

Глава IX

Глава IX

Распутин о созыве думы в ноябре 1915 г.

В этот мой приезд весь Петроград говорил только об одном: будет или нет открыта гос(ударственная) дума, где в это время шли заседания бюджетной комиссии. У Головиных я слышала, что Р. тормозит открытие думы, т. к. боится выступлений против себя, и императрица тоже поддерживает в царе мысль о нежелательности возобновления заседаний думы. Я в политике всегда была слаба и интересовалась этими вопросами позорно мало, но т(ем) не менее на этот раз мне захотелось узнать хотя отчасти, какую роль Р. играл в деле Госуд(арственной) Думы. В газетах по какому-то тайному приказу всячески избегались какие бы то ни было намеки на деятельность Гороховой ул. 69, где в это время жизнь стала напоминать вечный базар: беспрерывные звонки телефона, звонки у парадного, масса народу, толчея во всех комнатах, приходящие и уходящие посетители, беспорядочно наваленные подношения, шмыгающая отупевшая от беготни Дуня — все это создавало такую нервно-напряженную атмосферу, выдержать которую долго было невозможно. По большей части посетители были женщины, и все новые, некоторые имели очень подозрительный вид, и вся обстановка дома приобретала иногда, особенно по вечерам, вид какого-то низкопробного приюта.

Раз как-то, когда случайно перемежились посещения и (в) доме было сравнительно тихо, я сказала: «Гр. Еф., что это вы у себя за ярмарку устроили, как вы жить можете?» Он беспокойно забегал глазами и пробормотал уклончиво: «Ничего не поделаешь, пчелка, и рад бы уйти, да не пущают, так сейчас все расстроены, дела-то больно плохи, понимашь, и война эта, Родзянко29, сукин сын, мутит». — «А почему не открывают думу и не сместят Горемыкина30, — спросила я. — Ведь все только и говорят об этом». Р. тяжело вздохнул и почесал под мышками: «Сами виноваты, зачем совались с запросами насчет меня. Я им толковал: каке таки запросы, штоб не было никакех запросов, и знаю, передали псу Родзянке, а они все за свое. Шалишь, им меня не свалить, скоре сами свалятся.

Што таперя будет, тошно и подумать, што левы, што правы, думски эти россказни все едино к гибели ведут Рассею. Правда-то есть, только далеко она и им, золотопупым, до нее не дойтить. Народ когда ни то ее скажет, правду-то, мужики, а только говорить им не надо, так они молчком». — «А отчего же не поискать хороших людей?» — спросила я. Р. заволновался: «Сами виноваты хорошие-то, болтают много зря, ну вот и не верят им, одно слово, боятся. Я уж тут и то об Думе-то поговорил царям, не гляжу на то, што думски меня как пса паршивого понимают, Родзянко этот самый, враг лютый. Зависть сеет и злобу, а бесам того и надо. А я зла не помню и сказал царю сам: «Дай ты им, собакам, по кресту, и Куломзину31 крест, и Родзянке, сукину сыну. Мне што, пусть подавятся, а я на них сердца не имею, я за Рассею всей душой». Р. замолчал. Молчала и я. На дворе шел снег. Совсем стемнело. Уткнувшись в уголок дивана, сидел сжавшись каким-то серым комком Р. Сложив на груди руки, он сидел неподвижно, точно застывший. Застучал ветер неплотно прикрытой заслонкой. Наклонившись, я спросила тихо: «Гр. Еф., что вы можете?» И так же тихо ответил Р.: «Все могу!» Было почти темно, едва отделялась голова Р. от запотевших стекол окна, спиною к которому он сидел. И снова я почувствовала присутствие темной силы, поднявшейся из глубины Сибирской тайги и захватившей в свои лапы последние остатки здравого смысла правителей этого призрачного города, о котором давно уже было сказано: «Петербургу быть пусту». Мне стало жутко, и я громко сказала: «А что же вы сделали?» Но голос мой ушел куда-то в пустоту, точно в комнате никого кроме меня не было. Это продолжалось какую-нибудь секунду, а потом услыхала я обычный говорок прежнего Григ. Еф. Подобравшись ко мне и поглаживая, он спросил: «Ну а што сделать-то по-твоему надо?» — «Я не знаю, что надо, — сказала я. — Я ничего в делах не понимаю, я только слышу, как все осуждают то, что сейчас делается. Вот, например, все недовольны министром Хвостовым32, кто его назначил?» Р. прищурился: «А што про его говорят-то», — осведомился он, почесывая под мышками. «Говорят, что это ставленник черносотенцев и в Нижнем он такой же был. Министру надо быть все-таки умным, а Хвостов только толстый...» Р. усмехнулся: «Може ты знашь кого ни то в министеры, пчелка, скажи, подумам. В его не влезешь, хоша он и министер, а у другого, думашь человек, а у него банно

подумам. В его не влезешь, хоша он и министер, а у другого, думашь человек, а у него баню мочало заместо ... какой он министер. Подай-ка мне бумажки да зажги свету, совсем было и позабыл написать пратецю». Я сделала, как он велел, и Р. принялся писать, тяжело дыша и отдуваясь: «Эх тяжело, пчелка, грамоте плохо я учен, вот не дается мне она ... мать ее, — говорил он, медленно выводя буквы. — Тут слыхала, чай, хотели меня было доспеть в священники[33], хоша я это крапивно семя не очень уважаю, ну а все же стал было иктиню[34] учить, так, понимашь. никак, бились, бились, так и бросили. Бида безграмотному на свете жить. Ну вот и написал». В это время позвонили, а потом в дверь просунулась голова Дуняши: «Пришел там опять энтот, Григ. Еф.». — «Ладно, ладно, сейчас, пусть ждет», — отозвался Р., дуя на письмо. «Что вы пишете это, Гр. Еф.?» — полюбопытствовала я. Он с готовностью передал мне написанную записку. Его обычными огромными кривыми буквами там стояло: «Милаи дорогои исделаи просит ниапасно какую то чинушку пусть будит Григорий». «Что же это обозначает, Гр. Еф.», — озадаченно спросила я, не поняв загадочный иероглиф. Р. посмотрел

на меня с удивлением: «Нешто непонятно, пчелка? Насчет чину тут один все ходить старается, чин ему, вишь, нужен повыше, ну што же, почему ни дать, пущай радуется. Барке[35] это я пишу, который хинансовый. Пущай дасть. не жалко».

Р. выбежал и, через несколько минут вернувшись, сунул в ящик письменного стола комок сотенных. «Вот, — сказал он, усмехнувшись, — пригодятся. Не люблю я деньги, хмара, зло от них. А на добры дела брать надо». «И много же чудаков находится, — продолжал он, усаживаясь опять рядом со мной. — Вот тут недавно один все ходил, старался, дворянство, вишь, хотелось ему доспеть». — «Ну и что же, дали ему?» — спросила я. «Дать-то дали, только не тако како бывает родовито, того, вишь, не дают так, а дали на одну рылу, понимать?» — «Ах личное значит, — сказала я и поинтересовалась. — А сколько же с него взяли за это?» — «Денег-то, — отозвался Р., — денег туды он дал тыщ 25—30». — «Кому, вам!» — воскликнула я. Он отмахнулся: «Ну вот чего еще не скажешь! На ихнее благотворение разное, а не мне. Аннушка ему там указала сама, кому давать. И я взял, ну не столько же. Ну а што хотела ты мне про дела-то сказать?» — и он придвинулся поближе. «Расскажите мне, отчего не созывают думу», — попросила я. Р. внезапно разгорячился: «Да ты почему думать, дусенька, што я не хочу думу открыть?! — воскликнул он. — А может, я царю говорю одно, а он ладит другое, знашь его, какой он вредный, всюду умыслу ищет. Редкий день меня не спросит: «Григорий, скажи ты мне, царь я или нет? Скажи Христа ради. Ну а ежели я царь, почему мне волю мою провесть нельзя, почему я должон из ихних рук смотреть?» Вот, слышь, што я тебе про думу расскажу. Поехал я вчерась в Царско. Темно к царю пришел, он один. Вижу, все он в думке и с думой не знат как быть, да и со ставкой. Я ему и сказал: «Много шуму, много спору, а все суета. Дай им, собакам, кость, враги пусть плачут. Брось праздник который Егорья, не езди в ставку, собери думу, поди к ним да скажи: вот я, мол, вот вы народ, а я царь ваш я. Нате вам Горемыкина, сукина сына, ешьте его, коли не угодил. А я вам другого министера доспею». Ты думашь, царь не знат, што все на липочке виснет, как веревочку ни крути, а концу быть — мы давно у кончика. Думать, он не молится да не плачет? а што делать. И война эта сама, и дворовы ерники вовсе его скрутили. А бесы боле и рады, враги ищут! А он добрый, маленький он, ну и забижают его. Ну сказал я ему про думу, он ничего, согласился со мною, открыть, сами видим, как смерти не миновать, надо. Помолились мы с ним, поплакали, выпили по малости. Царь и говорит мне: «Григорий, я, слышь, и открыл бы думу, пес с ними, а только жиджет...» — «Это бюджет, Григ. Еф.?» — переспросила я. «Ну да, ну да, жиджет этот самый, при коем теперь комиссия сидит — так вот, говорит мне царь-то, — «жиджет, Григорий, у них не готов. Как только откроем, делать-то им будет нечего и примутся они на голодни зубы за тебя да за императрицу, попреки там разны пойдут, запросы, а я и так весь больной стал», — и плачет, и плачет. Стал я его утешать, говорю: «А что бесам и надо, все на твоих друзей идут. А ты не строго наступай. Ласкай их боле. Ласка мягчит, не в пример силу». Ну помолились мы с ним, поплакали и решили откроем, что будет. И на утрие, решили, приеду я и он приказ подпишет. А сидни приезжаю. А Горемыкин у него, и они приказ подписали, отложил, соберут в декабре. Тут я на царя осерчал и крикнул ему: «Да што же ты это делашь-то». А он мне: «Не могу, — говорит, — помоями поливать станут, время у них больно много слободного будет — не сготовили жиджет. Какое множество злобы». Говорю ему, царю-то: «Ну может еще разок тебе сойдет, а боле им ни-ни не жди». А он мне: «Гриша, да ничего я

царю-то: «Ну може еще разок тебе сойдет, а боле им ни и не жди». А он мне: «Прииша, да нешто я не знаю, что скоро уйдет последняя подпорочка», — и плачет, и плачет».

В комнате было почти темно, из столовой под дверь пробивалась узенькая полоса света. Р. тяжело дышал около меня. А мне казалось, что там в углу я вижу маленького полковника в малин(ов)ой рубашке, плачущего перед образами, а около него пестрые кисти пояса и развевающаяся борода Р. Над ними стонет тысячелетняя боль России, нищей, голодной и холодной, далекой от камней столицы, от царского трона, от залитых золотом мундиров, от всего этого чуждого и не нужного ей кошмара жизни, одиноко идущей путем страдания по пыльным дорогам серых бедных деревень...

Палящее дыхание Р. все ближе наклонялось ко мне, и он шептал в каком-то забытьи: «Знашь, где правда та? в мужике она, он только и крепок, а все остальное на липочке. Убить вот меня ищут

враги, а подпорочка-то ведь я, высунут, и все покатится, и сами со мной укатятся. Так и знай...» Вдруг резко блеснул свет и на столе зажглась лампа. От неожиданности я вздрогнула, а Р. прищурился. И сразу стало светло, понятно и обычно. Р. усмехнулся и заговорил своим быстрым говорком: «Ну што же теперь делать, отложить пришлось думу-то. А Горемыкину не усидеть теперя, мы его сместить думам. Нашли тута немца одного, то ись у него только прозвание немецко Штюмир36, так что, думам, приживется. А Родзянке царь хорошо рискрип написал. Пущай лопат, сукин сын, будет ему крест. Я на него зла не держу. Ну идем, попьем чайку».

Дня четыре спустя, я опять пришла в сумерки на Гороховую. В квартире было почти темно и тихо, и казалось, что дом пустой и обитатели выехали. На стуле в передней сидела скорчившись какая-то женская фигура. «Где Григ. Еф.?» — спросила я, входя вслед за Дуней в пустую столовую. «В спальну идите», — отозвалась она сердито и ушла. В спальной, освещенной лампадкой, я увидала лежавшего на кровати Р., около него сидела Муня, а еще одна молоденькая, очень хорошенькая барышня, незнакомая мне, стояла наклонившись над изголовьем, и Р. гладил ее по груди, поскрипывая зубами. Увидав меня, он сказал весело: «Вот и пчелка пришла — пусти ее поближе, Мунька!» Муня встала с постели и пересела на стул, а я села на ее место. «Неугомонная она, — сказал Р., обращаясь к обеим барышням, — все меня мучит, то раскалит всего и уйдет, а то допытываться начнет, почему я для Рассей не делаю ничего, а что сделашь, коли враги ищут».

Вошла Дуняша и сказала, что приехал Бадмаев. Это знаменитый восточный врач, лечит он тибетской медициной, а больше заклинаниями, его слава очень отзывается славой шарлатана, но т(ем) не менее он принят всюду и, говорят, его часто приглашают во дворец останавливать кровотечения у наследника. «Больно вставать неохота», — лениво потянулся Р. Потом быстро поднялся, сел, встряхнулся и, зевая, промычал: «А ну-ка, где мои туфли?» Обе барышни кинулись под кровать доставать клетчатые туфли Р. и, стоя на коленях, обули их ему, одна правую, другая левую ногу. «Ты меня здесь подожди, — сказал мне Р. — Я его, кота, скоро отправлю, побеседум тогда», — и он убежал. «Пойдемте в столовую, — предложила Муня. — Там мама. Как хорошо, что вы зашли: я завтра тоже еду с Акулиной Никит, в Верхотурье37 к Ольге Влад.». В столовой кипел весело самовар и за обильно заставленным столом сидела Акул. Ник. и Люб. Вал. Мы сели, и Люб. Вал. стала мне рассказывать про Верх(отурье) и старца Макария38, у которого живет Ольг. Влад. и который наставлял самого Гр. Еф. «Вообразите, живет в каком-то чулане и спит на дровах...» Вбежал Р., и началась обычная суета: его вызывали, кто-то приходил, уходил, беспрерывно звонил телефон. Муня была, видимо, чем-то взволнована, и ее светлые глаза мигали больше обыкновенного, а на нежном лице выступали красные пятна. «Вы завтра едете?» — спросила я. «Да, завтра вечером, но сейчас заедет в автомобиле Штюрмер, они едут в Царское с Гр. Еф., а мне необходимо надо, чтобы он пошел со мною купить для Ольг. Влад. ножницы». — «Зачем ножницы?» — спросила я удивленно. Муня вся вспыхнула: «Ну она так верит, она не берет в руки ни одной вещи, не освященной Гр. Еф., и вот надо, чтобы он сам купил ножницы, а он так занят!» Она тревожно оглядывалась на дверь в переднюю, куда вышел Р. Акул. Ник. встала и, бережно неся свое полное тело, подошла к стулу Р. и стала пить из оставленного им стакана чай с нарезанным яблоком. «Муня, — окликнула она, — А я чай отпа

оставленного им стакана чай с нарезанным яблоком. «Муня, — окликнула она. — А я чай отца допиваю!» Муня быстро повернулась, и мгновенная зависть мелькнула в ее глазах; но сейчас же она радостно улыбнулась и, схватив накусанное, но не доеденное Р. яблоко, спрятала его за кофточку. «Это она для Ольг. Влад.», — снисходительно заметила Люб. Вал. В столовую быстро вбежал Р.: «Эх время-то больно тесно. — забормотал Р., — Татищев*39 там приехал, вместе к Штюрим поедем, а оттуда в Царско. Надо поболе набрать друзей, штоб от врагов блюли, цари больно шуму боятся, а от друзей спокой. Ты, пчелка, приходи вечером завтра, лома буду, придешь?» — он на ходу поцеловал меня и пошел было в спальню. «Гр. Еф., — умоляюще протянула Муня. — А как же купить для Ольг. Влад., ведь вы обещали пойти вместе с Муней, это здесь же на Гороховой, всего несколько шагов пройти». — «Ну знаю, ну что пристала. Ну сделам, — нетерпеливо отозвался Р., — куплю твоей бешеной, куплю», — и шмыгнул в спальню одеваться: шуба у него по-прежнему висит всегда в спальной и боты стоят там же рядом с палкой, почти у самой постели. Муня подошла к матери: «Мама, ты мне можешь дать денег,

пожалуйста!» Люб. Вал. вздохнула: «А сколько?» — «Рубля полтора, не больше», — извиняясь, сказала Муня. Открыв свой бархатный мешочек, Люб. Вал. вынула требуемые деньги. «Ах, эти марки, — вздохнула она, обращаясь ко мне, — давно ли я взяла их на 15 р. и вот уже ничего нет: теряются они невозможно, просто несчастие!»

Из спальной выскочил Р.: «Ну скорее, скорее», — заторопил он, пробегая в переднюю. Здесь Муня сняла с вешалки розовый атласный стеганный на вате шугай40. Мне стало невольно как-то страшно за Муню: не с такой же ли одежды начинала Ольг. Влад. свое намерение изобразить собою пасхальную радость? И, желая скрыть произведенное на меня неприятное впечатление этой непонятной одеждой, я похвалила шугай. Муня радостно вспыхнула: «Как я рада, что Вам нравится, я нарочно везу его показать Ольг(е) Влад. А сверху вот», — она надела поверх шугая синее осеннее пальто. «Странная одежда для зимнего путешествия», — подумала я. Р. увлек меня на лестницу, не ожидая, пока остальные кончат одеваться, и шептал на ухо: «Хошь приходи седни ночевать, я к одиннадцати вернусь?» — «Нет, не приду», — сказала я, сбегая вниз. Нас догоняли Муня и Люб. Вал. «Вот возьми ее, — сердито говорил Р., — раскалит и уйдет и ни ... не даст. Што я тебе подкова железна што ли, што ты меня калишь?» Я посмотрела вбок на Муню и Люб. Вал., но их лица не выражали ничего, кроме волнения о том, пойдет или не пойдет с ними Р. для покупки ножниц. А объяснение Р. о том, чего он от меня хочет, были более чем ясны. Почему же это считается здесь на Гороховой в порядке вещей и не смущает никого?

Сыщик, всегда дежурящий в подъезде, для чего здесь даже поставлена железная печка, почтительно раскланявшись с нами, кинулся открывать дверь. Мы вышли на улицу. У ворот стоял элегантный автомобиль-карета, и в нем виднелась закутанная в меха фигура. При нашем появлении лакей, стоявший у автомобиля, открыл дверцу, но Р. махнул палкой: «Поезжай за нами. Вот пристали, — ворчал он, стукая палкой по тротуару, — как пиявок, ну пошли што ли». Дверца захлопнулась, и автомобиль тихо двинулся за нами.

Странное зрелище представляло наше шествие: впереди стелилась Люб. Вал. в своей длинной лиловой ротонде, она быстро неслась вперед, с тревогой вглядываясь во все встречные лавчонки, сзади я под руку с Р., он недовольно ворчал: «Не пойму я, чего они стараются, ну не все ли равно, кто купит, а все суета, ее дурь да лютость. Эка нескладеха ленточна...» Позади нас спешила Муня, неестественно толстая от топорщившегося под пальто шугая. Сбоку совсем близко от тротуара, шагом ехал нарядный автомобиль. Наконец мы остановились около железной лавчонки, и Люб. Вал. со вздохом облегчения сказала: «Здесь, Григ. Еф.», — и торопливо юркнула в лавку, Муня за ней. Р. весело простился со мной, громко на всю улицу расцеловав, и пошел тоже в лавчонку «святить» ножницы для Лохтиной, которыми она стрижет ленты для своего наряда.

Автомобиль остановился, и господин откинулся назад в позе, выражающей готовность ждать сколько угодно. Я уходила медленно и думала о том, что все это напоминает какой-то нелепый сон, который выдумать нельзя, именно потому, что он так прост.

Глава X

1916

Ольга Владимировна Лохтина

Если бы мы захотели поискать в истории пример Лохтиной — генеральши, богатой изысканной женщины, превратившейся из изящного утонченного существа во что-то грязновато-сумбурно-кошмарное, напоминающее монастырских юродивых вроде Пелагеи Дивеевской или Паши босоножки, — то нам не надо далеко идти. Ровно сто лет тому назад в 1815 г. в том же Петербурге в Михайловском дворце был основан Екатериной Филипповной Татариновой, вдовой полковника, рожденной баронессы Буксгевден, хлыстовский корабль, члены которого виднейшие представители тогдашней знати почитали Татаринову за богородицу41. В угоду ей

плясали ночью в радельных рубахах и призывали на себя голубя духа, веря в то, что, вошедший в них во время радения на святом кругу, он даст им дар пророчества. Здесь же появлялись новоявленные «живые боги», власть которых была безгранична. И царь Александр I глубоко почитал Татаринову, бывал у нее на собраниях и даже крестил ее младенца, добытого «духовным» путем во время радений. Про таких детей хлысты учат, что они рождены не от плоти и желания мужа, но от духа и наития духа бога. Но если в 19-м веке, на заре русского мистицизма, все это было покрыто тайной и все участники тщательно сохраняли эту тайну от грубых рук непосвященных, если все это носило строго аскетический характер, хотя порой и превращалось в буйную оргию прорвавшихся страстей, но все-таки тогда признавалось, что вся цель таких радений направлена к умерщвлению плоти. Не то получилось в двадцатом веке на грани гибели старого подгнившего строя, полнейшего разложения высших правящих кругов, в предсмертной тоске искавших выхода то в одном, то в другом кружке богоискателей, кидавшихся в услужливо открытые объятия шарлатанов, с готовностью бравшихся разъяснить тайну жизни, как, напр(имер), знаменитый маг Филиппов42 в 900—03 году подвизавшийся в Петербурге, главным образом в салоне Александры Федоровны и Черногорских княгинь43. В этот век падающих устоев, тщетно опиравшихся на подгнившие подпорки лицемерных приличий, когда все жили в каком-то забытье, стараясь кто чем мог залить ужас ожидаемого и предчувствуемого возмездия, все формы этого стремления забыться получались кошмарно нелепыми. Таковым было и появление при дворе в страшный 1905 г. сибирского странника Гр. Распутина, введенного туда духовником царицы Феофаном. В такую же уродливо несуразную форму вылилось и обожание и признание его пророком, а потом и богом Саваофом, его богородицей и пророчицей Лохтиной. Приняла ли она только вид юродивой или же действительно помешалась, отвергнутая Р.? Это установить трудно, так же трудно решить, нравилось ли Р. ее поклонение, ее дикая экзальтированная проповедь: «Падите ниц! Сам Бог сошел на землю!!» — вопила она, звеня надетыми на себя четками и размахивая рукавицами Рас, куда складывала оставшиеся после него обкуски, пуговицы, оторванные от его брюк, разбитые чашки, из которых он пил, ломанные гребешки и тому подобную дрянь. «Если я замолчу, то камни возопиют!» — по-кликушечьи выкрикивала она, а Р., грозя кулаком, приговаривал, злобно косясь на нее: «Вот как перед Истинным, продолблю я когда-нибудь ей череп, этака подлюга, дура ленточна!» — «Бог! Бог мой, Бог!!» — исступленно вопила в ответ Лохтина. Но и старая Головина, и мать ее Ольга Вас. Карнович не раз говорили мне, что они твердо убеждены в том, что если бы Р. один раз сказал Лохтиной, чтобы она прикончила свои чудачества, то она бы это сделала. И хотя он и писал ей на своей своеобразной орфографии: «Умоляю нефатазируй. Боле дома сиди мене говори неиши в дватцатом веке бога на земле». Но опять-таки остается под большим сомнением, где тут притворство, где искренность. Недаром Муня Головина говорила: «Ольга Владимир, и Григорий Ефимыч так дополняют друг друга — без нее я никогда не могла бы точно понять и оценить Григ. Еф.!» Муня считала себя послушницей Лохтиной. И в самом деле почему не предположить, что юродствующая и кликушествующая Лохтина, признававшая его Богом, была нужна Р. для какой-то своеобразной рекламы и что ему было лестно, как такая видная светская дама, приближенная царей, из желания стать ему угодной бросила мужа, детей, свет, богатство и стала юродивой Распутина ради, как раньше бывали юродивые Христа ради.

Недаром Головины мне говорили, что царица и Вырубова иначе не называют Лохтину как «святая мать» и только в самое последнее время в 15, 16 году к ней охладели при дворе, вероятно, в связи с ее выступлениями по поводу монаха Иллиодора, из страстного почитателя Р. ставшего его обличителем и врагом и после неудачной попытки свести Р. с пьедестала сосланного на заточение в монастырь и бежавшего в 1914 г. за границу, где он стал писать обличительные статьи против Р. Лохтина же продолжала по-прежнему считать Иллиодора Христом и говорила открыто, что все это только козни, а что Отец и Иллиодорушка друг друга и ее очень любят и что скоро все соединятся. Р. приходил в бешенство от таких речей Лохтиной и рычал, сжимая кулаки: «Замолчишь ли ты, сука, не напоминай мне про эту собаку Серьгу Труфанова, я его, пса, съем». А потом, обращаясь к нам, он прибавлял: «Вот тут и пойми что-нибудь: Серьга Труфанов (мирское имя мон(аха) Иллиодора) считает меня мошенником, плутом и развратителем, а Ольга бешена — богом Саваофом, лопни ее глаза, и с ним съединилась, и вместе, проклятые, из церкви ушли». А Лохтина в спокойные минуты (без Р., т. к. при нем она только кликушествовала)

давала свои объяснения такому противоречию: «Отец любит Иллиодорушку, ох, любит, и он его ждет, ждет. Здесь сейчас немцы работают. Я знаю, все знаю, Александра (царица) у, злая, притворщица! думает, я ей верю, что она Россию спасает? ложь, ложь, все ложь! а Иллиодорушка побежал, побежал туда к немцам, там прикинулся, что поссорился с отцом, и все узнает, и все напишет, и прибежит, прибежит назад, а я к нему приложуся, и всех выгоним, выгоним и министров, и немцев, и будет у нас на земле небо и рай, и будет нами править Бог Саваоф и Христос, а я у них в ножках сяду, и все пойдет так, пойдет гладко, гладко».

Чем же эта великолепно нарисованная картина небесной иерархии отличается от проекта Небесной Канцелярии, сто лет тому назад сочиненной камергером Елянским — скопцом и полусумасшедшим мистиком, предлагавшим все управление государства Российского вверить скопческим и хлыстовским пророкам?44 При особе императора должен был состоять живой бог скопцов некий Селифанов, «боговдохновенный сосуд», который будет «все тайны советы по воле небесной апробовать». При каждом министре Елянский предлагал определить по одному пророку и на каждый военный корабль по пророку, а «командир должен иметь секретное повеление заниматься у пророка благопристойным и полезным советом, не уповая на свой разум и знания». Про себя же лично Елянский писал: «Я с двенадцатью пророками обязан буду находиться всегда при главной квартире Правителя (т. е. императора) ради небесного совета и воли Божией, которая будет нам открываться при делах нужных на месте». Проект был представлен Александру через Новосильцева45 в 1803 г., тогда на Елянского взглянули как на сумасшедшего и отправили на покой в Суздальский монастырь. Но уже в 1813 г. Александр посещал Селифанова и отдавал тайный приказ о том, чтобы полиция не имела доступа в дом купцов Ненастьевых, так называемый у скопцов «Давыдов дом», где проживал Селифанов. А через сто лет потомок его не предпринимал ни одного решения, не одобренного отцом и пророком Гр. Распутиным. Разница очень небольшая: печальный мистик Александр, искавший духовного совета у Селифанова, Татариновой и ловкой интриганки баронессы Крюднер46, и слабый волей, растопивший в вине остатки здравого смысла последний царь умирающего старого строя, окружавший себя косноязычными юродивыми, вроде Мити Колябы, блаженненького Васи, Матрены босоножки, а помощь и поддержку находивший у Гр. Распутина, отвергнутого хлыста за то, что он свел учение людей божиих на служение своей неистовой похоти, не знавшей ни границ, ни предела. Может быть, в самое последнее время замученный неудачами войны и все более и более становившийся подозрительным, царь действительно, как говорила Муня Головина и сам Распутин, далеко не всегда принимал советы «божия старца», но о том, что вся министерская кувырколебия и Синодская вакханалия были в последние годы доживающего режима делом рук Р., свидетельствуют массы показаний лиц, принимавших в этом непосредственное участие, а также и собственноручные письма Р. Стоит прочесть два-три из них, чтобы точно понять, какое имел на это влияние Р. Что же касается до Лохтиной, то ее роль пока еще остается невыясненной по отношению участия ее в политике. Скорее всего она со страстным нетерпением стремилась только к одному: признанию Р. повсеместно богом Саваофом, сошедшим на землю, и выяснению козней царицы, которую она не любила и не доверяла ей, инстинктивно чувствуя, что именно близость к царице погубит ее «бога».

Муня мне говорила как-то, что Лохтина целью своей жизни поставила создать собою живую пасху, чтобы всегда напоминать людям о том, что они живут в век постоянной радости. Но не эту постоянную радость носила она с собою, а мучительно жалкое подобие гибнувшего старого строя, такого же мишурно-пестрого и звенящего снаружи и старого, облезлого и обветшалого внутри. Что-то крикливо назойливое было в этих нелепых плиссированных юбках, надетых одна на другую, в этих развевающихся лентах и бесчисленных вуалях, и если добавить ко всему огромные растоптанные сапоги и боты Расп. и его волчью сибирскую шапку, то получалось нечто поистине кошмарное, фантастичное своей нелепостью. Но с тем вместе нельзя отказать Лохтиной в большой силе, проглядывавшей во всех ее словах и движениях, в тонком оригинальном уме, изредка показывавшемся в остроумных замечаниях, и даже в некотором величии, с которым она носила свое шутовское бремя. Достойным прототипом своей предшественницы 19-го века Е. Ф. Татариновой она во всяком случае была, и нечему удивляться,

что все эти праздные пресыщенные княгини и графини льнули к Распутину и Лохтиной, т. к. их ожидали в пустоватых неуютных комнатах коричневого дома на Гороховой такие зрелища и такие ощущения, каких они нигде ни за какие деньги в другом месте не могли получить, а здесь-то и было самое ценное то, что это не покупалось и каждый раз могло дать нечто совершенно неожиданное. Лохтина не страдала однообразием, и ее выходки всегда давали новые варианты, хотя на ту же старую тему, но ведь правда и то, что в жизни повторяется и давно ли, недавно ли, а нечто подобное уже было.

«Приходите к нам — вы нас что-то забыли», — сказала мне как-то Муня на одном из воскресных чаев у Рас. в мое житье в Пет(рограде) в 1915 г. — Вы знаете, у нас сейчас Ольга Влад., она вас помнит и говорила мне, что хотела бы вас видеть». Вечером в тот же день я поехала на Мойку. Я любила бывать в этом темноватом таинственном старом доме, любила прохладу его больших комнат с чопорной старинной мебелью. Любила восхитительный портрет Левицкого в розовой гостиной помпадур, высокие венецианские зеркала и весь уклад жизни Головиных, где наряду с строгим тоном великосветской жизни об руку шла гулливо блудливая пляска Расп. и его духовно несуразное водительство по дебрям церковно-благочестивых поучений.

Муня вышла ко мне в своей неизменной серой вязаной кофточке. Светлые пряди ее волос, выбиваясь из небрежной прически, падали на выпуклый лоб. Она, как всегда, улыбнулась мне своей приветливой, тихой улыбкой и заботливо осведомилась, не встретилась ли я с Тараканом. Таракан — это мерзкий толстый пудель, чрезвычайно свирепого нрава, не поддающийся никакой дрессировке, но пользующийся особым покровительством старой Головиной. Напомнив провожавшему меня казачку, чтобы Таракана не забыли спрятать, она предложила мне пойти с нею к Ольге Влад. Пройдя столовую, мы сошли вниз по темной дубовой внутренней лестнице. Там внизу в нешироком коридоре три двери. Крайняя в комнату Муни, Ольга Влад. живет с нею. Муня постучала. «Христос Воскрес», — глухо послышалось оттуда. «Воистину воскрес», — откликнулась Муня, и так странно звучал этот пасхальный возглас среди зимы. Мы вошли. Комната отгорожена от дверей старинными вышитыми ширмами. Муня тихонько подтолкнула меня, и, зайдя за ширмы, я очутилась перед кроватью с лежавшей на ней Лохтиной. Закутанная поверх волчьей шапки Р. белым газом, она лежала поверх одеяла в красной мужской рубашке, звеня при каждом движении надетыми на ней крестами и четками. Подойдя ближе, я увидала огромные мужские боты и сразу не могла сообразить, как попали они на кровать, и сейчас же поняла, что Лохтина даже лежа не снимает сапог и бот Р. Перебирая крупные хрустальные четки, висевшие у нее на шее, Лохтина подняла голову и, глянув на меня сквозь газ, спросила отрывисто: «Зачем пришла?» — «Увидать вас!» — ответила я. «Из любопытства?» — холодно прервала она меня. «Нет, из любви», — быстро возразила я, заранее наученная как отвечать. Она немного помолчала, потом вздохнула и тихо сказала: «Ну садись». Мы сели, я на стоящий около постели мягкий стул, а Муня к большому письменному столу. Странный был этот стол, он стоял вплотную придвинутый к стене, стена же представляла собою настоящий иконостас, так она вся была увешана иконами всевозможных размеров и видов с ризами и без риз, перед многими горели лампады и на некоторых висели пучками разноцветные ленты.

Отведя несколько покрывало от лица, она пристально вглядывалась в меня большими серыми все еще прекрасными глазами. «Как тебя зовут?» — быстро спросила она. Я сказала. Она покачала головой: «Это имя не приносит счастия, я не знала ни одной счастливой женщины, носящей его. Но тебе так много дано, — продолжала она после небольшой паузы. — Если ты будешь держаться истины, ты найдешь путь, помни одно — в мире надо жить, как в пустыни, и помнить три правила: считай себя за ничто, не имей своей воли, найди себе руководителя и подчинись ему в смирении — тебе руководитель дан, должна его крепко держаться». — «Я такого не знаю», — сказала я. «Он есть, — нетерпеливо воскликнула Лохтина, — говорю тебе, что он есть, должна меня слушать, нельзя меня не слушать, повторяй сейчас же — прости Христа ради!» Я повторила. Взяв с маленького столика ножницы, Лохтина принялась резать на длинные полосы лежавший на ее коленях светло-розовый кусок атласа. Сзади меня потрескивали в печке сырые поленья. Сложив на коленях руки, сидела немного сгорбившись Муня и смотрела перед собою

мигающими своими кроткими глазами. Я поглядела на стену над постелью Лохтиной — она вся разубрана ветками вербы, маленькими разноцветными иконами и пучками лент, в головах Лохт. горела лампада. Поясной портрет Р. стоял на постели, прислоненный к стене. Заложив руку за пазуху, Р. поглядывал на нас прищуренным запрятавшимся взглядом. Щелкали ножницы, и росла кучка разноцветных лоскутьев. Завитый лентами посох с крестом наверху стоял в изголовье постели, а на столике рядом большая корзина ландышей, рядом лежал пучок незажженных восковых свечей. «Вот все вы такие, — заговорила наконец Лохтина, — вам путь прямой дается, а вы идете окольным и даже не замечаете этого. Все равно как если бы я тебе сказала, подойди к окну, видишь, какая здесь прямая до него дорога, а ты пошла бы раньше к печке, ее попробовала бы сдвинуть, потом шкафом бы занялась и, видя, что это не удается, пошла бы наконец туда, с чего надо было начать. Говорю тебе, ходи каждый день к отцу. Ну обещай». — «Не могу, — сказала я, — ведь все равно не сдержу». — «Да знаешь ли ты? — яростно стукнув маленьким сухим кулаком по ножницам, крикнула Лохтина. — Что он может тебе дать? Зачем ты остаешься слепой?» Дверь приоткрылась, и чей-то женский голос позвал Муню, она встала и вышла. Нагнувшись над постелью, я спросила быстро: «Ну а вы, нашли вы то, что искали. Не жалеете вы о прошлом?» Наклонив голову на грудь, она повторяла беззвучно: «Нет, нет!» Но вдруг, как бы в приливе неудержимого восторга, подняла руки вверх и крикнула звенящим исступленным криком: «Да! да! да! нашла, нашла! и счастлива безумно, бесконечно, невозможно счастлива! Я знаю, знаю, а вы кроты слепые, не видите ничего, бога прозевали вы!!»

Вошла Муня и села на прежнее место, Лохтина смолкла, потом резко спросила меня: «Почему ты не ходишь каждый день к отцу». — «А что там делать?» — сказала я, она с негодованием откинулась на подушки. «Конечно, — презрительно заговорила она, отчеканивая слова, — если ты ищешь у него развлечения или подводишь его под уровень общепринятой морали, то ты никогда у него ничему не научишься. Там, где у всех пьянство и разврат, у него подвиг, знаешь ли ты, что когда он пляшет — он молится, в нем вся Россия. Вот сейчас сию минуту ступай, проверь и увидишь, что он знает все, все, что мы с тобою говорим». Я не ответила ничего. Лохтина опять нетерпеливо стукнула кулаком по ножницам: «Погляди только на нее, Мунька, какая маловерная. Да понимаешь ли ты, как велик дух, его дух, Бог!!» — на подскакивала на постели и почти кричала. «Может быть, вина тут моя, — сказала я, — но я никогда не ощущала никакого особого духа в Григ. Ефим.». Лохтина как-то странно усмехнулась и поглядела на меня пристально. «Все дело в вере, — медленно заговорила она. — Помнишь, как сказано в евангелии, что не может быть сразу горькой и сладкой воды в источнике? Так как же ты хочешь, чтобы человек, владеющий высшей благодатью, давал ее одним, а другие бы ее не замечали? Вот я тебе скажу сейчас, скажу, был такой случай, у меня в деревне гостил монах от(ец) Сергий, я его очень уважала, очень, большой в нем дух, большой святой, святой. Трапезу у меня всегда благословлял. А тетка моя, ветер у нее в голове, пустая, пустая бабенка, говорит: «У твоего монаха чертики, чертики в глазах прыгают». А мы молились с ним, хорошо молились, и благословлял меня, и беседы духовные вел, а ей ничего, ничего. Раз после обеда, и вино пили за обедом, ушли они с матерью и теткой в сад, а потом тетка приходит, хохочет, хохочет и говорит: Он мне сказал, что девчонок бы надо сюда подманить, когда хозяйка спать ляжет». А кто виноват? Она, она, все она,

она со скоромными мыслями все время вертелась около него и искушала св(ятого) отца. А я ничуть, ничуть не изменилась к нему и была права, права, высокой жизни человек, к Семену Верхотурскому вместе ездили на пароходе, всех пассажирок поучал, всю ночь с ними просиживал, не спал, не спал. Маловерные искушаются, а кто хочет быть силен, должен терпеть. Терпи, терпи, все терпи, все, все!!» — «До какого же предела?» — не удержавшись, перебила я ее. Она наклонилась, засматривая мне в глаза горящим взглядом, потом откинулась назад, воскликнув высоко покликушечьи: «Беспредельно!!» — «А от какого же человека все можно стерпеть?» — сказала я. «Когда он Бог, вот когда, — крикнула Лохтина. — Бог, бог, сошедший на землю. Падите ниц, сам бог сошел к нам!» Задыхаясь, она замолчала, и мы молчали, лотом она подняла голову и слабо сказала: «Христос спаси и помилуй». Очевидно, это был отпуск, потому что Муня встала и сделала мне знак идти.

Наверху, в столовой, нас ждала за чайным столом Люб. Валериан., на особом кресле рядом с

нею хрипя сопел ужасный монстр бульдожьей породы с провалившимся носом и параличом задних лап. Все члены семьи Головиных чувствуют к нему чрезвычайную нежность, а он вечно возится со старческими ревматизмами и хроническим насморком, а на все ласковые слова только ворчит и хлюпает слюнявой пастью. «Ну как? побеседовали с Ольг. Влад.? — спросила, наливая чай, Люб. Валер. — Я очень ее люблю, но, между нами, она часто приводит меня в полное отчаяние, от нее постоянно надо ждать каких-нибудь сюрпризов. Вообразите себе, вот, напр(имер), такой случай. Оль. Влад. по какой-то мне непонятной причине возвеличила мою кухарку. На днях я купила для Ольг. Влад. лент, Маруся так просила, так просила, 20 руб. отдала, принесла, говорю: «Вот вам ленты, Ольга Влад.». И что же вы думаете? она эти ленты взяла и кухарке отдала. Ну на что кухарке ленты? Удивительно! На той неделе был у меня преосвященный, так мы радовались и мамаша, и я, и Оля, сидим в гостиной, беседуем — вдруг дверь открывается, появляется О. В. во всем своем параде и в ротонде и начинает неистово кричать: «Бог на кухне, а архиерей в гостиной!!» Кричит, плюется — вообразите наше положение. Потом ушла к кухарке, у нее комнатка вот там наверху, — указала она на стеклянную дверь, через которую видна была витая лестница наверх, — и теперь кушает только с кухаркой, и обедает, и ужинает, а в столовую не ходит. Может быть, я действительно слепа, и кухарка моя подвижница, хотя, entre nous*, она всегда приписывает мне к счетам, но все же зачем такие эксцессы, это просто ненормальность какая-то». Муня смотрела своим светлым мигающим взглядом на бисерную бахрому висячей лампы. «Ольга Влад. жизнию своею все искупила, — ни к кому собственно не обращаясь, сказала она очень тихо. — Она взяла самый трудный подвиг — юродства. Мне кажется, что всякий, кто хотя немного знал Ольгу Влад., должен понять, что труднее всего было ей настолько пересилить себя, чтобы выносить все унижения. Родные дети и те от нее отказались, по участкам ее таскали, за сумасшедшую считают, издеваются всячески. А она счастлива, она у истины. Если бы не было Ольги Влад., для меня Григ. Еф. никогда не стал бы тем, чем теперь: они удивительно дополняют друг друга». — «Но позволь, Маруся! — сказала Люб. Вал., и на щеках у нее показались пятна. что всегда означало сильное волнение, — Ольга Влад., без слов, человек большого духа, но зачем же так утрировать и афишировать свою духовность. Это признание ее Григ. Ефим, богом — ведь это же абсурд, это что-то кошмарное: нанимать извозчика и ехать к богу на Гороховую. Нет, слава Создателю, у меня есть мой бог в небесах, и я не могу есть с ним уху из одной миски. Гр. Еф. прекрасный человек, но он человек, и ест, и пьет, как все другие люди, а некоторые его поступки прямо недопустимы...» Муня мучительно улыбнулась и сказала кротко: «Ну, мама, не надо, мамочка!» — «Почему же, если вы думаете, что поведение Ольги Влад. нравится Гр. Еф., он так обращается с ней?» — спросила я. Муня печально покачала своей светлой головкой: «Это все надо понимать духовно, так же как и одежду Ольги Влад., ведь все, что на ней надето, имеет особый смысл, бывают дни, когда она в ботиках его лежит, а то в сапогах или в рукавицах — все это означает разное и слова так же.

Ведь Гр. Еф. очень высоко ценит Ол. Вл. и нарочно обращается с нею так. Он и со мною раз так сделал, когда вернулись мы вместе с Ол. Влад. из нашего имения, где она жила, то Гр. Еф. меня совсем принять не хотел, за то рассердился, что я с нею летом была, и я у него два часа на

лестнице под дверью просидела. А я ведь знаю, как он Ол. Вл. любит и как она ему нужна». — «А зачем она его богом считает?» Муня опустила голову: «Она так верит».

Спрашивать дальше было бы бесполезно: иногда Муня воздвигает перед собою непроницаемую перегородку, и за нее не проникнешь. Снизу послышался шорох, сквозь стеклянную дверь замелькал огонек. По лестнице наверх тихо поднималась с зажженной свечой в руке Лохтина. Ее белая козья ротонда тяжелыми складками тянулась за нею. Мигающий огонь, просвечивая сквозь разноцветную ткань покрывал, становился ослепительно большим, окружая сиянием странное существо, бесшумно двигавшееся вверх по лестнице. И было что-то жуткое в этом белом призраке.

Прошло несколько дней. Как-то вечером мы встретились у Р. с Люб. Вал. Она жаловалась на нездоровье, прикладывала ладонь ко лбу, была чем-то озабочена и печальна. Когда она собралась

уходить, я тоже встала и мы вышли вместе. Со вздохом проверив содержимое своего кошелька, Люб. Валер, подозвала извозчика и предложила мне подвезти меня. Заговорили о Муне. «Не боитесь ли вы, что последствия влияния Ол. Влад. могут быть очень печальны для Муни?» — «Ах, дитя мое, все это ужасно, — вздохнула Люб. Вал., — Ол. Влад. — тяжелый крест для меня. Ее влияние на Марусю огромно и только моя надежда на милосердие моего бога (она всегда говорит «мой бог», переводя с французского) помогает мне переносить все это. Entre nous я не могу понять Григ. Ефим. Я твердо убеждена, несмотря ни на что, если бы он хоть раз серьезно сказал Оль. Влад. свое мнение об ее выходках и велел ей прекратить эту блажь, она послушалась бы без сомнения. Но он это не делает, и они разыгрывают непристойные сцены, а каково мне при этом присутствовать и знать, что моя дочь, девица, все это видит и слышит. Вы сами видели, знаете, сколько раз видели, что это такое за комбинация Гр. Еф. и Оль. Влад., они это точно нарочно выделывают, а Муня и Ол. Вл. заключают из его поведения, что он очень рад и только для смирения ругает Ол. Влад.». — «Отчего же вы не примете меры, чтобы устранить Муню от Ол. Влад.?» — спросила я. Люб. Вал. горько рассмеялась: «Что вы, дружочек, да разве это можно? Маруся при ее экзальтации в подвал скорее уйдет жить, чем оставит Ол. Влад. Нет, нет, я должна терпеть и это, как терплю многие поступки Гр. Еф. и гляжу на них сквозь пальцы. Ведь если их принять всерьез, тогда все полетит кувырком, все понятия перевернутся. Но я поступаю так же, как наш несчастный царь. Я беру от Гр. Еф. все его изумительные дарования, его дар утешения, его необыкновенную прозорливость, ум, тактику обращения и пропускаю мимо все это недопустимое обращение с женщинами, т(ем) б(олее) что с моими дочерьми47 и со мной Гр. Еф. всегда держал себя корректно». — «Ну а во дворце?» — поинтересовалась я. Люб. Вал. задумалась. «Видите ли, дружок, — сказала она наконец. — Как там ни говорите, а царица все-таки несколько нездорова (ввиду извозчика разговор перешел на французский). У нее есть свои idee fux*, она думает, что Гр. Еф. святой пророк. А он в свою очередь уверил ее, что дух его передается только через прикосновение, поэтому, конечно, он их всех там обнимает и целует, но к этому так привыкли и он это делает так естественно, что никого не шокирует, только одна Тютчева48 да еще от(ец) Александр49 протестовали, а так я не слыхала от Ани**, чтобы по этому поводу были выступления. В публике ходит вообще слишком много вздорных слухов». — «Ну а как же царь?» — спросила я. «Его положение трудное, — грустно сказала Люб. Вал. — от эта война несчастная и все неудачи в министерствах и в синоде и в то же время царица со своим безумным страхом за жизнь наследника. Ему там совсем голову скружили. Недаром нам Гр. Еф. рассказывает, как царь его не раз спрашивает: «Григорий, скажи, я царь — спрашиваю тебя, царь я или нет?» Это очень характерно, значит, у него являются сомнения в том, что он может свое желание провести. Иногда его заставляют прямо против воли, особенно когда дело не касается политики, там он менее податлив. Вот, напр(имер), вся эта история с епископом Варнавою и открытием мощей Иоанна Тобольского. Мой бог, какой это получился неслыханный скандал! Вы, вероятно, знаете всю эту историю по газетам, но мне-то она солоно пришлась, я сама принимала участие в этом открытии своим сочувствием по настоянию Маруси и покров на раку жертвовала. С чего пришло в голову Григ. Ефим, сделать этого мужика Варнаву епископом, я понять не могу! Так, кучер какой-то, un grand brigand***, бродяга, а не епископ. Но этого им мало показалось и они решили мощи открыть в Сибири! Я думаю, что Григ. Еф. был вовлечен во

всю эту историю по своей неопытности и доброте. Это такой пройдоха, Варнава! Но результат получился ужасный! Они там открывают мощи — здесь Синод запрещает, Варнава телеграфирует царю, царь разрешает — Синод опять запрещает, все волнуются, поневоле тут спросишь: царь я или не царь? — и в конечном итоге Самарин покидает пост обер-прокурора, а скандал так и остается скандалом, и главное тяжело, когда все это лично вас касается, это соблазн один, а не прославление! Такой шум, где тут святость! Ольга Влад. все время кричала, что ее бога замыслили погубить, дело даже до участка доходило. Ах, это ужасно, ужасно! и нет никаких надежд, чтобы она образумилась, вот попробуйте поговорить с нею, она все еще у нас. Заезжайте, она вас очень часто вспоминает».

На другой день вечером я пошла на Мойку. Меня сразу провели вниз, где Муня сидела у Лохтиной. Она была в очень возбужденном состоянии, приподнимаясь на постели, резко жестикулируя и выкрикивая отдельные слова. Едва увидав меня, Лох. заговорила залпом: «А ведь

мы с Мунькой сегодня у Анны были, знаешь, отец очень о ней молится, ведь он ее воскресил, воскресил — она совсем умирала*. Не люблю я ее, тоже притворщица. Сегодня так и кобенится, и туда, и сюда. Не люблю, не люблю, то не так, это не этак у, у, у!!! К стене отворотилась, отец в красной рубашечке был, такая радость, ей бы петь, петь! счастье ей, счастье. А она-то кобенится, а она-то морщится, не люблю, не люблю, и Александру не люблю, злая она, самомнительница, погубят они его. Притворщицы они, знаю я их, и не любят они его как надо. Разве это любовь, ничем не поступятся, ничего не отнимут от себя, не то это, не то, не то. А если она думает, хорошо делает, что в дела впутывает его, за это грех, грех ей будет Отец простой, простой, святой, а они им пользуются, разные мерзавцы, и он им поддается по доброте, а ей грех, грех, вина не его, не его. А как мы ехали сегодня с нею (указала она на Муню). Она говорит мне: «Ветер, холодно», — а мне все равно, все равно, собралась и раз, раз поехали на вокзал, народищу мах! мах! Все лезут, лезут, и мы влезли, в угол забились. И вот мы у него, вот и съездили (она весело захлопала в ладоши). Я знаю, Анна меня терпеть не может, ну да все равно, все равно. Он посердился, посердился, ух! а я все-таки к нему приложилась». Вдруг замолчав, Лохтина пристально вгляделась в меня и спросила резко: «Ты каждый день ходишь к отцу?» Я отрицательно покачала головой. «Ну а сегодня была?» — «Нет, не была, — сказала я, — он мне утром звонил, говорил, что уезжает, и велел вечером позвонить». Она яростно накинулась на меня: «Так что же ты не звонишь, ступай, ступай. Мунька, веди ее к телефону, иди звони, а то я и говорить больше не буду». Пришлось идти наверх с Муней. К счастью, нас соединили скоро, и я услышала говорок Григ. Еф.: «Ну кто там звонит? — и, узнав против обыкновения мой голос, обрадовался. — Пчелка, ты, дусенька? Ну приходи, приходи сейчас? придешь?» — «Нет, не приду, Григ. Еф., мы с Муней с Ольг. Влад. беседуем». Он всполошился: «На кой черт тебе Ольга? нашла тоже знакому, брось ее, стерву, приходи ко мне, ждать буду». — «Завтра приду, покойной ночи», — и я повесила трубку. Когда мы сходили вниз по лестнице, Муня ласково и неодобрительно качала головой: «Непременно все скажу Ольге Влад. — поведение с отцом непозволительное». — «Поговорили, поговорили?! — с лихорадочной поспешностью встретила нас Лохтина, — он сам с тобою говорил, сам? — притягивая меня к себе на кровать, допытывалась она. — Что он тебе сказал, что?» — «Обманщицей назвал за то, что не пришла», — сказала я. Откинувшись на подушки, она полежала молча, потом спросила строго: «Ну так что же, будешь ходить как он велит?» Я опустила голову, но вдруг, решившись, сказала откровенно: «Мне не нравится его обращение». Долго молчала Лохтина, потом села в постели, и. откинув вуали, сурово посмотрела на меня. «Это все оттого, — сказала она медленно, — что ты живешь не этим, — она указала на грудь, — а этим, — указала на голову. — Вот жили, жилиумом и завели всех в мрак, в холод, в трущобу! Чувствовать надо, а не умствовать. Как же несчастны были люди, если сам бог сошел на землю, бог Саваоф подставляет им лесенку на небо. Сам бог, веришь или нет? — она наклонилась ко мне. — Он здесь, он здесь — и я заставлю вас признать его!» И, приходя в исступление, она стала выкликать: «Он с на-а-ми!! живе-ет! он с на-а-ми-и сы-ын его здесь и ты его узна-а-ешь, ты знаешь! А если не поверишь, он тебе не откроется, не откроется!! Христос мой здесь, он ско-о-ро при-едет-а я тебе его не покажу, я его спря-ачу-спря-чу, вот так!!» — стыдливо смеясь, она закрылась покрывалами. «Кто приедет?» — переспросила я. «Ну кто же кто?! точно не знаешь! — яростно подпрыгивая на кровати, разрывая

четки и звеня всеми своими позвонками, кричала Лохтина. — Батюшка Иллиодор, я его люблю, люблю, пусть он сердится, кричит! — запела она. — А все-таки я к нему приложусь и я его знаю! Ах какой он радостный, какой прекрасный. Несчастная, ты не видала батюшку! Не верь отцу, не верь, он его любит, любит, ух! Мы это не понимаем. Он скоро приедет, и во-орота растворятся, а я ему навстречу побегу, побегу и у-па-а-ду перед ним. А потом я его спрячу. Знаешь, они меня раз схватили и повели, повели в участок, в тюрьму меня за то, что я ношу одежды брачные. А могу ли я одеваться иначе, когда мой бог сошел на землю. Падите ниц! Бог Саваоф сошел к нам!!» Лохтина в невыразимом экстазе поднялась на постели, грозно поднимая руку, глаза ее горели безумным блеском. Муня, вся бледная, не отрываясь, смотрела на нее. Вдруг она стихла и, посидев молча несколько минут, спросила меня обычным спокойным голосом: «Будешь верить в отца?» Я покачала головой: «Нет, не могу!» — «Ну как хочешь», — холодно сказала она и отвернулась к стене, давая понять, что разговор окончен. Когда я с нею прощалась, она сказала чуть слышно: «Не раскайся смотри!»

Мы в этот вечер долго сидели с Муней, и я тщетно старалась понять их обеих, Муню и Лохтину. «Скажите, Мария Евгениевна, — сказала я, — чего же хочет добиться Ольг. Влад. своим нарядом и таким странным поведением?» Муня задумчиво смотрела куда-то вдаль. «Ольга Влад., — заговорила она наконец, — хочет на деле провести слова Григ. Еф. «унижение — душе радость». Вот так же и он, вы думаете, он не нарочно делает так, чтобы его бранили и осуждали, он и в рестораны-то ездит нарочно, чтобы его видело побольше народа и всячески его поносили. Он ужасно бывает огорчен, если его хотя день один кто-нибудь не выругает и про него не скажут чего-нибудь гадкого. Он говорит, что только этим сохраняется сила и только поношение может спасти дух. А вы вот и прочие маловерные думаете, что он это делает для своего удовольствия». — «А зачем же он вступается в государственные дела, — спросила я, — ведь он, наверно, не очень много в них понимает?» — «Гр. Еф. все открыто! — вздохнула Муня, — но как часто ошибаются, думая, что он посоветовал что-нибудь неудачное, неудачи бывают как раз тогда, когда он не советует ничего или когда его не послушают. Ольг. Влад. говорит, что бог решил спасти Россию от погибели и послал царям Григ. Еф. и что надо теперь принести себя ему в жертву, вот она это и делает. Она говорит, что любовь только тогда имеет смысл, когда во имя ее пойдешь на всякое унижение, вот почему она и осуждает царицу за то, что она открыто не сделает Григ. Еф. своим советником и не заставит всех безусловно подчиниться ему, а ведь кто лучше его может знать, что надо народу? ведь все эти наши министры, они народ-то в глаза не видали. А Григ. Еф. все знает, и Ольга Влад. тоже. Она вон у батюшки Макария в Верхотурье в келье жила, кого-кого там ни перевидела, и то что сейчас в народе осуждают Григ. Еф., это она считает самым точным признаком того, что он пришел с неба: ведь всех пророков всегда поносили, а Христа даже распяли. Мы ничего не понимаем и не должны за это браться, а вот Ольга Влад., она поняла, потому что ото всего отказалась и ей открылось. Она и про батюшку Иллиодора все понимает. Если бы это была правда и батюшка был бы врагом Григ. Еф., неужели же Ольга Влад. стала бы при нем жить, а она около него в его Новой Галилеи50 долго жила и все писала сюда и даже подписывалась: Ольга Иллиодора, — значит, она знает то, что нам темно. Я как-то сразу уверовала, когда узнала Ольг. Влад. намерение, и у меня ни разу не было сомнений, правильно ли она поступает. Я считаю, что это все и надо».

Когда, после смерти Р., я приехала в Пет(роград) в ноябре 1917 г., Головины все еще жили на Мойке. Муня, ничуть не изменившаяся, приняла меня все так же тихо, ласково. Между прочим я спросила про Лохтину. «Ольга Влад. совсем переехала в Верхотурье, — сказала Муня. — И знаете, она носит теперь только один белый балахон, вроде монашеской рясы, и на голове холщевое покрывало, как одежды Христа в гробу. Меня как-то раз спросил один архиерей, зачем она одевается в белое, если хочет быть монахиней, шла бы в монастырь и оделась, как все, в черное, а я ему на это возразила: «Если у нас сейчас нет белых монахинь, то почему вы думаете, что их и не будет?» — Муня замолчала, глядя перед собою мигающими светлыми своими глазами, точно видя перед собою какие-то ей одной доступные и понятные образы. «А как Ольга Влад. отнеслась к смерти Григ. Еф.?» — спросила я. «Она говорит, что все так и случилось, как надо, — шепнула Муня. — Надо было, чтобы погибли цари и династия, а он их спасал, вот из-за них и он погиб, и она говорит, что теперь он больше с нею, чем был раньше, потому что тогда он

уходил, а теперь с нею всегда».

Глава XI

1916 г.

Мое последнее свидание с Распутиным

К концу ноября 16 г. атмосфера дома на Гороховой становилась все более напряженной. С внешней стороны продолжался тот же базар, что и в прошлом году, но только прогрессирующий с каждым днем. Беспрерывные звонки телефона и звонок в передней. В приемной, столовой и спальной толпились и, как осы, жужжали женщины, старые и молодые, бледные и накрашенные, приходили, уходили, притаскивали груды конфет, цветов, узлы с рубашками, какие-то коробки. Все это валялось где ни попадя, а сам Р., затрепанный, с бегающим взглядом, напоминал, подчас, загнанного волка, и от этого, думаю, и чувствовалась во всем укладе жизни какая-то торопливость, неуверенность и все казалось случайным и непрочным, близость какого-то удара, чего-то надвигающегося на этот темный неприветливый дом чувствовалась уже при входе в парадную дверь, где, скромно приютившись около маленькой, всегда топящейся железной печки, сидел сыщик из охранки, в осеннем пальто зимой и летом, с неизменно поднятым воротником. Иногда это чувство напряженности становилось особенно ярко, и я по нескольку дней не ходила к Р., но потом опять тянуло туда, где в пустых неуютных комнатах бестолково маячился сибирский странник, воистину имевший право сказать о себе: «Чего моя левая нога хочет». Перед отъездом из Пет(рограда) я пошла проститься с Р. вечером. «Гр. Еф. в спальной, занят!» — встретила меня Дуняша и проводила в столовую. Здесь сидела Люб. Вал. и толстая чета Волынских. О них я знала только случайно их фамилию, названную мне Люб. Вал., а также то, что Р. их от чего-то такого «спас». Со мною вместе, только из другой двери, в столовую вошли Мара и Валя51 Распутины. Со своими взбитыми локонами, в темно-красных платьях bebe, с широкими кушаками, обе были нелепы до жути. Дикая сибирская сила так и прорывалась в их широких, бледных лицах с огромными яркими губами и низко нависшими над угрюмыми прячущимися, как у Р., серыми глазами пушистыми бровями. Какая-то разнузданно-кабацкая лень и удаль носилась вокруг их завитых по-модному голов, и их могучие тела, пахнущие потом, распирали скромные детские платьица из тонкого кашемира. «Ну как идут занятия, Марочка?» — ласково осведомилась Люб. Вал. Мара остановилась у стола и, налегши на него всей своей тяжестью, лениво жевала конфеты, беря их одну за другой из разных коробок и нехотя засовывая в рот. Не прожевав, она ответила невнятно: «По истории опять двойка...» — «Почему же так? — любезно осведомилась Люб. Вал. — Разве ты так не любишь историю?» — «А что в ней любить-то? — небрежно отозвалась Мара. — Учат там о каких-то королях и прынцах (она сказала: «прынцах», потом поправилась: «принцах»). На черта они мне нужны, коли давно померли. Вот еще арифметика, пожалуй, нужна. Эта хоть деньги считать научит!» Здесь она неожиданно резко захохотала и ушла, раскачиваясь и пошевеливая бедрами. Варя осталась. Положив свою кудлатую голову на руки, она внимательно, не мигая, смотрела на нас, отчаянно сопя, у нее полип в носу. Дуня принесла почту, Люб. Вал. стала разбирать конверты. Вскрыв один, она достала из него с некоторым удивлением длинную узкую ленту бумаги, на которой были напечатаны на пишущей машинке какие-то стихи. «Что такое? — сказала она, надевая пенсне, и стала читать. Это оказался анонимный пасквиль самого гнусного содержания, написанный наполовину по-русски, наполовину по-франц(узски): в нем упоминалась пресветлая троица: банкиры Манус, Дмитрий Рубинштейн, с именами которых в Петрограде неразрывно связывали слухи о немецком подкупе и затевающейся измене, и Р. Говорилось о каком-то жемчуге, добытом в некотором месте, рекомендовалось промыть его почище, чтобы не оставить на руках следов; упоминалась какая-то дача, данная за услуги по назначению министром господина В. и еще ряд гнуснейших, очень мало мне понятных намеков на разные темные делишки. Слегка грассируя своим отличным фр(анцузским) яз(ыком), не сморгнув, прочла Люб. Вал. всю эту мерзость. Положила обратно в конверт и сказала равнодушно: «Так глупость какая-то!» А Варя прогнусила: «Это для Мотки Руб., нам часто, почти каждый день что-нибудь такое присылают». — «Банкир Рубинштейн — это друг Григ. Еф.», — пояснила Голов. «Странный

приближают?» — «Вайнер Рубинштейн — это друг Григ. Еф.», — пояснила Р. голов. «Странный друг», — невольно вырвалось у меня. Люб. Вал. посмотрела на меня удивленно. «Но как же подобные инсинуации могут коснуться Григ. Еф.? — сказала она. — Он настолько выше всего этого, что даже не понимает». — «А в чем же выражает(ся) дружба Руб.?» — просила я. Люб. Вал. снисходительно пожала плечами: «Мало ли на что он может понадобиться Григ. Еф.? Руб. очень богатый и влиятельный человек, вот он, напр(имер), им, — она указала на Волынских, — очень помог». — «О да, о да. Рубинштейн — это такой себе великий ум, о!» — воскликнул Волынский, поднимая руки. Дверь из спальной отворилась, и выскочил Р., потный, растрепанный, в светлой бланжевой рубахе с растегнутым воротом. Увидав меня, подбежал и обнял: «Дусенька, что давно не была? ну иди туда ко мне, потолкуем, люблю с тобой потолковать». — «У вас народу уж очень много, Гр. Еф.», — сказала я. Р. нахмурился, подумал, потом торопливо шмыгнул в переднюю и. открыв дверь в приемную, громко крикнул: «Можете уходить, галки, седни никуда не поеду», — и тотчас же вернулся в столовую. Но из передней, как шершни из разоренного гнезда, вылетели разномастные дамы, поднялся целый хор нестройных

упрашиваний и жалоб, Р. досадливо отмахивался и заявил окончательно: «Сказал не еду и будя и уходите вон». Взяв меня за руку, увлек в спальную и плотно закрыл за нами дверь. Усадив меня на примятую постель, он сел рядом: «Какой шум у вас от этих барынь, Гр. Еф.», — сказала я. Он нахмурился и махнул рукой: «Што с ими будешь делать: всяка хочет, надо и ей — пущай ходят!» — «А лучше было бы, чтобы ходили поменьше, — заметила я. — Точно вы не слышите, как вас ругают и поносят, наверно же есть за что?» Р. усмехнулся: «Поношение — душе радость, понимать? Вот меня называют обманщиком и мошенником, а сама подумай, какой я обманщик? Кого я обманул, али выдал себя за кого? Как был мужик серяк села Покровского, так и есть. Сначала, правда, лихо я жил, худо жил и вино пил, и по кабакам шлялся, можно сказать, беспросыпно пил, но как посетил меня Господь, когды накатило на меня, тогды и начал я по морозу в одной рубахе по селу бегать и к покаянию призывать, а после грохнулся у забора, так и пролежал сутки, а очнулся — вижу ко мне со всех сторон идут мужики: «Ты, говорит, Гриша, правду сказал: давно бы нам покаяться, а то седни в ночь полсела сгорела». Тут и обрек я себя Богу служить и близко тридцать лет хожу правды ищу. А тут, говорят, обман — никого я не обманывал. А что тогда Феофан меня к царям привел, так я его о том не просил — сам он вздумал. А што я, верно, царям из Рассей бежать запретил, когда холера тогда была в японску войну и они было вовсе собрались и с детками бросать Рассею, а я сказал: «Ни, ни, не моги, все пройдет, и опять муравка вырастит зеленька, и солнце проглянет». Ну они мне поверили и в меня уверились. Люблю я их, жалко мне очень их! А какой тут может быть обман? Вона теперь кажний шаг мой на счету — видала куку* в прихожей?»

Из столовой послышался голос Люб. Валер.: «Григ. Еф., мы уходим и поцеловать вас хотим». — «Погод меня здесь, дусенька, я мигом», — сказал Р. и убежал. Вернулся он очень скоро. Быстро подойдя к постели, наклонился ко мне и, взглянув на меня своим ярким хлыстовским взглядом, спросил глухим отрывистым шепотом: «А ты о евангельских блудницах как понимашь?» Подождал минуту и, видя, что я ничего не отвечаю, быстро-быстро зашептал: «Почему Христос с блудницами толковал, почему за собою их водил? почему им царство небесное обещал?» — он весь от волнения подпрыгивал и подплясывал. «Забыла што ли, как он говорил: «Кто из вас без греха, тот первый кинь камень». Я, говорит, не сужу, а вы как хотите. Это он к чему сказал? А разбойнику-то? нынче же будешь в раю. Это ты как понимашь? Кто к богу ближе-то: кто грешит али кто жизнь свою век свой суслит, ни богу свеча, ни черту кочерга? Я говорю так: кто не согрешит, тот не покается, а кто не покается, тот радости не знает и любви не знает. Думашь, сиди за печью и найдешь правду? ни... там не найдешь, только тараканов. Во грехе правда и Христа во грехе узнаешь, поплачешь и увидишь, понимашь? Ты об этом не думай (он бесстыдным жестом показал о чем), все одно сгниет, што целка, што не целка. Гниль-то убережешь, а дух от не найдешь. Вон они там, враги, все ищут, стараются, яму роют. Мошенник, плут, а я знаю, а они не знают. Мне все видать. Я, думашь, не знаю, что конец скоро всему. Как меня высунут, ну и покотится все. А только теперь еще надо бы правду открыть, да никто ее слушать не хочет. Думашь, царь все по-моему делат, это што я Питирима поставил, да Волжина52 и кое-каких из мини-стеров облюбовал — так это все очень мало дело; суть-та вовсе в другом, понимашь?» В столовой резко, пронзительно зазвонил телефон. Р., быстро сорвавшись,

побежал туда, и сейчас же донесся его поспешный сиповатый говорок: «И зря ты все толкуешь, и все люцинерам на руку, бес в тебе, кака така дача? некакех дач мне не нужно! Собака ты, сплетке веришь». Говорок становился все раздраженнее и хрипел от злости. Потом Р. замолчал, очевидно, слушая, и, наконец, сказал примирительно: «Ну ладно, опосля потолкуем, приезжай седни после десяти. Ну прощай!» Р. вбежал в спальню и подошел ко мне. «Гр. Еф., — спросила я, — вы ушли и не кончили, в чем суть, что вы хотели сказать?» Он опустил голову и как-то весь согнулся, и передо мною мгновенно возник серый Сибирский странник. «Веру потеряли», — сказал он тихо. «Кто?» — переспросила я. «Веры в них не стало, в народе, вот что». И вдруг, опять переменившись, он сладострастно скрипнул зубами и, подсаживаясь ко мне, позвал: «Ну пойдем выпьем мадерцы, знатно есть там у меня, Ванька привез с Кавказа. Что припечались, дусенька?»

Мы вышли в столовую, никого уже не было, кипел самовар. Открытый конверт с пасквилем

лежал на краю стола. Я взяла его: «Гр. Еф., хотите я вам почитаю, что пишут про ваших приятелей Мануса и Рубинштейна?» Р. насторожился и, сумрачно косясь, взял у меня из рук пасквиль: «Дай-кося. Вот так... мать его, — благодушно заключил он, засовывая конверт в топившуюся печку. — Вишь, и не стало его — сгорело», — посмеиваясь, он подплясывал и притопывал. «Вот теперь давай чай пить, — заторопился он, подходя к столу и наливая мне чай. — Мало ли што люди брешут! Собака лает — ветер носит, а у этих самых Манусов деньжищ-то тьма, понимашь? Так пущай деньги-то ихи лучше на добры дела идут, чем зря они их раскидают. К деньгам ничего не липнет». — «Ну от такой грязи, что здесь пишут, все будет грязно», — сказала я.

Р. махнул рукою: «Пустое говоришь, пчелка, эти бумагоедаки прокляты, гороху бы им моченого в... не верят они ни в бога, ни в черта, писаки окаянни. а человек без веры што? так одна дырка». Налив два стакана вина, он отхлебнул из одного и подал мне его; залпом выпив вино, он налил себе другой и заговорил, поглядывая на меня лукавым быстрым взглядом: «По-разному мы с тобою, душка, о жизни думам. Ты в поношении стыд видишь, а я радость, пусть говорят, дух-то, он знает. А погибать-то, всем нам погибать. Как круг петли ни ходи. в ее попадешь все единственно. Помрем, а добры дела останутся, люди-то зря заборчиков нагородили — ими только свет отгородили. Нешто не все одно, откуда деньги берутся, если их на добры дела тратить, и кто дела эти делат, мошенник ли, вор ли, дела-то нужны, а не он сам, понимать? тыщи-то, они и есть тыщи, честна ли, не честна ли — все одно хороша она, тыща!»

Допив стакан, он неожиданным хищным движением схватил меня за плечи, опрокидывая назад. Вырвавшись, я вскочила из-за стола и убежала в переднюю. Прижавшись к стене, я ждала нападения, но выбежавший за мною вслед Р. молча снял с вешалки мою шубку и, помогая мне одеться, сказал ласково: «Не пужайся, пчелка, не трону больше, пошутил на прощаньице!» Я молчала. Р. покачал головой: «Почто не веришь мне, пчелка? а я всех жалею и его жалею, маленький он, слопат его! А и без меня бы все одно слопали!»

Я взглянула на Р., он стоял у притолки и поглядывал искоса; внимательно взглянув в прятавшиеся зрачки его узких глаз, я увидала того другого, он быстро глянул мне в ответ и скрылся. «Ну прощай, пчелка! — сказал Р. — Поцелуй на прощанье».

Я ушла. Это было в ноябре, а в декабре его убили.

Глава XII

Семейство Головиных

С перваго раза, когда я увидала Муню и Любовь Валериановну Головиных, и до того дня, когда я пришла к ним после Октябрьской революции осенью 1917 г., я часто задавала себе вопрос, почему они взяли себе духовным руководителем и советчиком Р.? А что для них он был именно

только этим, за это можно ручаться с полнои достоверностью. их кровное родство с царским домом и близость к Вырубовой исключала протекцию Р. Сестра Любови Вал. Ольга Вал. была замужем за дядей царя в(еликим) к(нязем) Павлом Александровичем, а за ее сыном от перваго брака к(амер)-юн(кером) Пистелькорсом была замужем Александра Александр. Танеева, сестра Ан. Ал. Вырубовой.

Старая Головина часто мне рассказывала, как их семья и Ан. Ал. Вырубова одни остались верны Р., когда его постигла опала в 1910 г. Во всех темных политических интригах Р. Головины не принимали никакого участия, как о том свидетельствует вся написанная до сих пор литература о Р., где имя Головиных не стоит нигде в связи с делишками, проводившимися через Р. Муню называют только его первой секретаршей, но остается невыясненным, что именно подразумевается под этим званием: свои «пратеции» Р. всегда писал сам: криво, косо, но сам. А получаемые на его имя письма прочитывались ему также и другими, имевшими доступ дальше приемной. Денежной поддержки Р. тоже не оказывал им, т. к. в то время, как я их знала, они

часто очень нуждались и никогда в голову им не приходило прибегнуть к помощи Р. Как доказательство того, что они не брали у Р. денег, может служить тот незначительный факт, что когда Муня, уезжая к Лохтиной в Верхотурье осенью 1915 г., пошла с Р. покупать ножницы для Лох., то нужные для этого полтора рубля взяла у Люб. Вал. Остаются любовные отношения, но здесь я тоже могу сказать, что обращение Р. с Головиными совершенно отличалось от обращения его с другими посетительницами. Никогда я не видала, чтобы он тискал или целовал Муню, а когда целовал, то выходило это у него так просто, как это и до сих пор встречается в глухих углах России, когда старики и пожилые мужчины целуются при свидании, и поцелуй Р. Муни был всегда совсем другой, чем с прочими.

Мне говорили лица, близко знавшие Р. и Муню, что большинство помощи Р. делал через Муню, и про нее рассказывали, что она нарочно ходила по окраинам города и отыскивала тех, кому надо было помочь. Это одна сторона дела — теперь другая, как могло такое чопорное, в строгих правилах прежней узкой морали воспитанное семейство, как Головины, не только мириться с разнузданностью поведения Р., но даже делать вид или на самом деле ничего не замечать из того, что его окружало? Ведь не слепы же и глухи они были? ведь сколько раз мы с Муней присутствовали вместе при сценах, откровенных и циничных до последнего предела, и Муня продолжала тихонько мигать своими ясными глазами, и лицо ее не выражало даже смущения. Отношение ее к Р. — это не поклонение перед святостью, это какая-то слепая вера в то, что все сделанное им правильно, что так и надо. У Люб. Вал. в первые годы нашего знакомства еще были попытки критики, но уже в 1916 г. она изменила свое отношение и также начала утверждать, против всякой очевидности, что Р. только завлекают злонамеренные люди во всякие неприятные истории, а сам он тут решительно ни при чем, т. к. он настолько выше всяких людских дрязг, что даже не замечает и не понимает дурное.

Это было в 1914 г., вскоре после моего знакомства с Р., когда я по приглашению Муни пришла к ним. Старинный темный дом на Мойке с антресолями, внутренними дубовыми лестницами, застланными толстыми коврами, молчаливым казачком в большой прохладной передней, белой гостиной с венецианскими зеркалами и лакированной мебелью, шелковым будуаром с спящей в углу низкого стеганого дивана собакой монстром из породы бульдогов; старинным чудесным портретом Левицкого в резной раме, надтреснутым фарфором и жуткой тишиной забытых покоев, изредка резко нарушаемой телефонным звонком.

В то время, когда я с ними познакомилась, отца уже не было в живых, жили трое, Люб. Вал. с дочерьми, из них старшая Ольга Евгеньевна была сестра милосердия и домой приходила редко. Бабушка Ольга Васильевна Карнович, прозванная Р. «орлом», жила отдельно и приезжала изредка в своей шелковой двухместной каретке, запряженной парой караковых, а чаще семейные бывали у нее. Она относилась к Р. неодобрительно, как сама мне говорила, но, нежно любя Муню, скрывала свою неприязнь и даже иногда кротко сознавалась, что «не нам судить», и просила Р. помолиться.

Весь склад в доме был почти монастырский: строго заведенные часы обеда и завтрака, покорная почтительность Люб. Вал. к матери и у дочерей к ней, тихо, почти шепотом, отдаваемые приказания, беззвучно скользящая прислуга, лампадки у образов и неуловимый запах оранжерейных цветов, свечей, старых материй, выдыхающихся духов и ладана, какой бывает в игуменских кельях и барских домах, где долго живут одни и те же люди.

И, наряду с этим, разнузданная вольность Р., его разухабистые словечки и пляска, и вера в его святость у Муни, и искренняя преданность к нему Люб. Вал.

И тут же дикие выклики Лохтиной: «Падите ниц! сам бог сошел на землю!» — ее кликушеские выходки и нелепая одежда с развевающимися лентами — все это делало какой-то неясный сумбур понятий и до корня переворачивало все общепринятые законы обыденной жизни. Ольга Евг. относилась к Р. крайне неприязненно, и мне говорили, что и в сестры милосердия она ушла, чтобы пореже бывать дома и не встречаться с Р. Но уже в конце второго года нашего знакомства ее отношение стало меняться. Раз как-то, когда мы с Муней говорили на нашу излюбленную тему о том, почему я не могу почувствовать «духа» Р., Ольга Евг., сидевшая с нами, вдруг сказала со вздохом: «Как жаль, что я испытываю то же, что вы, но вы не жалеете об этом, а я очень. В самом деле, если допустить, что я из-за каких-то нелепых предрассудков прошла мимо Гр. Еф. и не увидала глубину его духа, который дает столько отрады другим, то это очень горько. Вы посмотрите на Муню, как она спокойна и счастлива, а я все мечусь и нигде не найду себе нравственной поддержки». Муня кротко смотрела перед собою и улыбалась, а я с грустью подумала, что время недалеко, когда она, подобно Лох., закричит: «Падите ниц! сам бог сошел на землю!»

Про свою встречу с Р. Муня рассказывала мне так. Я увидала Гр. Еф. в первый раз в Казанском соборе, у меня было тогда большое горе, я стояла перед иконой и не могла молиться, и вдруг я слышу, кто-то ответил мне на мои мысли. Я обернулась и увидела странника в сером армяке, а он наклонился ко мне и еще несколько слов сказал, и я увидала, что он знает не только то, что я сейчас думаю, а и то, что было раньше, и я сразу так в него уверовала, что у меня никогда после не было колебаний. Прежде я мучительно старалась объяснить себе жизнь, а Григ. Еф. мне так все ясно растолковал, что я больше ни о чем не задумываюсь. Вы так поверхностно к нему подходите и не видите всю глубину его духовной красоты, вы должны хотя понять, как он добр, ведь он всех жалеет и всем одинаково помогает и не спрашивает, хорош человек или плох... «Значит он и мошеннику поможет?» — казала я. Муня тихонько покачала головой. «Мошенник тоже ведь человек», — заметила она кротко. Это был такой убийственный аргумент, против которого не приходилось возражать! Но я не унялась: «А обращение Гр. Еф. с женщинами, как вы к этому относитесь, Мария Евген.?» — просила я. Муня опустила голову и помолчала несколько секунд. но потом сказала твердо: «Это все испытание по неверию, хотя, конечно, по слабости своей я бы хотела, чтобы этого не было. А только мы сами виноваты: попробуйте хотя раз как должно подойти к Григ. Еф., и вы увидите, как он будет с вами обращаться. Вы сами думаете всегда неподобающее, вот он вас и испытывает. А у меня к нему не бывает смущения, и я от него ничего подобного никогда не видала, про него к тому же много говорят напрасно и обвиняют в таких делах, о каких он и не знает». Мне всегда становилось немножко совестно перед Муней во время наших бесед: я никогда не могла понять, представляется ли она или на самом деле не видит, что видимо всем, но, с другой стороны, ведь и почти все дамы и девицы совершенно непринужденно вели «духовные» беседы в столовой Р. в то время, как он «молился» с одной или двумя в спальне и оттуда слышалась заглушённая возня и иногда нервный, «благовоспитанный» смешок и тихий стон. А раз произошел такой случай: мы с Муней засиделись у Р., и, когда стали прощаться, он ухватил меня и стал настойчиво просить остаться ночевать, причем совершенно ясно, без всяких намеков, все сильнее распаляясь и поскрипывая зубами, расписывал мне все ожидаемое блаженство. Наконец, еле отделавшись от него, мы вышли, и, спускаясь по лестнице, я сказала, не утерпев: «Ну а теперь что вы на это скажете?» Но, кротко посмотрев на меня своими мигающими глазами, Муня сказала: «Все это надо понимать духовно», — и такая грусть о моем заблуждении была в ее голосе, что, решительно одурев на минуту, я должна была признать, что земля слетела на луну, что белое вдруг стало

одурев на минуту, я должна была признать, что земля слетела на луну, что белое вдруг стало черным — иными словами: Р. духовный руководитель, а я испорченная девчонка, видящая во всех словах гадкие намеки. Ведь если уже это понимать «духовно», тогда что же это «духовное» означает? А потом, когда мы уже сидели на извозчике и ехали на Мойку, Муня вдруг сказала: «А если он вас испытывает? Ему известно все, он знает и ваше малодушие и ваше неверие, почему вы не останетесь и не посмотрите, что будет? Я уверена, что он только хочет вас наставить на истинный путь...» Благодарю покорно от такого «истинного пути» в объятиях Р. Хорошо, что я знаю приемы Джиу Джитси53, и только благодаря им уцелела от «испытаний» и «наставлений» в вере Р.!

Но с другой стороны, все так же остается совершенно неясным, чем же сумел Р. так убедить в своих высоких духовных качествах семью Головиных, что для них, с 1910 г., не существовало другого авторитета, кроме Р., и в доме их он держал себя как родной человек. Недаром старая Головина говорила, вздыхая от полноты чувств: «Григ. Еф. я люблю как родного брата, и чем

больше я его узнаю, тем больше ценю».

Как я уже сказала, деловых отношений между Р. и Головиными не существовало, чему ясным доказательством служат запутанные денежные дела семьи, которые за годы нашего знакомства только все больше усложнялись, а никак не приходили в блестящее состояние. О любовных чувствах не может быть речи, эти чувства, согласно старой пословице, что кошель, их никак не скроешь. Рано или поздно тем или иным способом, а человек должен выдать себя. И я, проводившая с ними иногда целые дни, не могла бы этого не заметить. Остается, следовательно, последнее: Р. как-то так сумел овладеть их разумом и сердцем, их волей, что они, действительно, видели черное белым, а белое черным. Ведь недаром же существует сила внушения, а ее не отрицает никто!

В то время по Петербургу ходила сплетня, переданная мне одной из посетительниц Р., о том, как в Царском Селе Р. пригласил к себе «помолиться» одну совсем молоденькую жену л(ейб)-гвардейца свиты ее В(еличества) и та потом очутилась почему-то в полугорячечном состоянии на вокзале Цар(ского) Села, была привезена в Петерб(ург) случайно встретившим ее знакомым и, прохворав три недели, написала царице письмо с какими-то кошмарными разоблачениями. Но следствием этого письма явилась ссылка ее мужа в Дагестанский полк на Кавказ, а с тем вместе и ее. Если допустить, что это правда, а я думаю, что не ошибусь, утверждая это, то почему же не подумать, что была та крепость Р. поклонниц, которым нужна была его святость, «a tout prix»*, Одним словом — подвижник и «отшельник» 20-го века. Но, конечно, надо думать, что далеко не все темные дела Р. были известны Головиным, и, при его ловкости и хитрости, он, без сомнения, умел утаивать львиную долю из них, а если открывалось что-нибудь неблаговидное, то это сейчас же можно было свалить на бесов, которые только и ищут, как бы им поддеть праведника — с грешным человеком чего время зря терять — все равно будет в аду, а вот сокрушить праведника — это то, над чем стоит постараться! И в этих «искушениях» такие непогрешимые поклонницы видели лишнее подтверждение святости их праведника Р. Когда я иногда заговаривала с Муней насчет неуместности вмешательства Р. в политику, она мне отвечала всегда очень коротко и раз сказала, сильно волнуясь: «Знаете, Григ. Еф. приписывают гораздо больше влияния, чем он имеет на самом деле. И ведь все, что посоветует он, — все это бывает к лучшему.

А без Гр. Еф. они бы еще хуже поступали. Вы не можете себе вообразить, чего ему стоит удержать их иногда от опрометчивых поступков. И далеко не всегда слова Гр. Еф. имеют действие. Вспомните, летом (дело было в 1915 г.) думу распустили. Гр. Еф. тогда очень отговаривал, но явилось другое влияние, сильнейшее, а Гр. Еф. даже захворал, когда разогнали думу, и все время твердил: «Ну значит, тому и быть, сами в петлю лезут». И, кроме того, от него хотят невозможного: он сам и жизнь его настолько своеобразны, что и понятия о жизни у него совсем другие, чем у всех, и ему часто видно то, что для всех еще закрыто, и он иногда просто не понимает: чего хотят и из-за чего враждуют разные партии и которая права. «Ну а как к нему относится царь?» — спросила я. Муня покачала головой: «Это очень трудно сказать; конечно, царь считает Гр. Еф. другом и знает, что только он один говорит ему всегда правду, иногда

Царь и царица Гр. Еф. друзья и никто, кто только он один говорит ему всегда правду, иногда грубую, резкую, но всегда правду, а он ее ни от кого не слышит! Но, с другой стороны, у царя есть область, в которую он никого не допускает: это его самодержавие. У него к нему какое-то болезненное отношение, и самый любимый советчик может мгновенно сделаться его врагом, если он заметит в нем хоть намек на желание ограничить эту власть. Кроме того, он очень подозрителен; Гр. Еф часто рассказывает, как он спрашивает в раздражении: «Григорий, царь я или нет?» — если он думает, что ему хотят внушить, как надо поступить. Можно, правда, подумать, что ему по какой-то иронии судьбы передалась черта Ивана Грозного! И, кроме того, он очень упрям и часто из одного упрямства поступает наоборот, так что Григ. Еф. с ним приходится очень трудно». Сомневаться в искренности слов Муни не приходится, какая ей нужда была передо мной притворяться? А что касается до царской семьи и взаимоотношений царя и Р. — то кому как не ей было их знать: она постоянно бывала у Вырубовой, и та и Сана Пистелькорс у Головиных, а ближе никого не было к царской семье.

Когда поднялось шушуканье по поводу близости Р. с банкиром Д. Л. Рубинштейном, которого называли чуть не немецким шпионом, я как-то спросила Муню, какие у Р. дела с ним. Но она ничуть не смутилась и ответила покойно, как всегда: «Он добрый, Рубинштейн, и очень богат; денег он дает Гр. Еф. на добрые дела сколько бы он ни попросил. Руб. целый лазарет содержит на свой счет. А какими путями он достает эти деньги, не все ли равно? Важно, что он бедным помогает». В данном случае Муня, конечно, повторяет слова Р., говорящего, что все равно, кто делает добрые дела, мошенник или честный человек, да еще Р. мошенника ценит сортом повыше, потому что он может раскаяться, а честному человеку каяться не в чем, а по Р. без раскаянья не может быть «радости духа», значит, быть мошенником лучше.

Раз я стала говорить с Муней о том, почему Р. отрицает свою интимную близость с Лохтиной, хотя в ее дневниках об этом написаны исчерпывающие данные. Но Муня с обычным своим ясным взглядом сказала тихо: «Гр. Еф. и Ольг. Влад. настолько исключительны и стоят на такой высоте, что мы не можем разбирать ничего, что их касается, простыми словами. Многое из того, что писала Ольг. Влад., никто не может прочесть как следует и понять, что она хотела этим сказать, а Гр. Еф. так далек от греховных помыслов, что не понимает иной раз, что ему приписывают». — «Но позвольте, Мария Евг., — перебила я ее, — ведь вы же допускаете у Григ. Еф. отношения с женщинами и не такие, какие он имеет с вами?» Муня ответила с колебанием: «Конечно, я допускаю, но я опять повторяю, что мы с вами многого не можем понять, вот потому я и говорила, что предпочла бы, если бы этого не было совсем. Но он-то знает, зачем он это делает и зачем от нас скрыто то, что ему ясно, вот потому-то многие о нем соблазняются. А все действия Гр. Еф. имеют глубокий тайный смысл!»

Вот так «тайный»! Но, не смущаясь моим растерянным видом, Муня спокойно продолжала: «Для меня по отношению к Гр. Еф. не было никогда сомнений, и мне грустно только то, что вы лишаете себя такой большой радости, как духовное общение с ним. Его так мало знают, а между тем поучения Гр. Еф. так глубоки». Здесь я не удержалась и напомнила Муне о вышедшей осенью 1915 г. книжке Р. «Мысли и поучения», очень нелепой, которую его же поклонницы постарались тут же скупить и удалить с рынка. Муня немного смутилась и отвела разговор, сказав, что книжка вышла без ее содействия.

Я, как всегда в таких случаях, чувствуя себя словно в чем-то виноватой, не стала настаивать, а между прочим, она весной 1915 г. читала мне переписанные ею записки Р., частью вошедшие в ту же книжку и представлявшие собою пародию на евангелие. И ведь правда, если бы у Р. — представителя народа — была вдохновенная сила поучения, то за ним бы пошел первым делом этот народ, а не скучающие пресыщенные дамы разлагающегося высшего света, из которых он вербовал своих поклонниц. А народ, настоящий истовый коренной народ, к Р. не шел и презирал его, не только в Петербурге и по всей России, но и на месте его родины. Там тоже было несколько кликуш и истеричек, бегавших за ним, да два-три растолстевших толстосумов, и бедный, черный народ и там не признавал его, и, несмотря на все его щедроты и подаяния, Р. популярности среди своих земляков не имел, и мне рассказывали даже, что мужья били своих жен за то, что они ходили в баню с Р. А Муня говорит, восторженно глядя перед собой: «Чем

жен за то, что они ходили в баню с Р.!!! Муня говорит, восторженно глядя перед собой: «Чем больше он пляшет и пьянствует, чем сильнее его поносят, тем больше мое желание поклониться ему, я знаю, как он молится и страдает, — в нем вся Россия». Разумеется, она в данном случае ничем не ушла от Лохтиной, говорящей: «Когда он пляшет — он молится». Отношение Люб. Вал. Головиной к Р. проще и понятнее: «Я Гр. Еф. люблю безгранично, — часто говорила она мне, но тут же с брезгливой гримасой на своем тонком лице прибавляла: Но иногда поведение его просто недопустимо, это какое-то попрание всех законов хорошего тона! Чего только он себе не позволяет и чему, чему не приходится быть невольной свидетельницей! Сколько раз я ему говорила: «Гр. Еф., доживу ли я до того времени, когда вы будете вести себя корректно с дамами?!» Я так счастлива, что он никогда не позволял себе ничего такого по отношению к Марусе (дома Муню зовут Маруся, а «Мунька» прозвал ее Р.). Но должна вам сказать, между пр(очим), что это у него развилось с годами и наши дамы во многом сами виноваты. Когда мы с ним познакомились, это было в 1910 г., он был как раз в опале. Были тут разные интриги, в(еликий) к(нязь) Николай Николаев.54 много этому посодействовал, tout court*, его из дворца

уволили, и только Аня продолжала его принимать и к нам в дом он был вхож. Тогда, mon Dieu**, как он был скромен и по отношению к моим дочерям и вообще у нас дома был образцом вежливости и скромности. 5 лет не 5 дней — я настолько к нему привыкла, что не могу себе представить жизни без него и люблю его как родного брата. Я особенно ценю в Гр. Еф. его дар утешения: вам, конечно, известно, как учит церковь, что каждый старец имеет свой особый дар? У Гр. Еф. этот дар — утешение. В самые тяжелые минуты жизни он всегда находит то самое нужное слово, какой-нибудь ничтожный совет — и выход найден. Кроме того, с ним чрезвычайно отрадно молиться. Вы знаете, со мною был раз случай — распух язык, не понимали, что такое, опасались, что без операции не обойдется. А Гр. Еф. сказал: пройдет! — дал маслица от Иоанна Тобольскаго, и, подумайте, правда, прошло, нарыв прорвался сам. А с наследником как было: наша несчастная царица верит, что только один Гр. Еф. охраняет жизнь наследника. Когда Гр. Еф. был в опале, наследник заболел, и царица настояла, чтобы его вернули. Когда Гр. Еф. вернулся, наследник еще не мог ходить — доктора боялись кровотечения, а Гр. Еф. взял его за ручку и сказал: пойдем, Алеша, погуляем. А потом и врачи признали, что опасность миновала на этот раз. Это, разумеется, заставляет царицу чуть не молиться на Гр. Еф.: она болезненно любит сына...»

Все это Люб. Вал. рассказывала мне в первые два года знакомства, но в конце третьего отношение изменилось: ни о каких «недопустимых» поступках Гр. Еф. больше не было и речи. Люб. Вал. даже стала спорить против очевидности, утверждая, что Р. ни в какие рестораны по ночам не ездит и что все это наглая клевета злонамеренных людей. А раз, когда он ушел в спальную «молиться» с какою-то девицей и уходившая Шаповальникова хотела постучать в дверь, чтобы вызвать его и проститься, то Люб. Вал., с каким-то даже трепетом, сказала: «Что вы? как можно? Гр. Еф. занят!» А из спальной слышалось повизгивание, игривый смех и довольное урчанье Р. Я с сомнением посмотрела на Люб. Вал., но ее бледное увядшее лицо было бесстрастно, и только легкое неудовольствие на бестактность Шаповальниковой отражалось на нем.

Пожалуй, раньше у Люб. Вал. было именно родственное чувство к Р., а потом оно сменилось чем-то полным, я бы сказала, почтения и восхищения, чего, конечно, по родственному не бывает. Кроме того, она стала подозрительная, держится все время настороже и готова всегда его защитить, отрицая даже то, на что имеются документальные данные.

Что же касается до отношения Муни к Лохтиной, то здесь преданность и восторженное удивление перед силой человека, не остановившегося перед выбором унижения во имя идеи, пожертвовавшего семьей, богатством, положением в свете, чтоб принять позор и оскорбление за служение «идеалу».

У таких экзальтированных, скрыто страстных и замкнутых натур, как Муня, всегда является жажда поклонения чему-нибудь или кому-нибудь, и в том, что Муня выбрала себе этим объектом Лохтину, натуру, во всяком случае, исключительную, нет ничего удивительного. Муня

называет себя послушницей Лохтиной и ведет себя с нею по отношению к окружающей ее среде, как. вероятно, ведут себя миссионеры на острове людоедов. Когда Муня говорит о Лохтиной, у нее иногда получается такая величественная стройная фигура, что, чувствуя, как у тебя ум за разум заходит, ты в то же время не можешь не согласиться, что еще далеко не известно, кто больше достоин уважения и кого надо осуждать — Лохтину или отвернувшийся от нее «свет» — собрание лживых, корыстных, безнравственных людей. Конечно, проще всего сказать, как я и предлагала это сделать в начале — это решить, что Лохтина сумасшедшая психопатка, а Муня дегенеративная истеричка, сказать и успокоиться. Но меня эти услужливо подсунутые общественным мнением готовые ярлыки не удовлетворяли. Не знаю, как вас? Особенно хорошо рассказывала Муня о том, как Гр. Еф. «умерщвлял свою плоть» в тот период своей жизни, когда он, согласно своему выражению «нагрешив досыта», «припадал к богу», чтобы потом, научив дух отделяться от тела и «возноситься», начать опять грешить по-плотски с тем, чтобы вкушать сладость покаяния. Сведения эти Муня почерпнула от Покровских «сестриц» в то время, когда она сопровождала Р. на родину. «Чего, чего только не делал с собою Гр. Еф.! — говорила она, и глаза ее темнели, и в них загорался огонек восхищения. — Приехал он в Покровское через пять лет после того, как ходить начал странствовать, и жил в лесу, около болота. И в самую сильную жару часами стоял в болоте, отдавая себя на съедение мошкам и комарам. Теперь он все может себе позволить — тому, кто раз смирил свою плоть, никакой соблазн не страшен!» — и она смотрела проникновенно вдаль.

Такою же тихой, ласковой, с обычным мигающим взглядом и даже в неизменной вязаной кофточке я застала ее и в тот последний вечер, когда я пришла к ней на Мойку, случайно очутившись в Петрограде сейчас же после Октябрьской революции. Еще ничто не изменилось в доме, даже казачок, дремавший в передней, и злой пудель Таракан были на своих местах, исчезла только вечно возившаяся с насморками и ревматизмами собака Монстр.

Меня провели к Муне в комнатку, здесь тоже было все по-старому, даже кровать Лохтиной за ширмой и ее посох с лентами, но сама она со времени смерти Р. жила безвыездно в Верхотурье.

Наконец заговорили о Р. «Я не могла никак себе представить, что Феликс55 такое сделает! — сказала Муня, и складки у губ обозначились резче. — Прежде всего это было предательство! Заманить в гости и предать — Гр. Еф. был у нас, потом ему позвонили, он видимо колебался, а потом подошел к телефону и говорит: ну, ладно, буду. А у меня так почему-то сердце забилось, никогда не билось, а тут забилось. Я стала его спрашивать, куда он собирается, а он сначала не хотел сказать, а потом говорит: к Маленькому — это он Феликса так звал. А я ему говорю, зачем так поздно? и стала просить его взять меня, а он рассердился и велел послать за извозчиком домой ехать, а Феликс за ним должен был заехать. Так рассердился, прощаться не хотел, пошел к двери, потом вернулся, поцеловал, опять пошел, остановился, махнул рукой: ну была не была! и уехал.

А потом с утра, когда начались поиски, я звонила Феликсу, и у него не хватило духу мне сказать, что Гр. Еф. уехал от него домой. Ну что лучше-то сделали? только путь крови открыли, как Гр. Еф. всегда говорил».

Я посмотрела на ее бледное лицо, тихие скорбные глаза и спросила невольно: «Очень вам теперь тоскливо?» Но лицо ее вдруг изменилось и стало почти радостно: «Нет почему же?.. ведь он теперь всегда со мною».

Больше говорить было не о чем и оставаться в этой мучительной атмосфере — единственной мысли — было нестерпимо. Я тоже поцеловала усталые веки Муни и ушла. Больше я не видала ее и не слыхала ни о ней, ни о Лохтиной ничего.

Примечания

Публикуется по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ (ф. 1337, оп. 1, ед. хр.72), с сохранением

авторской стилистики и некоторых особенностей орфографии.

1 Адрес написан рукой неустановленного лица.

2 «Из недавнего прошлого». Пг, 1917. Воспоминания написаны певицей, посещавшей Распутина в 1915—1916 гг.

3 Здесь и далее вместо принятого у мемуаристки сокращения «кк» дается полная форма.

4 Покровский Михаил Николаевич (1868—1932), историк.

5 Феофан (Быстров), с 1908 г. исполнял обязанности ректора С.-Петербургской духовной академии; с 1909 г. — епископ Ямбургский. В течение двух лет был царским духовником. После неудач антираспутинской кампании с ноября 1910 г. удален из академии и назначен епископом Таврическим; с 1912 г. переведен в Астраханскую епархию; с 1913 г. — в Полтавскую.
6 Наследник престола.

7 Вырубова Анна Александровна (1884—1964), дочь А. С. Танеева, обер-гофмейстера и главноуправляющего канцелярией императора Николая II, фрейлина (с 1904), ближайшая подруга императрицы Александры Феодоровны.

8 Дочери Распутина Матрена и Варвара жили при нем в Петрограде и обучались в пансионе.

9 Прислуга, дальняя родственница Распутина.

10 Исполняется во время всенощного бдения (полиелея).

11 Супруга великого князя Петра Николаевича.

12 Маклаков Николай Алексеевич (1871—1918), министр внутренних дел в 1912—1915 гг.

13 Фон Пистелькорс (Пистолькорс) Александр Эрикович, камер-юнкер, чиновник Государственной канцелярии; его жена Александра Александровна (сестра А. А. Вырубовой).

14 Головина Любовь Валериановна, вдова камергера Е. С. Головина, одна из самых давних почитательниц Распутина.

15 Л. В. Головина и ее дочь Мария Евгеньевна (Муня), фрейлина; последняя была одним из секретарей Распутина.

16 Лохтина Ольга Владимировна, жена действительного статского советника. После знакомства с Распутиным коренным образом изменила свою жизнь, что нашло отражение во множестве мемуарных источников (см., напр., воспоминания бывшего иеромонаха Илиодора «Святой черт». // Голос Минувшего. 1917, III).

17 Илиодор (Сергей Труфанов) (р. 1880), иеромонах, религиозно-политический деятель. После обличений Распутина в 1911 г. был сослан во Флорищеву пустынь; в 1912 г. отрекся от официального православия. Освободившись из пустыни, уже мирянином приехал к родителям на Дон. После покушения на Распутина духовной дочери Илиодора Хионии Кузминичны Гусевой был обвинен Распутиным в подсылке к нему убийц и в июле 1914 г. бежал из России. Лохтина, приезжавшая и во Флорищеву пустынь, поселилась близ Илиодора на Дону, где жила в течение полутора лет.

18 Вероятно, Акулина Лаптинская, приверженица Распутина, игравшая не последнюю роль в его доме.

19 См. примеч. 17. Покушение произошло 30 июня 1914 г.

19 См. прим. 17. Покушение произошло 30 июня 1914 г.

20 Коковцов Владимир Николаевич (1853—1943), министр финансов в 20 1904—1914 гг.; одновременно в 1911—1914 гг. — председатель Совета Министров.

21 Имеется в виду Елена Францевна Джанумова, оставившая записи о встречах с Распутиным в Москве и Петрограде («Мои встречи с Григориев Распутиным». Пг. — М., 1923).

22 Гейнсборо Томас (1727—1788) английский художник-портретист.

23 Питирим (Окнов), митрополит Петроградский и Ладожский (с 23 ноября 1915 г.); переведен из экзархов Грузии.

24 Андроников Михаил Михайлович (1875—1919), чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода.

25 Самарин Александр Дмитриевич, обер-прокурор Синода с 5 июля по 26 сентября 1915 г.

26 Варнава (Накропин), епископ Тобольский (с ноября 1913 г.); с октября 1916 г. — архиепископ.

27 Манус Игнатий Порфирьевич крупный промышленник и биржевой деятель. Рубинштейн Дмитрий Львович, банкир.

28 Евлогий (Георгиевский), архиепископ Волынский с мая 1914 г.; был назначен управлять церковными делами в оккупированных областях Галиции.

29 Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924), в 1911—1917 гг. — председатель 3-й и 4-й Государственной думы.

30 Горемыкин Иван Логгинович (1839—1917), председатель Совета Министров с 20 января 1914 г. по 20 января 1916 г.

31 Куломзин Анатолий Николаевич (1838—1924), председатель Государственного совета с июня 1915 г. по 1 января 1917 г.

32 Хвостов Алексей Николаевич (1872—1918), министр внутренних дел с сентября 1915 г. по март 1916 г.

33 В воспоминаниях «Святой черт» бывший иеромонах Илиодор описывает, как он, по просьбе епископа Саратовского Гермогена, делал неудачные попытки «приготовить» Распутина в священники.

34 Ектенья — протяжное моление, состоящее из отдельных прошений, которое поет священник или диакон.

35 Барк Петр Львович (1858—1937), министр финансов с 1914 г. На этом посту оставался до Февральской революции.

36 Штюрмер Борис Владимирович (1848—1917), председатель Совета Министров с 20 января по ноябрь 1916 г.; одновременно министр внутренних дел с 3 марта по 7 июля 1916 г., министр иностранных дел с 7 июля по 10 ноября 1916 г.

37 Верхотурский мужской монастырь в Пермской губернии.

38 Жизнь 80-летнего старца Макария подробно описана в книге «Из недавнего прошлого» (с. 25—27).

39 О неудачной попытке провести на пост министра финансов свойственника А. Н. Хвостова подробнее см.: Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М., 1989, с. 122—123.

40 Род короткополой кофты.

41 Татаринова Екатерина Филипповна (урожд. Буксгевден) (1783—1856) (подробнее см.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 64, СПб., 1901, с. 666—668).

42 Вероятно, имеется в виду французский спирит Филипп.

43 Милица Николаевна и Анастасия Николаевна, великие княгини (урожд. княжны Черногорские).

44 Подробнее см., напр.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 57, СПб., 1900, с.

352—354.

45 Новосильцев Николай Николаевич (1761—1836), государственный деятель, министр юстиции.

46 Крюднер (Криденер) Варвара-Юлия (урожд. Фитенгоф) (1764—1825), известная проповедница мистицизма.

47 Мария Евгеньевна и Ольга Евгеньевна Головины.

48 Тютчева Софья Ивановна, фрейлина; боролась с влиянием Распутина при дворе.

49 Вероятно, о. Александр (Васильев), настоятель царскосельского Феодоровского собора, воспитатель наследника по части закона Божьего.

50 Так называлась дача бывшего иеромонаха Илиодора на Дону.

51 Описка мемуаристки: имеется в виду Варя Распутина.

52 Волжин Александр Николаевич, обер-прокурор Синода с 30 сентября 1915 г. по 7 августа 1916 г.

53 Джиу-джитсу (джиу-джицу), японская система самозащиты и нападения без оружия.

54 Великий князь Николай Николаевич (1856—1929), бывший Верховный главнокомандующий; с 23 августа 1915 г. — главнокомандующий Кавказской армией.

55 Юсупов Феликс Феликсович (1887—1967), князь, зять великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны.

Публикация Т. ЛАТЫПОВОЙ

Вокруг июльского кризиса 1917 г.

Львов Г. Е. Временному правительству: [Заявление об отставке] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 326—327. — [Т.] II—III.

Временному правительству

7 Июля 1917 г., после подавления вооруженного мятежа в Петрограде, поднятого представителями крайних социалистических течений, Временное Правительство приняло

решение о немедленном осуществлении предложенной министрами-социалистами программы дальнейшей деятельности Правительства. Эта программа приемлема для меня только в тех частях, которые являются повторением и развитием основных начал, объявленных Временным Правительством в ранее изданных им декларациях. Но она неприемлема для меня в целом, ввиду явного уклонения ее от внепартийного характера этих начал в сторону осуществления чисто партийных социалистических целей, в особенности в тех частях ее, которые раньше ставились на решение Временному Правительству и против которых я уже неоднократно высказывался. К таковым относятся немедленное провозглашение республиканского образа правления в Российском Государстве, являющееся явной узурпацией верховных прав Учредительного Собрания, единого действительного выразителя народной воли. Таким же вторжением в права Учредительного Собрания является проведение намеченной аграрной программы. Давая на это согласие, я нарушил бы обязательство, принятое мною на себя по долгу присяги перед народом. — Далее идут роспуск Государственной Думы и Государственного Совета и некоторые второстепенные пункты той же программы, имеющие меньшее значение, но носящие, однако,

характер выбрасывания массам, во имя демагогии и удовлетворения их требований мелкого самолюбия, государственных, моральных ценностей.

Будучи сторонником широкого наделения трудового крестьянства землею, я, тем не менее, нахожу, что земельные законы, внесенные Министром Земледелия на утверждение Временного Правительства, не приемлемы для меня не только по их содержанию, но и по существу всей заключающейся в них политики. Декларацией преобразованного 6 мая Временного Правительства было установлено регулирование земельного пользования в интересах народного хозяйства и трудящегося населения, но, по моему мнению, Министерство Земледелия, искажая ее смысл, проводит законы, подрывающие народное правосознание. Они не только не борятся с захватными стремлениями, не только не нормируют и не вводят в русло земельных отношений, но как бы оправдывают гибельные, происходящие по всей России, самочинные захваты, утверждают совершившиеся уже захваты и в сущности стремятся поставить Учредительное Собрание перед фактом уже решенного вопроса. Я вижу в них осуществление программы исключительно партийной, а не мероприятия, отвечающие общегосударственной пользе. Я предвижу, что в конечном своем развитии они обманут чаяния народа и приведут к невозможности осуществления государственной земельной реформы. Считаю земельную программу, проводимую Министром Земледелия, губительной для России, ибо она оставит ее разоренной, подорванной в моральном и материальном отношении и глубоко опасаюсь, что она создаст внутри России то, с чем Временное Правительство энергично боролось в последние дни в Петрограде.

Я не касаюсь здесь многочисленных разногласий между мною и большинством Временного Правительства в понимании существенных вопросов государственной жизни и тех условий, в которые деятельность Временного Правительства поставлена. Не могу не указать на принятие 4 июля при участии министров-социалистов постановления Исполнительных Комитетов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов об обязательности для всего Временного Правительства руководствоваться в своей деятельности решениями Всероссийских Съездов этих депутатов. Эти разногласия особенно участились за последнее время. Они неоднократно ставили передо мной вопрос о невозможности для меня оставаться во главе Временного Правительства, но я всегда до последних дней считал своим долгом в тех тяжелых условиях, в которых находится страна, находить пути соглашения в целях сохранения единства воли Временного Правительства. Ныне, ввиду глубокого расхождения в понимании стоящих перед Правительством задач, я по долгу совести перед Родиной не считаю себя в праве принимать участие в проведении в жизнь принятой Временным Правительством программы.

Я выхожу из состава Временного Правительства и слагаю с себя обязанности Министра-Председателя и Министра Внутренних Дел.

Заявления Георгия Львова.

Беседа по телефону Князя Георгия Евгеньевича Львова с Председателем Государственной Думы М. В. Родзянко, 7 июля в 2 часа дня / Записал С. М. Леонтьев // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 324—326. — [Т.] II—III.

Беседа по телефону Князя Георгия Евгеньевича Львова

с Председателем Государственной Думы М. В. Родзянко 7 июля в 2 часа дня

Хочу Вам первому сообщить о совершившемся. Я утром сего дня на заседании Временного Правительства заявил, что ухожу, т. к. по долгу совести и той присяги, которую принимал, вступая в Правительство, я не могу согласиться с той программой, которую новое Правительство должно проводить События эти подготавливались уже давно. Сейчас же после ухода кадетов38 я говорил во Временном Правительстве, что нам с оставшимся большинством Правительства не по

пути, что причины ухода кадетов не разногласия по вопросу об Украине, а гораздо глубже. Я, между прочим, указывал, что законы Чернова, а главным образом способы их осуществления уже в настоящее время, — для меня совершенно не приемлемы и, по моему убеждению, гибельны для России.

Я предложил свою программу работы Правительства, и хотя она возражений почти не встретила, но я указал, что осуществлять ее с Черновым ее не могу, т. к. ему не доверяю. Мы тогда отложили обсуждение вопроса о новом составе Правительства и о программе его, чтобы прежде всего самым решительным образом подавить мятеж и в корне очистить Петроград от анархистов и «большевиков». Это было 3-го.

Вчера к вечеру вернулся с фронта Керенский. Он немедленно потребовал, чтобы Временное Правительство покончило с противогосударственной агитацией большевиков. Он указывал, что судьба армии, возможность наступления и защита России возможны лишь при условии самой решительной борьбы с немедленными арестами главарей большевистской агитации. Он требовал гораздо больше, чем в свое время генерал Алексеев. Я ему напомнил «мятежного генерала». Требования Керенского вызвали целую бурю в Исполнительном Комитете С. Р. и С. Д. Он заявил о своей отставке.

После нового обсуждения Церетели и другие пошли на уступки и ночью было постановлено арестовать всех вожаков восстания до Ленина включительно, войска, участвовавшие в беспорядках разоружить и солдат отправить на Мурман на черные работы. При этом было признано необходимым, что никто не должен выходить в отставку. Социалисты поехали в свои комитеты.

Утром они вернулись с одобрением решений Временного Правительства об арестах. Утром сделано постановление об аресте Гельсингфорского Комитета Балтийского флота, о разоружении Красной Гвардии и о выдаче вообще всякого оружия. Одновременно они представили требования новой программы, выработанной их комитетами и которая должна стать программой нового Правительства. Еще ночью, должен сказать, Некрасова уговорили остаться в Правительстве, и он согласился. Таким образом было 5 социалистов и 5 несоциалистов.

Когда нам была предъявлена новая программа, я заявил, что с ней не согласен, т. к. она лишь усугубляет те разногласия, которые возникли особенно в последнее время. Она носит демагогический характер. Много мелочей. Главные пункты: немедленное объявление демократической республики, упразднение Государственной Думы и (Государственного) Совета, всех сословий, сокращение жалования министрам до 7 000, немедленное проведение всех законов Чернова, одним словом все, с чем я боролся в последний месяц.

Я заявил, что по этой дороге не пойду, ни один закон Чернова не подпишу, т. к. во всей его политике и в этих законах много лжи. Я сказал, что с Черновым мы не можем быть вместе в

политике и в этих законах много лжи. Я сказал, что с Черновым мы не можем быть вместе в Министерстве.

После моего заявления наступило всеобщее молчание, все разбрелись, длилось это с получаса. Должен сказать, что Терещенко, говоривший до меня, указывал, что в общем можно согласиться с программой, с некоторыми поправками. Некрасов заявил категорически, что с этой программой не согласен. Докладывал программу Керенский.

Создалось невыносимое, безвыходное положение. Тогда я, переговорив с Керенским, предложил им попробовать еще один этап — я уйду один и пусть остается Керенский. На это все согласились и все остались.

Керенский тотчас же после этого уехал на фронт и завтра должен вернуться.

Вы спрашиваете о власти — власть изобретается. Они сегодня водрузят эту власть.

Я прав, моя совесть чиста перед Россией. Как они поступят, это не мое дело. Вы у них спрашивайте.

Как мыслят они Правительство? Мыслят вместе с Советом Р. и С. Д. и с тем, чтобы в Правительстве голоса были пополам. Ну конечно, для них Совет выше Правительства...

Да, Годнев39 и Львов (В. М.) остаются. Да, уже продают Вас в лучшем виде. Спросите Вы с них, что можете спросить. Нет условий, при которых они не остались бы...

Ну, а ночью был разгром; захватывают сотнями всяких мерзавцев. Сам Совет постановил арестовать своих членов. Началось разоружение войск. Плачут, каются в совершенном.

Очистка Петрограда будет доведена до конца. С фронта Правительством вызвано до 15 тысяч хороших войск.

Конечно, программа Керенского — программа полудиктатора. Пророком трудно быть. Керенский считает своим долгом спасать Россию.

Я сделал все, что мог: уступки, задержки, торговля, но уж когда прямо потребовали социалистических пунктов, я счел своим долгом уйти. Нельзя работать, т. к. много лжи.

Кто такой Чернов? Большевик, «Циммервальд»40, что хотите...

Керенский защищал в свое время Ленина и скрутил ему голову. Теперь ему предстоит скрутить голову Чернову. Недели через 2—3 скрутит. Я скрутить не могу: он с-р, за ним Исполнительный Комитет Крестьянских Депутатов и «крестьянство», и т. д., а за Керенским армия, без армии и он не скрутит.

Ну да, у нас сейчас революция, какой не было и 28 февраля, все разрушено, но, как при всяком разрушении, — есть зерна созидательные.

Да, я пока Министр-Председатель, я не хочу уйти, как ушли кадеты: схватить портфель, сунуть руку и убежать. Сейчас Некрасов ведет переговоры.

Я сейчас дома. Остался я один, все наши с-д и с-р поехали по своим комитетам. Керенский на фронте, потому что сегодня назначено новое наступление на северном фронте...

Нет, нет, мой уход факт. Я опубликую причины моего ухода. Все наше министерство уйдет.

Истории, Михаил Владимирович, не продиктуешь, все по Вашему вышло: пиф-паф было, Петроград покорен, земельные законы задержаны, Государственная Дума пока существует...

Я верю, общая линия ведет к спасению: армия оздоровлена, большевизм теперь будут душить и в стране, Чернов долго не просуществует.

Я сейчас еду в Штаб, сегодня буду руководить войсками.

(Это было первым личным сообщением Князя Львова о кризисе во Временном Правительстве в связи с его заявлением о неприемлемости для него представленной ультимативно программы нового Правительства и потому об уходе его).

7/VII 1917 г.

Записал С. М. Леонтьев

Якушкин П. Е. Дневник // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и*

документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 319—324. — [Т.] II—III.

16 июня 1917 г.

Лучше поздно чем никогда. Попробую хоть несколько оставшихся дней записывать слова Георгия Евгеньевича и окружающих.

13-го по поводу разгона Петроградской Городской Думы Георгий Евгеньевич сказал, что он голосовал против и вместе с ним Шингарев1 и Мануйлов2. Он согласен с Авин(овым?)3, что нужно было разогнать, но нельзя было пополнять в таком порядке. Нужно было создать временную управу. Прибавил, что все же это он мог подписать, но что он прямо заявил Временному Правительству, что закона Переверзева4 о внесудебных арестах он не подпишет, т. к. он против самих основ его совести. Временное Правительство на днях (будет) обсуждать, что же в таких случаях делать, и имеет ли Министр-Председатель право не подписывать закона. А-в: «По моему Вы должны иметь право председательского «veto». — «Этого никак нельзя. Что ж это такое у нас тогда будет? Тогда упраздняется Временное Правительство, не нужно и Учредительного Собрания — абсолютная монархия. Шли, шли и пришли к деспотизму. К чему же тогда революция была? Просто если закон будет принят — я подам в отставку»**.

Опять по поводу Думы. Авк(сентьев): «Надо было какой-нибудь фокус выдумать». — «Конечно фокус. Да что мы не делаем — фокусы. Только может быть Ваши законы не фокус. Вот сегодня тоже Шингарев переплюнул Совет Р. и С. Д., вносит подоходный и единовременный налог в некоторых случаях в 130%. Сам все время возражал — и на поди».

14 июня.

Обед. Георгий Евгеньевич: «Очень нападают на Церетели и Скобелева11 их же за то, что они столько времени сидят и ничего не сделали. Да и правда: в области земледелия — ничего, в финансах — ничего, в продовольствии — ничего, в труде — ничего. Теперь на них наседают — требуют скорейшего созыва Учредительного Собрания12. Они говорят, что не могут противостоять. Да и надо объявить, несколько успокоить всех». Авин(ов?): «Нельзя раньше конца октября. Надо чтобы сначала прошли земские выборы». — «Ну вот, октября. Надо скорей, а то не доживешь. Только и ждешь, что бы хозяин поскорей пришел».

А я сейчас Церетели «выговор сделал». Говорю ему: «Конечно, в одну ночь закон об Учредительном Собрании написать можно. А только вы к такой работе не привыкли. Еще теперь пошло скорее. А помните, как в первое время? На законе о волостном земстве ведь мы неделю сидели. Вы пришли к нам с недоверием и во всем нас подозревали, ведь буквально к каждой запятой придирались. И что сделали Пешехонов13 и Чернов14 за 1 ? месяца? Ровно ничего».

Леонт(ьев): «А что же он?» Георгий Евгеньевич: «Против правды ничего не скажешь. Ответил, что они действительно плохие министры и он все признает, что это действительно их вина».

15 июня.

Георгий Евгеньевич: «Приезжал Третьяков15 с согласием, а здесь прочитал законы о подоходном налоге и отказался. Какая то игра — то иду, то не иду. «Вы убиваете промышленность!» Ничего мы не убиваем, а от всех жертвы нужны. Вот ведь наш класс помещичий все же теряет и не жалуется. (Напротив на левой странице записано: Авкс(ентьев) Салт(ыков) кровопийцы помещики жертвы.) А им непременно надо, чтобы их выделили. Почему их положение должно быть привилегированно? Конечно, в этом году они может быть и ничего не получат. Так ведь теперь революция. А в прошлом году нажились. Ведь все-таки кровопийцы в своем роде форменные. Только даст-то это по предварительным подсчетам менее 1 000 000 000. Был Авксентьев16. Он кажется не пойдет. Он глубоко порядочный человек.

Родзянко приезжал. Совсем выдохся пузырь. Они что-то там такое постановили в Думе. Дума не является государственным учреждением, но сохраняется. Он так возмущен, что и передать не мог. Но свою десятку они получать хотят. Все дело в десятке. И до сих пор еще говорят о нас так, как будто бы это великая сладость здесь сидеть. До сих пор не могут понять, что власть не удовольствие.

Поздравляю Вас, господа. Керенский из Ставки телеграфировал, что начинает наступление17.

18-го (июня)

Ночное совещание на квартире. Радость всех по поводу наступления. Терещенко:18 «Теперь работать можно, теперь никакого Министра Иностранных Дел не нужно, все само будет». Ответная телеграмма Керенскому. Текст Лебедева и мой: «Благоговейно склоняясь...» — мои слова о том, что необходимо указать на разницу в наступлении прежде и теперь. Терещенко назвал меня якобинцем и заставил писать. Нашел мой текст почти таким же, но текст Лебедева был изменен в мою сторону.

Анархисты. Церетели: «Побольше войск, чтобы испугались, и без кровопролития». Скобелев: «Сотни три казаков хотя бы в резерв необходимы». Шаткость положения Переверзева. Скобелев влюблен в Москву после поездки. «Перенести столицу и переехать Временному Правительству в Москву. Учредительное Собрание — там. Петроград какая-то шишка, а Москва — Россия. Петроград, как кто-то сказал в «Новом Времени»19, — «не окно, а подоконник». Георгий Евгеньевич говорил, что Церетели тоже за Москву. Церетели и Скобелев решили брать анархистов без санкции Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Извещен лишь Гоц20.

19 июня

Анархисты взяты, хоть войска колебались: да нужно ли, да кто приказал да как Совет. Но месяц тому назад совсем не пошли бы.

Скандалят 1-ый пулеметный полк21 и Московский22.

20-го июня

Н. Н. Ав(инов?), Шретер и Кайстра23 страшно ругали Вырубова. Шретер находит, что он мог бы быть (нрзб.). Был правый, теперь выдвигают эсэры*.

21 июня

Завтрак у Терещенко. Рутт приехал и ругался, а теперь в восторге: организационный гений,

первая революция и т. д. (Напротив на левой странице записано: Рутт сказал речь. Хвалил и Земсоюз24. Не наступление обратило его, а наблюдения.)

Бьюкенен25 посылал телеграммы, что наступление будет. Но ему не верили, и военные агенты из Ставки говорили обратное.

Комиссия по Украине (напротив на левой странице записано: Сух(анов?): «Вы должны были восстановить сношения с Радой!»26). Порка за завтраком Суковнина, Крапоткина (болен), Короленко, Урусов, Мякотин.

Союзники дали нам тяжелую артиллерию — брак (Георгий Евгеньевич просил не распускать (слух)).

22-го июня

Поска оставлен. Скандал с флотом в Ревеле. Слова Лопухина: «Георгий Евгеньевич от нас ушел, а к ним не пришел. Он ведь стал «социалистом». Но определенно говорит, что ему надо опереться на то, что левее кадет. Кадеты только из приличия считались республиканцами, а он по настоящему хочет республики».

23 июня. Обед.

Н. Н. (Авинов?) сообщил, что Кишкин27 слишком ударился в демагогию. Георгий Евгеньевич: «Трудно это, ужасно трудно по канату ходить так, чтобы ни в право не упасть, ни в лево».

По поводу украинской комиссии Георгий Евгеньевич: «Слаба комиссия, очень слаба. Нельзя кадет на живое дело пускать, никуда нельзя. Влад(имир) Ив(анович) ведь никуда не годится».

Н. Н. (Авинов?): «А князь Урусов хорош здесь он очень хорош».

В. Н. (Львов?)28 «Конечно, состав комиссии слишком однородный».

Н. Н. (Авинов?): «В Москве в Городские Головы будут проводить Хинчука»29.

Общее недовольство. Георгий Евгеньевич: «Так про него ведь только хорошее рассказывают»**.

Георгий Евгеньевич: «Вчерашний день опять в закрытом заседании обсуждали ноту. Третьего дня внесли поправку, а вчера кадеты назад; мы обсуждали в ЦК и решили что не можем, мы получили такой мандат.

Это удивительно — какая связанность. А Церетели какой умный и какой честный. Он честнее всех. За все время ни разу не уклонился, никакой передержки себе не позволил. И вчера с Шингаревым. Ведь сразу видно, насколько Церетели крупней.

Шингарев все к словам придирался, а Церетели государственное понимание показывал и по существу нападал. Конечно, Церетели дилетант (это Авинова слова), но государственный дилетант.

24 июня. Обед.

Вырубов говорил об удовольствии от дворянских выборов (полуиронично). Георгий Евгеньевич: «Никогда не мог без содрагания входить в залу. Вот где вся самая сволочь собиралась. С 1861 года ведь губили Россию. Вот на ком грех за теперешнее. Ведь полвека жили своими личными мелкими интересами. Нигде такого хамства и раболепства не было, как среди дворян. А могли бы много сделать, если бы у нас аристократия была. Совсем другое было бы (дело).

Н. Н. «А в земствах?»

Георгий Евгеньевич: «В земствах не дворяне работали, а ушедшие от них отщепенцы. Ведь настоящие земцы — Петрункевич30, Родичев31 — они показаться не могли в сословие.

После обеда Лопухин сначала защищал Вырубова от Кайстры (без него), потом сам стал дразнить: «Вырубов, тебя обижают, говорят, у тебя система есть убеждения» и т. д. Вырубов говорил с Д. М., С. М., Н. П. и С. Л. Они хотели сериозно с ним сговориться и говорили с ним как со взрослым, а он ничего толком ответить не мог, мычал, что у него с Авксентьевым «психология одна» и что-то непонятное. Говорил им: «Вы правы и логичны, но жизнь не логична и не права».

25 июня утром Георгий Евгеньевич страшно ругал кадет. «Они сейчас ведут себя как прежде самая черносотенная сволочь. Все выходки Шингарева такие же, как прежде на земских собраниях каких нибудь самых первых мерзавцев. Все их стремления сводятся к тому, что бы не дать, застопорить, помешать: совсем как прежде. И такая глубокая ненависть и к революции, и ко всем не кадетам, и ко всему. И все по мелочам, никакой государственной мысли нет. Вот теперь едут три прямо мученика в Киев (Терещенко, Церетели, Некрасов). Они (кадеты) вместо того чтобы помочь им, сразу же начинают говорить, что если вы что-нибудь там без нас решите — мы не признаем, так сказать, принципиально. Всех всегда в чем-то подозревают, какое-то глубоко неискоренимое недоверие. Прямо противно даже».

За завтраком В. И. сказал, что очень опасный признак нежелание смотреть — крупный человек или нет, а только подходит ли он. Георгий Евгеньевич: «И у нас во Временном Правительстве то же самое. Шингарев ведь куда крупный, только вести себя не умеет. Вчера 55 минут говорил по вопросу, который всем был ясен. И хорошо говорил. Как настоящий оратор: я говорю — а вы слушайте. Не хочет человек с чужим временем считаться. Как же при этом возможен тот темп работы, который нам нужен? А остановить нельзя: член Временного Правительства и скажет: «Я хочу высказать мое мнение». Алексеев32 тоже был очень крупный человек. Должен сказать, впрочем, что если бы Алексеев остался, наступления не было бы».

Обед. Были Ю. А. Олсуфев и Д. И. Меллер-Закомельский. Георгий Евгеньевич спрашивал Олсуфева, что делается на местах и выплывем ли. (Олсуфев): «Все дело должно решиться недели в две. Если не разовьется наступление, тогда надо сознаться — конец. Если разовьется — выплывем». Меллер-Закомельский: «А будет у нас Учредительное Собрание?» Георгий Евгеньевич: «Кто ж знает?» Через полминуты: «Будет».

Олсуфев: «По-моему все-таки Вы мало власти показываете. Стосковались по власти». Георгий Евгеньевич: «Аппетит к власти большой. Только надо момент уловить. Это Родзянко все хочет сразу. Если сейчас что-нибудь решительное предпринять, то это вызовет такой отпор и во флоте и в войсках.

Очень трудно — какой системы держаться. Вот с Финляндией все время уступали и каждая уступка приводила только к новому требованию. Ну что теперь делать? Стахович33 предлагает идти на конфликт и покорять Финляндию, а военный министр сказал: «Я должен Вас предупредить, что в Финляндии войска — банда еще хуже, чем в Питере».

По земельному вопросу. Георгий Евгеньевич: «Чернов говорит, что надо вместо захвата стихийного создать захват организованный. А мы думаем — что нельзя до Учредительного Собрания что-нибудь в этой области организовывать, что ему (Учредительному Собранию) надо дать материал, но нельзя ставить перед свершившимся фактом». В. Н. (Львов?): «Прежде всего надо наложить узду на Чернова. Мы посылаем телеграммы: никаких захватов, он с ними тут соглашается, а потом потихоньку говорит обратное. Он ведь гораздо больше член ЦК партии эсэров и Исполкома Совета Крестьянских депутатов, чем министр, и проводит только свою эсэровскую программу».

Георгий Евгеньевич: «Чернов негодяй и мерзавец, а что с ним будешь делать?»

26-го. Обед. Н. Н. Хмелев, И. А. (нрзб.), Давидов*. Георгий Евгеньевич ко всем обращается с вопросом: «Образуется или не образуется». Невозможно по отдельным фактам отрицательного свойства делать обобщения. 161 полк. Телеграмма Керенского.

Вопрос Лопухина — насколько уменьшится умолот от захвата хлеба крестьянами. Георгий Евгеньевич: «Я думаю, в общем не уменьшится. Мы только ничего не получим, да мы привыкли нести жертвы на алтарь Отечества». П. С.: «Да они сами из-за него передерутся». Георгий Евгеньевич: «Пускай немножко подерутся, это полезно».

Затем разговор о Скобелеве и перемене им фронта. Георгий Евгеньевич: Скобелев как был дураком так и остался, а вся атмосфера кругом него изменилась — потому и он изменился. Всем до одного переболеть надо, только болезнь-то «входит пудами, а выходит золотниками».

Церетели и Скобелев уже переболели». Н. Хмелев: «А Чернов? Зачем вы такого министра брали».

Георгий Евгеньевич: «Брали, брали, вы нам его дали, общественное мнение, страна, демократия. А почему? Потому все — от крестьян до кадет — спят. Один большевик и работает. Большевик, меньшевик да эсэр. А все остальные проспали ведь революцию, не участвовали в ней, а кто проспал — на том и вина».

Георгий Евгеньевич находит, что если бы теперешние отрицательные события были 2 месяца тому назад, они казались бы мелочью, а мы сейчас изнервничались и хотим всего сразу.

27. Утром Салтыков говорил об эсэрах и сказал, что у них должно образоваться мелкобуржуазное ядро, которое будет служить необходимым балластом для придания устойчивости, а затем отпадет, т. к. не будет согласно на проведение в жизнь всей с-р'ской программы.

За обедом говорили об с. р.

В. Н. (Львов?) сказал, что у них все-таки есть национальное лицо. Н. Н. А(вино)в подтвердил это. По его мнению, с. р. обладают всеми национальными чертами, так как программа отсутствует, но масса души и чувства. Вырубов весьма горячо, очевидно накачанный Авксентьевым, начал говорить об с. р. и, припомнив Салтыкова, сказал, что это будет мелкобуржуазная партия, которая поведет Россию (sic!).

Вырубов говорил, что в Москве с. р.'ы в безвыходном положении с городским головой. Минор и Берг считаются невозможными для Москвы как евреи. Думают просить Астрова36. Г. А. Алексеев доказывал, что он не должен итти. Вырубов, Шретер и Авинов находили обратное.

Георгий Евгеньевич: «Ничего больше про кадет не буду говорить дурного. Вчера я на них рассердился, потом всю ночь так совестно было, до сих пор совестно. Нельзя сердиться, а уж очень сердят. Больше не буду — зарок дал. Дурного слова про них не скажу. Кадеты — «милейшие люди».

Н. Н. (Авинов?) рассказывал, что к Чернову обращаются земельные комитеты, которые спрашивают: «Мы организовали (понимай захватили) то-то и то-то. Правильно?» Правильно, говорит Чернов. Необходимо заставить Чернова дать инструкцию земельным комитетам и подчинить их надзору административных судов. В. Н. (Львов?): «Необходимо прежде всем этим молодцам Чернова, которые ездят, разъяснить.

Сегодня у меня был Гурвич37 (член Исполнительного Комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов). Он определенно стоит на позиции той точке зрения, что захваты — это гибель аграрных мечтаний, образование новых помещиков. Вот и можно бы пользуясь этим

после аграрных мятежей, образование новых помещиков. Вот и можно бы воспользуясь этим поговорить с Черновым».

Мордвинцев Б. Т. Примечания: Вокруг июльского кризиса 1917 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 328—329. — [Т.] II—III.

Публикуется по автографам, хранящимся в ОПИ ГИМ (ф. 454, ед. хр. 3, ал. 7—16, 18—19, 48—67).

1 Шингарев Андрей Иванович (1869—1918) — один из лидеров кадетов, депутат 2-й, 3-й и 4-й Государственной думы. После Февральской революции в первом составе Временного правительства — министр земледелия, во втором — министр финансов. Убит революционными матросами в больнице.

2 Мануйлов Андрей Аполлонович (1861—1929) — профессор политической экономии, кадет. В 1905—1911 гг. — ректор Московского университета; в 1907—1911 гг. — член Государственного совета. С мая по июль 1917 г. — министр народного просвещения Временного правительства. После возвращения из эмиграции работал в советских вузах.

3 Вероятно, это Н. Н. Авинов, товарищ министра внутренних дел.

4 Адвокат П. Н. Переверзев в первом коалиционном Временном правительстве занимал пост министра юстиции.

5 Керенский Александр Федорович (1881—1970) — адвокат, эсер. Депутат 4-й Государственной думы. После Февраля — министр юстиции, военный и морской министр (май — июль), министр-председатель Временного правительства и главнокомандующий. С 1918 г. — в эмиграции.

6 Тома Альбер (1878—1932) — один из лидеров французских социалистов, заместитель военного министра в министерстве Клемансо. В 1917 г. посетил Россию для «поднятия патриотического духа» русских солдат и рабочих.

7 Видимо, В. В. Вырубов, уполномоченный Временного правительства по реформированию военных управлений и слиянию общественных организаций на фронте на правах помощника военного министра и председатель Особого комитета по объединению деятельности общественных организаций на фронте.

8 Некрасов Николай Виссарионович (1879—1940) — кадет, депутат 3-й и 4-й Государственной думы. После Февраля — министр путей сообщения, министр финансов Временного правительства. При большевиках работал в Центросоюзе.

9 Родзянко Михаил Васильевич (1859—1924) — один из лидеров партии октябристов («Союза 17 октября»). Председатель 3-й и 4-й Государственной думы. В дни Февральской революции 1917 г. — председатель Временного комитета Государственной думы. С 1920 г. — в эмиграции.

10 Церетели Ираклий Георгиевич (1882—1959) — один из лидеров меньшевизма. После Февральской революции — член исполкома Петроградского Совета и член ЦИК Советов первого созыва. С мая 1917 г. — министр почт и телеграфов с июля — министр внутренних дел. После Октября входил в состав меньшевистского правительства Грузии. С 1921 г. — в эмиграции.

11 Скобелев Матвей Иванович (1885—1939) — меньшевик, депутат 4-й Государственной думы. После Февраля — заместитель председателя Петроградского Совета заместитель председателя ЦИК Советов первого созыва; с мая по август 1917 г. — министр труда во Временном правительстве. Член ВКП(б) с 1922 г. Работал в кооперации, Внешторге, во Всесоюзном радиокомитете.

радиокомитете.

12 Учредительное собрание — представительное учреждение в России. Его созыв считался формально главной задачей Временного правительства. 14 июня 1917 г. оно впервые объявило сроки выборов — 17 (30) сентября, созыва Учредительное собрания — 30 сентября (13 октября). После неоднократного откладывания собралось 5 января 1918 г. Распущено большевиками 6 января 1918 г.

13 Пешехонов Алексей Васильевич (1867—1933) — один из руководителей партии «народных социалистов», публицист. Министр продовольствия во Временном правительстве. С 1922 г. — в эмиграции.

14 Чернов Виктор Михайлович (1878—1952) — один из лидеров и теоретиков партии эсеров. В мае — августе 1917 г. — министр земледелия Временного правительства. Председатель Учредительного собрания. С 1920 г. — в эмиграции.

15 Третьяков Сергей Николаевич (1882—1944) — фабрикант, после Февраля — товарищ председателя исполкома Комитета московских общественных организаций Один из организаторов Всероссийского союза торговли и промышленности. Летом 1917 г. примкнул к кадетам (член ЦК). С 1920 г. — в эмиграции.

16 Авксентьев Николай Дмитриевич (1878—1943) — один из лидеров партии эсеров. После Февраля — член исполкома Петросовета и председатель исполкоме Всероссийского Совета крестьянских депутатов. В июле — сентябре — министр внутренних дел Временного правительства в октябре — председатель Предпарламента. С конца 1918 г. — в эмиграции.

17 Имеются в виду наступательные операции русских летом 1917 г. Предприняты Временным правительством с целью усилить оборонческие настроения и удовлетворить требования Антанты. Наступление окончилось поражением русских войск была оставлена Галиция, потери превысили 150 тыс. человек. Все это вызвало протест в народе, усилило антивоенные настроения и непопулярность правительства.

18 Терещенко Михаил Иванович (1888— ?) — сахарозаводчик, миллионер. После Февраля — министр финансов; с мая по октябрь — министр иностранных дел.

19 Ежедневная газета; выходила в Петербурге с 1868 по 1917 г.

20 Гоц Абрам Рафаилович (1882—1940) — один из лидеров правых эсеров.

21 1-й пулеметный запасный полк входил в Петроградский военный округ, готовил пулеметчиков для всех фронтов. Принимал активное участие в Февральской революции. Среди солдат велико было влияние как большевиков, так и анархистов. Застрельщик событий в июльские дни. 8-го июля полк был разоружен и почти полностью расформирован.

22 Московский резервный полк (гвардейский) входил в Петроградский военный округ. В феврале 1917 г. перешел на сторону революции. Солдаты полка участвовали в апрельской и июньской демонстрациях; в июле выступила часть полка. Полк активно участвовал и в октябрьском перевороте.

23 Секретарь министра-председателя.

24 Земсоюз (Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам) — военно-общественная организация; создана в 1914 г. в Москве во главе с князем Г. Е. Львовым. Занимался оборудованием госпиталей, санитарных поездов, заготовкой медикаментов, обучением персонала и т. п. В 1915 г. объединился с Всероссийским союзом городов в Земгор и расширил свою деятельность.

25 Бьюкенен Джордж (1854—1924) — посол Англии в России с 1910 по 1918 г.

26 Центральная Рада — объединенный орган националистических партий и организаций на Украине в 1917—1918 гг. В 1-м универсале 10 (23) июня 1917 г. Центральная Рада, вопреки желанию Временного правительства, провозгласила автономию Украины и создала исполнительный орган — Генеральный секретариат. Для переговоров с Радой была направлена правительственная делегация. Итоги этих переговоров были использованы министрами в качестве предлога для ухода из состава Временного правительства.

27 Кишкин Михаил Николаевич (1864—1930) — врач, один из лидеров партии кадетов. После Февраля — московский комиссар Временного правительства. Последние годы жизни работал в Наркомздраве.

28 Вероятно, В. Н. Львов, бывший в мае — июле 1917 г. обер-прокурором Св. Синода.

29 Хинчук Лев Михайлович (1868—1944) — меньшевик; после Февраля — председатель Московского Совета рабочих депутатов. С августа 1917 г. — член ЦК меньшевиков. Делегат 1-го и 2-го Всероссийского съезда Советов. Член ВК(б). С 1921 г. — на кооперативной и советской работе.

30 Петрункевич Иван Ильич (1844—1928) — помещик, земский деятель, один из организаторов партии кадетов.

31 Родичев Федор Измаилович (1856—1933) — помещик, земский деятель, один из организаторов партии кадетов. После Февраля — комиссар по делам Финляндии.

32 Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918) — генерал; начальник Штаба (с августа 1915 г.) Верховного главнокомандующего императора Николая II. С марта по май 1917 г. — Верховный главнокомандующий, затем военный советник Временного правительства. Один из организаторов Добровольческой армии.

33 Генерал-губернатор Финляндии.

34 Брусилов Алексей Алексеевич (1853—1926) — генерал, с мая по июнь 1917 г. занимал пост Верховного главнокомандующего. С 1919 по 1924 г. служил в Красной Армии.

35 Лукомский Александр Сергеевич (1868—1939) — генерал. В июне — августе 1917 г. — начальник Штаба Верховного главнокомандующего. После октябрьского переворота сотрудничал с генералом Деникиным. Эмигрант.

36 Московский городской голова, член ЦК партии кадетов.

37 Видимо, Дан (Гурвич) Федор Ильич (1871—1947), один из лидеров меньшивиков. После Февраля — член исполкома Петроградского Совета и Президиума ЦИК первого созыва. Эмигрант.

38 Кадеты вышли из состава Временного правительства 2 июля 1917 г. Формальным поводом было несогласие с решением кабинета по украинскому вопросу (см. примеч. 26).

39 Октябрист, член 3-й и 4-й Государственной думы. С марта по июль 1917 г. — государственный контролер в составе Временного правительства.

40 В. М. Чернов был не большевиком, а эсером. Но будучи левым и интернационалистом, он участвовал в работе Циммервальдской и Кинтальской конференций.

Публикация Б. Т. МОРДВИНЦЕВА

Мордвинцев Б. Т. [Вокруг июльского кризиса 1917 г.] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 318—319. — [Т.] II—III.

Вокруг июльского кризиса 1917 г.

(Материалы о деятельности министра-председателя и министра

внутренних дел временного правительства князя Г. Е. Львова)

В фондах ОПИ ГИМ хранится ряд документов, относящихся к деятельности первого министра-председателя Временного правительства князя Г. Е. Львова: дневник находившегося в его распоряжении прапорщика П. Е. Якушкина, беседа по телефону с председателем Государственной думы М. В. Родзянко и заявление Временному правительству об отставке.

Упомянутые документы относятся к середине июня — началу июля 1917 г. и дают возможность расширить представление о весьма напряженном и сложном периоде в развитии российской революции и, кроме того, познакомиться с фигурой самого Георгия Евгеньевича Львова (1861—1925), князя, крупного помещика, известного политического деятеля. Львов избирался депутатом I Государственной думы, в годы первой мировой войны был председателем Всероссийского земского союза, затем одним из председателей Союза земств и городов (Земгора), членом Верховного совета и Особого Совещания по обороне государства. После Февральской революции 1917 г. со 2 (15) марта по 7 (20) июля князь Львов — министр-председатель и министр внутренних дел первого и второго кабинетов Временного правительства.

Первым по хронологии идет дневник Павла Евгеньевича Якушкина. Записи охватывают небольшой промежуток времени — с 13 по 27 июня 1917 г. Обозначив в самом начале свою задачу «записывать слова Георгия Евгеньевича и окружающих», автор старается ее выполнить. На страницах дневника можно прочитать высказывания Львова о партиях кадетов и эсеров; о политических деятелях — министрах Временного правительства Шингареве, Церетели, Чернове, председателе Временного комитета Государственной думы М. В. Родзянко, одном из руководителей торгово-промышленного союза Третьякове; познакомиться с обсуждением важных вопросов — национального, аграрного и других; узнать о причинах отставки второго состава Временного правительства. Ценность дневника в том, что Якушкин записывал разговоры, происходившие в неофициальной обстановке — за завтраком, обедом и т. п. При этом едва ли Львов и его собеседники об этом догадывались.

Дневник представляет собой тетрадь в ? листа в черной дерматиновой обложке. Записи сделаны черными чернилами на правой нечетной странице тетради. На левой четной странице встречаются краткие комментарии или записи для памяти. В настоящем издании комментарий, относящийся к тексту, дается сразу после него в скобках. Записи, не относящиеся к тексту, даются в подстрочных сносках. Стремление автора записать материал как можно скорее привело к тому, что в тексте часто встречаются неясности и сокращения, которые удалось расшифровать не полностью.

Два других документа относятся к заключительным часам деятельности Львова во главе Временного правительства. Значительный интерес представляет запись его телефонного разговора с председателем Государственной думы М. В. Родзянко. В фонде имеется машинописный экземпляр того времени. В приватном разговоре Львов впервые раскрывает суть принципиальных разногласий с министрами Временного правительства по вопросам деятельности нового состава правительства после ухода кадетов 2 июля и событий 3—4 июля, говорит о невозможности дальнейшего сотрудничества с министрами-социалистами, и прежде всего с В. Черновым. Вскоре, судя по всему, составлен и текст заявления Временному правительству об отставке, завершающий публикацию. В фонде имеется три варианта этого текста. Первый — рукописный черновой на бланке министра-председателя. Второй — машинописный с правкой

рукописным черновиком на имени министра юстиции. Второй — машинописный с правкой рукой Львова. Третий — очевидно, окончательный вариант: машинописные экземпляры с пометой карандашом на одном из них неизвестной рукой и на другом — подпись князя Львова и дата — 7 июля 1917 г.

Все перечисленные материалы позволяют заглянуть за кулисы событий тех дней, расширить представления о политических и государственных деятелях, сыгравших значительную роль в российской истории.

Революционное время в Русском музее и в Эрмитаже

Революционное время в Русском музее и в Эрмитаже: (Воспоминания графа Д. И. Толстого) / [Вступ. ст.] С. Г. Блинова, Д. И. Толстого; Публ. [и примеч.] С. Г. Блинова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 330—361. — [Т.] II—III.

Граф Дмитрий Иванович Толстой, директор С.-Петербургского Императорского Эрмитажа, товарищ управляющего Русским музеем императора Александра III в Петрограде, родился в Царском Селе в Китайской Деревне в ночь с 30 на 31 мая (ст. стиля) 1860 г.

Его отец — Иван Матвеевич Толстой — сын сенатора Матвея Федоровича Толстого и Прасковьи Михайловны Толстой (урожд. Голенищевой-Кутузовой, дочери фельдмаршала князя Смоленского) был в 1866 г. пожалован в графское достоинство При рождении сына Дмитрия он состоял товарищем министра иностранных дел, обергофмейстером Высочайшего Двора, а затем министром почт и телеграфа.

Его мать — Елизавета Васильевна Толстая (урожд. Туманова) — дочь воронежского предводителя дворянства Василия Яковлевича Туманова и Марии Ивановны Тумановой (урожд. Дубенской). Род Тумановых был купеческого происхождения. В семье Толстых было 8 детей, пятеро умерли в раннем возрасте, а трое оставшихся — осиротели. В 1867 г. от неправильного лечения малярии на водах Карлсбада и Висбадена умер отец, а через три года, вследствие развившейся душевной болезни, покончила с собой мать: «Мой брат Иван старше меня на два года, вместе со мною вломились через плохо запертую дверь в ее комнату и наткнулись на ее бездыханное тело, висевшее перед образами в углу»*.

После кончины матери детей стала воспитывать Екатерина Матвеевна Толстая, крестная мать Ивана и Дмитрия, сестра их отца. Главным образом, благодаря ей семейный совет Толстых отказался от принятого ранее решения о помещении мальчиков в Пажеский корпус. До 15-летнего возраста Дмитрий Толстой воспитывался дома, а в 1876 г. поступил в 6-й класс 3-й Петербургской гимназии: «Учился я в гимназии прилежно, добросовестно вызубривая к урокам заданное и окончил курс с наградой серебряной медалью»**.

В 1879 г. Толстой поступил на юридический факультет Петербургского университета, в котором «посещал довольно аккуратно лекции, но серьезно не занимался, а только усиленно готовился к экзаменам, которые и удачно сдавал за все 4 года учения»***.

Окончив в 1883 г. университет со степенью кандидата, Толстой осенью отправился в путешествие по Европе (Италия и Испания), а потом в Египет и Палестину. Вернувшись, он провел лето 1884 г. в имении в селе Чертовицком Воронежской губернии, затем поступил на службу в Министерство иностранных дел, сначала получив место в департаменте внутренних сношений, а потом в канцелярии министерства.

7-го января 1890 г. 3-й секретарь канцелярии Министерства иностранных дел Дмитрий Иванович Толстой обвенчался с Еленой Михайловной Чертковой. Брак оказался счастливым. Новобрачные отправились в свадебное путешествие в Италию и Францию. По возвращении Толстой покинул канцелярию и был назначен чиновником особых поручений при Министерстве

иностранных дел, а после отказа ехать секретарем в Русское консульство в Лондоне был оставлен в покое и формально причислен к министерству.

В 1901 г. Толстой принял предложение великого князя Георгия Михайловича (управляющего Русским музеем императора Александра III) стать его помощником или официально «товарищем». Служебная деятельность Толстого приобретает новый характер: «Скоро после моего поступления в Музей я был выбран в члены Академии Художеств, принимал участие в академической комиссии, выбиравшейся для покупки картин на выставках»*. Работа пришлась по душе. Деловые отношения позволили Толстому близко узнать многих выдающихся художников: И. Е. Репина, Вал. А. Серова, М. В. Нестерова, А. Н. Бенуа, Н. К. Рериха, М. В. Добужинского, И. Я. Билибина, А. Я. Головина, работы которых приобретались им для собрания Русского музея.

В 1906 г. Толстой был выбран гласным Петербургской городской думы, где его деятельность была в значительной степени формальной.

В 1909 г. после кончины директора Императорского Эрмитажа Ивана Александровича Всеволожского Толстому был предложен этот пост, и он, не без колебаний и уговоров, принял предложение, сохранив за собой и должность товарища управляющего Русским музеем. После того как Толстой стал администратором двух крупнейших отечественных музеев, жизнь его приобрела определенный ритм: 10 месяцев он проводил в городе в делах и заботах о музеях, а 2 месяца ежегодного летнего отпуска — у тестя в Киевской губернии. Впрочем, были исключения: летом 1912 и 1913 гг. Толстые путешествовали по Италии и Испании. Преддверие первой мировой войны застало Толстого в Теплице, где он находился на лечении и откуда после убийства австрийского престолонаследника срочно выехал в Петербург.

Годы войны Толстой провел в Петрограде, в нем же встретил обе революции, в пору которых оставался честным государственным чиновником и способствовал сохранению музейных сокровищ. Однако стремительное развитие событий во всех сферах общественной жизни требовало ухода со сцены людей старого закала. В конце 1918 г. Толстой, не подавая в отставку, получает разрешение советских властей на отпуск и уезжает через Москву в Киев. Дорога выдалась трудной, в Москве Толстого едва не задержали. Однако обошлось, и вскоре он оказался в Киеве, где к тому времени уже находилась его семья. Узнав о расстреле великого князя Георгия Михайловича, Толстой принял окончательное решение: в Петроград не возвращаться, с властями не сотрудничать. Таким образом началась его эмиграция.

Пожив недолго в Киеве, Толстой вместе с семьей перебрался в Новороссийск, а потом в Ялту, где прожил с сентября 1919 г. по январь 1920 г. Здесь пришло понимание того, что в России, на родине, места более нет: «С тяжелым сердцем и не всегда подавленными слезами отошли мы от ялтинского мола около 5 часов пополудни 20 января 1920 года»**. Прибыв на английском миноносце в Константинополь, Толстые решили долго в нем не задерживаться. Знакомые советовали отправиться на Мальту, где, по слухам, жилось сносно. При отплытии из Константинополя заболела тифом дочь, и семью, сняв с корабля, поместили в карантин в Бриндизи. К счастью, все кончилось благополучно: дочь поправилась, и после ее выздоровления семья добралась до Мальты, где прожила до марта 1921 г. Затем начались непрерывные путешествия по Европе: осень 1921 г. — зима 1922 г. — Канны, лето и осень 1922 г. — Дубровник, с зимы 1923 г. — Баден-Баден и, наконец, с мая 1924 г. — Ницца, в которой с сентября 1925 г. Толстые поселились окончательно. Здесь, насколько было возможно в эмиграции, пришло успокоение: «В Ницце я вполне удовлетворен нашей тихой, спокойной жизнью; мы мало кого видим и только изредка принимаем участие в каких-нибудь общественных и благотворительных собраниях»***.

В 1933 г. к Толстому обратились представители Русского исторического архива (РЗИА) в Праге с просьбой написать автобиографию и воспоминания о годах жизни в Петрограде. В РЗИА к тому времени уже было накоплено много рукописей видных деятелей российской эмиграции. 74-летний Толстой откликнулся на просьбу: написал и поместил в РЗИА автобиографию и

летний Толстой откликнулся на просьбу: написал и поместил в РИА автобиографию и воспоминания, снабдив их предварительной запиской следующего содержания:

«Меня пригласили написать мою автобиографию, чтоб поместить ее вместе с другими воспоминаниями в Пражский Русский исторический архив. Откровенно говоря, не без колебаний решаюсь представить на суд будущих поколений обзор моей мало интересной жизни. Дело в том, что я могу считать себя исключительно счастливым человеком, а какой интерес может представлять для постороннего исследователя жизненное поприще, пройденное гладко, без ярких событий и особых потрясений. Кроме тяжелых эпизодов кончины моих родителей и общего разорения и беженской судьбы, тяжело отозвавшихся на всех людях моего класса, ничего выдающегося в моей жизни отметить не приходится. В семейной жизни я был, можно сказать, исключительно счастлив до самой старости; 44 года, проведенных в полном духовном единении и согласии с женою-другом, служившей мне во всем поддержкой и нравственной помощью, близкие и дружеские отношения с моими детьми и их семьями могут служить редким примером семейного счастья. Политически значительных положений я не занимал и на судьбы родины никакого влияния иметь не мог. Такая жизнь может показаться лишь серой и для постороннего неинтересной. Все же, если я решаюсь оставить письменный след о моей жизни, то лишь потому, что будущий исследователь может найти какие-нибудь новые черточки исчезнувшего после революционной катастрофы быта.

Отдельная записка с более подробным описанием, как революция отозвалась на управляемых мною музеях, может представить больше общего интереса.

Представляя свои записки в распоряжение Русского исторического архива в Праге, я ставлю непременным условием, чтоб таковые не издавались, буде того пожелают, ранее 10 лет после моей кончины, а записка о музеях не ранее перемены режима в России во избежание преследования большевиками упомянутых и названных в ней лиц.

Граф Д. И. Толстой»*.

Революционное время

в Русском Музее и в Эрмитаже

(Воспоминания графа Д. И. Толстого)

В 1901 году я был назначен Товарищем Управляющего Русским Музеем Императора Александра III (Управляющим был Вел. Кн. Георгий Михайлович); в 1909 г. — Директором Императорского Эрмитажа. События 1917 г. застали меня занимающим ту и другую должность.

Цель настоящих записок — описать по мере сил и уменья то, что пришлось на моих глазах пережить обоим вышеназванным учреждениям. События были записаны мною более года спустя, и потому кое-что могло утратиться из моей памяти, тем более, что под рукой у меня тогда уже не было никаких документов или архивных данных, по которым можно было бы точно установить даты и последовательность событий. Не претендуя на полноту приводимых сведений, могу лишь заявить, что я старался добросовестно и по возможности беспристрастно осветить события, в которых я принимал прямое или косвенное участие.

Если я решаюсь предать гласности эти воспоминания, то лишь потому, что всякому прикоснувшемуся, хотя бы и в незначительной мере к историческим событиям, перевернувшим весь строй нашего отечества, следует, мне кажется, поделиться со своими соотечественниками собранным материалом, могущим послужить для работы будущего историка русского лихолетья.

I

День 1-го Марта 1917 года был один из самых тревожных когда-либо пережитых мною. С

День 1-16 Марта 1917 года был один из самых тревожных когда-либо пережитых мною. С раннего утра уже около 8 часов ввиду неспокойного времени, внутренним ходом через бывшую Петровскую галерею я отправился из своей квартиры* в Эрмитаж, уже несколько дней перед тем закрытый из предосторожности для публики. Между служителями была установлена очередь хождения на службу, и они несмотря на частую стрельбу на улицах и опасность передвижения замечательно добросовестно приходили в Эрмитаж и исполняли свои обязанности. Хранительский персонал тоже организовал между собой дежурство, и служащие решили по очереди проводить ночь в маленьком помещении, рядом с вестибюлем, так называемой «гофъ-фурьерской».

В этот день первое дежурство начал Яков Иванович Смирнов1, которому принадлежала эта мысль. Будучи старшим хранителем Средневекового отдела Эрмитажа он был в то же время членом Академии Наук и профессорствовал в Петроградском университете. Человек он был крайне своеобразный: большой ученый в области истории древностей, очень разносторонне образованный, характера прямого, очень импульсивный; он обладал особенной наклонностью к

критиканству, не говоря о его критических способностях; это преобладание в нем критического ума, а также стремление к самокритике часто парализовали в нем его недюжинную работоспособность; про него говорили, что он всегда, обо всем, со всеми спорит, не исключая и себя самого. Относясь строго к себе, он мог однако показаться недоброжелательным относительно других; но по существу он был человеком очень добрым, глубокопорядочным, с сильно развитым чувством долга. К сожалению благодаря отсутствию порядка, а также вышеуказанному свойству — самокритике и сомнению в себе самом, его громадная эрудиция не дала тех плодов, каких можно было от него ожидать. В своих денежных делах он был нерасчетлив, тратил порой собственные средства на казенные цели, благодаря чему бывал в очень стесненных обстоятельствах: во время большевизма он настолько нуждался, что умер от истощения. Физически Смирнов казался значительно старше своего возраста (ему не было и 50 лет), и наружному своему виду он не придавал никакого значения. Говорил он красивым чистым русским языком, но сильно заикался.

Прийдя в вестибюль Эрмитажа и узнав, что Я. И. Смирнов уже прошел к себе в Отделение, я отправился за ним, распорядившись, чтоб меня тотчас вызвали, если бы появились лица, требующие Директора. Около 9 ? часов мне дали знать по телефону с подъезда, что меня спрашивает присланный из (Государственной) Думы «депутат». Отправившись на этот зов, я встретил в Египетском зале бритого черноволосого, очень прилично одетого господина, со шляпою в руках, отрекомендовавшегося присяжным поверенным Гидони. Его сопровождало два других лица — юнкер военного училища и молодой человек довольно растрепанный, в косоворотке, с обликом не то полуинтеллигентного рабочего, не то студента-народника (в последствии он действительно таковым оказался). Г(осподин) Гидони учтиво сообщил, что тревожась за судьбу музейных сокровищ, он испросил у Думской Исполнительной комиссии мандат на защиту «народного достояния» и просил меня передать ему охрану Эрмитажа. Мне пришлось ему объяснить, что в точном смысле охраной нашего учреждения я не заведую, что все здание находится в ведении Дворцового Управления, что охрана возложена на дворцового полицеймейстера и его команду, администрация же Эрмитажа является лишь квартирантом, оберегающим во внутреннем помещении вверенные ему предметы, поэтому передавать ему охрану я фактически лишен возможности. Я прибавил, однако, что ввиду брожения в городе и возможности нападения толпы, я с удовольствием принял бы всякую помощь. Со своей стороны Гидони доказывал, что он или его спутники могли бы оказаться полезными в случае нужды, чтоб разговаривать с толпой от имени Государственной Думы, являющейся в данную минуту единственною популярною и признанною властью. В это время вмешался в разговор Смирнов с замечанием, что мы не имеем права впускать посторонних лиц для охраны Эрмитажа без согласия на то законной, ответственной в данном случае власти, т. е. дворцового полицеймейстера полковника кн(язя) Ратиева. После довольно продолжительных переговоров было решено, что один из сопровождавших Гидони останется на всякий случай нам в помощь, пока в качестве частного лица. Юнкер присутствовавший при разговоре, напуганный

рассуждениями нашего хранителя о полицеймейстерской власти и полковническом чине отказался от несения этой сторожевой службы. «Полицеймейстер — полковник, мое положение относительно его может оказаться очень неудобным; он может меня арестовать!» — говорил молодой воин, чем вызвал со стороны Гидони колкое замечание: «Вы, товарищ, напрасно шли на дело, раз Вы считаете неудобным брать на себя ответственность и рисковать осложнениями. Было довольно забавно читать на лице этого военного «товарища» полное смятение и конфуз. Что касается второго «товарища», студента-горняка, то он по-видимому довольно охотно взял на себя предлагаемую ему роль и был водворен в «гофъ-фурьерской», где вскорости напоенный чаем, удобно разлегся на диване. Прежде, чем покинуть Эрмитаж, Гидони обратился ко мне с вопросом: могу ли я поручиться за целость и неприкосновенность оставляемого у нас «товарища». На это я ему ответил, что с моей стороны, а также со стороны моих эрмитажных сослуживцев молодой человек будет пользоваться полным вниманием и ничем не рискует; за дворцовое же начальство я безусловно отвечать не могу, хотя лично уверен, что полицеймейстер ничего неприятного не предпримет, а вероятнее всего будет сочувствовать всякой помощи для поддержания порядка.

По отъезде Гидони (он приезжал с помощниками на автомобиле) я сбегал позавтракать на свою квартиру, но предварительно побывал у Ратиева, чтоб сказать ему, во избежание недоразумений, о сторожащем у нас студенте. Дворцовый полицеймейстер сочувственно отнесся к моему соглашению с Гидони.

Дома я застал свою семью в возбуждении и тревоге: набережная в это время казалось пустынной: вдоль нее откуда-то свистали пули, и от них редкие прохожие прятались за гранитные стенки спусков на лед и за колонны дворцового фасада; изредка бешено мчались автомобили перегруженные рабочими и дикого вида солдатами; многие из них помещались, иногда лежа, в нарочито живописных положениях на крыльях и подножках автомобилей, и почти все держали винтовки наизготове.

Не задерживаясь у себя, я снова поспешил в Эрмитаж, но в «гофъ-фурьерской» уже студента-революционера не нашел: оказалось, что в мое краткое отсутствие Ратиев прислал за ним стражника с просьбой прийти во дворец и успокоить волновавшихся раненых лазарета, помещавшегося в больших залах. Вскоре появился у нас новый посланец, по его словам от председателя Государственной Думы2, хромой полковник с несколькими молодыми людьми. Он объяснил, что М. В. Родзянко, обеспокоенный судьбой наших сокровищ, прислал его узнать, не нуждаемся ли мы в какой-нибудь помощи или охране от случайных грабителей. На это я ответил, что считал бы очень полезным иметь в Эрмитаже воинскую часть, которая при случае могла бы оградить нас от нападения толпы; присутствие представителя новой фактической власти может также быть полезно. Я сказал, что у нас находился студент, снабженный письменным документом от Государственной Думы, но что от нас его переманил дворцовый полицеймейстер для охраны Зимнего Дворца. Выслушав меня внимательно, обещав похлопотать о военном карауле и оставив нам нового сторожа в лице молодого человека, полковник уехал на своем автомобиле. После этого посещения, беспокоясь о своей семье, я снова сбегал на короткое время на свою квартиру, вернувшись же обратно в Эрмитаж, узнал, что и второго нашего стража-революционера затребовал к себе Зимний Дворец: по телефону из дежурной комнаты дворцовой стражи мне сообщили, что первый студент куда-то отлучился и больше не возвращался, что второй представитель Государственной Думы сидит спокойно в дежурной, откуда, судя по надобности, во всякую данную минуту может быть по телефону вытребован в Эрмитаж либо в лазарет; меня просили оставить его на всякий случай в помощь при дворцовой страже. Так дворец поглотил обоих наших покровителей от революции.

Около 6 часов вечера с парадного входа Эрмитажа раздался резкий звонок, и в открытые служителем двери влетел, можно сказать, С. К. Маковский* страшно взволнованный, с известием, что Эрмитаж горит, что вся Миллионная уже полна черным дымом: «а вы тут спокойно сидите, — восклицал он, — и ничего не замечаете!» Мы со Смирновым ему ответили, что черный дым из трубы отопления — совсем обычное явление в настоящее время, ввиду плохого качества угля, и что никаких признаков пожара не имеется. Тут еще появилась какая-то

плохого качества угля, и что никаких признаков пожара не имеется. Тут еще появилась какая-то не менее взволнованная дама, доложившая Маковскому, что ею уже вызвана пожарная часть, которая сейчас прибудет; и действительно, вслед за ее словами раздались звонки пожарного обоза и в дверях показался брандмейстер с топорниками. По исследовании чердаков и дымовых труб брандмейстер объявил о ложности тревоги и безопасности здания. Затем он обратился ко (мне) с вопросом: кто собственник здания? Я ответил, что до сих пор оно было собственностью царствующего Императора, теперь же не знаю, но думаю, что можно предположить, что Эрмитаж является государственным состоянием. Тут меня перебил Маковский заявлением, что Эрмитаж отныне будет принадлежать городу, и что этот вопрос окончательно решен в таком смысле. Мне пришлось отозваться полным неведением на этот счет.

Когда пожарная часть удалилась, мы стали рассуждать с Маковским о мерах обезопасения Эрмитажа, и он советовал мне обратиться к только что назначенному коменданту Шпалерного района, человеку очень энергичному, толковому и расторопному, могущему лучше всех быть нам в этом вопросе полезным. Маковский предложил со своей стороны переговорить с этим комендантом и просить его нарядить для нас отдельный караул.
С 7-ми до 10 часов в наших стенах наступило сравнительное спокойствие: только снаружи перестрелка продолжалась и даже усилилась со стороны Миллионной улицы. Около 10 ч. вечера из Дворца прибежал взволнованный стражник с сообщением, что из Преображенских казарм на Миллионной* дали знать по телефону, что солдаты грозят открыть по Эрмитажу стрельбу и разнести его. если с крыши здания не будут немедля удалены пулеметы. Вся наша недвижимость, как я упоминал выше, находилась в ведении Дворцового Управления потому за то, что делалось на крыше, я ответственности не нес, да по существу и не мог знать, что там делается: хотя ключ от хода с крыши на чердак находился у нашего гофъ-фурьера, но крыша сообщалась через арки с соседними зданиями, и таким путем можно было туда что угодно пронести без всякого нашего ведома. Я, однако, был уверен, что там никаких смертоносных орудий не находится. Наши служители и стражники отказывались идти на крышу из опасения, как бы преображенцы, приняв их в темноте за пулеметчиков-городовых, за которыми по всему городу началась жестокая охота, не стали бы их из казарм расстреливать; да и солдаты, вероятно, не поверили бы голословному уверению, что на крыше ничего не обнаружено. Поэтому решено было дать знать преображенцам. чтоб они прислали от себя представителей, которые сами могли бы воочию удостовериться в отсутствии пулеметов на нашем здании. В ответ на такое приглашение было сообщено, что из казарм придет несколько человек для обыска крыши. Только в первом часу ночи, после усиленной перестрелки на нашем подъезде со стороны Миллионной в наш вестибюль ворвалась толпа человек в 20 вооруженных, страшно возбужденных и сильно пьяных солдат. Они тотчас потребовали со всяким сквернословием, чтоб их вели наверх. Я. И. Смирнов, не отдававший себе отчета в том состоянии, в котором они находились, стал горячо их убеждать, что провести их наверх он не может, т. к. имея заряженные ружья, они способны случайно нанести непоправимый вред, попортить картины и пр. Тут выскочил вперед один молодой преображенец и накинулся на Якова Ивановича с непечатной руганью и криком: «Тебе твои вещи дороже солдатской жизни! Тебе, с... с..., все равно, что солдата пристрелят? Тебе только жаль твоих дурацких картинок!» Когда Смирнов начал горячо возражать, что для него, естественно, дороже всего то, что находится под его ответственностью, солдат свалил его толчком на мраморный пол и стал яростно замахиваться на лежащего то прикладом, то штыком. Момент был очень страшный, впечатление было тяжелое, гнусное: казалось — вот-вот приклад размозжит череп или штык вонзится в живот... Я бросался к стоящим кругом солдатам, к унтер-офицеру, умоляя удержать товарища от ненужного убийства. Более благоразумные, или лучше сказать менее пьяные, оттянули буяна прочь, а унтер-офицер велел Смирнову встать, но тут же приставил ему под нос громадный парабеллум, повторяя ту же ругань и те же упреки в недостаточной заботе о солдатской безопасности. Бедный наш хранитель, мало сравнительно растерявшийся и только позднее сознавший опасность, которой подвергался, собирался уже снова что-то возражать, но я поспешил перебить его и, обратившись к нападающему унтер-офицеру, старался доказать, что: «не стоит обращать внимания на глупую болтовню полусумасшедшего старика, у него только и света в окошке, что его картины, при которых он всю свою жизнь провел», — убеждал я начальника караула. Мало-помалу буря успокоилась, и

солдаты столпились у выходных дверей, обсуждая, что им делать. Смирнова я увел от греха подальше в «гофъ-фурьерскую», где и сам остался с ним: служители убеждали нас предоставить им одним уговорить солдат, доказывая, что последние скорее своего брата послушают и согласятся не делать ночного обыска крыши. Это в конце концов служителям и действительно удалось, солдаты начали мало-помалу уходить, оставив сначала двух часовых, которые однако вскорости тоже предпочли удалиться восвояси. На улице также все как-то притихло, и я, оставив Смирнова с дежурными служителями в Эрмитаже, решился пойти отдохнуть к себе.

2-го Марта рано утром преображенцы снова появились, но уже в другом составе и не пьяные. Поднявшись на крышу, они воочию убедились, что там никаких пулеметов нет, да и не было, что ясно было видно по отсутствию каких бы то ни было следов на давно выпавшем и примерзшем снеге.

В двенадцатом часу пришел при офицере караул от 2-го Запасного Саперного батальона, квартировавшего тогда на углу Кирочной и Знаменской улиц. Батальон этот один из первых

примкнул к революционному движению, вышел на улицу и перебил немало своих и посторонних офицеров. Один или два прапорщика успели однако вскорости собрать порядочное количество саперов и отвести их в распоряжение Государственной Думы.

Дисциплина тогда еще не окончательно развалилась, и прибывший к нам с солдатами офицер сделал им перекличку, выстроив их в вестибюле. Не будучи очень уверен в этих охранителях наших сокровищ я испросил у приведшего их начальства дозволение сказать им маленькую речь в пояснение возложенной на них обязанности. Я постарался в возможно простых выражениях указать им, как важно спасти на общую государственную и народную пользу скопленные веками ценности. Они внимательно слушали, некоторые, по-видимому, вполне поняли им сказанное, другие, вероятно, отнеслись безразлично. С подобными объяснениями я первое время обращался ко всякому сменяющему караулу, и между солдатами скоро начали встречаться уже знакомые лица, которые на мои слова отвечали кивками, улыбками, а иногда и подходящими замечаниями.

Вообще караулы эти с военной точки зрения были плохо дисциплинированы, вели себя очень непринужденно, курили, плевали на пол, развели порядочную грязь, порой играли в карты, но не буянили и не особенно шумели. Позже, однако, уже при большевиках, они постепенно становились настолько разнузданными, что мы были рады, когда они перестали нести у нас службу. Между офицерами попадались милые люди иногда консервативных убеждений, иногда ярые, убежденные революционеры. Помню одного молодого прапорщика, обрусевшего поляка, воспитанного, по его словам, французской гувернанткой-республиканкой; он развивал мысль, что России выпала счастливая доля идти во главе новой свободы, провозвестницей нового мирового строя.

Был еще один прапорщик, очень неглупый, образованный в партийном отношении, с определенно большевистским уклоном, зло критиковавший Временное правительство за его буржуазность. Держал он себя притом как-то отдельно от своих солдат и с ними не якшался. Он был один из тех, которые в первый день выхода солдат на улицу, собрали их в отряд и отвели его к Государственной Думе. Хотя и выражался он осторожно, но говорил с блеском в глазах и в споре не шел ни на какие компромиссы. Были между офицерами и люди более умеренные, а также и такие, которые оплакивали падший режим и в будущем предвидели мало утешительного. Офицер приведший к нам первый караул дежурил у нас в начале бессменно в течение недели и был счастлив этой возможности, объясняя, что в казармах для офицеров атмосфера совершенно невыносима; он старательно ежедневно по телефону из Эрмитажа выхлопатывал себе продолжение дежурства, пока его товарищи не открыли безопасности этой спокойной службы, потребовали соблюдения очереди и стали правильно сменяться. Приход первого караула внес некоторое успокоение и дал нам надежду на сохранность наших собраний, в то время, когда на улицах все еще было совсем неспокойно, и то и дело раздавалась стрельба.

Пополудни того же дня 2-го Марта появился у нас ротмистр средних лет, отрекомендовавшийся

Пополудни того же дня 2-го Марта появился у нас ротмистр средних лет, отрекомендовавшийся адъютантом коменданта Шпалерного района. Последний, по словам пришедшего, сам хотел у нас быть, чтоб лично принять все необходимые меры по охране Эрмитажа, но за массой дела не мог этого сделать и собирается назавтра к нам, а сейчас прислал его, ротмистра, чтоб на месте все осмотреть и, если нужно, распорядиться. Офицер этот имел вполне приличный вид, круглые манеры и, можно сказать, скорее внушал к себе доверие деловитостью своей речи, но в разговоре вскользь упомянул, что «к сожалению» служил до сих пор в корпусе жандармов. Он просил нас показать ему все выходы из здания и провести в залу, где сохраняются драгоценности — золото и камни. (Большинство из этих наиболее ценных предметов из-за страха возможного немецкого десанта в Финляндии вывезены из предосторожности еще в начале войны в Москву и помещено там в Кремле.) Переговорив с начальником караула и дав ему несколько полезных указаний, адъютант коменданта предложил мне сообщить ему наши пожелания и соображения по охране. Я ходатайствовал об учреждении постоянного военного караула и обратил его внимание на крайне опасную близость царских винных погребов, находившихся под самым зданием Эрмитажа и никем не охраняемых; погреба эти могли служить сильной приманкой для погромщиков и грабителей и стать источником неисчислимых бед. Все это ротмистр себе записал и отправился докладывать своему начальству, с которым обещал приехать снова на следующий день.

3-го Марта ротмистр действительно снова у нас появился, но не с «комендантом», а в обществе какого-то старичка, оказавшегося его тестем, и своей супруги, которая потрясенная всеми событиями не решалась отпустить его от себя хотя бы на час. Сам бравый ротмистр казалось утратил всю свою деловитость, обретался в полном смущении и издавал бессвязные восклицания: «Спасите меня! Я попал в грязную историю, помогите мне из нее выбраться! Я больше ничего не понимаю!..». Когда он успокоился мне удалось при деятельном участии его спутников узнать следующее: пресловутый «комендант Шпалерного района» оказался самозванцем, самовольно себя украсившим георгиевским крестом и оружием, офицером, состоявшим под следствием за какие-то неблаговидные художества и выпущенным из предварительного заключения при разгроме толпой тюрьмы; он сам себя произвел в коменданты, распоряжался в районе Государственной Думы с невероятным нахальством, чем ему удалось вселить во всех убеждение в своих правомочиях. В то время, когда он пришел к ротмистру в жандармские казармы (которые лишь частично были тогда разгромлены), чтоб вместе с ним ехать в Эрмитаж, он был по чьему-то приказу арестован, и все самозванство обнаружилось. Любопытно, что осмотр нашей залы драгоценностей был произведен ротмистром по особому настоянию этого авантюриста, приказывавшего своему «адъютанту» в случае нападения на Эрмитаж, пожара или другой угрожающей предметам опасности немедленно забирать наиболее ценные мелочи и везти их ему на квартиру, откуда уже он сам сулил их доставить в Государственную Думу, куда в то время свозили для охраны разные вещи отовсюду, преимущественно из казенных зданий и учреждений. Были ли мы обязаны тому самозваному коменданту присылкой охраняющего нас караула осталось невыясненным. Во всяком случае я искренно порадовался, что он своевременно был арестован: трудно себе представить к каким бы осложнениям могла привести его размашистая деятельность, если бы она не была пресечена в самом начале... Ротмистр после рассказа о выяснившейся личности его случайного начальства по-видимому успокоился, распрощался со мной, и с тех пор я его больше не видал.

Делопроизводитель Эрмитажа В. В. Воинов, человек очень толковый, добросовестный и отличный работник, поддержке которого я многим обязан с первых же дней революции, пришел 4-го Марта мне доложить, что все учреждения посылают в Государственную Думу заявления о признании нового правительства, что служители волнуются, что ничего с нашей стороны в этом смысле еще не сделано и настаивают, чтоб и Эрмитажем был предпринят соответствующий шаг. Сообразно с этим заявлением была составлена за нашей подписью бумага, передана для доставления по назначению служителю, который, помахав ею проезжавшему по Миллионной мотору, был отвезен им в Государственную Думу, где и сдал ее в канцелярию — так прозошло признание Эрмитажем нового режима.

II

При учреждении Временного правительства над всем бывшим Министерством Императорского Двора, в ведении которого были Эрмитаж и Русский Музей, был поставлен комиссаром Головин3, а в помощники придан П. М. Макаров, человек культурный, доброжелательный и большой труженик. Эрмитаж в начале марта продолжал еще управляться обычным порядком, был однако для публики все еще закрыт. Но революция все же начинала проникать за его стены и отзываться на внутренней его жизни.

Выше было упомянуто, как добросовестно служители несли свои обязанности в тревожные дни переворота, как несмотря на серьезную опасность быть подстреленными шальною пулею, они неукоснительно являлись к месту своего служения. Однако 3-го или 4-го Марта некоторые из них обратились ко мне с заявлением, что они желают собраться в одной из зал, чтоб переговорить о своих нуждах, что и было им разрешено. Когда они все были в сборе, я пошел к ним и сказал им несколько слов: я благодарил их за их добросовестное, связанное с опасностью жизни исполнение своих обязанностей в тяжелые пережитые дни, выразил надежду, что они впредь будут нести службу в дорогом всем нам учреждении не за страх, а за совесть, чем докажут свою сознательность и уменье пользоваться дарами свободы; последнее заключается в том, чтоб все, будучи равными перед законом, пользуясь равными правами, исполняли принятые на себя обязанности по мере своих сил и подготовки; чтоб никто не смотрел на сослуживцев и инакомыслящих в религиозных или политических вопросах или же иного происхождения, как на людей неравноправных. Последнюю мысль я старался особенно выдвинуть потому, что до меня дошли слухи, что некоторые наиболее «революционно» настроенные служители хотели потребовать удаления инородцев не только из своей среды, но также и из хранительского состава. Выбранный собранием в председатели служитель — Петров — выступил с ответной речью. Сказана она была хлестко, с большим апломбом, но безграмотно и бестолково. Содержание ее можно было перевести следующим образом: «мы Вас благодарим за Ваши хорошие отзывы, мы очень рады новой свободе, сами постараемся разобраться в ней и использовать ее, как мы найдем это для нас удобным!» Ответ как будто выходил не очень любезный; но я должен тут же при этом заметить, что отношения мои с эрмитажными служителями до самого моего окончательного отъезда из Петрограда оставались всегда наилучшими; с их стороны я видел относительно себя всегда полную предупредительность, причем знаки наружного уважения и почитания не изменились со времени переворота. Объясняется это явление конечно не только давно установившимися между ними и мною отличными взаимоотношениями, но и старою закваскою придворной тренировки и глубоко вкоренившимися привычками.

Низшие служащие собирались несколько дней подряд на совещания, плодом которых оказалась записка с их пожеланиями мне представленная (о «требованиях», как это бывало в большей части других учреждений не говорилось). В записке этой, помимо обычных пунктов об увеличении содержания, урегулировании часов службы и некоторых других еще более мелких вопросов, упоминалось о желательности увольнения неугодного им хранителя Вальдгауэра4. Хранитель этот еще молодой, но серьезный ученый, довольно вспыльчивый и требовательный к прислуге, вызывал часто неудовольствие своей резкостью. По происхождению балтийский немец он говорил по-русски неправильно и с акцентом; многие считали его евреем. Теперь выражалось пожелание об его уходе или по крайней мере о запрещении ему заниматься в своем отделении по окончании служебных часов. Дело в том, что читая лекции в Университете и в Художественном институте графа Зубова5, Вальдгауэр приходил в Эрмитаж большею частью поздно, оставался после его закрытия и часто занимался в своем служебном кабинете вечером со студентами. Младшие служащие теперь заявляли, что не могут отвечать за целость коллекций, когда отделение остается без их присмотра в то время, как хранитель остается там один или с посторонними посетителями. Я постарался объяснить, что дело это не их компетенции, что для нашего Музея крайне ценно сотрудничество серьезной научной силы, что ею следует дорожить в интересах самого учреждения, причем нельзя от Вальдгауэра требовать, чтоб он при скудности получаемого у нас содержания, бросил всякие другие платные занятия, чтобы работать исключительно в качестве хранителя у нас. В своем отделении он является ответственным за все собрания порученные его заботам и научной обработке, они же (служители) отвечают лишь за

чистоту зал, исполняют его служебные распоряжения, наблюдают за поведением публики и сохранностью предметов в часы посещения. От этой предъявленной претензии пришлось им отказаться, но они еще не раз возвращались к этому вопросу потом.

Другое более категорическое заявление представляло из себя требование об увольнении гофъ-фурьера Сметанникова, человека очень порядочного и расторопного, стоявшего во главе всей служительной команды. Налагаемые им временами на подчиненных за проступки взыскания в виде дежурств вне очереди, не могли расположить в его пользу подчиненных. В этом вопросе мне пришлось уступить, что мне было облегчено тем, что сам Сметанников понимал, что после революции он свою службу продолжать у нас не мог. Было условлено со служителями, что они сами будут выбирать себе нового гофъ-фурьера (который отныне стал называться вахтером) и будут коллективно отвечать за порядок и добросовестное исполнение своих обязанностей. Любопытно, что предложение выбирать им самим из кандидатских списков заместителей открывающихся служительских вакансий, было первоначально большинством отвергнуто, и право это было за ними установлено лишь после большевистского переворота.

Было выработано постановление, начинавшееся громким, декларативным заявлением, что «каждый младший служащий должен добросовестно нести свою обязанность». Под влиянием повсюду распространяющегося брожения и новых требований стало и у нас обнаруживаться пожелания вмешательства в дела управления, и часто упоминался «контрирующий орган», как выражался председатель служительского собрания Петров. Этот «орган», составленный из выборных от младших служащих, должен был по их мысли контролировать всю финансовую часть учреждения. Терпеливым обсуждением и всесторонним освещением этого вопроса нам удалось отстранить этот проект.

Возбуждался также вопрос о 8-ми часовом дне. Следует заметить, что служители у нас приходили к 9-ти ч. утра и уходили зимой в 3, а летом в 4 ч.; даже 8 часов никак не выходило (кроме случаев ночного дежурства, когда дежурившие по очереди приходили в 3 ч. пополудни, уходили на следующий день в 9 ч. утра, но на следующие сутки совсем освобождались от службы). При обсуждении этого вопроса, когда стало выясняться, что служащие в стенах Эрмитажа не проводят и 8 часов, вышеупомянутый Петров неожиданно объявил, что работу следует считать с момента выхода из квартиры и до времени возвращения домой. При такой системе оказывалось бы, что человек, живущий на окраине, как например в Лесном, приходил бы на службу не более, как на 3—4 часа, посвящая остальное время ходьбе взад и вперед. Впрочем довольно скоро была понята вся нелепость такой претензии; очевидно хотелось быть только на высоте общих требований пролетариата, почему Петров и заявил о 8 часовом рабочем дне, не сообразив что это нисколько его и его товарищей касаться не может.

Были еще и другие вопросы волновавшие наших младших сослуживцев. Так участие старых инвалидов роты дворцовых гренадер в охране зал казалось им вторжением в сферу их деятельности. Здесь удалось повлиять на добрые чувства недовольных указанием, что старики, оставшиеся без этой почетной службы, могут показаться совсем бесполезными и рискуют быть лишенными новой властью содержания и квартиры. Недовольство по той же причине вызвало временное привлечение к дежурству в картинных галереях, по открытии их для публики на Пасхе 1917 г., студенческой молодежи. Управление Эрмитажа полагало, что молодежи этой в случае нужды легче удастся воздействовать на разношерстную публику, хлынувшую в громадном количестве и давать ей объяснения, чем нашим служителям, бывшей «дворцовой челяди», к которой революционированный пролетариат мог отнестись с враждою. Однако и тут все обошлось благополучно: публика выдержала более, чем удовлетворительно испытание на благовоспитанность, а вскоре наступившее экзаменационное время само собою свело на нет участие студентов в охране, раздражавшее самолюбие наших младших сослуживцев.

Еще до официального открытия Эрмитажа мне пришлось по распоряжению Временного правительства принимать раза два в наших залах амнистированных и возвращенных из Сибири политических ссыльных. В первый раз пришли они многочисленной группой мужчин и женщин;

одеты они были разнообразно — кто в косоворотках и высоких сапогах, кто в модных пиджаках и платьях. Прежде, чем провести их в первые двери я счел нужным обратиться к ним с несколькими пояснительными словами о происхождении наших собраний, об их научном и художественном значении, посоветовав на время забыть о политических и социальных вопросах, чтоб отдаться всецело созерцанию и изучению памятников старой культуры. Выслушали они меня довольно внимательно, но у большинства из них замечался какой-то злобный, презрительный взгляд, который однако, как будто, мало-помалу смягчался, по мере нашего продвижения по картинной галерее. Привлекая их внимание к наиболее выдающимся и интересным картинам, популярно объясняя их художественное или историческое значение, я довел их до Рембрандтского зала, где объяснил им особенную значительность картины «Возвращение блудного сына», одною из последних по времени, но и одною из самых потрясающих произведений Рембрандта. Многие из них, очевидно, не были знакомы с евангельской притчей, давшей содержание этой картине, но все казались под сильным впечатлением всего в ней выраженного. Спеша на заседание, я принужден был передать руководство посетителями одному из хранителей; расстались мы дружелюбно, а один из моих

слушателей от лица всей группы очень горячо благодарил меня за пояснения и руководство. Характерно, что при этом выражена была особенная признательность за то, что в обращении к ним при встрече я высказал между прочим надежду, что русский простой народ довоспитается до понимания и оценки художественного и культурного достояния, созданного предшествующими поколениями и научится ими пользоваться, наслаждаться и дорожить. Это упоминание о «народе», именно может быть, с моей стороны (пережитка старого режима) оратора растрогало чуть ли не до слез. Не был ли он старым сентиментальным идеалистом народником?..

III

Если в Эрмитаже революция обошлась сравнительно спокойно и мало еще изменила текущую внутреннюю жизнь учреждения, нельзя того же сказать о Русском Музее Александра III. Состав служащих в нем был многочисленнее и гораздо разнообразнее. Эрмитаж не заведовал хозяйственной своей частью; служащие его делились всего на три категории: хранителей, служащих канцелярии и младших служащих (или служителей). Хранители и канцелярия политикой не занимались, интересуясь преимущественно своим научным и служебным делом; служители, хотя и поддались новому духу, все же держались в приличных рамках и продолжали испытывать на себе влияние старых традиций.

Другое положение было в Русском Музее: там своя администрация ведала его обширным хозяйством. Помимо хранителей в нем работали многочисленные вольнонаемные сотрудники, разбиравшие, описывавшие и регистрировавшие обширные этнографические коллекции. Низший штат заключал в себе сверх галерейных служителей еще техников по отоплению и выставочной части, целую армию дворников и наружных сторожей и обходчиков. Между низшими служащими, как и между регистраторами коллекций оказались рьяные революционеры, тотчас предъявившие всевозможные требования, претензию на вмешательство в управление и финансовый контроль и т. д. Сторожа и дворники стали постоянно ссылаться на авторитет Совета рабочих депутатов, руководствоваться его указаниями, и, конечно, настаивали в первую голову на значительном увеличении содержания. В интеллигентской группе наиболее рьяным и шумным показал себя регистратор Сибирского Отдела А. А. Макаренко, с.-р., бывший ссыльный и поднадзорный. Революция ему положительно ударила в голову; бросив всякую работу по Отделу, он исключительно занялся пропагандой, устройством митингов среди низших служащих и «развитием в них сознательности». Он не давал покоя заведующему Этнографическим Отделом терпеливому и добродушному Н. М. Могилянскому, отрывая постоянно его от научных и организационных работ по отделу, которыми он всецело был занят. Даже с этим доброжелательным человеком, как с большей частью других хранителей, отношения его значительно обострились. Будучи выбран председателем служительского комитета он приставал к Могилянскому все с новыми требованиями.

Больше всех страдал от революционного настроения низших служащих П. Н. Шеффер, фактически заведовавший всей административной и финансовой частью Музея. Человек очень деликатный и исключительно добросовестный работник, он придавал большое значение строгой форме и законности, что казалось особенно невыносимым нашим революционерам. На него главным образом было направлено чувство возмущения против старого режима и обрушились жестокие нарекания, что для человека такого справедливого и доброго, посвящавшего всегда много работе на благо тех же служащих, было особенно тяжело. Должен заметить, что Управляющий Русским Музеем Вел. Кн. Георгий Михайлович силою вещей с первых же дней Марта совсем отстранился от дел, подав в отставку вместе с остальными своими родственниками. Официально мне пришлось заступить его место; но поглощенный интересами Эрмитажа я фактически давно уже не принимал участия в административно-хозяйственной части управления, имел мало касательства к низшему персоналу. Моя деятельность ограничивалась участием и председательством в художественном и этнографическом советах, перепиской и другими учреждениями и порою ходатайствами и хлопотами в министерствах по делам Музея. Шефферу пришлось страдать за всех: музейские пролетарии обвиняли заведовавших хозяйственной частью в растрате имущества, в укрывательстве в свою пользу денежных сумм и других злоупотреблениях. Мне пришлось председательствовать на соединенном заседании отделов, на которые были приглашены делегаты низших служащих для выяснения обвинений. Кто имел дело со времени революции с малоразвитыми представителями пролетариата, знает, насколько трудно убедить таких людей в чем бы то ни было несогласным с тем, что они забрали себе в голову; тут никакая логика, никакое рассуждение не помогает. Так и тут, как мы ни убеждали с документами в руках все неосновательности их претензий и обвинений, все было безрезультатно; не будучи в состоянии возражать, они как будто соглашались с нашими доводами, но тотчас снова возвращались к опровергнутым, уже казалось, обвинениям и настаивали, что начальство скрывает в свою пользу принадлежащие им деньги; после долгих бесплодных переговоров они уходили в убеждении полной своей правоты и хитрого обмана с нашей стороны. Интеллигентные революционные элементы, казалось поддерживали в них такое настроение, не старались рассеять недоразумения, которые для них, людей развитых, должны были быть очевидными: они готовы были на все средства, чтоб «демократизировать» управление Музеем, т. е. учредить в нем своего рода совнарком, составленный из разных категорий служащих, пропорционально их численности; при большевиках эта форма управления действительно была осуществлена.

Положение становилось настолько острым, старая администрация, казалось, с каждым днем так скоро теряла свой авторитет, что Музей решил хлопотать о назначении особого комиссара, не из административных, а из общественных сфер. Приезжал сам Головин, комиссар по всему бывшему Министерству Двора, и сказал собранным в большом памятном зале служащим речь в более или менее успокоительном духе, обещая им улучшение их быта и материального состояния. Обращенье свое он начал со слов: «Свободные граждане, свободной России!». На это «свободные граждане» поаплодировали, а Макаренко выступил с ответом, в котором благодарил за выраженные мысли и высказывал надежду, что интересы младших служащих-пролетариев будут особенно приняты во внимание, и их права ограждены от всяких посягательств.

Наконец, отдельный комиссар для Музея был назначен в лице М. В. Челнокова6, известного общественного деятеля и бывшего Московского городского головы. Живя постоянно в Москве он 3 или 4 раза в месяц приезжал на несколько дней в Петроград, разбирал накопившиеся дела, или лучше сказать недоразумения, и своим тактом сумел многое примирить и успокоить.

IV

В Июне 1917 г. мне пришлось съездить для лечения в Евпаторию, и к 1-му Июля я возвратился в Петроград. Еще в поезде пассажиры узнали из газет, что в столице серьезные беспорядки, вызванные выступлением большевиков, со стрельбой на улицах, и, что таковые энергично подавляются войсками. Встретивший меня на вокзале лакей сообщил, что в городе спокойствие еще не наступило, что где-то недалеко идет стрельба. Действительно, при проезде по довольно пустынному Невскому ясно было слышно таканье пулеметов, винтовочные выстрелы, и по

направлению к Пескам мчались грузовые автомобили, полные вооруженными солдатами и юнкерами. В этот день восстание было подавлено, много бунтарей переловлено, и к зданию штаба на Дворцовой Площади, то и дело подвозили арестованных большевиков. Войска остались верными Временному правительству, и говорили, что только Семеновский полк вызывает сомнение. Вечером, часов в 11, под окнами моей квартиры со стороны набережной вдруг раздался треск пулеметов. От перепуганной прислуги удалось узнать, что стражники у наших ворот еще с утра предвещали, что семеновцы будут штурмовать Зимний Дворец. Посланный однако на разведки лакей принес весть, что засевшая на Васильевском Отрове около Биржи кучка мятежников обстреливает из пулемета двигающийся с нашей стороны по мосту воинский отряд. Через час перестрелка прекратилась и все успокоилось.

Между тем, правительство начинало очень тревожиться наступлением немцев в Балтийском крае, беспокоясь за безопасность Петрограда и стало серьезно подумывать об эвакуации столицы. В совещании, собранном Головиным обсуждали вопрос о вывозке в Москву ценных предметов из музеев и дворцов и в первую голову собраний Эрмитажа. Лично я не сочувствовал риску этого передвижения, со связанными с этим упаковкой, погрузкой и разгрузкой, путешествием по неспокойной стране с расстроенным железнодорожным сообщением и сомнительной охраной. Музейному имуществу опасность грозила с двух сторон: с одной — нашествие немцев и вероятное реквизирование ими художественных сокровищ взамен или обеспечение контрибуции, с другой — народные беспорядки и грабежи, в особенности после возможного бегства из города правительства. Казалось, что последняя опасность, т. е. грабеж, угрожала всюду; первая же, т. е. реквизирование представлялась мне, несмотря на мое острое недружелюбие к врагам, меньшим несчастием, чем возможная гибель или серьезное повреждение в пути сокровищ, имеющих мировое значение. Были на совещании такие лица, как например комиссар по Гатчине граф Зубов, которые энергически восставали в этих соображениях против эвакуации, хранители Русского Музея тоже ей не сочувствовали, но определенно не высказывались. Администрация Эрмитажа тоже не решалась брать на себя ответственность категорического протеста. С другой стороны, помощник Головина П. М. Макаров горячо настаивал на вывозке по возможности всего на что только хватит времени и сил. Некоторые категории вещей однако, по имеющимся налицо техническим средствам совсем не могли бы быть вывезены; сюда относились громадные малахитовые, лазуревые и мраморные вазы, канделябры, большая часть античных статуй. Да и вообще помимо этих категорий, чтоб вывезти все достояние Эрмитажа потребовалось бы такое количество всякого материала, людей и перевозных средств, какими в то время едва ли можно было располагать во всем Петрограде. После долгого и всестороннего обсуждения всех вопросов, связанных с эвакуацией было решено распределить все собрания Эрмитажа на очереди с тем, чтоб поторопиться с вывозкой наиболее драгоценных и пустить их в первую голову. Картины было важно успеть вывезти до холодов, т. к. обмораживание их и вообще сильное колебание температуры могло вызвать весьма пагубные для них последствия. Работу решено было вести энергично по всем отделениям. Должен при этом напомнить, что еще в 1914 г., в начале войны, по распоряжению министра Двора самые ценные табакерки и другие предметы, усеянные драгоценными камнями, были вместе с коронными бриллиантами переправлены в Московский Кремль.

Согласно решению, принятому на заседании мы взялись за горячую работу, а Эрмитаж пришлось для публики снова закрыть. Предстояло разрешить задачу нелегкую и сложную: теперь, в конце Августа, наступала осень, нужно было торопиться; материалы для упаковки доставлялись с трудом, тем более, что спрос на них со стороны всевозможных учреждений был огромный — помимо музеев эвакуировались и министерства, которые распылялись по разным городам за недостатком помещения в каком-нибудь одном. (По этому поводу приходит на память остроумное замечание П. М. Макарова, который говорил: «Правительство делает глупость — оно дезорганизует последнюю еще оставшуюся организованною часть — бюрократию!»)

В первую очередь к вывозке у нас были намечены наиболее ценные картины — Рембрандта, Рафаэля, Тициана, Веласкеса, Леонарда и друг. Они вынимались из рам, вкладывались в ящики из сухих досок оббитых клеенкой во избежание сырости и прикреплялись подрамниками к

брускам, которые в свою очередь прибивались или привинчивались к стенкам ящиков; клеенка предварительно была химически исследована, как бы заключающиеся в ней вещества не оказали вредного влияния на краски или лак картин. Из статуй были между прочим упакованы два крупных знаменитых произведения Гудона — Вольтер и Диана, которые были закреплены в тяжелых с железными скобами ящиках, посредством толстых брусков и упругих тампонов из бумаги и стружек. Наибольшее беспокойство о своей судьбе вызывали, может быть, античные весьма хрупкие предметы из тонкого золота и серебра, как например знаменитая Никопольская ваза, а также греческие гончарные изделия — не менее знаменитые сфинксы, Кумская ваза и др. С ужасом спрашивал я себя, когда, где и в каком виде эти неоценимые сокровища снова увидят свет божий... Можно сказать, что в это время весь Эрмитаж жил тяжелой, лихорадочной жизнью; казалось, что переживаешь кошмар, или, что хоронишь кого-то очень дорогого и близкого... Весь интеллигентский персонал Эрмитажа работал с большим напряжением, и наши ученые сотрудники заворачивали и укладывали самолично предметы, порученные их научному исследованию и охране. Но и младшие служащие показали себя на высоте положения и ревностно поработали при упаковке, за что, впрочем, получили особое денежное

вознаграждение.

В это время из Москвы приехал И. Грабарь в сопровождении других художественных деятелей, чтоб переговорить на совещании у Головина, где следует разместить в Москве вывозимые из Петрограда сокровища; остановились на Оружейной Палате, Большом Кремлевском Дворце, Историческом Музее и Музее Александра III. На заседании москвичи заявили о желательности выставить для обозрения московской публики Эрмитажные картины, приводя к тому же соображение, что продолжительное их пребывание в ящиках без света и воздуха может плохо на них отразиться. Эрмитажная администрация горячо протестовала против этой мысли, находя, что лишняя распаковка и вторичная упаковка никак не менее вредны, а может быть даже и более опасны, чем оставление картин без света и обновления воздуха, хотя бы в течение двух лет. Затем ввиду отсутствия рам, перевозка коих еще значительно затруднила бы эвакуацию, организовать выставку оказалось бы неимоверно сложно, не говоря уже о том, что опасность похищения была бы особенно велика. У меня было еще одно опасение, громко, конечно, не высказанное — картины раз распакованные и выставленные в Москве могли бы назад не вернуться, т. к. Первопрестольная всегда ревновала юную столицу, ее художественные богатства. Еще недавно после революции, когда из Петергофского Дворца были перевезены в Русский Музей портреты смолянок Левицкого, Москва запротестовала, требуя себе эти произведения, хотя и тесно связанные с Петроградом, желая их поместить в Третьяковской галерее или Румянцевском Музее. Наши возражения против раскупорки и выставки в Москве восторжествовали, и было решено оставить картины в ящиках, лишь сделав при случае на выборку проверку содержимого.

В Русском Музее Александра III шла тоже упаковка, но менее поспешная, а потому, нужно признать, более аккуратная. Во главе всей мобилизации, как тогда выражались, был поставлен А. А. Миллер7, хранитель Восточного Отдела, которому Совет музея поручил главное заведование этим делом. Человек очень энергичный, отличный организатор и прекрасный работник он лучше всех других мог с этим справиться. Картины укладывались в ящики с пазами, так что безусловно друг друга касаться не могли. Расположение этнографических коллекций было зарисовано так, что всякий предмет по возвращении мог легко найти свое старое место. Если подумать, какой громадной работы стоило устроить выставку, почти уже готовую к обозрению, сколько в это ушло как научного, художественного, а также и чисто физического труда, то всякий поймет, как тяжело было заведующему Отделом и его товарищам разрушать собственное, только что налаженное дело.

Во время укладки христианских древностей произошел довольно характерный инцидент: два служителя, присутствовавшие при укладке, обвинили хранителей в утайке в свою пользу драгоценных икон; они уверяли, что уложены лишь пустые футляры. Донос пошел в Совет рабочих депутатов, а оттуда для проверки обвинения явился полуинтеллигент в солдатской

форме. Ревизия была обставлена всеми возможными гарантиями и выяснила, что иконы были действительно уложены, а пустые футляры оставлены в шкафу. Посрамление обвинителей оказалось настолько полным, что служительский «исполком» решил исключить со службы их за клевету; но тогда по собственным, очевидно, их хлопотам пришло распоряжение Совета рабочих и солдатских депутатов их не увольнять, и наш музейный исполком взял свое решение обратно, а виновники всего инцидента остались на своих местах. Надо заметить, что один из них только недавно поступил в Музей, а другой был давнишним галерейным служителем, отличавшимся до революции особенно низкими поклонами начальству; со времени переворота поклоны эти он заменил едва приметным кивком.

После горячей работы в обоих музеях первый транспорт сокровищ был заготовлен, и Эрмитажу и Музею было сообщено, что в середине Сентября предстоит отбытие в Москву экстренного поезда под охраной юнкеров военных училищ. Он состоял из нескольких десятков товарных вагонов, платформ и одного классного для хранителей, сопровождающих коллекции. В этом поезде помимо эрмитажной и музейной собственности перевозилось тоже имущество, принадлежащее Академии Художеств, придворному Конюшенному Музею, бывшему Кабинету Его Величества, Гофмаршальской части (серебро), загородным дворцам и пр. Эрмитажные ящики выносились из зал нанятыми для того солдатами, погружались на казенные автомобили, которые в сопровождении нашего служащего при накладной отвозили их на товарную станцию Николаевского вокзала, где в присутствии хранителей перегружались в предназначенные им вагоны. Всем ящикам и их содержимому велась строгая запись; одна накладная отправлялась при них на станцию, где в приемке расписывался хранитель, другая отправлялась с сопровождающим хранителем в Москву. С одним перевозящим монетную коллекцию грузовиком я съездил на станцию и, сидя рядом с шофером, с ним разговорился... По-видимому, он давно отрицательно относился к современному политическому положению, и его профессиональное чувство было возмущено между прочим состоянием мостовой на Невском, которая уже тогда приходила в разрушение. «До чего довели город! — говорил он, — скоро совсем нельзя будет ездить! Везде разруха! Когда-то снова наступит порядок?..». Другие шоферы, с которыми мне пришлось при нагрузке беседовать, оказывались однако обыкновенно более большевистски настроенными. Один из них спрашивал меня, с какой целью вывозятся вещи из Петрограда и, когда я ему объяснил, что делается это для того, чтобы они не попали в руки немцев, с презрительно-насмешливой улыбкой возразил, что никакой такой опасности не существует, что на днях с Германией будет заключен мир, что там скоро тоже будет объявлена республика, а Вильгельма посадят в тюрьму на цепь.

Работа по вывозке коллекций из Эрмитажа длилась с 8 ч. утра и до темноты, на вокзале погрузка до 10 ч. вечера, а ночью поезд с вещами, хранителями и отрядом юнкеров отошел в Москву... Второй такой же транспорт был нами отправлен недели три спустя, т. е. в начале Октября после чего мы с той же энергией стали приготовлять третью отправку, которая предполагалась 25-го Октября.

Мне необходимо было съездить в Киев по семейным делам, и ввиду того, что работы по упаковке были все налажены и протекали уже теперь по известному установившемуся шаблону, я решился с согласия комиссара Головина совершить это путешествие между двумя отправками поездов.

V

Пробыв десять дней в Киеве, я благополучно возвратился 23-го Октября в Петроград, где застал чрезвычайно тревожное настроение: брожение среди местного гарнизона и среди рабочих сильно разрасталось, ожидалось новое выступление большевиков. В музеях — Эрмитаже и Русском продолжались работы по подготовке нового транспорта; но уже в день моего возвращения становилось ясным, что поезд 25-го Октября не отойдет. У Дворца, штабов и других казенных зданий караул несли юнкера — солдатам правительство не доверяло, матросов боялось. Вернулся я в Петроград сильно простуженный и решил поэтому день-два из дому не выходить. 23-го Октября пришел ко мне П. Н. Шеффер, с которым у меня давно сложились тесные, дружеские

отношения, основанные на взаимном доверии и, могу сказать, взаимном уважении. Давно не принимая деятельного участия во внутренней административной жизни Русского Музея, я не раз выражал намерение сложить с себя обязанности Управляющего, т. к. чувствовал свою бесполезность, в особенности со времени революции. Но Шеффер каждый раз удерживал меня от этого шага, доказывая, что в некоторых обстоятельствах я могу оказывать несомненные услуги учреждению; я взял с него обещание: откровенно мне сказать, когда сослуживцы придут к убеждению, что мой уход не повредит делу. Теперь он пришел мне сообщить, что после долгого обсуждения Совет хранителей пришел к заключению, что административную часть следует переформировать, выбрав директора, который все свое время посвятил бы исключительно возглавляемому им музею. Ввиду нахождения в эти дни в Петрограде Челнокова и предстоящего его скорого отъезда снова в Москву, я просил его и хранителей собраться у меня на квартире на следующий день, чтоб, не откладывая в долгий ящик, выслушать мое заявление об уходе.

24-го Октября тревога все росла. С утра мосты через Неву были разведены, чтоб воспрепятствовать заречным большевикам и неверным полкам проникнуть ко Дворцу и правительственным зданиям. Но уже скоро их снова навели и не позволяли разводить, из чего уже тогда можно было заключить, что дела Временного правительства плохи. По набережной снова закатались, как в первые дни революции, грузовые автомобили с вооруженными рабочими и солдатами.

В начале третьего часа ко мне на квартиру пришли мои сослуживцы из Музея: (П. Н.) Шеффер, (Н. М.) Могилянский, (П. И.) Нерадовский, (Н. А.) Околович, (А. А.) Миллер, (К. К.) Романов и (В. В.) Волков и, позднее всех, (М. В.) Челноков, с трудом пробравшийся с заседания из Мариинского Дворца; там кругом бушевала толпа, о чем-то кричащая, что-то требующая, и Челноков принужден был оттуда уходить какими-то задними ходами. Пришедшие ко мне рассказывали, что на углах улиц стоят группы вооруженных рабочих, угрюмо поглядывающих на прохожих. Все торопились домой, опасаясь могущей возникнуть перестрелки и прекращения движения. Поэтому заседание наше было непродолжительно и, обменявшись сердечными речами, все поспешили разойтись по домам.

Около пяти часов пополудни мне дали знать по телефону из Эрмитажа, что там получено по телефону же извещение из «революционного штаба», что юнкерский караул будет вскорости сменен другим. Наскоро закусивши, я отправился внутренним ходом в Эрмитаж. На моем пути так называемая «Галерея Петербургских видов» была наполнена женщинами-солдатами Женского батальона. Сойдя к подъезду, я вызвал старшего по караулу юнкера и спросил его, что он намерен делать. На это он объяснил, что идет сейчас к начальнику караула в Зимний Дворец и, получив от того указания, доложит мне обо всем. По возвращении из Дворца, он заверил меня, что своего поста юнкера не покинут, караула никому не сдадут и будут защищать до последней возможности порученное их охране учреждение. Между тем хранитель, долженствовавший вечером вступить в ночное дежурство — Струве — все не появлялся, и его встревоженная жена спрашивала по телефону: пришел ли он на службу; она о нем очень беспокоилась, т. к. на улицах уже шла стрельба. Скоро после нее телефонировал и сам Струве, спрашивая, что ему делать: он застрял где-то по дороге; по его пути к Эрмитажу идет трескотня винтовок и свистят пули. Я посоветовал ему вернуться домой, успокоил его насчет дежурства, сказав, что сам остаюсь на ночь в «гофъ-фурьерской».

Около 9 часов вечера раздался громкий стук во входную дверь и вошло человек 30 вооруженных преображенцев с унтер-офицером во главе. Они потребовали у юнкеров сдачи оружия и объявили, что сами их сменят. Произошло довольно оживленное препирательство, были объяснения, которых мне не удалось расслышать за общим гамом, но результатом всего оказалось, что старый караул сдался и был обезоружен. Старший юнкер пришел передо мной извиняться и доказывать, что им другого выхода не было, т. к. они не могли защищать Эрмитаж против решительно превосходящего их отряда. Я должен был признаться, что считал мирное окончание столкновения наиболее отвечающим в данном случае интересам нашего художественного хранилища — Бог знает, что могло бы произойти, сколько непоправимого

вреда было бы нанесено, если бы внутри здания произошла вооруженная борьба. Сама молодежь, казалось, была довольна мирным исходом; многие из них наивно мечтали вернуться ту же ночь спокойно в училище или даже по домам, но едва ли их мечтам суждено было осуществиться: их повели, как военнопленных в Павловские казармы, и дальнейшая судьба их от меня скрыта, известно только, что в эту ночь погибло большое количество юнкеров, как принимавших деятельное участие в борьбе, так и в этом неповинных.

Между тем на улице, по Миллионной, на Дворцовой Площади стрельба разгоралась. Начальник нового караула в довольно приличной форме обратился ко мне с просьбой: указать ему, где следует расставить, как наружные, так и внутренние посты; последние для того, чтоб не было сообщения с Зимним Дворцом. Он заверил, что будут приняты все меры к обезопасению Эрмитажа. Дав ему все требуемые указания, я удалился в «гофъ-фурьерскую», где разбитый от усталости и волнения и недомогания я задремал около часу ночи под теканье пулеметов и редкий гул пушек со стрелявшей по Дворцу «Авроры». Проснувшись в четвертом часу ночи, я заметил, что везде воцарилась как бы полная тишина. Один из дежурных служителей доложил, что только что выходил на улицу, что всюду спокойно — на Миллионной, на площади и на набережной. Позже в начале седьмого утра тот же служитель, снова обойдя Эрмитаж снаружи сказал мне, что в моей квартире, по-видимому, происходит уборка комнат, т. к. в окнах видно электрическое освещение. Последнее сообщение меня встревожило ввиду того, что у меня раз навсегда было сделано распоряжение, чтоб на квартире электричества никогда не зажигали, не затемнив окна; делалось это ввиду неспокойного времени, чтоб не привлекать внимания улицы, и всегда строго исполнялось. После нескольких неудачных попыток мне удалось наконец в восьмом часу соединиться по телефону с квартирой и узнать от страшно перепуганной, судя по голосу прислуги, что у меня идет грабеж — толпа проникла в помещение через Романовскую галерею и внутреннюю лестницу из Зимнего Дворца, разбила шкафы, комоды, сундуки, столы и тащит, что может с 6 часов. Горничная предупредила, что грабители меня ищут, грозясь меня убить, но что она старалась их убедить, что я «настоящий большевик» и потому никакого преследования не заслуживаю... Эта молодая эстонка сумела спасти несколько юнкеров и солдат Женского батальона, впустив их в одну дверь нашей квартиры, а выпустив в другую.

Между тем в Эрмитаже начали собираться встревоженные служащие, которые впускались карулом по указанию дежуривших ночью. Один из последних вызвался наведаться на мою квартиру и, если покажется возможным, провести туда меня и двух моих родственников приехавших с Петроградской стороны, чтоб узнать о моей судьбе. Вышедший на разведки служитель скоро вернулся снабженный для нас пропуском от нового коменданта Дворца; он с возмущением рассказывал, что отнял у встреченного в дверях нашей квартиры матроса граммофон с трубой; он возмущался грабежом этого, вероятно в особенности привлекательного для него предмета.

Снабженные пропуском мы отправились вдоль Зимней канавки и набережной на квартиру, где застали уже лишь одного матроса, бродящего по подвальному помещению и размахивающего реквизированной им старинной шашкой. Вид квартиры был ужасный — мебель во многих комнатах была свалена, везде была невероятная грязь, частью натасканная с улицы, частью состоящая из соломы, бумаги и других укладочных материалов; шкафы и комоды все раскрыты... В некоторых местах на полу было нагажено; в других валялись грязные лохмотья скинутой грабителями собственной одежды и обуви, замененной тут же добытыми из наших шкафов. Первое впечатление было, что все если не разворовано, то изгажено, поломано. Мало-помалу, однако, из общего хаоса начинали выглядывать знакомые, дорогие вещи, которым невольно радовался, как вновь полученным богатым подаркам. Взяв несколько наиболее мне лично дорогих мелких вещей, мы под давлением враждебного настроения стоявшей кругом большевистской стражи, поспешили удалиться. В Эрмитаже, переговорив о дальнейших мерах к охране наших зал, я был увезен своими родственниками к ним на квартиру, где и поселился на всю зиму, окруженный их заботами и ласкою.

На следующий день 26-го Октября сначала в трамвае до Суворовской площади, а затем пешком я

отправился в Эрмитаж. По дороге на Миллионной я встречал многих преображенцев из тех, которые работали у нас по выносу ящиков при эвакуации; они шли все очень оживленные и веселые, немного выпившие и довольно приветливо здоровались с видом: «наша взяла», и «теперь на нашей улице праздник!» В Эрмитаже все были заняты более или менее обычной, текущей работой; укладка прекратилась, а упакованные ящики мы оставили в тех залах, где они уже находились. Настроение служащих, понятно, было неспокойное, никто не мог отдать себе ясного отчета в случившемся. Преобладающее мнение интеллигентской части склонялось к тому, что узурпаторская власть большевиков не может быть продолжительной, что признать ее нельзя и следует по возможности совсем игнорировать. Отправившись к себе на старую квартиру я застал там мою прислугу и матроса с «Авроры», распоряжавшегося толково и энергично охраною разгромленных комнат. Никто из прислуги не решился ночевать в разграбленном и открытом на все стороны помещении, а любители легкой наживы продолжали всю ночь похищать приглянувшееся им чужое добро. Явившийся утром матрос распорядился заколотить наглухо досками разбитые двери между комнатами и спрятать ключи. Узнав, что я хозяин квартиры, он допустил меня внутрь и разрешил взять и унести наиболее необходимое из уцелевших носильных

вещей и некоторую мелочь, как например: фотографии, портрет дочери, писанный Серовым и др. «Нельзя уносить никаких документов», — прибавил он. Было забавно, как он допытывался у меня, не известно ли мне местонахождение Керенского, предполагая, вероятно, что, служа при Временном правительстве и живя, так сказать под одной крышей с его главой, я был к нему настолько близок, чтоб знать о всех его действиях и, может быть, укрывать его. Спрашивал он также: имеется ли у меня план Зимнего Дворца; увидев на столе небольшой план Венеции, он вообразил было, что это и есть искомый им документ и требовал от меня его объяснения. Дело в том, что при Царском правительстве изданного плана Зимнего Дворца не существовало, и он представлял из себя государственную тайну в целях охраны; приобрести его нельзя было нигде. Матрос глубоко возмущался произведенным грабежом, обвинял в нем Морской Гвардейский экипаж (сам он принадлежал балтийскому); он говорил, что, если бы его товарищи или он сам были на месте, они не допустили бы такого безобразия и стали бы в случае нужды стрелять в разбойников; чтоб я не беспокоился: теперь установилось настоящее социалистическое правительство, — повторение такого грабежа станет невозможным, а похищенное будет мне возвращено... Он просил пока в комнате ничего не убирать и сохранить их в том виде, в каком их оставили грабители, до прихода следственной комиссии. Позволяя мне унести ручной чемоданчик со спасенным прислугой бельем, он объяснил, что разрешает мне это делать исключительно из чувства человеколюбия, понимая в каком тяжелом положении я в данное время нахожусь; в сущности он, по его словам, не должен бы так поступать, т. к. будучи убежденным социалистом, меня, буржуя он может только презирать. Сказано все это было очень просто и наивно, без всякого задора. Социалист этот высказывал твердую уверенность в окончательном утверждении социалистической пролетарской республики, новой эры справедливости и равенства. Словам его тогда не верилось... Он стал, однако, меня торопить уходом, говоря, что стоявшие кругом Дворца караульные матросы находятся все еще в возбужденном состоянии, и что могут произойти неприятности. Он советовал в случае расспросов с их стороны выдать себя за прислугу директора Эрмитажа, а сам давал знаки расставленным по дороге товарищам, чтоб меня не задерживали.

Вернувшись на мое новое местожительство на Песочной ул., я почувствовал усиление моей простуды и должен был просидеть три дня, не покидая комнаты. Из Эрмитажа за это время получались вполне успокоительные известия и, когда я, подправившись, снова вернулся на службу, я нашел все, как будто, по-старому.

VI

Положение всех служащих по учреждениям бывшего Министерства Императорского Двора было крайне трудное и неопределенное. Начальники разных управлений собирались несколько раз для обмена мнений: то в бывшей канцелярии Министерства, то у управляющего тогда государственными театрами — Батюшкова8. В начале все стояли на непримиримой позиции, т. е. — отнюдь не признавать узурпаторской власти Совнаркома и его совершенно игнорировать. Но

выдержать это становилось с каждым днем труднее: все финансы были захвачены большевиками, а чиновники, существовавшие на свое жалованье, не были в состоянии долго без него обходиться. В этом отношении Эрмитаж находился в более выгодных условиях, чем многие другие учреждения, т. к. нам удалось заранее заручиться нужными суммами на два месяца вперед.

Скоро нашему учреждению пришлось показать свое лицо, обнаружить свое отношение к новой власти. В один прекрасный день явился к нам человек в солдатской форме и представил приказ Эрмитажу, подписанный Лениным и Луначарским (о назначении последнего комиссаром по художественной и научной части нам было известно как из газет, так и из бумаги, полученной прямо от него), в котором было требование выдать предъявителю являющемуся представителем Украины, украинские «регалии», перечисленные в бумаге и другие предметы того же происхождения, хранящиеся в Эрмитаже9. В действительности у нас никаких «регалий» не находилось: была гетманская булава, сомнительной достоверности, приобретенная, кажется при Николае I, запорожская пушка, несколько запорожских знамен, когда-то найденных в м. Смеле у графа Бобринского10 и поднесенных им Государю, и еще несколько совсем незначительных предметов. Но какой бы незначащий интерес не представляли все эти вещи, немыслима была с нашей точки зрения раздача в разные стороны наших коллекций, не говоря о некомпетентности распоряжающейся власти. Пришедший солдат оказался вполне интеллигентным человеком, несмотря на что, он настаивал на выполнении приказа. Вкупе с Я. И. Смирновым, присутствовавшим при этом, я объяснил представителю Украины, что приказ для нас не имеет значения, т. к. узурпаторской власти Совнаркома мы не признаем, что выдать что-либо из Эрмитажа мы можем только по распоряжению компетентной власти, каковая при старом режиме олицетворялась Министерством Двора; при Временном правительстве мы тоже заспорили бы против такого распоряжения, т. к. таковое должно было бы быть облечено в строгую форму закона, который после падения монархии исходил бы от Учредительного собрания или Законодательной Думы. После продолжительного препирательства украинец удалился, ничего не достигнув.

Вскорости в газетах появилось известие, доходившее до нас тоже стороной из довольно компетентных источников, что предполагается торжественное вручение украинских предметов из Эрмитажа и других правительственных хранилищ украинской делегации в присутствии воинских частей; нелишне заметить, что, начав со скромных сравнительно пожеланий получить чисто украинские предметы, у самостийных археологов, судя по Киевским газетам, вожделения разгорались все шире и шире: они теперь уже считали, что все клады найденные на Юге России, в области предполагаемой ими Великой Украины, должны быть изъяты из Эрмитажа и переданы в Киевский музей; сюда входили результаты раскопок на юго-западе и юге, включая Крым, который они представляли себе нераздельной частью новоявленной державы. На всякий случай мы отставили в сторону, отдельно, ящик с намеченными в требовании предметами для того, чтоб в случае насилия не подвергать вскрытию других упакованных коллекций, и держали на запоре все двери, ведущие из вестибюля в Средневековое Отделение, где этот ящик стоял.

Через неделю после первого посещения в присутственные часы в Эрмитаж снова явился тот же украинский представитель, но в этот раз в сопровождении какого-то комиссара и целого отряда вооруженных солдат-украинцев человек в 40, из которых 20 выстроилось перед подъездом на Миллионной, а другие 20 вошли в вестибюль. Окруженный большей частью хранителей я вышел к ним навстречу; комиссар с украинцем снова предъявил нам Ленинский приказ и еще какие-то бумаги и требовали немедленной передачи спорных вещей. Пришлось повторить то, что им говорилось уже раньше и объявить, что добровольно им ничего передано не будет. Мы объявили, что против насилия мы беспомощны, но если они намерены начать свое национальное культурное дело с применения грубой силы, пускай ломают двери... После такого отпора пришедшие удалились в очень возбужденном состоянии, грозя нам другие найти способы, чтоб заставить нас подчиниться высшей правительственной власти. Посещение украинцев и их угрозы дальнейших последствий однако не имели: в газетах появились статьи о бестолковом расхищении художественного достояния страны, Совнарком стал с Украиной ссориться, и весь инцидент

художественного достояния страны, Совнарком стал с Украиной сговариваться, и весь инцидент сошел как бы на нет.

В начале той же зимы вскоре после украинского инцидента Эрмитаж пережил новую и очень серьезную опасность. Под той частью здания, которая выходит на Неву, находился, как уже упоминалось выше, громадный царский погреб, наполненный десятками тысяч бутылок всевозможных вин от столовых до самых высоких марок. При эвакуации наиболее старые и ценные были вывезены, под видом архива в Москву: в эту категорию вошли столетние бутылки коньяка, мадеры и венгерских вин. Но это была лишь незначительная сравнительно часть, и в погребе оставался громадный склад, за который в начале революции какие-то иностранные фирмы, говорят, предлагали 18 миллионов рублей. Существование этого винного богатства под зданием, хранящим несметные художественные и исторические сокровища, нас всегда тревожило, а со времени беспорядков мне, без преувеличения, спать не давало. Я много раз обращал внимание властей на необходимость особенно тщательного его охранения; все как будто сознавали опасность такой близости, но энергичных мер к ее устранению принять, казалось, не умели. Впрочем надо признать, что задача была особенно сложная: при расшатанности

дисциплины, при разнузданности солдат, охранение ими лакомой влаги представляло мало гарантий, вывозка всего этого количества бутылок в другое место, при крайней скудности перевозных средств, тоже казалась малоосуществимой, не говоря об опасности нападения на транспорт и привлечение внимания толпы к организуемым новым винным складам. С начала Ноября по всему городу то здесь, то там громили винные лавки, а днем и ночью в разных местах бывала слышна стрельба; трудно было разобрать, кто и почему стреляет, но несомненно, что перестрелка происходила часто между несколькими бандами, спорящими между собой, чтоб завладеть пьяным добром.

Подходя однажды к Эрмитажу со стороны Миллионной, я увидел, что он оцеплен вооруженными матросами, и подумал было: не пришли ли нас всех арестовывать, но тут же увидел, как из ворот со стороны Зимней Канавки выносили тело полураздетого солдата — это оказалось утонувший в разлитом вине грабитель... На льду канавки валялась масса побитых бутылок, и лужи красного вина выступали на снегу кровавыми пятнами. Благодаря имевшемуся у меня от дворцового коменданта пропуску, мне удалось пройти через кордон моряков на службу. Там я узнал от дежурных служителей, что ночью солдаты, по-видимому соседи-преображенцы, разбили двери погреба, завладели бутылками, которые выносили на улицу или тут же били; к первым погромщикам присоединялись новые и между всеми происходили постоянные драки; вызванный караул стал бить бутылки; вылитого смешанного вина стояло в погребе выше полуаршина от пола; караульные сами не брезговали выпить. В проезде между Эрмитажем и Миллионной был поставлен броневой автомобиль, чтоб препятствовать грабежу; но грабители, набрав несколько бутылок в погребе, давали пару-другую прислуге броневика в виде пропускного свидетельства, а остальное беспрепятственно уже выносилось. Всю ночь пьянствовавшими солдатами производилась на набережной беспорядочная стрельба, приводившая в ужас весь околоток. Наконец место удалось страже оцепить; в погреб были спущены от паровых пожарных насосов шланги и вино стали выкачивать прямо в реку. Между тем кучки матросов и солдат рыскали по окрестным домам, разыскивая и разбивая частные погреба. В то время, как я зашел на свою старую квартиру, раздался у входных дверей резкий звонок, и перепуганная прислуга прибежала сказать, что ломятся матросы, участвовавшие в разгроме наших комнат. Когда швейцар открыл дверь, они бросились прямо в подвал, требуя указания, где находится наш погреб и остановились между прочим у запертой двери, за которой сохранялось у нас вино. На требование отпереть ее, швейцар спокойно ответил, что за нею кладовая ненужных вещей, а ключ находится у экономки, которой дома нет. Матросы прошли мимо, пригрозив «выпустить кишки» швейцару, если обнаружится, что он их обманул. После этого я мало-помалу выбрал бутылки из кладовой и раздал их на сторону. В последующие дни в городе свирепствовала эпидемия погрома винных погребов.

VII

В Январе 1918 г., сколько мне помнится, отношения учреждений бывшего Министерства Императорского Двора к новому большевистскому правительству окончательно установились и было достигнуто соглашение: никакого официального акта признания Советского правительства от нас не требовалось; но зато вводился строгий порядок установления смет, прохождения и утверждения соответствующими комиссариатами ассигновок, причем мы продолжали пока жить по старым сметам истекшего года. Над всеми художественными и учеными учреждениями был поставлен комиссаром Луначарский; его помощником специально по Эрмитажу был назначен Ятманов11, зырянин по происхождению, из иконописцев, расписывавший когда-то под руководством Л. Н. Бенуа12 новый Варшавский Православный собор; человек он от природы был очень неглупый, с характером, но малоразвитой и некультурный, но не лишенный апломба. Говорил он, как человек неинтеллигентный, употреблял например часто слово «лаболатория» к вящему удовольствию людей более его грамотных. Лицо у него было бритое, а волосы так стрижены, что казались париком. Одевался он в дешевенький, штатский костюм с ярким галстухом. Ятманов производил впечатление человека осторожного, работающего на большевизм, но с оглядкой и далеко не всегда откровенно.

По-видимому он имел значительное, по крайней мере вначале, влияние на Луначарского.

Последний, поскольку могу судить по тем немногим разам, что я его видел, был демагогом чистейшей воды, человеком малоубежденным в проповедуемых им же самим коммунистических теориях, и лишь легко увлекаемым собственными словами. На него было невозможно положиться; он часто говорил одно, а поступал по-другому, сообразуясь только с обстоятельствами и наперекор исповедуемым убеждениям. Наружность Луначарского была вполне прилична, манеры не без изысканности; одевался он тщательно и носил на мизинце кольцо с рубином. Его маленькие бегающие глазки производили отталкивающее впечатление и невольно вселяли к нему недоверие и антипатию. Следует однако за ним признать ту заслугу, что он немало способствовал спасению и сохранению многих художественных и исторических сокровищ, в особенности находившихся в частном владении. При нем в то время секретарем состояла очень красивая молодая девушка «товарищ Раиса»13, дочь профессора, открыто примкнувшего к большевикам; Луначарский был, говорят, женат, что ему не мешало очень ценить женскую красоту. Его приемная во Дворце была всегда полна самым разнообразным народом: рядом с растрепанными «товарищами» можно было встретить людей светского общества, хлопочащих о своих личных делах или художественных достояниях, иногда тоже бывших сановников. В этой его приемной я раз столкнулся с двумя Великими Князьями — Николаем и Сергеем Михайловичами, озабоченными спасением Михайловского Дворца на набережной с музеем памяти их отца. Было жутко видеть этих двух представителей старого царского рода в роли скромных просителей перед новыми властителями из хамоватых разночинцев... Ждать Луначарского в его приемной приходилось всегда очень долго и иногда ловить прямо на лету — он все время ездил из учреждения в учреждение, с одного агитационного митинга на другой, всюду опаздывал и не успевал никому и ничему уделить необходимое время.

Ятманов первое время совершенно не вмешивался в дела Эрмитажа, удовлетворяясь изредка посылкой официальных сообщений или запросов, на которые мы в начале не обращали даже внимания. Служителей он все старался подтолкнуть на самодеятельность, советуя взять управление учреждением в свои руки. В первый раз я встретился с ним в нашем Средневековом Отделении, где во время разгрома царского погреба была произведена попытка ограбления. Вор по-видимому искал только вино и, вскрыв ящик со старинными вещами, не воспользовался даже золотыми предметами заключавшимися в нем. Управление Эрмитажа сочло необходимым сообщить о случившемся коменданту Дворца, который и пришел на место покушения в сопровождении Ятманова и маленького невзрачного солдата, оказавшегося, как я позже узнал, товарищем Киммелем, тоже каким-то комиссаром по художественной части. Этот латыш на заседаниях комиссии по охране художественных сокровищ и выработке реформ музеев особенно злобно потом нападал на эрмитажную администрацию. Ятманов осмотрел следы взлома, предполагаемый путь проникновения грабителя и на этом покончил свое посещение. Немного спустя, когда служебные отношения были окончательно установлены, я отправился к нему в

спустя, когда служебные отношения были окончательно установлены, я отправился к нему в Зимний Дворец (приемная его была там же, где у Луначарского). Желая выяснить лично свое положение и заручиться возможностью при благоприятных обстоятельствах съездить к семье, которая все это время оставалась в Киеве. Придя к Ятманову, я сказал, что, может быть, в ближайшем будущем мне придется съездить на юг, что если комиссар, почему либо считает невозможным дать отпуск, то пусть меня уволят, сам же я в отставку не подам и места своего покидать не намерен, т. к. считаю себя обязанным продолжать охрану вверенных мне еще царским правительством сокровищ мирового значения. Желаю я оставаться на своем месте еще потому, что мои сослуживцы настаивают на том, чтоб я не покидал своей службы: последняя, не имея политического значения, не представляет поэтому характера поддержки режима, которому я ни по происхождению, ни по воспитанию отнюдь сочувствовать не могу. Дорожа своей службой, я все же настаиваю на необходимости, по личным обстоятельствам, отлучиться из Петрограда, если представятся к тому благоприятные условия. Выслушав меня, Ятманов отвечал, что он вполне понимает мою точку зрения; никто не собирается увольнять меня из директоров, что я в сфере моей деятельности пользуюсь оценкой и уважением и, если мне так необходимо уехать на время, то он этому препятствовать не будет. Такую доброжелательность со стороны

Ятманова я приписываю моим хорошим отношениям со служителями Эрмитажа, которым мне в свое время удалось быть полезным в той или другой форме. Сам Ятманов имел постоянные сношения со служителями, которых все побуждал к захвату управления, что ему как-то удавалось. Наиболее левые, однако, из младших служащих, подымавшие мало-помалу голос, заговаривали о передаче в их ведение всей хозяйственно-административной части и в особенности денежной отчетности.

В Русском Музее, где я все еще исполнял обязанности Управляющего (большевистский переворот задержал мой уход и помешал введению нового управления), шло сильное брожение и усиливались требования передачи всей административной власти выборному комитету. Администрацией обоих музеев было решено отправиться к Луначарскому и выяснить его отношение к вопросу управления обоих учреждений. Пошли мы к нему вчетвером: я в качестве старшего представителя того и другого музея, от Эрмитажа, кроме того С. Н. Тройницкий14, от Русского Музея П. Н. Шеффер и А. А. Миллер. Принял нас Луначарский не без наружной важности, развалившись в кресле за письменным столом, на другой стороне которого мы расположились на каких-то мягких креслах и диванах в очень маленьком помещении, служившем ему кабинетом. Поздоровавшись с нами за руку, он просил нас сперва высказать наши соображения, что мы и поспешили по очереди сделать. По существу они сводились к следующему: музеи не являются обыкновенными административными учреждениями, а ведуют делами научного или художественного характера, требующих более специальной подготовки и известной степени культурного развития; люди лишенные таковых не могут принимать участия в разрешении вопросов, тесно связанных со стороной художественной или научной; хозяйственную часть управления трудно отделить от остальных; не говоря о новых приобретениях, вопросы отопления, освещения, развески и пр. — все тесно связаны с научно-художественной частью. Выслушав нас, Луначарский заявил, что несомненно музеи являются особым типом учреждений и что, несмотря на общее стремление к демократизации, подводить их под общий строй других не приходится, а следует выработать компромиссную форму, удовлетворяющую, как принципу, так и практике; ученому персоналу нечего беспокоиться, что его поставят в зависимость от некультурных элементов; он просит представителей музеев поработать над новыми формами, сам же он мечтает о создании своего рода художественного парламента из 400 выборных членов, одна половина из коих состояла бы из специалистов, а другая из представителей пролетариата. В его речи как будто выражалась мысль, что управлять музеями низшие служащие не должны были бы претендовать; все же мы сознавали, что на его поддержку в сторону укрепления административного авторитета интеллигентной части служащих (рассчитывать) не приходится. В действительности агитация среди служителей при поддержке со стороны элементов близких комиссариату продолжалась без ослабления и привела к выработке новых форм внутреннего управления с более демократическим характером, оказавшихся, однако, по крайней мере в начале, вполне пригодными и жизнеспособными.

Второй раз видел я Луначарского в роли председателя на заседании созванном им из представителей разных художественных и научных учреждений и обществ по вопросу о затеваемом им четырехсотчленном художественном парламенте15. Он развил свою мысль в довольно туманных и многоречивых выражениях; говорил он гладко и литературно, но, мне кажется, ни для кого не убедительно и успеха, очевидно, не имел. В этом же заседании был поднят вопрос об охране Строгановского Дворца у Полицейского моста. Одно из немногих уцелевших частных зданий, выстроенных архитектором Растрелли, полное художественных собраний, имеющее собственный музей с отличной картинной галереей, теперь было занято клубом кронштадтских матросов. Собственники этого дворца хлопотали об освобождении его от постояльцев и ограждении заключающихся в нем сокровищ. Луначарский в принципе соглашаясь с тем, что здание не следовало бы занимать ни под какие посторонние учреждения, прибавлял, однако, что выселять матросов будет невозможно, т. к. они желают жить и дышать культурной, художественной атмосферой; их можно назвать «аристократией пролетариата», оказавшей совершенно исключительные услуги революции, и потому достойны особенного к себе внимания и заботы. Этот эстет, образованный и культурный человек, развивал такую мысль, когда

кронштадтские зверства были еще у всех свежи в памяти и в то время, когда в Севастополе происходили подобные же кровавые события...

На этом же заседании Н. Н. Пунин16, служивший в гравюрном отделении Русского Музея, сотрудник журнала «Аполлон», принимавший деятельное участие в революционной пропаганде среди младших служащих и примкнувший к большевикам, разразился по какому-то поводу неожиданной отповедью буржуазному искусству: оно-де не нужно народу, нечего с ним нянчиться и его охранять. Вышедший из себя при этом Ал. Ник. Бенуа17 назвал громогласно эту выходку чистейшей воды демагогией. Любопытно, что некоторое время спустя Пунин18 был назначен комиссаром Русского Музея, и его прямой обязанностью стало охранять памятники этого буржуазного искусства, что он не без успеха исполнял. В день пролетарского праздника, 1-го Мая, однако, он не преминул вывесить на решетке Музея большую красную вывеску с надписью: «Да здравствует пролетарское искусство!» Пунин этот был человек безусловно неуравновешенный, неврастеник, кидавшийся в крайности. В первый год моего знакомства с ним я его помню с иголочки одетым, гладко выбритым, с примазанной прической, лиловым галстухом и шикарным стеклышком в одном глазу; при большевиках он стал носить высокие сапоги, небрежно одеваться и стеклышко в глазу заменил неизящными большими очками; лицо его постоянно подергивалось нервным тиком. Несмотря на свое презрение к буржуазному искусству, Пунин немало способствовал приобретению для Музея некоторых хороших старых портретов Кипренского, Рокотова и друг, из коллекций Е. Г. Шварца, от А. С. Танеева и проч.

В Русском Музее приступили к выработке новой формы правления. Был назначен комиссар (Пунин), как представитель Советской власти, директором выбран А. А. Миллер. Во главе всего стоял исполнительный комитет, избранный по (куриям) (служителей, техников, сторожей и т. д.) пропорционально их численности, причем директор не состоял его членом. Кроме того, продолжали действовать художественный и этнографический советы, пожизненным членом коих я был любезно выбран своими сослуживцами.

В Эрмитаже, благодаря более умеренному составу служащих, управление все еще продолжалось на старых основаниях, но исподволь подготовлялись новые формы, которые после долгих совещаний и переговоров с представителями младших служащих были наконец приняты и вошли в силу во второй половине Марта. Все вопросы, связанные со специально научной и художественной подготовкой, разбирались в Совете, состоявшем из хранителей под председательством директора, а иногда в общих собраниях, состоящих из тех же лиц, с присоединением к ним всех остальных интеллигентных служащих и представителей от младших. Административная власть сосредоточивалась в исполнительном комитете; в него входили под председательством директора 2 выборных от старших служащих (хранителей, сотрудников и канцелярии) и 3 от младших. Должен сказать, что за все время функционирования этого органа, работа шла дружно, споро и разумно. Младшие члены комитета относились к делу серьезно, без

работа шла дружно, споро и разумно. Младшие члены комитета относились к делу серьезно, без задора, обращаясь к старшим за разъяснениями в спокойной, скажу, почтительной форме, и сами немало способствовали в некоторых случаях правильному решению возникавших вопросов. За все время нашей совместной работы не произошло ни одного неприятного недоразумения, что я приписываю, главным образом, такту старших и доброжелательности младших служащих. С признательностью вспоминаю участие в исполнительном комитете вахтера (называвшегося до революции гофъ-фурьером) В. Щастнева, всегда доброжелательно ко всем относившегося. Он много способствовал дружной работе, примиряя и сглаживая возникавшие противоречия. Делопроизводитель Эрмитажа В. В. Воинов сумел в новых условиях найти верный тон; нисколько не поступаясь собственным достоинством, он всем облегчил переход к новым взаимным отношениям среди разных категорий служащих.

Одновременно с нашей внутренней, как текущей, так и административно-организационной работой, шли заседания Совета по охране художественных памятников, по реформам и расширениям музеев. Совет этот под председательством Ятманова состоял из представителей разных учреждений и комиссариатов. От Эрмитажа в него входили Д. А. Шмидт19 и С. Н. Тройницкий; от Русского Музея — А. А. Миллер и К. К. Романов20. От того и другого учреждения были потребованы планы развития деятельности и предполагаемых на будущее расходов. Финансовая часть между тем настаивала на возможном сокращении денежных трат ввиду тяжелого положения страны. В Совете Эрмитажа и на общих его собраниях была выработана общая схема дальнейшей деятельности и смета была с 180 000 годичных доведена до 500 000. В Совете по охране мною была прочитана записка, в которой, указывая на несомненные дефекты организации старого Эрмитажа, я упоминал о необходимых исправлениях, но высказывал пожелание, чтоб коренной его характер, освещенный историей, т. е. Музея-Дворца, был сохранен. Записка моя была принята холодно, а на следующем заседании комиссар Киммель резко заметил, что Эрмитаж, очевидно, не хочет следовать общему порыву обновления России, желает коснеть в старых рамках и не имеет, очевидно, намерения вступить на широкий путь развития, словом — не желает участвовать в созидании нового строя, чему может служить доказательством хотя бы его скромные сметные предположения. На это ему было отвечено, что Эрмитаж должен был руководствоваться известными рамками, хотя и довольно неопределенно ему намеченными; несмотря на категорические требования экономии он нашел необходимым увеличить свою смету почти в три раза. Вскоре после этого заседания я уехал из Петрограда, и, как слышал, весь вопрос о реформе Эрмитажа Совет по охране художественных памятников взял в свои руки.

В конце Июня 1918-го года мне представился случай сравнительно удобно пропутешествовать из Петрограда на юг, чем я воспользовался, чтоб проехать сначала к семье в Киев, а потом в Одессу лечиться на лиман. Мне была выдана комиссариатом бумага с разрешением на отпуск за подписью Луначарского на имя графа Д. И. Толстого. Уезжал я с поездом украинцев, на который мне удалось попасть благодаря имению, находившемуся в Киевской губернии. Я твердо надеялся вернуться к осени обратно, чтоб снова занять свое место в Эрмитаже, и не собирался подавать заявление об отставке власти, которую я не желал и не мог признавать, я все еще надеялся, что судьба мне даст удовлетворение в возможности передать порученное мне последним Государем дело в руки законно назначенного лица. Но последующий ход событий отнял у меня всякую такую надежду, а мученическая кончина всей царской семьи и убийство Вел. Кн. Георгия Михайловича, моего бывшего начальника по Русскому Музею Императора Александра III, меня настолько потрясли, что я не нашел более в себе сил иметь дело с людьми, принявшими на себя ответственность за эти злодеяния. Под впечатлениями, вызванными во мне этими ужасными событиями, я известил письмом некоторых своих сослуживцев, что я решил в Петроград не возвращаться. В то же время я узнал из посторонних источников о назначении временным моим заместителем по Эрмитажу С. Н. Тройницкого, который впоследствии окончательно занял директорское место; в моих предположениях он представлялся наиболее подходящим кандидатом; зная его за культурного, специально образованного и трудоспособного человека, еще молодого, я был уверен, что он с выгодой для учреждения заменит меня, человека уже старого, другой эпохи, нелегко приспосабливающегося к новым трудным условиям.

В заключение моих записок считаю своим долгом сказать несколько слов о Вел(иком) Кн(язе) Георгии Михайловиче, расстрелянном большевиками в 1918 году. Великий Князь никогда деятельного участия в политике не принимал. Все его помыслы главным образом сосредоточивались на его собственной семье, состоявшей из жены, греческой принцессы по рождению, и двух дочерей; все они в момент объявления войны оказались в Англии и там во все время ее продолжения оставались, чем он очень мучился, мечтая пробраться к ним после начала революции. Но Временное правительство не соглашалось выпускать из России членов царствовавшего дома, и, несмотря на все хлопоты Георгия Михайловича, ему так и не удалось выехать дальше Финляндии. Одно время ему представлялась возможность выехать в Швецию, но какие-то неосторожные слова повели к его аресту и высылке через Петроград в Пермь, где уже находился его брат Великий Князь Николай Михайлович. В Петрограде ему дозволено было остановиться на несколько дней, и в это время мне удалось его повидать. Он был тогда довольно бодр духом и настроен скорее оптимистически, не предвидя своего трагического конца. Осенью его снова перевели с другими Великими Князьями в Петроград и заключили в тюрьму. Убийство членом партии с.-р. Урицкого22 послужило диким предлогом к массовому убийству заложников

нисколько иногда не причастных к этому преступлению и часто не состоявших в партии его организовавшей. Между жертвами этой террористической расправы оказались и Великие Князья и среди них благодушный и для революции безвредный Георгий Михайлович. При некоторых слабостях и несовершенствах его характера, происходивших главным образом от его воспитания, среды в которой он рос и положения по рождению, а также болезненности, это был очень милый и отзывчивый и добрый человек, всегда готовый прийти всякому на помощь и за всякого хлопотать. Лично я ему многим обязан и, несмотря на довольно частые с ним размолвки по вопросам служебным, я до конца жизни буду с сердечной теплотой и признательностью вспоминать этого чистой души человека и нашу совместную службу в Русском Музее Императора Александра III.

Примечания

Публикуется по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ (ф. 1345, оп. 4, ед. хр. 26).

1 Смирнов Яков Иванович (1869—1918), искусствовед, археолог, академик.

2 Родзянко (1859—1924), Государственной думы, лидер партии октябристов; в 1917 г. — председатель Временного комитета Государственной думы.

3 Головин Федор Александрович (1867 — после 1929), председатель 2-й, депутат 3-й Государственной думы; член партии Народной свободы (кадеты).

4 Вальдгауэр Оскар Фердинандович (1883—1935), историк искусства, профессор Академии художеств и Петроградского университета; в 1926—1928 гг. — директор Эрмитажа.

5 В 1910 г. граф В. П. Зубов выдвинул идею создания учебного института истории искусств; в 1913 г. попечитель Петербургского учебного округа разрешил Зубову организовать в помещении библиотеки «систематические курсы без экзаменов и дипломов» (см.: Краткий отчет о деятельности Российского института истории искусств. // Задачи и методы изучения искусств. Пг., 1924, с. 171—174).

6 Челноков Михаил Васильевич (1863— ?), московский городской голова, депутат 1-й, 2-й и 4-й Государственной думы, член партии Народной свободы.

7 Миллер Александр Александрович (1875—1935), археолог, этнограф, действительный член Академии истории материальной культуры.

8 Батюшков Федор Дмитриевич (1857—1920), историк литературы и критик, профессор

Петроградского университета, редактор журнала «Современный Мир».

9 В ноябре 16 (29) 1917 г. В. И. Ленин председательствовал на заседании Совнаркома, на котором обсуждался вопрос о передаче национальных реликвий украинскому народу (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 554—555).

10 Бобринский Алексей Александрович (1852—1927), граф, археолог, председатель Археологической комиссии, вице-президент Академии художеств, депутат 3-й Государственной думы.

11 Ятманов Григорий Степанович (1878—1949), советский государственный деятель. В октябре — ноябре 1917 г. — комиссар Петроградского военно-революционного комитета; в Наркомпросе возглавлял до начала 1930-х гг. ленинградские органы охраны памятников.

12 Бенуа Леонтий Николаевич (1856—1928), художник, архитектор, академик.

13 Имеется в виду Лариса Михайловна Рейснер (1895—1926), дочь профессора-коммуниста Михаила Андреевича Рейснера (1868—1928). В первые месяцы после Октябрьской революции Л. М. Рейснер принимала участие в работе по охране памятников искусства.

14 Тройницкий Сергей Николаевич (1882—1948), знаток прикладного искусства, с 1918 по 1927 г. — директор Эрмитажа.

15 В январе 30 (12 февраля) 1918 г. в Зимнем Дворце у наркома просвещения состоялось совещание музейных работников и искусствоведов, созванное для обсуждения проекта Государственного совета по заведованию дворцами и музеями республики. Луначарский выступил на совещании с пространным докладом.

16 Пунин Николай Николаевич (1888—1953), искусствовед; на совещании у Луначарского твердо заявил: «Все старое искусство буржуазно и народу совершенно не нужно...»

17 Бенуа Александр Николаевич (1870—1960), художник, историк искусства.

18 Отметим, что Пунин был назначен комиссаром Русского музея не «некоторое время спустя» после совещания у Луначарского (как о том пишет Толстой), а незадолго до его проведения.

19 Шмидт Джемс Альфредович (1876—1933), искусствовед; с 1906 г. — хранитель картинной галереи Эрмитажа.

20 Романов Константин Константинович (1882—1940), архитектор, художник, профессор Института истории искусств.

21 Георгий Михайлович вместе с тремя великими князьями был расстрелян 27 января 1919 г. в Петропавловской крепости.

22 Урицкий был убит 30 августа 1918 г. студентом Л. Канегиссером.

Публикация С. Г. БЛИНОВА

Москва в ноябре 1919 года

Москва в ноябре 1919 года: Сочинения учащихся научно-популярного отделения Университета им. А. Л. Шанявского / Публ. [и вступ. ст.] М. В. Катагощиной, А. В. Емельянова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 362—376. — [Т.] II—III.

В Государственном Историческом музее* хранится комплекс ученических сочинений на тему «Москва в ноябре 1919 года», предположительно принадлежащих перу слушателей Московского городского народного университета им. А. Л. Шанявского.

Это учебное заведение, сосредоточившее крупные научно-преподавательские силы России, было учреждено в 1908 г. и имело два отделения: академическое и научно-популярное. Первое в августе 1919 г. влилось в МГУ, а второе просуществовало до 1 ноября 1920 г., когда было объединено с рабочим факультетом Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова. Слушателями научно-популярного отделения были лица обоего пола не моложе 16 лет со средним или неполным средним образованием. Таким образом, оно играло роль подготовительных курсов для желающих поступить в университет или другие высшие учебные заведения.

Публикуемые сочинения слушателей курса русской литературы научно-популярного отделения Университета им. А. Л. Шанявского представляют собой черновые рукописи на обрывках бумаги различного формата с преподавательской правкой. Все они датируются 27 ноября 1919 г.

Авторами сочинений являются молодые люди 16—20-летнего возраста, как правило, с незаконченным гимназическим образованием, служащие в различных учреждениях Москвы.

Работы учащихся посвящены повседневной жизни москвичей в крайне тяжелое для столицы и всей России время: голод, холод и разруха стали главными героями этих сочинений. Искренность и непосредственность повествования искупают погрешности стиля публикуемых материалов.

Вишневский И.

Москва в ноябре 1919 г.

Холодный ветер пронизывает большие неотопленные квартиры. В побитые стекла окон, террас пробирается ранний снег. Холодные грязные комнаты напоминают склады без транспорта. Грязные, с облезлою наружностью, потрепанные фасады домов с худыми кровлями печально смотрят на безжалостно разрушаемые обитателями для топлива дома. Столетние парки гибнут под звуки топора. Сады, обнесенные резной оградой, мостики, перекинутые через каналы, разбираются идущими прохожими. Огромные белые вывески с красными буквами и номерами висят в воздухе. Непрерывные очереди тянутся длинными хвостами. Оборванные, полураздетые, изнуренные люди злобно встречают и провожают каждого проходящего. Мысль о вкусной пище, о том благе, что необходимо человеку, несбыточна. Недостаток питания понизил жизнеспособность и наложил отпечаток апатии на все. Эпидемические заболевания уносят тысячи друзей. Всюду военная власть проникает в мирные семейства и разрушает лучшую жизнь человечества.

Воронова. Городская школа, дополняю в НПО*.

Ноябрьский вечер.

Стемнело. Морозит. На синем небе одна за другой зажглись звездочки. Пешеходы быстро несутся по скользкому тротуару, не раз попадая в кучу снега или скатываясь на мостовую. Это не удивляет их. Они привыкли, разве только иной чертыхнется. Темно. Друг друга толкают. Но где уж тут извиняться: каждый бежит скорее дальше. Морозит крепко, воротники (застыли), усы замерзли, да здесь еще нужно переходить мостовую, того и гляди, сядешь в сугроб. Из окон домов торчат небольшие черные трубы, испуская клубы серого дыма. Восемь часов. Кругом тихо. Лишь от угла до угла доносится хриплый голос мальчика-торгаша: «Папирос, папирос, и ирисок, и сахара». Так скучна и неприветлива обстановка в современной Москве.

В—н.

Москва 6-го ноября 1919 года.

Москва после долгих лет под гнетом, от которого, казалось, начинала сгибаться от тяжелых условий жизни, в день 6-го Ноября гордо, величаво выпрямила свою спину. Оделась вся в яркие пестрые наряды. Как невеста в день венца полна трепета, ожиданий, так и пышная столица была переполнена светлыми ожиданиями. Бурная, нетерпеливая, полная восторга, она встретила своих долгожданных гостей, принесших много ясных пламенных речей. Эти милые гости со всех концов земли своими ясными речами придали больше красоты, яркости. Сколько восторгов! Какой подъем духа! Новые силы вливались струями в нашу усталую изуверенную душу. Мысли текли бурными потоками. Этот праздник чувствовался в каждом движении, во всем, во всем. Каждый из гостей помимо того, что видел этот праздник в пышности наряда, гордо участвовал с полным достоинством торжество**. Что может быть дороже, как не сознание свободы? Сознание, что можешь открыто рассуждать, высказывать мысли народа. Этот день останется памятным, как нечто светлое, радостное. Пусть далеко за горами, но придет и этот праздник, когда все мы почувствуем себя братьями одного народа. Эту надежду, веру пробудил, оставил день 6-го ноября 19-го г.

Гетлина А. В. Окончила 6 классов института. Теперь служу во Всер(оссийском) Центр(альном) Сов(ете) Пр(офессиональных) Союзов. 16 лет.

Москва в ноябре 1919 года.

Сильно все изменилось в Москве за последний год. Мало она стала походить на столицу. Поисчезли все заборы, все телеграфные столбы. Ими поддерживают московские жители мало-мальски выносливую температуру в своих заледенелых квартирах. Когда идешь вечером по улице со всех сторон раздается треск: это москвичи собирают себе топливо. Кто посмелее, тот поломает забор, сложит его на саночки и свезет к себе домой, другие растаскают бревна от разрушенного для топлива дома; кто оторвет водосточную трубу или стянет где-нибудь кусок железа для маленькой печки, которая служит сейчас почти для всех источником тепла. Сильно удручающее впечатление производят эти разрушенные почти на всех улицах дома. Ни днем, ни ночью нет спокойствия в столице. Ночью жители занимаются грабежом, днем ищут себе пропитания. Чуть не с шести часов утра поднимается суета на улице. Кто спешит на «Общероссийскую Сухаревку» подловить какого-нибудь мешочника, чтобы купить себе хлеба или пшена; другие, чтобы повыгоднее продать свои же собственные вещи. Ближе к 10 час. уже многие спешат на службу, нередко падая и спотыкаясь на все тротуарные ямы и рытвины. В воскресные же и праздничные дни вся жизнь столицы сосредотачивается на Сухаревке. Со всех концов Москвы и даже с окрестностей стекаются на этот сутолочный рынок. Одни, чтобы купить, другие, чтобы продать, третьи, чтобы нажить. Кажется, что в эти дни жизнь в местах, находящихся далеко от Сухаревки, совсем замирает. Какая ужасная бесцельная жизнь. Разрушены все планы, намеченные в моей юности. Теперь приходится сидеть и мерзнуть целый день на службе. Придешь домой — такой невыносимый холод; негде отогреться. Вечером не хочется никуда идти, зная, что трудно потом будет добраться опять домой. Свету нет, трамваев нет, только и может выручить случайно попавшийся по дороге ломовик, который, сжалившись, посадит на телегу и довезет до назначения. Это — «новые трамваи», как говорят теперь москвичи. Вечером, возвращаясь от Шанявского, бежишь бегом домой. На улицах темно и жутко. Тишина нарушается лишь только треском от ломания заборов и изредка попавшимся по пути автомобилем, который освещает путь. Бежишь по мостовой, спотыкаясь и падая, все думаешь о кипящем самоваре, который дожидается тебя дома. Отогревшись немного чаем, ложишься хотя и в холодную постель, но засыпаешь и только тогда забываешь всю мирскую суету и теперешнюю тяжелую жизнь.

Жуков М. 4-х классн. Городское (училище). Служу конторщиком.

Москва в ноябре 1919 года.

Зима в этом году очень рано дала о себе знать, и в ноябре 1919 г. житель Москвы встретил

Зима в этом году очень рано дала о себе знать, и в ноябре 1919 г. житель Москвы встретил нового врага: холод. Народ, настрадавшийся от войны, мировой и гражданской, едва ходит по улицам Москвы. Улицы усеяны людьми, торгующими разными предметами питания. Голод-холод несут с собой разные заболевания, и люди постепенно вымирают. Во время службы сидишь мерзнешь, придешь домой — то же самое, и не находишь себе места, где бы можно успокоиться, отдышаться и опомниться от этого угара. Приблизительно лет пять тому назад Москва не знала того, что будет в 1919 году. Она веселилась, правда, хотя одни страдали даже больше, чем сейчас. Но все-таки тогда Москва была милее каждому москвичу, как-то весело и отрадно было, закутавшись потеплее в пальто, пройти по улицам или же сидеть у печки, читать хорошую книгу, ничего не думая и ни о чем не заботясь. На несколько часов успокоиться и отдохнуть душою от тяжелого рабочего дня. В ноябре 1919 г. житель Москвы много переживает несчастья, кругом его окружают одни лишения, но вместе с тем некоторые слои населения, погибшие духовно навсегда, не имея сотой доли человеческого образа, живут в себя, ни в чем не нуждаясь. У этих людей эгоизм, материализм, грубость и невежество на первом плане, остальное хоть море по колено. Революция много несет пользы человечеству, но, должно быть, не по(пешехонски?) она делается. Я сторонник жестокой сознательной и упорной борьбы со старым миром, но кроме борьбы я непременно культуру, искусство, прогресс ставлю на первый план. Народу, низам надо дать доступ на рабочие факультеты, а не только по каким-то мандатам, рекомендациям и коммунистам. Надо открыть двери для всех желающих. Почему я это пишу? Потому что в ноябре меня больше всех волнует этот вопрос. Я. два месяца не могу добиться, несмотря ни на какие старания с моей стороны. Вот чем ноябрь меня поздравил. Все переживания, чувства, красота жизни, поэзия — вся прелесть жизни человеческой далеко отстала позади и придет ли скоро — неизвестно. Пока борьба за существование, каждый за себя. Люди огрубели от этой тяжелой жизни. Хочешь взлететь, как орел, чтобы в последний раз подняться ввысь и парить там, ничего не видя внизу. Но нет! Крылья подбиты жизнью, нет силы. Когда же, наконец, люди опомнятся, будут мирно трудиться, жить счастливо, наслаждаясь окружающей нас природой. Когда перестанут люди эксплуатировать друг друга и пить кровь брата своего. Об этом узнаем в будущем, если доживем. Будем же, крепкие духом, бодро смотреть вперед надвигающемуся урагану жизни.

Зверева Л. Прошла 4 класса Елисаветинской гимназии. 16 л.

Москва в ноябре 1919 года.

Утро. Я вышла на улицу. Слегка морозило. Народ торопливо сновал взад и вперёд. Под влиянием грустных воспоминаний настроение у меня было подавленное. Я всматривалась в прохожих, и меня, невольно, поражали их сосредоточенные, измождённые, серьёзные, порою даже озлобленные, суровые лица. Проходя рынком, я с любопытством задерживаюсь у толпы, которая, всё увеличиваясь, окружает торговку хлебом. Слышится брань, громкие крики. Пробравшись ближе, мне становится ясна причина столь бурного негодования. Хлеб весь. Торговка на ожесточённые замечания, что надо было выдавать определённое количество, спокойно разводит руками и отправляется домой. Те, которым суждено сегодня быть голодным, (вероятно, уже не в первый раз) с отчаянием расходятся. Всюду слышны вздохи, проклятия. Вот молодая женщина (из аристократической семьи), бедно одетая, жалуется какой-то старушке: «У меня уже нет сил. Муж больной, дети голодные, а средств нет. Что делать? Как быть? Господи, помоги мне!» Голос её дрожит, глаза наполняются слезами. Старушка смотрит ласковым взглядом на неё. А слов утешения нет. Да и что сказать? Эта жизнь уже многих довела до самоубийства. Много выстрадали, много пережили. А впереди беспросветная мгла. Грустным взглядом я окидываю улицы, переулки, строения. Вид ужасный (особенно вечером). Точно после грандиозного пожарища или нашествия врага. Поломанные заборы, разобранные деревянные здания, которые люди, как хищные животные, растаскивают по домам. Горькое чувство сожаления охватывает меня, когда при виде всего этого я сравниваю Москву до этого времени и в настоящий момент. (Прежде.) Шум. Веселые жизнерадостные лица. Роскошь нарядов. Экипажи. Рысаки (мчатся как вихрь). Выставки, привлекающие своею прелестью. Оживление, которое царит на улицах. Как все это мало напоминает настоящее положение! Точно это был чудный сон

или сказка волшебная. Все отошло в область предания. Вот описание Москвы 1919 года.

Иков С. III класса гимназии. Служу во Всероссийском Союзе служащих. Конторщик. 16 лет.

Москва в ноябре 1919 года.

Внешний вид

I. Снег. Внешний вид Москвы в ноябре 1919 г., разумеется, сильно изменился, так же, как и изменилась вся жизнь. Одним из самых сильных изменений можно назвать то, что никогда в Москве не было так много снега. Это очень сильно меняет вид города. Тротуары похожи на дорожки в деревне. То же самое и с мостовыми. В этом году, впрочем, еще не было трудовой повинности по очистке снега. Прежде никогда ничего подобного не было. По-моему, во-первых, так много снега не выпадало. Во-вторых, но это уже не только по-моему, снег вывозили за город. Но нет худа без добра. Худо я вижу в том, что, разумеется, стало труднее ходить, легче промочить ноги, очень скользко и т. д. Хорошую же сторону я вижу в том, что, по-моему гораздо красивее чистый белый снег, лежащий теперь, чем грязный и не то желтый, не то коричневый, который лежал прежде.

II. Разобранные заборы, разрушенные здания. Вторым сильным отличием внешнего вида Москвы в ноябре 19-го года от прежних годов являются разобранные заборы и разрушенные здания. Это вызывается необходимостью борьбы с холодом. Заборы, огораживавшие дворы с улиц и разделявшие дворы, идут на дрова. То же самое с домами, или когда-нибудь горевшими или разрушенными, или старыми и заброшенными и, наконец, сараями, сторожками и т. д. В этом уже никак нельзя усмотреть какой бы то ни было красоты. Наоборот, это сильно уродует Москву. Я родился не в Москве и бывал во многих других городах России, но большую часть жизни провел в ней, и мне больше всего нравилась Москва, хотя я видел много (городов), которые, может быть, красивее Москвы по своим улицам, домам, бульварам и т. д. Но теперь, глядя на разобранные заборы и разрушенные дома, к тому же занесенные снегом, я никак не могу назвать Москву красивым городом.

III. Жизнь на улицах. Жизнь на улицах в ноябре 19-го года опять-таки представляет резкую противоположность прежним годам. Во-первых, обилие пешеходов. Это вполне понятно: трамваи, по примеру второй половины прошлой зимы, не ходят, да и когда ходили, то это было тоже очень дорогое удовольствие; а об извозчиках нечего и думать. К тому же и извозчиков в Москве стало очень мало. И вот граждане Москвы ходят пешком. Я лично довольно-таки привык к этим прогулкам, и если мне нужно идти куда-нибудь на другой конец Москвы, это мне не кажется таким ужасным. Во-вторых, Москва кишит санками, на которых возят вещи, продукты, получаемые через «организации» и т. д. В-третьих, в Москве никогда не было такой бойкой уличной торговли. Нечего говорить о Сухаревке и Охотном ряде и др. местах, где и раньше шла торговля, но на всех углах Москвы имеются целые оравы мальчишек, торгующих папиросами, ирисом (последним теперь реже), а почтенные дамы, продающие иногда очень вкусные, но всегда дорого стоящие, пирожки, булочки, пончики и т. д. Кроме уличной торговли, впрочем, в Москве расплодилось еще уйма всяких кафе и ресторанчиков. В-четвертых, очень оживленное движение по мостовым. Каждую минуту мчатся автомобили, мотоциклетки, особенно это заметно, когда едешь с санками. В общем же, жизнь улиц очень оживлена днем. Но только днем. Вечером, даже не так поздно, когда приходится возвращаться из театра, но даже когда возвращаешься с лекций, на улицах темно и пустынно. Таков, в общем, внешний вид Москвы в ноябре 1919 года.

IV. Домашняя жизнь. В домашней жизни главную роль играют холод и тепло. Тепло — большая редкость. В большинстве квартир поставлена железная печурка, которая топится теми же заборами. Около этой печурки и сидит по вечерам вся семья. На ней же готовится или греется скромный ужин. Разговоры самые прозаические. Все больше о продовольствии, о холоде. О продуктах, выдаваемых у нас на службе, и у наших знакомых, о тепле в квартирах у нас, у соседей, у знакомых на службе, и все в таком духе. Такова домашняя жизнь москвича в ноябре

19-го года. Об остальном за недостатком времени не успел написать.

Как часто я вспоминаю о прежней Москве. Какою она была прекрасной и сильной. В особенности я любила ее зимою. Выпадал снег и покрывал белою пеленой все окружающее: и дома, и деревья, и улицы, так что все принимало волшебный вид. Утром, когда, бывало, идешь в гимназию, то невольно наблюдаешь за всем окружающим: вот тянутся обозы, плавно и неспеша, и снег так приятно скрипит под полозьями саней и под ногами. Народу в это время на улицах было много. Все с озабоченными, но веселыми и свежими от пробуждения лицами спешили покупать себе пищу. Магазины были полны товарами. Если зайдешь в булочную, то не знаешь, что и купить. На витринах разложено так много всевозможных свежих, белых и румяных, как спелое яблочко, пирожков и пышек. Мясные были полны хорошим мясом. Но как хороша Москва была вечером. Освещенная со всех сторон фонарями, она сияла и притягивала внимание каждого. Снег на крышах и под ногами блестел различными огоньками, отчего Москва, мне казалось, была еще величественнее и могучее. Вот подходило Рождество. С каким трепетом все ждали этого великого праздника. За неделю во всех домах производилась уборка и покупка различных сластей. Для детей покупались всевозможные игрушки и елка. Накануне Рождества ее наряжали пряниками, яблоками и конфектами. Наступал день Рождества. Ах, как хорошо было в этот день! Все веселые и нарядные, забыв про невзгоды и горе, утром спешили в церковь. А вечером спешили в гости или делали у себя бал. Некоторые же катались по городу на тройке. На улицах все шумело и ликовало. Но все это лишь только одни воспоминания. Прошло только пять лет, но Москва, наш когда-то прекрасный и величественный город, превратилась в могилу. Всюду голод, холод. В каждой семье и доме лишь одна печаль, горе да слезы. Жизнь борется со смертью, и все это наводит ужас и страх. И уже больше не радует зима, которую когда-то я очень любила.

Лущихин Н. Н. Окончил 6 классов б. гимназии г. Рузы.

Москва в ноябре 1919 г.

Москва, как главное, центральное ядро Русской земли, всегда испытывает полностью все те влияния извне и изнутри, которые время от времени накатываются на Россию. Она в минуты благоденствия и спокойствия блаженствует, ликует, здесь совокупно соединяются друг для друга наука, искусство, промышленность, и к ней стремятся все новости и открытия Запада. Тут все на услугу жителю. Но как только раздаются первые удары катящейся бури, она вздрагивает, чуя беду, нервничает; на жителях, как нигде, проявляются первые удары грома. Так и теперь Москва, подорванная войной и революционным болезненым переходом, со всей тягостью переживает это как никакой город и местность. Этот симбиоз духовной и материальной сторон, неясно еще выливавшийся раньше, светлыми красками рисуется на фоне отсутствия материальных благ. Духовные потребности начинают грубеть и глохнуть, человек полон мелочных интересов; необеспеченность заставляет его существовать жизнью животных. Везде и всюду он, потеряв надежду на лучшее будущее, начинает искренно проклинать свою еле тянущуюся жизнь; он не уверен, что будет завтра обеспечен, хотя бы так, как сегодня. Только один театр увлек сильно изнуренные народные массы в свои стены, хотя это свойственно при каждом бурном, ищущем выхода настроении, что вполне совпадает с буйным революционным переживанием москвичей. Домашний очаг нередко теряет свою прелесть, где часто вместо ласки, уюта, душевного отдыха попадаются суровые, деловые, вульгарно говоря, кухонные выражения родственников; хочется чего-то близкого, милого, уютного, но его нет. Все начинают жить для тела, которое с жадностью чудовища пожирает скудные подачки времени; оно заставляет думать о нем больше, чем когда-либо. Для душевной психической стороны уже не уделяется столько времени. Этот кошмар все более и более простирает над москвичами свои грозные объятия. Политическая борьба усиливает весь этот процесс: жители проявляют общую недоверчивость, мгновенную вспыльчивость и начинают проявлять характерную русскую лень (злободневные спекулянты). Как будто бы начинается сдвиг назад, наше молодое зеленое юношество не получает должной духовной пищи, оно живет мифически созданными образами и нередко в неподобающей обстановке, а юность — это молодая яблонка: как сучок привьешь, таковы и созреют плоды.

Психическая деятельность его направляется не в ту сторону, образуется какой-то застой. Так переродилась и уклонилась от должного пути наша передовая гордыня Руси, это единственное соединение западной культуры с русским самобытным духом.

Мазурова. 6 классов гимназии.

Москва в ноябре 1919 года.

Еще только первые числа ноября, а вьюга февральская. Снег по колено, ноги еле двигаются, а идти далеко. Ветер продувает насквозь, холодно, страшно холодно, зуб на зуб не попадает. Чуть заметные, неясные контуры домов, и как-то странно, совсем не освещая, в воздухе висят мутные пятна фонарей, а снег все сыплется, сыплется без конца. Ах, как безумно хочется лета, солнца, какой угодно жары, но только не этот адский холод, холод везде на улице, дома, на службе.

Макарова Е. Ф. Окончила в 1914 г. 1 Московскую женскую гимназию.

Москва в ноябре 1919 г.

Зима. Как рано она наступила в этом году. Кажется, вчера еще мы не думали о ней, а сегодня, проснувшись, мы встретили ее, суровую гостью на долгое, долгое время. Я не люблю зимы; при воспоминании о ней мне всегда кажется, что я слышу плач от холода маленьких ребятишек, волею судьбы заброшенных в холодные темные подвалы, и так больно становится за этих малюток, так хочется, чтобы поскорее проходило это время и наступало яркое лето, которое оживит всех, вдохнет в нас что-то новое, покажет малюткам, вступающим в жизнь, что на земле много хорошего, что это хорошее только спало долгие месяцы и что это хорошее есть тепло и свет. Особенно неприветливо я встретила зиму в этом тяжелом году, и мне хочется поделиться теми впечатлениями, которыми полна моя душа. Когда я впервые увидела снег, я невольно вспомнила те невинные детские восторги, которыми я встречала его ученицей. Я помню, как рвалась я скорее в гимназию, чтобы пробежаться по рыхлому снежку; я торопила маму достать поскорее все теплое и, Боже, с каким восторгом я одевала давно знакомые мне вещи, как будто бы в ноябре они были более ценными, чем в феврале или марте. Потом, с годами эти восторги уменьшились, и мне уже не казались особенно привлекательными теплые варежки. Я хорошо помню ноябрь 1914 г., когда у нас был последний бал для выпускных. Но что же я вижу теперь? Чем полна моя душа? Разве я радуюсь чему-нибудь? Что общего в моем настроении тогда, в ноябре 1914 года, и теперь, в ноябре 1919 года? Трудно ответить себе самой на эти вопросы, тем более рассказать о них кому-нибудь, я больше не хожу в гимназию, я каждый день должна идти на службу, а разве есть что-нибудь общее между занятиями в гимназии и на службе? Я говорю, конечно, про общие занятия, полезные для души. Где бы я ни была, я всюду слышу разговоры про насущный хлеб, про дрова, и эти разговоры как-то убивают, заставляют позабыть все возвышенное и быть только на земле для какой-то тревожной жизни. В этот месяц 1919 года мне представляется Москва каким-то муравейником, который кто-то взял и пошевелил невидимой палочкой. Муравки-люди забегали, засуетились от неожиданности, и каждый думает только о том, как бы получше устроить свою жизнь, как бы достать где дрова, чтобы жить вновь так, как жил до невидимой палочки, где бы найти себе пропитание. При всех этих заботах разве есть место для душевных переживаний? Мне могут сказать: ведь никто в начале ноября не шевелил муравейника людского, он был таким и в октябре, и в сентябре. Да, это верно; но вспомнишь жизнь в этот месяц в прошлые годы, мне кажется, что людской муравейник расшевелили именно в этот месяц этого года, когда выпал первый снег. Слишком заметна вся беготня и все эти вопросы «как жить?» именно сейчас, когда природа смотрит так угрюмо, когда нет тепла, света, и невольно вспоминаешь свою жизнь в те счастливые «ноябри», когда не было этих неотступных вопросов «как жить?» и «чем жить?», а были вопросы и заботы о том, как устроить повеселее свой последний бал. Чтобы забыть все эти вопросы, я начала заниматься, но занятия не идут ко мне на ум, и я себя невольно сравниваю с листиком дерева, который не успел упасть с дерева на черную землю, а упал на первый снежок, и вот ветер гонит его по белому полю, он вертится, вертится и не знает, где ему остановиться, пока белый саван не успокоит его своим покровом. Так и я, да и все люди ждут этого савана, а пока носятся, как листочки с дерева, гонимые ветром

Так и я, да и все люди жду этого сезона, а пока носятся, как листочки с дерева, гонимые ветром — судьбой, и не знают, как и чем пополнить свою жизнь, чтобы она была ярче и красивее.

Малахов В. Москва в ноябре 1919 г. 27 ноября 1919 г.

День 7 ноября 1919 г.

Сегодня праздник — день двухлетия Октябрьской Революции. Погода прекрасная — тихий морозный день. Природа как бы готовила для праздника этот день. Дверь распахнулась и кучка ребят ввалилась в комнату; их лица сияли радостно. Раздеваясь, каждый считал долгом показать своё новое платье товарищу, а тот, глядя на него, сравнивал достоинства своего платья с его. Два-три человека бегали без причины во всю мочь. Кучка мальчиков, собравшись в углу, рассуждали: «Сегодня большевистский праздник, у нас на воротах флаг красный вывесили». Тут же из кучки противоречили другие в тоне укора: «Не большевитский, а Советский. Мой папа небось говорил». Каждый переживал по-своему. Пели с большим удовольствием, кто-то пытался запеть революционную песню, но, не найдя себе компаньона, кончил. Большое наслаждение доставила плясовая музыка, тут уж каждый проявлял себя по-своему. Кто парами тихо,

прислушиваясь к музыке, скользил по полу, кто с силой врывался в кучку и вертелся вьюном. Все они вертелись и шумели, заглушая музыку. Все получили праздничные гостинцы и отправились с торжественным видом домой.

Меньшова Т. Прошла 6 классов Петроградской казенной гимназии. С марта месяца сего года служу в Государственном контроле. 16 лет.

Москва в ноябре 1919 г.

Удручающее впечатление производит на меня Москва в эти последние месяцы. Разве сколько-нибудь похожа она на ту Москву, Матушку городов русских, так чудно описанную нашими писателями?! К сожалению, о ее прежнем облике я могу судить лишь по книгам, так как живу в Москве только с осени прошлого года. Теперь же она окончательно потеряла образ столичного города; походит скорее на какую-то деревню: мостовые и тротуары завалены снегом, все идут гуськом по середине улицы, скользят, спотыкаются, падают и опять покорно идут дальше. Какое-то безразличие нарисовано на всех лицах: никто ничем не интересуется, не старается как-нибудь улучшить свое положение; живет исключительно животной жизнью, думая только о пропитании. Да и верно, что другое может придти в голову, время ли думать о духовной жизни, когда не знаешь, будешь ли ты завтра иметь кусок хлеба. Интересно следить, как человек борется с теперешней жизнью: ко всему приспособится, до всего додумается. Дров нет, топить нечем, естественно, в холоде сидеть удовольствия мало, он взваливает себе на плечо топор, вооружается пилой и идет на первый угол, чтобы срубить или спилить первую попавшуюся под руку деревянную вещь: дерево так дерево, забор так забор, а то и дома кусок захватит. С продовольствием дело обстоит труднее. Соберется какой-нибудь гражданин в деревню «за хлебом», волочит на себе купленный товар чуть не десять верст до вокзала, с трудом влезет в вагон, прогулявшись предварительно по головам своих компаньонов, простоит кое-как в холодном с выбитыми стеклами вагоне до первой остановки, да и уступит свой хлеб другому, кто посильнее его. Что же делать, не драться же? К ценам, которые дерут спекулянты на Сухаревке, москвичи привыкли также; встретят друг друга на улице или на базаре где-нибудь, обменяются мнениями, покачают головами и разойдутся. Как скучно и грустно влачим мы свое существование: утром встаешь, бежишь на службу, поздно возвращаешься домой, хочется позаняться чем-нибудь, чтобы забыться от этого кошмара, и нет сил взяться за книжку. Какая-то лень и апатия одолевает. И так изо дня в день беспросветно и тоскливо. Глядя на улицы и здания некогда красавицы Белокаменной, грустно делается на душе и обидно за старушку-Москву, которая так невероятно изменилась.

Михайлов С. 5 классов реального училища. 16 лет.

Москва в ноябре 1919 г.

Я москвич в полном смысле этого слова. Я не только родился в Москве, но и в течение, правда, еще сравнительно недолгой моей жизни не отъезжал от «сердца России» дальше, как на сотню верст. Поэтому все впечатления моей жизни, все тесно связаны с этим городом. Дни моего раннего детства протекали на фоне московских улиц, а главным образом, бульваров, куда моя нянюшка водила гулять меня вместе с братцем, таким же в то золотое невозвратное время толстеньким карапузом, каким был и я; там мы предавались играм, имевшим тогда для нас глубокое значение точно также, как куча снега представляла не просто кучу, а неприступную крепость или волшебный замок. Все тогда являлось загадкой и возбуждало интерес. Москва для меня была огромным неизвестным миром, полным неизведанных ощущений и невиданных чудес. Когда порой вспоминаешь детские мечты, детские воззрения и думы, грустное и вместе какое-то сладкое чувство охватывает душу. И становится жаль, что я не могу смотреть на жизнь в розовом свете, что окружающая среда не является для меня чем-то таинственным, а все просто, ясно и естественно. Как раз такой противоположностью тому, как я представлял себе в счастливую пору детства Москву, и является вид Москвы, вид не только внешний, но и внутренний, т. е. в смысле настроений обитателей с точки зрения беспристрастного наблюдателя, роль которого я и попытаюсь на себя взять. В этом году снег выпал рано, и Москва рано облачилась в свой парчевый зимний наряд. А костюм этот, надо сознаться, очень к лицу нашей Матушке-Москве. Под белым покровом скрываются многие не во всем привлекательные уголки города и принимают приличный вид. Но зима принесла с собой одно явление, правда, встречающееся и летом, но теперь принявшее прямо-таки эпидемический характер. Я разумею разборку заборов, сараев и даже жилых помещений на дрова. Побуждаемые холодом, москвичи вынуждены разрушать послужившие (бы) даже, может быть, еще несколько лет дома. Идете вы по улице, и вашему взору представляется такая картина. Группа людей, вооруженная какими-то железными крюками, роется в руинах дома и старается среди обвалившейся штукатурки и разбитых кирпичей разыскать каких-нибудь щепок или обломков досок. Я заранее извиняюсь перед моими любезнейшими согражданами за нелестное сравнение, но эти люди, честное слово, чрезвычайно напоминают собой... гиен или шакалов в пустыне. Особенно мрачное впечатление производит торчащая печь и увеличивает безобразие картины. Все эти разрушения делают похожей бедную Москву на город, перенесший большой пожар или сильную бомбардировку. Другое чрезвычайно характерное явление для теперешнего времени — это то, что большинство прохожих непременно имеет какую-нибудь ношу. Один, самодовольно поглядывая, тащит в мешке на спине картошку, другой перегибается под тяжестью мешка с капустой, а третий, озираясь, словно «тать в нощи», прячет под мышкой мешочек с мукой или же тщательно завернутую коврижку хлеба. Эти две набросанные сцены вполне определяют настроения и стремления, которые господствуют среди обитателей Москвы. Голод и холод — вот два главных врага москвичей. Они заставляют многих людей отодвигать на задний план духовные потребности и превращают жизнь многих в погоню за куском хлеба. Но я далек от мысли предаваться унынию и меланхолии. Я твердо верю, что эта тяжелая пора пройдет и настанет лучшее время, настанет царство Труда, Знания и Искусства. А для того, чтобы достигнуть этого, надо трудиться, трудиться и трудиться, а не предаваться унынию и печали.

Модестов А. Окончил Высшее начальное училище. Служу в 3 Московской Инженерной Дистанции в X районе Ходынского гарнизона на должности счетовода. 17 лет.

Москва в ноябре 1919 г.

Население Москвы переживает ужасный голод. Голод развивается, главным образом, от того, что все железные дороги стали останавливаться и подвоза продовольствия нет. По карточкам выдают очень ограниченное количество продуктов, и существовать по карточной выдаче никак не возможно. На рынках ужасная дороговизна, и на наше жалованье купить что-либо невозможно. Чтобы спасти от голода население, то нужно бы разрешить свободный провоз, а иначе никак нельзя жить. В настоящее время доедаем кой-какие припасы, а когда кончатся припасы, то будем голодать не так, как в настоящее время. Еще нас мучает — это холод. В

настоящее время в некоторых домах квартиры перестали отапливаться, а это зависит от того, что нет подвоза дров, и в конце концов полопаются трубы и зальет все здание. Вид Москва имеет в настоящее время ужасный: когда идешь по улице, то из грязи или снега не вытащить ног. Из-за недостатка дров стали ломать деревянные строения. Из-за отсутствия трамвайного движения население ранним утром спешит на службу. Пришедши на работу, не скидывавши пальто, начинают щелкать зубами.

От всех вышеуказанных негодований население имеет ужасное настроение. Конечно, которым хорошо живется в настоящее время, те, безусловно, стоят за советскую власть, а те, которые голодные и переживают всякие невзгоды, те говорят: «Хоть бы черт царствовал, а нам дай хлебушка!»

Попова К. А. Окончила прогимназию в г. Саранске Пензенской губ. Сестра милосердия в одной из городских больниц.

Москва в ноябре 1919 г.

Идете вы по улице, по любой улице — всюду военные встречаются, но не те военные, которых вы привыкли встречать года два тому назад, начиная с 14 года... Это не те «военные-душки» — прапорщики, поручики и др., а так называемые «товарищи»... (о которых много было говорено в прошлом и позапрошлом году). Каждый московский обыватель знает, что связано с этим названием, т. е. какое представление вызывает это название. Но я бы сказала, что это хотя и те же «товарищи», но они уже не те стали. В них нет той прежней уверенности во взоре и той прежней грубости. Иногда вы встретите и вежливость, а недавно мне «товарищ» помог ввезти в гору салазки (которые я везла с почты с картофелем). Правда, по дороге с почты пришлось посчитаться: поговорить о том, вправе ли я везти салазки по тротуару, где ходят пешеходы, но то не был «товарищ», а, как я решила, просто голодный обыватель. Хотя, по правде сказать, впотьмах я не разглядела, и трудно судить. Если то был злой с голоду обыватель, то он был должен быть более сочувственным. Большинству обывателям приходится возить на себе все необходимое. Трамваев нет, а извозчики «кусаются». Предрассудки давно оставлены самыми модными барынями. Впрочем, возить салазки — это и есть теперь самая мода, так что если говорить о моде, то она и здесь не дремлет. Искусство процветает даже; вы скажете, если понаблюдаете, какие красивые вышивки на шляпах в русском духе у дам. Да и наблюдать не надо. Вам бросится это в глаза, куда бы вы не пошли. Вы встретите всюду даже разодетых дам в русском духе. Впрочем, если говорить о костюмах, то большинство так разодето, что войско Наполеона при отступлении от Москвы может вполне соперничать. Больше всего бросается в глаза обувь. В прежнее время только обыватели Хитрова рынка так были одеты. Ваше размышление прервано обычным уже явлением: теперь уже вы не спрашиваете, что это за толпа идет под конвоем, вам уже известно, что это ведут в «чрезвычайку», то так часто повторяется, т. е. куда бы вы не шли, вам непременно встретится такая толпа арестованных. В этой толпе, по-видимому, большинство «интеллигентных» людей. «За что их ведут?» — задаете вы себе вопрос, но спросить их вы не решитесь, а из прохожих никто не знает. Вот вы проходите мимо Сухаревой — единственное место, где можно купить что-либо без очереди и без карточек, но если только вы имеете много денег. Здесь, говорят, только не купить «отца с матерью», а то такой универсальный магазин. Но что это?! Тревога! Народ куда-то бежит. Это, говорят, облава. А вот арестовали торговцев. Спешишь домой, чтобы ни на что не смотреть и никуда не ходить. Все хочется забыть, но едва ли придется. И здесь разговоры на злобу дня. Приглашают на топливо ломать забор. Ну, ладно. Ночью — забуду...

Соболева О. Окончила 5 классов гимназии. 16 лет.

Москва в ноябре 1919 года.

Я стояла в череду и от нечего делать прислушалась к разговору двух москвичек. Одна была высокого роста и очень худая, одета неважно; другая, наоборот, была маленькая, старушка с

лицом, напоминающим печеное яблоко. «Ох, матушка, почем хлебушек-то стал! Горе! Никаких денег не хватит. Служит у меня один сынок, получает гроши по теперешнему времени, на хлеб не хватает. Что припасли мы с мужем, все теперь продаем. А как трудно продавать! Не дай, Господи, никому своего, нажитого трудом продавать». «Да уж, нечего сказать, трудно жить, — отвечает высокая, — я бы умерла от такой жизни. Что это за жизнь, коли хлеба досыта не приходится есть. А хуже всего, это то, что дров нет. И зима, как на грех, ранняя да холодная. Ну, дожили, нечего сказать. Москва на Москву не стала похожа: везде грязь, снег нигде не убран, на каждом углу устроили рынки, торговлю. Храмы совсем пустые, никто не ходит. Все та жизнь казалась нехороша, хотели рай устроить, а вместо рая получился настоящий ад. Скоро лошадей совсем не будет, все от голода издохнут. Наступила зима, опять начались болезни. Люди как мухи мрут». В этом роде она продолжала говорить. С ней, я думаю, каждый будет согласен. Как сумела, так и передала эту сцену.

Солнцева А. 4 класса городского начального училища и 1 класс Высшего городского училища. 18 лет.

Москва в ноябре 1919 г.

Бьет семь часов утра. С трудом освобождаешь голову из-под одеял и пальто и сразу чувствуешь, как начинает холодеть нос. Невольно опять с головой прячешься под одеяло, оставляя только отверстие для дыхания и глаз. На дворе еще темно. Свет от фонаря пробивается сквозь замерзшее окно и серебрит узоры на нем. Небо темное-темное; кое-где мерцают звездочки. Должно быть, сегодня мороз... И еще глубже забираешься под одеяло. Но вот небо бледнеет, звезды меркнут. Сквозь узорчатые окна виден голубой снег и пушистые заиндевевшие деревья. Делается светло. Виден пар от дыхания. В комнате четыре градуса тепла. И невольно мыслями уносишься в недалекое прошлое: представляешь себе такое же темное и морозное утро, но в комнате тепло, и не приходится прятать нос под одеяло. В соседней комнате слышен звон посуды, вот пронесли шумящий самовар. Поспешно одеваешься и идешь в столовую. Все уже за столом, пьют кофе. Все веселые, довольные. Весело шумит самовар, и так и просятся в рот веселые зарумяненные булочки... Однако, пора вставать, а то, пожалуй, опоздаешь на службу, запишут в штрафную книгу, плати им тогда за горячие булочки.

Субботина А. И. Окончила в 1913 г. экстерном за 4 класса при Усачевско-Чернявском училище.

Москва в ноябре 1919 г.

Ужасно печальную картину представляет в настоящее время Москва и ее обитатели. Внешний вид Москвы стал изменяться с 1914 г., с началом нашей войны с Германией. Прежде всего, конечно, ошеломляющим образом подействовало на людей не только Москвы, но и ее окрестностей, ввиду колоссальной мобилизации. Массу печальных и удручающих картин везде и всюду можно было встретить. Особенно грустно и тяжело было видеть проводы отъезжающих на фронт воинов. Эти слезы и душу раздирающие крики; мольбы прощающих(ся) о спасении своей жизни и о скором возвращении на родину. При виде всей этой картины волос становился дыбом и по коже пробегал мороз. В Москве стали спешно готовить лазареты, и на многих домах, предназначенных для лазаретов, появились красные кресты. На вокзалах появились питательные пункты не только для военнопленных и раненых солдат, но и для беженцев, которые спустя некоторое время массами потянулись с запада. Вот здесь-то и закипела спешная работа. Работали все, кто что мог. И старые, и малые принимали горячее участие и с горячей любовью, не зная устали, работали многие и день и ночь. Потом положение стало меняться к еще более худшему; с прекращением нормального движения транспорта оказался острый кризис продовольствия. Появились эти несчастные хвосты очередей, которые стояли с раннего утра до поздней ночи, чтобы побольше захватить себе запасов. Через некоторое время и совсем туго стало с продуктами, что пришлось ввести карточную систему, от которой стало еще горше. А в 1919 г. Москва представляет из себя что-то ужасное во внешнем виде. От прежней Москвы не осталось и следа. Когда-то грандиозная, пышная, цветущая, блестящая, залитая ярким светом — теперь она преобразовалась в большую необузданную деревню. Всюду мрак, но не покой и безлюдье

кругом, а если люди и встречаются, то это какие-то силуэты, еле передвигаются, влача жалкое существование. Куда не оглянешься, теперь слышишь необыкновенный треск — это происходит ломка домов, а из-за углов, ловко крадучи, подбирают (не имеющие права) гнилушки, чтобы хоть чуть согреть свой бедный кров. Теперь зато не приходится в некоторых местах обходить и делать крюк, а есть путь прямой и свободный. Не описала я революцию, не могу, потому что много за то время пережила.

Федотова Н. И. Окончила 4 класса женской гимназии, счетоводческие курсы М. А. Паршина. Счетовод отделения народного образования.

Москва в ноябре 1919 г.

Какая была Москва в дни празднования годовщины Пролетарской Революции, я не берусь описать, так как почти совершенно не выходила на улицу, за исключением дня 8-го ноября, в который только вечером была на концерте Пролеткульта в Новом театре, и описанием его я думаю заняться. Вечер был морозный, но не ветреный. Снег хрустел у меня под ногами, и легкий холодок приятно пощипывал мои щеки. Ноги как будто не шли, а бежали по хрустевшему снегу, и настроение было бодрое и живое. В театр пришла за пятнадцать минут до начала. Он был полон публики. Первым отделением был хор, который исполнял Интернационал, Марсельезу и др. революционные песни, исполнявшиеся, как видно, с чувством и от души. Потом был оркестр музыки, состоящий тоже из учеников Пролеткульта. Это также было исполнено хорошо, но только общее впечатление испортили два ученика, которые декламировали стихи, но ужасно небрежно и неумело. Затем было маленькое представление. Сцена представляла восстание Коммуны во Франции; и как они сражались за свободу, но и это было выполнено умело и (с) искусством, так что мне понравилось лучше всего. Я осталась очень довольна проведенным вечером. Погода уже изменилась, когда я возвращалась домой. Мороз стал крепче, и небо было усеяно бесчисленным количеством звезд, которые ласково глядели со своей высоты на землю. Иногда тишину нарушали яркие ракеты, с шумом вздымавшиеся в вышину, а затем опускавшиеся вниз. По дороге пришлось проходить мимо здания губернского совдепа на Садово-Триумфальной улице. Здание было разукрашено флагами, а на белом фоне красиво выделялись инициалы Р. С. Ф. С. Р., устроенные из цветных лампочек. Как-то всюду чувствовалось, что люди что-то празднуют и о чем-то заботятся. Из других театров тоже возвращались толпы народа. Был слышен говор и смех. А месяц на своем возвышении спокойно созерцал нашу землю и, казалось, с любопытством спрашивал: «Что там такое творится и зачем люди так суетятся и веселятся? » Но земля уже засыпала, и всюду водворялась тишина. Придя домой, я крепко заснула, и во сне мне снилось звездное небо и улыбавшийся месяц.

(Элькина) Ф. 4 класса гимназии. 20 лет.

Москва в ноябре 1919 года.

Период, который я желаю сейчас представить, это борьба классов, государств и вообще борьба всей нашей жизни в отдельности и в целом. А именно, мы переживаем революцию, где человек, как говорят, должен чувствовать себя равноправным гражданином, свободным и т. д., где жизнь должна развернуться шире, чем прежде, культура должна бы подняться на высокий уровень и т. д. и т. д. Что же мы видим в этот желанный для всех момент? Начнем с дома: здесь мы сразу видим уже перемену: квартиру уплотнили и в соседство к вам без вашего позволения посадили людей, совершенно вам не знакомых, чуждых для тебя и не совсем приятных. Квартира холодная потому, что нет отопления и нет дров. У Никитина есть декламация под названием «Портной», где он описывает, что у этого портного уже три дня не топилась печь и что нечем развести огня. Что же должны сказать мы, когда у нас целую зиму не топили печь? Правда, многие поставили железные печи, провели трубы, но вместо тепла у них в квартире стоит вечный дым, и из труб течет, потому что все время топить нельзя, а когда трубы остывают, из них течет, от чего настроение падает. Утром встаешь, и первый вопрос, который тебя сейчас же осаждает, это «а что я буду сегодня кушать?» Дети, не успев проснуться, высовывают из-под одеяла и шуб,

Что я буду сегодня кушать?» Дети, не успев проснуться, высовывают из-под одеяла и шуб, которые были на них набросаны во время сна, высовывают только один нос и кричат: «Мама, я хочу кушать, дай хоть маленький кусочек хлебца!» Мать сердится и кричит, что хлеб стоит 195 (рублей) фунт и что нужно кушать меньше. Правда, чем больше прибавляется цена, тем порцию все уменьшают, наконец, ребенок не вытерпевает и решается быть самостоятельным. Он отправляется в «Судпродком», т. е. на Сухаревку, и начинает свою работу сначала помаленьку, так что выручает свои деньги, но через некоторое время из него выходит маленький спекулянчик. Он уже смело выходит на базар с мешком на спине, бойкий, немного нахальный, с вызывающим взглядом и кричит: «Мыло, спички, табак, махорку и дестериновые спички покупаю!» Оглянешься на этого ребенка, покачаешь головой и проходишь, как будто это так и должно быть, и что учиться не время. Когда надо кушать, то кто не работает, тот не ест. Что может получиться из этого и подобных элементов для Свободной России? Проходя по улице, видишь на каждом перекрестке, как люди, собравшись гурьбой, растаскивают какой-нибудь дом. Здесь и взрослые, и дети, и старики пришли на работу за дровами и, таким образом, где-нибудь на окраине города совсем устроились чудесно: они имеют приспособленные машины, которые пилят дрова и, таким образом, ломают быстро и здесь же делят; и сколько происходит здесь споров, ругани и драк, Боже мой! Как будто в этом куске дерева заключается вся их жизнь! Итак, Москва сейчас имеет

вид, как будто после пожара: дома разрушены, а трубы величаво стоят. Самые лучшие дома превратились в общежития для рабочих, имущество растаскали на Сухаревку и сделали свой порядок. Что же стало с людьми интеллигентными и богатыми? Эти люди должны были, в особенности богатые, во-первых, перейти в квартиры рабочих, отпустить прислугу и поступить на службу к власти и т. д., где на них смотрят как на каких-то противников, врагов и т. п. При таких условиях живет интеллигент; целый день работает, вечером учится или учит. Богатые же, не желая сдаваться и неспособные к такой работе, берут лучшие свои вещи и идут продаватьв «Судпродком». В связи с холодом и с голодом в Москве стали распространяться разные заболевания и, конечно, смертность. Но не думайте, что умереть — это так легко: умер, зарыли и все. Нет, нужно иметь разрешение, иначе Вас не будут хоронить. Так что самоубийств почти не бывает. Но на кладбище Вы имеете очередь, которую предварительно раньше нужно занять, ибо иначе можно простоять целый день. И странно, что все как бы оделись в маски и играют какую-то роль один перед другим. Каждый замкнулся в себя и боится высказаться, потому что правду сказать нельзя, а нужно играть всегда какую-то роль, тем паче не подходящую к твоим взглядам и стремлениям. И только здесь, когда приходишь в НПО, чувствуешь, что ты далеко от этой жизни и что окружающее тебя совершенно не трогает, здесь жизнь тебя делает выше всего этого хаоса, который происходит кругом, и чувствуешь себя такой счастливой и довольной, здесь все такие хорошие, и дух и атмосфера совершенно не та, что кругом. Во всех жизнь кипит, все к чему-то стремятся, старательно посещают лекции, бывают в театре, спорят, и часто дивишься, что хотя такое тяжелое время, но все же все дружно стремятся к ученью, стремятся себя обработать насколько возможно и хоть, может быть, и маленького, но создать из себя человека.

Публикация М. В. КАТАГОЩИНОЙ

и А. Я. ЕМЕЛЬЯНОВА

О кооперации в России

[Морозов К. И.] О кооперации в России: (Письмо К. И. Морозова к М. М. Литвинову) / Публ., [вступ. ст. и примеч.] А. А. Быкова, В. В. Самсонова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 377—384. — [Т.] II—III.

В 1919—1920 гг. в Копенгагене в качестве неофициального представителя Советского правительства находился Максим Максимович Литвинов (1876—1951), впоследствии нарком по иностранным делам. Основной целью его миссии были переговоры с английским представителем О Грейди относительно возвращения русских военнопленных на родину. Попутно решались и

иные вопросы. Именно в это время на имя Литвинова пришло письмо от К. И. Морозова, одного из представителей так называемых русских «заграничных кооператоров» — деятелей, возглавлявших заграничные отделения Центросоюза, созданного в сентябре 1917 г. Впоследствии, ввиду отказа руководителей этих отделений подчиниться правлению, находившемуся в Москве, выданные им прежде доверенности были аннулированы.

Письмо Морозова — пространное рассуждение о судьбах кооперации в системе советского строя. Автор — кооперативный деятель с дореволюционным стажем, в прошлом эсер; в 1920 г. — председатель «Сибирьзакупсбыта», правление которого находилось в Лондоне.

Реакция Литвинова на письмо неизвестна; вероятно, оно осталось без ответа. Самого же Морозова будущий нарком в одном из писем иронично окрестил «лондонским кооператором».

Лондон, 20-го апреля 1920 г.

Представителю Комиссариата Иностранных Дел

Российской Федеративной Советской Республики, М. М. Литвинову,

в Копенгаген.

Многоуважаемый

Максим Максимович,

Настоящее письмо посылаю по личной инициативе, без разрешения и осведомления моих товарищей по кооперации. Цель его — совершенно откровенно высказаться о создавшемся положении и, принимая во внимание ту роль, которую Вы играете сейчас при разрешении судьбы России как здесь за границей, так и дома, — попытаться изменить то неправильное направление, которое, по моему глубокому убеждению, принято Советской властью в вопросе товарообмена.

То обстоятельство, что я лично не знаком с Вами, облегчает объективность моего изложения.

Задача моего письма — разобраться в создавшемся положении, как я его понимаю, в связи с ролью в нем кооперации. Я не коммунист, не контрреволюционер, не средний, не левый, не правый (несмотря на мои собственные политические взгляды). Я сейчас — только кооператор.

Я не буду останавливаться на вопросе, почему необходимо или губительно для дела России и русского трудящегося народа то отношение к кооперации, которое создалось у Советского Правительства. Вернее, не буду останавливаться на теоретической стороне взаимоотношений между кооперацией и системой коммунистического государства, — в письме эта глубокая дискуссия не уместится. Постараюсь подойти к вопросу с чисто практической стороны, а попутно осветить некоторые факты, как я их понимаю.

Еще в бытность мою в России, года два тому назад, А. Г. Шлихтер1 довольно подробно развил мне свою схему «химического несродства» между кооперацией и коммунистическим строем, схему, которая легла затем в основу советского законодательства по отношению к кооперации. Этим я хочу только предотвратить с Вашей стороны возможные возражения, исходящие из предположения, что я недостаточно хорошо знаком с вопросом и в логической связи с ним проводимыми Советским Правительством мерами по отношению к кооперации. После этого замечания я могу приступить к изложению своей «практической теории» этого вопроса.

Я долгие годы занимался ранее политической работой. Но даже в период моей работы как политика-профессионала центр тяжести работы у меня состоял в обслуживании экономических организаций демократии и изучении преимущественно этой стороны дела. В частности, я в

период политической работы много времени посвятил активной и теоретической работе в кооперации. Вы, как я понимаю и осведомлен, действовали наоборот. Другими словами, Вы специализировались в области чистой политики, я — в активной кооперативной работе.

Давайте в этом условимся. Я знаю, что это не совсем укладывается в теперешней схеме синтеза кооперации и политики. Но ведь с точки зрения накопленного каждым из нас опыта и технического понимания — это все-таки так.

И знаете ли Вы, что такое эта кооперативная работа и с какими трудностями она сопряжена? Понаслышке Вы знаете. Но только тогда, когда перенесешь ее, можешь, наконец, осознать, что это такое!

Еще 14 лет тому назад, когда мы создавали первые маслодельные артели в Кадниковском уезде Вологодской губернии, делая пешком в зимнюю стужу два раза в неделю по 30—40 верст (средств для разъездов у нас не было), мы впервые натолкнулись на то, что нам нужно было преодолеть. Преодолеть нужно было темноту духовную, личный эгоизм, провести мостик от эгоизма темного, неграмотного человека к коллективизму. Я в то время был партийным

работником социалистической партии2. Работал для партии как таковой. Но тогда же я на этой самой работе над человеческой заскорузлостью и пристрастием к консервативной традиции понял, что прошибить кору эгоистического отупения можно лишь действенной работой борьбы экономических факторов, факторов узкого эгоизма с эгоизмом группы, класса, и впоследствии — эгоизмом государства, живущего жизнью отдельной от иных государств. Я был хорошим крестьянским пропагандистом. Но все мои способности в этом отношении были ничто в сравнении с разбуженной экономической самодеятельностью. Социальный эффект последней получался неизмеримо больший, нежели все мои самые поэтические и действительно талантливые призывы «к лучшему будущему».

Только борьба личного эгоизма с общей целью, только в тот момент, когда обрабатываемый мною человеческий материал вдруг оживал и понимал, что ему не за кого зацепиться, кроме как за самого себя, когда всякая мысль о чужой помощи, об опеке государства, партии — всего — его покидала и он видел себя совершенно беспомощным, предоставленным себе, принужденному бороться самому за себя, только в этот момент и просыпалась самодеятельность, в этот-то момент и проявлялась борьба за существование, которая фатально выливалась в борьбу за коллективизм и, если угодно, за коммунизм.

В более поздний период так называемого расцвета русской кооперации, когда уже не в зимнюю стужу пешком, а в первом классе разъезжали мы для нашей кооперативной работы, предпосылки и результаты остались те же самые.

Мне говорили о Вас как о человеке экономически образованном. Но то, что я говорю, — в этом моменте перехода эгоизма к коллективизму, от «меня» к «нам», — Вы, может быть, в книжке и прочитали где-нибудь, но понять, вернее непосредственно пережить и осознать, Вы, конечно, не смогли. Для этого нужно было быть «кооператором».

Продолжаю. Если коммунистическое Советское Правительство хочет всерьез, а не «понарошку», как говорят дети, провести в жизнь принципы коммунизма, то борьба с кооперацией, с главным фактором ее бытия и сущности — самодеятельностью, борьба со свободной выборностью кооперативных правлений, по моему глубокому убеждению, влечет фатально к результатам, обратным желаниям коммунистического государства, — к насаждению таких эгоистических предпосылок, которые не только сотрут с лица земли малейшее напоминание о коммунизме, но и насадят строй, по сравнению с которым даже русское самодержавие было чуть ли не земным раем.

Как бы ни были мудры и глубоко благородны цели и стремления идейных руководителей теперешнего русского коммунизма, но объективные экономические факты сделают свое дело.

Что происходит сейчас в России в этой области? Вместо сознания личной ответственности, необходимости напрячь все свои силы до пределов не «меня», а «всех», вслед за созданием в кооперации нового «начальства», а не того «сукина сына нашего приказчика, который не доставил нам товару», у человека толпы атрофируются всякие стимулы к борьбе. При случае «начальству» и «морду набьют», и голову сломают, но... Это не будет самодеятельностью. Это — не «приказчик», а «начальство». Как оно прикажет — так и будет. Извиняюсь за упрощенные сравнения. Но нам-то с Вами, Максим Максимович, конечно, не приходится обольщаться иллюзиями относительно более глубокого понимания и отношения темной деревенской России, доставшейся в наследство коммунизму.

Я не продолжаю своих сравнений. Вы сумеете их продолжить без моей помощи.

Ну-с, а теперь позвольте перейти к положению вещей в нашем с Вами «вопросе». Какая создалась обстановка, объективная, независимо от наших и Ваших желаний? А вот какая.

Антанта хочет русского хлеба, льна, масла и прочего. Нам с ней не детей крестить. Если можем

— нужно ей этого всего дать. За это мы можем получить от нее машины, плуги, шпагату и прочее добро, при посредстве которого мы можем достать у нашего крестьянина и хлеба для рабочего населения, и того же маслица, и мясца, и всего, что может маленько поднять дух нашего пролетария, дошедшего сегодня из-за недоедания и борьбы с физической смертью (при победе последней, как общее правило) до полной физической, а тем паче моральной апатии и готового отдать своими руками за кусочек хлебца не только «Латвию», но и «Воронежию» и «Тверию». А уж про то, что при таком состоянии он может отдать не только «Керенскую свободу», но и «Ленинскую диктатуру», не может быть и речи. Это — одно.

А другое — такое. «У каждого руки к себе гнутся». Я не обвиняю Антанту, что у нее к себе руки гнутся. У меня — как россиянина — тоже к России руки гнутся. У Вас — как российского дипломата на международном рынке купли и продажи — тоже руки должны гнуться к России, которую хотят купить на международном аукционе в Копенгагене или Лондоне, или Париже, или Риме. Вопрос, значит, в том, чтобы каждому не продешевить. И вот — явилась презумпция — золото, платина, Китайский заем. Как и я, Вы, конечно, понимаете, что это не дело. В особенности не дело — концессии. А ведь кроме концессии — другого исхода по существу не остается. Посмотрим на последствия этих концессий, если они «по-всамделишному» пройдут. (Не по-«всамделишному», конечно, о них не может быть и речи: и Крезо, и Путилов достаточно умны, чтобы питать мысль их провести на этом — они-то уж добьются и сумеют добиться действительных гарантий).

Итак, концессии. Их придется дать много: и на леса, и на недры, и на железные дороги. При теперешнем положении России — гораздо в большем количестве, нежели то, что осталось в российской индустрии в неконцессионированном виде. Дать концессии — значит обеспечить известную свободу внутреннего их управления. Так как путиловский рабочий не получает достаточно хлеба, одежды и проч., а иностранному капиталисту-концессионеру не трудно будет доставить все это для своего «государства в государстве», то, естественно, что лучший и наиболее выживающий рабочий уйдет с огосударствленной фабрики коммунистического государства к концессионеру. Это первое. Второе последствие — тоже понятное — безболезненное международное завоевание России всеми, кому не лень. А знаете ли Вы, Максим Максимович, что это такое? Может быть, знаете, а может быть, и нет. Вот у нас в Сибири было такое Датское Товарищество по сбыту масла — «Сибирская Компания». Что это такое, можно выяснить только в анналах сибирской маслодельной кооперации. Но уж во всяком случае, Вы понимаете, что это было очень далеким от коммунистического идеала; даже самый мелкобуржуазный республиканский строй представляется раем по сравнению с владычеством «Сибирских Компаний» с правлением в Дании.

Не будем увлекаться. Ведь и Вам и мне известны уступки, сделанные Советской властью в этой

Не будем увлекаться. Ведь и Вам и мне известны уступки, сделанные Советской властью в этой области. Гарантии Ваши и Советского Правительства в том, что ни Вы, ни все остальные представители Советской России за границей не будут вмешиваться во внутренние дела союзных Правительств, т. е. что Советским Правительством не будет вестись коммунистической агитации, убьют возможность осуществить главную цель Российской Советской Коммунистической Республики — работу по осуществлению социализма за границей. Эти гарантии исключают основную расплату Европы перед Советской Россией за могущие быть данными Европе концессии.

Итак — концессии, т. е. самая невыгодная плата за «обглоданную кость», которую может выкинуть Европа России.

Но почему же не дешевле? Почему же не товарообмен? При котором положение России, как обладательницы сырья, будет наиболее благоприятным. Ведь на нем-то лучше всего поторговаться. Сырья, Вы знаете, у нас много, хлеба может быть тоже не мало, и совершенно излишнего — и Питеру хватит, и Европу накормим, и для нового хлеба машины получим. За чем дело стало? А только за тем, что без кооперации — ничего не получишь.

Да, без кооперации. Не без меня, конечно, или Коробова, или Беркенгейма и Авсаркисова3. А без кооперации как таковой.

Человек, сегодня случайно назначенный комиссаром, — не кооперация. Ему мужик ни хлеба, ни шерсти не даст. Вы знаете, вероятно, что мужик сожжет, в землю закопает, а «начальству», которое никогда не найдет с ним общего языка, ничего не даст, да еще за бумажные деньги. Сейчас, в этот переходный период, он даст только себе, т. е. кооперации, настоящей, своей, собственной. И неужели эта самая кооперация, при сравнительных других противопоставляемых ей факторах, лучше, милее для Советского Правительства, нежели Крезо4 и Путилов5, с таким нетерпением поджидающие Вас и А. Б. Красина6 на предмет покупки оптом и в розницу России. Тут ведь какое-то крупное, трагическое недоразумение, в результате которого ни Советского Правительства, ни кооперации, ни демократии, ни даже Путилова и Крезо не останется, а выживет на место их наш старый знакомый «Иван», присужденный к вечной каторге за фабрику фальшивых монет и убийство дюжины детей, а теперь утекший с каторги, занявший где-нибудь должность провинциального комиссара, наворовавший в этой должности бриллиантов и в ближайшем будущем могущий фигурировать в виде «частной инициативы, столь притесняемой», т. е. такой буржуазии, которой не видала еще история.

Позволю себе далее обратить Ваше внимание еще на несколько фактических объективных данных в той неразберихе, которая произошла во всей этой истории с «кооперативным камуфляжем».

Советская Россия (заметьте — «Советская», а не какая-либо другая) была весь этот период под блокадой. Население вымирало. Советское Правительство тоже, вероятно, не особенно дружелюбно относилось к факту блокады. Ситуация в Европе была такова, что объективно не было выхода из положения: Антанта боялась большевизма больше всего на свете. Ни за что не могла согласиться на его признание. Демократия в Европе, правда, с чрезвычайным интересом следила за коммунистическим экспериментом в России, но у себя-то дома оказалась не настолько «подготовленной», чтобы завести такую штуку. Лишняя порция джема или молока — и отказ от решительной революции демократии в Европе. Ну-с, и при таком безвыходном положении нашлась русская кооперация, которая хотела или не хотела, но прорвала блокаду: в качестве санитара на войне подползла к умирающему русскому городскому населению и нищающему без товарообмена мужику. Какое же положение заняли Вы? «И он же батрака ругает: «Зачем испортил шкуру». Конечно, заранее с Вами согласен, что не за прекрасное лицо кооперации русской возлюбила ее Антанта, не увлеклась она невинностью и добродетелями оной русской кооперации: ей нужен был хлеб, лен, шерсть и прочее русское добро. Но все же, объективно-то, создалось положение, что другого модуса вивенди в данный момент не оказалось. А за сие — Вы, или вернее в Москве, решили дать порку кооперации: «Зачем испортил шкуру».

или вернее в Москве, решили дать порку кооперации: «Зачем испортил шкуру».

Я не хочу входить подробно в слишком сложные по сему случаю размышления относительно особенно «тонкой» политики Советского Правительства по отношению к Антанте. Боюсь только, что она настолько утонышилась, что может порваться: где тонко, там и рвется. Я сознательно не хочу вмешиваться в политику этого рода, мешать кому-либо, и Вам в частности, в чем-либо в проведении той или иной политики: недаром я сознательно отошел от нее и недаром совершенно искренно (не подумайте, что это ирония, — пишу честно и правдиво) отдаю в этих вопросах Вам дань первенства, как политическому деятелю. Но позволяю себе в этом вопросе остановиться только на некоторых частностях. Ведь если это «тонкое» положение оборвется, то русский пролетарий и мужик не получат того, что им нужно. А им нужен товарообмен, товарообмен и товарообмен.

Узнав о Вашей и Советского Правительства программе товарных операций, я не нахожу ее в принципе заслуживающей порицания. Действительно, необходимы локомотивы для товарообмена в первую очередь. Но локомотивы одни не могут послужить импульсом для того, чтобы мужик отдал свое добро. Ни пушки и сожжение целых деревень, как то практиковалось у Колчака, ни «третий сноп» Деникина, ни Комитеты Бедности и реквизиции Красной Армии в Советской России этого хлеба не добудут. Не добудут его и «кооперативные коммуны», подставленные вместо кооперации. Это подтвердил уже опыт. А поэтому, если нужны действительно локомотивы для перевозки этого хлеба, шерсти, льна, мяса и масла, то ведь нужны и действительные импульсы для вызова этих предметов от крестьянина, и импульсы, выработанные не в экспедиции заготовления государственных бумаг и других типографиях.

А время не ждет. Ведь в смысле простого физического выживания России (не говоря уже о торжестве коммунистических, буржуазных или монархических принципов) данный момент критический. Вы лучше меня осведомлены о положении, переживаемом сейчас Россией. Ждать нельзя ни минуты. Когда-то улита едет, когда-то будет. Когда-то привезут паровозы, когда-то наладятся мосты на железных дорогах, придут в пригодное состояние вагоны, полотно железных дорог, когда-то подкормятся ремонтные мастерские — не так-то скоро! А между тем май месяц и навигация на носу. Если не использовать сейчас навигацию в смысле товарообмена, то, может быть, и локомотивы зимой или к будущей навигации никакой службы не сослужат.

А практически это значит: если бы Вы, а через Вас в Москве, немедленно изменили тактику в отношении единственно реального настоящего аппарата для снабжения в сегодняшний день — кооперации, то при настоящей и международной ситуации и нашем положении за границей мы могли бы ведь сделать колоссальное дело, разрешить неимоверно трудную задачу. Через два месяца Мариинская система работала бы уже вовсю по перевозке заграничных товаров, которые могли бы быть заготовлены нами в надлежащем количестве, лишь бы были гарантии. А если бы кооператоров в России, вместо держания в черном теле комиссарского повиновения, призвали бы для другой работы, то эти гарантии были бы не бумажные, а, вероятно, одновременно же осуществились бы путем сборки сырья (излишнего, которое крестьянин прячет под спуд) для обратного следования по той же Мариинской и другим системам и без паровозов — на чем Бог послал, хотя бы на плотах. И вместо уже очень большого количества паровозов и очень большой траты последнего золота, может быть, значительное количество паровозов можно было бы заменить материалом для починки этих паровозов, который можно было бы приобрести в короткое время, если не при нашем посредстве, то при нашей помощи и указаниях.

Неужели мешает только боязнь дать свободу кооперации, как страшной угрозе коммунизму. Не могу понять только одного — как не мешает этому концессионная система?!.

Мне кажется, что в отношении «контрреволюционности» кооперации давно бы пора бы положить предел бабьим сказкам. Уж что другое, а политический оппортунизм кооператоров, и самых крупных, на виду давно: оппортунизм искренний, принципиальный, ясный, ставящий одно условие — не менять кооперацию на Путиловых и Крезо. Другой дилеммы у кооператоров нет. Почему же выбираете Крезо, копенгагенского спекулянта, и всех прочих им подобных, даете им

Почему же выбираете Крезо, копенгагенского спекулянта, и всех прочих им подобных, даете им гарантии и преимущества, а на кооперацию, только за то, что она хочет остаться свободна в своей самодеятельности, хочет влить в население максимум этой самодеятельности, сыпете громы и молнии, обескровливаете ее, уничтожаете единственный оплот, оставшийся для восстановления физического (только физического, а не какого-либо иного, по формуле «не до жиру — быть бы живу») ее сопротивления окончательному порабощению экономическому со стороны всех, кому не лень?

Мне передавал Беркенгейм Ваше одно положение «нельзя же быть государству в государстве», т. е. нельзя оставлять самодеятельность кооперации без контроля со стороны государства, — слишком она большая, мол. Да ведь об этом-то и речи быть не может. На какой на черт, извините за выражение, функции государства? Ведь сейчас мы только мечтаем о функции санитара, желающего раненого, голодающего, умирающего, разоряющегося, трудящегося человека подобрать и тому же государству помочь, чтобы хоть маленько от невиданной анархии предохранить. Контроль — так контроль. Никогда ведь и в былые времена не протестовали против контроля кооператоры. Только ведь контроль-то не значит — уничтожение самодеятельности населения, уничтожение выборных правлений. Нам с Вами, Максим Максимович, не нужно, кажется, особенно разъяснять разницу между этими понятиями.

Контроль — не означает также изменение кооперативного строительства по декрету. Как кооператор, могу сказать Вам, что создание форм объединений — действительно самое трудное дело. И тут уж никакие декреты не помогут. Так трудно, так трудно найти формы кооперативного объединения, что Вы можете узнать это, только поработав над этим, поверьте на слово, говорю с чрезвычайно горьким и тяжелым чувством. И повторяю — декретом можно, конечно, все сделать, но только на бумаге. А что получится при необходимости использовать такой декрет, как, например, сейчас объединение всех «в Центросоюз», увидите после, меня помянете, да будет поздно, если вовремя не отмените.

Может быть, вместо всех возражений, Вы скажете: «Да ведь нужно, вот сейчас так устроиться, по международным соображениям, чтобы парировать кооперативный камуфляж». Возражение веское, а главное, понятное для выполнения той задачи, которую Вы себе ставите. Но это безнадежное дело: ведь сейчас даже этого и не нужно. По существу дела, никто сейчас в Европе и не думает, что приехавшая делегация и Вы — кооператоры. Все отлично понимают, в чем дело. Так неужели, для сохранения теперь никому не нужной фикции, Вы станете портить в конец кооперативную работу, для Вас не вредную, населению полезную, для товарообмена — единственно возможную и неизбежную, хотим ли мы с Вами этого или не хотим.

Я не делаю выводов, не подвожу итогов сказанному. Все сказанное — уже само по себе итог. И если Вы в них вдумаетесь, найдете для этого время, может быть, будет не поздно исправить то, что, я глубоко убежден, Вы сами найдете большой ошибкой.

Писал Вам это письмо честно и правдиво. И это дает мне возможность думать, что Вы, «авторитетный» политический деятель, но абсолютно не «авторитетный» Председатель «кооперативной делегации», вслушаетесь в мои, может быть, и обывательские рассуждения политического характера, но «авторитетные» рассуждения кооператора, который не хочет быть ничем больше этого.

Добавлю еще одно. Не надейтесь, что иностранный (не говорю уже о русском) частный торговый капитал что-нибудь сделает и чем-нибудь поможет Вам, если Вы подставите его взамен кооперации в формулу товарообмена. Говорю это по опыту, ибо попытки эти были до Вашего приезда сюда, в других условиях товарообмена с Россией, более благоприятных для этого, для частного торгового капитала, нежели те, которые для него существуют в Советской России.

На первых порах пойдет будто бы гладко, а затем — кто за это возьмется сейчас из частных торговцев — и себя зарежет, и... Вас зарежет. Это считаю долгом сказать Вам по совести.

С совершенным почтением К. Морозов

С совершенным почтением К. Морозов.

Примечания

Публикуется по машинописному экземпляру, хранящемуся в Архиве внешней политики СССР МИД РФ (ф. 168, оп. 1, папка 2, ед. хр. 13, лл. 8—15).

1 Шлихтер Александр Григорьевич (1868—1940), советский государственный и партийный деятель. В 1917—1918 гг. — нарком земледелия, нарком продовольствия РСФСР.

2 К. И. Морозов состоял в партии эсеров.

3 Автор перечисляет имена русских «заграничных кооператоров».

4 Имеется в виду французское акционерное общество «Шнейдер-Крёзо» («Шнейдер и Ко»).

5 Путилов Алексей Иванович (1866 — не ранее 1926), промышленник и финансист. После революции эмигрировал во Францию, где возглавлял Парижское отделение Русско-азиатского банка.
6 Красин Леонид Борисович (1870—1926), советский государственный и партийный деятель, нарком внешней торговли. В 1920 г. возглавлял делегацию уполномоченных Центросоюза («Миссия Центросоюза») на торговых переговорах с представителями Антанты в Копенгагене и Лондоне.

Публикация А. А. БЫКОВА

и В. В. САМСОНОВА

Формулярный список о службе цензора Московского цензурного комитета статского советника К. Н. Леонтьева. 1886 г.

Формулярный список о службе цензора Московского цензурного комитета статского советника Леонтьева / Публ. [и примеч.]. А. П. Николаева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 387—391. — [Т.] II—III.

Составлен по... сентября 1886.

I. Чин, имя, отчество, фамилия, должность, лет от роду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание.

Статский советник Константин Николаевич Леонтьев. Цензор Московского цензурного комитета, пятидесяти пяти лет, вероисповедания православного. Имеет орден Св. Анны 2-й ст. и Св. Станислава 2-й ст. Получает: жалования — 1500 р., столов. — 1500 р. Всего — 3000 р.

II. Из какого звания происходит?

Из дворян.

III. Есть ли имение:

У него самого и у родителей.

Родовое.

У матери г. Леонтьева Калужской губернии, Мещовского уезда сельце Кудиново.

IV. Есть ли имение:

У него самого и у родителей.

Благоприобретенное.

Нет.

V. Есть ли имение:

У жены, буде женат.

Родовое.

Нет.

VI. Есть ли имение:

У жены, буде женат.

Благоприобретенное.

Нет.

VII—X. Где получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук, когда в службу вступил, какими чинами, в каких должностях и где проходил оную; не было ль каких особенных по службе деяний или отличий; не был ли особенно, кроме чинов, чем награждаем, и в какое время, сверх того, если находясь под судом или следствием, был оправдан и признан невинным: то когда и за что именно был предан суду и чем дело кончено.

Годы. Месяцы и числа.

По окончании курса медицинских наук в Императорском Московском университете своекоштным воспитанником удостоен степени лекаря восемнадцатого мая тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года. 1854, мая 181.

Высочайшим приказом о гражданских чинах по Военному ведомству определен на службу в Белевский Егерский полк баталионным лекарем с выдачей, не в зачет, годового оклада жалования 250 руб. 95 к. двадцатого июня тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года. 1854, июня 20.

По болезненному состоянию здоровья перемещен из этого полка в Керчь-Еникальский Военный госпиталь младшим ординатором. 1854, августа 12.

Из оного, по распоряжению Командовавшего войсками в восточной части Крыма, командирован к Донскому Казачьему № 45 полку... 1855, мая 12.

По распоряжению того же начальника назначен в Келечь-Мечетское госпитальное отделение и прикомандирован к Феодосийскому военно-временному госпиталю... 1855, ноября 24.

По распоряжению помощника исправлявшего должность Генерал-штаб доктора войск в Крыму, командирован в Карасу-базарский Военный временный госпиталь... 1856, января 18.

По распоряжению штаба Командовавшего войсками в восточной части Крыма прикомандирован

к Симферопольскому военному госпиталю... 1856, марта 31.

Назначен в Феодосийский Военный госпиталь младшим ординатором. 1856, декабря 27.

Прибыл в оный госпиталь. 1857, апреля 2.

Высочайшим приказом о гражданских чинах по военному ведомству за № 34 уволен по прошению от службы... 1857, августа 103.

По прошению определен с правом государственной службы при имениях Арзамасского уезда полковницы баронессы Розен и действительного статского советника Штевена, предписанием Г. Нижегородского Военного Губернатора от 7 марта 1859 за № 2778... 1859, марта 74.

По представлению Нижегородской Врачебной Управы, Указом Правительствующего Сената от 2-го июня 1861 г. за № 105 произведен за выслугу лет в Титулярные Советники со старшинством... 1854, июня 20*.

Предписанием Начальника Нижегородской губернии от 13-го февраля 1861 г. за № 2106 уволен,

по прошению, от службы... 1861, февраля 135.

Приказом по Министерству Иностранных дел от 11-го февраля 1863 года за № 4 определен на службу в Азиатский Департамент канцелярским чиновником... 1863, ... 26.

Назначен помощником Главного Журналиста того же Департамента 1863, ... 22.

Назначен Помощником Столоначальника в том же Департаменте 1863, июня 1.

Назначен Секретарем и Драгоманом7 Консульства в Кандии8.

Определением Правительствующего Сената 28 ноября 1863 года, состоявшимся, произведен в Коллежские асессоры со старшинством с ... 1859, марта 7.

Назначен Секретарем и Драгоманом Консульства в Адрианополе...9 1864, августа 27.

Всемилостивейше пожалован Кавалером Ордена Св. Анны 3-й ст., 1865, апреля 4.

Назначен Секретарем и Драгоманом Генерального Консульства в Белград... 1865, декабря 3.

На ту же должность назначен в Адрианопольское Консульство... 1866, январь 1.

Назначен Вице-Консулом в Тульче...10 1867, апрель 15.

Определением Правительствующего Сената 2-го ноября 1867 г. состоявшимся, произведен за выслугу лет в Надворные Советники со старшинством 1867, апреля 15.

Всемилостивейше пожалован Кавалером Ордена Св. Станислава 2-й ст. ... 1868, марта 31.

Назначен Консулом в Янине11 1869, января 7.

Всемилостивейше пожалован Кавалером Ордена Св. Анны 2-й ст. ... 1871, марта 28.

Назначен Консулом в Салоники12 1871, апрель 9.

Определением Правительствующего Сената 23 августа 1871 г. состоявшимся, произведен за выслугу лет в Коллежские Советники со старшинством с ... 1871, апреля 15.

Согласно прошению по болезни уволен со службы с пенсией по шестисот руб. в год с ... 1873,

Согласно прошению по болезни уволен со службы с пенсией по шестьсот руб. в год с ... 1879, января 113.

Приказом по Министерству Внутренних Дел от 4-го декабря 1880 г. за № 54, определен исправляющим должность Цензора Московского Цензурного Комитета с производством содержания по две тысячи пятьсот рублей в год ... 1880, ноября 1914.

По приказанию Г. Министра Внутренних Дел выдано в единовременное пособие на излечение жены15 300 руб. ... 1883, февраля 5.

По журналу Г. Министра Внутренних Дел за № 1381 утвержден в должности цензора, с производством содержания по три тысячи руб. в год ... 1883, апреля 2.

Указом Правительствующего Сената от 14 марта 1884 г. за № 19 произведен за выслугу лет в Статские Советники, со старшинством с ... 1883, марта 3.

X. Был ли в походах против неприятеля и в самых сражениях и когда именно?

Не был.

XI. Был ли в штрафах, под следствием и судом; когда и за что именно предан суду; когда и чем дело кончено?

Не был.

XII. Был ли в отпусках, когда и на сколько именно времени; являлся ли на срок, и если просрочил, то когда именно явился и была ли причина просрочки признана уважительною?

Был. На основании Высочайшего приказа по военному ведомству о гражданских чинах 1856 г. августа 12, № 35, для поправления здоровья на шесть месяцев в г. Калугу и Москву и отправился в сей отпуск 2-го октября того же года; в 1860 г. с 21 июня по 21 сентября, из отпусков сих являлся в срок, в 1871 г. на 4 месяца, из отпуска сего на срок явился; в 1883 г. с 29 июля на 2 месяца; по болезни отпуск продлен еще на 25 дней; явился на службу до истечения данной отсрочки к 18 октября 1883 г.; в 1884 г. с 25 июля на 28 дней; явился в срок; в 1886 г. с 20-го мая на 2 месяца; по болезни отпуск продлен еще на 2 месяца; явился на службу до истечения срока к 13-го сентября 1886 г.

XIII. Был ли в отставке с награждением чина или без оного, когда и с которого по какое именно время?

В отставке был с 10-го августа 1857 г. по 7-е марта 1859 г.; с 13 февраля 1861 г. по 1863 г.; с 1-го января 1873 г. по 19 ноября 1880 г. без награждения чином.

XIV. Холост или женат, на ком, имеет ли детей, кого именно; год, месяц и число рождения, где они находятся и какого вероисповедания?

Женат на дочери Карасубазарского мещанина девице Елизавете Борисовне16; детей не имеет. Жена вероисповедания православного.

Примечания

Публикуется по рукописи, хранящейся в Отделе рукописных фондов ГЛМ (ф. 196, оп. 1, РОФ 5083).

1 Полного курса медицинского факультета Леонтьев не окончил. Началась Крымская война, и он, как изъявивший желание поступить на военно-медицинскую службу, не дослушав 5-го курса, получил назначение в полк.

2 В то время Леонтьев страдал болезнью легких.

3 Служба оставлена с намерением посвятить себя занятиям литературой. К этому времени написана комедия «Трудные дни», начата работа над романом «Подлипки».

4 Служа у Розен, Леонтьев завершает роман «Подлипки» (напечатан в «Отечественных Записках», 1861, кн. 9—11). Жизнь в имении нашла отражение в романе «В своем краю» («Отечественные Записки», 1864, кн. 5—7).

5 Леонтьев переезжает в Петербург и начинает профессиональную литературную деятельность.

6 19 июля 1861 г. Леонтьев вступает в брак с Елизаветой Павловной Политовой, дочерью торговца-грека, с которой познакомился в Феодосии в 1855 г. Необходимость содержать семью вынуждает его вновь поступить на государственную службу.

7 Переводчик с восточных языков при русских консульствах.

8 Город на острове Крит. Критские впечатления нашли воплощение в таких произведениях, как «Хризо» («Русский Вестник», кн. 7), «Хамид и Маноли» («Заря», кн. 11).

9 Греческое название города Эдирне в Турции. С острова Крит Леонтьев был отозван после ссоры с французским консулом Дерше (он оскорбительно отнесся к Леонтьеву как представителю России, и тот, возмутившись, ударил его хлыстом).

10 Город в Румынии. За время пребывания здесь Леонтьев опубликовал несколько корреспонденции в «Одесских Новостях» под псевдонимом Иван Руссопетов.

11 Город в Албании.

12 Город в Греции.

13 В июле 1871 г. в Солониках у Леонтьева случается острый приступ болезни, которую он принимает за холеру, и дает обет в случае благополучного исхода постричься в монахи. После выздоровления Леонтьев совершает паломничество на полуостров Афон в русский монастырь Св. Пантелеймона. В начале сентября он извещает посла, что по состоянию здоровья не может управлять консульством, и живет на Афоне почти год до августа 1872 г. Просит о тайном пострижении, но получает отказ ввиду своего положения должностного лица. Тогда Леонтьев принимает решение об отставке и, получив ее, продолжает жить в монастыре. Затем переселяется на остров Халки недалеко от Константинополя. Здесь в течение лета и осени 1873 г. работает над своим главным философским сочинением «Византизм и славянство». В Россию возвращается весной 1874 г., так и не приняв монашества. Поселяется в имении Кудиново. Вскоре впервые посещает Оптину пустынь, с ноября 1874 г. около полугода живет в качестве послушника (под именем брата Константина) в Николо-Угрешском монастыре.

14 В Московском цензурном комитете Леонтьев служит до февраля 1887 г., до ухода в отставку. Благодаря поддержке влиятельных лиц получает повышенную пенсию (2500 руб. в год), из них 1500 руб. были ему прибавлены за литературные сочинения. В мае 1887 г. он переезжает в Оптину пустынь, 22 августа 1891 г. принимает тайное пострижение под именем Климента. Вскоре переезжает на жительство в Сергиев Посад, где умирает от воспаления легких 12 ноября 1891 г. Похоронен на кладбище Черниговского монастыря близ Троице-Сергиевой лавры.

15 Жена Леонтьева страдала душевной болезнью, первые признаки которой появились в 1868 г.

16 Ошибка, жену Леонтьева звали Елизавета Павловна.

Публикация А. П. НИКОЛАЕВА

Материалы к биографии Вл. С. Соловьева

Шуцкая Е. Н. Письмо Лукьянову С. М., 30 ноября 1915 г.Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 415—418. — [Т.] II—III.

№ 13

Е. Н. Шуцкая141 — С. М. Лукьянову

1915 ноября 30

Москва

Милостивый государь Сергей Михайлович!

Очень извиняюсь, что до сих пор не ответила на Ваше письмо. Исполняя Ваше желание и просьбу Сергея Михайловича Соловьева142, я постараюсь поделиться с Вами моими воспоминаниями о Владимире Сергеевиче. К счастию, у меня сохранились дневник, мои письма того времени к моей матери143, где очень подробно описывались все наши встречи с ним и беседы, благодаря чему я вполне могу воспроизвести их, хотя с тех пор прошло уже более 35 лет.

Познакомилась я с Влад(имиром) Серг(еевичем) в 1879 г. в селе Дубровицах Подольского уезда у наших общих знакомых Поливановых144. Мы проводили лето около них на даче в Ивановском. Владим(ир) Сергеев(ич) часто приезжал туда вместе с другом своим — Львом Михайловичем Лопатиным145, чтобы отдохнуть в близкой ему семье, и на это время оставлял все свои занятия.

Нас собирался там большой кружок молодежи, устраивались спектакли, которые Влад(имир) Серг(еевич) охотно посещал и вообще принимал участие во всех наших затеях, как ни странно это казалось. Напр(имер), он очень любил играть в так называемый «зверинец». Выбирал себе роль самых диких зверей, и игра эта кончалась тем, что Влад(имир) Серг(еевич) разражался таким неудержимым, ему одному свойственным, смехом. Поднимался такой шум, что прибегали старшие узнать, что случилось. Мы все очень гордились его участием в наших затеях.

Зимой того же года я продолжала встречаться с Влад(имиром) Серг(еевичам) в доме моей тетки П. Н. Венкстерн146 (проживавшей на Старой Конюшенной), у которой я тогда гостила. В то время у нас основался кружок любителей, ставивших пьесы Шекспира, который вскоре завоевал себе некоторую известность в Москве под названием Шекспировского кружка. Руководителями его были Лев Иванов(ич) Поливанов, Р. М. Павлов и С. А. Юрьев147.

Влад(имир) Серг(еевич) относился с большим интересом к Шекспир(овскому) кружку, любил бывать на репетициях и вместе с нами волновался на представлениях. Мне пришлось играть в «Гамлете» роль Офелии148. Кроме того, у нас ставились пьесы и совсем другого характера: юмористические сочинения наших братьев и их товарищей, в которых Вл(адимир) Серг(еевич) тоже участвовал как автор. Напр(имер), в «Альсиме»149. Вл(адимир) Серг(еевич) сам в них не играл, но не пропускал ни одного представления, садился всегда в первом ряду и подбадривал актеров, начиная в смешных местах громко смеяться своим характерным смехом, заражая им и остальную публику. Мы уже заранее радовались, когда Влад(имир) Серг(еевич) являлся на эти представления, зная, что наверно успех их был обеспечен.

У нас часто устраивались танцевальные вечера. Влад(имир) Серг(еевич). сам никогда не танцевавший, очень любил смотреть на нас — молодежь, причем его любимой позой было стоять, прислонившись к двери кабинета, скрестив руки, и смотреть на нас своими

необыкновенными глазами, с доброй, снисходительной улыбкой на устах. Он часто делал свои наблюдения и потом сообщал их нам.

Иногда все-таки Владим(ир) Серг(еевич) поражал нас своими странными выходками. Помню, как однажды мы возвращались целой компанией молодежи от одних знакомых. Вечер был чудный, и мы решили идти пешком. Влад(имир) Серг(еевич) шагал рядом своими длинными ногами. Вдруг мы видим, что он сходит с тротуара, подходит к извозчику и высыпает ему всю мелочь из своих карманов со словами: «Вот тебе, голубчик. Только, ради бога, не приставай ты к нам. Видишь, какая чудная ночь!» Много мы тогда шутили и смеялись над этой выходкой.

В то время Соловьев начал уделять мне особенное внимание, стал искать постоянных встреч со мной, ездить даже на коньки к Фомину, где мы катались, мерз, простужался и все-таки ездил. Когда мы собрались на так называемый «бал маркиз» в Благородном собрании 27-го декабря, он просил позволения приехать посмотреть на наши туалеты. Все это было так несвойственно Вл(адимиру) Серг(еевичу), что обратило общее внимание, и молодежь не преминула начать меня дразнить, говоря, что я «покорила философию нашего века».

Тогда же Вл(адимир) Серг(еевич) задумал вдруг писать светский роман и приходил советоваться

со мной относительно своей героини. Однажды он ужасно насмешил, прося описать ему дорожный туалет молодой дамы, чтобы это было comme il faut* и чтобы непременно было что-нибудь розовое в голове, и остался очень доволен, когда я ему описала такой туалет. Кажется, роман этот никогда не был докончен.

Мне очень льстило внимание Влад(имира) Серг(еевича). Я гордилась тем, что он находит удовольствие в беседах со мной, но, будучи еще очень молоденькой девушкой, я не придавала его ухаживанию особенного значения. Все мы были как-то немножно заинтересованы друг другом, и поэтому я была страшно поражена и огорчена, когда в январе той же зимы, уже в 1880 г., Влад(имир) Серг(еевич) сделал мне предложение.

Вот так я описала это своей матери:

«В день моего рождения, 16-го января, Соловьев сделал мне предложение. Я замечала уже давно, что он немного ухаживает за мной, но никак не ожидала такого окончания! 16-го на вечере он был очень грустен и расстроен; несколько раз подходил ко мне, начинал говорить, но кто-нибудь всегда мешал. Наконец, во время мазурки он мне сказал, что, вероятно, не успеет мне объяснить свою просьбу, но чтобы я после его ухода взяла книгу, котор(ая) лежит на столе в кабинете моего двоюродного брата, и прочла бы подчеркнутое место на 150-й странице. Это было уже четыре часа утра, так что мне недолго пришлось ждать. Оказалось, что это были стихи Гейне, а подчернутое место: «Sei mein Weib, sei mein Herz dein Vaterland und Vaterhaus» (Будь моей женой, да и будет мое сердце твоей родиной и отечеством)150. Как мне жаль, что он это сделал! Я перед ним преклоняюсь, как перед гением, считаю его хорошим человеком, но никогда не думала быть его женой: есть в нем много черт мне несимпатичных, много странностей, иногда он бывает очень резок и нервен, а главное — я не люблю его. Но как тяжело мне его огорчить! Благослови меня, милая мама. Дай бог, чтобы я сумела ему так сказать, чтобы это его не обидело и не огорчило».

Через несколько дней Соловьев к нам приехал за ответом. Вот что я писала матери:

«Вчера я решительно отказала Соловьеву. До этого вторника он все хворал, и первый его выход был к нам, хотя он еще не совсем поправился. Не могу описать тебе, до чего мне было тяжело! Он все время подходил ко мне, но я долго не решалась заговорить. Наконец, видя, что надо решиться, я остановилась посреди залы, и тут у нас произошло объяснение. Он спросил меня, вполне ли я поняла, что было подчеркнуто в книге? Я ответила — «да», т. е. что поняла, и обратилась к нему, чтобы сказать «нет», но была до того взволнована, что у меня недостало голоса, и я только могла пошевелить губами. Соловьев сам был ужасно расстроен, но хотел все-

таки дать мне успокоиться. Помолчав немного, он опять спросил: «Вы ведь поняли, что я этим хотел сказать! Другими словами, я делаю Вам предложение. Согласны Вы или нет?» Собравшись с силами, я ответила только «нет», не прибавляя ничего. Он тоже ничего не сказал, и мы молча простояли несколько минут, не решаясь взглянуть др(уг) на друга, и потом разошлись в разные стороны. Мне до того было жалко Соловьева, что, кажется, чтобы утешить его, я даже вышла бы за него. Такое у него было страдальческое лицо».

После этого мы некоторое время не виделись с Влад(имиром) Серг(еевичем), но в феврале 1880 г. опять с ним встретились на вечере у П(авловы)х151. Вот что я писала матери об этой встрече:

«На вечере у П(авловых) у нас с Соловьевым был разговор, после которого мне стало легко и весело на душе. В начале вечера он был чрезвычайно мрачен, но потом улучил минутку, когда я осталась одна, и сказал, что ему надо поговорить со мной. Я так и чувствовала, о чем он заговорит, и действительно угадала. Он спросил меня, должен ли он считать мой отказ моим последним словом или это может перемениться? Я сказала ему, что ответила «нет» потому, что не чувствую в себе той любви, которая одна может заставить меня переменить решение, что я глубоко уважаю его, но думаю, что он бы сам был недоволен, если бы я ответила ему «да», не имея этого чувства. Он тогда спросил, может ли оно явиться со временем и согласился сам со мной, что на это я не могу ответить, т. к. по желанию нельзя ни полюбить, ни разлюбить человека. Ему, кажется, очень понравилось, что я с ним так доверительно поговорила, и он мне это даже выразил: «Не всякая женщина могла бы так правдиво и откровенно ответить. Я никогда этого не забуду и искренно Вас за это благодарю. Я сделал ошибку, заговорив слишком рано о своем чувстве». Я еще сказала, что лучше, что так все кончилось: слишком мы разные люди, разные у нас вкусы и взгляды. «Неужели Вы думаете, что я стал бы Вас стеснять? Я понимаю молодость!»

После этого разговора он стал очень весел, и мы расстались друзьями. Хотя я ему не дала никакой надежды, но боюсь, что она у него осталась».

Вскоре я уехала из Москвы и все лето не видалась с Влад(имиром) Серг(еевичем). Осенью 1880 г. мы опять встретились, и у нас установились самые дружеские отношения. Мы даже ездили целой компанией вместе с ним и его другом Львом Мих(айловичем) Лопатиным к Троице. Посетили там схимника Варнаву152, который долго беседовал с Соловьевым и на прощание ему сказал: «Будешь ты большим князем!» Вероятно, предрекая его мировую известность.

После этого мы опять долго не видались с Влад(имиром) Сергеевичем, но добрые отношения у нас сохранились навсегда, и даже после моего замужества он несколько раз бывал у меня в доме. Последние годы его жизни мне не приходилось с ним встречаться, хотя я имела постоянные сведения о нем через Л. М. Лопатина.

Вот, милостивый государь, мои воспоминания о В. С. Соловьеве, которые я могу предоставить в Ваше распоряжение. Писем Владимира Сергеевича у меня не было.

Примите уверения в совершенном почтении

Е. Шуцкая (урожд. Клименко).

P. S. Буду очень благодарна, если Вы известите меня о получении этого письма.

Гиацинтов В. Е. Письмо Лукьянову С. М., 11 октября 1915 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 415. — [Т.] II—III.

№ 12

В. Е. Гиацинтов — С. М. Лукьянову

1915 октября 11

Глубокоуважаемый Сергей Михайлович!

Насколько я могу припомнить, первое представление «Альсима» состоялось весною 1878 года. Зимою того же года он был поставлен у С. М. Соловьева. Третий же акт написан был, должно быть, в 1879 г. Время, когда В(ладимир) С(ергеевич) особенно близко стоял к Шекспировскому кружку, определяется приблизительно 1877—1883 гг. Текст «Альсима» я предоставляю в полное Ваше распоряжение, а рукопись прошу принять в знак искреннего моего к Вам уважения и преданности.

В. Гиацинтов.

Оболенский А.Д. Письмо Лукьянову С. М., 20 июля 1920 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 412—413. — [Т.] II—III.

№ 9

А. Д. Оболенский — С. М. Лукьянову

1920 июля 20

Многоуважаемый Сергей Михайлович!

Во-1-х, благодарю Вас за письмо. Во-2-х, А. М. Лопатин127, коему я сообщил Ваш адрес, обещает Вам написать непосредственно (вероятно, уже написал) касательно бумаг его покойного брата. Он же собирался сообщить Вам кое-что из своих воспоминаний о Соловьеве. В-3-х, все это время жена моя болела сильнейшей дизентерией, до сих пор еще далеко не окончившейся ввиду весьма подлых осложнений в кишках, почему я Вам так долго не отвечал, будучи в значительной степени истомлен и издерган. Сегодня ей немного лучше, и дух мой понемножечку водворяется на место, не мешая обычному ходу мыслей. Этот обычный ход мыслей и позволяет мне ответить на важнейшие пункты Вашего письма.

А именно. Насчет отца Амвросия128 скажу Вам, что он был монахом строгой жизни и привлекал сердца всегда радостным и любовным отношением, как и подобает истинному старцу. По части книг и литературы (не исключительно духовно-богословской) судил с чужих слов и не придавал светскому писанию особого значения. Прямая противоположность тем стихам Ростана129, что Вы мне привели. Для отца Амвросия надо бы написать прямо обратное. Напр(имер), так:

Все было так полно разнообразием картин,

Везде был Бог, во всем, в раздельности — един;

Его вдыхали мы, его мы созерцали

И прямо бытие из книг воспринимали.

Но если отец Амвросий и воспринимал вообще непосредственно бытие, то бытие Соловьева он воспринимал гл(авным) образом через посредство К. Леонтьева130, т. к. во время пребывания Соловьева в Оптиной (пустыни)131 виделся с ним мало. Соловьев, насколько мне известно, интересовался помимо прочего гл(авным) обр(азом) скитской библиотекой, где разбирал книги и занимался. Имя же Соловьева стало особенно известным в кругах людей церковных после статей в «Руси» и полемики со Стояновым132. Его стали считать изменником православия

в «Руси» и полемики со Столыпиным192. Его стали считать изменником православия, предавшимся латинству, и пр(очую) хорошо Вам известную чепуху городили про него. К. Леонтьев все говорил: «Зачем Соловьев предрешает формы? Почему в Рим и папа, а не в Константинополь и патриарх?» Все это говорилось отцу Амвросию, а т. к. он сам едва ли что-либо читал из писаний С(оловьев)а, то и не мог отозваться о С(оловьеве) одобрительно.

Вот и все, что мне известно об этом. Не знаю, почему Вам совестно спросить касательно свертка. Скорей мне должно быть совестно сказать, что я его никогда не получал обратно. Но и это мне не совестно, ибо смело могу Вам сказать: да не смущается сердце Ваше, сверток стал нам совершенно и окончательно не нужен и его присутствие или отсутствие ни малейшего влияния не окажет и не может оказать на степень нашего благополучия. Посему будем считать que L'incident est exclu*.

Простите меня за бестолковое письмо. Пишу сидя около больной жены. Притом же 4 ч(аса) утра.

Сердечно преданный Вам

А. Оболенский.

Оболенский А.Д. Письмо Лукьянову С. М., 15 ноября 1916 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 412. — [Т.] II—III.

№ 8

А. Д. Оболенский124 — С. М. Лукьянову

1916 ноября 15

Многоуважаемый Сергей Михайлович!

Спасибо за XI и XII главы125. Весьма интересно. Вся эпоха, люди, нравы и обычаи — все как на ладони. Схвативший с философского кондачка соловьевскую философию Евг. Трубецкой в Вашем удивительном труде получит надлежащее опровержение. Он, Трубецкой, по своему самомнению едва ли это оценит, но всякий посторонний поймет, что, дабы приблизиться не только к личности, но и к взглядам Соловьева, надо читать не Трубецкого, а Ваши «матерьялы»126.

Искр(енне) преданный

А. Оболенский.

Гриневская И. А. Воспоминания о Вл. С. Соловьеве // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 407—411. — [Т.] II—III.

№ 6.

И. А. Гриневская107

Воспоминания о Вл. С. Соловьеве

Что я помню о Владимире Соловьеве? Так мало, что казалось бы, строки эти не могут ничего прибавить к образу этого человека, запечатленного в умах его современников. Строки эти покажут только лишний раз то, что некие люди не своими творениями даже, но одним своим существованием рассеивают лучи своей горячей души во все стороны, в самые отдаленные углы, западают и в самые простые сердца, навсегда приковывают к себе и вечно светят им. Всего одна

встреча! Как ее описать? Она была так же мимолетна, как утренний луч, упавший на каплю росы в глубоком овраге.

До того как мне пришлось видеть его, я слыхала, конечно, о нем, хотя и мало читала. Все говорили тогда о Владимире Соловьеве, все знали о нем, даже и то большинство, которое совсем не было знакомо с его сочинениями, как это водится у нас. У нас знают о великом человеке-писателе большей частью все, кроме его творений. Слава человека у нас — слава его имени и больше ничего. Относительно этого философа и я была почти в числе этого большинства. Я знала больше о нем самом, нежели о его философии. Я слыхала о нем, но никогда не видала его. Раз только шедший со мной знакомый указал мне на севшего на извозчика господина в фетровой мягкой шляпе с большими полями, из-под которых выбивались волнистые, темные с проседью волосы, в широком плаще, по-тогдашнему — «разлетайке», и сказал: «Это — Владимир Соловьев». Возница быстро его увез. Шляпа была глубоко нахлобучена на лоб, и поля ее закрывали всю верхнюю часть лица, и в моей памяти остался только оригинальный силуэт нашего философа. Не раз видала я его портреты. Как все, и я восхищалась этим не от мира сего лицом с удивительными глазами. Впервые я увидала его в редакции «Вестника Европы», куда я по совету одного из моих товарищей108 отнесла одно из первых моих стихотворений, а именно: вольный перевод отрывка из Гауптмана. Привожу эту пьесу:
Кто безмятежно наслажденье

Из чаши жизни жадно пьет,

Кто мысли всякое движенье

Мишурной красоте несет,

Чей взор не орошен слезою

При виде горести чужой,

Чья грудь под страшною грозою

Чужой беды хранит покой,

Кому жестокие страданья

Далеких, близких и родных

Не омрачают час свиданья,

Не нарушают грез ночных —

Тому созвездий мириады

Должны укорами сиять,

И небеса сквозь туч громады

Зловещий отблеск посылать!

Из чаши жизни опостылой

Тот должен горький яд испить

И в сердце друга, в сердце милой

Змею измену находить.109

Змею-измену находить[109].

Я отправилась в редакцию журнала, не имея понятия о ее составе. Знала только, что издателем-редактором «Вестника Европы» был Стасюлевич, которого никогда не видала.

Меня пригласил старый, сухощавый господин с седыми, коротко остриженными волосами и короткой седой бородой. Как я узнала потом, это и был Стасюлевич. Он указал мне на диван в углу стола, прося сесть, и стоя начал читать мое стихотворение. Направо, недалеко от окна, за письменным столом, нагнувшись над бумагами, сидел человек. В то время как принявший меня господин читал мой листок, тот поднял голову в мою сторону и два раза взглянул на меня. Всякого бы поразило это изжелта-бледное лицо с широким, правильно очерченным лбом, обрамленным длинными волнистыми с проседью волосами и с волнистой раздвоенной бородой. Но что поражало больше всего в этом лице, так это были глаза, которые трудно описать, глаза, как бы глядевшие из иного мира в далекий нездешний мир. «Кто это?» — подумала я. Мне и в голову не приходило, что это тот же, которого я мельком видала садившимся на извозчика, что это тот же, которого я видала на портретах, что это — знаменитый Владимир Соловьев. Я несколько раз взглядывала на эту необычного вида фигуру, на это удивительное, как бы изнуренное мыслью и страданием лицо. — Хорошо, напечатаем, — сказал мне читавший мое

стихотворение господин.

Быть напечатанным в «Вестнике Европы» в то время, как я узнала потом, считалось большой победой для начинающего писателя, но я тогда, как и теперь, впрочем, была несведуща в деловой стороне литературной профессии и отнеслась к одобрению принявшего мое стихотворение без того восторга, который мог бы охватить новичка в таком случае. Ушла полная странного, необычного, какого-то особенного впечатления, вынесенного из редакции видом неизвестного, незнакомого человека.

Не помню, через сколько времени получаю письмо с приложением моего стихотворения. В нем две-три строчки оказались подчеркнутыми редакторским карандашом, а в письме было сказано приблизительно, что требуются поправки и спрашивалось разрешение их сделать. Письмо кончалось подписью: «Владимир Соловьев». Письмо это навело меня на мысль, что сидящий в глубине комнаты редакции «Вестника Европы» был известный Владимир Соловьев. Тут только в моем воспоминании всплыли его изображения на портретах. Сравнив их с оригиналом, я поняла, почему я его не узнала. Была такая же разница, как изображение солнца на плохой картине с действительностью. На портретах этого человека все же есть и что-то материальное в лице его и в фигуре, а тут в действительности он мне казался существом, сотканным из тумана и лучей. Впоследствии я слабо изобразила его в стихотворении «Три пути», слив его наружный образ и отчасти духовный, как он представлялся мне в идеале, с образом Христа и лица, смутно еще грезившегося мне и которое впоследствии нашло свое воплощение в «Бабе»[110].

Некоторые места стихотворения поправила сама и отослала его по адресу вместе с «разрешением сделать нужные исправления». На это получила следующий ответ, на днях найденный в моем архиве:

«Милостивая государыня Изабелла Аркадьевна!

Стихотворение Ваше, мною поправленное, передано третьего дня в редакцию, а вчера, как я узнал от редактора, уже отправлено в типографию для печатания в ближайшей октябрьской книжке журнала.

Мои поправки, пометы, кажется, были многочисленны, но менее радикальны, чем Ваши. Так, например, «милой» и «друг» у меня не слились воедино, как у Вас, а остались в своей первоначальной раздельности.

С совершенным почтением Влад. Соловьев. 18 сент. (18) 98 (г.)»[111]. Через некоторое время

после того как это стихотворение было напечатано, я вновь послала в редакцию «Вестника Европы» новое стихотворение — «Гений слова»112. И вот снова получаю письмо от самого Владимира Соловьева, в котором он пишет, что одобряет все стихотворение, но не согласен с одной строфой, а в чем дело, я могла бы узнать, выслушав его предстоящую лекцию о Лермонтове или же по брошюре его о Пушкине.

Я пошла на эту лекцию в Соляной городок. Вся большая аудитория была переполнена, главным образом, молодежью, большая половина которой составляли девушки, расположившиеся в проходах прямо на полу и облепившие венком даже края кафедры. Я пришла поздно и должна была стоять почти в конце зала. Я плохо видела лектора: отчасти по моей близорукости, отчасти потому, что он, кажется, читал, уткнувшись в рукопись. Я видела лишь силуэт прекрасной головы, склоненной вниз. Мне помнится, что лектор не стоял, а сидел. Старалась прислушиваться к его словам, что было очень трудно, и вследствие отдаленного расстояния моего места от кафедры и вследствие досадного шушуканья вокруг и даже подчас полугромкого разговора «слушателей», которых приходилось то и дело водворять в пределы приличия. Таковы наши аудитории на лекциях даже прославленных и любимых профессоров! Я, однако, уловила то, что могло вызвать протест против одной строфы в моем стихотворении со стороны философа-моралиста, требовавшего на этой лекции от писателя еще большего, чем от

обывателя, следования по путям общечеловеческой этики и божественных запретов. После лекции все кинулись к кафедре, окружили ее и лектора со всех сторон, очевидно, закидывая его вопросами. Я осталась, по робости перед выдающимся лицом и нерешительности, на месте.

В душе моей глубоко запали на всю жизнь слова лектора. Они согласовались со зревшими и во мне представлениями об образе писателя, особенно поэта, носителем и в жизни высоких идеалов, направляясь к которым совершенствуется человечество и вместе с тем обретает возможное счастье. Под влиянием услышанного, утвердилось навсегда это мое представление; я исправила стихотворение и отправила его с прислугой на квартиру философу в письме, в котором (не помню в каких выражениях) пишу, что брошюру о Пушкине еще не имею, на лекции была и, поняв ее суть и, следовательно, в чем моя ошибка, исправила стихотворение.

— Ну, что? — спросила я с нетерпением у посланной. — Почему так долго?

— А то, что пришлось ждать. Дворник, когда я спросила, где квартира барина, сказал, что он еще не встал, когда встанет, он откроет форточку: «Видишь, форточка закрыта». (Это было в утренние часы.) Когда открылась форточка, я поднялась на лестницу, а там женщина сидит. Говорит: «Не звони, барин сам откроет. Прихожу самовар ставить, печку топить». Пришлось обождать. Открыл двери барин, и мы вошли. Я подала письмо, а он мне, подождите, говорит, и так вежливо, и стул вынес из комнаты. И всего-то, кажется, два стула и было свободных. Везде, гляжу, в комнате навалено книг и бумаг, даже на полу. Мне из передней все видно — дверь открытой осталась. То же в передней. Один крюк вколочен. На нем его пальто висит, а на выступе русской печки — шапка. Такой, думаю, барин и так по-простому живет. Посидела-таки порядочно, пока он писал чего-то, потом вынес письмо, просил кланяться и сам выпустил меня.

— Какой барин! Какой барин! — повторяла она с восторгом.

Прислуга эта моя живет у меня до сих пор и привыкла уже и тогда к вежливому обращению моих знакомых. Груды книг и бумаг, «наваленных» повсюду, она видала тоже у многих, а все же она и до сих пор, когда я спрашиваю ее о Влад(имире) Соловьеве, неизменно повторяет в восхищении: «Какой барин!», не отдавая себе отчета, в чем состояла особенность этого исключительного человека.

В письме было сказано, что стихотворение в новом виде удовлетворило его и что брошюру о Пушкине привезет мне сам. Через некоторое время, однако, получила из редакции мое стихотворение обратно вместе с письмом от Владимира Сергеевича, в котором он пишет, что «горячо рекомендовал» его редактору, но напрасно.

После этого прошло немного времени. Узнала, что он заболел. Это было до его последней поездки в Москву. Желая иметь брошюру о Пушкине, которую он так любезно обещал мне привезти, ввиду его болезни послала сама за ней с соответствующим письмом, в котором спрашивала о его здоровии. В ответ получила брошюру с его автографом на обложке: «На добрую память». И все! Всего одна встреча, во время которой мы не обменялись ни одним словом и даже ничего не знали друг о друге. Но все же... Ведь несколько раз наши мысли вибрировали в унисон и где-то встречались в мировом пространстве, а его мысль и его личность глубоко запали мне в душу. Очевидно, и он несколько выделил меня из числа многих случайных аспирантов на сотрудничество в журнале «Вестник Европы». Сужу это и по словам его оригинального alter ego*.

Вот, как гром, покатилась весть о смерти этого необычного человека. Меня она не так поразила, как других. Мне он и без того казался жителем иного мира, быть может, именно потому, что мне не пришлось видеть его в обыденной обстановке. В утро, когда до меня дошла весть о смерти этого незабвенного философа, поэта и человека, я присутствовала на панихиде по поводу одной из годовщин смерти Якова Петровича Полонского114. В то время, как молились о давно умершем поэте, в моем уме под молитвенные напевы неотступно звучали две строфы о только

что угасшем Владимире Соловьеве, который предо мною мелькнул только на одно мгновение.

Вернувшись домой, записала их. Они напечатаны в «Неделе», а приняты так трагически покончившим свою жизнь Меньшиковым115.

Привожу это стихотворение:

Владимиру Соловьеву

Две звезды, мелькнув, погасли

В темно-синих небесах.

Две звезды волшебным светом

Вмиг зажглись в твоих глазах.

***

Ах, когда навек погаснул

Ясный свет в твоих глазах —

Две звезды зажглися снова

Там, в далеких небесах116.

И в мысли его, (нрзб.) и в глазах, как я вижу теперь, было что-то звездное, что будет долго еще светить людям в суровые темные ночи и не даст им заблудиться.

(1919)

Кони А. Ф. Письмо Лукьянову С. М., 11 февраля 1917 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 407. — [Т.] II—III.

№ 5

А. Ф. Кони — С. М. Лукьянову

(1917) февраля 11.

Глубокоуважаемый Сергей Михайлович!

Я не только не поправился от инфлуэнцы, но она вдруг очень обострилась, и я сильно страдаю. Тем не менее я взял ящик с документами Абазы (я ее склонял) и нашел пакет с надписью: «Письма С. М.* Соловьева», но по вскрытии его, к удивлению моему, нашел лишь одно прилагаемое и незначительное письмо104.

Если Вы коснетесь участия Соловьева в «Вестнике Европы», я могу Вам дать письмо (и, кажется, даже два) его ко мне и переписать надписи его на поднесенных мне книгах105.

Боюсь, могу ли быть в Гос(ударственном) совете во вторник106. Извините за почерк: лежу в постели.

Ваш А. Кони.

Лукьянов С. М. Запись беседы с Э. Л. Радловым // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 418—420. — [Т.] II—III.

№ 14

С. М. Лукьянов

Запись беседы с Э. Л. Радловым153

1-го сентября 1922 г. Эрнест Львович Радлов про свою поездку с Соловьевым в Каир рассказывал мне приблизительно так.

Поездка наша состоялась весною 1898 г.154. Мой брат, Отто Львович Радлов, занимал тогда должность директора Русского общества пароходства и торговли и проживал в Одессе. Благодаря его содействию мы могли совершить плавание от Одессы до Александрии и обратно на льготных условиях: я получил даровый билет, а для Соловьева была сделана значительная скидка. Нормальная плата — 200 р(уб). Таких денег у нас не было. Мы условились с Соловьевым съехаться в Одессе.

Я остановился у брата, а Соловьев — в гостинице. В Одессе мы провели только один вечер. Тут нас посетил профессор Новороссийского университета Ланге155, представитель кафедры философии. Ланге любил подсмеяться над людьми. В качестве позитивиста он стал слегка подтрунивать над мистицизмом Соловьева. Тогда Соловьев сказал: «Ну, хорошо. Скажите, однако, что дала ваша позитивная философия?» В ответ Ланге нашелся указать только на законы Вебера—Фехнера156, да еще на какие-то мелочи.

Пароход, на который мы перебрались, был старый, но помещение нам отвели отличное. В Константинополе пароход простоял, кажется, два дня. Мы посетили, между прочим, русское посольство. Наш посол Зиновьев157 хотел пригласить нас к обеду, но дело это почему-то расстроилось. Такая неудача нас лишь обрадовала, ибо мы не захватили в дорогу ни фраков, ни других принадлежностей парадного одеяния.

У Соловьева был в посольстве знакомый — князь Георгий* Николаевич Трубецкой, а у меня — Шебунин, женатый на дочери Василия Дмитриевича Смирнова. Шебунин состоял секретарем посольства158. Виделись мы в Константинополе и с Федором Ивановичем Успенским159, который угощал нас обедом. Один вечер провели в семействе Иванова — агента Русского

общества пароходства и торговли.

В Афинах пароход простоял гораздо дольше, чем бы следовало, по причине досадной случайности: при выходе из Пирейской бухты он приткнулся к берегу, и потом русские военные суда стаскивали его канатами в течение 12 часов. В Афинах мы ни у кого не были, ибо нельзя было отлучиться с парохода.

Вследствие опоздания с отбытием из Афин мы попали на остров Крит не ночью, как полагалось, а днем. Здесь адмирал Скрыдлов160 пригласил «выдающихся пассажиров», как выражался наш капитан, к завтраку. Таких «выдающихся пассажиров» оказалось всего трое: капитан да мы двое. Скрыдлов прислал за нами шлюпку с десятком матросов, и за переправу в несколько саженей Соловьев «отвалил» им золотой. За завтраком на адмиральском судне играл целый оркестр, а через зеркальные окна можно было любоваться превосходным видом на критский пейзаж.

В числе завтракающих оказался и капитан Елец161 прибывший на Крит раньше. С тем же пароходом, что и мы, он направился затем в Александрию. Не задерживаясь в этом городе, мы с Соловьевым тотчас же переехали в Каир, где и водворились в Schepeard's Hotel. Сезон уже кончился, и отель был довольно пуст. Елец остановился в другой гостинице. Соловьев, знавший

Египет еще по первой своей заграничной поездке162, познакомил меня с замечательнейшими мечетями в Каире, с Булакским музеем, с Гелиополисом163 и с страусовой фермой. В музее и на ферме он купил несколько вещей для подарков. Всего мы пробыли в Каире четыре дня. Один из этих дней был посвящен прогулке к пирамидам. В этой прогулке нас сопровождал Елец. Ехали мы в ландо. Елец расположился на козлах, впрочем, в издержках он не участвовал, а стоило это удовольствие 60 р(уб.). Соловьев и Елец были втащены арабами на вершину Хеопсовой пирамиды, а я предпочел спокойно сидеть в коляске. Соловьев приказал подать бутылку шампанского, которую он и распил вместе с Ельцом к великому удовольствию сего последнего. Шампанское было передано на пирамиду из какого-то заведения по соседству. Перед восхождением Соловьев передал мне на всякий случай свой бумажник с документами и деньгами. Когда он спустился на землю, я невольно обратил внимание на его лицо. Все жилы были сильно вздуты, да и весь-то он представлялся до крайности ослабленным и истощенным. Без сомнения, было ошибкой, что он туда полез. Соловьев и Елец тут же снялись у фотографа; не помню уже, в стоячем ли положении или сидя на верблюдах. Елец дал фотографу свой петербургский адрес, а Соловьев уплатил деньги. Потом Соловьев очень досадовал, что фотографического снимка он, однако, не получил.

О встрече с Соловьевым Елец напечатал впоследствии в одной газете свои воспоминания, но большою точностью они не отличаются164. В одной каюте с Соловьевым он не путешествовал, никаких мудрых бесед с ним не вел. Вообще, наш случайный спутник особой симпатии нам не внушал.

Соловьев и я завтракали и обедали в Schepeard's Hotel'e. Являлись мы в скромных пиджаках, чем смущали, вероятно, чопорных англичан, облеченных во фраки. Зато Соловьев давал арапу-слуге «на чай» по меджидке165. Вернулись мы домой без копейки денег, а было на поездку у меня 600 р(уб.), у Соловьева же несколько больше — рублей 800. Расходы мы делили пополам; главный расход — «на чай».

Из Каира я выехал в Александрию в одиночестве и ночевал там на пароходе. Соловьев остался в Каире с английским резидентом в клубе. Пароход должен был отбыть из Александрии рано утром, а Соловьева все нет. Я начал было уже беспокоиться, но за каких-нибудь десять минут до отчаливания появился наконец и Соловьев. Елец был тут же. И на обратном пути мы были обставлены всевозможными удобствами, Соловьев был в «разлетайке», которую он купил еще на прямом пути в Константинополе за 25 фр(анков) и в которой он щеголял потом очень охотно и в России. Дорогой случилась маленькая беда: ветер сорвал с головы Соловьева его соломенную шляпу, погибшую в море.

В Смирне пароход стоял часа четыре. Соловьев ограничился посещением какого-то Георгиевского монастыря по соседству с этим городом. Первоначально он предполагал проехать из Смирны в Иерусалим, но за истощением денежных средств от этого предположения пришлось отказаться. В Константинополе я угощал обедом на пароходе драгомана Мандельштама, доктора международного права166, а Соловьев был в это время у князя Г. Н. Трубецкого, который должен был дать ему какие-то поручения.

По возвращении в Одессу, Соловьев отправился в Москву, а я — в Петербург. В мае месяце, водворившись снова в Hotel d'Angleterre в Петербурге. Соловьев счел нужным отблагодарить моего брата за его любезность: к обеду в гостинице были приглашены мой брат, его жена и я. На столе был любимый Соловьевым Asmannshausen.

Все наше путешествие продолжалось около трех недель. Это было даже не столько путешествие, сколько просто приятная прогулка, partie de plaisir*. Погода нам благоприятствовала. Хотя в Каире сезон уже считался законченным, но знойно не было, так как дули северные ветры. В Эгейском море мы наслаждались чудными громадными звездами. В прямой путь Соловьев сочинял стихи, которые тут же и читал мне. Помню «Мимо Троады», «Das Ewig Weibliche»167. Соловьев спрашивал, посылать ли эти стихи для напечатания? Я отвечал: «Платят деньги, так посылай». Днем мы нередко играли на пароходе в шахматы.

В Одессе на обратном пути потребовался таможенный досмотр. Чиновник, приставленный к этому делу, узнал Соловьева и воскликнул: «Ах, Владимир Сергеевич!» О досмотре наших вещей не было и речи.

В 1900 г., в год смерти Соловьева, мы жили летом в Сайме, близ Выборга. Соловьев должен был приехать туда по возвращении из Москвы. В ночь с 29-го на 30-е июля, или в ночь с 28-го на 29-ое, мне приснилось, что ко мне вошла наша кухарка Анисья, которая в ту пору служила у нас (а всего она прожила у нас 25 лет), и сообщает мне, что Соловьев заболел. Затем вижу, будто Соловьев едет на извозчике. Его трясет лихорадка, и он ударяет одной рукой по колену. Все еще во сне говорю кухарке: «Ничего, он поправится». Утром принесли газеты, и я прочел в них известие, что Соловьев тяжело захворал. Про свой сон я рассказал домашним еще до получения газет. Впоследствии Н. В. Давыдов, спрошенный мною, сообщил мне, что вез Соловьева на извозчике в село Узкое и что Соловьев был в лихорадке168. Оказалось, таким образом, что сон и действительность на этот раз совпали.

Гиацинтов В. Е. Письмо Лукьянову С. М., октябрь 1915 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 414. — [Т.] II—III.

№ 11

В. Е. Гиацинтов — С. М. Лукьянову

(1915 октябрь)

Глубокоуважаемый Сергей Михайлович!

Препровождая Вам «Альсима»140 (почти в полном виде), приношу Вам искреннюю благодарность за присланные мне оттиски Вашего в великой степени интересного труда*, который для меня имеет тем большую цену, что я не только знал, но и очень любил Владимира Сергеевича, и по сие время считаю его личностью поистине гениальною.

Искренне уважающий Вас и всегда готовый к услугам

Ваш В. Гиацинтов.

Гиацинтов В. Е. Письмо Лукьянову С. М., 27 сентября 1915 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 413—414. — [Т.] II—III.

№ 10

В. Е. Гиацинтов133 — С. М. Лукьянову

1915 сентября 27

Милостивый государь Сергей Михайлович!

Вместе с этим письмом посылаю Вам печатавшиеся в «Московском еженедельнике» воспоминания о Шекспировском кружке А. А. Венкстерна, которые могут дать Вам ответ на интересующие Вас вопросы134. Обращаюсь к Вам только с покорнейшей просьбой вернуть мне их по миновании надобности, потому что достать теперь издание, в котором они печатались, едва ли возможно. Из этих воспоминаний Вы увидите, что непосредственного участия в деятельности кружка Владимир Сергеевич не принимал. Он был частым посетителем происходивших у Л. И. Поливанова135 собраний, так называемых шекспиристов, и с большинством из них находился в дружеских отношениях. Когда с параллельным публичным исполнением драм Шекспира члены кружка начали устраивать на частных квартирах шуточные спектакли, ставя на них пьесы своего собственного сочинения, Владимир Сергеевич, любитель и мастер хохотать, большой ценитель Козьмы Пруткова136 и, как известно, автор целого ряда произведений в пародийном духе, проявил к этим спектаклям самую горячую симпатию и всячески их поощрял.

Однажды А. А. Венкстерн и я написали в высшей степени нелепую пьесу «Альсим или торжество инфернальных сил. Сон студента после 12-го января». Владимир Сергеевич, пленившись именно ее нелепостью, решил поставить ее у себя в доме, т. е. в доме бывшего еще тогда в живых самого Сергея Михайловича Соловьева137. Причем, желая обставить свою антрепризу по возможности торжественно, пригласил на представление цвет московской профессуры. Отправляясь на это представление в виде странствующих актеров с узлами, в которых находились костюмы и бутафория, мы, несмотря на шуточный характер представления, не могли подавить в себе волнения, которое вызвал у нас состав зрителей. Но В(ладимир) С(ергеевич) прибег к сильной мере. Вопреки обычному порядку, спектакль не закончился, а начался ужином, и этот прием возымел желаемое действие. Пьеса прошла с выдающимся успехом, которому немало способствовал раздававшийся в нужных местах неистовый хохот самого антрепренера.

Но этим внимание Вл(адимира) С(ергеевича) к пьесе, поставленной в доме Сергея Михайловича, не ограничилось. Вскоре затем он представил нам написанный им самим замечательный по своим литературным достоинствам к ней акт, в котором изображалось развитие страсти главного героя138. И в последующие разы, когда давался наш «Альсим», он шел уже с этим дополнительным актом.

Постараюсь в самом непродолжительном времени доставить Вам эту пьесу или по крайней мере выдержки из нее. Что касается «Тезея», «Разбойников» и «Жестокого барона», то две первые пьесы написаны теми же авторами, что и первая редакция «Альсима», т. е. А. А. Венкстерном и мною, третья — одним мною139. В(ладимир) С(ергеевич) участия в написании их не принимал и только способствовал успеху их исполнения, находясь в публике.

Примите уверение в моем совершенном уважении и преданности. Готовый к услугам

В. Гиацинтов.

Мамонова Е. К. Письмо Лукьянову С. М., май 1916 г. Москва // Российский Архив: История

Мамонова Е. К. Письмо Лукьянову С. М., май 1916 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 411—412. — [Т.] II—III.

№ 7

Е. К. Мамонова117 — С. М. Лукьянову

(Москва) (1916 мая)

Владимир Сергеевич познакомился с семьей Самариных в начале (18) 70-х годов через своего друга графа Федора Львовича Соллогуба118 и бывал у него на Б(олшой) Ордынке в доме его матери — графини М. Ф. Соллогуб (рожденной Самариной). Своею диссертацией119 он обратил на себя внимание Юрия Федоровича Самарина120, который пожелал с ним познакомиться. В то время Соловьев сочувствовал славянофилам, но и когда с ними порвал в конце (18) 80-х годов, он долгое время выделял из их среды Юрия Федоровича.

Зимой 1886—1887 годов Соловьев часто видался с Федором Дмитриевичем Самариным121, жившим в тот год в Москве. Фед(ор) Дм(итриевич) находился тогда под обаянием его личности,

его таланта, но разошелся с ним из-за его увлечения католицизмом. Когда Влад(имир) Соловьев напечатал ряд статей, полных резких несправедливых нападок на славянофилов вообще и на Юрия Федоровича в частности, Дмитрий Федорович Самарин написал в ответ статью под заглавием «Поборник вселенской правды»122. Под конец жизни взгляды Владимира Соловьева по отношению к Юрию Федоровичу несколько смягчились.

Весной 1899 года Вл. Соловьев провел некоторое время на юге Франции в Канне и часто видался там с Федором Дмитриевичем Самариным и его семьей и читал им первый, только что им тогда написанный, «Разговор» из «Трех разговоров»123.

Кони А. Ф. Письмо Лукьянову С. М., 27 мая 1915 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 406—407. — [Т.] II—III.

№ 4

А. Ф. Кони — С. М. Лукьянову

(1915) мая 27.

Глубокоуважаемый Сергей Михайлович!

В первую свободную от хлопот переезда95 минуту спешу очень поблагодарить Вас за присылку ко мне второй части Вашей статьи о В. С. Соловьеве. Читал ее с живейшим интересом. Вот как надо писать исчерпывающие биографии, соединив объективность историка, вдумчивость психолога и скальпель анатома. С нетерпением буду ждать продолжения. Какая разносторонняя и в то же время цельная натура был Вл(адимир) Серг(еевич)!

Но как было бы хорошо проследить, благодаря Вам, жизнь его и в зрелые годы! Может быть, и моя лекция о нем (напечатана в «Вестнике Европы») и воспоминания о «рыцаре круглого стола» дали бы некоторый для этого материал96. Вы часто говорите о его близости к кружку «Вестника Европы». Близость несомненная, но единения не было. Во многих отношениях он (как и Ваш покорнейший слуга) сохранял самостоятельность взглядов и то, что французы называют ligne de conduite*. У меня есть некоторые доказательства этого. Таков же был, в значительной степени. Кавелин.

Мне было отрадно узнать, что он увлекался Виктором Кузеном и считал Спинозу великим

мыслителем97. Я шел по тому же пути и на университетской скамье был прельщен изяществом мысли и слова в «Du Vrai, du Beau et du Bien»**. И Спиноза имел на меня огромное влияние (есть моя статья в «Вестнике Европы» — «Спиноза в русском переводе»98), пока я не познакомился с «Критикой практического разума» Канта99.

Очень по душе мне Ваши определения — простые и в то же время глубоко содержательные — тех путей, которые приводят «скитание мысли» (выражение, кажется, Хомякова100) в «слепые тупики, в затхлые закоулки, в темное и ожесточающее подполье, в засасывающую обыденщину»101. Я так люблю такие определения. Помните, у Пушкина определения совести: «докучный собеседник, нежданный гость, заимодавец лютый», или «товар запасливой торговли, пожитки бледной нищеты», или «повелительные грани» и т. д.102

Есть одно филологическое сомнение: стр. 75 — «...уже взрослым приплевшийся в М(осковский) у(ниверситет)...»103. Это от глагола «приплестись»? А можно ли сказать: «приплестись к чему-либо» в смысле «вплестись»?

Однако я Вас утомил. Надеюсь, что Вы здоровы и тоже проводите время как «воздушник» (так называют под Москвою дачников).

Душевно преданный

А. Кони.

Кони А. Ф. Письмо Лукьянову С. М., 18 марта 1915 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 405—406. — [Т.] II—III.

№ 3

А. Ф. Кони — С. М. Лукьянову

(1915) марта 1886

Глубокоуважаемый Сергей Михайлович!

Спешу принести Вам мою живейшую благодарность за Ваши «материалы к биографии Вл. С. Соловьева»87. Это целое «предварительное следствие», полноте и законченности которого мог бы позавидовать самый отличный юрист. Говоря о (смерти) О. М. Коваленской «вскоре после смерти мужа»88, имеете ли Вы в виду, что она не могла перенести (смерти) мужа и вслед за нею прибегла к самоубийству? Ее мать — Александра (кажется, Григорьевна) Коваленская89 была выдающаяся писательница для детей и очень интересная женщина. Она умерла в прошлом году или в 1913 г. Ее сын, Николай Михайлович К(оваленский), б(ыл) товарищем прокурора и затем членом палаты в Москве и обладал талантом в живописи90. Он был женат на дочери знаменитого Федора Лукича Морошкина — Наталье Федоровне91, у которой б(ыл) сын Михаил Николаевич (педагог, писатель и автор учебников по русской истории92) и две дочери. Замечательно, что под влиянием примера О. М. Соловьевой и восторженной любви к матери обе эти дочери тотчас после смерти последней отравились и едва были спасены. Их мать была замечательная музыкантша.

Снова проверяя свои воспоминания о Писемском93, я окончательно убеждаюсь, что в то время, когда его сын Павел (оставленный при университете по гражд(анскому) праву и впоследствии сошедший с ума94) был дружен по гимназии с В(ладимиром) С(оловьевым), Писемский жил уже не на Пресне, а в Нащокинском переулке.

Душевно Вам преданный

А. Кони

P. S. Заранее говорю Вам: Христос Воскрес.

Лукьянов С. М. Запись беседы с А. Ф. Кони // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 402—405. — [Т.] II—III.

№ 2

С. М. Лукьянов

Запись беседы с А. Ф. Кони73

Из разговора с Анатолием Федоровичем Кони 8-го октября 1914 г.

В первый раз А. Ф. Кони видел Соловьева мельком во вторую половину 60-х годов у Писемских в Москве. Тогда Соловьев был еще подростком74.

Затем он встретился с Соловьевым много лет спустя во второй половине (18) 70-х годов в Петербурге. А. Ф. Кони был на вечере у Юлии Федоровны Абаза, жившей с мужем-министром на Фонтанке (кажется, он был в эту пору уже министром)*. Среди гостей находилась и графиня С. А. Толстая (рожденная Бахметева), вдова поэта. Был здесь также Соловьев. С графиней С. А. Толстой больше видеться не приходилось. Она оставила по себе впечатление «мягкой кошечки», нежной и вкрадчивой. Соловьев, кажется, ничем не выдавался, но вид у него был нездоровый, «зеленоликий».

Более близкое знакомство с Соловьевым установилось у А. Ф. Кони тогда, когда тот стал сотрудничать в «Вестнике Европы»75. По мнению А. Ф. Кони, Соловьев никогда не был всецело в лагере этого журнала. В кружке М. М. Стасюлевича76 господствовала некоторая прямолинейная нетерпимость. Чтобы быть принятым в этот кружок, надо было предъявить некоторый «инвентарь» взглядов и убеждений. Малейший недочет считался достаточным основанием для того, чтобы человек был признан недостойным вступления. М. М. Стасюлевич очень настойчиво требовал, чтобы ближайшие сотрудники еженедельно по субботам собирались у него за обеденным столом. Это была своего рода «повинность». Застольные беседы часто бывали очень интересными, но тут все держались раз навсегда одобренного «инвентаря».

После обеда переходили из столовой в гостиную, а для разговоров a parte** уединялись в маленькую комнатку, которая называлась «конспиративной». Здесь иногда высказывались друг перед другом более откровенно. Припоминается интересный случай с Кавелиным77. За столом шла речь о конституции, и Кавелин не возражал. В «конспиративной» же комнатке он высказался перед А. Ф. Кони в том смысле, что Россия нуждается не в конституции, а в хорошо осведомленном самодержавии. Когда А. Ф. Кони спросил, почему Кавелин не оспоривал взглядов, которые выражались в этой части за обедом, тот прямо ответил, что в столовой этого делать было нельзя.

На Соловьева смотрели сначала немного свысока, полагая, очевидно, что он еще не усвоил «инвентаря» как следует. Не оценивали должным образом и его гениальности, хотя он был выше других на несколько голов. Сам Соловьев держался осторожно, зачастую прямо не высказывался, отшучивался. Только после статьи «Идолы и идеалы» (1891)78 А. Ф. Кони заметил перемену в отношениях кружка к Соловьеву. Направился Соловьев в «Вестник Европы» главным образом из-за невозможности найти другой приют для себя. Более самостоятельно держались в кружке Спасович79 и сам А. Ф. Кони, связанный с М. М. Стасюлевичем старой дружбой.

Про отношения Соловьева к женщинам А. Ф. Кони может сказать только одно, что он не прочь был свести разговор на скользкие темы и любил «скабрезные» анекдоты. С. П. Хитрово А. Ф. Кони встречал у Ю. Ф. Абаза. Она показалась ему женщиной очень чувственной, способной зажигать страсть. Ему не понравилась ее манера держать себя. Сидела положив ногу на ногу, да так, что нога открывалась чуть не до колена. К Соловьеву она относилась пренебрежительно, подчеркивала свою дружбу с ним. Однажды она пригласила А. Ф. Кони к себе на обед. Жила она тогда на Песочной улице. А. Ф. Кони был приглашен собственно «на Соловьева». Тот, однако, запоздал. С. П. Хитрово решила, что ждать его нечего, ибо-де незачем его баловать. Своей близости к С. П. Хитрово Соловьев и сам не скрывал. Он часто, напр(имер), говорил у Стасюлевичей, что не может оставаться более, ибо нужно торопиться к ней. Это очень не нравилось г-же Стасюлевич80. Ю. Ф. Абаза отзывалась про С. П. Хитрово, что она «вне линии» во всех отношениях. Вообще же она относилась к ней хорошо.

Уже после смерти Соловьева А. Ф. Кони пришлось как-то летом жить в Сестрорецке. Там же, по одному коридору с ним, проживала и С. П. Хитрово. Иногда она поражала его своим видом и неосновательными суждениями. Так, напр(имер), она стала однажды уверять А. Ф. Кони, что Соловьев относился к евреям очень враждебно. А. Ф. Кони оспоривал ее, ссылаясь, между прочим, на то, что Соловьев перед смертью молился за евреев. С. П. Хитрово разгорячилась и начала утверждать, что Соловьев, по своей близости к ней, высказывался перед нею откровеннее, чем перед другими. На другой день она сама призналась А. Ф. Кони, что наговорила накануне много лишнего. По-видимому, по временам на нее «находило», особенно по вечерам, к ночи и не без влияния сторонних агентов.

М. А. Хитрово*, дипломата, А. Ф. Кони лично не знал. Про семейную жизнь супругов Хитрово он ничего сказать не может. Всем было, впрочем, известно, что С. П. Хитрово давно жила раздельно от мужа.

Про князя Д. Н. Цертелева** сведения у А. Ф. Кони скудные. Он казался ему каким-то ненормальным.

Про визионерство*** Соловьева А. Ф. Кони рассказывает такие случаи. Нередко за столом у Стасюлевичей приходилось замечать, что Соловьев вдруг умолкал и уставлялся глазами в одну точку. Его не трогали, и потом он как-то приходил в себя.

Вскоре после того как Соловьев написал статью о Пушкине (статья о Пушкине относится к 1897 г.), А. Ф. Кони выразил некоторые суждения о дуэли Пушкина, не согласные с воззрениями Соловьева81. Тому это очень не понравилось, и он стал готовиться к ответу в печати. Это было, в свою очередь, неприятно М. М. Стасюлевичу. Желая положить конец недоразумению, А. Ф. Кони после обеда у Стасюлевичей уединился с Соловьевым в «конспиративной» комнатке и спросил его, почему он держится так натянуто. Тот объяснил, в чем дело. Тогда А. Ф. Кони предложил помириться на том, что при перепечатке его статьи в академическом издании неприятное для Соловьева место будет исключено. Соловьев на это согласился82. Чтобы окончательно перейти на дружескую ноту, А. Ф. Кони тут же рассказал довольно неприличный анекдот про «десерт» в монастыре (разговор жеманной дамы с монахом). Соловьев ужасно расхохотался.

Простившись со Стасюлевичем, А. Ф. Кони и Соловьев отправились вместе домой. Первый жил тогда на Невском, а второй — где-то на Песках. А. Ф. Кони предложил Соловьеву подвезти его. Дорогой Соловьев много смеялся, вспоминая про «десерт», так что извозчик даже оборачивался на седоков. У квартиры А. Ф. Кони Соловьев выразил желание навестить его и спросил, есть ли у него вино. Конечно, А. Ф. Кони пригласил его к себе. Соловьев сел за письменным столом, а А. Ф. Кони вышел в соседнюю комнату и послал служанку за бутылкой Chambertin. Эти маленькие хлопоты продолжались минуты три. Когда А. Ф. Кони вернулся в кабинет, он застал Соловьева сидящим в застывшей позе с устремленным в угол комнаты взглядом. А. Ф. Кони спросил, что такое с ним. Тем временем служанка принесла откупоренную бутылку и два

стакана. Соловьев отозвался не сразу, а потом, в свою очередь, спросил А. Ф. Кони, видел ли тот дьявола. А. Ф. Кони стал толковать, что дьявол есть воплощение зла, что это-де — нечто отвлеченное и т. д. Соловьев начал его оспоривать, указывая на то, что он видел дьявола во плоти — как его обыкновенно изображают. Он вот и теперь его видел и даже разговаривал с ним. О чем велся разговор между ними, Соловьев не захотел передавать. Потом он несколько успокоился и сообщил А. Ф. Кони, что видел дьявола однажды во время плавания по Финскому заливу. Плавание было приятное. Соловьев прекрасно спал в каюте. Утром, проснувшись, он увидал дьявола сидящим на подушке: «мохнатого, серого с желтыми, колючими глазами». А. Ф. Кони хорошо запомнил выражение «колючие глаза». Соловьев спросил дьявола, известно ли ему, что Христос — воскрес. Дьявол отвечал, что это ему известно, но что он тем не менее оседлает Соловьева. При этом он вскочил Соловьеву на плечи и стал пригибать его к земле. Соловьев принялся произносить заклинания, и дьявол понемногу ослабел и освободил Соловьева. После этого Соловьев выбрался из каюты на палубу, и тут ему сделалось дурно.

Интересен случай, имевший место 13-го мая 1900 г., в год смерти Соловьева. В тот день было обычное обеденное собрание у Стасюлевичей. Явился Алексей Жемчужников83, оказавшийся тринадцатым. Старик заупрямился, говоря, что он хочет еще жить. Чтобы успокоить его, приставили лишний прибор и положили за ним книжечку «Вестника Европы», которая должна была заменять отсутствующего четырнадцатого гостя. Соловьев сказал, что Жемчужникову нечего бояться за себя, так как, по поверью, умереть должен младший, а таковым оказывается сам Соловьев. Все, конечно, смеялись, а 31-го июля 1900 г. Соловьев, как известно, скончался.

В последнюю зиму с Соловьева писала портрет г-жа Кавос84. Портрет вышел, по мнению А. Ф. Кони, не очень удачный. Художница предложила портрет Соловьеву. Тот отказался принять его тогда же и выразил желание взять его осенью, когда устроит себе жилье, если только до тех пор не умрет. Г-жа Кавос сказала, зачем же ему умирать, еще рано. Соловьев ответил, что он думает, что душа, остающаяся, по церковному обряду, сорок дней после смерти в общении с землей, должна пребывать в это время в тяжелой форме и что, по его мнению, она должна являться в виде птицы, перелетающей с места на место, чтобы посетить дорогие места. При этом он прибавил, что сам он после смерти обратится в филина и будет пугать людей. Соловьев обещал, что в случае, если его предположение окажется основательным, он даст г-же Кавос знать о себе. На лето г-жа Кавос уехала за город и вернулась в свой дом на Каменноостровском проспекте 30-го июля. Легла спать по случайной причине не в спальной, а в комнате рядом с мастерской. Ночью она проснулась от какого-то шума в мастерской. Подумала было, что туда пробрался вор, но потом успокоилась, сообразив, что попасть на третий этаж снаружи вор не может, а хода в мастерскую из других комнат нет. Утром она вошла в мастерскую и увидала, что большое итальянское окно раскрыто настежь, а у портрета Соловьева лежит на полу какая-то птица. Вероятно, ночью окно было открыто порывом ветра, и через окно влетела стремительно птица, убившаяся до смерти при ударе о портрет.

В знакомствах Соловьев был неосторожен. Так, А. Ф. Кони считает очень сомнительным его знакомство с В. Л. Величко, которого он хотел даже притянуть к «Вестнику Европы». Впрочем, он соглашался далеко не со всеми взглядами В. Л. Величко. Сомнительным представляется А. Ф. Кони и знакомство Соловьева с Кузьминым-Караваевым.

В одно время Соловьев жил где-то на Песках. Ход в комнату — чуть не прямо с улицы. Неуютно, убого. Когда А. Ф. Кони стал выражать свои сетования по этому поводу и указал на то, что Соловьев живет, по-видимому, каким-то беспризорным, безо всякой дружеской заботливости о нем, Соловьев не возражал. Впоследствии этой же темы коснулся А. Ф. Кони и в разговоре с С. П. Хитрово. Собеседница энергично оспоривала его, ссылаясь на то, что она всячески старалась обставить Соловьева надлежащим уходом.

Про наружность Соловьева А. Ф. Кони отзывается так: верхняя часть лица — Иоанн Креститель, Христос; нижняя — Сатир, особенно если представить себе лицо без усов и бороды.

А. Ф. Кони подчеркивает, что ему очень нравилось обыкновение Соловьева креститься перед обедом и после обеда. Он проделывал это и у Стасюлевичей. Однажды А. Ф. Кони был на обеде с Соловьевым у барона Гинцбурга85 в еврейском доме. И там Соловьев неизменно крестился.

Лукьянов С. М. Запись бесед с Э. Э. Ухтомским // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 393—402. — [Т.] II—III.

№ 1

С. М. Лукьянов

Запись бесед с Э. Э. Ухтомским

В мае, июне, июле и ноябре 1920 г. я виделся несколько раз в Детском (б(ывшем) Царском) Селе с князем Эспером Эсперовичем Ухтомским1 и беседовал с ним про Соловьева и близких к нему людей. Тут же в присутствии моего собеседника я заносил на бумагу главнейшие данные, которые воспроизвожу в нижеследующем с возможной точностью.

Из разговора 23-го мая 1920 г.

В 1880 г. в число студентов Петербургского университета вступил некий Александровский2, по-видимому, крещеный еврей. Скончался от чахотки года через три; курса, кажется, не окончил. Следил за лекциями Владиславлева3, но слушал также в большой толпе и Соловьева4. Был многообещающий юноша. Пользовался особым вниманием и расположением Соловьева, которому, в свою очередь, был очень предан: «Весь светился Соловьевым». Соловьев был очень огорчен смертью Александровского; считал его потерю незаменимой. За перевод Гелленбаха5 (Александровский) взялся, вероятно, ради заработка, в качестве человека, сильно нуждающегося.

Товарищем Александровского был Мазарович — человек богатый, домовладелец и помещик. В студенческие годы обнаруживал интерес к философии, занимался в Публичной библиотеке, часто обращался за справками к Э. Л. Радлову*. Имел ли он какие-либо отношения к Соловьеву, князю Э. Э. Ухтомскому — неизвестно. Может быть, об этом лице сохранились сведения в Публичной библиотеке. В позднейшие годы во «Всем Петербурге»** содержится, между прочим, такое указание: Николай Иванович Мазарович, статский советник; адрес: Литейный проспект, дом № 7; в 1917 г. состоял во главе экспортной палаты, служил по ведомству учреждений императрицы Марии6.

В том же 1880 г. и на тот же историко-филологический факультет Петербургского университета, что Александровский, поступил и князь Э. Э. Ухтомский, интересовавшийся точно так же философией. Мазарович зачислился в студенты историко-филологического факультета, кажется, годом раньше. Князь Э. Э. Ухтомский занимался специально у Владиславлева, у которого были и другие специалисты, в расчете сделаться впоследствии преподавателями логики. Многие из лиц этой категории Соловьева не слушали. Лекции Владиславлева доброй памяти по себе у князя Э. Э. Ухтомского не оставили.

Читал Владиславлев неясно, невразумительно, «тянул». Специалисты должны были ходить поневоле. На лекциях, не дававших ничего существенного, спали. Были, впрочем, у Владиславлева коллоквиумы на дому. На этих коллоквиумах он был гораздо живее. Всего больше выдвигал Владиславлев Лотце7. По интересу к Лотце он оценивал и своих слушателей. Собственно философскими заботами студентов Владиславлев не интересовался. Он даже отговаривал заниматься философией и указывал, что лучше бы-де было сосредоточиться на занятиях у Бестужева-Рюмина по кафедре русской истории8. К Соловьеву Владиславлев относился с плохо скрываемым пренебрежением. О лицах, увлекающихся Соловьевым, судил отрицательно.

Лекции Соловьева князь Э. Э. Ухтомский слушал с осени 1880 г. до марта (приблизительно) 1881 г. Слушателей у Соловьева было множество. Такой переполненности одной из самых больших аудиторий никогда не было раньше. Студенты приходили занимать места заблаговременно, иногда за час или более до начала лекции. Шествие Соловьева по коридору в аудиторию — целый триумф. Тысячи глаз приковывались к нему: одни — с любопытством, другие — с участием. На первых местах располагались лица, желавшие «подцепить» Соловьева. Удары и нападения этих лиц Соловьев отражал шутя — тогда раздавались рукоплескания. Проходило все это в самый бурный год. Политика преобладала: сходки почти ежедневные. Лекции Соловьева представляли собою как бы пересказ чтений о богочеловечестве9. Вообще это был призыв уйти в глубины человеческого духа. Соловьев был тогда молодой человек. Интерес был к нему и внешний, и внутренний. Лекции Соловьева предназначались для всех, но студенты были разъединены из-за политики, и отношения между ними были обостренные. Каждая лекция Соловьева продолжалась около получаса. Потом начинались прения. Живая беседа продолжалась без конца. Лекции не записывались, не литографировались. Экзаменов по курсу Соловьева не было. Состав аудитории менялся. Видя перед собой массу слушателей, Соловьев весь отдавался восторженному, вдохновенному настроению.

Его лекции представляли собой действительно нечто необычное. Читал он, сколько помнится, раз или два раза в неделю. Частой манкировки со стороны Соловьева не было. Разные группы студентов (юристы, естественники) выставляли своих ораторов, старавшихся запутать Соловьева, но успеха эти ораторы не имели. Ходили студенты к нему и на дом, но не для систематических занятий, а случайно.

Из числа слушателей Соловьева нужно назвать графа Александра Федоровича Гейдена10. Его отец, граф Федор Логинович Гейден, был начальником Главного штаба, а потом финляндским генерал-губернатором11. Соловьев сблизился и с родителями графа А. Ф. Гейдена: бывал у них в гостях, обедал. Когда Соловьев начал читать в университете, граф А. Ф. Гейден был уже студентом третьего курса, специалистом у Владиславлева. Впрочем, он уже тогда подумывал о службе во флоте. Соловьев очень любил Гейденов, и они высоко ценили его. Жена графа Ф. Л. Гейдена — Елизавета Николаевна (рожденная графиня Зубова12). Это была женщина выдающихся достоинств; известна, между прочим, своею деятельностью по Георгиевской общине сестер милосердия. Старший брат графа А. Ф. Гейдена, Николай Федорович, был потом старостой Казанского собора13. Третий брат, Дмитрий Федорович, служил предводителем дворянства14. По образованию это был математик. Двоюродный брат, граф П. А. Гейден, состоял членом Государственной думы15. Все эти старшие члены гейденовского рода близкого отношения к Соловьеву не имели, кроме того, что встречались с ним в доме родителей графа А. Ф. Гейдена, которые принимали его очень радушно. Граф А. Ф. Гейден умер в Москве около года тому назад. Сколько известно, он до конца своих дней оставался верен памяти Соловьева.

В числе студентов, особенно любивших озадачивать Соловьева своими «наскоками», был некто Никифоров, филолог первого курса, уроженец Казани16. Ходил в красной рубахе, произносил зажигательные речи — типичнейший из нигилистов того времени. Сколько помнится, не семинарист. Никифоров заинтриговал Соловьева, у которого он бывал на дому, своим радикализмом. Случалось и Соловьеву навещать его. Однажды князь Э. Э. Ухтомский сопровождал Соловьева ради его близорукости. Никифоров был в сущности человек тупой, но большой фразер. Он только скользил по Соловьеву и цеплялся за него, как за модную новинку. Соловьев надеялся было повлиять через этого господина на радикальную часть молодежи, но успеха не имел. Как кажется, это была личность невысоких нравственных качеств. Проповедуя бескорыстие, суровость, коммунизм, Никифоров не заботился о том, что(бы) дело соответствовало слову. Соловьев был очень удивлен, когда убедился, что этого радикала окружает совершенно «буржуазная» обстановка, в полном противоречии со взглядами, выражавшимися в речах. Что сталось с ним впоследствии, в точности неизвестно.

Соловьев жил в эту зиму на Петербургской стороне, неподалеку от часовни Спасителя. Квартира

— полупустая: два-три стола*, кровать, книги навалены по углам. Впрочем, Соловьев этой квартирой почти не пользовался, так как ютился по большей части у знакомых и родных. Настоящих «адептов» у Соловьева в эту пору не было. Слушали его отрывочно, да и вообще все шло как-то порывисто. Лекции «импровизировались», имели скорее лирический, чем строго научный характер. По-видимому, Соловьев к лекциям не готовился. Курс его не был курсом систематическим: это был, так сказать, «ряд блестящих выступлений». Профессора относились к Соловьеву насмешливо. Кажется, Минаев17 говорил своим трем (или около того) слушателям: тут-де — наука, а там у Соловьева — болтовня, идите, мол, к нему. О том, как относился к Соловьеву Владиславлев, было уже сказано.

Однажды факультет предложил для разработки тему о свободе воли. Князь Э. Э. Ухтомский принялся за этот вопрос, собрал обширный материал, ездил за ним даже за границу. Вышел обширный труд. Ознакомившись с рукописью, Соловьев одобрил работу, но Владиславлев высказался о ней отрицательно. Ввиду отзыва Владиславлева работа была награждена со стороны факультета лишь серебряной медалью. Предполагалось, что князь Э. Э. Ухтомский будет оставлен при университете, но это предположение не осуществилось. Граф А. Ф. Гейден по окончании курса в университете служил сначала в департаменте духовных дел иностранных исповеданий. Решившись перейти на службу во флот, он отрекомендовал вместо себя в департамент князя Э. Э. Ухтомского. Это повело к разным поручениям в области армянских дел, буддийских (вернее, ламанских), к командировкам. Так и отошла философия на задний план, а вместе с нею и намечавшаяся в будущем профессура. Стихотворством князь Э. Э. Ухтомский стал заниматься лет с 14—15. Соловьев читал его стихи, одобрял их, поощрял к продолжению писательской деятельности. Впервые стихотворения князя Э. Э. Ухтомского появились в печати в «Руси»18 Аксакова при участии Соловьева.

В январе 1881 г. (а может быть, и немного раньше) Соловьев познакомил князя Э. Э. Ухтомского с графиней С. А. Толстой (рожденной Бахметевой) и с С. П. Хитрово19. Он собирался отвести его и к Достоевскому, но тот умер как раз накануне того дня, когда должен был состояться первый визит20.

У князя Э. Э. Ухтомского была на Васильевском острове маленькая студенческая квартира. Сюда собирались товарищи-студенты, приезжал и Соловьев. Кроме чая и печенья, ничего по части угощения не было. Соловьев оставался иногда за полночь. Собирались не больше 15—20 человек. Кроме студентов университета, бывали пажи, правоведы, лицеисты21 — безобидная в политическом отношении молодежь. Разговоров на политические темы не было. Своих философских воззрений Соловьев тоже не развивал, говорил то с одним гостем, то с другим о чем придется.

Князь Д. Н. Цертелев в ту пору у князя Э. Э. Ухтомского не бывал. Он проживал где-то около Саблина на даче неподалеку от Пустыньки22. Хворал несколько месяцев какой-то нервной болезнью. Познакомились они уже летом 1881 или 1882 г. (вернее последняя дата) у графини С. А. Толстой.

1-ое марта 1881 г. «застало» князя Э. Э. Ухтомского в университете. Никифоров кричал «ура», предлагал совершить революцию, плакал от радости23.

О политике разговоров с Соловьевым не было ни у Гейденов, ни у графини С. А. Толстой, ни у княгини Елизаветы Григорьевны Волконской24.

На лекциях Соловьева о богочеловечестве князю Э. Э. Ухтомскому быть не пришлось. О лекциях этих доходили до него лишь смутные слухи. Сам он был тогда гимназистом.

Из разговора 30-го мая 1920 г.

Свои университетские лекции Соловьев читал и в актовом зале, но это случалось лишь изредка или, может быть, в самом начале. После известной речи в зале Кредитного общества против

или, может быть, в самом начале. После известной речи в зале Кредитного общества против смертной казни25 оваций в адрес Соловьева в самом университете не было, ибо после этого эпизода он в университете уже не появлялся. Зато на его долю выпало много оваций на дому: к нему приходили и студенты и студентки, и вообще различные интеллигенты, приносили много цветов. От посетителей не было отбою. В этом смысле можно сказать, что Соловьев не выходил из оваций. Свидетелем относящихся сюда сцен случалось быть и князю Э. Э. Ухтомскому, и А. П. Саломону26.

Княгиня Елизавета Григорьевна Волконская (рожденная святлейшая княжна Волконская) — внучка министра императорского двора при Александре I и Николае I Петра Михайловича Волконского27. Вышла замуж за сына декабриста — Михаила Сергеевича Волконского28, товарища министра народного просвещения, сенатора и, кажется, члена Государственного совета. Мать Елизаветы Григорьевны — дочь графа Бенкендорфа, католика — католичка29. Елизавета Григорьевна была первоначально православной по отцу. Молодые годы провела она в Италии, где и воспитывалась под прямым влиянием матери в католической среде. Стала рано тяготеть к католицизму. Рукопись ее известного сочинения «О церкви»30 была направлена для печатания за границу через двоюродного брата Елизаветы Григорьевны генерал-адъютанта и обер-гофмаршала графа Бенкендорфа (это родной брат нашего посла в Лондоне, недавно умершего31). Елизавета Григорьевна была женщина очень обширных знаний, интересовалась и

естествознанием, и богословием, и философией, и литературой. Перешла в католичество в (18)90-х годах.

Умерла в феврале 1897 г. Муж пережил ее на несколько лет; умер во время смуты, когда началась разруха.

Соловьев познакомился с княгиней Е. Г. Волконской, по-видимому, довольно рано, еще до ее перехода в католичество. Ввиду служебного положения мужа переход этот держался в некоторой тайне, но близкие люди о нем знали, напр(имер) Соловьев, князь Э. Э. Ухтомский, А. П. Саломон. Ежедневно в темном платье ходила в костел, писала запершись ... Ей было, должно быть, около 50 лет, когда совершился перелом, ибо родилась она в 1838 г. Несмотря на увлечение католицизмом, она была глубоко русским человеком, от родины не отрывалась, ценила жизнь в деревне, была близка к народу, очень чувствительна к чести и достоинству России. Со стороны можно было подумать, что эта женщина старого русского закала. Читала чрезвычайно много, следила за всеми книжными новинками. Физически крепкая, сильная женщина, ум — мужского склада, голос довольно резкий, мужской, черты лица — правильные, красивые. Общение с нею было, точно чтение занимательной книги. Отличие от графини С. А. Толстой (рожденной Бахметевой), женщины тоже выдающейся: та очень женственна, обаятельна, хотя и некрасива. В натуре княгини Е. Г. Волконской было что-то покоряющее, но не женской прелестью, а силой воли и умом. Соловьев ценил в ней, во всяком случае, не ее внешние ресурсы. У Волконских бывали Майков, Полонский, Некрасов (у них, чуть ли не в их доме, писал Некрасов своих «Русских женщин»32). Бывал ли у них Достоевский, князь Э. Э. Ухтомский не знает. Возможно, что Соловьев познакомился с княгиней Е. Г. Волконской через графиню Соллогуб33. Но возможно и то, что тут сыграли роль чтения о богочеловечестве, которые княгиня Е. Г. Волконская слушала и очень одобряла: могла ведь просто подойти после какой-нибудь лекции, и познакомились.

А. П. Саломон говаривал, что за С. П. Хитрово ухаживал не только Соловьев, но и Сафронов34 и князь Д. Н. Цертелев. Отношения князя Д. Н. Цертелева к Соловьеву дают повод к некоторым сомнениям, но сказать что-либо определенное трудно. У князя Д. Н. Цертелева не было чувства благоговения к Соловьеву. Объясняется это отчасти его темпераментом, отчасти его внешней близостью к Соловьеву, отчасти его не совсем нормальным физическим состоянием в последние лет десять жизни. Сафронова князь Э. Э. Ухтомский видел раза два в салоне графини С. А. Толстой.

Проявлений интереса Соловьева к музыке князь Э. Э. Ухтомский не помнит. Графиня С. А.

Толстая (рожденная Бахметева) была чрезвычайно обаятельная женщина, чуткая к искусству, к литературе. Около нее всегда поддерживался некоторый таинственный сумрак, может быть, потому, что как она сама, так и С. П. Хитрово были, в сущности, некрасивы. Бывала у графини С. А. Толстой и Ю. Ф. Абаза35. Князь Э. Э. Ухтомский не помнит, чтобы она у нее пела. О музыке Соловьев с ней не говорил. Графиня С. А. Толстая была человек мягкий, «обволакивающий». Властного, в отличие от княгини Е. Г. Волконской, в ней ничего не было, и тем не менее она постепенно и незаметно овладевала человеком, подчиняла его своему мягкому влиянию. Соловьев бывал в доме графини С. А. Толстой чуть не ежедневно: половина его жизни была связана с квартирой на Миллионной.

О графе Л. Н. Толстом Соловьев отмалчивался. И когда князь Э. Э. Ухтомский был в Ясной Поляне, он наблюдал то же самое и со стороны Толстого по отношению к Соловьеву.

Из разговора 27-го июня 1920 г.

Графиня С. А. Толстая (рожденная Бахметева) была любознательна до любопытства. Всякого расспрашивала про литературные новости, требовала подробного отчета о прочитанном и т. д. Князь Э. Э. Ухтомский испытал это на самом себе. Ему рассказывали вскоре после ее смерти в Лиссабоне, что минут за 20 до ее последнего вздоха приехал из Италии какой-то выдающийся писатель или ученый. Она сказала: «Ах, нельзя ли его пригласить ко мне? Il aurait peut-etre pu me dire quelque chose d'interessant»*.

Князь Э. Э. Ухтомский часто посещал Н. Н. Страхова37, но Соловьева живущим там не видал. В позднейшее время Н. Н. Страхов с ужасом произносил имя Соловьева, а Соловьев говорил о нем даже с некоторым ожесточением. Н. Н. Страхов жил за Мариинским театром, кажется, на Крюковом канале, в большом каменном доме, высоко. Прислуги у него не было; отворял дверь сам. Много книг: все прикупал, ходя по антикварам. Соловьев выражался про Н. Н. Страхова: «старый кот», «лукавый Страхов». Действительно, Н. Н. Страхов производил впечатление человека выпытывающего при разговоре своего собеседника. Сам навстречу собеседнику с открытой душой никогда не шел. Его острый, тонкий ум очаровывал. Впрочем не острословил, только вечно сардонически улыбался, теребя свою длинную бородку вдоль. Очень не любил поэзию графа А. К. Толстого: плохо-де владел русскою речью. У графини С. А. Толстой, вдовы поэта, Н. Н. Страхова князь Э. Э. Ухтомский не встречал38. Был гостеприимен: сейчас же заваривал для гостей чай. Угощал не только чаем, но и своими книгами. Князь Э. Э. Ухтомский начал посещать Н. Н. Страхова в возрасте около 19 лет. Познакомился он с ним или у Майкова, или, вернее, у Полонского, или у графа А. А. Голенищева-Кутузова39 — это вернее всего.

Культ графа Л. Н. Толстого был у Н. Н. Страхова как бы совершенно слепой. Когдя князь Э. Э. Ухтомский выражался в том смысле, что нет старого прежнего Толстого, Н. Н. Страхов обижался. Всякому, кто хвалил Толстого, он готов был все отдать. Вообще это был холодный скептик, но он сейчас же преображался, когда речь заходила о Толстом, становился каким-то фетишистом. Увлекался Н. Н. Страхов и В. В. Розановым40 : выдвигал его, читал приходящим отрывки из его писаний. В расхождении Н. Н. Страхова с Соловьевым не без влияния было и отрицательное отношение Соловьева к Толстому. «За религию» князь Э. Э. Ухтомский не слышал от Н. Н. Страхова ни слова. Н. Н. Страхов казался скорее «вольтерьянцем», мыслителем XVIII века.

Об отношениях Соловьева к князю Мещерскому41 князь Э. Э. Ухтомский ничего не знает. С князем Мещерским он познакомился в конце 1884 г., стал бывать на «средах». Соловьева там никогда не видал. Часто бывал граф А. А. Голенищев-Кутузов; иногда бывали Майков, Н. Н. Страхов. Отрицательно про Соловьева князь Мещерский не отзывался, но ему было неприятно, что Соловьев перешел в кружок «Вестника Европы» и либералов**.

С Достоевским князю Э. Э. Ухтомскому лично познакомиться не удалось. Когда Соловьев читал в начале (18)80-х годов публичные лекции о Достоевском, он хотел было прочесть

стихотворение князя Э. Э. Ухтомского, но полиция этого не допустила, ибо стихотворение не было внесено в программу42. Про какие-либо революционные замыслы Соловьева, на что указывал Павленков***, князь Э. Э. Ухтомский ничего не слыхал. Наоборот, со стороны самого Соловьева он принимает ультрамонархические заявления.

Предположений об интимных отношениях Соловьева с С. П. Хитрово не возникало. Казалось, что это просто близкие знакомые. Нельзя, конечно, утверждать, что не было никаких предосудительных толков, но эти толки шли из среды низменной или враждебной. Может быть, кое-какое значение имела также плохая репутация Всеволода Соловьева, отличавшегося некоторой распущенностью...44 Есть еще одно больное место, про которое много распространяться не следует. В жизни С. П. Хитрово были тяжелые обстоятельства, и она не убереглась от влияния одурманить себя. Сделалось это более заметным после смерти графини С. А. Толстой. Ее брат, бывший посол, позволял себе тоже кое-какие излишества. Обращал на себя внимание своею невоздержанностью и ее сын Рюрик45. Бытовой русский недуг захлестывает порою и верхи культурного общества...

Из разговора 11-го июля 1920 г.

Про начало знакомства Соловьева с князем Д. Н. Цертелевым князь Э. Э. Ухтомский сведений не имеет. Когда он сблизился с ними, их уже постоянно как-то связывали вместе. Зиму 1880—1881 г. князь Д. Н. Цертелев прихворал. За ним ухаживала его мать. Говорили, что для утоления желудочных болей он принимал много опия. Больной сидел часами и катал большой камень... А от природы казался человеком крепким и здоровым. Появился в обществе после выздоровления зимой 1882—1883 г. У него был брат Алексей, (который) кончил жизнь ненормальным человеком (будто бы после падения с лошади ушиб-де голову)...46 Отношение князя Д. Н. Цертелева к Соловьеву можно бы назвать сдержанно-благосклонным. Восторгов, преклонения перед Соловьевым у него не было. Он находил, что Соловьев становится слишком близко к простым смертным, а надо бы помнить, что «мы» — две крупные философские величины, стоящие превыше других людей. Он искренно считал себя равноценным Соловьеву. В свою очередь Соловьев, дружа с князем Д. Н. Цертелевым, относился к нему несколько насмешливо. Между прочим, охотно укорял его в рассеянности, хотя и сам был грешен по этой части.

Курьезы при свадьбе князя Д. Н. Цертелева47. Шаферами были князь Э. Э. Ухтомский, Ю. Н. Милютин48 и Соловьев. Последний шутя уверял, что он будет «мальчиком с образом». Князь Д. Н. Цертелев по своей колоссальной рассеянности проспал время свадьбы (надо было ехать из Петербурга в Ораниенбаум), забыл кольца, нужные бумаги. Если бы Ю. Н. Милютин и князь Э. Э. Ухтомский не приехали за женихом в гостиницу, он бы, вероятно, совсем не попал на свадьбу. Венчание пришлось отложить на час. Происходило оно в дворцовой церкви у графини Карловой49. Излишеств в отношении вина князь Д. Н. Цертелев себе не позволял. Любил засиживаться по вечерам, ложился спать очень поздно, вставал часа в три пополудни. Благодаря позднему вставанию его почти всегда можно было застать среди дня дома. Такой же неправильный образ жизни вел он и в деревне, в Липягах50. С. П. Хитрово часто его дразнила и трунила над ним: «Проснитесь, Дмитрий, ободритесь». Церковных и религиозных интересов в нем было мало, но в то же время это был человек верующий. В последние годы жизни говел, приглашал священников, от церкви не отрешался. Князь Э. Э. Ухтомский часто виделся с ним у графа А. А. Голенищева-Кутузова, у графини С. А. Толстой, у Ванлярских51, у Волконских. Князь Д. Н. Цертелев любил распространяться о своих отношениях к Э. ф(он) Гартману52, даже сближал себя с ним. Стремился создать иранскую струю в поэзии. Шопенгауэру53 придавал первенствующее значение. Его конек — писательство. Хотелось писать статьи, убивающие противников. В «С.-Петербургских Ведомостях» напечатано около 25 его статей. Он любил и высоко ставил графа А. К. Толстого, чрезвычайно оживлялся, когда заходила о нем речь. Был весьма близок к Гончарову54. От него заимствовал, может быть, сдержанность и скрытность в отношении опубликования переписки и т. д. В Петербурге он жил сначала в Hotel de France, потом в Европейской гостинице, нередко проживал у сестер жены — Ратьковой-Рожновой55 или графини Карловой. Первая оседлость в последние годы — на Аптекарском острове. В Липягах

графини Карловой. Первая оседлость в последние годы — на Аптекарском острове. В Липягах князю Э. Э. Ухтомскому гостить не приходилось. По отзывам, местность непривлекательная, усадьба старомодная. После зимы 1880—1881 г. признаков нервного расстройства не наблюдалось. По временам, однако же, опасались, как бы болезнь снова не дала о себе знать. С. П. Хитрово толковала о «семейных неурядицах», но едва ли сущность дела в этом. Обязанностей по государственной службе у князя Д. Н. Цертелева не было. Правда, он состоял предводителем дворянства в Спасском уезде, но там и дворянства-то почти не было56.

Александр Павлович Саломон родился, кажется, в один год с Соловьевым57. Считал себя однолетком Соловьева, его ровесником. Учился в Лицее, который очень любил. После Лицея пробыл некоторое время на военной службе в пешем гренадерском лейб-гвардии полку. Участвовал в русско-турецкой кампании и был ранен — лишился двух пальцев руки. Император Александр II кормил его из своих рук в лазарете, а он плакал от умиления58. Мать А. П. Саломона — родная сестра министра Головнина59, подвизавшегося в Японии. Особенно дорожил А. П. Саломон близостью к министру Головнину великого князя Константина Николаевича60, который в своем имении руководствовался указаниями Головнина. Большое влияние оказал на А. П. Саломона и Никольский61 — профессор и инспектор Лицея. На его дочери он впоследствии женился.

С А. П. Саломоном князь Э. Э. Ухтомский познакомился у графа А. Ф. Гейдена в конце 1880 г. С Соловьевым А. П. Саломон познакомился года за три до того, может быть, на лекциях о богочеловечестве. Когда князь Э. Э. Ухтомский стал встречаться с А. П. Саломоном, этот был уже на «ты» с Соловьевым. Соловьев часто навещал А. П. Саломона, обедал у него, может быть, бывал и на даче в Павловске в половине (18)90-х годов. А. П. Саломон горячо упрекал Соловьева за речь о смертной казни после события 1-го марта 1881 г. Тем не менее он повез на другой же день князя Э. Э. Ухтомского к Соловьеву, чтобы поблагодарить за его мужественное слово. Относился А. П. Саломон к Соловьеву вообще с большим уважением. По-видимому, под влиянием княгини Е. Г. Волконской он несколько склонялся к униатству. Князь Э. Э. Ухтомский был в этом отношении гораздо неподатливее, на что княгиня Е. Г. Волконская сетовала. Интересовался спиритизмом, оккультизмом, но не серьезно. Было два серьезных интереса: Данте и арабский язык. А. П. Саломон знал итальянский язык и хорошо переводил; где его переводы, к сожалению, неизвестно. Арабский язык изучал под руководством Шмидта, который теперь в Ташкенте, в университете62. Занимался арабским языком и в Каире, где лечился. Вообще, это был человек разносторонний, очень начитанный, способный к длительным ночным беседам. В последние годы жизни А. П. Саломон занимал должность директора родного ему Лицея, а незадолго перед смертью он был назначен членом Государственного совета. В должности члена Государственного совета окончил свои дни и его отец. В директорство А. П. Саломона Шмидт состоял инспектором Лицея. Отношение А. П. Саломона к евреям было скорее всего безразличное. Саломоны — родом из Швеции: таковы семейные традиции. А. П. Саломон ссылался на свою белокурость. Отец А. П. Саломона был тоже министром63. Вероятно, Головнин не выдал бы свою дочь за лицо еврейского происхождения. Однажды Соловьев заметил, что он много бы дал за то, чтобы в его жилах была бы хоть капля еврейской крови. А. П. Саломон выражал ему по этому поводу свое негодование.

С. П. Хитрово при жизни графини С. А. Толстой несколько тушевалась — «поцелуешь руку, и все». Но потом она развернулась. Человек остроумный, наблюдательный, огромный «charme»*, сосредоточила в себе всю поэзию толстовского дома. Внешность с резкими чертами лица, какая-то татарская. К старости она выровнялась. Что-то кошачье, звериное и тем не менее — очаровательное, влекущее к себе. Большая простота в обращении: не было желания казаться не тем, что есть на самом деле. У Соловьева было к ней глубокое чувство, а она, в свою очередь, любила и приближала к себе всех, кто любил и ценил Соловьева. Семейная жизнь С. П. Хитрово сложилась неблагоприятно. Ее муж64 — блестящий, интересный человек, величавый барин, дипломат старой школы, писал хорошие стихи, не думал о завтрашнем дне; при всем том — большой Дон-Жуан. Вышла за него Софья Петровна замуж не столько по любви, сколько под влиянием родных. Супруги жили то вместе, то врозь, то сближались, то снова расходились. М. А.

влиянием родных. Супруги жили то вместе, то врозь, то сближались, то снова расходились. М. А. Хитрово умер вскоре после замужества дочери (Веты)65. Крестная мать матери Соловьева — Юлия Михайловна Грейг, вдова адмирала Грейга66, много потрудившегося для Черноморского флота, бабушка князя Э. Э. Ухтомского, который и познакомил Соловьева с этой старушкой. Скончалась она в 1881 г. Соловьев был у нее незадолго до своей публичной лекции против смертной казни.

Из разговора 25-го ноября 1920 г.

В. Л. Величко67 по образованию — правовед. Однажды правоведы плохо держали себя в аудитории на лекции профессора Э. Л. Радлова. Тот вышел из аудитории очень расстроенный. В. Л. Величко последовал за ним и усердно утешал его. В разные годы В. Л. Величко часто бывал у князя Мещерского и всех уверял здесь, что он — консерватор, монархист; потом стал заискивать у либералов. Писал стихи, хорошо переводил по подстрочным переводам восточных поэтов. С рекомендательными письмами от Ю. Н. Милютина и других лиц явился на Кавказ. Получил должность редактора официальной газеты «Кавказ»68. Сначала князь Голицын69 был им очень доволен, а потом добрые отношения между ними нарушились. Кавказцы встретили В. Л. Величко с доверием: он называл себя последователем Соловьева, и они надеялись, что он не затеет национальной травли. Случилось, однако, иначе: он стал неосторожно вмешиваться в

распри грузин и армян и других местных народностей, нападал на армян, боровшихся за своих братьев в Малой Азии, защищал приемы грубого обрусения. В конце концов князь Голицын потребовал, чтобы В. Л. Величко покинул Тифлис в 24 часа. Вернувшись в Петербург, он принялся повсюду жаловаться на князя Голицына и стал снова являться у редактора «Гражданина». В ту пору Соловьев поколебался в своем доброжелательстве к В. Л. Величко, но знакомство их все-таки поддерживалось. С своей стороны, В. Л. Величко всячески старался использовать свою «дружбу» с Соловьевым. Было время, когда он заискивал у князя Э. Э. Ухтомского, а потом пустился в гнусные нападки. Пришлось начать судебный процесс, но В. Л. Величко уклонился от суда. Умер он сравнительно еще не старым, пережив Соловьева не на долгий срок. Рассказывали, что на Кавказ В. Л. Величко отправился с некоей госпожой, якобы его двоюродной сестрой, весьма эффектной особой70. Она будто бы и поощряла его из каких-то личных побуждений к неприличным газетным выходкам.

О Протейкинском71 слухи ходили всякие, часто недоброжелательные. В чем тут правда — судить трудно. Кажется, по происхождению он из духовного сословия, сын дьякона.

С Кузьминым-Караваевым72 князь Э. Э. Ухтомский познакомился уже после смерти Соловьева. Встречались на разных собраниях. Как сблизился с ним Соловьев, князь Э. Э. Ухтомский не знает. Соловьев рассказывал, что Кузьмин-Караваев ничего не запирал, относился к людям с доверием. Чего-либо авторитетного в Кузьмине-Караваеве не было. Все относились к нему как к «либеральному генералу». «Пикантность» в том и состояла, что либералом оказывался генерал. На князя Э. Э. Ухтомского он производил впечатление большого болтуна и взрослого ребенка, который всегда сам себя слушал. За последние годы князь Э. Э. Ухтомский потерял его из виду.

Шаханов А. Н. Примечания: Материалы к биографии Вл. С. Соловьева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 421—427. — [Т.] II—III.

Тексты публикуются по правилам современной орфографии и пунктуации с сохранением языковых особенностей оригиналов, хранящихся в ОР ГБЛ (ф. 700).

№ 1. Запись бесед с Э. Э. Ухтомским (к. 2, ед. хр. 2, лл. 130—151. Рукой С. М. Лукьянова).

№ 2. Запись беседы с А. Ф. Кони (к. 2, ед. хр. 3, лл. 265—272. Рукой С. М. Лукьянова).

№ 3. А. Ф. Кони — С. М. Лукьянову (к. 3, ед. хр. 17, лл. 1—2 об. Автограф).

№ 4. А. Ф. Кони — С. М. Лукьянову (к. 3, ед. хр. 19, лл. 3—4. Автограф).

№ 5. А. Ф. Кони — С. М. Лукьянову (к. 3, ед. хр. 17, лл. 4—5. Автограф).

№ 6. И. А. Гриневская. Воспоминания о Вл. С. Соловьеве (к. 3, ед. хр. 6, лл. 1—6. Машинописная копия с авторской правкой).

№ 7. Е. К. Мамонова — С. М. Лукьянову (к. 3, ед. хр. 19, лл. 5—6. Автограф). Авторство установлено на основании пометы Лукьянова.

№ 8. А. Д. Оболенский — С. М. Лукьянову (к. 3, ед. хр. 21, лл. 1—2. Автограф).

№ 9. А. Д. Оболенский — С. М. Лукьянову (к. 3, ед. хр. 21, лл. 3, 5 — об. Автограф).

№ 10. В. Е. Гиацинтов — С. М. Лукьянову (к. 3, ед. хр. 14, лл. 1—3. Автограф).

№ 11. В. Е. Гиацинтов — С. М. Лукьянову (к. 3, ед. хр. 14, л. 4. Автограф).

№ 12. В. Е. Гиацинтов — С. М. Лукьянову (к. 3, ед. хр. 14, л. 6. Автограф).

№ 13. Е. Н. Шуцкая — С. М. Лукьянову (к. 3, ед. хр. 27, лл. 1—5. Автограф).

№ 14. Запись беседы с Э. Л. Радловым (к. 2, ед. хр. 3, лл. 304—309. Рукой С. М. Лукьянова).

1 Ухтомский Эспер Эсперович (1861—1921) происходил из родовитого, но обедневшего княжеского рода, ведущего начало от Рюриковичей, поэт, публицист, чиновник департамента духовных дел иностранных исповеданий, с 1896 г. — редактор-арендатор газеты «С.-Петербургские Ведомости».

2 Александровский (ум. ок. 1883), с 1880 г. — студент историко-филологического факультета Петербургского университета. Каких-либо дополнительных сведений о нем установить не удалось.

3 Владиславлев Михаил Иванович (1840—1890), профессор философии Петербургского университета, читал лекции по логике, психологии, истории философии. Свое отношение к взглядам Вл. С. Соловьева выразил в рецензии на его магистерскую диссертацию (Журнал Министерства народного просвещения, 1875, № 1).

4 После защиты докторской диссертации Вл. С. Соловьев в 1880—1882 гг. читал в Петербургском университете в качестве приват-доцента лекции по метафизике, истории философии.

5 Гелленбах Б. фон, немецкий философ (см.: Соловьев Вл. С. На пути к истинной философии: B. v. Hellenbach. Der Individualis-mus // Русь, 1883, № 20.

6 См.: Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда. СПб., 1916, с. 418.

7 Лотце Герман (1817—1881), немецкий философ. Его лекции М. И. Владиславлев слушал во время своей заграничной командировки в начале 1860-х гг. В Петербургском университете М. И. Владиславлев вел спецкурс по «Микрокосму» Г. Лотце.

8 Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829—1897), профессор русской истории в Петербургском университете.

9 В 1877—1881 гг. Вл. С. Соловьев прочитал в Петербурге 12 публичных лекций,

опубликованных в «Православном обозрении» под названием «Чтения о богочеловечестве» (см.: Соловьев Вл. С. Собр. соч., т. 3, СПб., 1905).

10 Гейден Александр Федорович (1859—1919), граф, студент историко-филологического факультета Петербургского университета, чиновник департамента духовных дел иностранных исповеданий, офицер гвардейского Флотского экипажа.

11 Гейден Федор Логинович (1821—1900), граф, генерал-адъютант, начальник Главного штаба, финляндский генерал-губернатор.

12 Гейден Елизавета Николаевна (урожд. Зубова) (1833—1894), графиня, жена Ф. Л. Гейдена.

13 Гейден Николай Федорович, полковник, чиновник для особых поручений при военном министре.

14 Гейден Дмитрий Федорович, предводитель дворянства в Винницком уезде Подольской губернии.

15 Гейден Петр Александрович (1840—1907), граф, предводитель дворянства в Опочецком уезде Псковской губернии, депутат 1-й Государственной думы.

16 Никифоров Николай Николаевич, студент-естественник Петербургского университета (1880—1884), земский начальник в г. Троки Витебской губернии, автор воспоминаний «Петербургское студенчество и Влад(имир) Серг(еевич) Соловьев» («Вестник Европы», 1912, № 1, с. 157—186).

17 Минаев Иван Павлович (1840—1890), профессор сравнительной грамматики индо-европейских языков Петербургского университета.

18 Газета, издаваемая представителем позднего славянофильства Иваном Сергеевичем Аксаковым (1823—1886) в 1880—1886 гг.

19 Толстая Софья Андреевна (урожд. Бахметева) (1844—1892), графиня, вдова поэта и писателя А. К. Толстого (1817—1875). Вл. С. Соловьев познакомился с ней осенью 1875 г. С начала 1877 г. он часто бывал у нее на квартире на Шпалерной, позднее на Миллионной ул. в Петербурге. Хитрово Софья Петровна (урожд. Бахметева) (1848—1910), родственница С. А. Толстой, жена дипломата М. А. Хитрово. Вл. С. Соловьев познакомился с ней в середине 1870-х гг.

20 Ф. М. Достоевский скончался 29 января 1881 г.

21 Студенты привилегированных высших учебных заведений Петербурга: Пажеского корпуса, Александровского лицея, Училища правоведения.

22 Цертелев Дмитрий Николаевич (1852—1911), князь, философ, близкий знакомый Вл. С. Соловьева, с которым они вместе обучались в 5-й московской гимназии, университете. Он ввел Вл. С. Соловьева в дом графини С. А. Толстой, которой приходился двоюродным племянником. Вл. С. Соловьев неоднократно гостил на даче Д. Н. Цертелева в с. Пустынька близ ст. Саблино Николаевской железной дороги.

23 Речь идет об убийстве императора Александра II в результате террористического акта организации «Народная воля».

24 Волконская Елизавета Григорьевна (1838—1897), княгиня, жена М. С. Волконского.

25 28 марта 1881 г. Вл. С. Соловьев в одной из своих публичных лекций воззвал к императору Александру III не допустить смертной казни народовольцев-первомартовцев, как противоречащей христианскому учению о нравственности. Речь Вл. С. Соловьева имела большой общественный резонанс.

26 Саломон (Соломон) Александр Петрович (1855—1908), выпускник Александровского лицея, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., секретарь совета по тюремным делам Министерства внутренних дел, начальник Главного тюремного управления, директор Александровского лицея. Знаком с Вл. С. Соловьевым с 1877 г.

27 Волконский Петр Михайлович (1776—1852), князь, генерал-адъютант, фельдмаршал, министр Императорского Двора.

28 Волконский Михаил Сергеевич (1832—1909), князь, сын декабриста С. Г. Волконского (1788—1865), товарищ министра народного просвещения, член Государственного совета, муж Е. Г. Волконской.

29 Волконская Мария Александровна (урожд. Бенкендорф) (1820—1880), дочь графа А. Х. Бенкендорфа (1781—1844), жена князя Г. П. Волконского (1808—1882).

30 См.: (Волконская Е. Г.) О церкви. Берлин, 1888.

31 Бенкендорф Степан Константинович (род. 1853), граф, генерал-адъютант, обер-гофмаршал Императорского Двора, принадлежал к ближайшему окружению императора Николая II.

Бенкендорф Александр Константинович (ум. 1916), граф, дипломат, посол в Копенгагене, Лондоне.

32 С князем М. С. Волконским Н. А. Некрасова связывали многолетние приятельские отношения. В 1872 г. в доме Волконских Н. А. Некрасов знакомится с рукописью записок княгини М. Н. Волконской, послуживших материалом для его поэмы «Русские женщины».

33 Соллогуб Мария Федоровна (урожд. Самарина) (1821—1888), графиня, мать Ф. Л. Соллогуба, сестра Ю. Ф. Самарина (см. примеч. 118, 120).

34 Вероятно, Александр Степанович Сафронов (ум. 1908), полковник гвардейской кавалерии, однокашник А. П. Саломона по Александровскому лицею.

35 Абаза Юлия Федоровна (урожд. Штуббе) (1830—1915), певица, музыкантша, жена А. А. Абазы (1821—1895), государственного деятеля, члена совета министра финансов.

36 Речь идет, вероятно, о визите Э. Э. Ухтомского в Ясную Поляну в конце августа 1898 г. (см.: Толстая С. А. Дневники. Т. 1. М., 1978, с. 405—406). Вл. С. Соловьев познакомился с Л. Н. Толстым в 1875 г. (см.: Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828—1890. М., 1958, с. 442, 445). В 1880-е гг. они часто виделись и беседовали, однако философия Вл. С. Соловьева встретила резкое неприятие Л. Н. Толстого. Работы Вл. С. Соловьева «Оправдание добра», «Три разговора» направлены против учения Л. Н. Толстого, хотя его имя в них не упомянуто.

37 Страхов Николай Николаевич (1828—1896), философ, публицист, литературный критик. Он по достоинству оценил в своей рецензии магистерскую диссертацию Вл. С. Соловьева (1874). Разрыв отношений между ними наступил после публикации резко критических отзывов Вл. С. Соловьева на сочинение Н. Н. Страхова «Борьба с Западом в русской литературе». Т. 1—3. 1882—1886 (см.: Соловьев Вл. С. Россия и Европа // Вестник Европы, 1888, № 2. с. 742—761; № 4, с. 725—767; Соловьев Вл. С. О грехах и болезнях // Там же. 1889, № 1, с. 356—375).

38 Н. Н. Страхов познакомился с С. А. Толстой в 1877 г. и в начале 1880-х гг. часто бывал на ее петербургской квартире (см.: Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870—1894. СПб., 1914, с. 111, 252, 261).

39 Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848—1913), граф, поэт.

40 Розанов Василий Васильевич (1856—1919), литературный критик, публицист, автор книги «Н. Н. Страхов, его личность и деятельность» (1913), в которой именует его своим «крестным отцом» в литературе.

41 Мещерский Владимир Петрович (1839—1914), князь, публицист, издатель газеты «Гражданин».

42 Речь идет о первой лекции Вл. С. Соловьева в 1881 г. (см.: Соловьев Вл. С. Три речи в память Достоевского (1881—1883). М., 1884).

43 Пантелеев Лонгин Федорович (1840—1919), общественный деятель, публицист. Речь идет о его статье «К материалам для биографии Вл. С. Соловьева» («Речь», 1908, № 195, 16 августа), где рассказывается о призыве Вл. С. Соловьева к командующему Киевским военным округом генералу М. И. Драгомирову «стать во главе русской революции».

44 Соловьев Всеволод Сергеевич (1849—1903), старший брат Вл. С. Соловьева, писатель; большие пересуды в петербургском обществе вызвали его развод с Ольгой Осиповной Ламкерт и женитьба на ее родной сестре Елене (Адели).

45 Хитрово Георгий (Рюрик) Михайлович (1875 — между 1915—1917).

46 Цертелев Алексей Николаевич (1847—1883), князь, дипломат, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., писатель.

47 Д. Н. Цертелев женился 20 апреля 1890 г. на Екатерине Федоровне Ванлярской.

48 Милютин Юрий Николаевич (1856—1912), общественный деятель, публицист, редактор-издатель газеты «Кавказ».

49 Карлова Наталья Федоровна, (урожд. Ванлярская), графиня, родственница Д. Н. Цертелева, супруга герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого.

50 Имение Д. Н. Цертелева в Спасском уезде Тамбовской губернии. Вл. С. Соловьев впервые посетил его в 1875 г.

51 Ванлярские — родственники жены Д. Н. Цертелева.

52 Гартман Эдуард фон (1842—1906), немецкий философ, ученик А. Шопенгауэра.

53 Шопенгауэр Артур (1788—1860), немецкий философ. Анализу его творчества Д. Н. Цертелев посвятил монографии «Философия Шопенгауэра» (1880), «Эстетика Шопенгауэра» (1888).

54 С писателем И. А. Гончаровым Д. Н. Цертелев познакомился по представлению А. К. Толстого в декабре 1873 г.

55 Ратькова-Рожнова Мариамна Федоровна (урожд. Ванлярская), родственница жены Д. Н. Цертелева, супруга директора общества «Самолет» Я. В. Ратькова-Рожнова.

56 С 1887 по 1890 г. Д. Н. Цертелев состоял председателем съезда мировых судей Спасского уезда Тамбовской губернии, в 1880—1890 гг. — предводитель уездного дворянства.

57 Не совсем точно: Вл. С. Соловьев родился двумя годами ранее.

58 Император Александр II посетил театр военных действий в ходе русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Подпоручик лейб-гвардии гренадерского полка А. П. Саломон был ранен 12 октября 1877 г. в бою у Горного Дубняка (см.: Памятник Восточной войны 1877—1878 гг. — СПб., 1878

1877 г. в бою у Горного Дубняка (см.: Памятник Восточной войны 1877—1878 гг. ... СПб., 1878, с. 381).

59 Головнин Александр Васильевич (1821—1886), министр народного просвещения, член Государственного совета.

60 Константин Николаевич (1827—1892), великий князь, морской министр, в 1865—1881 гг. — председатель Государственного совета.

61 Никольский Владимир Васильевич (1836—1883), писатель, профессор русской словесности в Александровском лицее.

62 Шмидт Александр Эдуардович (1871—1939), арабист, исламовед, преподаватель Петербургского университета, с 1920 г. — ректор Ташкентского университета.

63 Саломон Петр Иванович (1819—1905), чиновник министерства юстиции, член Государственного совета, сенатор.

64 Хитрово Михаил Александрович (1837—1896), дипломат.

65 Муханова Елизавета (Вета) Михайловна (урожд. Хитрово) (1870 — после 1918), дочь М. А. и С. П. Хитрово, в январе 1896 г. вышла замуж за Г. А. Муханова.

66 Грейг Юлия Михайловна (1800—1881), вдова адмирала Алексея Самуиловича Грейга (1775—1845), главного командира Черноморского флота и севастопольского военного губернатора. Мать Вл. С. Соловьева — Поликсена Владимировна — дочь контр-адмирала Черноморского флота В. П. Романова.

67 Величко Василий Львович (1860—1903), писатель, поэт. В 1883 г. окончил Училище правоведения в Петербурге. С Вл. С. Соловьевым познакомился зимой 1890—1891 гг. Автор воспоминаний «Владимир Соловьев. Жизнь и творения» (1902).

68 В. Л. Величко исполнял обязаности редактора газеты «Кавказ» в 1897—1900 гг.

69 Голицын Григорий Сергеевич (1838—1907), князь, генерал-адъютант, в 1897—1904 гг. — главнокомандующий на Кавказе.

70 Часть произведений В. Л. Величко кавказского периода написана совместно с Марией Георгиевной Маро (псевдоним; настоящая фамилия Муретова).

71 Протейкинский Виктор Петрович, член Религиозно-философского общества, поклонник Вл. С. Соловьева (о нем см.: Бенуа А. Н. Мои воспоминания. Кн. 4—5. М., 1980, с. 280—285).

72 Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич (1859—1929), юрист, писатель, политический деятель, автор воспоминаний о Вл. С. Соловьеве (Вестник Европы, 1900, № 11, с. 443—453), с которым он познакомился в 1889 г.

73 Кони Анатолий Федорович (1844—1927), судебный и общественный деятель, обер-прокурор кассационного департамента Сената, сенатор, член Государственного совета, критик, публицист, сотрудник журнала «Вестник Европы», автор сборника мемуаров «На жизненном пути» (Т. 1—5, 1912—1929). Ко времени беседы с С. М. Лукьяновым были опубликованы речь А. Ф. Кони на заседании Академии наук 21 января 1901 г. «Владимир Сергеевич Соловьев» и воспоминания о сотрудничестве философа в журнале «Вестник Европы» (см.: Кони А. Ф. Собр. соч., т. 7, М., 1969, с. 220—259, 335—374). Несмотря на отсутствие принципиальных расхождений в оценках личности Вл. С. Соловьева, А. Ф. Кони в разговоре с С. М. Лукьяновым более откровенен в объяснениях причин, приведших философа в редакцию «Вестника Европы», характеристиках

лиц из его окружения и т. д.

74 Встреча состоялась при посещении А. Ф. Кони дома писателя Алексея Феофилактовича Писемского, с младшим сыном которого — Николаем — Вл. С. Соловьев обучался в одном классе 5-й московской гимназии. С. М. Лукьянов так передает рассказ А. Ф. Кони: «...Писемский любил, чтобы его сыновья присутствовали при его разговорах с А. Ф. Кони. Случилось так, что в это время у молодого Николая Писемского был в гостях его товарищ по гимназии Соловьев. А. Ф. Писемский предложил выйти к А. Ф. Кони и ему. Соловьев был в «штатском» платье, одет «франтовато»... Лучше всего запомнился А. Ф. Кони во внешности Соловьева модный тогда гастух, с широкими вышитыми концами, явно обличающий невинное щегольство будущего философа...» (Лукьянов С. М. О Вл. С. Соловьеве... Кн. 1, с. 123—124; см. также: Кони А. Ф. Собр. соч., т. 6, М., 1968, с. 240—248).

75 Сближение Вл. С. Соловьева с редакцией «Вестника Европы» началось с 1888 г. С этого времени философ помещал свои работы преимущественно в этом журнале.

76 Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911), историк, публицист, общественный деятель, в 1866—1908 гг. — редактор-издатель журнала «Вестник Европы».

77 Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885), историк, публицист.

78 Статья Вл. С. Соловьева «Идолы и идеалы» (Вестник Европы, 1891, № 3, 6) посвящена критике общетеоретических положений славянофильского учения.

79 Спасович Владимир Данилович (1809—1906), публицист, юрист, автор работ по международному, уголовному праву и процессу.

80 Стасюлевич Любовь Исааковна (ум. 1917), жена М. М. Стасюлевича.

81 См.: Соловьев Вл. С. Судьба Пушкина // Вестник Европы, 1897, № 9. А. Ф. Кони в статье «Нравственный облик Пушкина» (1899) осуждал позицию ряда исследователей, в том числе и Вл. С. Соловьева, которые не соглашались со взглядом на последнюю дуэль поэта как единственное средство защиты его человеческого достоинства (Кони А. Ф. Собр. соч., т. 7, М., 1969. с. 246).

82 В письме к М. М. Стасюлевичу от октября 1899 г. Вл. С. Соловьев сообщал в этой связи: «...Ничего о Кони и против Кони я писать для печати не буду...» (Соловьев Вл. С. Письма. Т. 4, Пг., 1923, с. 81).

83 Жемчужников Алексей Михайлович (1821—1908), поэт.

84 Кавос Екатерина Сергеевна (урожд. Зарудная), художница. Как видно из текста портрет Вл. С. Соловьева был написан зимой 1899—1900 гг. А. Ф. Кони относил работу над портретом к весне 1899 г. (см.: Кони А. Ф. Собр. соч., т. 7, с. 250)

85 Речь идет о посещении Вл. С. Соловьевым дома еврейских общественных деятелей Горация Осиповича (1833—1909) и Давида Горациевича (1857—1916) Гинцбургов.

86 Здесь и далее письма и воспоминания под № 3—7, 11 датируются по содержанию документа и пометам С. М. Лукьянова

87 Речь идет о публикации первых глав книги С. М. Лукьянова «О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии» (см.: Журнал Министерства народного просвещения, 1915, № 1, 3, 5).

88 Коваленская Ольга Михайловна (в замуж. Соловьева) (1855—1903), художница, жена младшего брата Вл. С. Соловьева — Михаила (1862—1903) (см.: Лукьянов С. М. О Вл. С. Соловьеве... Кн. 1. Пг., 1916, с. 24—25).

89 Коваленская Александра Григорьевна (урожд. Карелина) (1829 — ок. 1914), детская писательница.

90 Коваленский Николай Михайлович, товарищ прокурора прокурорского надзора Московского окружного суда.

91 Морошкин Федор Лукич (1804—1857), юрист, профессор кафедры гражданских законов Московского университета. Коваленская Наталья Федоровна (урожд Морошкина) (ум. 1909), выпускница Московской консерватории, концертировала в провинции, в 1875 г. основала музыкальную школу в Москве.

92 Коваленский Михаил Николаевич (1874—1923), историк, педагог.

93 См.: Кони А. Ф. Собр. соч., т. 6, М., 1968, с. 240—248.

94 Писемский Павел Алексеевич (1850—1910), сын А. Ф. Писемского, гимназический приятель Вл. С. Соловьева, доцент Московского университета.

95 Летний отдых в 1915 г. А. Ф. Кони проводил на даче близ ст. Сиверское Варшавской железной дороги.

96 Кони А. Ф. Владимир Сергеевич Соловьев. Речь на публичном заседании Академии наук 21 января 1901 г. (Вестник Европы, 1903, № 2; он же. Вестник Европы, 1908, № 48, 50.

97 Кузен Виктор (1792—1867), французский философ.

Спиноза Бенедикт (1632—1677), голландский философ.

98 Кони А. Ф. Спиноза в русском переводе / Рец. на кн.: Этика Бенедикта Спинозы. Под. ред. В. И. Модестова. СПб., 1886 // Вестник Европы, 1887, № 11, с. 369—375.

99 Кант Иммануил (1724—1804), немецкий философ. «Критика практического разума» (1788) принадлежит к числу его основных философских сочинений.

100 Хомяков Алексей Степанович (1804—1860), философ, поэт, публицист, один из теоретиков славянофильства. Понятие «скитание мысли» А. Ф. Кони употребляет в своей речи «Нравственный облик Пушкина» (Кони А. Ф. Собр. соч., т. 6, с. 27).

101 См.: Лукьянов С. М. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии // Журнал Министерства народного просвещения, 1915, № 5, с. 116.

102 См.: Кони А. Ф. Собр. соч., т. 6, с. 45.

103 См.: Лукьянов С. М. Указ. соч., с. 75.

104 Опубликованы со списков, предоставленных А. Ф. Кони: Соловьев Вл. С. Письма. Т. 4, Пг., 1923, с. 142.

105 Письмо (1889), шуточные стихотворения (1895) и дарственные надписи Вл. С. Соловьева к А. Ф. Кони см.: там же. Т. 2, СПб., 1909, с. 348—351.

106 С. М. Лукьянов и А. Ф. Кони были членами Государственного совета по назначению 1906 — 1907

соответственно с 1906 г. и 1907 г.

107 Гриневская Изабелла Аркадьевна (1864—1944), поэтесса, драматург. С. М. Лукьянов обратился к ней с просьбой написать воспоминания, вероятно, по прочтении ее автобиографии, где поэтесса упоминала о Вл. С. Соловьеве как редакторе ее стихотворений (см.: Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей. СПб., 1911, с. 243—264).

108 Сын поэта П. И. Вайнберга — Евгений (см.: там же, с. 246—247).

109 Гауптман Герхарт (1862—1946), немецкий драматург (см.: Гриневская И. А. Из Гауптмана // Вестник Европы, 1898, № 10, с. 793). Последние четыре строки стихотворения расходятся с печатным текстом.

110 Гриневская И. А. Три пути (1900—1901); она же. Стихотворения. СПб., 1904, с. 123—135; она же. ... Баб. Драматическая поэма в 5-ти действиях. СПб., 1903.

111 ЦГАЛИ, ф. 125, оп. 1, ед. хр. 413, лл. 1—2. Автограф. Кроме воспроизводимого, писем Вл. С. Соловьева к И. А. Гриневской в архиве последней не обнаружено. В архиве философа сохранился недатированный список с его телеграммы к И. А. Гриневской следующего содержания: «Очень благодарю. Поручение исполню в среду» (там же, ф. 446, оп. 1, ед. хр. 46, л. 1).

112 Гриневская И. А. Стихотворения, с. 16—18.

113 См.: Соловьев Вл. С. Судьба Пушкина. СПб., 1898. Публичная лекция о М. Ю. Лермонтове состоялась в марте 1899 г. (Вестник Европы, 1901, № 2, с. 441—459).

114 Панихида по поэту Я. П. Полонскому (1820—1898) состоялась 18 октября 1900 г.

115 Меньшиков Михаил Осипович (1859—1918), публицист, ведущий сотрудник газет «Неделя» (до 1901), «Новое Время».

116 См.: Книжки «Недели». 1901, № 1, с. 139; Гриневская И. А. Указ. соч., с. 106.

117 Мамонова Екатерина Константиновна, вдова директора медицинского департамента Н. Е. Мамонова (1829—1888).

118 Соллогуб Федор Львович (1848—1890), граф, поэт, художник.

119 См.: Соловьев Вл. С. Кризис западной философии. Против позитивистов. М., 1874.

120 Самарин Юрий Федорович (1819—1876), писатель, общественный деятель славянофильского направления.

121 Самарин Федор Дмитриевич (1858—1920), сын Д. Ф. Самарина, земский деятель Московской губернии.

122 Самарин Дмитрий Федорович (1831—1901), писатель, общественный деятель, издатель сочинений своего брата Ю. Ф. Самарина, автор брошюры «Поборник вселенской правды» (1890), где обвинял Вл. С. Соловьева в искажении славянофильского учения в его «Очерках по истории русского сознания» (1889).

123 Соловьев Вл. С. Под пальмами. Три разговора о мирных и военных делах. Разговор первый. Канн, 10-го (22-го) мая 1899 г. // Неделя, 1899, № 10, с. 5—36.

124 Оболенский Алексей Дмитриевич (род. 1855), князь, управляющий Дворянским и

Крестьянским поземельными банками, товарищ министра внутренних дел, товарищ министра финансов, обер-прокурор Синода, с 1906 г. — член Государственного совета по назначению. Вл. С. Соловьев познакомился с А. Д. Оболенским ок. 1891 г. (ГБЛ, ф. 700, к. 3, ед. хр. 21, л. 4).

125 См.: Лукьянов С. М. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. Гл. XI—XII // Журнал Министерства народного просвещения, 1916, № 8—9. Содержание указанных глав посвящено защите Вл. С. Соловьевым магистерской диссертации.

126 Речь идет об исследовании философа Евгения Николаевича Трубецкого (1863—1920) «Миросозерцание Вл. С. Соловьева» (Т. 1—2, М., 1913).

127 Лопатин Александр Михайлович, судебный деятель, публицист, брат Л. М. Лопатина (см. примеч. 145).

128 Амвросий (в миру: Александр Михайлович Гренков) (1812—1891), с 1860 г. — старец калужской Введенской Оптиной пустыни.

129 Ростан Эдмон (1868—1918), французский поэт и драматург.

130 Леонтьев Константин Николаевич (1831—1891), писатель, публицист, литературный критик.

Вл. С. Соловьев познакомился с ним в 1878 г. Публичная полемика между ними началась с 1888 г. О существе расхождений см.: Фудель И. К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях // Русская Мысль, 1917, № 11—12, с. 17—32. Последние годы жизни К. Н. Леонтьев провел в Оптиной пустыни под духовным руководством о. Амвросия.

131 Вл. С. Соловьев посетил Оптину пустынь 26—27 июня 1878 г. вместе с Ф. М. Достоевским.

132 В 1883 г. в издаваемой И. С. Аксаковым газете «Русь» опубликован цикл статей Вл. С. Соловьева по вопросу о «разделении церквей». В 1887 г. с критикой взглядов Вл. С. Соловьева о «взаимных отношениях церкви восточной и западной» выступил Т. Стоянов (см.: Вера и Разум, 1887, № 11, 15).

133 Гиацинтов Владимир Егорович (1858—1933), писатель, профессор кафедры истории искусств Московского университета, автор популярных шуточных пьес, пародий. С. М. Лукьянов обратился к В. Е. Гиацинтову по рекомендации младшей сестры философа поэтессы Поликсены Сергеевны Соловьевой (ЦГАЛИ, ф. 2049, оп. 3, ед. хр. 493, лл. 1—4).

134 Венкстерн Алексей Алексеевич (1856—1909), выпускник поливановской частной гимназии (1874), Московского университета (1879), член Общества любителей Российской словесности, чиновник Московского комитета по делам печати, автор воспоминаний «Московский Шекспировский кружок» (Московский Еженедельник, 1907, № 22—29). Шекспировский кружок образован в декабре 1873 г. по инициативе Вл. С. Соловьева и Л. М. Лопатина с целью пропаганды сочинений и постановки на сцене произведений Шекспира. Костяк его труппы составили первые выпускники поливановской частной гимназии. Кружок просуществовал до 1883 г.

135 Поливанов Лев Иванович (1838—1899), литературовед, педагог, основатель частной гимназии в Москве (1868), руководитель Шекспировского кружка, на его московской квартире проходили репетиции спектаклей (см.: Памяти Л. И. Поливанова. К 10-летию его кончины. М., 1909, с. 33—41).

136 Псевдоним, под которым выступали поэты А. К. Толстой, братья Жемчужниковы. Юмористические стихи и пародии Козьмы Пруткова оказали заметное влияние на творчество Вл. С. Соловьева.

137 Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879), отец Вл. С. Соловьева, историк, профессор

137 Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879), отец Вл. С. Соловьева, историк, профессор (1845—1879), в 1870—1877 гг. — ректор Московского университета, с мая 1877 г. — в вынужденной отставке.

138 См.: Соловьев Вл. С. Шуточные пьесы. М., 1922, с. 13—28.

139 Пьесы «Тезей. Драматическая поэма» (Ревель, 1892), «Жестокий барон. Трагедия» (М., 1892) опубликованы анонимно. Пьеса «Шварцвальдские разбойники» не публиковалась.

140 Текст пьесы приложен к письму В. Е. Гиацинтова (ГБЛ, ф. 700, к. 3, ед. хр. 14, лл. 8—27. Рукой В. Е. Гиацинтова).

141 Шуцкая Елизавета Николаевна (урожд. Клименко), кузина А. А. Венкстерна (см. примеч. 134), в 1880-х гг. вышла замуж за одного из активных участников Шекспировского кружка, выпускника Московского университета Александра Константиновича Шуцкого. В 1880—1890-е гг. проживала в Тульской губернии, где ее муж состоял на земской службе, с конца 1900-х гг. — в Москве. С С. М. Лукьяновым познакомилась, вероятно, через В. Е. Гиацинтова

142 Соловьев Сергей Михайлович (1885—1942), поэт, племянник Вл. С. Соловьева, издатель его сочинений, оказывал большую помощь С. М. Лукьянову в подготовке материалов для биографии

Вл. С. Соловьева.

143 Местонахождение архива Е. Н. Шуцкой не установлено.

144 Летние месяцы семья подруги Е. Н. Шуцкой — Елизаветы Михайловны Поливановой — проводила на даче в с. Дубровицы Подольского уезда Московской губернии. С Л. И. Поливановым эта семья в родственных связях не состояла (см. примеч. 135; Лукьянов С. М. Указ. соч., кн. 3 с. 54). В с. Ивановском, что в одной версте от Дубровиц, находилась дача Венкстернов родственников автора воспоминаний С Е. М. Поливановой Вл. С. Соловьев познакомился зимой 1875 г. на Московских высших женских курсах В. И. Герье.

145 Лопатин Лев Михайлович (1855—1920) философ, по взглядам близок к Вл. С. Соловьеву, с которым его связывали дружеские отношения еще с догимназических времен, профессор Московского университета (с 1892), председатель Московского психологического общества, редактор журнала «Вопросы Философии и Психологии».

146 Венкстерн Прасковья Николаевна, вероятно, мать А. А. Венкстерна.

147 Юрьев Сергей Андреевич (1821—1888), театральный деятель, критик, переводчик. Павлов Рафаил Михайлович (1820-е — 1911), помощник библиотекаря Румянцевского музеума, публицист, критик. См. так же примеч. 135.

148 В ноябре 1880 г. состоялась премьера трагедии Шекспира. См. также примеч. 134.

149 Роли исполняли: Альсим — В. Е. Гиацинтов, Элеонора — Л. М. Лопатин, Сатана — А. А. Венкстерн. См. также примеч. 139.

150 Первое четверостишие стихотворного цикла Гейне «Трагедия» (1829):

Бежим! Ты будешь мне женой,

Мы отдохнем в краю чужом! В моей любви ты обретешь

И родину и отчий дом.

(Гейне Г. Полн. собр. соч., т. 2, М. — Л., 1948, с. 96).

151 Шекспиристы собирались на квартире сестры актера Н. М. Павлова (по сцене: Бицына) — Евгении Михайловны.

152 Варнава, схимник черниговского скита Троице-Сергиевой лавры.

153 Радлов Эрнест Львович (1854—1928), философ, библиотекарь философского отдела, директор Петербургской публичной библиотеки, редактор философского отдела энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, профессор кафедры философии Училища правоведения. Единомышленник Вл. С. Соловьева, «сверстник, собрат и друг, ...тонкий исследователь его творений» (Величко В. Л. Владимир Соловьев. Жизнь и творения. СПб., 1902, с. 35). Автор статей о творчестве Вл. С. Соловьева, исследования «Владимир Соловьев. Жизнь и учение» (СПб., 1913), редактор собраний его сочинений и писем. Их знакомство состоялось, вероятно, в 1890 г. С. М. Лукьянов широко привлекал полученные от Э. Л. Радлова биографические сведения в своих «Материалах». Сохранилась запись беседы С. М. Лукьянова с Э. Л. Радловым от 21 мая 1921 г. (ГБЛ, ф. 700, к. 2, ед. хр. 3, лл. 239—240), целиком вошедшей в 4-ю книгу исследования «О Вл. С. Соловьеве...» (ГБЛ, ф. 700, к. 1, ед. хр. 5, лл. 215—216).

154 Вероятно, поездка была предпринята по «прямой Александрийской линии» на пароходе «Царь» с отправлением из Одессы около 5 апреля 1898 г. Проезд в один конец

продолжительностью 7 суток в первом классе стоил 73 руб. (см.: Путеводитель по Черному морю, Крыму и Кавказу. М., 1897, с. 19, 104).

155 Ланге Николай Николаевич (1858—1921), писатель, профессор философии Новороссийского университета.

156 Закон Вебера — Фехнера (основной психофизический закон) определяет связь между интенсивностью ощущения и силой вызывающего его раздражителя; назван по имени немецких ученых: физиолога Э. Вебера (1795—1878) и физика Г. Фехнера (180—1887).

157 Зиновьев Иван Алексеевич (1835—1917), дипломат, посол в Константинополе.

158 Трубецкой Григорий Николаевич (1873 — после 1929), брат Е. Н. и С. Н. Трубецких, публицист, секретарь посольства в Константинополе.

Шебунин Алексей Федорович, секретарь генерального консульства России в Европейской Турции. Смирнов Василий Дмитриевич (1846—1922), археолог, историк литературы.

159 Успенский Федор Иванович (1845—1928), директор Русского археологического института в Константинополе.

160 Скрыдлов Николай Илларионович, контр-адмирал, командующий русской эскадрой. Он принимал гостей на броненосце «Император Александр II».

161 Елец Юлий Лукьянович (род. 1862), военный писатель, журналист. О встречах с Вл. С. Соловьевым см. его книгу «Из моих скитаний» (СПб., 1905, с. 133—160).

162 Вл. С. Соловьев посетил Египет весной 1876 г. во время первой заграничной поездки.

163 Булакский музей — музей древностей в пригороде Каира. Гелиополь — развалины одного из древнейших городов Египта в 31 версте от Каира. С. М. Соловьев (младший) вспоминал: «В(ладимир) С(ергеевич) ... привез в дар родным несколько маленьких мумий, египетского жука и большую желтую свечу из Смирны» (см.: Соловьев Вл. С. Стихотворения. Изд. 6-е, М., 1915, с. 41).

164 См.: Елец Ю. Л. На пирамидах // С.-Петербургские Ведомости, 1902, № 205, 30 июля.

165 Меджидие — турецкая золотая монета.

166 Мандельштам Андрей Николаевич (1869—1930-е), дипломат, драгоман в Константинополе.

167 Стихотворение «Мимо Троады» приложено к письму Вл. С. Соловьева к М. М. Стасюлевичу от 14/26 апреля 1898 г. Второе стихотворение написано 8—11 апреля в Архипелаге (см.: Соловьев Вл. С. Стихотворения, с. 176, 181, 328).

168 15 июля 1900 г. писатель Николай Васильевич Давыдов (1848—1920) сопровождал больного Вл. С. Соловьева в подмосковное имение князя П. Н. Трубецкого Узкое, где через 16 дней философ скончался (см.: Давыдов Н. В. Из прошлого. Воспоминания. Ч. 2, М., 1917, с. 151—156).

Публикация А. Н. ШАХАНОВА

Шаханов А. Н. [Материалы к биографии Вл. С. Соловьева] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 392—393. — [Т.] II—III.

(Из архива С. М. Лукьянова)

Сергей Михайлович Лукьянов (1855—1935) известен прежде всего как крупнейший специалист в области патологической физиологии, педагог, государственный и общественный деятель*. Попытки глубокого теоретического осмысления новейших достижений медицинской науки предопределили его интерес к философским дисциплинам, творчеству Л. М. Лопатина, Вл. С. Соловьева, С. Н. Трубецкого. Личное знакомство с Вл. С. Соловьевым состоялось в середине 1890-х гг. В 1898 г. они оба выступали с докладами на заседаниях Петербургского философского общества в память О. Конта**. Вл. Соловьев оказал протекцию Лукьянову в журнале «Вестник Европы» и был критиком его стихотворных опытов***.

В 1900-е гг. появились первые воспоминания, публикации ранее неизвестных произведений, документов о жизни и деятельности Вл. Соловьева. Однако исследователи сразу встретились со значительными трудностями. «Соловьев, подобно метеору, блистал и исчезал со столичных горизонтов Петербурга и Москвы, часто бывал за границей, часто уединялся в глухой деревне, и биографу, без сомнения, необходимо установить точные даты, т. е. дать точные сведения времени и места, а это не так легко», — писал Э. Л. Радлов****. Именно за выполнение этой задачи и принялся в начале 1910-х гг. Лукьянов: «Мы должны собрать наличные биографические материалы, и лишь затем уже наступит черед, путем последовательного и беспристрастного сопоставления их, подводить общие итоги, строить биографию в собственном смысле слова»*****.

На первом этапе им был выявлен, обобщен весь комплекс опубликованных источников о Вл. Соловьеве. Пользуясь своим высоким служебным положением, широкими личными связями, авторитетом в научном и политическом мире, Лукьянов обратился с просьбой о содействии к людям, хорошо знавшим ученого, и в государственные учреждения. Итогом многолетнего труда явилось исследование «... О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы» (кн. 1—3, Пг., 1916—1921)******. В настоящее время оно является наиболее полным и систематическим собранием биографических сведений о философе до 1877 г. включительно.

Часть материалов, собранных Лукьяновым (воспоминания современников, записи бесед с ними, письма), хронологически выходили за рамки предпринятой им работы и не были включены в нее. Они и составили основу настоящей публикации. Воспроизводимые в ней документы отражают события второго двадцатипятилетия жизни Вл. Соловьева (1853—1900): круг знакомств (Е. К. Мамонова, А. Д. Оболенский, Э. Л. Радлов, Э. Э. Ухтомский, Е. Н. Шуцкая), сотрудничество в

журнале «Вестник Европы» (И. А. Гриневская, А. Ф. Кони), участие в работе Шекспировского кружка (В. Е. Гиацинтов) и др. Они призваны расширить и углубить наши представления о личности выдающегося ученого, поэта, публициста.

Д. Д. Языков. Материалы для “Обзора жизни и сочинений русских писателей и писательниц”. Выпуск 14. (Русские писатели и писательницы, умерш

Языков Д. Д. Материалы для «Обзора жизни и сочинений русских писателей и писательниц». Вып. 14. 1894 г. (р—я) / Публ. Г. Ю. Дрезгуновой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 428—460; Статьи по энцикл. технологии? — в XIII т. сделано одним файлом??*

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Иван Николаевич (родился в 1803 году — умер 6 сентября 1894 года в Москве) — протоиерей, председатель Общества любителей духовного просвещения, член Московской Духовной Академии.

Шестидесятилетие священства

Завтра, 27 июля, исполняется шестидесятилетие священства самого старейшего и заслуженнейшего из протоиереев первопрестольной столицы, известного протоиерея Иоанно-Предтеченской, что под Бором, церкви Иоанна Николаевича Рождественского. Маститый протоиерей, много потрудившийся на пользу православной церкви и духовного просвещения, несмотря на свой преклонный возраст, до настоящего времени продолжает священнодействовать. И. Н. Рождественский родился во Владимирской губернии, учился в местной духовной семинарии, откуда по окончании курса поступил в Московскую Духовную Академию. В Академии он окончил курс в 1826 году со степенью магистра богословия и в том же году назначен профессором философии в Полтавскую духовную семинарию, где его деятельность продолжалась в течение пяти лет. В 1831 году он перемещен в Вифанскую семинарию также профессором философских наук. Пребывание в этой семинарии было непродолжительно, так как 27 июля 1834 года до 1850 года он определен священником к Крестовоздвиженской в Московском Дворянском Институте церкви. Затем он перешел к Николаевской, что на Пупышах, церкви (протоиерей 1849—1850 гг.), а отсюда (1855 г.) — к Преображенской в Наливках церкви, в которой послужил три года. В 1858 году отец Рождественский перемещен к церкви Св. Иоанна Предтечи, что под Бором, в которой священнодействует до настоящего времени в протоиерейском сане.

Деятельность протоиерея И. Н. Рождественского далеко не ограничивалась только священнослужительскими обязанностями. В начале шестидесятых годов он в качестве депутата от духовного ведомства принимал участие в обсуждении вопроса о разверстании церковных земель с помещиками, а в семидесятых годах вызывался в Петербург для присутствования в заседаниях комитета для преобразования духовно-судебной части, организованного при Святейшем Синоде. Затем он принимал участие в комиссии для рассмотрения вновь составленного устава духовных семинарий. Много потрудился отец Рождественский для развития и укрепления деятельности Московского Общества Любителей Духовного Просвещения, состоял в течение продолжительного времени председателем его. Заслуги его на пользу этого Общества были вполне оценены, когда он был назначен несменным председателем Общества. За свои научные труды и полезную деятельность на пользу духовного просвещения протоиерей И. Н. Рождественский был удостоен звания почетного члена Московской Духовной Академии. В разное время за свою плодотворную и разнообразную деятельность отец Рождественский был награжден: палицей, орденами Св. Владимира 2-й, 3-й и 4-й степеней. Св. Анны 1-й и 2-й степеней и другими знаками отличия.

От души желаем маститому протоиерею, чтобы деятельность его еще долго продолжалась на

Об душеполезной пастырской деятельности, своевременности и пользе предпринятых им
пользу Православной Церкви («Московские Ведомости». 1894, № 203).

Памяти протоиерея

И. Н. Рождественского

В лице скончавшегося маститого протоиерея И. Н. Рождественского сошел в могилу замечательный представитель московского духовенства.

Это был, прежде всего, старейший питомец Московской Духовной Академии, обучавшийся в ней еще при самом начале архипастырской деятельности незабвенного митрополита Филарета, а потому представлявший до последних дней живой пример далекого прошлого и служивший как бы ясным отголоском преданий старины.

С другой стороны, почивший отец протоиерей, прослуживший среди Москвы в священном сане более шестидесяти лет, непрерывно являлся деятельным членом и даже руководителем в разных комиссиях и учреждениях, связанных с жизнью московского духовенства. Так, он долгое время состоял членом Московской Консистории и принимал живое участие в рассмотрении ныне действующего устава духовных семинарий. Особенно же выдалась его деятельность в заседаниях комитета для преобразования духовно-судебной части, организованного при Святейшем Синоде в семидесятых годах, и в Московском Обществе Любителей Духовного Просвещения, где он в течение почти четверти века занимал пост председателя. В этом Обществе им положено начало изданию «воскресных листков» и ведению «катехизических собеседований». Наконец, перу покойного принадлежит ряд статей, помещенных в духовных журналах: «Душеполезном Чтении» и в «Чтениях Общества Любителей Духовного Просвещения». Так, в первом журнале напечатаны его проповеди «О труде» (1860, кн. 3), «Нужды» (кн. 12), «Борьба веры с неверием» (1867, кн. 5), «Речь пред гробом митрополита Филарета» (1867, кн. 11) и «Ныне отпущаеши раба Твоего» (1869, кн. 1), а во втором — замечательная речь «О ложном взгляде современной науки на человека и его жизнь», и о том, что гибельные последствия такого взгляда можно предотвратить только христианским воспитанием новых поколений (1876, кн. 2) («Московские Ведомости», 1894, № 245, 246).

М. М. (Д. Д. Языков)

Библиография

Его:

Статья «Исторические основания благоустроения епархиальных училищ» («Православное Обозрение», 1865, кн. 5, с. 118—130), как впервые раскрыл архиепископ Савва (см. его «Хронику», т. III, с. 63). «Письма» к архиепископу Тверскому Савве (см. его «Хронику», т. VIII).

О нем:

«Московские Церковные Ведомости», 1894, № 37, с. 463—468; № 38, с. 477—478; № 39, с. 502.

«Церковные Ведомости», 1894, № 39, с. 1392—1394; № 40, с. 1428—1430; 1901, № 36, с. 1294.

«Московские Ведомости», 1894, № 203, 245, 246.

«Новое Время», 1894, № 6657.

«Душеполезное Чтение», 1894, кн. 10—11 и 12; с. 318—326, 459—472, 573—579.

РОЛЛЕ Иосиф Иосифович (умер 9 января 1894 года в Каменец-Подольске) — доктор медицины Киевского Университета.

Киевского университета.

Родился и всю свою жизнь провел в Подолии. Он долго и много изучал свой родной край с научно-исторической и художественно-литературной точек зрения; результатом чего явились его печатные труды в количестве 49 номеров.

Библиография

О нем:

«Труды Подольского церковного историко-археологического общества» (бывшего Историко-статистического комитета), 1904, Каменец-Подольск, выпуск десятый, с. 506—517 («Воспоминания» Н. Яворского) и с. 517—527 («Хронологический список трудов покойного И. И. Ролле»).

«Киевская Старина», 1894, кн. 2 (статья проф. В. Б. Антоновича).

РОМАШКЕВИЧ Иван Андреевич (родился в 1832 году — умер в феврале 1894 года в Лебединском уезде) — земский врач.

Некролог

В начале февраля в Лебединском уезде скончался скромный труженик — земский врач И. А. Ромашкевич, памяти которого «Хар(ьковские) Губ(ернские) Вед(омости)» посвящают следующие прочувственные строки:

Почти 40 лет он проработал в своем участке, помогая имущим и неимущим. В шестидесятых — семидесятых, а отчасти и восьмидесятых годах имя Ромашкевича было известно далеко, и к нему стекалась масса народа; в весенние месяцы он нередко принимал по 200 человек больных в день, работая по 15 и 20 часов без отдыха. В то время вообще медиков в селах было мало, а таких, как покойный, и еще меньше. И собирались к нему больные из Полтавской, Киевской, Черниговской, Харьковской и Курской губерний. И теперь еще, по старой памяти, к нему приезжали больные из отдаленных мест. Работы было не мало, — работал и в участке, часто вызывали его к тяжелым больным и в соседние уезды как своей, так и других губерний. Ромны, Ахтырка, Сумы, Гадяч, Суджа, Рыльск, Зеньков, даже Лохвица, Переяславль, Миргород и многие другие места знали Ромашкевича. Звон его колокольчика был известен далеко. Его знали и помещики, и крестьяне, и по всем местам проезда высылали и выезжали на звук его и просили завернуть посмотреть больного. Было время, когда Ромашкевич больше жил в экипаже, чем дома. Лет шесть или семь тому назад местное общество и дворянство праздновали 30-летие его земско-медицинской службы в Лебединском уезде. Много говорили тогда ему разных речей, вспоминая и колокольчик, звук которого нередко горе обращал в радость. Тогда же местное дворянство чествовало его подношением особенного ларца и других подарков. Полтора года тому назад Иван Андреевич начал хворать, но все еще работал, а с полгода он уже совсем отказался от всякой деятельности, мирно дожив остаток дней своих там, где его видали лучшие дни и где на его глазах целые поколения вырастали, женились, старились и у него же лечились. Прожив относительно долго (62 года), пережив разные направления его родной науки, он от нее и не отставал, до последних дней своих следил за ее успехами и всегда был на ее уровне. Ему, воспитывавшемуся еще в сороковых годах, нужно было не мало работать, чтобы не отставать от прогрессивного хода знаний, и он до последних дней был современным врачом. Диагност и практик он был замечательный, добрый врач и такой же товарищ, скорый на помощь как больному, так и сомневающемуся товарищу. Слезами, речами и венками проводило его местное общество в могилу, место которой он сам еще при жизни указал, — сожалея о добром старом знакомом Иване Андреевиче Ромашкевиче. Вот жизнь, протекшая без громких фраз, без жалких слов, исполненная истинно христианской любви к ближнему! Как все просто и ясно, как много здесь поучительного для юношества, запутывающегося в сложных и, пожалуй, праздных вопросах о «неделании», о «вреде денег» и т. п. («Новое Время», 1894, № 6464).

Библиография

О нем:

«Новое Время», 1894, № 6464.

РОСТОВЦЕВ Яков Алексеевич (родился в 1833 году — умер 7 июня 1894 года в Петербурге) — переводчик.

Некролог

На днях скончался в Петербурге Яков Алексеевич Ростовцев, переводчик «Курса политической экономии» Моли-нара, «Трактата о политико-экономии» Курсель-Сенеля и др. Я. А. Ростовцев родился в 1833 году и после окончания курса в 1-й московской гимназии поступил в Московский университет, в котором окончил курс по камеральному факультету в 1854 году.

Библиография

О нем:

«Новое Время», 1894, № 6565.

«Исторический Вестник», 1894, кн. 8, с. 560.

РУБИНШТЕЙН Антон Григорьевич (родился 16 ноября 1829 года — умер 8 ноября 1894 в Петергофе) — композитор и пианист.

Театральные и музыкальные известия

11 июля исполнилось пятьдесят лет с того времени, как А. Г. Рубинштейн впервые выступил пред публикой в качестве пианиста. О годе и дне своего рождения А. Г. Рубинштейн сам сделал пометку в Альбом М. И. Семевского (изд. 1888 года). Он записал: «Родился 18 ноября 1829 года». Рубинштейн родился в Херсонской губернии, в селе Выхватинец, близ города Дубоссары, в бедной еврейской купеческой семье, и ребенком был перевезен в Москву. Детство свое Рубинштейн провел в этом городе, где его отец, Григорий Абрамович Рубинштейн, имел карандашную фабрику. Последний скончался сорок лет тому назад; мать же Рубинштейна, Калерия Христофоровна, живет до сих пор в Одессе; ей теперь 78 лет. Она первая подметила музыкальное дарование в маленьком Антоне, который, будучи еще пятилетним мальчуганом, совершенно верно напевал всевозможные мотивы. Г-жа Рубинштейн учила его сперва шутя, и занималась с ребенком 1 ? года. Дальнейшее свое музыкальное образование он получил под руководством А. И. Виллуана, который учил его до 13 лет. Десятилетним мальчиком он впервые выступил публично в окрестностях Москвы, в зале Петровского парка, в благотворительном концерте, устроенном покойным Виллуаном, единственным профессором Рубинштейна по фортепиано. Allegro из Концерта A-moll Гуммеля, Хроматический Галоп Листа, Фантазия Тальберга и проч. свидетельствуют о том, что десятилетний мальчик и при своем небольшом возрасте уже достиг весьма значительной виртуозности, требуемой этими пьесами. А. И. Виллуан еще не так давно скончался, — в конце семидесятых годов. После первого концерта, Рубинштейн со страстью предался занятию музыкой, и в 1840 году, десятилетним мальчиком, поехал вместе с Виллуаном в Париж. Среди музыкантов особое внимание оказали ему Франц Лист и Шопен; затем Виллуан со своим учеником объехали всю Европу и побывали при всех дворах. Это заграничное путешествие продолжалось около трех лет. В то же время Рубинштейн не оставлял занятий теорией музыки, которую ему преподавал в Берлине Ден. В Россию Рубинштейн возвратился в 1846 году, и с тех пор его можно назвать постоянным петербургским жителем, за исключением, конечно, его частых концертных экскурсий. До 1862 года Рубинштейн выезжал за границу довольно редко. Наконец, в 1862 году великая княгиня Елена

Павловна пригласила его содействовать успеху основания Русского Музыкального Общества и консерватории, директором которых Антон Григорьевич состоял до 1867 года, и где он выказал себя также и прекрасным администратором. Набрав хороший штат профессоров и передав дело директорства в надежные руки, Антон Григорьевич в 1867 году оставил консерваторию и посвятил себя чисто артистической, концертной деятельности. Почти каждый год он давал концерты за границей, и все они сопровождались колоссальным успехом, в особенности знаменита его поездка в Соединенные Штаты в 1872—1873 годах; все время своего пребывания там он служил предметом всеобщего удивления и неподдельного восторга. По приезде из Америки, Рубиншейн в течение следующих десяти лет посвятил себя преимущественно композиции и отдельным концертам в России, а затем предпринял заключительное музыкальное путешествие зимой 1885—1886 года по столицам Европы, когда он наизусть переиграл сотни лучших фортепианных произведений композиторов трех последних веков. Эти исторические концерты Рубинштейн давал в Москве, Петербурге, Вене, Берлине, Лейпциге, Париже, Брюсселе и Лондоне. Не говоря уже о восторгах, которые были вызваны выходящим из ряда вон исполнением, память виртуоза возбуждала удивление, так как все пьесы игрались пианистом наизусть. Везде он имел громадный успех, особенно почтила Рубинштейна музыкальная Вена, давшая в честь его великолепный банкет. Последним виртуозным подвигом юбиляра можно считать его лекции по фортепианной литературе, состоявшиеся в течение последнего учебного курса 1888—89 года и носившие совершенно интимный и в то же время научный характер. В этих лекциях Рубинштейн познакомил юных слушателей почти со всею фортепианной литературой, начав с эпохи ее первых опытов и доведя ее вплоть до настоящего времени. Но деятельностью блестящего виртуоза не ограничился А. Г. Рубинштейн. Начав сочинять еще с одиннадцати лет, он написал более сотни произведений для фортепиано и оркестра, в том числе 21 оперу, 2 оратории, 6 симфоний, 5 фортепианных концертов, массу трио, квартетов, квинтетов, сонат и пр. Кроме того, он написал более 100 романсов, массу фортепианных салонных пьес, хоров, увертюр и симфонических поэм. Рубинштейн как композитор сделался особенно известен за последние несколько лет, после его симфонических картин Иоанн Грозный и Дон-Кихот. Особенно удается Рубинштейну восточная музыка. Он разработал много восточных мотивов и, как говорится, вывел их на свет Божий. В 1879 году Рубинштейн окончил оперу Купец Калашников. Его опера Демон в первый раз давалась в Москве в том же 1879 году, в октябре месяце, а в 1884 году состоялось уже сотое представление этой оперы в Петербурге: дирижировал сам Рубинштейн. В том же году на сцене Императорской итальянской оперы шла его опера Нерон. В настоящее время он кончает, как сообщает Новое Время, новую оперу под названием Хмелевая Ночь, на либретто г. Аверкиева. Нельзя обойти молчанием качества А. Г. Рубинштейна как педагога. Руководя консерваторией, он служит примером идеального отношения к искусству, он умеет вдохнуть в учеников энергию к работе, жажду знаний, любви к искусству. Ко всему этому Рубинштейн пользуется известностью как превосходный дирижер. Состоя в течение 7 лет дирижером концертов Русского Музыкального Общества, он познакомил петербургскую публику с Берлиозом, Листом и Шуманом, так что заслуги его в этом отношении очень значительны. Нельзя обойти молчанием и тех услуг, которые оказал отечественному искусству А. Г. Рубинштейн основанием в 1859 году Русского Музыкального Общества, а в 1862 году консерватории этого Общества. В течение пяти лет с основания он состоял директором этой консерватории и с 1887 года снова призван управлять своим детищем. Остается прибавить, что Антон Григорьевич, как человек, весьма любим за свой прямой характер, бескорыстие и любовь к ближнему. Средства, собранные г. Рубинштейном концертами с благотворительными целями составляют сотни тысяч рублей. Все это вместе взятое дает право предполагать, что отложенное на 18 ноября, день его рождения, чествование пятидесятилетней деятельности знаменитого композитора и виртуоза примет грандиозные размеры. По крайней мере в нем примет участие не только Россия, но и весь музыкальный мир. Насколько известно, обращение комитета по устройству празднества к разным музыкальным учреждениям как России, так и других стран, вызвало общее сочувствие. Профессора и преподаватели консерватории пожертвовали сумму в 4000 рублей на стипендию имени юбиляра. Кроме того, предложено бывшим ученикам, окончившим курс в Петербургской консерватории при А. Г. Рубинштейне, сочинить кантаты на стихи, написанные для предстоящего торжества. Все композиторы, получившие воспитание в

Консерватории, готовят для подарка А. Г. Рубинштейну альбом из своих сочинений. В разных городах России устраиваются подписи на сбор пожертвований с той же целью. Дирекция Русского Музыкального Общества подносит альбом-каталог, состоящий из иллюстраций, сделанных лучшими художниками и в то же время украшенных темами из произведений А. Г. Рубинштейна, расположенными в хронологическом порядке. По всем вероятиям, чествование распадется на несколько дней, так как предположено сделать торжественное заседание в Дворянском Собрании, собрание в Консерватории, дать концерт из произведений юбиляра, в котором примут участие все хоровые общества Петербурга, под управлением П. И. Чайковского, и, кроме того, дать на Императорской оперной сцене в первый раз новую оперу Рубинштейна — Горюша («Русская Старина», 1890, кн. 1, с. 242).

К кончине А. Г. Рубинштейна

Погребение тела скончавшегося пианиста-композитора А. Г. Рубинштейна назначено на 18 ноября, «день рождения покойного», — как сообщают петербургские газеты. Но эта дата дня рождения А. Г. Рубинштейна не верна. Основываясь на его автобиографических воспоминаниях, помещенных им пять лет тому назад в «Русской Старине» (1889, № 11), днем рождения покойного композитора следует признать 16 ноября 1829 года. Начиная свои воспоминания. А. Г. Рубинштейн говорит дословно следующее:

«Родился я в 1829 году, ноября 16, в деревне Выхватинец, на границе Подольской губернии и Бессарабии, на берегу реки Днестра. Деревня Вихватинец находится верстах в тридцати от города Дубоссары и верстах в пятидесяти от Балты.

До сих пор в точности я не знал не только дня, но и года моего рождения; в этом погрешили показания моей престарелой матушки, которая забыла время моего рождения; но по последним документальным справкам — кажется несомненно, что 16 ноября 1829 года суть день и год моего рождения, но так как я всю жизнь праздновал день рождения 18 числа, то уже на седьмом десятке — свой семейный праздник передвигать не приходится; пусть он уже и остается на 18 ноября».

Покойный композитор, таким образом, по своему желанию считал 18 ноября своим семейным праздником. Но для истории днем рождения А. Г. Рубинштейна должно считаться 16 ноября 1829 года («Московские Ведомости», 1894, № 309).

А. Я.(Д. Д. Языков)

Библиография

Его:

романс «Желание».

«Miscellanions» — собрание фортепианных сочинений (1872).

Воспоминания («Русская Старина», 1889, кн. 11, с. 517—562). Anton Rubinstein's Gedankenkorb (Лейпциг, под ред. Германа Вольфа, 1897).

Мысли и афоризмы. Перевод с немецкого Н. Штрауха. Издание Г. Малафовского. СПб., 1904.

О нем:

«Галатея», ч. I, № 6, с. 486—487; ч. IV, № 29, с. 205—206 (1839).

«Московские Ведомости», 1839, № 54.

«Маяк», 1814, ч. 19—21, отд. V, с. 74.

«Москва», 1844, № 19—21, отд. 4, с. 74.

«Московские Ведомости», 1843, № 43.

«С.-Петербургские Ведомости», 1843, № 53.

«С.-Петербургские Ведомости», 1844, № 58 и 66.

«Московские Ведомости», 1847, № 149.

«Иллюстрация», 1848, № 16, с. 248—249.

«Москвитянин», 1849, т. 1, кн. 2, с. 55.

«Воскресный Досуг», 1866, № 162.

«Современная Летопись», 1868, № 34 (статья Г. А. Лароша).

«Всемирная Иллюстрация», 1870, № 55.

«Нива», 1870, № 32.

«Музыкальный Свет», 1872, № 11.

«Музыкальный словарь» П. Д. Перепелицына. М., 1884, с. 306—307.

«Русская Старина», 1886, кн. 5, с. 440—441 («Воспоминания» И. М. Лохвицкого).

«Русская Старина», 1889, кн. 11 («Воспоминания М. Б. Р-га).

«Русская Старина», 1890, кн. 1, с. 242 и 247—280 («Биографический очерк А. И. Виллуана»).

«Биржевые Ведомости», 1894, № 309.

«Московские Ведомости», 1894, № 308—311, 313, 316, 318, 320—322, 326, 331.

«Новое Время», 1894, № 6717—6727, 6729, 6743 с иллюстр. приложениями к № 6720 и 6727.

«Русская Мысль», 1894, кн. 12, отд. II, с. 267—271.

«Русское Обозрение», 1894, кн. 12, с. 971—986.

«Московские Ведомости», 1895, № 9.

«Наблюдатель», 1895, кн. 3, с. 96—122.

Софья Кавос-Дехтерева. А. Г. Рубинштейн. Биографический очерк и музыкальные лекции (курс фортепианной литературы, 1888—1889 гг.). СПб., 1895, 280 с, с двумя портретами и 35 нотными примерами.

«Ежегодник Императорских Театров», сезон 1893—1894 гг., с. 436—446 (Г. А. Лароша).

«Вестник Европы», 1894, кн. 12, с. 907—908.

«Русский Вестник», 1896, кн. 4, с. 231—242.

«А. Г. Рубинштейн в своих духовных операх» («Музыкальная Газета», 1896, сентябрь, статья А. П. Коптяева).

«Русская Старина», 1898, кн. 5, с. 351—374 («Воспоминания» В. Бесселя).

«Московские Ведомости», 1898, № 128, 135.

«Исторический Вестник», 1899, кн. 4, с. 76—85 (М. А. Давидовой).

Каталог музея имени А. Г. Рубинштейна. С портр. и снимк. на 4 отд. листах. СПб., 1903.

«Московские Ведомости», 1904, № 309, 322, 324 («Памяти Рубинштейна» Аделаиды Гиппиус).

«Русские Ведомости», 1904, № 303, 311.

Маныкин-Невструев Н. К 10-летию со дня кончины А. Г. Рубинштейна, с портр., 1904. «Русский Вестник», 1905, кн. 1, с. 305—323 (М. Иванова).

«Русская Старина», 1909, кн. 11, с. 332—334 (Воспоминания Юлии Федоровны Абаза).

Н. Бернштейн. Биография А. Г. Рубинштейна (Universel Bibliothek, 1910).

«Семейный Журнал», 1912, № 1 (Воспоминания проф. А. Пузыревского).

«Русское Слово», 1914, № 258 (Воспоминания Н. Д. Кашкина).

СВИТКИН Илья Григорьевич (умер 3 февраля 1894 года в Петербурге) — протоиерей, настоятель церкви при больнице Св. Марии Магдалины.

Некролог

На днях скончался настоятель церкви при больнице Св. Марии Магдалины (на Васильевском острове) протоиерей Илья Григорьевич Свиткин. По окончании курса в петербургской духовной семинарии (где он был товарищем известного писателя Н. Г. Помяловского), покойный в 1858 г. поступил гувернером в Александро-Невское духовное училище, затем последовательно проходил должности дьякона и священника — при церкви пересыльной тюрьмы, при Александровской Больнице, на Малой Охте, в приходе Св. Екатерины и наконец, при больнице Марии Магдалины. Покойный — небезизвестен в духовной и светской печати. Он писал главным образом по тюремному вопросу. Так, в «Православном Обозрении» за 1872 год им написаны статьи: «Тюремный вопрос», «Лондонский конгресс по делу о тюрьмах» и др. По тому же вопросу им помещено несколько статей в «С.-Петербургских Ведомостях» за время редактирования их Коршем. Статьи эти обратили на себя внимание лиц, близких к обсуждаемому в них вопросу. Покойный известен и как хороший проповедник. Его многочисленные проповеди печатались в разных духовных журналах («Новое Время», 1894, № 6455).

СВЕЧИН Федор Александрович (родился в 1845 году — умер 14 марта 1894 года в Петербурге) — губернский предводитель дворянства г. Тулы, действительный статский советник.

Некролог

Вчера скончался от отека легких бывший тульский губернский предводитель дворянства, действ, ст. сов. Федор Александрович Свечин. Покойный принадлежал к лучшим деятелям Тульской губернии и пользовался общими симпатиями всех, знавших его, за отзывчивый добрый характер. Он был в продолжение 6 лет ефремовским уездным предводителем дворянства и 6 лет — тульским губернским. Будучи страстным охотником и коннозаводчиком, Ф. А. печатал статьи по коннозаводчеству и охотничьи рассказы, которые отличались задушевной искренностью и правдивостью («Новое Время», 1894, № 6482).

Библиография

Его:

«Исповедь бывшей душевно-больной». Тула, 1893.

«Диана и Фемида, или фантазии и действительность.

Из моих записей: «Три мировые». Рассказ («Русское Обозрение», 1894, кн. 6).

О нем:

«Московские Ведомости», 1894, № 76.

«Новое Время», 1894, № 6482.

«Исторический Вестник», 1894, кн. 5, с. 588—589.

СКАРЯТИН Николай Яковлевич (родился в 1821 году — умер 28 апреля 1894 года в с. Тесове, Сыченского уезда, Смоленской губернии) — казанский губернатор.

Из дворян, сын Я. Я. Скарятина, женатого на княжне Н. Г. Щербатовой, родился в 1821 году, в имении отца, селе Троицком (Малоархангельского уезда, Орловской губернии); после своего учения он состоял на военной службе и участвовал в Севастопольской кампании; затем — Курской губернии предводитель дворянства, а с 28 октября 1866 г. до 1880 г. — Казанской губернии; позже жил в своем имении при селе Тесове (Сыченского уезда, Смоленской губернии), где умер 28 апреля 1894 г. и похоронен на кладбище села Мелюкова.

(Д. Д. Языков)

Библиография

Его:

«Воспоминания» («Русский Архив», 1893, кн. 6; 1894, кн. 8).

О нем:

«Русский Архив», 1894, кн. 8, с. 599—602.

СМИДОВИЧ Викентий Игнатьевич (родился в 1834 году — умер 15 ноября 1894 года в Туле) — врач.

Некролог

15 ноября скончался в Туле уважаемый всем городом врач Викентий Игнатьевич Смидович. По окончании курса на медицинском факультете Московского университета в июне 1860 года, он был назначен 12 сентября ординатором больницы тульского приказа общественного призрения и занимал эту должность до 4 февраля 1867 года. С этого времени он занимался вольной практикой в Туле и весь предался науке, состоя, впрочем, постоянным врачом при пансионе Тульской женской гимназии. Только в последнее время покойный назначен был врачом Тульского реального училища. В. И. Смидович пал жертвой своего долга: он заразился от своего пациента сыпным тифом. Все усилия чуть не всех тульских врачей ничего не могли сделать, так как болезнь неожиданно осложнилась воспалением почек. 7 ноября он слег, а чрез девять дней его не стало. Смерть, притом такая быстрая, этого достойного человека возбудила общее сожаление и вызывает невольные слезы у всех знавших его. Это был человек глубоко-нравственный, религиозный и высоко-честный; несмотря на шестьдесят лет, у него была младенчески-чистая

душа. Человек добрый, отзывчивый на все хорошее, большого ума, глубоко-образованный, неутомимо трудившийся, постоянно следивший за своей наукой и стоявший на высоте ее, за что пользовался уважением своих сотоварищей врачей, он неизбежно приглашался на все консилиумы. Всякое общественное дело вызывало в нем сочувствие. Большое усердие прилагал он, будучи гласным городской думы и председателем санитарной комиссии, к оздоровлению города и к улучшению его невозможных санитарных условий. Нечего и говорить, с какой заботливостью, вниманием и участием он относился к ученикам реального училища; во все пять лет он не пропустил ни одного учебного дня и аккуратно являлся в училище в большую перемену; стоя у своей конторки в зале, он подавал советы, давал лекарства, делал перевязки, и все ученики подходили к нему с доверием.

Много потеряли близкие его и весь город с его смертью. Все поражены этой смертью тем более, что он отличался крепким телосложением, постоянным здоровьем и вел всегда необыкновенно строгую, правильную жизнь. Глядя на него, можно было думать, что он проживет сто лет, и вдруг — в девять дней его не стало! Но не даром он жил: много потрудился, много работал! Память о нем останется надолго.

Кроме многих статей в медицинских журналах, В. И. Смидович оставил несколько отдельных сочинений, как-то: Материалы для описания города Тулы. Санитарный и экономический очерк. Тула, 1880. Что такое холера и как с ней справляться? Чтение для народа. Тула, 1885. Второе

издание, 1892. В виду холеры. К сведению образованных людей. Тула, 1892. Результаты однодневной переписи города Тулы 29 ноября 1891 года. Тула, 1894 («Московские Ведомости», 1894, № 319).

С. В—ИЙ.

Библиография

О нем:

Змеев Л. Ф. Русские врачи-писатели. Вып. 5.

«Московские Ведомости», 1894, № 319.

Отчет Московского Университета, 1860, с. 16.

Отчет о состоянии Тульского реального Училища за 1875—1900 гг. Тула, 1900, с. 44.

СОБКЕВИЧ Петр Антонович (умер 7 мая 1894 года в Москве) — врач.

Доктор Петр Антонович Собкевич скончался 7 мая. Панихиды в 1 ч. дня и в 6 ? часов вечера. Вынос тела 10 мая во вторник, в 9 часов утра, в церковь Благовещения на Бережках, погребение в Донском монастыре («Московские Ведомости», 1894, № 125).

Библиография

О нем:

Отчет Московского Университета, 1867.

Змеев Л. Ф. Русские врачи-писатели. Вып. 5.

СОКОЛОВ Нил Иванович (родился в 1844 году — умер 8 апреля 1894 года в Петербурге) — профессор Военно-Медицинской академии.

Некролог

Некролог

Петербург, встретив траурную рамку с именем внезапно почившего Нила Ивановича Соколова, почувствует печальное изумление и скорбь не лицемерную. Покойный врач и профессор пользовался большой популярностью и главное — сердечной любовью своих многочисленных пациентов. Вчера еще он был на экзаменах в Военно-Медицинской академии и испытывал познания будущих своих коллег, а сегодня уста его сомкнулись навек.

Такие внезапные, ничем не подготовленные кончины известных общественных деятелей всегда действуют угнетающе на сознание. Трудно увериться в действительной потере, трудно отдать себе отчет в истинных размерах печального события.

Нил Иванович умер в ночь на сегодня, 8-го апреля, внезапно, выроятно от разрыва сердца. Накануне он чувствовал себя здоровым и производил экзамен в академии, потом выслушал сердце у одного из своих товарищей, врачей, и возвратился домой в 11 ч. вечера. Приняв ванну, он сел работать у себя в кабинете и просидел до половины второго. Потом лег спать, приказав человеку разбудить себя в 9 часов утра. В 9 часов утра человек, пришедший будить его, нашел его на постели мертвым в халате и носках, как он лег. Умер ли он тотчас, как лег, или после, никто не знает. В последние дни он жаловался, что сердцебиения не дают ему спокойно спать, но никаких мер не принимал и не обращал на это внимания, продолжая работать с той, по-видимому, неустанной энергией, какой он всегда отличался.

Нил Иванович Соколов принадлежал к выдающимся представителям русской медицины. Свою ученую деятельность покойный посвятил подробной разработке вопросов внутренней медицины. Ему принадлежит ценное исследование о влиянии на организм животных задержки кожных выделений. Эта работа, избранная автором для защиты диссертации на степень доктора медицины, вызвала одобрительный и лестный отзыв покойного профессора С. П. Боткина и считается до сих пор одной из лучших, несмотря на то, что со дня ее появления прошло 20 лет. Клинические обзоры эпидемий, бывших в Петербурге (инфлуэнцы, холеры и др.), составленные покойным Н. И. Соколовым, являются ценным вкладом в медицинскую литературу. Наблюдения же Н. И. над лечением туберкулеза, его последние опыты в этом отношении имеют, несомненно, большое значение, хотя покойный временно и увлекся коховской теорией. Он был правдив и искренен, и эти душевные качества вместе с его научной подготовкой и практической опытностью ставят его на недосягаемый для многих пьедестал точности и верности научных выводов. Его учебно-педагогическая деятельность не была продолжительна. Он занимал кафедру внутренних болезней в Военно-Медицинской академии всего последние два года. Но этим периодом далеко не исчерпываются его труды, посвященные воспитанию и образованию молодых врачей — будущих практических медицинских деятелей. В бытность главным врачом городской барачной больницы, покойный устроил лаборатории, в которых работали и учились больничные врачи, и организовал практические курсы для врачей. Во всех первоначальных предприятиях покойного видное участие принимал С. П. Боткин, бывший попечителем больницы и относившийся чрезвычайно внимательно к полезной деятельности своего бывшего ассистента Н. И. Соколова. Благодаря барачной больнице. Петербург получил немало образованных врачей, из которых некоторые занимают в настоящее время ответственные места в городских больницах. Как профессор, Н. И. пользовался горячими симпатиями студентов. Он до последней минуты своей жизни, уча других, не переставал тщательно следить за новейшими и ценными работами по внутренним болезням.

Особенной известностью пользовалась практическая деятельность покойного, как врача у постели больных и как консультанта среди товарищей-врачей. Он в продолжении десяти лет был главным врачом городской барачной больницы в память С. П. Боткина, и эта больница обязана ему своим образцовым порядком и благоустройством, а десятки тысяч больных, бывших в больнице на излечении, — своим выздоровлением. Покойный всегда с тщательным вниманием выслушивал и осматривал больных, ободрял их и находил утешение для неизлечимых. При барачной больнице по его инициативе возникло благотворительное общество с целью снабжать беднейших выздоравливающих одеждой и средствами существования до приискания заработка.

Н. И. Соколов — сын священника — родился в 1844 году. По окончании курса в Медико-Хирургической академии в 1870 году со званием лекаря, он был военным врачом и впервые выделился своей энергичной деятельностью во время холерной эпидемии 1861 года. После блестящей защиты докторской диссертации, Н. И. уехал на два года заграницу, и затем был приглашен С. П. Боткиным в качестве ассистента и впоследствии приват-доцента Военно-Медицинской академии. В последнее время он председательствовал в совете главных врачей при городской больничной комиссии и состоял непременным членом медицинского совета. Из его многочисленных научных работ, помимо докторской диссертации, назовем: «Терапевтическое значение скульптурной глины при некоторых сердечных и сосудистых неврозах», «Заразительность крупозного воспаления легких», «Клиническая симптоматология эпидемического гриппа», «Cirrhosis hiperthrophicus biliosus», «Фарэдизация при суставном ревматизме, остром и хроническом», «Отчеты Александровской барачной больницы» и др. Его же перу принадлежит: «История болезни С. П. Боткина» и ряд статей, посвященных памяти знаменитого клинициста.

Из этих холодных и точных сведений о показной стороне деятельности покойного, как врача и профессора, мы не можем составить себе ясного понятия о действительном значении покойного. Душа человека нередко мало принимает участия в его профессиональных работах, но лучшее, что может принести хороший врач к постели больного, это — свою человеческую душу, и ее-то

приносил покойный к одру болезни всякого, кто бы его ни звал и кто бы ни нуждался в его помощи.

Нил Иванович кроме того был еще русским доктором и любил и поддерживал все русское. Это также заслуга, хотя, вообще говоря, с первого взгляда и странная. Но кто знает наше усердное, истинно варварское преклонение перед каждым заграничным коновалом и фельдшером, «которых под великим страхом приказано считать Эскулапом», кто знает, какие махинации со своей стороны употребляли эти иностранные врачи против своих русских коллег, тому последняя заслуга Нила Ивановича, следовавшего и в этом случае по пятам и по указаниям своего учителя Боткина, должна казаться и быть на самом деле заслугой огромной. За время Боткина, русская медицина и хирургия, в лице лучших своих представителей подняла голову и осмелилась сказать иностранцам, что она может обходиться и без ее уроков и указаний, ибо сама уже имеет высокие заслуги и стоит на своих собственных ногах. Нил Иванович был одним из деятельнейших врачей, поддерживавших честь и силу русской медицины во всех отношениях и в этом, конечно, также лежит его большая заслуга. Мир праху этого прекрасного, доброго и отзывчивого врача и человека («Новое Время», 1894, № 6506).

Библиография

О нем:

«Новое Время», 1894, № 6506—6509.

«Исторический Вестник», 1894, кн. 6, с. 873—874.

«Новое Время», 1895, № 6872.

СПЕРАНСКИЙ Михаил Михайлович (умер 22 июня 1894 года в Петербурге) — надворный советник, издатель-редактор журналов «Луч» и «Петербургская Жизнь».

Некролог

22 июня, после краткой болезни, скончался Михаил Михайлович Сперанский. Покойный не чужд был литературе, участвуя в юмористических журналах, и в течение некоторого времени издавал и редактировал Журналы: «Луч» и «Петербургская Жизнь» («Новое Время», 1894, №

6580).

СТОЛЬНИКОВ Яков Яковлевич (родился в 1850 году — умер в конце июля 1894 года в Ялте) — доктор медицины, ординарный профессор Варшавского университета.

Некролог

На днях скончался в Ялте, от чахотки, ординарный профессор Варшавского университета по кафедре фармации и фармакогнозии Яков Яковлевич Стольников. Покойный был известен не только как опытный диагност, знаток фармации и фармакогнозии, но и как прекрасный лектор, руководитель лабораторных занятий. Помимо студенческих симпатий, он пользовался доверием и дружбой своих товарищей-врачей, уважавших в нем неутомимого работника и плодовитого ученого. Его ценные исследования чувствительности у здорового человека под влиянием теплых и холодных ванн, теплотного раздражения нервов, физиологического значения пептонов и особенно разнообразный и многократный анализ мочи сделали имя его авторитетным в медицинской литературе, конечно, в отраслях, составляющих специальность покойного. Я. Я. Стольников — сын священника Орловской губернии — родился в 1850 г. Сперва он подготовлялся в орловской духовной семинарии к священническому званию, но желание усовершенствоваться в естественно-исторических знаниях вызвало поступление покойного в С.-Петербургский университет. С третьего курса Я. Я. перешел в Медико-Хирургическую

академию, где кончил курс в 1878 г. с золотой медалью. Оставленный при Академии для подготовления к профессорской деятельности, он через два года блестяще защитил диссертацию под заглавием «О функции поджелудочной железы при лихорадке» («Арх. Боткина», т. VI) и получил степень доктора медицины. В 1884 году Варшавский университет пригласил покойного в качестве доцента фармации и фармакогнозии, и с тех пор Я. Я. не расставался с этим университетом, заняв в 1886 г. профессорскую кафедру («Новое Время», 1894, № 6619).

СТРОГАНОВ Николай Алексеевич (родился в 1842 году — умер 2 мая 1894 года в Одессе) — прозектор патологической анатомии при одесской городской больнице.

Некролог

2 мая, в Одессе, скончался д-р Николай Алексеевич Строганов, прозектор патологической анатомии при одесской городской больнице, бывший прежде также главным врачом этой больницы. Покойный принадлежал к числу немногочисленных солидных патологоанатомов нашего отечества, владея прекрасными знаниями и большим опытом в своей специальности. Кроме того, он пользовался большой известностью и, как практический врач в Одессе и ее округе, стоял во главе местных медицинских обществ и некоторых медицинских изданий, и состоял в числе доцентов СПб. Императорской Военно-Медицинской академии. Николай Алексеевич родился в 1842 г. В 1870 г. он кончил курс в Императорской Медико-Хирургической академии, был оставлен при Академии и работал в кабинете проф. Руднева. В 1874 г., защитив диссертацию, был послан от Академии за границу с ученой целью, работал в Страсбурге в лабораториях Ренклинггаура и Гоппе-Зейлера, а также и в Париже у Ранвье, где произвел несколько ученых работ. По возвращении из-за границы он вскоре был избран по конкурсу на прозектуру в Одессу, где и сосредоточилась его деятельность. Покойный оставил после себя значительное количество ученых трудов по своей специальности и издал несколько отчетов о патологоанатомических вскрытиях в одесской городской больнице, богатых замечательной казуистикой. Русская медицинская наука понесла в нем чувствительную утрату («Новое Время», 1894, № 6532).

СУШКОВ Дмитрий Петрович (умер 9 ноября 1894 года в Петербурге) — действительный статский советник.

Библиография

Его:

Стихотворение «Новгород» («Библиотека для Чтения», 1837, т. XX, с. 97).

О нем:

«Новое Время», 1894, № 6719.

ТРЕСКИН Николай Алексеевич (родился в 1828 году — умер 20 мая 1894 года в Москве) — действительный статский советник, цензор Московского Цензурного Комитета, литератор и переводчик.

Некролог

В понедельник, 23 мая, на Ваганьковом кладбище похоронили действительного статского советника Николая Алексеевича Трескина, умершего в Москве.

Покойный родился в 1828 году и высшее образование получил на историко-филологическом факультете Петербургского университета. По окончании курса со степенью кандидата в 1860 году. он служил преподавателем в средне-учебных заведениях и затем директором Московской учительской семинарии, состоявшей при Московском Воспитательном Доме, а по упразднению этой семинарии исполнял обязанности цензора в Московском Цензурном Комитете.

Перу покойного принадлежали: разборы географических учебников Корнеля и Пуликовского («Журнал Министерства Народного Просвещения», 1867. кн. 9, стр. 815—864; 1868, кн. 6, стр. 924—944) и «Сказок Андерсена» («Народная и Детская библиотека», 1879, № 1 и 5), книжки для школ, изданные Обществом распространения полезных книг, под заглавием: «Светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический» (М., 1879, 24 стр.) и «Императрица Екатерина Алексеевна Вторая Великая» (М., 1879, 24 стр.), а также переделка для народного чтения повести гр. А. К. Толстого: «Князь Серебряный» (М., 1879, 98 стр.).

(Д. Д. Языков)

Некролог

20-го мая скончался в Москве действительный статский советник Николай Алексеевич Трескин, исполнявший обязанности цензора в московском цензурном комитете. Он получил высшее образование на историко-филологическом факультете С.-Петербургского университета. Службу он начал по министерству финансов и в 60-х годах принимал участие в снаряженной Географическим обществом экспедиции по изучению нашей хлебной торговли. Затем он посвятил себя педагогической деятельности, был некоторое время инспектором народных училищ в Рязанской губернии, а с 1875 г. занял должность директора учительской семинарии Московского воспитательного дома. Здесь он проявил замечательные способности, как воспитатель и преподаватель; человек прекрасной души, живого ума и основательного образования, он принес много пользы своим воспитанникам, которые, в свою очередь, любили его чрезвычайно. Должность цензора он занял в 1886 г. по закрытии семинарии. Покойный занимался также литературой, написал несколько книг для народного детского чтения и перевел несколько исторических сочинений, между прочим: «Рассказы о временах Меровингов» Авг. Тьерри. Написанная им книжка — «Северный край Европейской России», обнаруживает несомненный литературный талант. Н. А. Трескин скончался внезапно на 56-м году от рождения, и кончина этого скромного, но даровитого и полезного деятеля вызвала горячее сожаление всех, кто его знал («Новое Время», 1894, № 6554).

Библиография

О нем:

О нем:

«Журнал Министерства Народного Просвещения», 1894, кн. 7 (статья Л. Майкова).

«Московские Ведомости», 1894, № 141.

«Исторический Вестник», 1894, кн. 7, с. 261.

«Новое Время», 1894, № 6554.

УСПЕНСКИЙ Владимир Петрович (родился в 1824 году — умер 29 декабря 1894 года в Осташкове) — протоиерей.

Сын дьякона села Завидова Ржевского уезда, Тверской губернии, родился в 1824 году и воспитывался в Тверской Духовной семинарии. По окончании курса в ней — преподаватель латинского языка в Ржевском духовном училище (с 13 октября 1845 г.) и в Осташковском духовном училище (с 1849 г.), где он затем состоял инспектором и смотрителем; рукоположенный в священники (1 декабря 1868 г.), был настоятелем Преображенской церкви в городе Осташков, где и скончался в сане протоиерея 29 декабря 1894 г.

Покойный был членом Тверской ученой архивной комиссии (с 18 июня 1884 г.) и почетным членом Тверского губернского статистического комитета (с 18 октября 1888 г.). Автор археологических трудов по истории Осташковского и Ржевского уездов.

(Д. Д. Языков)

Библиография

О нем:

«Тверские Губернские Ведомости», 1889, № 73.

«Церковные Ведомости», 1895, № 12, прибл. с. 445—447.

«Тверские Епархиальные Ведомости», 1895, № 4, с. 135—144.

УТИН Евгений Исаакович (умер 9 августа 1894 года в селе Верхняках Волынского уезда) — присяжный поверенный, писатель-журналист.

Некролог

На днях в Волынской губернии скоропостижно скончался один из выдающихся петербургских присяжных поверенных Евгений Исаакович Утин. Покойный, окончив курс в С.-Петербургском университете, долго путешествовал по Европе и затем, возвратившись в Россию, стал заниматься адвокатурой. На этом поприще он быстро выдвинулся и занял среди присяжных поверенных выдающееся положение. Евгений Исаакович Утин известен был и как писатель: он принимал деятельное участие в «Вестнике Европы», где напечатал целый ряд политических и критических статей, как, напр., о сочинениях Решетникова, Салтыкова (Щедрина) и проч. Кроме того, покойным была издана книга о Румынии и Болгарии. Прекрасно образованный, много читавший, он был ценным собеседником и человеком отзывчивым на всякое доброе дело («Новое Время», 1894, № 6629).

Памяти Е. И. Утина

Недавно газетные телеграммы возвестили о смерти известного публициста Е. И. Утина. Смерть эта только потому мало возбудила толков в обществе, что покойный журналист писал не особенно часто и через довольно продолжительные промежутки. А между тем для всякого, кто

следил за его литературной деятельностью, потеря его является весьма ощутительной. Это один из редких писателей, обладавших, кроме несомненного, яркого таланта, цельным мировоззрением и умением стройно, последовательно и упорно проводить излюбленные им идеалы.

Е. И. Утин выступил на журнальном поприще более двадцати пяти лет тому назад. Литературная деятельность его проявлялась едва ли не исключительно в Вестнике Европы. С первых же своих статей, помещенных в этом журнале, он выступает с определенными общественными взглядами, которым он остался верен до конца жизни. Начав с ряда статей о заграничной жизни, Утин вскоре затем обратился к русскому быту, к русской литературе. В статье «Современные мудрецы», помещенной в январском номере Вестника Европы 1869 г., Утин сосредоточил главное внимание на всюду выступающей в пьесах Островского борьбе двух сторон — угнетающей и угнетенной. Следя за движением нашей общественной жизни и мысли, публицист, рассматривая появившуюся в этом сезоне комедию «На всякого мудреца довольно простоты», нашел в ней удачный образ представителя нового течения — Глумова. То было время, когда, после светлого момента реформ, наступило затишье, когда, вслед за людьми высоких планов и задач, в обществе выступили ловкие дельцы и «мудрецы» нашего века.

Вскоре после появления этой статьи Утин выступил с другой «Литературные споры», от которой уже не веяло пессимизмом его первого литературного детища. Среди мрака и тьмы, окутавших так неожиданно нашу жизнь, он нашел один уголок, доставлявший ему отрадные надежды на грядущее будущее. Этот уголок наша литература. И он с глубокой симпатией приветствовал новых молодых писателей, на долю которых выпала завидная задача: следить и отмечать движение новой силы, выступившей после 19-го февраля 1861 г. на арене нашей жизни. Он радовался, указывая на то искреннее и глубокое усердие, с которым наши художники принялись изучать многомиллионный народ.

В следующей своей статье «Задача новейшей литературы» Утин еще подробнее разъясняет новые задачи, выпавшие на долю наших беллетристов. При этом он указал на разницу между этими писателями и их предшественниками, выступившими в сороковые годы. У тех была цель — защитить народ, отметить его лучшие стороны, чтобы тем самым завербовать как можно больше врагов крепостного положения. Теперь задача иная. Теперь защищать народ от господской тирании было не нужно. Идеализация народа, полезная для прежнего времени, была бы только вредна для новой эпохи. Необходимо соблюдать строгое беспристрастие, несмотря ни на какие личные симпатии, и выставлять крестьянскую среду такой, какова она на самом деле, со всеми ее достоинствами и со всеми недостатками. Скрывать пороки нет основания, потому что они не иное что, как продукт крепостного правами с падением его начнут постепенно исчезать, если не помешают тому те или иные условия.

С 1870 г. наш публицист опять посвящает себя исследованию главным образом западной жизни, ее социальных и политических недугов, ее настоящих и прошедших ошибок, несчастий, поражений и побед. Он и тут сосредоточивает свое главное внимание на борьбе двух начал: свободы и угнетения. И о чем бы он ни говорил, вы всюду чувствуете, что автор принадлежит всем сердцем и душой русской стране, болеет ее скорбямн и не забывает ни на миг о ней. Каждая его статья, — касается ли она политической и социальной жизни Германии, Франции, Англии, Болгарии, — невольно наводит нас на размышления о собственной родине, на интересные сравнения и параллели, невольно заставляет задуматься о будущих судьбах и настоящих задачах русской жизни. Статьи эти написаны горячо, увлекательно, красноречиво и образно. Своим метким, остроумным стилем он, по справедливому замечанию одного из рецензентов Русских Ведомостей, дававшего отчет об одной его книге, напоминают блестящего художника языка, Шерра.

Большой очерк о Людвиге Берне написан автором с сознанием великого поучительного значения этого писателя для людей нашего времени и нашей страны. Берне уделил много места в своих сочинениях глубокому, верному и благородному разъяснению основных понятий об условиях нормальной социальной жизни народа, а это-то и есть, по мнению Утина, те самые начала,

которые находятся у нас пока в младенческом состоянии. «Идеи и начала, проповедуемые Берне, — говорит автор, — давным-давно перешедшие в действительность на Западе, составляют у нас еще в большей части случаев мечту, для осуществления которой мы не имеем ни достаточно силы, ни достаточно нравственного развития». Лучшие страницы статьи Утина посвящены выяснению той проповеди свободы и справедливости, которую неутомимо вел немецкий публицист-сатирик. В статье Утина удачно освещается та благотворная мысль, что даже в самое смутное время, в разгар вопиющих гонений и преследований живого слова и живой мысли, человек энергичный и мужественный может смело и с успехом вести борьбу, — лишь бы не унывал, не падал духом, а бодро и уверенно шел вперед. Статья Утина, это — бодрящий призыв к неутомимой деятельности и честному служению своей родине.

Не менее поучительна и обширна статья, помещенная в 1872 г.: «Англия в книге Тэна». Характеризуя классическую страну свободных учреждений, автор затрагивает два важных вопроса. В то время, как во всех странах Запада замечается сильное брожение политической мысли, в то время как там верховная власть не имеет ни минуты покоя для отражения тайных и явных врагов, две счастливых страны — Америка и Англия, — живут спокойно, нисколько не опасаясь за целость и сохранность своего государственного строя. Автор объясняет это тем, что у той и другой страны имеется прочная конституция, покоющаяся на началах свободы слова и мысли, отведенных для представителя любой партии, любого толка. Предоставленный каждому гражданину простор для пропагандирования своих идей устраняет у него всякую мысль о каком бы то ни было насильственном способе борьбы.
От изучения государственного устройства Англии и одного из интереснейших моментов политической жизни Германии покойный публицист перешел к исследованию одной из знаменательных эпох, пережитых французским народом. В 1880 и 1881 году была помещена его статья «Конституционализм и А. Тьер». Здесь описывается июльская монархия и в ярких красках обрисовывается борьба между двумя началами, между остатками старого порядка и новыми принципами. Автор метко характеризует буржуазную партию, представителем которой был министр Казимир Перье. Средства, выбранные им для достижения своих целей, были очень просты. Они заключались в настойчивом и бесповоротном преследовании всех и каждого, кто выражал протест против произвольных действий правительства. Все, что не нравилось Перье, он стремился раздавить, оправдываясь тем, что он должен побороть анархию, которая, как bete noire, всюду преследовала его и которую он видел везде и во всех. Каждая смелая мысль, каждое независимое слово, каждое напоминание о необходимости большего простора, большей свободы казалось ему проявлением духа анархии, который он призван уничтожить. Он стремился создать такую правительственную власть, которая железным кольцом обвила бы всю Францию и заставила бы притаить ее дыхание. Он выражал эту мысль словами: «Франция должна чувствовать, что она управляется». И автор показывает, что система устрашения достигла результатов, прямо противоположных тем, на которые рассчитывал Казимир Перье. Она только увеличила количество врагов и ненавистников того государственного строя, защитником которого он так неудачно выступил.

Два года тому назад наш автор вновь вернулся к французской истории и дал статью о первом десятилетии республики, олицетворением которого служил знаменитый борец против наполеоновской империи, этого режима, основанного на насилии и попрании народных прав. Статья озаглавлена славным именем: «Гамбетта».

Отдельными книгами изданы только две работы покойного публициста: «Письма из Болгарии в 1877 году» (1879) и «Вильгельм I и Бисмарк» (1892). Последняя книга, рисующая мастерскою кистью две крупные фигуры нашего века, опять приводит нас к созерцанию битвы, поднятой королевской властью и народным представительством. Автору нужно было запастись огромной дозой честного и трезвого беспристрастия, чтобы суметь оценить огромные силы «железного графа», этого заклятого врага тех социальных и политических принципов, которые выступили на смену старым традициям отжившего феодализма. И он отмечает необыкновенную силу воли и могучий характер германского канцлера. Он его выставляет великим дипломатом, хотя не без горечи заявляет, что этим человеком были устранены из области политики всякие нравственные

принципы, как неуместный тормоз делу. Блестяще изложив биографию Бисмарка, он сумел отметить, что этот некогда безрассудный дуэлист, сохранивший от студенческих годов много ран на теле, посвятил всю свою жизнь всевозможным поединкам, а всего чаще вызывал на бой принципы конституционализма, католицизма и социально-демократической партии, но эти три последние дуэли увенчались полным неуспехом. Гениальный дипломат был самым заурядным министром в области внутренней политики и с усердием, достойным более полезного дела, фанатически защищал неприкосновенность королевской власти даже против самого короля. Любопытные страницы посвящены истории социально-демократической партии, с самого ее возникновения. Автор указывает на необычайно быстрый рост этой партии и с большим искусством описывает ее борьбу с Бисмарком. По мнению Утина, сношения германского императора с Лассалем оказали свое влияние на Бисмарка, и одним из его результатов было примирение последнего с демократическим принципом всеобщей подачи голосов. Мастерски написана также характеристика имератора Вильгельма I.

Другая книга Утина «Письма из Болгарии» дает много интересного относительно этой страны и опять затрагивает важные общие вопросы. По поводу вопроса о том, какого гражданского управления достойна Болгария, автор подымает вопрос: нужна ли особая высота национального развития для того, чтобы принять с пользой для себя ту форму государственного устройства, которая называется «представительным правлением». Всматриваясь во взаимные отношения между нами и нашими «бра-тушками», автор обсуждает небезинтересный для нашей страны

вопрос о том, что может создать прочную симпатию между одним и другим народом.

Интересные страницы посвящены в книге Утина русской молодежи, русским женщинам на театре войны. Все они шли по призыву бескорыстного чувства любви к родине, не думая о тяжелом, часто непосильном труде, не помышляя об опасности сделаться жертвами тифа и других заразительных болезней. Облегчить безмерные страдания наших солдат и офицеров — вот что было единственным побуждением в их поездке на чужбину. Великие заслуги сестер милосердия, студентов и студенток представляют собой, по словам автора, едва ли не единственную сторону пережитой войны, относительно которой не существует двух мнений. Самоотверженность, энергия, жажда деятельности — вот те качества, которые так разительно проявила молодежь в этой войне.

Нельзя не пожелать, чтобы талантливые этюды и очерки Е. И. Утина были собраны и изданы в память его полезной журнальной деятельности: такое издание будет приятным и поучительным приобретением для читателя («Русские Ведомости», 1894, № 244).

В. Ермилов

Библиография

Его:

Вильгельм I и Бисмарк. Исторические очерки. СПб., 1892.

Письма из Болгарии в 1877 году. СПб., 1879.

Из литературы и жизни. 2 т., СПб., 1896.

О нем:

«Вестник Европы», 1894, кн. 9, с. 432—436; кн. 10, с. 803—905.

«Новое Время», 1894, № 6629.

«Русские Ведомости», 1894, № 244.

«Исторический Вестник», 1894, кн. 10, с. 309—311.

ФИЛОСОФОВ Владимир Дмитриевич (родился в 1820 году — умер 24 ноября 1894 года в Петербурге) — главный военный прокурор, член Государственного Совета по департаменту гражданских и духовных дел, действительный тайный советник, статс-секретарь.

Некролог

Сегодня, 24-го ноября, после продолжительной болезни, скончался член Государственного Совета по департаменту гражданских и духовных дел, действительный тайный советник, статс-секретарь Владимир Дмитриевич Философов. Покойный принадлежал к выдающимся деятелям царствования Императора Александра II и был одним из главных сотрудников бывшего военного министра Д. А. Милютина в осуществлении тех реформ, которые коснулись военного суда. В. Д. Философов родился в 1820 году. По окончании курса в Училище Правоведения, он быстро выдвинулся из среды своих товарищей. Приглашенный покойным сенатором Толстым участвовать в ревизии Восточной Сибири, он с первых шагов своей служебной деятельности имел возможность ознакомиться с дореформенными непорядками, которые резче, чем где-либо, проявлялись в Сибири. Прожив в Сибири четыре года и возвратившись в Петербург, В. Д. занял вскоре должность начальника отделения в департаменте министерства юстиции, а затем был обер-прокурором в нескольких департаментах Правительствующего Сената. Как опытный юрист, энергичный и деятельный, покойный был приглашен в 1856 году заведывать военно-судной частью в военном министерстве. С этого года открылась для В. Д-ча обширная арена деятельности, на которой он поработал, можно сказать, со славой для себя и с пользой для отечества. В качестве сперва генерала-аудитора, затем главного военного прокурора, он принял непосредственное и главное участие в составлении новых «Воинского устава о наказаниях» и «Военно-судебного устава», а также в их проведении в жизнь. В 1881 году В. Д. Философов был назначен членом Государственного Совета. Сохранив до последнего времени свою энергию и жизнедеятельность, он председательствовал во многих комиссиях, рассматривавших дела государственной первостепенной важности. Из них назовем комиссию по выработке правил о подрядах и казенных заготовлениях. Деятельность этой комиссии, как известно, была направлена к уничтожению злоупотреблений по интендантской и провиантной части, которые особенно рельефно обрисовывались в последнюю русско-турецкую войну. Как человек, покойный, отличаясь недюжинным дарованием, был в то же время добрым и симпатичным. Всякое дело, клонившееся к пользе родине и доходившее до него, находило в нем живой отклик («Новое Время», 1894, № 6733).

ФЛЕММИНГ Федор Карлович (родился в 1812 году — умер 20 декабря 1894 года в Петербурге) — гомеопат-доктор.

Некролог

Вчера скончался один из основателей общества последователей гомеопатии, собственник гомеопатической центральной аптеки, провизор Федор Карлович Флемминг, на днях праздновавший 50-летие своей деятельности, посвященной развитию гомеопатии. Получив образование в Казанском университете, он занимался в течение нескольких лет алопатической фармацией. В 1835 году он познакомился с доктором Гроссом, сотрудником Ганнемана, который вылечил Ф. К. от недуга, не поддавшегося алопатическому лечению. С этого момента покойный сделался горячим сторонником гомеопатического лечения и старался содействовать распространению его в России устройством аптеки и изданием многочисленных книг по гомеопатии и журнала «Врач-гомеопат». Умер он на 83-м году от роду («Новое Время», 1894, № 6760).

ХИРЬЯКОВ Модест Николаевич (родился в 1814 году — умер 27 февраля 1894 года в Петербурге) — горный инженер, действительный статский советник.

Некролог

27-го февраля скончался 80-ти лет один из старейших горных инженеров, д. ст. сов. Модест Николаевич Хирьяков. Покойный, по окончании курса с золотой медалью в горном кадетском корпусе, управлял в продолжение многих лет Серебрянским, Кусинским, Златоустовским, Кушвинским и Нижнетурским заводами, а также частными заводами графа Шувалова. Он ввел в заводскую деятельность много усовершенствований. При нем Златоустовский завод обогатился лабораторией, железо стало выделываться контуазским способом. Будучи молодым горным инженером, покойный находился в командировке в Швеции, где обстоятельно познакомился с горным и заводским делом в фалунской школе. Здесь же он практически изучил шведский язык, что впоследствии помогло ему перевести на шведский язык несколько произведений Пушкина. Молодые инженеры, отправляясь в командировку на шведские заводы, всегда обращались к покойному за советом и рекомендациями. Как человек, М. Н. имел симпатичный характер и любил беседовать с молодежью. Несмотря на занимаемые им ответственные должности, он не составил себе состояния и в последнее время жил вместе со своей многочисленной семьей исключительно пенсией («Новое Время», 1894, № 6469).

ХОМЯКОВ Михаил Аристархович (родился в 1841 году — умер 19 июля 1894 года в Казани) — ученый-клиницист, ординарный профессор госпитальной терапевтической клиники.

Некролог

19 июля, около четырех часов дня, скончался один из видных и уважаемых представителей Императорского Казанского Университета, ординарный профессор госпитальной терапевтической клиники Михаил Аристархович Хомяков. Покойный М. А. Хомяков пользовался большими симпатиями своих товарищей и глубоким уважением многочисленных учеников, горько оплакивающих теперь безвременную кончину дорогого товарища и даровитого учителя. Смерть застигла Михаила Аристарховича совершенно неожиданно и никто не подозревал видя утром, 19 июля, Михаила Аристарховича, что через несколько часов не станет этого честного, отзывчивого человека, доброго и бескорыстного труженика науки... Михаил Аристархович скончался от хронического приступа недуга, можно сказать, как воин на поле битвы, до последней минуты не забывая людей, нуждавшихся в его полезном совете и помощи. Он выехал из дому 19 июля по делам и. проехав некоторое расстояние, почувствовал себя нехорошо. Ввиду этого, Михаил Аристархович заехал по пути к врачу Казанскому за советом и еще очень бодро взошел в квартиру последнего. Здесь Михаил Аристархович сел в кресло, с которого не суждено уже было подняться. С трудом успел Михаил Аристархович объяснить Казановскому о боли в груди и тут же скоропостижно скончался...

Покойный М. А. Хомяков происходил из небогатой дворянской семьи и, очень рано окончив курс средне-учебного заведения, поступил на медицинский факультет Казанского Университета. Окончив здесь курс наук 9 июня 1862 года. Михаил Аристархович был выпущен из университета в звании лекаря и 1 января 1863 года занял место врача в одном из заводов Пермской губернии. В 1866 году М. А. Хомяков покинул должность заводского врача и возвратился в Казань, где вскоре и получил должность губернского врача, а затем на него были возложены обязанности ординатора губернской земской больницы. 1 октября 1869 года Михаил Аристархович сложил с себя обязанности как врача губернского земства, так и ординатора больницы, и был определен ординатором терапевтической факультетской клиники Императорского Казанского Университета. 27 мая 1870 года он защищал диссертацию на степень доктора медицины и удостоился искомой степени. В 1871 году молодой доктор был прикомандирован к университету на двухлетний срок с ученой целью для приготовления к профессуре. В том же году Михаил Аристархович был уволен от должности ординатора и по Высочайшему приказу совершил первую заграничную поездку, продолжавшуюся больше 12 месяцев. В феврале 1873 года покойный был избран и утвержден советом Императорского Казанского Университета доцентом. С этого времени и начинается многолетняя деятельность М. А. Хомякова, как преподавателя

С этого времени и начинается многолетняя деятельность М. А. Хомякова, как преподавателя одного из высших учебных заведений России. В 1881 году назначен экстраординарным профессором и в 1885 году ординарным. В 1886 году М. А. Хомяков был перемещен на должность ординарного профессора госпитальной терапевтической клиники и 24 декабря 1892 года был оставлен на службе в занимаемой должности еще на пять лет. Скоропостижно скончался 19 июля 1894 года, имея всего 52 года.

Усердно занимаясь обязанностями преподавателя, М. А. Хомяков находил в то же время возможность расточать свои познания и труды на пользу страждующего человечества. Едва ли найдется в Казани такой врач, который имел бы такую обширную медицинскую практику, какую имел покойный М. А. Хомяков. Он ежедневно посещал больных, невзирая ни на какую погоду, ни на какое время дня и ночи. Каждый больной мог свободно обращаться к Михаилу Аристарховичу за помощью и ни в каких случаях не рисковал получить отказа. В большинстве случаев Михаил Аристархович трудился совершенно бесскорыстно и там, где замечал, что болящий в чем-либо имеет нужду, приходил на помощь своими личными средствами: покупал лекарства, давал на расходы денег и т. п. Всегда внимательный и ласковый к каждому больному, без различия его общественного положения, Михаил Аристархович внушал каждому из своих многочисленных пациентов глубокое уважение к себе, и одним этим располагал пациентов в свою пользу. Михаила Аристарховича все любили и уважали как врача, и как человека, и имя его пользовалось в Казани большой популярностью. М. А. Хомяков трудился ежедневно; трудился с утра до поздней ночи, а нередко и ночью не знал для себя отдыха. По целым часам он находился

у постели больного — ободрял, успокаивал, вселял в душу болящего веру в науку и в указанные ее средства облегчения той или иной болезни. Таких людей как покойный Михаил Аристархович с каждым годом становится меньше и тем священнее должна сохраниться память о них в сердцах страждующего человечества. Покойного М. А. Хомякова знала почти вся Казань; в продолжение своей многолетней полезной деятельности он расположил в свою пользу всех знавших его и каждый помянет безвременно скончавшегося врача-профессора добрым, хорошим словом. После покойного М. А. Хомякова осталось несколько специальных научных трудов, составляющих настольные книги студентов медицинского факультета. Казань, 22 июля («Московские Ведомости», 1894, № 207).

Библиография

Его:

Докторская диссертация: «Критическо-экспериментальный разбор теорий, предложенных для объяснения сущности». Казань, 1873, 60 с; статьи в медицинских журналах; перевод немецкого сочинения Гутмана «Руководство к клиническим методам исследования грудных и брюшных органов». Казань, 1872—1873; «Курс частной патологии и терапии внутренних болезней». Казань, 1884, 176 с.

О нем:

«Московские Ведомости», 1894, № 199 и 207.

«Новое Время», 1894, № 6609.

Змеев Л. Ф. Русские врачи-писатели, вып. 5.

ХРИСТОФОР Гуго Федорович (родился 4 апреля 1831 года — умер 24 октября 1894 года в Петербурге) — энтомолог, хранитель музея энтомологии.

Некролог

24-го октября скоропостижно скончался в С.-Петербурге Гуго Федорович Христофор. Это был один из выдающихся в России энтомологов, начавший свою деятельность на этом поприще с 1858

один из выдающихся в России энтомологов, начавший свою деятельность на этом поприще с 1856 года, когда он и переселился в Россию. Г. Ф. родился 4-го апреля 1831 года в Саксонии, где он окончил курс в одной из учительских семинарий. Приехав в Сарепту в качестве учителя, он стал собирать и изучать насекомых, сначала в окрестностях Сарепты, а с 1870 года ему удалось совершить целый ряд научных путешествий. Не менее 23 таких поездок совершил покойный по разным местностям нашего обширного отечества, побывал, между прочим, в Закаспийской области, Закавказьи, Приамурском крае и т. д., причем раз побывал и в Северной Персии, привозя отовсюду богатейший научный материал. Сосчитать всех новых насекомых, открытых Г. Ф. Христофором, вряд ли возможно, можно только сказать, что наука, благодаря его необыкновенной деятельности и умению собирать новые виды, обогатилась громадным количеством форм, бывших ранее неизвестными. Покойный был образцовым наблюдателем и при всей свойственной ему скромности имя его стало давно известным всему энтомологическому миру. С 1880 года Г. Ф. состоял хранителем энтомологического музея его императорского высочества государя великого князя Николая Михайловича. Покойный был много лет членом разных ученых обществ как в России, так и за границей, помещал от времени до времени в изданиях этих обществ свои ученые работы. Человек высокой честности, скромный труженик и деятельный энтомолог, Г. Ф. оставил по себе добрую память, как среди всех энтомологов, с которыми он находился в постоянных сношениях, так и среди своих товарищей-сослуживцев («Новое Время», 1894, № 6711).

ЦИТОВИЧ Платон Степанович (родился 12 января 1833 года — умер 4 декабря 1894 года в

Петербурге) — генерал-лейтенант, директор симбирских военных гимназий.

Некролог

В ночь на 4-е декабря скончался генерал-лейтенант Платон Степанович Цитович. Покойный родился 12-го января 1833 года и по окончании курса в Михайловской артиллерийской академии последовательно занимал должности воспитателя и учителя артиллерии в нескольких корпусах, начальника Смоленского военного училища и С.-Петербургской военно-фельдшерской школы, помощника инспектора Павловского военного училища, инспектора симбирской и директора симбирской военных гимназий. Отличаясь сердечной отзывчивостью и гуманностью, П. С. везде и всегда пользовался симпатиями своих многочисленных учеников и почитателей. Выйдя в отставку, он не прекратил ни своих педагогических занятий, ни своих ученых работ, усердных и многолетних, завершившихся в нынешнем году ценным трудом: «Опытом рациональной пиротехники». Это сочинение — одно из лучших по пиротехнике («Новое Время», 1894, № 6744).

Библиография

Его:

«Опыт рациональной пиротехники. Руководство по изучению теории и практики фейерверочного искусства», в 2-х частях, с большим атласом чертежей и историческим очерком пиротехники (СПб., 1892, 330 с).

О нем:

«Новое Время», 1894, № 6744.

ЧЕБЫШЕВ Пафнутий Львович (родился 14 мая 1821 года — умер 26 ноября 1894 года в Петербурге) — ординарный академик Императорской Академии Наук, действительный тайный советник.

П. Л. Чебышев, профессор

императорск(ого) С.-Петербургск(ого)

императорск(ого) С.-Петербургск(ого)

университета

Тайный советник, доктор математики и астрономии, член петербургской и парижской академии наук и лондонского королевского общества, почетный член ученого комитета министерства народного просвещения, артиллерийского комитета, а также Императорских Университетов — московского, киевского, новороссийского и московского технического училища, член-корреспондент берлинской академии наук и разных заграничных ученых обществ. Пафнутий Львович Чебышев стяжал себе европейскую известность и почетное место в ряду первостепенных геометров.

Пафнутий Львович родился в 1821 году, в имении матери своей, селе Окатове, Калужской губернии, Боровского уезда.

Получив дома первоначальное образование, многообещавший юноша, не побывав ни в одном из средних учебных заведений, выдержал экзамен прямо в московский университет. Поступив в 1837 году на физико-математический факультет, Чебышев сразу обратил на себя внимание известного профессора Брашмана, который угадал в новом ученике своем будущее математическое светило, а потому начал старательно руководить его занятиями и постоянно убеждал его посвятить себя исключительно чистой науке, хотя материальное положение молодого человека, вследствие расстроенных дел отца его, было крайне стеснительно.
И вот, окончив кандидатом курс в университете, в 1841 году, Чебышев, под руководством Брашмана, отдается всецело своим ученым трудам и упорно не покидает их в течение семи лет, равнодушно относясь к своему безденежью и не помышляя о карьере, но твердо продолжая избранный путь, усеянный терниями.

Первое научное исследование нашего математика вышло на французском языке, в 1845 году, и носит название «Sur des integrales definies». В следующем затем году, для получения степени магистра, написал он диссертацию: «О теории вероятности», которую защищал в Москве, где и удостоен был вышеназванной ученой степени. В 1847 году Пафнутий Львович допущен был к защите диссертации «Об интегрировании иррациональных дифференциалов». Блистательная защита ее дала ему право занять, с осени 1847 года, место приват-доцента петербургского университета. Тогда, обеспеченный в материальном отношении, молодой человек с новым воодушевлением принялся за многосложные математические труды, причем начал разработку теории чисел — предмета, в то время совершенно нового для России. Плодом этих работ было сочинение, озаглавленное «Теория сравнения», получившее известность во всей Европе, а также — различные мемуары, из которых особого внимания заслуживают, составленные им в эти первые годы педагогической деятельности, два мемуара. В одном из них, в 1848 году, Чебышев теоретически доказал те выводы, к которым пришел Бус на практике, как это подтвердилось рукописями покойного. В другом, представленном в академию наук через полтора года, Чебышев вполне доказал так называемое «postulatum» Бертрана.

В 1849 году Пафнутий Львович приобрел докторскую степень Петербургского университета. В 1853 году он получил звание экстраординарного профессора Петербургского университета и выбран был, независимо от этого, в адъюнкты академии наук.

В 1856 году Чебышев обратил внимание на значительную неточность всех вообще географических карт, и после многих трудов достиг способа получать самые точные географические карты. Одновременно с этим, Пафнутий Львович занялся разборкой бумаг, оставшихся после великого Эйлера, и восстановил два его мемуара. Около того же времени, молодой ученый начал разработку вопроса об интерполировании и показал такой общий способ интерполирования, который, как согласный с теорией наименьших квадратов, дает наилучшие результаты, и потому успел уже войти в употребление, как у нас, так и на западе. В том же 1856 году Пафнутий Львович был выбран в члены-корреспонденты парижской академии, а также в действительные члены нашего артиллерийского комитета и в почетные члены Московского

действительные члены нашего артиллерийского комитета и в почетные члены Московского университета.

В 1857 году Чебышев получил звание ординарного профессора и усердно предался изучению механики, в области которой ему вскоре пришлось совершить массу полезных открытий. Лучшие его мемуары по механике следующие: 1) «О механических параллелограммах», 2) «О центробежных уравнителях», 3) «О зубчатых колесах» и другие. В 1859 году наш математик выбран был академией наук в ординарные академики по прикладной математике; в 1865 г. берлинская академия избрала его своим членом-корреспондентом; а в 1874 году парижская академия наук почтила его избранием в свои члены (associes), и таким образом Пафнутий Львович был первым русским ученым, удостоенным чести быть причисленным к составу членов французского института. После него такого избрания удостоились только: русский академик Бэр, знаменитый английский геометр Томсон и, наконец, бразильский император. Лондонское королевское общество также избрало Чебышева своим членом.

Из математических трудов Пафнутия Львовича в последние пятнадцать лет выдаются особенно его мемуары: 1) «О функциях наиближе подходящих к нулю», 2) «О разложении в ряды», 3) «О наибольших и наименьших» и многие другие.

Бросим теперь общий взгляд на многостороннюю деятельность нашего знаменитого ученого.

Прежде всего о педагогической его деятельности. Как профессор, Пафнутий Львович с блестящим успехом занимал в течение 32 с лишком лет кафедру Петербургского университета. Во время такой продолжительной службы ему приходилось читать лекции по всем отраслям чистой математики и по практической механике. Лекции его всегда отличались блестящим и остроумным изложением; они шли в уровень с европейским состоянием науки и содержали последнее слово ее. Лекции эти обыкновенно заключали в себе много самостоятельных исследований лектора, а потому успешно выдерживают сравнение с лекциями знаменитых европейских ученых.

Принятый в 1847 году, 26-ти лет от роду, доцентом, на место выбывшего Анкудовича, Чебышев читал сначала высшую алгебру и теорию чисел; потом вместе с этими предметами — аналитическую геометрию и сферическую тригонометрию, а сверх того — теорию эллиптических функций. Временно преподавал он еще: интегрирование дифференциальных уравнений и практическую механику (студентам реального отделения). По новому распределению занятий в математическом факультете, последовавшему в 1860 году, Чебышев взял на себя чтение интегрального исчисления, теории чисел и теории вероятностей и исчисления конечных разностей. В 1852 году объездил он с учеными целями, преимущественно по вопросам практической механики, Францию, Англию, Бельгию и Германию, а такую же поездку повторил в 1856 году, на более продолжительный срок. Особенная заслуга Чебышева как университетского преподавателя состоит, по общим отзывам учеников его, в том, что он умел пробуждать в своих слушателях любовь к математическим исследованиям и руководить их в научных занятиях. Ему обязана Россия образованием многих своих ученых в европейском смысле. Все молодые и сильные дарования по математике, которыми так богат был с шестидесятых годов петербургский университет, получили развитие свое под руководством маститого профессора. Многие ученики его занимают, в настоящее время, кафедры в других русских университетах и служат науке учеными своими исследованиями. Петербургский университет еще и теперь оплакивает неожиданную смерть, недавно трагически погибшего, много-обещавшего молодого ученого, проф. Золотарева, главные работы которого относятся к развитию работ Чебышева. Теперь о научных заслугах Чебышева. В произведениях своих гениальный наш математик употреблял совершенно новые приемы для математических исследований, и посредством этих, до него неизвестных, приемов начал достигать тех счастливых и блистательных результатов, которые обессмертили его имя. Мы упомянули выше о важнейших сочинениях нашего ученого; перечень же всей массы его сочинений невозможен в краткой статье. Скажем только, что многочисленные труды, стяжавшие Чебышеву известность в Европе и Америке, помещались в журналах академических и в специальных ученых журналах. Журнал

и Америке, помещены им в изданиях академии наук и в математических журналах: Лиувилля (французском) и Крелле (немецком). Отдельными книгами на русском языке изданы: 1) «Опыты элементарного анализа теории вероятностей» и 2) «Теория сравнений». Для университетского акта 1856 года написал он трактат «О черчении географических карт», вскоре после того изданный в Париже на французском языке Вообще математические произведения нашего ученого отличаются своеобразностью приемов и счастливой разработкой таких вопросов, решение которых ранее либо вовсе не затрагивалось, либо представляло такие затруднения, которые не могли быть преодолены даже первостепенными геометрами. Особенные заслуги оказаны им преимущественно: 1) отысканием пределов для числа, показывающего, сколько имеется простых чисел между двумя данными целыми числами: этим исследователь наш сделал первый и решительный шаг к решению одного из труднейших вопросов теории чисел; 2) определением условий, при которых интеграл алгебраической функции, содержащей радикал, выразим алгебраически или логарифмически: эти разъяснения Чебышева значительно дополняют те, которыми занимался гениальный Абель; 3) изложением общей теории механизмов, известных под названием параллелограммов, представляющей особенно интерес решением аналитического вопроса: «найти тот вид изменения приблизительного значения данной функции, разложенной в ряд по степеням, приращения переменной, при которых погрешность, заключающаяся между двумя данными пределами, будет наименьшей»; 4) изложением общего способа для решения вопросов подобного рода, т. е. нахождения вообще приблизительных выражений, которые давали бы для данной функции значение, поближе подходящее к истинному в данных пределах; 5) исследованием о непрерывных дробях, раскрывающим новое и важное значение этих дробей, при

расположении функций в ряды; 6) интегрированием по способу наименьших квадратов, представляющим преимущество перед другими способами интегрирования в том отношении, что при удобстве вычисления, дает наиболее выгодное соединение результатов наблюдений; 7) изысканием наибольших и наименьших сумм, составленных из значений целой функции и ее производных, — содержащим начало совершенно нового рода математического исчисления, сходного с вариационным; 8) открытием остроумного механизма, заменяющего параллелограмм Витта и наиболее удовлетворяющего условию, необходимому для преобразования прямолинейного движения во вращательное. Наконец, как член военно-ученого комитета, Пафнутий Львович занимался различными предметами, относящимися к артиллерии, и в 1858 году производил опыты над стрельбой циллиндро-коническими ядрами особого вида.

В свободное от научных трудов время Чебышев с удовольствием предается и физическим трудам, собственноручно выполняя модели, с которых потом делаются настоящие машины.

Считаем нелишним упомянуть о том, что московское техническое училище, которое выбрало Чебышева своим почетным членом, несколько раз уже выставляло паровые машины с его механизмом на выставках за границей, в Вене, Филадельфии и Париже, а также и здесь в России, причем изобретения эти всегда обращали на себя внимание европейских ученых и возбуждали толки в журналах, газетах и изданиях, относящихся до выставок.

В заключение заметим, что уважение европейских ученых к научным заслугам Пафнутия Львовича выразилось и на последнем научном конгрессе (association francaise pour l'avancement des sciences) в Париже, состоявшемся в 1878 году. Наш многоуважаемый деятель был избран на этом конгрессе почетным председателем двух секций: математической и механической. В заседаниях секций им было сделано несколько сообщений, касающихся теории вероятностей, теории чисел, практической механики и нового приложения математического анализа к предмету, который казался недоступным для строго научных исследований, а именно к кройке платья. В заседании 28-го августа, когда в числе назначенных к чтению сообщений было объявлено, что наш ученый будет делать сообщение о приложении математики к кройке платья, то заявление это привлекло, по словам французских газет, небывалое множество публики, заинтересованной оригинальностью предмета. Ученый наш показал, каким образом можно вычислять форму линий, которыми должны быть ограничены куски материи, для того, чтобы они могли составить чехол, ровно покрывающий тело какого-либо вида. Для подтверждения этой теории была вычислена форма кусков, из которых должен был составиться подобный чехол для

теории была вычислена форма кусков, из которых должен был составиться подобный чехол для шара; сшитый таким образом чехол вполне подтвердил справедливость изысканий ученого.

Оканчивая нашу статью, мы заявляем с прискорбием, что наш заслуженный ученый и уважаемый всеми профессор намерен в конце текущего года оставить кафедру. Однако Пафнутий Львович выразил уверение, что не порвет окончательно своих занятий со студентами и будет, по временам, читать лекции. Вместе с тем он предоставил в пользу студентской читальни, находящейся при Петербургском университете, новое издание «Теории сравнений», сочинения весьма распространенного («Всемирная Иллюстрация», 1879, № 567, 568).

Некролог

В Петербурге, 26 ноября, скончался старейший русский математик, ординарный академик, почетный член отечественных и иностранных университетов и математических обществ, действительный тайный советник Пафнутий Львович Чебышев...

С 1853 года (он) был избран в члены Императорской Академии Наук по отделу прикладной математики.

С тех пор, в течение более сорока лет, Пафнутий Львович Чебышев был деятельным членом нашей Академии и служил ее украшением. Из-под его пера почти ежегодно выходили исследования, статьи, сообщения, список которых за сорок лет (1845—1885 годов) занял несколько страниц в журнале «Школа чистой и прикладной математики» (1885 г., кн. 1 и 2) («Московские Ведомости», 1894, № 327).

М. (Д. Д. Языков)

Библиография

Его:

О функциях, наименее уклоняющихся от нуля // Приложение к «Запискам Академии Наук». СПб., 1873, т. XXII, кн. 1).

Об интерполировании величин равностоящих // Приложение к XXV тому Записок Академии Наук, кн. 2, № 5.

О преобразовании вращательного движения в движение по некоторым линиям при помощи сочлененных систем // Школа чистой и прикладной математики, 1885, кн. 1.

О нем:

Список трудов // Школа чистой и прикладной математики, 1885, кн. 1 и 2.

«Русская Мысль», 1894, кн. 12, отд. II, с. 255.

«Московские Ведомости», 1894, № 327.

«Новое Время», 1894, № 6735, 6736.

«Исторический Вестник», 1895, кн. 1, с. 340.

ЧЕСНОКОВ Александр Евгеньевич (умер 15 февраля 1894 года в Петербурге) — действительный статский советник, доктор медицины.

Некролог

Действительный статский советник, доктор медицины, Александр Евгеньевич Чесноков, волею Божьей, 15-го сего февраля, скончался. Вдова и дети покойного с душевным прискорбием извещают об этом родных, товарищей и знакомых покойного. Панихиды в 12 ч. дня и в 8 ч. вечера в квартире покойного (Тверская, д. 18). Вынос тела из квартиры для отпевания и погребения на Митрофаньевском кладбище последует 17-го февраля, в 8 ? час. утра («Новое Время», 1894, № 6455).

Библиография

О нем:

«Новое Время», 1894, № 6455.

Змеев Л. Ф. (Русские) врачи-писатели. Вып. 5.

ЧЕТВЕРИКОВ Николай Сергеевич (родился в 1824 году — умер 24 апреля 1894 года в Москве) — видный общественный деятель.

Некролог

Вечером, 25 апреля, скончался после продолжительной болезни один из видных общественных деятелей города Москвы Николай Сергеевич Четвериков. Покойный происходил из купеческого сословия, родился в Москве, воспитывался в ней и подвизался на разных поприщах службы и общественной деятельности также в Москве. Н. С. Четвериков получил среднее образование в Лазаревском Институте Восточных Языков, а высшее — в Московском Университете по юридическому факультету. По выходе из Университета он поступил на службу в канцелярию московского губернатора. Здесь служба его была довольно продолжительна: ему пришлось служить при трех губернаторах. Деловитый и спокойный молодой человек скоро обратил на себя внимание и выдвинулся вперед, получив назначение на должность правителя канцелярии губернатора. Оставив государственную службу, Н. С. Четвериков вскоре занял ответственный пост директора Московского отделения Волжско-Камского Коммерческого Банка, который занимал в течение нескольких лет. Не касаясь этой стороны деятельности покойного, мы должны указать на заслуги его в области городского общественного управления. Н. С. Четвериков несколько лет состоял гласным Городской Думы и принадлежал к числу наиболее деятельных гласных и много потрудился в качестве председателя думской комиссии по составлению проектов обязательных для жителей Москвы постановлений. Его трудами составлена инструкция Городской Думы и Городской Управы, которая не потеряла своего значения и после введения Нового Городского Положения. В разработке многих наиболее важных вопросов городского хозяйства покойный принимал самое деятельное участие и голосу его придавали значение. Между прочим, он был одним из инициаторов учреждения в Москве Городского Общества Взаимного от огня страхования и занимал должность председателя Наблюдательного Комитета за деятельностью этого Общества. Затем Н. С. Четвериков был много лет губернским гласным и состоял почетным мировым судьей Столичного Мирового Съезда. С 1876 года до последнего времени Н. С. Четвериков состоял попечителем городского начального Петровско-Сущевского училища. Многие питомцы этого мужского училища обязаны Н. С. Четверикову тем, что получили возможность продолжать образование в разных средних и высших учебных заведениях. Заботясь о благосостоянии училища, покойный в то же время близко принимал к сердцу судьбу учеников школы, облегчая способным из них доступ в учебные заведения. Покойный скончался в преклонном возрасте; ему было свыше 70 лет («Московские Ведомости», 1894, № 114).

Библиография

О нем:

«Московские Ведомости», 1894, № 114.

«Отчет Московского Университета», 1845, с. 12.

ЧИЧАГОВА Мария Николаевна (родилась в 1819 году — умерла в 1894 году) — рожденная Зварковская, писательница и музыкантша.

Библиография

О ней:

Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. XXXVIIIA. 1903, с. 885—886.

ЧИЧАГОВ Дмитрий Николаевич (умер 22 июня 1884 года в Новом Кунцеве) — архитектор, председатель Московского Архитектурного Общества.

Некролог

Кончина Д. Н. Чичагова. Сегодня, 22 июня, во втором часу ночи, на даче в Новом Кунцеве скончался один из видных московских архитекторов, председатель Московского Архитектурного Общества Дмитрий Николаевич Чичагов. Смерть его последовала совершенно неожиданно. Накануне своей кончины покойный был в Москве, участвовал в депутации, подносившей адрес Н. В. Никитину, а в ночь на сегодняшнее число его не стало в живых.

Из целого ряда построек, произведенных Д. Н. Чичаговым, мы укажем на новое здание Московской Городской Думы, построенное по его проекту и под его наблюдением.

Покойный состоял членом Строительного Совета при Городской Управе и архитектором при Главном Архиве Министерства Иностранных Дел. Кончина Д. Н. Чичагова является большой потерей для Московского Архитектурного Общества, которое занято в настоящее время организацией второго съезда русских зодчих в Москве. Покойный стал во главе Общества недавно, в начале текущего года, но уже успел своей деятельностью заслужить уважение членов Общества («Московские Ведомости», 1894, № 170).

Библиография

О нем:

«Московские Ведомости», 1894, № 170, 172; 1895, № 33.

Императорское Московское Археологическое Общество: биографии членов, с. 399—400 и приложение с. 239.

ШАХОВСКОЙ Сергей Владимирович (родился в 1852 году — умер 12 октября 1894 года в Ревеле) — стляндский губернатор.

Некролог

Смерть унесла в могилу одного из видных русских по убеждениям и действиям администраторов, эстляндского губернатора князя Сергея Владимировича Шаховского. Он скончался в Ревеле, вчера, 12-го октября. Имя покойного, несмотря на его молодость (ему недавно минуло 42 года), пользовалось популярностью и было тесно связано с эпохой обрусения Остзейского края. Правда, вопрос о введении русского языка в «делопроизводство» Прибалтийских губерний был не новый при назначении князя Шаховского эстляндским губернатором, но до него принятые по этому вопросу решения не проводились в исполнение. Он один из первых высоко поднял знамя русской народности, горячо и настойчиво требуя от остзейцев неуклонного исполнения административных распоряжений о введении в общее употребление государственного языка, русской полиции, русского суда и школы. Немцы не жаловали покойного, — зато он занял

почетное место среди деятелей, хорошо понимавших истинные интересы русской политики. Князь Шаховской впервые заслужил известность своей деятельностью во время последней русско-турецкой войны и Ахал-Текинской экспедиции. По окончании курса в московском университете со степенью кандидата математических наук. С. В. начал службу в министерстве иностранных дел. Будучи в 1875 году секретарем консульства в Рагузе, он оказал важное содействие санитарному персоналу Общества попечения о раненных и больных во время следования этого врачебного отряда в Цетинье. Затем, когда разгорелась борьба славян с Турцией, принял энергичное участие в комитете для пособия славянам при Славянском благотворительном обществе и в Центральном болгарском благотворительном обществе. Во время русско-турецкой войны он был командирован в распоряжение заведывавшего гражданскими делами при августейшем главнокомандующем, князе Черкасском и исполнял ответственные поручения по управлению Болгарией, по ее административному устройству и упорядочению экономического положения. На театре военных действий он устроил склад «Красного Креста» и два питательных пункта в Систове, сопровождал транспорты с грузами «Красного Креста» в опасные места и неоднократно оказывал помощь раненым под градом пуль на поле битвы. Общество попечения о раненых и больных воинах отметило деятельность князя и после прекращения войны избрало его своим главноуполномоченным при оккупационной армии в Болгарии и Восточной Румелии. В 1880 году началась Ахал-Текинская экспедиция. В ней покойный был главным участником, находясь в качестве главноуполномоченного «Красного Креста» при отряде генерала Скобелева. Вместе с отрядом он находился в рекогносцинировках, отражениях ночных нападений текинцев, в атаках и занятиях укреплений и всюду руководил с

полным самоотвержением подачей немедленной помощи раненым. Генерал Скобелев, ценя энергию покойного, назначил его главным распорядителем по эвакуации в Закаспийском крае. По окончании войны В. С. определился на службу в министерство внутренних дел, удачно выполнил поручение по выявлению причин антиеврейских беспорядков в Нежине и вскоре был назначен сперва черниговским, затем эстляндским губернатором. Такова в немногих словах плодотворная и разнообразная деятельность покойного, завершившаяся блестящим успехом в обрусении Остзейского края. Кончина кн. Шаховского оставляет грустное впечатление потери деятеля, полного сил и энергии, на которого возлагались большие надежды («Новое Время», 1894. № 6691).

Библиография

Его:

Очерк деятельности «Красного Креста» при оккупационных русских войсках в княжестве Болгарском и Восточной Румелии. СПб.. 1880, 178 с.

О нем:

«Ревельские Известия», 1894, № 232.

«Новое Время», 1894, № 6691, 6692.

«Русское Обозрение», 1894, кн. 12, с. 994—995.

«Ревельские Известия», 1895, № 1.

«Церковные Ведомости», 1895, № 42. прибл. с. 1463—1464.

«Московские Ведомости», 1895, № 199, 281; 1894, № 282.

Венок на могилу. Статьи, посвященные памяти бывшего эстляндского губернатора князя С. В. Шаховского, с портретом и 10 фотокопиями. Издание газеты Ревельские Известия, под редакцией Г. Янчевецкого. Ревель, 1896. «Русское Обозрение», 1896, кн. 4, с. 852—859.

«Исторический Вестник», 1896, кн. 3. с. 960—985, с портретом.

«Русский Труд», 1899, № 29.

Книга: «Из архива князя С. В. Шаховского.

Материалы для истории недавнего прошлого Прибалтийской окраины» (1885). Т. I СПб., 1909, с. XI + 324 + V; Т. II, СПб., 1909,311 с; Т. III (1885—1894), СПб., с. LIX + 334 + XII.

ШВАРЦ Людвиг Эдуардович (умер 18 сентября 1894 года в Юрьеве) — заслуженный профессор астрономии.

Некролог

17-го (18) сентября скончался ординарный профессор Юрьевского университета по кафедре астрономии Людвиг Эдуардович Шварц. По окончании полного курса наук в бывшем Дерптском, ныне Юрьевском университете и по приобретении степени кандидата по философскому факультету, в 1849 году, Шварц вступил астрономом в экспедицию для исследования Забайкальского края. Вычислениями по произведенным им разного рода наблюдениям в экспедиции он занимался до 1854 г., когда был определен главным астрономом ученой экспедиции, снаряженной, с Высочайшего соизволения, Императорским Русским

географическим обществом в Восточную Сибирь. В 1863 году он был командирован министерством народного просвещения с научной целью за границу на два года и, по возвращении в 1865 г., приобрел при Дерптском университете степень магистра астрономии. С 1866 г. он был утвержден астрономом-наблюдателем Дерптской астрономической обсерватории, в 1871 г. получил степень доктора астрономии и в конце 1872 г. был назначен ординарным профессором того же университета по кафедре астрономии. В 1874 г. он был вновь командирован министерством народного просвещения с ученой целью в Восточную Сибирь и пробыл в командировке до февраля 1875 г. В 1877 г. он был назначен деканом физико-математического факультета на три года. По избранию совета университета, в 1877 г. на Шварца было возложено представительство университета на праздновании 5-го, 6-го и 7-го сентября 1877 г. четырехсотлетнего юбилея Упсальского университета («Новое Время», 1894, № 6668).

Библиография

Его:

Карта речных областей Амура, южной части Лены и Енисея. СПб., 1861.

Труды Сибирской экспедиции. СПб., 1894, 182 + 110+ 109 с.

О нем:

«Московские Ведомости», 1894, № 257, 269.

«Новое Время», 1894, № 6668.

ШМАКОВ Иван Александрович (умер в 1894 году) — инженер из Казани, составитель проекта осушения Сиваша и сделавший много изобретений; его исторические, биографические и другие статьи печатались в Древней и Новой России, Морском Сборнике, а также в столичных и провинциальных газетах.

Библиография

Его:

Белинский в Симферополе // Древняя и Новая Россия, 1876, кн. 2.

О нем:

«Исторический Вестник», 1894, кн. 4, с. 304.

ШМАЛЬГАУЗЕН Иван Федорович (родился 3 апреля 1849 года — умер 7 апреля 1894 года в Киеве) — член-корреспондент Императорской Академии Наук, ординарный профессор Университета Св. Владимира.

Некролог

Телеграмма из Киева принесла весть, что там, 7 апреля, скончался член-корреспондент Императорской Академии Наук и ординарный профессор Университета Св. Владимира, Иван Федорович Шмальгаузен.

Покойный принадлежал к числу известных русских ботаников, а потому мы и передаем о нем главные биографические сведения. Он родился 3 апреля 1849 года в Петербурге и воспитывался в Ларинской гимназии, из которой в 1867 году поступил в Петербургский Университет на естественное отделение физико-математического факультета. Уже студентом второго курса покойный начал особенно заниматься ботаникой, как любимым предметом, под руководством

профессора А. Н. Бекетова, и еще на студенческой скамье в 1870 году получил золотую медаль за сочинение: «О последовательности образования побегов в соцветии злаков», тогда же напечатанное в Трудах С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей (1870 года, т. 1). Затем, по окончании курса кандидатом в 1871 году, он был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию и через три года получил степень магистра ботаники за диссертацию: «О растительных помесях, наблюдения из петербургской флоры» (СПб., 1874, 107 стр.). Вслед за этим Шмальгаузеном была получена заграничная командировка, во время которой он преимущественно занимался изучением анатомии и развития растений в Страсбурге, Цюрихе, Вене, Праге, Мюнхене и Берлине. По возвращении покойный с 1876 года состоял консерватором гербария Императорского Ботанического Сада, а по защите докторской диссертации, под названием «Исследование над развитием млечных вместилищ растений» (СПб., 1877, 53 стр. и две таблицы), получил звание приват-доцента в Петербургском Университете, где и читал лекции по палеонтологии растений. Наконец, избранный на кафедру профессора ботаники в университете Св. Владимира (в 1878 году), он уехал в Киев и там до смерти продолжал свою ученую деятельность.

Кроме названных диссертаций, И. Ф. Шмальгаузен напечатал длинный ряд специальных статей, написанных на русском и немецком языках. Но самыми важными его трудами появились следующие издания: «Флора Юго-Западной России» (Киев, 1886, XIII + 783 стр.) и Краткий учебник ботаники для студентов медицины и начинающих натуралистов (Киев, 1887, V + 314 стр. и рисунками) («Московские Ведомости», 1894, № 99).

Д. (Д. Д. Языков)

Библиография

О нем:

«Русские Ведомости», 1894, № 101.

«Московские Ведомости», 1894, № 99.

«Новое Время», 1894, № 6510.

ШМИДТ Александр Александрович (родился 15 мая 1839 года — умер 10 апреля 1894 года в Юрьеве) — профессор физиологии.

Некролог

На днях скончался в Юрьеве заслуженный профессор и бывший ректор Юрьевского университета Александр Александрович Шмидт, один из выдающихся физиологов, труды которого пользовались европейской известностью. А. А. родился 15-го мая 1839 г. Окончив курс в ревельской гимназии, он поступил в 1850 г. в Дерптский (ныне Юрьевский) университет, где стал изучать историю, но вскоре перешел на медицинский факультет и в 1858 г. блестяще защитил диссертацию на степень доктора медицины. Получив степень доктора, покойный решил всецело посвятить себя науке; он с особенной любовью занялся физиологией, в области которой ему удалось вскоре сделать капитальнейшее открытие, дав разгадку процесса свертывания крови. После четырехлетнего пребывания за границей, где он с большим успехом работал у тогдашних корифеев науки, А. А. вернулся в 1862 г. в Дерптский университет, где в 1864 г. был избран штатным доцентом Дерптского ветеринарного института. Пробыв, затем, около года в Лейпциге, покойный был избран в 1867 г. ординарным профессором физиологии в Дерптском университете, в 1876—79 годах был деканом медицинского факультета, а в 1885 г. избран ректором университета. В этой почетной должности он оставался до 1890 г. А. А. был последним ректором, называвшимся «rector magnificus» («Новое Время», 1894, № 6513).

Библиография

О нем:

«Новое Время», 1894, № 6513.

«Московские Ведомости», 1894, № 121.

ШМИДТ Карл Карлович (родился 1 июня 1822 года — умер 27 февраля 1894 года в Юрьеве) — профессор, доцент фармации и химии.

Некролог

В жизни нашего университета надо отметить смерть бывшего профессора Юрьевского университета доктора Карла Шмидта, последовавшую 27 минувшего февраля. Покойный славился своими научными трудами в области химии не только в пределах края, но и за его пределами во всем ученом мире и был очень любим и уважаем в городе Юрьеве. Карл Шмидт родился в городе Митаве 1 июня 1822 года и учился в заграничных университетах. В 1844 году он получил в Гессене степень доктора философии, а в следующем году в Геттингене доктора медицины. В 1846 году он поселился в Юрьеве сначала в качестве доцента фармации, а затем химии. До самой смерти Карл Шмидт, скончавшийся на 72 году жизни, отличался замечательной бодростью. На похоронах его, происходивших 3 сего марта, присутствовали почти все немецкие и русские профессора, очень много студентов и масса публики; на гроб было возложено множество венков («Московские Ведомости», 1894, № 74).

Библиография

О нем:

«Русские Ведомости», 1894, № 107 или № 108.

«Московские Ведомости», 1894, № 74.

ШПЕРК Эдуард Фридрихович (умер 3 мая 1894 года в Петербурге) — директор Императорского

института экспериментальной медицины, доктор медицины, действительный статский советник.

Некролог

В ночь с 2-го на 3-е мая скончался после продолжительной болезни директор Императорского института экспериментальной медицины, доктор медицины, действительный статский советник Шперк.

Окончив в 1858 г. курс наук на медицинском факультете Харьковского университета со степенью лекаря, покойный, как стипендиат, был назначен исправляющим должность охотского окружного врача и до 1869 г. служил в Амурской и Приморской областях, занимая последовательно должности областного врача, заведывающего гражданской медицинской частью в Амурской области и инспектора медицинской части в Приморской области.

Тяжелая служба на далекой окраине, сопряженная с постоянными разъездами, с жизнью в крайне суровой обстановке со всевозможными лишениями, не ослабила его энергии. В 1863 г., воспользовавшись отпуском, он защитил докторскую диссертацию и удостоен степени доктора медицины. По окончании своей службы в Сибири, Э. Ф. Шперк отправился в Вену для усовершенствования себя в дерматологии под руководством Гербы. В 1870 г. он был назначен старшим ординатором Калинкинской больницы, а год спустя выбран по конкурсу старшим врачом этой больницы, в каковой должности состоял до 1891 г. Кроме того, с 1874 г. покойный состоял доцентом в училище для повивальных бабок при Калинкинской больнице; с 1875 по 1882 г. преподавал дерматологию во врачебных женских курсах при Императорской Медико-Хирургической академии; с 1883 года был преподавателем в училище лекарских помощниц и фельдшериц с.-петербургского дамского лазаретного комитета Российского Общества «Красного Креста». Э. Ф. Шперк состоял также консультантом центрального отделения Максимилиановской лечебницы, членом попечительного комитета при повивальном институте великой княгини Екатерины Михайловны, членом врачебного совещания ведомства учреждений Императрицы Марии, членом попечительного комитета Клинического института великой княгини Елены Павловны и сверхштатным консультантом по накожным болезням при лечебнице великой княгини Марии Александровны, герцогини Эдинбургской.

Почти с самого начала своей врачебной деятельности избрав специальностью сифилидологию и накожные болезни, Э. Ф. Шперк составил себе в этих отраслях медицины почтенную и вполне заслуженную известность талантливого и опытного практического врача и задолго до возникновения бактериологического направления в медицине применял те методы лечения, научная рациональность коих была впоследствии теоретически обоснована и доказана.

Когда в 1888 году у попечителя Свято-Троицкой общины сестер милосердия принца Александра Петровича Ольденбургского возникла мысль об учреждении при общине изучения заразных болезней, Э. Ф. Шперк, уже ранее того занимавшийся в учрежденной его высочеством Пастеровской прививочной станции, первый оценил значение этого начинания и сделал в пользу возникающего учреждения денежное пожертвование. Ему же суждено было положить начало научным работам Императорского института экспериментальной медицины путем исследования действия открытого профессором Кохом туберкулина на больных, зараженных волчанкой.

В июне 1891 г. Э. Ф. Шперк был назначен действительным членом, а в октябре того же года директором Императорского института экспериментальной медицины.

Осенью минувшего года Э. Ф. Шперк почувствовал первые приступы мучительной болезни, которая свела его в могилу. Последние два года своей жизни он занимался исследованиями, которые должны были служить подготовительным материалом для задуманной им обширной работы, имевшей целью свести к одному рациональному методу результаты многолетних его наблюдений над разнообразными способами диагностики и лечения заразных болезней. К сожалению, работа эта осталась неоконченной.

В лице Э. Ф. Шперка русская медицина лишилась выдающегося специалиста, а общество — одного из тех людей, знакомство с которыми не проходит бесследно. Достаточно было кратковременного знакомства с ним, чтобы узнать и оценить выдающиеся свойства его характера; сердечную приветливость, теплое участие к страждующему, редкое бескорыстие и доброту. Он любил выставлять на вид достоинства и заслуги людей. Он был готов прийти на помощь каждому нуждающемуся и тщательно скрывал даже от близких свою благотворительность. Его осторожность в заключениях, решительность действий и настойчивость в тех случаях, когда он бывал убежден в правоте своего мнения, вселяли безусловное доверие в его пациентов. Столица обязана ему благоустройством одной из самых важных своих больниц. Его идеи о способах борьбы с сифилисом — одним из ужаснейших общественных зол — нашли себе плодотворное применение в сельской практике разных местностей нашего отечества. На его долю выпало принять деятельное участие в организационных работах по устройству Императорского института экспериментальной медицины, в будущность которого он твердо верил.

Известие о кончине Э. Ф. Шперка вызовет искреннюю скорбь среди всех, его знавших. Это — лучшая награда тому, кто самоотверженно потрудился для блага ближнего («Новое Время», 1894,

№ 6511).

Библиография

О нем:

«Русские Ведомости», 1894, № 124.

«Московские Ведомости», 1894, № 126.

«Новое Время», 1894, № 6511.

ШРЕНК Леопольд Иванович (родился в 1821 году — умер 8 января 1894 года в Петербурге) — ординарный академик Императорской академии наук, тайный советник.

Некролог

В субботу, 8-го января, скончался ординарный академик Императорской академии наук, тайный советник, Леопольд Иванович Шренк. Покойный известен своими многочисленными трудами, посвященными главным образом этнографии, антропологии и зоогеографии Сибири. Будучи еще молодым деятелем. 22-х лет, покойный был избран руководить экспедицией, снаряженной Академией наук на Амур. Это было в 1854 году. Шренк путешествовал около трех лет, и результаты, добытые им, имели большое значение для ознакомления русских с историей, географией и этнографией отдаленнейшей окраины. Описание своего путешествия покойный издал на немецком языке в нескольких томах под заглавием «Reisen und For-schungenim Amur-Lande in den lahren 1854—1856». По возвращении из Сибири он продолжал издание сборника, заключающего множество естественно-исторического материала для изучения Сибири: «Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angranzcnden Lander Asiens». Начало этому изданию было положено покойными учеными Гельмерсеном и Бэром. Несмотря на то, что Л. И. числился академиком историко-филологического отделения, его труды были посвящены преимущественно естествознанию и этнографии. Он особенно подробно описал быт и нравы сибирских самоедов. Умер он на 64-м году жизни («Новое Время», 1894. № 6419).

Библиография

О нем:

О нем:

«Русские Ведомости», 1894, 27.

«Новое Время», 1894, № 6419.

«Записки Академии Наук».

ЩЕРБАК Александр Викторович ((родился в 1848 году) — умер в октябре 1894 года в Нагасаках) — доктор медицины.

Некролог

Телеграф известил о смерти доктора медицины Александра Викторовича Щербака. Скончался он в Нагасаках от рака в гортани и полости рта. Этой мучительной болезнью покойный хворал в продолжение многих лет и два года тому назад перенес тяжелую операцию, произведенную профессором Павловым в больнице Кресто-Воздвиженской общины. Доктор Щербак пользовался широкой известностью, богатой энергией и инициативой военного врача и русского корреспондента. Движимый любовью к ближнему, он вызвался во время сербско-турецкой войны 1876 года ехать в отряд «Красного Креста» в Черногорию. Здесь, на театре военных действий, покойный — полный самоотвержения и энергии — оказал немаловажные услуги. Многие раненые обязаны его хирургическим знаниям и опытности своим исцелением и полным выздоровлением. Участвуя в сражениях и стычках с турками, А. В. находил время корреспондировать из Черногории в «Голос». В одной из стычек он был контужен. Когда разгорелась русско-турецкая война, общество «Красного Креста» пригласило покойного стать во главе врачебно-санитарного пункта при отряде Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича. Особенно памятно участие д-ра Щербака в Ахал-Текинской экспедиции. Здесь под его наблюдением было сформировано несколько санитарных и питательных пунктов. Он, будучи в отделе камергера Балашова на великокняжеской позиции, всегда поспевал туда, где требовалась немедленная медицинская помощь, и участвовал во взятии Геок-Тепе. Экспедиция подробно описана им в корреспонденциях, напечатанных в 1880—1881 годах в «Порядке». Корреспонденции эти были пополнены и изданы отдельной интересной книжкой, под заглавием: «Ахал-Текинская экспедиция генерала Скобелева». После войны А. В. служил некоторое время врачом в петербургской Александровской больнице для чернорабочих, затем определился судовым врачом Добровольного флота и сопровождал неоднократно партии ссыльных на Сахалин и в другие отдаленные места Сибири. Беседуя с ссыльными в пути и наблюдая их образ жизни на Сахалине, доктор Щербак написал ряд очерков «Ссыльнокаторжные на Сахалине», напечатанных в «Новом Времени». Кроме того, несколько статей покойного о ссылке было помещено в «Тюремном Вестнике». Живя на Дальнем Востоке, он присылал оттуда «Новому Времени» интересные корреспонденции. А. В. Щербак родился в 1848 году, образование закончил в Медико-хирургической академии. Как человек, он обладал симпатичным характером, отзывчивым на все доброе и хорошее. Все знавшие покойного надолго сохранят память о нем, как о светлой личности, неутомимо работавшей ради ближнего («Новое Время», 1894, № 6689).

Библиография

О нем:

«Новое Время, 1894, № 6689, 6692.

«Исторический Вестник», 1894, кн. 12, с. 900.

Знакомые. Альбом М. И. Семевского, с. 106.

ЭНГЕЛЬГАРДТ Софья Владимировна (умерла в 1894 году) — рожденная Новосильцева.

Библиография

Библиография

Ее:

Деревня. Повесть («Отечественные Записки», 1853, кн. 9).

Утро вечера мудренее. Повесть («Отечественные Записки», 1853).

Суженого конем не объедешь («Отечественные Записки», 1854, кн. 2, т. 92).

Не так живи, как хочется («Современник», 1854, кн. 12, с. 269—342).

На весь свет не угодишь. Повесть («Отечественные Записки», 1855, кн. 2).

Сон в руку. Рассказ в Пантеоне. 1855, кн. 4. Ум придет — пора пройдет («Отечественные Записки», 1855, кн. 7).

Княжны Пройденовы. Повесть («Русский Вестник», 1860, т. XV, кн. 3).

Судьба или характер? Повесть («Русский Вестник», 1861, кн. XI).

Камень преткновения. Повесть («Русский Вестник», 1862, кн. 12).

Два новоселья. Повесть («Русский Вестник», 1864, кн. 7).

Лиза. Рассказ («Эпоха», 1864, кн. 8).

Два свидания. Повесть («Русский Вестник»,1865, кн. 3).

Враг горами качает. Повесть («Русский Вестник», 1865, кн. 10, 11).

Не сошлись. Повесть («Русский Вестник», 1867, кн. 4).

Не одного поля ягоды. Повесть («Русский Вестник», 1868, кн. 8).

На родине. Повесть («Русский Вестник», 1870, кн. 8).

Так Бог («Русский Вестник», 1872, кн. 8). Воспоминания (на даче). Отрывок из романа («Русский Вестник», 1874, кн. 7).

Марфа. Быль («Газета Ганцуна», 1876, № 1, 2).

Из давно прошедшего. Рассказ («Газета Ганцуна», 1877, № 8, 9).

Заблудшая. Рассказ («Газета Ганцуна», 1877, № 12—17).

Черный сургуч. Быль («Газета Ганцуна», 1877, № 32—35).

Аришина тайна («Современные Известия», 1878, июльские номера).

Рано или поздно. Рассказ («Газета Ганцуна», 1878, № 1, 2).

Отцовский грех. Рассказ («Газета Ганцуна», 1878, № 32—35).

Две любви. Рассказ («Газета Ганцуна», 1879, № 4—9).

Царицыны четки. Рассказ («Газета Ганцуна», 1879, № 35—42). Старая вера. Повесть («Русский Вестник», 1879, кн. 3).

Вестник», 1879, кн. 3).

Селехонские. Рассказ («Газета Ганцуна», 1880, № 13—20).

Бабушкин дом. Повесть («Газета Ганцуна», 1880, № 28—34).

Злоба дня. Повесть («Русский Вестник», 1881, кн. 4).

Не первая и не последняя. Рассказ («Русский Вестник», 1883, кн. 9).

Вечер на святках. Святочный рассказ («Газета Ганцуна», 1882, № 1—7).

Один Бог правду видит. Рассказ («Газета Ганцуна», 1882, № 41—46).

Человеческое сердце — загадка. Рассказ («Газета Ганцуна», 1883, № 2—7).

Изгнанница Бориса Годунова. Историческая повесть («Детский Отдых», 1885, кн. 1, 2).

Из воспоминаний («Русский Вестник», 1887, кн. 10, 11; 1889, кн. 7).

Русские люди и русский край («Детский Отдых», 1889, кн. 1).

Из воспоминаний («Русское Обозрение», 1890, кн. 11).

Быль («Север», 1890, № 20).

Петр Иванович Корондеев. Быль («Русское Обозрение», 1891, кн. 5).

Пропажа. Рассказ старосветского помещика («Русское Обозрение», 1892, кн. 8).

О ней:

«Русская Старина», 18%, кн. 7, с. 222.

ЯБЛОЧКОВ Павел Николаевич (умер 19 марта 1894 года в Саратове) — изобретатель электрической лампы.

Библиография

О нем:

«Исторический Вестник», 1894, кн. 5, с. 589—590.

«Русский Вестник», 1895, кн. 6, с. 283—286.

Чиколев В. Не быль, но и не выдумка. Электрический рассказ. СПб., 1895, глава V.

ЯДРИНЦЕВ Николай Михайлович (родился в 1842 году — умер 7 июня 1894 года в Барнауле) — исследователь Сибири.

Некролог

Телеграф сообщил о неожиданной кончине известного исследователя Сибири Николая Михайловича Ядринцева. Умер он в Барнауле 7-го июня, сохранив до последнего дня своей жизни присущую ему необычайную энергию и деятельную любовь к своей суровой родине. Истый сибиряк по своему рождению и воспитанию, он посвятил себя всецело нуждам и интересам Сибири, избрав еще в молодости своей целью широкое исследование вопросов сибирской истории и современного экономического и нравственно-общественного быта. Весьма

ценные труды по бытовому изучению Сибири, а также по обстоятельной разработке вопросов сибирской общественной жизни и народного хозяйства принадлежат покойному. Он был одновременно и горячим патриотом Сибири и ее историком, этнографом, экономистом, видным деятелем по народному хозяйству и образованию, ее публицистом и литературным работником. Изучая Сибирь, Н. М. Ядринцев совершил немало опасных путешествий по сибирским дебрям и горным высотам. Алтай имел в лице его одного из лучших своих исследователей, в северной Монголии он открыл развалины знаменитого и затерянного историками Каракорума, а последние путешествия, совершенные покойным совместно с академиком В. В. Радловым на Орхонт, дали результаты, обогатившие историческую географию и археологию ценными исследованиями малоизвестной местности.

Покойный не был ученым в строгом смысле этого слова, но его труды всегда носили, помимо жизненно-практического, научный характер. Еще в 1863 г., когда Сибирь находилась в положении забытой и пренебрегаемой окраины, Н. М. Ядринцев публично выступил в качестве лектора в Омске с вопросом о необходимости для Сибири университета. Его горячая убедительная речь и готовность перейти от слов к делу произвели большое впечатление и тогда же вызвали ряд пожертвований, дошедших впоследствии до огромной суммы, которая дала возможность возникнуть Томскому университету. В 1872 году появилось в печати ценное исследование покойного под заглавием: «Русская община в тюрьме и ссылке». Автор выступил в рядах противников ссылки и доказывал ее вредное влияние награжданскую жизнь Сибири. Этот труд, изложенный талантливо и со знанием дела, принес несомненную пользу особой комиссии, занимавшейся в то время вопросом о преобразовании тюрем и ссылки, и, конечно, послужил одним из оснований тех реформ, которые коснулись в прошлое царствование тюремного дела. С особенной тщательностью разрабатывал также Н. М. Ядринцев вопросы о сибирской административной реформе, о местной золото промышленности, железной дороге, нуждах рабочего населения, об инородцах, колонизации, переселении и другие. Его лучшее литературное произведение составляет объемистая книга «Сибирь, как колония», представляющая собой один из замечательнейших трудов всей сибирской литературы.

Деятельность покойного, как уже указано, отличалась разнообразностью. Русская публицистика и литература потеряла в нем одного из энергичных тружеников, богатых жизненностью и инициативой. Живя в 60-х годах в Омске, Н. М. принял деятельное участие, как сотрудник, в местной газете, в «Сибирском Вестнике», издававшемся тогда Б. А. Милютиным в Иркутске, а также в «Деле», где были напечатаны следующие его статьи: «Письма о сибирской жизни», под псевдонимом Семилужанского, «Секретная», «Община в русском остроге» и др., и в «Женском Вестнике» (статья: «Женщина в Сибири в XVII и XVIII ст.»). В начале 70-х годов покойный одновременно с Г. Н. Потаниным попал в число опальных, был сослан в Архангельск и только в 1874 году получил свободу и возможность жить в Петербурге. К этому времени относится его сотрудничество в «Голосе», «Неделе», «Биржевых Ведомостях», «С.-Петербургских Ведомостях», «Вестнике Европы», «Отечественных Записках» и других периодических изданиях преимущественно по вопросам, связанным с нуждами Сибири. В 1876 году Н. М. Ядринцев был приглашен генерал-губернатором Западной Сибири на службу. Эта служба, заключавшаяся главным образом в статистических, экономических и этнографических разысканиях, позволила покойному собрать обширный и разнообразный материал. В конце 70-х годов он основывает в Омске западно-сибирский отдел Географического общества, предпринимает официальное путешествие в Алтайский горный округ для исследования движения переселенцев и устройства их на новых местах, вырабатывает ценную программу переселенческого движения и колонизации, собирает сведения об инородцах, исследует Телецкое озеро и проникает до вершин Катуни. В 1881 году Н. М. вновь поселился в Петербурге. Здесь он занялся обработкой собранного материала и всевозможными хлопотами, чтобы вызвать интерес к своей заброшенной родине. Он делает существенные по серьезности доклады в Географическом и других обществах, печатает статьи в периодических изданиях, с 1882 года основывает собственную еженедельную газету «Восточное Обозрение», перенесенную в 1888 году в Иркутск, и, кроме того, редактирует «Сибирский Сборник», издававшийся в виде приложения к газете и заключавший ряд длительных статей о Сибири. В конце 80-х и начале 90-х годов Н. М. Ядринцев предпринял несколько

статей о Сибири. В конце 80-х и начале 90-х годов Н. М. Ядринцев предпринял несколько поездок в Сибирь и малоисследованные местности Азии для этнографических наблюдений над инородцами (преимущественно остяками и саянскими племенами) и для новых географических открытий.

Покойный — сын купца, переселившегося в Сибирь из Пермской губернии. Родился он в Омске, в 1842 году, учился в томской гимназии, затем с 1860 года по 1863 год посещал, в качестве вольнослушателя, С.-Петербургский университет. Как человек, Н. М. Ядринцев пользовался общими симпатиями за свою неутомимую энергию, истинно сыновнюю любовь к Сибири и всегдашнее доброжелательство («Новое Время», 1894, № 6565).

Н. А.

Библиография

Его:

Отношение к бедным и несчастным у первобытных народов («Мир Божий», 1894, кн. 7).

О нем:

«Русские Ведомости», 1894, № 158, 159, 187, 214; 1900, № 157.

«Землеведение», 1894, кн. II.

«Северный Вестник», 1894, кн. 7, отд. II, с. 95—97.

«Вестник Европы», 1894, кн. 7, с. 445—448.

«Русская Мысль», 1894, кн. 7, отд. II, с. 151—152; 1895, кн. 1, отд. II, с. 29—37.

«Новое Время», 1894, № 6565.

«Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества», Т. XXV, Иркутск, 1894.

«Нива», 1894, № 30.

Глинский Б. Николай Михайлович Ядринцев (с предисловием В. Острогорского и приложением воспоминаний Г. Потанина). СПб., 1895, 63 с.

«Русское Богатство», 1894, кн. 6, отд. II, с. 182—183.

«Северный Вестник», 1895, кн. 4, с. 183—190.

Наумов Н. Н. М. Ядринцев в Томской гимназии («Сибирский Сборник», 1896, вып. IV).

«Наблюдатель», 1900, кн. 9, отд. II, с. 42—43.

«Восточное Обозрение», 1902, № 131.

Лемке М. Николай Михайлович Ядринцев. Биографический очерк к десятилетию со дня кончины (1894—7 / VI—1904 гг.), с восемью иллюстрациями. СПб., 1904, XVI + 219 с.

«Московские Ведомости», 1904, № 152.

ЯСТРЕБОВ Иван Степанович (родился в 1839 году — умер 7 января 1894 года в Салониках) —

генеральный консул, действительный статский советник.

Некролог

В Салониках, главном городе Македонии, 7 января скончался наш генеральный консул, действительный статский советник Иван Степанович Ястребов. Покойный принадлежал к числу видных деятелей на русском дипломатическом поприще и в то же время был известен своими литературными трудами. Происходя из духовного звания, Иван Степанович родился в 1839 году и воспитывался сначала в Астраханской семинарии, а потом в Казанской Духовной Академии, где в 1864 году окончил курс со степенью кандидата. Тотчас же по выпуске из Академии, он, по собственному желанию получил увольнение от духовно-училищной службы, хотя считался «лучшей надеждой миссионерского противомусульманского отделения», прибыл в Петербург и поступил на учебный отдел восточных языков при Азиатском Департаменте Министерства Иностранных Дел. Спустя два года покойный отправился на Балканский полуостров и там, с 1866 года. последовательно служил в Константинопольском посольстве при графе Н. П. Игнатьеве, секретарем консула в Скутари, консулом в Призрене (в старой Сербии), наконец, с 1886 года до кончины, генеральным консулом в Салониках.

Свою литературную деятельность И. С. Ястребов начал в Московском духовном журнале — Православном Обозрении, где им были напечатаны статьи, под заглавием «Церковно-Болгарский вопрос» (1866, кн. 6 и 11) и «Письма из Константинополя» (1866. кн. 7—9; 1867, кн. 1). Затем он участвовал, как сотрудник, в Гласнике Сербского учебного дружства и в Известиях С.-

Петербургского Славянского Благотворительного Общества; в последнем журнале им помещена важная статья «Католическая архиепископия в Скопле» (1866, № 4 и 5). Наконец, покойный отдельно напечатал свой замечательный труд по славянской этнографии и литературе, под названием «Обычаи и песни турецких Сербов в Призрене, Ипеке, Мораве и Дибре» (СПб., 1866. VII + 498 тр.), потом вышедшим вторым, значительно дополненным, изданием (СПб., 1889, XXIV + 626 стр.)

(«Московские Ведомости», 1894. № 17).

Д. Я. (Д. Д. Языков)

Библиография

О нем:

«Московские Ведомости», 1894, № 17.

«Новое Время», 1894, № 6421.

«Исторический Вестник», 1894, кн. 3, с. 884.

«Церковный Вестник», 1894, № 3, 4.

(Продолжение следует)

Публикация Г. Ю. ДРЕЗГУНОВОЙ

Альбом фотографий императрицы Александры Федоровны. 1895—1911 гг.

Альбом фотографий Императрицы Александры Федоровны, 1895—1911 гг. / Публ., [вступ. ст. и примеч.] З. И. Перегудовой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах

и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 463—466. — [Т.] II—III.

(Ссылки на фотографии даются из текста «Примечаний»)

В ЦГАОР (ф. 640, оп. 1—3) хранится личный фонд последней российской императрицы Александры Федоровны (1872—1918), урожденной принцессы Гессен-Дармштадтской, нареченной при крещении по протестантскому обряду именами Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса.

Алиса родилась в Дармштадте, в семье великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига IV, женатого на любимой дочери английской королевы Виктории принцессе Алисе. Будущая русская императрица была шестым ребенком в семье, четвертой девочкой. Когда ей было 6 лет, неожиданно умерла мать. И всю свою любовь ее бабушка — английская королева Виктория — перенесла на внучку. Большую часть своего детства и отрочества Алиса провела в Англии. Она получила английское воспитание, практически ее родным языком был английский.

Французский посол в России Морис Палеолог, наблюдавший жизнь царской семьи, впоследствии писал: «Александра Федоровна не немка ни по уму, ни по сердцу и никогда ею не была. Конечно, она таковая по рождению... Ее воспитание, образование, сформирование сознания и морали стали совершенно английскими. И ныне еще она англичанка по своей внешности, манере себя держать, некоторой натянутости и пуританскому характеру, неуступчивости и воинственной суровости

совести. Наконец, по многим своим привычкам».

Впервые принцесса Алиса посетила Россию в 1884 г., когда приехала на свадьбу своей сестры Эллы (Елизаветы Федоровны), вышедшей замуж за великого князя Сергея Александровича. Будущей русской императрице было тогда 12 лет. Тогда же она познакомилась с цесаревичем Николаем, это было зарождением их симпатий друг к другу, которые еще более укрепились, когда в 1889 г. 17-летней девушкой она вновь появилась в России.

И хотя для окружающих было заметно то внимание, которое уделял цесаревич принцессе Алисе, до брака было еще далеко. В декабре 1891 г. наследник Николай писал в своем дневнике: «Моя мечта — когда-либо жениться на Аликс. Я давно ее люблю».

Но император Александр III противился этому браку. Из политических соображений он хотел женить сына на принцессе Орлеанского дома Елене, дочери графа Парижского.

Однако тяжелая болезнь императора заставила его поспешить с браком сына, и в апреле 1894 г. Николай выехал в Дармштадт. Интересна запись, сделанная им в дневнике от 8 апреля: «Чудный незабвенный день в моей жизни — день моей помолвки с дорогой ненаглядной моей Аликс... Боже, какая гора свалилась с плеч, день ходил, как в дурмане... Даже не верится, что у меня невеста». День свадьбы назначен не был. Невесте надо было готовиться к тому, чтобы стать русской великой княгиней. В Дармштадт был послан протопресвитер Н. Л. Янышев для преподавания основ православия и Е. А. Шнейдер — для преподавания русского языка.

Здоровье Александра III все ухудшалось, и было решено со свадьбой поторопиться. 5 октября 1894 г. была послана телеграмма с вызовом Аликс в Крым.

8 октября 1894 г. наследник писал в своем дневнике: «Получил чудную телеграмму от милой дорогой Аликс уже из России — о том, что она желала бы миропомазаться по приезде. — Это меня тронуло и поразило до того, что я ничего долго сообразить не мог!» 10 октября они встретились в Ливадии.

Встреча Аликс и Николая была радостной и счастливой практически только для них двоих. Остальные, казалось, встретили принцессу холодно. Им просто было не до нее, умирал

император, и все заботы были о нем.

Первые дни при Русском Дворе, в такое тяжелое время, были для Аликс, безусловно, не радостны. И это наложило определенный отпечаток и на всю их последующую жизнь.

20 октября 1894 г. умирает император Александр III.

21 октября Аликс принимает православие и нарекается Александрой; 7 ноября похороны Александра III, а через неделю в церкви Зимнего дворца состоялось бракосочетание молодых. Впоследствии Александра Федоровна писала: «Свадьба наша была как бы продолжением этих панихид, только что меня одели в белое платье». Их медовый месяц протекал среди панихид и траурных визитов. Не зная обычаев, не привыкнув к стране, обществу, Двору, не имея стажа цесаревны, Александра Федоровна должна была сразу стать русской императрицей.

Трудно сказать, в чем причина, в характере ли Александры Федоровны, в ее замкнутости, скрытности, застенчивости, но, далекая, очевидно, от сложностей взаимоотношений придворной жизни, она так и не сумела найти себе хороших и преданных друзей. Она избегала приемов и непосредственного общения с придворными и замкнулась в кругу своей семьи. Большую часть жизни она проводила не в Зимнем дворце, где устраивались приемы и рауты, а в Царском Селе, Ливадии, Петергофе.

Великий князь Александр Михайлович, женатый на сестре императора Николая II великой

княгине Ксении Александровне, писал: «Молодая императрица делала ошибки, незначительные сами по себе, но равносильные страшным преступлениям в глазах Петербургского высшего света. Это замучало ее и создало известную натянутость в ее обращении с окружающими».

На период правления императора Николая II, то есть на 20 с небольшим лет, выпало много испытаний для России. Ходынская трагедия, русско-японская война, революция 1905—1907 гг., Ленский расстрел, первая мировая война, Февральская революция. Все накладывало отпечаток на характер взаимоотношений императрицы с большой Романовской семьей и окружающим обществом.

В первые годы царствования Николая II Александру Федоровну, казалось, менее всего интересовали политические и государственные дела, хотя ее всегда беспокоило реноме мужа. Она не раз указывала ему на необходимость твердости в отношениях с подданными.

В этот период она всецело мать, занятая своими детьми: заботится об их воспитании, проверяет их занятия, оберегает от влияния своего державного супруга. Одна за одной рождались девочки. Они же ждали наследника. Она все больше поддается суеверию, страху, окружает себя шарлатанами, убогими людьми, пророками. Рождение больного наследника еще более усугубило настроение и положение Александры Федоровны. Мы ее практически не видим улыбающейся ни на одной фотографии. Тяжелое заболевание наследника — гемофилия, переданная роду Гессенских через королеву Викторию, поразило цесаревича. Александру Федоровну не покидало чувство ответственности и вины. Появление Распутина она считала посланием Бога. Он был врачевателем больного ребенка, что создавало ореол святости и почитания его в императорской семье.

Палеолог после встречи и разговора с Александрой Федоровной писал: «...Моральное беспокойство, постоянная грусть, неясная тоска, смена возбуждения и уныния, постоянная мысль о невидимом и потустороннем, легковерие и суеверие...» Личный фонд императрицы насчитывает 763 дела. Основная часть материалов — ее переписка с родственниками и знакомыми, материалы, свидетельствующие о ее общественной деятельности в качестве председательницы Женского Патриотического общества, покровительницы Общества по увековечению памяти русских воинов, погибших в русско-японскую войну.

В фонде хранятся также рапорты и телеграммы комендантов подшефных полков, телеграммы и письма раненых, переписка по делам складов, госпиталей, лазаретов, записные книжки, различные газетные вырезки, хозяйственные материалы. Имеется около 30 семейных альбомов и большое количество разрозненных фотографий.

Альбом светло-шоколадного цвета с золотым обрезом, небольшими бронзовыми подставками-ножками на нижней крышке содержит 37 фотографий. В основном это фотографии самой Александры Федоровны, фотографии с наследником, две семейные и несколько групповых фотографий в кругу родственников и знакомых.

Примечания

Альбом фотографий хранится в ЦГАОР (ф. 640, оп. 1—3, ед. хр. 37).

1 Александра Федоровна (1872—1918), императрица, супруга Николая II с ноября 1894 г. Урожденная принцесса Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса Гессен-Дармштадтская. Расстреляна с семьей в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. (л. 1).

Фотография 1895 г., фотограф А. Пазетти. Семья императора Николая II часто пользовалась услугами этого фотографа. Он был настоящим художником, мог создавать обстановку непринужденности. Фотографии А. Пазетти лиричны и естественны. Пазетти делал и первые фотографии дочери императора — великой княжны Ольги. 7 марта 1896 г. Николай II записал в

своем дневнике: «Пазетти снимал нас группой — втроем — Аликс, дочку и меня внизу в детской».

2 Императрица Александра Федоровна. 1898 г. (л. 2).

3 Императрица Александра Федоровна с цесаревичем Алексеем. Великий князь Алексей Николаевич (1904—1918), наследник-цесаревич, сын императора Николая II и императрицы Александры Федоровны, (л. 2 об.).

Фотография 1904 г., фотографы Roissannas и Egger.

4 Императрица Александра Федоровна с цесаревичем Алексеем (л. 2 об.).

Фотография 1904 г., фотографы Roissannas и Egger.

5 Семейный портрет императорской семьи. 1904 г. Великая княжна Татьяна Николаевна (1897—1918), императрица Александра Федоровна, цесаревич Алексей, император Николай II, великая княжна Ольга Николаевна (1895—1918), великая княжна Мария Николаевна (1899—1918), великая княжна Анастасия Николаевна (1901—1918) (л. 3).

Фотографы: Roissannas и Egger.

6 Императрица Александра Федоровна и император Николай II среди родственников и придворных. 1905 г. (л. 3 об.).

Великая княгиня Мария Павловна (старшая) (1854—1923), часто в переписке и между собой ее называли «Михень», супруга великого князя Владимира Александровича, урожденная герцогиня Мекленбург-Шверинская.

Великая княгиня Елизавета Маврикиевна (1865—1927), урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская, герцогиня Саксонская, супруга великого князя Константина Константиновича (поэта К. Р.).

Петр Александрович Ольденбургский (1868—1924), генерал-майор свиты, первый муж великой

Петр Александрович Ольденбургский (1868—1924), генерал-майор свиты, первый муж великой княгини Ольги Александровны. Брак был расторгнут высочайшим указом осенью 1915 г.

Императрица Александра Федоровна.

Великая княгиня Ольга Александровна (1882—1960), первым браком за принцем Петром Александровичем Ольденбургским, вторым браком (1916) за полковником Николаем Александровичем Куликовским.

Император Николай II.

Великий князь Михаил Александрович (1878—1918), генерал-майор, член Государственного совета. В 1912 г. в Вене тайно обвенчался с Н. С. Вульферт (Шереметевской), в связи с чем над личностью, делами, имуществом его была учреждена опека и был воспрещен въезд в Россию. Сам он — уволен со службы и лишен звания флигель-адъютанта; в 1915 г. опека была снята, звание восстановлено; жене дана фамилия Брасова. 3 марта 1917 г. отрекся от престола. Расстрелян в Мотовилихе 13 июня 1918 г.

Неустановленное лицо.

Князь Гавриил Константинович (1887—1939), сын великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны.

Князь Иоанн Константинович (1886—1918), сын великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны, был женат на княгине Елене Петровне, дочери короля Сербского; флигель-адъютант, штаб-ротмистр лейб-гвардии конного полка. Расстрелян 18 июля 1918 г. под Алапаевском.

Великий князь Владимир Александрович (1847—1909), генерал-адъютант от инфантерии, Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884—1905), член Государственного совета, член Комитета министров, президент Академии художеств.

7 Великие княгини Мария Павловна, Елизавета Маврикиевна, императрица Александра Федоровна, великая княгиня Ольга Александровна, император Николай II, великий князь Михаил Александрович, неустановленное лицо, принц Петр Александрович Ольденбургский, братья князья Иоанн и Гавриил Константиновичи, неустановленное лицо (стоит у крыльца), великий князь Владимир Александрович (л. 4).

8 Императрица Александра Федоровна. 1906 г. (л. 4 об.).

9 Императрица Александра Федоровна. 1906 г. (л. 4 об.).

10 Императрица Александра Федоровна с цесаревичем Алексеем. 1906 г. (л. 5).

11 Императрица Александра Федоровна. 1906 г. (л. 5 об.).

12 Императрица Александра Федоровна. 1906 г. (л. 5 об.).

13 Императрица Александра Федоровна. 1906 г. (л. 6).

14 Императрица Александра Федоровна с цесаревичем Алексеем. 1906 г. (л. 6).

15 Императрица Александра Федоровна с цесаревичем Алексеем. 1906 г. (л. 6 об.).

16 Императрица Александра Федоровна с цесаревичем Алексеем. 1906 г. (л. 7).

17 Императрица Александра Федоровна с цесаревичем Алексеем. 1906 г. (л. 7 об.).

17 Императрица Александра Федоровна с цесаревичем Алексеем. 1906 г. (л. 7 об.).

18 Императрица Александра Федоровна с цесаревичем Алексеем. 1906 г. (л. 8).

19 Императорская семья (л. 8 об.).

Великая княжна Анастасия, цесаревич Алексей, великая княжна Мария, императрица Александра Федоровна, император Николай II, великая княжна Ольга, великая княжна Татьяна.

20 Императрица Александра Федоровна. 1907 г. (л. 9).

21 Императрица Александра Федоровна. 1907 г. (л. 9 об.).

22 Императрица Александра Федоровна. 1907 г. (л. 10).

23 Императрица Александра Федоровна. 1907 г. (л. 10 об.).

24 Императрица Александра Федоровна. 1907 г. (л. 11).

25 Императрица Александра Федоровна. 1907 г. (л. 11 об.).

26 Императрица Александра Федоровна. 1907 г. (л. 12).

27 Императрица Александра Федоровна на прогулке на лошади. 1907 г. (л. 12 об.).

28 Императрица Александра Федоровна и вдовствующая императрица Мария Федоровна (1847—1928), супруга императора Александра III, мать императора Николая II, урожденная принцесса Датская Дагмара-Софья-Доротея, дочь короля Христиана IX. 1907 г. (л. 13).

29 Императрица Александра Федоровна, цесаревич Алексей, император Николай II (л. 13 об.).

30 Император Николай II на прогулке с сестрой, супругой, матерью, придворными. 1907 г. (л. 14).

Неустановленное лицо.

Великая княгиня Ксения Александровна (1875—1960), супруга великого князя Александра Михайловича.

Император Николай II.

Неустановленное лицо.

Императрица Александра Федоровна.

31 На прогулке. 1907 г. (л. 14 об.).

Неустановленное лицо.

Великая княгиня Ксения Александровна, император Николай II, вдовствующая императрица Мария Федоровна, императрица Александра Федоровна.

32 Цесаревич, императрица Александра Федоровна, император Николай II. 1908 г. (л. 15).

33 Императорская семья в гостях у Эрнста Гессенского в Дармштадте (л. 15 об.). В центре фотографии император Николай II, императрица Александра Федоровна, позади императора Николая II — великий герцог Эрнст-Людвиг Гессен-Дармштадтский, брат императрицы Александры Федоровны. Первым браком был женат на принцессе Саксен-Кобург-Готской Виктории, вторым браком на принцессе Элеоноре, вступил на престол 13 марта 1892 г.; рядом с

Виктории, вторым браком на принцессе Элеоноре, вступил на престол 15 марта 1892 г.; рядом с императрицей Александрой Федоровной — великая княжна Ольга, ниже, перед Николаем II, — великая княжна Мария, цесаревич Алексей, дети Эрнста и Элеоноры Гессен-Дармштадтских, великая княжна Татьяна, слева в нижних рядах — Элеонора (Onor), великая герцогиня Гессенская, урожденная принцесса Сольм-Гоген-сольме-Лихтенштейнская, супруга Эрнста-Людвига, невестка императрицы Александры Федоровны; великая княжна Анастасия: Ирена, урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская, супруга принца Генриха Прусского, сестра имератрицы Александры Федоровны.

34 Императрица Александра Федоровна. 1911 г. (л. 16).

35 Императрица Александра Федоровна. 1911 г. (л. 16).

36 Императрица Александра Федоровна. 1911 г. (л. 16 об.).

37 Императрица Александра Федоровна. 1911 г. (л. 17).

Публикация З. И. ПЕРЕГУДОВОЙ.

А. Т. Болотов. Дюжина сотен вздохов, чувствований и мыслей христианских...

Болотов А. Т. Вздохи смешанные и разнообразные // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 510—539. — [Т.] II—III.

Вздохи смешанный и разнообразный

1

О! как смущается трепещет

весь дух наш при болшой грозе

и как в сие ужасно время

нужна нам милость от Творца!

2

О! как привязаны мы к здешней

суетной краткой жизни все

хоть видим всякой день умерших

но мним безсмертными все быть

3

О! как та мысль для нас несносна

что некогда забудут все

и то что мы на свете жили

и где лежать наш будет прах

4

Хоть многое мы называем

своим имуществом здесь в жизнь

но все однако то не наше

и нам на время лишь дано

5

Тобой о Боже! сей день начал

Тобой и кончить я хочу

Тебе мой первый и последней

да буди посвященным вздох

6

Опять я целой месяц прожил

опять прошло уж тридцать дней

о сколь великим шагом к смерти

еще подвинулся я тем

7

Весма легко то статся может

что боле не увижу я

тебя прекрасной и приятной

и лучшей месец май в году

8

О что такое сон мой значит

а значит верно нечто он

но чтоб то ни было но воля

Твоя мой Бог буди со мной

9

О коль великую нам милость

и тем Творец наш оказал

что одарил Он нас скотами

кои питают нас млеком

10

Благодарю Тебя Всесилный

Утешитель Святейший Дух

при помощи Твоей сего дня

я мог преодолеть себя

11

Какое Таинство я вижу

сокрытое от нас в древах

способных к улучшенью нашу

посредством прививных листков

12

Твоя во всем да буди воля

о милосердый мой Господь

и то свершись что лишь угодно

Тебе небесный наш Отец

13

Не смею я и не дерзаю

просить Тебя и умолять

чтоб Ты мою исполнил прозбу

в противность воли Твоея

14

О страсть гнуснейшая ты пьянство

коль многих губишь ты людей

коль многия тобой в нещастье

ввергаются на свете сем:

15

Благодарю Тебя Всевышний

что Ты меня предъохранил

во все мое теченье жизни

от худшей страсти изо всех

16

О как я много благодарен

Тебе Великий мой Творец

за вновь оказанной мне опыт

особой милости ко мне

17

И в сей я день имел о Боже!

по милости Твоей ко мне

утешную для сердца радость

и благодарность приношу

18

В сей день была со мной бедушка

и не одна еще а две

от первой Ты меня избавил

всегдашний Покровитель мой

19

Благодарю Тебя о Боже!

за охраненье от беды

которая нам предстояла

и зло наделать бы могла

20

Благодарю Тебя о Боже!

за вспоможение Твое

что мог от зла я уклонится

и благо сотворить в сей час

21

О Боже! Ты внушил конечно

моление мое к Тебе

что боль ноги мне стала сносней

о как Ты милосерд ко мне

22

О Боже! Ты был милосердым

к ничтожным нам рабам в сей день

смочив дождем всю нашу землю

в котором нужда ей была

23

О Боже! сколко фарисеев

находится и между нас

и точно также мнимо мудрых

как были те враги Твои

24

О Боже! будет ли то время

чтоб пастыри всех наших душ

не имя то одно носили

но исполняли бы свой долг

25

Еще Ты мне мой Бог дозволил

цветами веселить мой взор

о как Тебе я благодарен

за удоволствие сие

26

О как мы немощны и слабы

при искушениях болших

и твердость духа как слабеет

в единый миг у нас тогда

27

Опять Тебя Великий Боже

имею долг благодарить

за охраненье в ночь претекшу

меня от всяких зол и бед

28

Приими о Боже благодарность

за милость ту твою ко мне

что Ты еще раз мне дозволил

садами дух утешить свой

29

О как я благодарен Боже!

за милость ту твою ко мне

что Ты меня утешил садом

произведенным мной на свет!

30

Когда Тебе угодно будет

Великий мой Творец и Бог

чтоб я еще весну мог видеть

то благодарность принесу

31

От воли то Твоей зависит

чтоб были на садах плоды

утешь нас ими если можно

небесный благодетель мой

32

О как обманчив цвет древесной

как мало можно на него

всегда нам в мыслях полагатся

и многих ожидать плодов

33

О сколько в ночь сию на свете

нещастных сделалося вновь

а я по милости Господней

провел ее без зла опять

34

О как красавицы похожи

кустам сиринговым собой

цветущим так великолепно

а после вонь от них одна

35

С Тобой прошедшей месец начал

с Тобой и новой жить начну

о буди милостив и в оной

о Боже! так как в прежней был

36

Благодарю Тебя о Боже!

за все щастливыя часы

какия я в прошедшей месец

по милости Твоей имел

37

Еще дозволил мне Ты Боже!

прожить на свете тридцать дней

о как я много благодарен

Тебе о Господи за то!

38

Благодарю Тебя о Боже

всем сердцем и душой моей

за дар снизпосланный Тобою

ко мне последнему рабу

39

Едва я начал сомневатся

в надежде ползы от садов

как Ты свершил ее о Боже

и лучше нежели я ждал

40

О Боже! Ты мне новый опыт

щедрот своих ко мне явил

о! как чувствителна мне милость

сия толь явная ко мне

41

О Боже! как я благодарен

за милости Твои ко мне

которыя Ты мне являешь

при самой старости моей

42

По милости Твоей о Боже!

уже осмой десяток лет

я от рожденья доживаю

а все еще доволен всем

43

Хотя я стар уже годами

но молод все еще душей

о Господи! Ты подкрепляешь

все чувствия души моей

44

О сколько я минут счастливых

по милости Господь Твоей

имел в моей теченье жизни

о чем воздать Тебе за то

45

Со всяким днем почти о Боже!

я вижу милость от Тебя

о коль Ты милостив к нам грешным

и недостойнейшим рабам

46

О как красивы вы пионы

и как утешны для очей

когда в сосуде так стоите

чтоб солнце освещало вас

47

О Боже как я благодарен

за дар сниспосланной Тобой

и что меня избрал достойным

узнать всю ползу от него

48

Благодарю Тебя Иисусе

за вспоможение Твое

окончить мне начато дело

о Имени святом Твоем

49

Опять гремит и раздается

повсюду голос сладкой твой

о ты соловьюшка любезной

о пташка милая нам всем

50

О благодетель мой небесный

опять утешил Ты меня

хотя безделкою севодни

но мне мила была она

51

Есть множество вещей на свете

могущих нас увеселять

и счастие собой прямое

без всех убытков доставлять

52

Не для того Творец нас создал

чтоб нам все плакать и скорбеть

и быть судбою недоволным

какую Он назначил нам

53

Поверь! что Господу угодно

чтоб и утехи нам иметь

но были толко непорочны

и не противны все Ему

54

Не все одни драгия вещи

нас могут в жизни утешать

и самыя равно безделки

способны дух наш веселить

55

К чему искать нам многокоштных

утех и радостей себе

когда есть множество на свете

всегда и всюду даровых

56

Не тех утех искать нам нужно

кои зависят не от нас

а тех кои от нашей воли

зависят толко лишь одной

57

О как мучителна на свете

бывает ревность при любви

она как ядом отравляет

все удоволствия души

58

Вот предстоит одно мне дело

влекущее в недалной путь

прошу о Господи у править

и в ползу оной обратить

59

В надежде на Тебя пускаюсь

о Господи я в далней путь

о буди Ты мне покровитель

и устроителем всего

60

И ты цветешь уже фиалка

и украшаешь мой цветник

о как тобою я доволен

что размножаешся сама

61

Какую разноцветность вижу

о орлики* драгия в вас

как много вы меня собою

и долго веселите как!

62

Вот вижу вас поля ржаныя

переменившими уж вид

и вместо зелени прекрасной

в одежде серой уж везде

63

Настало вот уже и лето

и с оным знойныя жары

о! будешь ли ты нам выгодно

и зол не причинишь ли нам!

64

Впери о Господи Иисусе

во внутренность души моей

достойное к словам почтенье

реченным некогда Тобой

65

О Боже! будь един Ты другом

моим наставником отцем

моим покровом и защитой

от всяких бед напастей зол

66

О вы! невидимыя Силы

Слуги Господни на Земли

свидетели деяний наших

о будте! благосклонны мне!

67

Хотя я вас никак не вижу

но может кто нибудь из вас

меня теперь и зрит и видит

о Ангелы Господни здесь

68

О сколко померло знакомых

друзей приятелей родных

увижу ль-то я вас по смерти

и будем ли знакомы мы?

69

И то Твоею я щитаю

о Боже милостью к себе

что Ты вперил в меня охоту

особую к Твоим цветам

70

К Тебе опять я обращаюсь

с Тобой беседовать хочу

о удостой слова вниманья

Спаситель мой и днесь мой

71

Пусть молится иным кто хочет

и просит милости от них

а я Тебя о Триединый!

Единого о всем прошу

72

Ты сам того о Боже хощешь

чтоб я Единого Тебя

просил бы о своих всех нуждах

и я дерзаю делать то

73

Воззри о Господи! Ты долу

на наши жалкия поля

нуждающияся во влаге

и снизпошли Твой дождь на них

74

И то Твоя конечно милость

ко мне о Господи была

что Ты меня избавил в жизни

от явных и болших врагов

75

Ничто так скоро не проходит

как красота младых людей

они цветам весма подобны

и вянут также как они

76

О как я много благодарен

Отцу небесному за то

что я во все теченье жизни

не провождал дни во вражде

77

О как я много удивлялся

в сей день (претекшей) видя то

что было так для глаз приятно

а ныне им даже гадко

78

Господь опять меня утешил

своею милостью в сей день

едва лишь толко восхотелось

как то уж я и получил

79

О Ты! судбами управляй
и жребьи раздающей всем
воззри Ты оком милосердным
и милостив будь к сироте
80
О Боже! Ты единый можешь
всех лучше все устроить так
чтоб были все Тобой доволны
и благодарность принеслиб
81
Наставь о Боже что мне делать
и как в том деле поступить
за коим в путь я отправляюсь
прошу о Господи о том
82
Благодарю опять за случай
которой Ты мне преподал
в угодность Боже нечто сделать
Тебе Спаситель мой драгой
83
Хвала Тебе за то да буди
и благодарность мой Господь
что Ты в опасную минуту
меня чудесно подкрепил
84
Благодарю Тебя превечный
что и вчерашней день провесть
помог Ты мне не подвергая
себя стремлению страстей

85

Твоя незримая десница

спасла меня от многих зол

о как Тебе я благодарен

Великий мой Господь и Бог

86

Благодарю Тебя всесилный

что одарил меня Ты тем

что все меня доволно любят

хоть сам не ведаю за что

87

Тебя о Господи просил я

чтоб Ты управил путь в сей раз

и Ты исполнил то так славно

как лучше быть того нелзя

88

О Боже буди милосерд к нам

негоднейшим рабам Твоим

и повели дождем натуре

насущний хлеб нам (произвесть)

89

О естьли толко непротивно

о Боже, воли то Твоей

то в ночь Тебя усердно просим

о низпосланьи нам дождя

90

Прошу о Господи наставить

как лучше в деле поступить

котораго Тебе вся сущность

известнее всех боле нас

91

Вот день в которой мне потребно

Твое пособие мой Бог

о не оставь моей Ты прозбы

и буди милостив ко мне

92

Устрой о Господи все дело

невидимой рукой Твоей

и приведи к концу такому

чтоб мог я восхвалить Тебя

93

Вот предлежит мне путь обратной

нужна и в оной помощь нам

Твоя о Боже милосердый

управь покой нам опять

94

О Господи Тебе вручаю

я дело здешнее мое

Ты сам его устрой во благо

и милостив мне буди вновь

95

Опять была передо мною

разкинута опасна сеть

но я не дал себя опутать

удачно разорвав ея

96

Опять было меня хотели

в глупцы смешныя посвятить

и одурачить вновь искусно

но им не удалось того

97

Угодноль то Тебе о Боже

что бродят по полям с молбой

о сниспослании дождя к нам

и празднуют такия дни

98

За то не се?рдись ты нимало

когда кто правду говорит

тебе хоть бы лоб неприятно

а лучше исправляй себя

99

Та мысль что Господу приятно

когда мы делаем добро

весма для нас нужна полезна

при производстве добрых дел

100

Когда тебя что соблазняет

воображай себе тогда

что Ангел на тебя взирает

и смотрит как поступишь ты

101

Не упускай ты никакого

к преоборанию себя

при всех бываемых с тобою

к негодным случая делам

102

Хоть зло тебя когда постигнет

но ты нимало не робей

но ополчайся вновь всей силой

к преоборанию старстей

103

Нам должно непрестанно помнить

что есть на свете злобный дух

всегда нам поводы ко злому

преподавающей везде

104

О как легко устами можно

нам душу осквернить свою

когда давать языку волю

слова дурныя говорить

105

О как постыдно престарелым

такия ж глупости творить

каких стыдитсяб надлежало

и юношам в младыя дни

106

О как нам нужно бережливым

с господними дарами быть

и не бросать их попустому

и в самой вред себе еще

107

О как собою я доволен

что удержал себя от зла

и одолел немного злую

кипящу наглу страсть в себе

108

Опять уж первый земныя
плоды мы видим пред собой
опять мы вкус свой земляника
тобою услаждаем днесь
109
Опять натура возрастила
в лесах и на лугах своих
плоды приятныя для вида
и ими всех питает нас
110
Услышь о Творче милосердый
моленье наше о дожде
просить Тебя о том дерзаем
во имя Господа Христе
111
Никто как Ты единый можешь
желанье наше совершить
о Отче наш благий небесный
мы просим для Христа о том
112
О Матерь Господа Иисуса!
благословенная из жен
приятноль то Тебе на небе
что мы творим здесь для Тебя
113
Не ужель то Тебе угодно
о Мать Спасителя Христа
что мы твой лик изображаем
в различных видах на Земли

114

Рука Господня удержала

меня чудесно от беды

к которой был я очень близок

и от паденья в ров спасла

115

Не я а Ты опять то сделал,

что вдруг я мысли пременил

о Ты невидимый помощник

и попечитель обо мне

116

Опять я новый опыт видел

как люди могут хитры быть

и как искусно нас умеют

к своим желаньям преклонять

117

Ты Боже так все и исполнишь

по благости Твоей ко мне

меня в том что то уверяет

и сомневатся не велит

118

Опять одно я заприметил

что мне доволно знать дает

что есть хранитель невидимый

мешающей нам Зло творить

119

Ты восхотел того о Боже

чтоб худо наша рожь цвела

и чтоб ея родилось мало

и чтоб я родилось мале

Твоя и буди воля в том

120

Пусть по полям кто хочет ходит

и ликам молится святым

а я к Тебе о вездесущий

моленье прямо приношу

121

Всегда досадно нам бывает

неблагодарность от людей

почто же сами мы бываем

неблагодарны ко Творцу

122

Какой великолепной вижу

сосуд с цветами пред собой

и как дивлюся я искусству

с каким все созданы они

123

Какой изящный соим прелестных

цветов я вижу здесь вблизи

какую разность в устроеньи

и в самых нежных колерах

124

О как доволен я тобою

безделка милая моя

сколь много мне минут приятных

собою доставляешь ты

125

Пускай себя иныя тешут

красами дорогих вещей

красами дорогих вещей

а я едваль не болше оных

цветочной вазой веселюсь

126

Во все мое теченье жизни

любителем я был цветов

но никогда не утешался

так много ими как теперь

127

О Господи воззри на вздохи

и всех моления к Тебе

и одари дождем обилным

засохлу землю всю у нас

128

Внуши о Господи моленье

хоть тех одних рабов Твоих

которыя к Тебе сердечно

привержены и чтут Тебя

129

О сохрани от любомщенья

меня Спаситель мой Господь

и научи прощать обиды

как Ты прощал врагов Твоих

130

Прошу Тебя душей и сердцем

Спаситель мой Иисус Христос

любовь к себе во мне умножить

и силы подкрепить мои

131

О Господи Ты сам велел нам

О Господи Ты сам велел нам

просить Тебя о нуждах всех

и наши обещал сердечны

внимать моления к Тебе

132

Нередко и враги бывают

небезполезны в жизни нам

они собой нас побуждают

иметь прибежище к Творцу

133

К Тебе о Господи Владыко

душей моею возношусь

и чувствия мои сердечны

в священну жертву приношу

134

И то Твоим считаю даром

о Господи что я могу

натурой любовatся всюду

и дух увеселять свой тем

135

О Господи! как я доволен

что Ты при старости моей

не допустил терпеть мне холод

снабдив обилием лесов

136

Благодарим Тебя о Боже

что Ты послал хоть малой дождь

и наши грешныя молитвы

из милости услышал днесь

137

137

Во дни воскресныя нам нужно

не токмо у обедни быть

но мыслить как возможно боле

о Боге и самих себе

138

При прозбах наших и моленьях

к Творцу нам должно быть всегда

весма во всем преосторожным

и помнить просим мы кого

139

Когда о чем мы Бога просим

никак не должно нам хотеть

чтоб прозбы наши были оным

исполнены уж в тот же час

140

Терпением вооружатся

имеем долг мы завсегда

когда моленья возсылаем

и просим Господа о чем

141

Господь уж знает когда можно

желанья наши совершить

и потому всегда нам должно

в Его все волю предавать

142

О как наклонны к извиненью

себя самих мы завсегда

когда что делаем худое

и Господа Творца гневим

и Господа Творца гневим

143

О как те дурно поступают

которыя за все про все

Творца все гневом укоряют

и жалобы творят всегда

144

Поющая в неволе птичка

должна наставником нам быть

как будучи в бедах напастях

и нам сносить их надлежит

145

О как нам нужно примирится

скорей как можно со Творцом

когда мы до сего с ним жили

в опаснейшей для нас вражде

146

О Боже чем Тебе воздать нам

за милосердие Твое

Ты спас поля наши от бедства

так блиско бывшаго уж к нам

147

Еще имею долг священный

благодарить Тебя за то

о благодетель мой святейшей

что мне Ты внука даровал

148

О как я много благодарен

за подкрепление меня

в опасныя часы и время

в опасныя часы и время

Тебе Великий мой Господь

149

О как я много благодарен

Тебе о Господи за то

что Ты меня отвлек от псовой

охоты в младости моей

150

О Боже! коль велику милость

недавно оказал Ты нам

не допустив до нас достигнуть

со градом тучи и дождем

151

Какую благодарность Боже!

нам следует воздать Тебе

за сниспослание дождя и влаги

садам, полям и всей Земли

152

О Боже! помоги нещастным

лишившимся огнем всего

и щедрою Твоей десницой

невинных впредь благослови

153

О Господи Тебе вручаю

судбу я внука своего

прими его в свое храненье

и буди милостив к нему

154

О Боже! подкрепи желанье

[illegible]

во всем Тебе угодным быть

и все мои Тебе деяньи

и мысли посвящать всегда

155

Прошу Тебя о Всемогущий!

спаси сады мои от зол

и дай утешится мне ими

и Имя восхвалить Твое

156

Ты можешь все, и то все сделать

не может что и в мысль придтить

о Господи Христе Иисусе

прошу о милости Тебя

157

Ты одарил меня садами

и начал их благословлять

обилием плодов о Боже!

о буди покровитель им

158

И в сей я день проснувшись счастлив

по милости Господней был

Он сохранил нас от напасти

и от огня избавил нас

159

О сколь в сей день был я утешен

по благости Твоей Господь

я был обрадован душевно

особой милостью Твоей

160

О сколь близка была опасность

и к нам за несколько часов

и чтоб со всеми нами было

когдаб не спас от ней нас Бог

161

О сколько дней, часов счастливых

вы книги доставляли мне

во все мое теченье жизни

о как я благодарен вам

162

О как глубоко вкоренилась

негодная ты страсть во мне

которую как ни стараюсь

никак не в силах одолеть

163

О Господи прости мне слабость

что худо пекся о себе

и дал свободу глупым мыслям

страсть прежню возбудить в себе

164

О как нам нужно глупым мыслям

нимало воли не давать

коих держать как можно крепче

в узде когда они бурлят

165

О сколь великой дар нам данной

от Бога, — составляет то

что мы власть полную имеем

над мыслями в душе своей

166

166

О как та выгода велика

что нам возможность есть всегда

переменять предметы мыслей

и к ним стремится заставлять

167

О вы приверженныя к миру

к делам житейским лишь одним

о долголь вам дремать зевая

о Боге речь когда дойдет

168

О вы пекущияся толко

о том чтоб свечки зажигать

престанте думать чтоб то было

заслугой к Господу от вас

169

О как бы нужно нам почаще

те слезы проливать из глаз

которыя текут из оных

от чувствия хороших дел

170

Доволным быть тем что имеем

всего полезнее для нас

мы тем угодными быть можем

тому кто тем нас одарил

171

О как бы счастливы мы были

когда бы научились знать

как можно находить утехи

в беседах Господи с Тобой

172

О вы набожныя в безделках

а в деле вовсе ничего

о сколь дела суетны ваши

без теплой к Господу любви

173

О чем то станете псолюбы

вы тешить на небе себя

где не за кем вам будет рыскать

а вам хотется станет то

174

О сколко дней, часов безценных

теряете на свете вы

любящия лишь псов единых

и в них блаженство находя

175

Ты более о Боже сделал

чем я Тебя просить дерзнул

о как Ты милостив о Творче

ко мне последнему рабу

176

О Господи Ты глас услышал

и вздохи всех рабов Твоих

и одарив дождем обилным

вновь милость нам явил свою

177

Еще не до конца Ты Боже!

над нами гнев свои изъявил

и не лишил совсем надежды

иметь доволный урожай

178

С каким о Творче Ты искусством

лице Земли украсил все

цветов премножеством прекрасных

различных нежных колеров

179

Не я, но Ты являешь помощь

болным просящим у меня

лекарств себе во облегченье

Тебе и будь хвала за то!

180

Господня милость сохранила

и в нощь сию мой дом и все

все вижу невредимым Боже!

о будь Тебе хвала за то!

181

О как полезно нам всем сердцем

надежду на Тебя иметь

о Господи Христе Иисусе

дражайший Искупитель наш

182

Когда ты хочешь быть в беседе

душевной со Творцем своим

то вообрази живей как можно

везде присутствие Его

183

Старайся в ползу обращати

нещастия других себе

по силам делая им помощь

и оказаньем им услуг

184

Завидовать никак не должно

в множайшем счастии другим

а должно быть всегда доволным

чем Сам нас одарил Господь

185

От воли Господа единой

зависело чтоб дать нам то

что мы имеем в здешней жизни

так можноль недоволным быть

186

Все то что нам дано от Бога

дано нам в дар и без заслуг

и как же тем быть недоволным

почто неболей нам дано

187

О что такое мы рождаясь

на свет с собой приносим все

не слабостиль и плачь единый

а прочее не Бог ли дал

188

Без мыслей действовать не могут

все Страсти наши никогда

и мы хотим когда унять их

то нужно мысли усыплять

189

О! как для нас опасны страсти

кипящия у нас в душах

и как полезно нам старатся

им воли не давать вскипать

190

Чем долее мы спать заставим

в себе какую либо страсть

тем слабее она нас станет

ко злу собою принуждать

191

О как нам нужно быть знакоме

короче с нашею душей

и знать что в оной происходит

и что нам нужно делать в ней

192

Уже мы вкус свой ежедневно

плодами услаждаем днесь

и земляника нас питает

по милости Господь Твоей

193

Уже смородина краснеет

и также поспевать спешит

уж скоро станем мы и ею

питать себя и веселить

194

И вы цветете уже розы

царицы изо всех цветов

и видом и своим запахом

пленяете и вы уж нас

195

И вы любимыя так мною

гвоздички милыя мои

собою взор свой веселите

в цветочной вазе предо мной

196

Какую пестроту я вижу

повсюду ныне на лугах

какое множество прекрасных

цветет теперь наших цветов

197

И вы леса теперь обилны

цветов премножеством своих

натура украшает ими

и в ваших недрах Землю всю

198

И вами я уже любуюсь

в цветочной вазе пред собой

о василки цветы ржаныя

и более других людей

199

Вот здесь и вы уже гордитесь

цветы из отдаленных стран

я пчолками назвал их первой

и много также вас люблю

200

И ты смородина поспела

и на столе уже у нас

и служишь лакомством приятным

и старым людям и младым

201

О вы цветущия в дубровах

и на поле цветы везде

все презирали вас доселе

а я и вас заставил чтить

202

И вами здесь цветы простыя

в цветочных вазах предо мной

лубуются все столь же много

как лучшими из ранжерей

203

Ах вот и ты уже поспела

и начинаешь услаждать

собою вкус наш уж малина

и видом веселить своим

204

И ты уже спешишь собою

опять полезною нам быть

и ягоды твои чернеют

смородина в садах у нас

205

Когда в вас сердце не пылает

любовным пламенем к Творцу

то не надейтесь на лампады

без ползы все они для вас

206

Как вы валитесь под косами

цветы прекрасны на лугах

так похищает Смерть собою

на бранях воинов младых

207

Коль многия пролиты слезы

премногими людми в сей день

а мне лить слезы остается

от благодарности к Творцу

208

О коль Судбы непостижимы

Святейшия Твои Господь

при насылании напастей

и бед различных на людей

209

Когда Судбам Твоим угодно

чтоб жив был данной вновь мне внук

то как желал бы я о Боже!

чтоб был он в жизнь Твоим рабом

210

О Господи какой узнал я

вновь опыт благости Твоей

и чудное недопущенье

до важнаго греха меня

204

В опасности я был великой

не ведая того и сам

но Ты о Боже милосердый

невидимо хранил меня

205

Опасная была минута

могущая сгубить меня

но Ты невидимо о Боже

незапно подкрепил меня

206

О как легко моглоб случится

чего хотя я не хотел

когда бы вдруг против хотенья

я мысль не пременил свою

207

О сколько дней имел я смутных

и беспокойных для меня

от зла гнездящагося в духе

готоваго сразить меня

208

Нам можно сердится и злится

и всячески ругать еще

но не других сочеловеков

а толко лишь самих себя

209

Се новый месец начиная

всей краткой жизни моея

опять себя Тебе вручаю

небесный Покровитель мой

210

О как сердца упруги сколски

иных душевенных людей

все словеса живаго Бога

нимало к ним никак не лнут

211

О как сладка слеза бывает

которая течет из глаз

когда мы в угожденье Богу

нещастным делаем добро

212

Нещастьями других людей нам ближних

Господь нам случай подает

чрез вспоможенье наше оным

Его хотенье исполнять

213

О как несчастны все те люди

у коих жостки так сердца

что ни к каким нежнейшим чувствам

нимало не способны в жизнь

214

Имеяй ум непросвещенный

читанием хороших книг

куда как многих не имеют

приятных выгод в жизни сей

215

Вот и ненастья дождалися

по милости Господней к нам

котораго мы так желали

и кое нужно было так

216

О был бы толко Ты у нас

о Господи Спаситель мой

с Отцем Твоим и Богом Духом

как впрочем нужды далней нет

217

О как бы я был тем доволен

когда бы мог кого нибудь

с Тобою быть знакоме боле

Христе Иисусе побудить

218

Слеза душевныя утехи

изтекшая из глаз моих

меня в том уверяет Боже!

что Ты благоволишь ко мне

219

О коль безценны те минуты

в которыя с Тобою мы

как с благодетелем вседневным

душей и сердцем говорим

220

О сколь немногия ту знают

душевную утеху в жизнь

которую иметь нам можно

беседуя с Тобой Господь

221

Едва было, едва не сделал

опять поступка я того

которым сколко раз гневил я

Тебя святейший мой Творец

222

И вы уже луга цветущи

опять снабжаете всех нас

пренужным кормом в зимне время

для наших всех скотов дворных

223

О Боже Ты мне дал познанья

способных к врачеванью трав

хвалу Тебе и благодарность

сердечну приношу за то

224

О Боже Ты опять услышал

моление рабов Твоих

и за надежду восприяту

нас щедро паки наградил

225

Благодарение сердечно

приносим вновь Тебе Господь

за напоение земли и хлебов

мирным и благим дождем

226

О Господи наставь на разум

и мысли подавай к тому

чем можно мне болным просящим

во Имя помогать Твое

227

О Господи прошу всем сердцем

меня собою подкрепить

противоборствовать соблазну

влекущему меня ко злу

228

О Господи Ты мой помощник

и покровитель был всегда

ах буди и в сие Ты время

благим небесным нам отцем

229

О Господи если возможно

Тебе ту милость нам явить

чтоб изцелить болезнь опасну

то вновь прошу Тебя о том

230

Вот с радостным опять я духом

проснувшись утром веселюсь

но сколко тысяч мне подобных

не дожили до дня сего

231

О сколько в нощь сию сгорело

домов на свете у других

моглоб то и со мной случится

когдаб Бог не хранил меня

232

О как счастливы тем мы в жизни

что можем страсти усыплять

и тем неволей утешатся

при каждом разе заставлять

233

Опять я видел новый опыт

как к лучшему Ты все творишь

и как охотно исполняешь

желание наших сердец

234

О как о том старатся должно

не быть чтоб нам рабом греху

Спаситель наш того изустно

и точно требовал от нас

235

Хвала Тебе о Боже буди

за одарение всех нас

премножеством различных ягод

родящихся на древесах

236

О коль великую отраду

в жары Ты доставляешь нам

плодами сладкими для вкуса

о Ты небесный наш Отец

237

Господня милость к нам велика

чрез сниспослание дождя

Ему и буди благодарность

сердечная от нас за то

238

Еще раз в жизнь Ты мне дозволил

небесный щедрый мой Отец

оби льем вишен утешатся

благодарю Тебя за то

239

Благодарю Тебя о Боже!

за крест которой я ношу

во многом был он мне полезен

и спас от многих зол меня

240

Опять Тебе о Дух Святейшей

из глубины души моей

вздох благодарной возсылаю

за подкрепление меня

241

Благодарю Тебя о Боже!

что Ты дозволил мне дожить

от зерен мною посаженых

дождался я что уж плодов

242

О Господи Христе Иисусе

кудаб хотел я быть в числе

овец Тебе принадлежащих

прошу включить меня в него

243

О Господи Христе Иисусе

прошу Тебя от всей души

соделать чтобы я Тобою

единым радовался в жизнь

244

Прошу Тебя о Дух небесный

помочь и в сей опасной день

мне укротить стремленье страсти

бунтующей в душе моей

245

Опять прошу Тебя о Боже

и в прах повергнувшись молю

чтоб при конце своей я жизни

Тебе мой дух предать бы мог

246

Соблазн опять со мной случился

нечаянной совсем и вдруг

и как я много тем доволен

что не дал оболстить себя

247

Какая честь для нас и ползa

в числе овец Христовых быть

коих своими называл Он

и пастырем хотел им быть

248

Когда тебя злословят люди

и порицают чем нибудь

то утешай себя ты вспомнив

что Сам Господь Твой тож терпел

249

О как мы мало помышляем

о том достоинстве своем

что нам детей Господних имя

дозволил Он носить всегда

250

Опять доволен я собою

что не дал одолеть себя

при искушении мне бывшем

опаснейшей из всех страстей

251

О как то дух мой утешает

что нас Спаситель наш Христос

блаженством одарил всех вечным

кои любили в жизнь Его

252

Вот я опять пережил старца

и младшаго еще меня

и все еще в живых счисляюсь

по милости Господь Твоей

253

Не должен ли я утешатся

и дух увеселять свой тем

что у меня есть покровитель

силнее всех царей земных

254

Еще я веселюся утром

и вижу красной я мой день

а друг умершей сею ночью

его не видит уж теперь

255

О! не всего ли то утешней

для нас ничтожных тварей всех

что всей вселенныя Зиждитель

нас любит как детей своих

256

Единая моя надежда

Христе Иисусе на Тебя

Ты искупив своим страданьем

спасешь от Гибели меня

257

О как мне радостно то мыслить

что Бог печется обо мне

и что великий мой Спаситель

не презирает чувств моих

258

Когда напомню я тот случай

как сам Спаситель мой Господь

моление мое услышал

то дух в восторг приходит мой

259

Когда о том я помышляю

что делано в претекши дни

против Господней воли мною

то ужас дух пронзает мой

260

О признаюсь Тебе о Боже!

что ни к чему я не гожусь

по всем своим делам негодным

достойным Гнева Твоего

261

О естьли Ты с меня не смоешь

своею кровию Христе

все злодеяния с грехами

то в век погибнуть должен я

262

О Господи! нет дня в которой

мы не гневили бы Тебя

премножеством деяний всяких

винимся пред Тобою в том

263

Нет ни малейших средств о Боже!

себя в грехах мне оправдать

единую толко надежду

имею на любовь Твою

264

О сколко раз в моей я жизни

без всякой нужды зло творил

и тем Тебя гневил о Боже

о как тужу теперь о том

265

О! как я был неблагодарен

Великий Боже мой! к Тебе

за все Твои благодеянья

и милости всегда ко мне

266

Ничем о Боже! я так много

не согрешал перед Тобой

как мыслями совсем дурными

и неугодными Тебе!

267

О как тогда счастлив я буду

когда простишь Ты все вины

которыми я был так мерзок

перед Тобою мой Господь

268

О как сердечно сожалею

о Господи Христе о том

что я Тебя гневил так много

во все теченье дней моих!

269

О! как мне Господи досадно
на самого себя за то
что был я много раз безумен
и с ведома грехи творил
270
Где был мой ум и где разсудок
в те дни когда я зло творил
где память о Творце и Боге
и всех Его щедрот ко мне
271
О как гнушаюся я ныне
самим собою вспомнив то
как я бывал перед Тобою
о Боже мерзостным совсем
272
Нет дня о Боже милосердый
в которой бы и ныне я
не сотворил чего дурнаго
и неугоднаго Тебе
273
О долголь вам меня дурачить
негодны страсти всякой день
и безпрерывно все старатся
к дурному убеждать меня
276
Коль суетны и тщетны были
во многом замыслы мои
и как себя дурачил ими
и Господа гневил я в жизнь

277

О! сколко денег я истратил

во дни мои на пустяки

а напротив того как мало

на дело их употребил

278

О сколко времени в безделках

препроводил я в жизнь мою

и как о том жалею ныне

но поздно каюся уж в том

279

О! как мы недостойны Боже!

по всем нашим дурным делам

чтоб Ты был милостив вседневно

и нас всех отчески любил

280

Во прахе пресмыкатся должно

перед Тобою нам Господь

толико все мы недостойны

ко всем нам милостей Твоих

281

Мы так привыкли к согрешеньям

что не проходит дня почти

чтоб мы Тебя чем не гневили

Великий наш благий Творец

282

Какими нам Тебя словами

просить о Господи! о том

чтоб Ты нам наши преступленья

из милости одной простил

283

О Господи когда взираю

на умирающих в грехах

как содрагаюся от мыслей

чтоб не было тогож со мной

284

Когда бы все то знали люди

что есть не годнаго во мне

иныяб мысли восприяли

и сталиб менше почитать

285

Когда помышлю безпристрастно

о недостатках всех моих

то страх и ужас поражает

мой дух и сердце завсегда

286

О Боже сколь во многом должен

винить себя я пред Тобой

и Гнева Твоего достойным

себя за все то почитать

287

Я слишком мал к тому о Боже!

и недостойным чту себя

чтоб мог иметь какое право

на благодать Твою ко мне

288

Какое дал нам обещанье!

Христос Спаситель наш и Бог

когда Его овцами будем

и Гласу следовать Его

289

Всего для нас то драгоценней

чтоб Господу принадлежать

и собственными чтоб своими

овцами Он нас называл

290

О как желал бы я такою

послушною овцою быть

каких Ты Господи Иисусе

своими вечно называл

291

О как бы нужно нам почаще

о том блаженстве помышлять

которое нам в жизни вечной

Господь Спаситель обещал

292

Нельзя ни с чем сравнить то счастье

которым ползуются все

живущия хоть телом в мире

но духом с Богом в небесах

293

О еслиб знали миролюбцы

что чувствуют в душах своих

прямыя христиане в жизни

не сталиб так их презирать

294

О выкиньте из мыслей вздоры

которыя пугают вас

и от такой отводят жизни

какой наш требует Творец

295

Поверте что не так-то трудно

хорошую нам жизнь вести

как многия воображают

не зная существа ее

296

Когда Господь наш Искупитель

не лгал и лгать никак не мог

то можноль нам Ему не верить

что жить легко, как Он велел

297

Неужели не знал Спаситель

что жить нам можно хорошо

когда предписывал то точно

и много раз твердил о том

298

Поверьте хоть тому однажды

кто нашу душу устроял

и нам предписывал что делать

что бремя нам легко Его

299

Когда Господь толико благ к нам

что Сам нам хочет помогать

когда восхощем жить как должно

то можноль не хотеть того

300

Хоть дьявол всячески нас ищет

из рук исторгнуть у Христа

но если мы прилнем к Иисусу

то Он нас прикрепит к Себе

301

Подумайте о том прилежно

какая то для всех нас честь

что нам Творец всея вселенной

Отцом Себя велел нам звать

302

Чем более у нас соблазнов

тем славнее то будет нам

когда мы их преодолеем

и не дадим себя прелстить

303

Кресты различны все мы носим

тяжелее одни других

но твой какогоб рода ни был

носи с терпением его

304

Когда ты прямо любишь Бога

и почитаешь как Отца

то верно в том ты будь уверен

что не оставит Он тебя

305

Надежду на Бога имея

не на одних толко Словах

а полную умом и сердцем

щастлив ты можешь в мире быть

306

При немощах ты ободряйся

и не робей никак от них

есть у тебя помощник силный

могущей подкрепить во всем

307

Не сомневаяся нимало

на помощь Бога твоего

отважь себя на брань с страстями

увидишь сам успех ты в том

308

Хоть как бы трудно ни казалось

тебе себя преоборать

поверь что с верою на Бога

возможное то дело есть

309

Когдаб не можно было людям

никак себя перерождать

то стал либ требовать Спаситель

того что нам никак нельзя?

310

Не лучшель бы нам все то делать

что Бог нам именно велел

чем затевать дела такия

на кои повеленьев нет

311

Пожалуй ты в страны далеки

не езди к Богу воздыхать

Он столь же хорошо услышит

Ах столь же хорошо услышит

и дома все слова твои!

312

О вы еще младыя люди

жалейте лучше дней своих

и не теряйте их напрасно

без ползы истинной для вас

313

Минуты прожитыя нами

невозратимы уж навек

ах берегите их как можно

не зная сколко их вам жить

314

О вы привыкнувшия к худу

и к пагубным дурным делам

помыслите хотя однажды

что вы живете не за тем

315

Не для того мы в свет родимся

чтоб нам так жить как мы хотим

а нам предписано что делать

и нам то должно исполнять

316

От зла всегда и будет злое

и избежать того нельзя

итак не лучше ли оставить

и жизнь хорошую вести

317

Не все на свете злыя люди

а много и хороших есть

а много и хороших есть

ах лучше быть в числе последних

а общества злых убегать

318

Отведайте хотя однажды

себя от худа отъучать

увидите что это можно

и будете довольны тем

319

Производя дела дурныя

не извиняйте их ничем

а лучше всячески вините

нещадно тем самих себя

320

О как бы хорошо то было

когда бы испытали вы

однажды власть взять над собою

и от худых всех дел отстать

321

Ах не о том пекись заботся

чем твой покроют мрачной гроб

а лучше то отдай ты бедным

что назначаешь на парчу

322

Ах не о том пекись при жизни

чтоб славно погребли тебя

а лучше бы о том старатся

по смерти что с собой возмешь

323

Свое вы берегите время

Свое вы берегите время

и не теряйте в пустяках

оно для вас неоцененно

и всякой дорог очень день

324

Чем ранее в своей вы жизни

сдружитесь с Господом Христом

тем лучше и полезней будет

для вас то ныне и вперед

325

Не презирайте вы советов

от умных пожилых людей

они быть могут вам полезны

и очень пригодится впредь

326

О! привыкай как можно боле

Творцу и Богу своему

за все сердечну благодарность

и непритворну воздавать

327

Хотя в беседах ныне мало

о Боге люди говорят

но ты нимало не стыдися

об нем свою речь заводить

328

О долголь вам смотреть на мертвых

не побуждаясь видом их

к тому чтоб быть тебе угоднее

Творцу и Богу своему

329

329

Не упускай того ах! Время

покуда ты еще здоров

чтобы тебе короче с Богом

знакомство и приязнь свести

330

Ах не откладывай нимало

себя во всем ты направлять

и Богу делатся угодным

не знаешь долголь проживешь

331

Воспоминай как можно чаще

все Божьи милости к тебе

сие тебе поможет много

при исправлении твоем

332

Без разума и без достоинств

смешно высокомерным быть

и те вредят себе тем боле

чем безразсуднее они

333

О! как вражда вам неприлична

о вы служители церквей

и может ли моленье ваше

внимать Спаситель наш Господь

334

О как нужна для всех вас кротость

смиренье ласка и любовь

о вы служащия вседневно

во храмах Господа Христа

во храмах Господа Христа

335

О вы усердныя к моленьям

не дома а в местах иных

хотяб из оных возвращались

с поправкою своих сердец

336

Что ползы от путей неблиских

и богомолиев всех там

когда мы и назад приходим

такимиж как туда пошли

337

К чему искать в странах нам далних

Того кто подле нас всегда

не такжель Он и тут услышит

молитвы наши как и там

338

В безделках мы весма усердны

и ищем Богу угождать

в делах же важных нерадивы

о сих и мыслить не хотим

339

Отцем мы Бога ежедневно

устами называем все

а чтобы чтить Его сердечно

к тому у нас охоты нет

340

Что в ваших утренних молитвах

когда в минуту после их

опять творить тех начинаем

опять творить тож начинаем

в чем каялись пред Богом мы

341

Похвално о церквах пещися

и утварми их вновь снабжать

но если жить не в дружбе с Богом

то мало ползы от того

342

Когда бы меней мы крестились

а боле мыслили о том

что делать непременно должно

во угождение Творцу

343

На путевыя нам издержки

в пути на богомолье вдаль

не жаль нимало многих денег

а бедным и рубля дать жаль

344

Когда бы денги те что тратим

на масло мы и на свечи

употребляли бы на бедных

приятней былоб Богу то

345

Едваль не лучшель бы те денги

употреблять на бедных нам

других коими нанимаем

молится Богу вместо нас

346

Велел ли Бог святых нам лики

среором и златом украшать

и обещал ли нам награду

за все старания о том

347

Когда нет у самих охоты

молится Богу за себя

то вряд ли могут все молитвы

нам много ползовать других

348

О еслиб то сребро и злато

без ползы что теряем мы

дано было нещастным людям

то сколь полезно было то

349

Твердим мы то хотя вседневно

святилось Имя Божье чтоб

а сами первыя всех менше

святить стараемся его

350

Хотя словами все на волю

Господню предаем всегда

а в самом деле недоволны

бываем ею всякой день

352

О как ты хочешь чтоб другия

во всем бы были хороши

а сам о том совсем не мыслишь

чтоб самому хорошим быть

353

Нельзя глупее быть желанья

того чтоб гроб покрыт был твой

парчею славною златою

не спросят на небе того

354

О Господи! как жалки люди

кои до старости дожив

Тебя совсем не почитали

и не хотели уважать

355

К чему мы тратим столко денег

при погребении родных

не лучшель бы отдать их бедным

чтобы молилися об них

356

Умершим ни малейшей ползы

не может быть ах! от того

один ли погребет священник

или десять станут провождать

357

Какой великий опыт, Боже!

премудрости Твоей во всем

являют нам прививки наши

листочками на древесах!

358

Вот наконец мы дождалися

того чего желали мы

Господь послал нам и ненастье

хвала Ему за дар сей будь

359

359

О как все ожило в натуре

от изобилного дождя

и как всему всему полезен

по милости Господь Твоей

360

Сердечную Тебе о Боже!

хвалу и честь я воздаю

за вспоможение мне в деле

по Слове начатом Твоем

361

О как Твоя велика милость

к отвцам разсеянным Твоим

везде о Господи Ты ищешь

и призываешь их к себе

362

Хвала Тебе о Бог мой! Буди

за одарение всех нас

обилием плодов садовых

и ползой разною от них!

363

О чем и как Тебя прославить

за все Твои щедроты к нам

великий наш производитель

пекущейся во всем об нас

364

Благословенно буди Имя

о Господи Христе Твое

и да прославится повсюду

во всех странах вселенной всей

365

Хвалить Тебя Христе Иисусе

и Имя прославлять Твое

за долг святейшей почитаю

и наблюдать его хочу

366

Хвала Тебе Христе Иисусе

да буди вечно от меня

что Ты взымал меня от детства

и пекся во всю жизнь о мне

367

Все дни Тобою изочтенны

кои назначено нам жить

и Ты предел им полагаешь

по воли, Господи Твоей

368

О как велик Ты наш Зиждитель

по всем деяниям своим

и тысячной нам части оных

постигнуть и понять нелзя

369

Тебе о Творче вся природа

хвалу вседневно воздает

и нам ли быть одним толь глупым

чтоб также не хвалить Тебя

370

Хвалить Тебя и славословить

есть первый долг мой на Земле

о буду ж я о том старатся

и долг сей исполнять всегда

371

О Господи как Ты премудро

воздушных птиц устроил всех

как скоростью во движеньях

и к оборотам всех снабдил

372

О как Тебя мне воспрославить

Великий Творче мой за то

что одарил меня Ты смыслом

от самых юных лет моих

373

Ты был наставник мой о Боже!

и мой во всю учитель жизнь

и помогал мне познавать то

что многим неизвестно в жизнь

374

Меня все хвалят прославляют

за ум и знания мои

но чтоб о Господи имел я

когдаб не Ты все даровал

375

Тебе о Господи обязан

за все познанья в жизни я

Тебе хвалу я приношу я

и честь всю воздаю за то!

376

Уже поля все изпещренны

копнами вижу я теперь

и Господа благословляю

за новыя дары Его

377

Когда ты слышишь что порочат

тебя за что либо нибудь

не сердися за то нимало

и в ползу обращай свою

378

Когда тебя чем обвиняют

тогда без гнева ты скажи

о! естлиб знали все короче

досталось бы и болше мне

379

Надеясь на свои ты силы

навстречу не ходи ко злу

они легко тебя обманут

и злу допустят победить

380

Чем дале убегать мы станем

от зла стемящагося к нам

тем будет то для нас полезне

и зло безстрашнее для нас

381

Когда ко злу что соблазняет

тогда полезно помышлять

о том раскаянье что будет

нас после мучить за сие

382

О будь уверен безсомненно

что Бог находится везде

и все моленья наши слышит

когда от сердца все они

383

Когда мы на вершок единый

подвинемся толко ко злу

оно уже и на сажень к нам

приближится в единый миг

384

О коль приятныя минуты

доставили вы мне собой

о вишни из страны испанской

воспитанныя мною здесь

385

И вы из листьев проглянувши

утешно зрелище собой

уж яблони родов различных

даете ныне для очей

386

Уже краснеетесь повсюду

и веселите взор собой

о вы о вишни дорогия

и зреете со всяким днем

387

Вот и до того я дожил время

когда все вишенны древа

рубинов множеством покрыты

и зрелищем любуюсь сим

388

Вот и поля уже ржаныя

поспели к жатве побелев

и новым хлебом нас питают

по благости Твоей Господь

389

Опять серпы блестят повсюду

и возстают снопы от них

и пот с жнецов опять уж льется

спешащих копны воздвигать

390

Приятно зрелище являют

деревья яблонныя нам

когда они плодом премногим

унизанныя все стоят

391

Уже и огурцы поспели

и начинают нас питать

и побуждают нас собою

Творца благодарить за них

392

О как нам вредно быть сердитым

и гневу дозволять кипеть

до многих бед он и напастей

легко нас может доводить

393

Нет дня в которой бы могли мы

от зол всех безопасны быть

и так не нужно ли пещися

о том, чем их бы отвратить

394

Когда несчастие наступит

тогда уж поздно горевать

что были так мы небрежливы

и мало мнили о Творце

395

Ах не шутите вы злословы

того тверженьем всякой день

что мы прогневали всем Бога

а лучше бойтесь вы Его

401

Ах! не дурите вы словами

негодными во всякой день

и в них вы некогда дадите

отчет пред Господом своим

402

Мы с каждым днем и каждым часом

подходим ближе к дню тому

которой будет наш последней

коль нужноб помнить нам сие

403

Вседневно слышим о умерших

и старых и младых людях

не должноль нам того страшится

что Смерть не блиска ли и к нам?

404

Нет дня в которой бы мы вставши

могли наверное сказать

что проживем мы день весь оной

и Смерть никак нас не сразит

405

Когда мы то доволно знаем

что Смерть блиска быть может к нам

то ах! Почти всего мы реже

об оной помышляем жизнь

406

Аль не шути отнюдь ты Смертью

а лучше уважай ее

Она того весма достойна

чтоб чаще вспоминать ее

407

Во гроб нам лечь весма нетрудно

но выттить трудно из него

сей путь для нас уж невозвратной

доколь не воскресит нас Бог

408

Не худо бы смотря на тело

и на руки свои всегда

то вспоминать что может вскоре

разсыплются они все в прах

409

Нам должно помнить то всечастно

что наш невидимой злодей

ходя повсюду вслед за нами

старается губить нас всех

410

Престаньте вы враги Христовы

Его рабов всех поношать

раскаетесь вы в том по смерти

и позавидуете им

411

О долголь лгать нам ежедневно

пред Господом Творцом своим

и хвастать тем что не творится

и явно тем гневить Его

412

Ах бойся ты роптать на Бога

и крест свой тяжким называть

он взвешен с силами твоими

и не без ползы дан тебе

413

Престань гневить вседневно Бога

и жалобы творить на все

Ему то крайне неприятно

что мы неблагодарны так

414

Примеры видя наказанья

за злодеяние людей

страшись и ты чтоб не подвергнуть

себя тому же и тебе

415

Хоть многия смеются аду

но ты то делать не дерзай

он есть! — и ты того страшися

чтоб не попасть тебе в него

416

Мы часто то твердим устами

что муки вечныя нас ждут

но ах когдаб об них мы чаще

как можно мыслили живей

417

Ах! не безделку составляет

а важность страшную для нас

всем предстоящая нам вечность

и безконечная в ней жизнь

418

Подумай толко ты о жизни

конца коей не будет в век

и что? если она несчастна

и пагубна будет тебе?

419

Ах, не тужить бы после Смерти

тебе! но поздно уж о том

что ты так мало ныне в жизни

о жизни вечной помышлял

420

О как бы нужно чаще мыслить

что дверь отверста уж тебе

которою войдешь ты в вечность

и что нет выходу из ней

421

Страшися мыслить ты вседневно

чтобы товарищем не быть

тебе по Смерти в жизни вечной

злодеям и врагам Христу

422

Не утешайся тем безумно

что будешь в Аде не один

и что товарищей там много

иметь вовеки будешь ты

423

Злощастна жизнь других по Смерти

и все Страданье злое их

тебе в отраду не послужит

когда нелучше будешь их

424

Вот за неделю был здоровым

знакомой мне старик и друг

а се! — его уж нет на свете

а мне того же должно ждать

425

Увы! как мало нам возможно

надежду полагать свою

на мнимое наше здоровье

обманчиво оно весма

426

Не толко день или неделя

но миг единый может нас

из жизни нынешней внезапно

в жизнь вечную переселить

427

О лолголь то еще мне видеть

тебя о солнце по утрам

и духом восхищаясь Бога

за милости благодарить

422

О видит ли душа по смерти

что с телом происходит здесь

и как его мы погребаем

и чувствует ли что притом

423

О не хотелось бы средь лета

мне кончить здешню жизнь свою

чтобы мерзить* не стали люди

ах! грешным телом и моим

424

В сей день опять я посколznулся

и чуть было чуть не упал

и был едва я в состояньи

остатся без вреда себе

425

Немного тайн тех на свете

кои сокрылись бы навек

но прочия как ни старайся

но время открывает их

426

Та истина пребудет вечно

что зло идет за нами вслед

и нам всегда беречся должно

чтоб не постигло нас оно

427

При всех делах нам нужен выбор

чтоб все те прежде исполнять

о коих есть веленье Бога

а прочими не так спешить

428

Богатоюль парчой покроют

или холстиною твой гроб

тебе не будет ползы в небе

ни малой ползы от того

429

О как несносно распеванье

при погребании родных

всех алчущих толко корысти

и не жалеющих людей

435

Смотря на птиц дворных всех наших

на ползы выгоды от них

я благодарность возсылаю

за них небесному Отцу

436

Благодарю Тебя о Боже!

что Ты меня предтюхранил

от всех сообществ потаенных

искавших соблазнить меня

437

О как я благодарен Боже

что Ты меня не допустил

последовать призыву друга

искавшего в союз привлечь

438

Благодарение да буди

Тебе Творец мой от меня

что Ты меня способным сделал

быть праздности врагом всегда

439

Не знаю чем Тебе воздать мне

за милость ту Твою мой Бог

что я минут счастливых в жизни

премножество имел всегда

440

О Господи Христе Иисусе!

лежа во прахе пред Тобой

прошу Тебя опять душею

о милости Твоей к больной

441

О Ты! единый толко можешь

болезнь о Боже изцелить

о удиви свою Ты милость

и Имя воспрославь свое

441

Опять Тебя я умоляю

чтоб Ты мне все то отпустил

чем я Тебя в сей день прогневал

о Господи Спаситель мой

442

О Боже зрение слабеет

от старости уже мое

ах! продолжи свою Ты милость

и не лиши меня его

443

Доселе прославлял я Имя

всесилный Господи Твое

за зрение мое и в старость

ах подкрепи его еще

444

О Господи! мне даровал Ты

детей и внучат все таких коими

я доволен всеми

прошу принять их в свой покров

445

О Боже! милостивым буди

ко всем мне данным от Тебя

во власть и в управленье в жизни

прошу об них сердечно я

446

О Господи Христе Иисусе

прошу Тебя усердно я

предъохранить меня от козней

невидимых врагов моих

447

Опять прошу Тебя о Боже

ту глупость отпустить мою

которую я вновь соделал

от слабости души моей

448

О как доволен я собою

что осторожным был всегда

и убегал от тайных обществ

искавших уловить меня

449

Хоть иногда не то творится

чего хотелось бы Тебе

нимало тем не оскорбляйся

а знай что к ползе то твоей

450

Опять громады я уж вижу

изо ржаных снопов в гумне

и утешаюсь тем сердечно

что Бог нас ими одарил

451

Не должен ли я утешатся

щедротою ко мне небес

что я при старости глубокой

могу все видеть без очков

452

Коль многия на свете люди

дожив со мной до равных лет

давно совсем уже одряхли

а я еще доволно тверд

453

Не милость ли ко мне Господня

что я и в старости моей

все наслаждаюся здоровьем

и в силах нахожусь еще

454

Не благость ли ко мне Господня

особая была на то

чтоб я при старости иметь мог

премножество утех себе

455

Твоим я даром то считаю

небесный благодетель мой

что все меня любили люди

и любят и поныне все

456

Я лучше всех богатств считаю

и почестей земных у нас

что добрым честным человеком

и звали и зовут меня

457

О как я слаб еще доныне

и малосилен над собой

весма еще я неспособен

к преобоpанию страстей

458

Опять я глупостей наделал

неважных хоть но все таких

которыми стыдится должен

и сам себя бранить за то

459

И в сей я день наделал много

чегоб не должно делать мне

и чем Тебя Великий Боже

без нужды я совсем гневил

460

Сердечна совесть упрекает

и в сей во многом день меня

о как я дурен был и гадок

перед Тобой о Боже мой!

461

О Господи за что так много

Ты милостив и благ ко мне

я слишком мал и недостоин

по всем своим делам того

462

О сколко раз со мной случалось

в теченье жизни моея

что я себя позабывая

не то творил что должно мне

463

Ах вот опять протек уж месяц

и сократилось время им

оставшее мне жить на свете

и я все не отстал от зла

464

О! виноват я пред Тобою

по всем деяниям — Господь

и никакого оправданья

иметь ни в чем я не могу

465

В прелщающих тебя предметах

изыскивай как можно все

что есть в них глупаго дурнаго

во внешности и во внутри

466

Воспоминая все щедроты

в претекши дни Господни к нам

надеждою ты ободряйся

что щедр будет Он к нам и впредь

467

Как не всегда ненастье долго

и вёдро следует за ним

так и несчастия невечны

и им бывает всем конец

468

Когда нещастие бывает

и дух смущает весь в тебе

тогда ты мыслью ободряйся

что Бог защитник у тебя

469

Господь велел нам в скорбех наших

Его на помощь призывать

и обещал изъять из оных

и верно то исполнит Он

470

Когда везде Всесилный с нами

и с ним не во вражде живем

то может ли нам кто что сделать

когда под кровом мы Его

471

О естьли бы вы все то знали

сколь много любит нас Господь

и как об нас во всем печется

и сами стали бы любить

472

Когда надежду кто имеет

на Бога крепкую во всем

того никак Бог не оставит

но будет защищать его

473

Когда ты хочешь чтоб услышал

моление твое Господь

то ты молись со твердой верой

что Бог находится везде

474

Негодниц в свете слишком много

а добрых мало но оне

у Бога в милости особой

нелучше ли в числе их быть

475

О как безумно и как глупо

даешь себя дурачить сам

таким которыя не смелиб

отважится и мыслить то

476

О будет ли такое время

когда разкроешь ты глаза

и все предметы видеть будешь

не в ложном виде а в прямом

477

Ах! будь в соблазнах осторожен

и не давай прелщать себя

обманчивым худым предметам

не стоящим любви твоей

478

Когда предмет какой смущает

тебя наружностью своей

тогда спеши о том ты мыслить

что есть в нем мерзкого внутри

479

На прелести смотри предметов

прижмурив ты глаза свои

а на бока их все дурныя

разжатыми вполне взирай

480

Между грехами есть та разность

что сведомы они иль нет

о! берегися ты от первых

они виновнее всегда

481

О естлиб мы всегда внимали

глас совести в своей груди

она бы нам всегда вещала

что делать и не делать нам

482

Послушай ты совета мудрых

и гласа совести твоей

и удаляйся сколко можно

от неугодных Богу дел

483

Когда удобность есть и случай

к творению негодных дел

тогда-то нам всего нужнее

и удалять себя от них

484

О Боже! отпусти молящим

о помощи при нуждах их

мимо Тебя других с усердьем

множайшим нежели к Тебе

485

Угодно ли Тебе на небе

о Матерь Господа Христа

что лику твоему святому

престранной люди вид дают

486

Весма хотелось бы то ведать

угодноль то святым Отцам

что мы их лики украшаем

сребром и золотом драгим

487

Ах не желайте вы зол людям

и не кляните вы своих

страшитесь по словам чтоб вашим

и не исполнилось бы так

488

О вы клянущия всечасно

людей своих за все про все

ах не тужить бы вам но поздно

что слишком зол был ваш язык

489

Не для того даны нам люди

чтоб нам их клясть и проклинать

а для того чтоб мы любили

всех оных как детей своих

490

Всего неблагодарне к Богу

становимся мы все чрез то

когда людей во власть нам данных

тираним всячески всегда

491

Хвала Тебе и честь да буди

всесилный Господи за то

что нас одарил травами

способными к питанью нас

492

Хвалу Тебе мы возсылаем

о щедрый наш питатель всех

Ты одарил и в это лето

нужнейшим хлебом чад своих

493

О Господи Твое я Имя

имею долго благословлять

и прославлять Его вседневно

за милости Твои ко мне

494

Несметны все благодеянья

кои ко мне Ты оказал

о Господи Христе Иисусе

с Отцем и Духом Пресвятым

495

О триединый вечный Боже!

каким почтением к Тебе

обязан я за все щедроты

и всю любовь Твою ко мне

496

Хвала и честь Тебе да буди

Правитель мира и людей

что Злу не допускаешь слишком

умножится между людми

497

О как дела Твои чудесны

премудрый наш Творец и Бог

из самых зол Ты извлекаешь

великое добро для нас

498

О коль Ты благ к Твоим созданьям

как терпелив ко злым из нас

и как нескор Ты к наказанью

а к милостям всегда готов

499

О как доволен я судбою

дозволившею видеть мне

сады мои во всем их блеске

и множество плодов на них

500

Когда к худому подадимся

вперед лишь на единый шаг

оно готово к нам навстречу

на версту ближе прискакать

501

Когда нас Господу возможно

лишать имущества всего

то вы нелюбящия Бога

страшитесь прогневить Его

502

Грехов дотоль нам бегать должно

покуда есть возможность к ним

когда же ей уже не будет

так ползы нет уж от того

503

О как всегда старатся должно

чтоб совесть не бранила нас

и чтоб была всегда спокойна

и водворяла мир в душе

504

О как привычка та полезна

была во всю мне жизнь мою

что я в делах все упражнялся

и занят ими все бывал

505

И то Твое даянье было

небесный Благодетель мой

что я не знал во все дни скуки

и весел был почти всегда

506

О как глубоко впечатлелись

все суеверия в сердца

простых людей между народом

и как их трудно оборать

507

О как любовь и уваженье
ко тварям Господи Твоим
гораздо более и силнее
любви к Тебе их самому

508

О как сердца у многих жостки
как трудно в них впечатлевать
черты любви к Тебе чистейшей
Спаситель наш Иисус Христос

509

О! как нечаянно случатся
нещастья с нами могут в жизнь
никак от них спастись неможно
когда не охранит сам Бог

510

Тебе о Господи угодно
то было чтобы я в сей день
ногою оступился дурно
и боль в ней нажил от того

511

О Господи! подай мне случай
к люблению Тебя иных
и к уважению — словами
и действиями побуждать

512

О Дух невидимый Святейший
Ты был помощником в сей день
мне воспротивится влеченью

мне всякого житья вечные

страстей бунтующих в душе

513

Тебе о Боже благодарность

сердечну приношу за то

что Ты меня достатком нужным

но неизлишним одарил

514

Чем мы бога те тем труднее

прямое счастье находить

препятствиев иметь мы можем

гораздо более к тому

514

Ах не завидуй ты богатству

и знатности других людей

блаженство в них не обитает

а боле зла бывает в них

515

Счастливым толко тот на свете

умеет кто доволным быть

тем состоянием которым

от Господа он одарен

516

Доход какой бы ни случилось

в прибыток получить себе

есть дар Господень и даянье

и им должно доволным быть

517

Чем кто доволнее бывает

всем тем что он имеет в жизнь

всем тем что он имеет в жизнь

и что дано ему от Бога

тем боле может получить

518

За все и все мы благодарность

должны сердечну воздавать

даятелю даров и благ всех

Творцу и Богу своему

519

Все то что есть толко на свете

принадлежит совсем не нам

а Бог Единый есть властитель

и все принадлежит Ему

520

Господь Единый толко может

нам все давать и отнимать

никто предъуказать не может

Ему в раздаче благ своих

521

Когда мы не имеем права

от Бога требовать всего

то тем гневим Его ужасно

когда мы ропщем на него

522

Благодарю Тебя о Боже!

за подкрепленье сил моих

при деле начатом для ползы

и улучшения души

523 а всех 1200

Никто как Бог и Бог Единый

Никто как Бог и Бог Единый

устроить мог при деле сем

все так что я доволен оным

и благодарность приношу

Конец

Кончил августа 4 дня 1817 года

Публикация Е. Бронниковой

Болотов А. Т. Вздохи устрашительные // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 506—509. — [Т.] II—III.

Вздохи устрашательныя

1

О! что такое ты в сем мире
со всем имуществом твоим
не прах ли и червяк ничтожный
пред Господом Творцем Твоим

2

Как смеешь ты роптать на Бога

и жалобы творить на то
почто не так Он все устроил
как бы хотелось червь! тебе

3

Нет дня в которой бы ты не был
в опасности от многих бед
и ты легко нажить их можешь
когда Бог не спасет от них

4

О! как дерзаешь ты негодный
и слабый смертный человек
роптать и сетовать на Бога
когда ты сущей прах пред ним

5

О! что такое составляешь
на свете ты о человек?
ничто как прах и прах ничтожный
пред Богом ты Творцом своим

6

О! чем мы можем оправдатся

пред Господом Творцом своим
что мы никак не уважаем
святых велениев Его

7

О! как ты смеешь ослушатся
велениям Того святым
в единый миг кто в прах и в пепел
тебя возможет превратить

8

О! как дерзаешь ты от Бога
усилно требовать того
чего никак нелзя без чуда
тебе в угодность учинить

9

О! червь ничтожный! прах и пепел
как смеешь ты хотеть того
чтобы Творец твой все то делал
чего желаешь только ты

10

Ты верь или не верь как хочешь
что и по смерти будешь жить
но то пребудет вечной правдой
хотел либ ты того иль нет

11

Как мало ты не думай ныне
о жизни будущей твоей
но что она конечно будет
нелзя нам сомневатся в том

12

О как вы не страшитесь Бога
и не стыдитесь всех людей
о вы! в коих сердца так злобны
у самых как сердитых псов

13

На толь нам не дано преострых
когтей звериных и зубов
чтоб мы не грызлись меж собою
подобно извергам самим

14

О! как ты хочешь чтоб Всевышний

простил тебе твои грехи
когда ты сам другим не хочешь
и малой отпустить вины

15

Хоть вам не хочется а должно
страшится будущих Судеб
о вы! живущия на свете
не мысля никогда об них

16

Хоть верте вы или не верте
а будет после Смерти жизнь
о вы! смеющияся ныне
не станетель после тужить

17

Смотрите юныя вы люди
на цвет слетевшей уж с древес
и вы лишитесь точно также
телесных ваших всех красот

18

О сад мой милой и любезной

едваль я не в последней раз
тебя в сей день цветущим видел
и утешался так тобой

19

Как вижу вас листочки белы
слетевшия на землю с древ
так скоро и меня смерть также
повергнет на лице Земли

20

Нет дня в которой бы зол многих
не претерпели в жизни сей
великое число из смертных
таких же тварей как и я

21

О как легко и скоро может
случится и с тобою зло
какого ты никак не чаял
и в мыслях не имел своих

22

Когда мы так небезопасны

от зол могущих с нами быть
не нужно ли о том и мыслить
и меры к отвращенью брать

23

О как вы мало все страшитесь
напастей бед и всяких зол
живущия совсем в забвенье
о Боге и Творце своем
24

Никто иной как Бог Единый
спасать от всех нас может бед
и можноль быть так небрежливу
не думать чтоб никак об нем
25

О не дадим ли мы ответа
за то что тварей болей чтим
и боле уважаем в жизни
как самого Творца всех их

26

Не должно ли того страшится
чтоб не сказал и нам Господь
хоть Имя вы Мое твердили
но Я совсем не знаю вас

27

О как ужасно будет время
когда предстанем мы на суд
и как потребуют отчета
во всем что делали мы в жизнь

28

Опять я новую неделю
с сего дня начинаю жить
о сколко то еще осталось
мне в жизни провождать их всех

29

Семь дней протекших составляют
доволно уж великий шаг
которым я поближе к смерти
подвинулся и в сей уж раз

30

Не я но ты все дни считаешь
и измеряешь Боже! мой
которыя мне жить осталось

которых мне жить осталось
и что? — если немного их

31

Ах вот прошло и то уж время
когда цвели все древеса
удастся ли дожить еще раз
прекрасно время до тебя

32

Увы! и с вами мне разстатся
велит натура уж теперь
прекрасныя мои тюлпаны
увижу ль то я вас опять?

33

И вы нарцысы уж поблекли
лишившись всех красот своих
поблекну так и я уж скоро
и всех утех земных лишусь

34

О! как обманчивы бывают
и лучшия надежды нам
нельзя никак нам ими лстится

и втуне дух свой веселить

35

Куда сокрылась вся ты пышность
и вся краса наших садов
пленявшая так наши взоры
несметным множеством цветов

36

О Боже! что со мною будет
когда меня Ты не простишь
во всех моих делах негодных
погибнуть должен буду я

37

Ах вот и ты о май приятной
от нас уходишь уже прочь
ах! буду ль я еще так счастлив
чтоб видеть впредь твои красы!

38

Вот дожил я опять до лета
последняго быть может в жизнь
но чтоб со мною ни случилось

но ты Господь всегда со мной

39

Простите милыя сиринги
краса лучшайшая садов
увижуль то я вас еще раз
цветущими в оставшу жизнь

40

О вы! приверженныя к миру
душей и сердцем всем своим
о как теряете вы много
от Бога удаляясь в жизнь

41

О как то страшно и ужасно
когда жить с Богом во вражде
и каждой день Его своими
делами приводить на гнев

42

О! многоль мне еще в сей жизни
мой дух тобою утешать
о Утро ясное в день летней
проснувшись из приятна сна

43

О как вы страшны описанья
всех будущих по смерти мук
о как вам не старшится оных
о вы! живущия в грехах

44

Не думайте чтоб было ложно
все что о муках говорят
поверте в том хотя Исусу
не лгавшему отнюдь ни в чем

45

О где то души ныне ваши
и происходит с вами что?
о вы любезныя родныя
живущия уж в небесах

46

О что увижу я по смерти
и что почувствую тогда
как дух мой излетев из тела

как дух мой излетев из тела
и воспарится к небесам

47

Нет дня в которой бы нам можно
наверно безопасным быть
от бед бываемых на свете
со многими как я людми

48

О как вы не страшитесь грома
могущаго легко убить
о вы! живущия в забвеньи
и во вражде с Творцом своим!

49

О вы охотники до мщенья
за зло соделаиное вам
страшитеся того вы сами
чтоб зла за зло не претерпеть

50

Всегда нам знать и помнить должно
что Бог Отмститель есть за все
а потому Он и не хочет
чтобы отмщали сами мы

51

О как то страшно и ужасно
чтоб жить нам с Богом во вражде
и вместо милости а гнева
и наказанья ожидать

52

О как страшна минута злая
когда огонь лишает нас
в единый час всего стяжанья
что наживали веком мы

53

О Боже сохрани от бедства
какое видел я сей час
и нас спаси Ты от пожара
каким Ты посетил других

54

В каком душевном огорченьи
находятся теперь все те
которых огнь в часы немноги

которых огнь в часы немноги
всего имущества лишил

55

Ах! вот опять уже полгода
я прожил в жизни сей моей
и шагом исполинским к Смерти
приближился еще одним

56

О сколко то шагов таких
еще осталось мне шагать
и не последней ли уж был сей
в сей жизни на пути моем

57

Не знаю я хотя нимало
могу ли до конца дожить
текущаго годична время
но воля будь Твоя Господь

58

О вы! немыслящия в жизни
о том чтоб в мире с Богом жить
и быть короче с ним знакомым
страшитесь худа от того

59

Хоть верте вы или не верте
что будет страшной с нами Суд
и вы хотяб и не хотели
но жизнь получите опять

60

О! каково тогда вам будет?
о вы! смеющияся нам
уверенным о жизни вечной
когда воскреснете и вы

61

О вы носящия лишь имя
в сей жизни вашей, христиан
не думайте, чтоб тем спастися
одним возможно было вам!

62

Носимый крест на шее вами
нимало не поможет вам
когда не будете короне

когда не будете короче
знакомыми с самим Христом

63

О вы твердящия изустно
Христово Имя всякой день
без ползы то себе творите
когда не любите Его

Болотов А. Т. Вздохи увеселительные // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 502—506. — [Т.] II—III.

Вздохи увеселителныя

1

Вот вижу я опять ту зелень
простертую по всей Земле
которая всегда бывала
утешна и приятна нам

2

Еще раз вижу я деревья
готовыя уже к тому
чтоб листьями себя одевши
меня собою утешать

3

О как собою я доволен
что удалось мне учинить
одно хоть неболшое дело
но непротивное Творцу

4

О как мне милы и приятны
малютки деревцы с плодом
платящия мне так поспешно
за воспитание свое

5

О как приятно на лежанке
покоить члены мне свои
имея дух притом спокойной
и благодарной ко Творцу

7

Уж первую опять имеем
травную зелень на столе
и ею вкус свой насыщаем
по милости Господней к нам

8

И в сей я день имел о Боже!
по милости Твоей ко мне
премножество минут веселых
частичек счастья моего

9

И вы леса опять спешите
своими первенцами нас
питать и вкус наш услаждая
к хвале Творца тем побуждать

10

Еще деревья все без листьев
стоят в унынь предо мной
но скоро скоро уже все их
в одежду облечет Господь

11

Уже древа в садах готовы
цветами украшать себя
и скоро будут величатся
и дух мой ими веселить

12

Опять поля повсюду вижу
покрытыя ковром драгим
зеленым бархатом сотканным
рукой Твоею мой Господь

13

Вот начался опять прекрасной
и лучшей месец наш в году
о май любезный май прелестный
еще раз вижу я тебя!

14

О как приятно майско утро
при всходе солнца в ясной день
когда в натуре все проснувши
дела все вновь свои начнет

15

Хотя сады нас и ласкают
пресилным цветом на себе
надеждою плодов обилных
но дай Бог чтоб сбылась она

16

О скоро уже скоро буду
прелщатся цветом я дерев
и той надеждою питатся
что будут и плоды на них

17

Уж все первейшия деревья
покрылись зеленью своей
о! как они все нам приятны
и как прелестны для очей

18

Уж первых овощей мы вешних
приятной спаржи дождались
и ею вкус свой наслаждаем
благодарю Творца за то

19

И ты двуцветна медуника
давно уже опять цветешь
и нам свои целебны силы
готовишь в листиях своих

20

Вот, вот и вы уже малютки
весны прекрасной первенцы
цветете в кучке гиацинты
и утешаете мой взор

21

И вы меня уж веселили
ранцыкулы красой своей
я вас привез из стран далеких
и водворил здесь в мой цветник

22

Вот вижу я и вас цветущих
и утешающих мой взор
своим прекрасным жолтым цветом
о жолтоелочки мои!

23

И вы прививочки очнулись
и начали уж жизнь свою
растите с миром и спешите
меня собою утешать

24

Уже и вами не один раз
прелщался до восторга я
вы капелки росы блестящей
огнями разными в траве

25

Уже и вас я лозы вижу
в одежде жолтой предо мной
и тмы прилежных пчел спешащих
извлечь с цветов ваших свой воск

26

Какой приятной звук я слышу
от тысяч пчел здесь на лозе
из коих каждая трудится
с цветочков пищу доставать

27

Уже и ты зацвел колючей
и многоплодной терн везде
и равно как бы снегом белым
и утешаешь взор собой

28

Вот вот и вы уже малютки
цветете незабудочки
и наш своим прекрасным цветом
опять уж веселите взор

29

Какое множество животных
проснувшись паки на земле
себе повсюду пищу ищут
трудяся безпрерывно в том

30

Вот вижу я и вас цветущих
о жалкия остатки слив
от пагубы зимы жестокой
наделавшей вам столко зол

31

О будетель вы наслаждать нас
плодами вкусными в сей год
давно мы их уж не видали
любезны сливны деревцы!

32

И вы красивыя тюлпаны
прелщаете уж взор собой
цветите милыя цветочки
и утешайте дух собой

33

И вы уж милыя нарцысы
прелщаете глаза мои
и учите меня смиренью
головки преклоняя вниз

34

Вот вижу я опять кустарник
цветущей весь в садах моих
и равно как покрытой снегом
и утешаю им мой дух

35

И в сей год вы любезны вишни
покрыты тысячью цветов
о будетель вы и плодами
своими услаждать наш вкус

36

И вы остатки от погибших
прекрасных наших дуль и груш
красуетесь обилным цветом
но будут ли плоды на вас

37

Давно уж мы не утешались
обилием ваших плодов
о жалкия остатки бедных
погибших наших дуль и груш

38

Опять я вижу пред собою
в собранье множество цветов
из коих каждой друг пред другом
собою утешает взор

39

Вот вижу в кучке пред собою
тюлпаны пышныя и вас
с нарцисами в соединенье
и множеством других цветов

40

О вы! любимцы всей природы
лучшайшия из дел Творца
цветы красот неизреченных
о! как не удивлятся вам

41

И ты уже у нас настало
прекрасно время во весь год
и я тебя опять дождался
по милости Творца к себе

42

О май любезный май приятной
и лучшей месяц изо всех
и я тобою наслаждаюсь
и дух мой веселю опять

43

Уже и вы приятны тени
соделались везде у нас
под ветвями древес лиственых
и прохлаждаете собой

44

О как я много утешался
любезныя Сады в сей день
и видя вас как восхищался
цветущими во весь развал

45

Давно давно мы не видали
такого множества цветов
каким красуетесь вы ныне
любезны яблони в садах

46

И вас о яблонки малютки
цветущими я вижу всех
о как меня вы веселите
и утешаете собой

47

Возможноль что сравнить на свете
с великолепием садов
когда цветут они обилно
несметным множеством цветов

48

Куда девался цвет ваш белой
не вижу я уже его
и боле им не веселюся
о вишни сливы и ты терн

49

Утешитель меня плодами
своими вишни вы в сей год
и буду ли Творца я Бога
опять благодарить за вас

50

Ах вот опять и вы рябины
цветами все испещрены
и взор мои паки веселите
по милости Господней к нам

51

О как мне жаль вас незабудки
растущия в глуши там
где всех ваших красот не видит
и не дивится им никто

52

О как приятно майско утро
в хорошей ясной теплой день
на что ни взглянешь все прекрасно
и все собою веселит

53

Еще красуетесь вы цветом
и утешаете мой взор
опортныя в садах деревья
но скоро скроетесь и вы!

54

Ах вот и пышныя пионы
краснеются уж в цветниках
и взор собою утешают
и там и здесь передо мной

55

И ты цветешь уж земляника
и милы я плоды свои
спешишь готовить прежде прочих
и ими вкус наш услаждать

56

И вы древа уж все оделись
приятной зеленью везде
соткали вы уже и тени
приятныя повсюду нам

57

И вас длиннейших дождалися
во всем году уже мы дней
но скоро будете короче
и менше утешать собой

58

И вы поля с озимым хлебом
класы готовите свои
и скоро станете уж ими
и дух и взор наш веселить

59

О вы душистыя сиринги*
краса лучшайшая садов
одни теперь уже остались
цветущия у нас в садах

60

Ах вот и ты шиповник милой
прекрасным цветом уж своим
сады у нас собою красишь
и вид приятной им даешь

60**

Вот вижу я и вас лилеи
разцветшия уж в цветнике
опять своим огнистым цветом
вы утешаете мой дух

61

И вы ирисы уж цветете
и в благодарность мне за то
что я извлек вас из пустыни
увеселяете меня

62

Еще я утешаюсь духом
приятной слыша голос твой
о милая для всех нас пташка
любезной громкой соловей

63

О ты собор цветов прекрасной
стоящей здесь передо мной
о как я возхищаюсь вами
и как дивлюсь делам Творца

Болотов А. Т. Вздохи наставительные // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 499—502. — [Т.] II—III.

Вздохи наставителныя

1

Когдаб мы чаще помышляли
сколь всемогущ во всем Господь
то можно бы нам было болей
надежды на Бога иметь

2

Во всех наших трудах деяньях
согласных с волею Творца
нужна от Господа нам помощь
и чтоб благословил Он их

3

Труды и все старанья наши
о выгодах житейских здесь
тогда лишь прочны быть нам могут
когда их Бог благословит

4

Когда ты хочешь быть счастливым
то не ищи ты счастья там
где нет его и не бывало
и в чем не может состоять

5

Чего себе ты не желаешь
того никак ты не желай
и всем твоим сочеловекам
сам Бог тебе сие велит

6

Без Бога мы ни в чем не можем
при всех трудах своих успеть
Его нужна во всем нам помощь
и оной должно нам просить

7

Когда нам что не удается
в делах житейских на Земле
тогда о том нам мыслить должно
угодноль было то Творцу?

8

Страшись всегда и опасайся
роптать на Бога и Судбу
и требовать чтоб все так было
как бы хоте лося тебе

9

Старайся ты колико можно
себя к тому приобучать
чтобы за все быть благодарну
Творцу и Богу твоему!

10

Не все надежды наши верны
и могут тщетны часто быть
одна надежда лишь на Бога
всего надежней и верней

11

Предполагать вперед наверно
не надлежит нам ничего
ибо не ведаем нимало
что может быть и через час

12

Не забывай того нимало
что ты родился также наг
и столь же слаб как сын крестьянской
и также как и он умрешь

13

Гордится тем никак не должно
что ты не в рабстве свет узрел
не ты тому собой причиной
но Бог того так восхотел

14

О буди благодарен Богу
за то что Он благоволил
тебя так много пред другими
породой в жизни отличить

15

О том всегда мы толко мыслим
что чувствами постигнуть лзя
но мыслить и о том нам нужно
чего не можем видеть мы

16

Всегда быть должно тем доволным
чем Бог кого благословил
в Его то воле состояло
и то нам даром все дано

17

Не требуй никогда от Бога
чтоб Он все прихоти твои
в угодность бы тебе исполнил
так дерзким не годится быть

18

Чего никак не можно людям
то все возможно для Творца
и потому никак не должно
отчаиватся в чем нибудь

19

Хотя мы Господа и можем
о наших нуждах всех просить
но предавать при том все должно
на волю полную Его

20

Единый вздох сердечный к Богу
приятней иногда Ему
молитв предлинных и премногих
читаемых совсем без чувств

21

При искушениях опасных
спеши как можно ты скорей
воображать себе живее
что смотрит на тебя Господь!

22

Искать друзей на свете нужно
но трудно в людях находить
а всех скорей и легче можно
в Едином Господе найтить

23

Какое счастье быть нам в дружбе
с Творцом и Господом своим
сей друг вернее и всех лучше
и всех полезнее для нас

24

Словам не всем давай ты волю
из уст свободно вылетать
а заграждай им путь зубами
а паче всех дурным и злым

25

О! как нам должно осторожным
от искушеньев быть всегда
которыя бывают с нами
незапно постигая нас

26

Когда предмет какой прелщает
и преклоняет к злу тебя
спеши скорее все то вспомнить
что есть толко худаго в нем

27

Когда ты хочешь быть в спокойстве
то воли не давай страстям
и то откладывай до утра
к чему влекут они в сей день

28

Ничто не может быть вреднее
в сей краткой жизни для всех нас
как не старатся быть короче
знакомым с Господом Христом

29

Когда ты хочешь быть счастливым
в сию и будущую жизнь
то будь знакомее с Иисусом
и чрез Него ищи того

30

О как важна для всех нас вера
и упованье на Христа
она помочь нам много может
при всех напастях и бедах

31

Куда как нужно приучатся
воображать в близи Христа
и что Он видит нас и слышит
когда мы молимся Ему

32

Как белы чисты вы нарцысы
и как смиренны кротки вы
так надобно и мне старатся
во всех моих деяньях быть

38

При всех моленьях наших Богу
нам должно осторожным быть
и не о всякой безделушки
своею прозбой докучать

34

Господь все знает что нам нужно
и что полезно может быть
и нам все то дает охотно
лишь бы просили мы Его

35

Когда тебе явится случай
Господню волю совершить
и сделать что Ему угодно
не упускай никак того

36

Избытки нам дает Создатель
на то, чтоб мы ими других
лишенных выгод сих снабжали
и угождалиб тем Творцу

37

Когда ты хочешь чтоб Творец твой
был милостив к тебе во всем
так будь и ты к другим таким же
и подражай Ему ты в том

38

Имущество все в здешней жизни
неможно нам своим назвать
а то одно лишь толко наше
что не отнимет Смерть от нас

39

39

Когда ты хочешь быть веселым
и радость чувствовать душей
то доставляй другим ты радость
и сам будешь иметь ее

40

Пускай другия веселятся
конями дорогих пород
и счастья своего в том ищут
а ты ищи его не в том

41

Когда ты хочешь чтоб любили
тебя другия люди все
то не имей и сам ты злобы
и ненависти к ним ко всем

42

Старатся надобно как можно
от всех таких дел убегать
которыми мы сами повод
к грехам ко многим подаем

43

Когда откажемся для Бога
от удовалствия души
Ему то жертвою быть может
весма угодною от нас

44

Ничто нас так к делам хорошим
не может силно преклонять
как мысль что мы тем самым делом
угодность сделаем Творцу

45

От всех грехов творимых в тайне
воздерживать нас может мысль
что как бы мы их ни таили
но время их откроет все

46

О как мучителны упреки
бывают совести тогда
когда она нас обвиняет
за тяжкой перед Богом грех

47

47

Когда ты к гневу очень склонен
так сердись на себя за то
что ты так слаб и малодушен
и невоздержен от грехов

48

И то уж Богу непротивно
когда стараемся о том
свои чтоб страсти побеждая
от злых дел уклонять себя

49

Когда тебя что соблазняет
или прелщает что собой
то ты о сущности той вещи
с дурнейшей мысли стороны

50

Для нас всегда полезны мысли
о краткости утех земных
и что того они не стоят
чтоб слишком прилеплятся к ним

51

Чем чаще мы старатся станем
себя во всем преоборать
тем легче будет становится
нам Страсти побеждать свои

52

От опытов зависит много
при оборании Страстей
и первыя в том неудачи
никак не должны нас пугать

53

Когда один раз не удастся
тебе преодолеть себя
ты несмотря на то нимало
опять к тому же приступай

54

Одолевать Страстей стремленье
нам много помогает то
когда отсрочивать то будем
то делать до других времен

55

55

Когда ты хочешь наслаждатся
прямою радостью души
то будь лишь милостив к нещастным
и помощь подавая им

56

Как вы приятны и утешны
цветущия малютки древ
так милы и младыя люди
когда порядочны они

57

Когда есть случай и удобность
к творению негодных дел
тогда и нужно их нам бегать
и удалять себя от зол

58

Чем болей мы имеем случай
страстям последовать своим
тем славнее для нас то будет
когда не поддадимся им

59

Когда ты производишь радость
кому и чем либо нибудь
то сам ее воображая
возчувствуешь и ты ее

60

Не думай чтоб то было тщетно
что Бог велел других любить
нам от того велика полза
во мзду назначено самим

61

О как нам нужно удалятся
от общества дурных людей
и ни к каким не приобщатся
их пагубным и злым делам

62

Когда ты хочешь быть счастливым
ищи утех себе таких
которыя б невинны были
и непротивны все Творцу

63

Все счастье состоит в весельях
и удоволствиях души
но былиб толко непорочны
и все невредны для тебя

Болотов А. Т. Вздохи хвалебные // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 495—499. — [Т.] II—III.

Вздохи хвалебныя

1

Тебе о Господи да буди!
и честь и слава и хвала!
за многия Твои щедроты
и милости несчетны к нам

2

Хвалю Тебя и прославляю
превечный Господи! за то
что Ты ко всем твоим созданьям
толико благ и милосерд

3

О Боже! что бы было с нами

куда годились бы все
когда бы Ты нас всех оставил
и не заботился об нас?

4

О Боже! как я восхищаюсь
при помышлении о том
какую Ты любовь имеешь
ко всем созданиям Твоим

5

О как мы счастливы тем Боже!
что не забыты от Тебя
и что об нас Ты ежечасно
и помнишь и хранишь нас всех

6

Благословенно буди Имя
Твое Спаситель мой вовек
что Ты толикую к нам милость
своим Страданьем оказал

7

Тебя хвалю и прославляю
Великий Искупитель мой
и буду чтить Твое я Имя
доколь пребудет дух мой жив

8

О как и чем мне воспрославить
небесный мой Отец Тебя
за все Твои ко мне щедроты
и милости в мою всю жизнь

9

Благословенно буди Имя
Твое Спаситель мой вовек
Оно всего мне драгоценней
и мило сердцу и душе

10

Тебя о Боже! Славословят
все Ангелы на небесах
дозволь и мне им подражая
хвалу Тебе мою воспеть

11

Хвалю Тебя и прославляю
Великий мой Господь и Бог!
за все твои благодеянья
к нам тварям и рабам Твоим

12

О! как велик Ты всемогущий
как безпредельна власть Твоя
единое Твое хотенье
возможет все произвести!

13

О Боже! Ты единый можешь
на свете все производить
ничто Твоей не может воли
препон ни в чем предполагать

14

Тебе о Боже все известно,
ничто не скрыто от Тебя
и самыя сердечны чувства
и мысли наши все Ты зришь!

15

Ничто никак не утаится
Великий Боже от Тебя
и как бы мы что ни скрывали
но пред Тобою явно все

16

О! чем нам Боже воспрославить
долго терпение Твое
которое Ты к нам имеешь
негоднейшим рабам Твоим

17

Хвала и честь Тебе да буди
Отец небесный наш благий
что Ты от глада нас спасаешь
и хлеб насущний нам даешь

18

О коль премудро Ты устроил
Великий Творче древеса
питающия нас своими
плодами вкусными для нас

19

Куда ни обращу я взоры
повсюду вижу чудеса
Тобой устроенныя в мире
премудрый наш Господь и Бог

20

О Боже! что я есмь ничтожный
и худшей из рабов Твоих
что Ты ко мне так милосердым
Отцем небесным был всегда

21

О! как Ты славно исполняешь
невидимый благий Творец
когда мы молимся сердечно
и просим как отца Тебя

22

О как искусно и премудро
устроены Тобой цветы!
Зиждитель безконечный мира
и как украсил все Ты их!

23

Непостижим Твой ум о Боже!
с которым все устроил Ты
как на Земле жилище нашем
и тамо в самых небесах

24

О Господи Ты всех питаешь
созданиев своих живых
о всех заботится печешся
и роды разны их хранишь

25

О как преузорочно Землю
повсюду изукрасил Ты
назначенную нам в жилище
Тобою наш Великий Бог!

26

У Спаса Бога всего много
гласит пословица у нас
и это точно также правда
как то что милостив Ты к нам

27

Вот сонм цветов многоразличных

в сосуде предо мной стоит
о! как Господь их все украсил
и как прославился и в них

28

Хвала да буди тем и слава
которыя во всю их жизнь
живут со всеми миролюбно
и убегают от вражды

29

О как похвално поступают
все те кои других людей
стараются любить душевно
и так как нам Творец велел

30

О Боже! чем мне воспрославить
и как воздать Тебе хвалу
за то что был Ты милосердым
ко мне и в сей претекшей день

31

Хвала Тебе и честь да буди
всегдашня от меня за то
о Господи Христе Иисусе
что не забыт я был Тобой

32

О Боже чем и как Тебе мне
воздать за милость ту Твою
которую Ты вновь сего дня
явил по благости своей

33

Опять я новый опыт видел
сокрытых действиев Твоих
о Боже! как дела чудесны
и удивителны Твои

34

Ты вновь меня уверил Боже!
что я Тобою незабыт
и что Ты всячески печешся
любовь Твою ко мне явить

35

О Ты всегдашней благодетель
Великий мой Господь и Бог
о! чем и чем меня Ты в жизни
отечески не одарял!

36

О Боже сколь любовь велика
Твоя ко всем рабам Твоим
как мало люди ея знают
и мало как ценят ея!

37

Еще открылась нова полза
от дара данного мне здесь
от Господа Творца вселенной
о будь хвала Ему за то

38

О кто иной меня избавил
от всех напастей бед и зол
и в сей о Боже день претекшей
не благость как одна Твоя

39

О как премудро все Ты делал
во время жизни на Земли
и како милостив был к людям
Великий Искупитель наш

40

О Боже! Ты опять помог мне
единый день прожить без зла
хвалу Тебе и благодарность
сердечну воздаю за то!

41

Тебя все хвалят ежедневно
О Творче неба и земли
и Ангелы и Серафимы
приими Ты и мою хвалу

42

По милости Твоей о Боже!
и в день претекшей был я сыт
Ты даровал нам хлеб насущний
о будь хвала Тебе за то

43

Се! новый опыт над собою

я видел помощи Твоей
о Дух Святейшей невидимый
Ты подкрепил меня в добре

44

Хвала Тебе да буди Боже!
за вспоможение Твое
преобороть мне страсть дурную
и неугодную Тебе

45

О Господи как Ты охотно
старается нас утешать
когда бы толко мы любили
всем сердцем и душей Тебя

46

О! как Ты щедро награждаешь
за малыя услуги нас
Тебя, о Боже! Недостойных
и немощных рабов Твоих

47

О как во громе глас Твой страшен
и молния ужасна как о как
тогда мы блиско Смерти
о Ты Великий наш Творец!

48

О Боже сколь любовь велика
которую имеешь к нам
она все мысли превосходит
и боле быть не может ей

49

Нет дня почти в теченье лета
в которой бы премудрый Бог
не украшал цветами землю
родов различных без числа

50

О Боже! чем Тебя прославить
и честь какую мне воздать
за все Твои благодеяньи
и милости Твои к себе!

51

Велик к тому Ты слишком Боже!

чтоб мог Тебя постигнуть я
и полное иметь понятье
о вечном Существе Твоем

52

Куда ни обращу я взоры
повсюду вижу чудеса
и тму вещей непостижимых
устроенных Тобой мой Бог

53

О как мы малы и ничтожны
перед Тобою мой Господь
и что такое мы на свете
перед величеством Твоим

54

Хвалю Тебя и славлю Боже!
за милосердие Твое
что не подвергнул нас нещастью
такомуж как других в сей день

55

Два раза видели мы в день сей
Твой Гнев о Боже на других
а нас помиловал Ты явно
а будь хвала Тебе за то

56

Как славно Ты нас от напасти
десницою своею спас
о Покровитель мой небесной
о чем Тебе за то воздать

57

О как Ты милостив о Боже!
и благодетелен ко всем
которыя всегда имеют
надежду на Тебя во всем

58

Вчера заснув с Тобою Боже!
я ночь спокойно проводил
с Тобой и в сей я день проснувшись
хвалой Тебе его начну

59

Хвалю Тебя и прославляю

за милость ту твою мой Бог
что Ты мое опять семейство
сочленом новым одарил

60

О сколь все чудно устрояешь
Ты в ползу нашу мой Господь
и сколь дела Твои премудры
и превосходят весь наш ум!

61

Нет сил изобразить великость
забот и всей Твоей любви
ко всем приверженным сердечно
к Тебе драгий Спаситель наш

62

Как славно Ты меня наставил
на истинный о Боже путь
когда я в младости смущаясь
просил о помощи Твоей!

63

Нет дня почти в какой бы не был
я побуждаем чем нибудь
к хвале Тебя и прославленью
благий и милосердый Бог

Болотов А. Т. Вздохи укорятельные // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 492—495. — [Т.] II—III.

Вздохи укорятелныя

1

О! как сердца у многих жостки
и неспособны к чувствам тем
какия нужны к возрожденью
и Истинной любви к Творцу

2

О как на свете люди жалки
внимать которы не хотят
ни слов ни убеждений силных
в прямой ко Господу любви!

3

О! будет ли какая ползa
от возжигаемых свеч, нам
пред ликами святых и Бога
когда внутри нас Бога нет?

4

Что ползуют моленья наши
и слушанье служений всех
когда Сердца в нас остаются
такими же и после их?

5

О! как мы много согрешаем
не будучи доволны тем
что Господу угодно было
в сей жизни с нами учинить!

6

О! как мы мало уважаем
на Бога жалобы свои
и то совсем позабываем
что тем гневим Его всегда

7

О как то дурно и безумно
когда смотреть на жизнь свою
с страны единой лишь худейшей
а с доброй вовсе никогда

8

Когда на свете все бывает
по воле нашего Творца
о как же быть нам недоволным
чтоб ни случилось в жизни нам

9

О как мне жаль, Великий Боже
что ближния мои не так
все чувствуют к Тебе как должно
и как желал бы я того!

10

О! как те много погрешают
которыя не на Тебя
Единого Великий Творче
надежду возлагают всю

11

О! как Тебя те худо знают
и как грешат перед Тобой

кои иных предпочитают
Тебе, Великий мой Творец!

12

О! что в том ползы, что мы ходим
в Господни Храмы завсегда
когда такими же выходим
из них какими в них вошли

13

Едваль, едва ли будет ползa
какая нам всем от того
когда крестимся мы моляся
без чувств сердечных ко Творцу

14

Что ползы в том что мы постимся
и снедей не ядим мясных
когда душа ничем не лучше
и в постныя бывает дни

15

О будет ли когда то время
чтоб люди перестали клясть
и всячески других злословить
подобных им во всем людей

16

О как мы много согрешаем
перед Тобой Спаситель наш
что мы того не наблюдаем
что Ты нам точно предписал

17

Единый Бог помочь нам может
при всех напастях и бедах
на что ж надеемся мы более
не на Его а на других?

18

Куда как много согрешаем
когда не к Богу самому
мы в нуждах наших прибегаем
но вместо онаго к другим

19

Какой ответ дадим мы Богу
и оправдимся чем мы в том

что в жизнь свою предпочитаем
Ему, подобных тварей нам

20

Куда ни обратим мы взоры
повсюду тленность видим мы
но будучи хоть тленны сами
не мыслим мы никак о том?

21

Когда престанем суесловить
и дни часы в том провождать
а то совсем позабываем
что дорог нам и час един

22

О как грешна привычка многих
людей все клясть и проклинать
ничто не может быть противней
и неугоднее Творцу

23

О! сходноль то со христианством
чтоб нам людей всегда бранить
и всячески за все злословить
и клятвами их осыпать

24

О что во всех наших молитвах
и устных прозбах ко Творцу
когда мы в ту ж почти минуту
опять Его весма гневим?

25

Не страшно ли о том помыслить
что мы не ставим ни во что
первейшее веленье Бога
любить нам ближних всех своих

26

Что было бы со всеми нами
когда бы Бог был к нам таков
как мы бываем очень часто
к рабам и подданым своим?

27

Куда бы мы тогда годились
когдаб свершилось все то зло
которое мы тем желаем
коих любить нам Бог велел

28

О как несчастны все те люди
которыя в свою всю жизнь
ничем на свете недоволны
и только ропщут лишь на все

29

Когда престанем мы вседневно
читав молитву Отче наш
безстыдным образом пред Богом
неправду на себя взводить

30

Нестыдноль нам твердить вседневно
молясь небесному Отцу
что мы вины другим прощаем
не делая того никак

31

Когда престанем лить мы слезы
о сущих в свете пустяках
и тем гневить лишь толко Бога
и на Судбы Его роптать

32

Ничем мы Господа, так много
не прогневляем в жизнь свою
безумным как негодованьем
на то что сделал с нами Он

33

О как дурна привычка многих
непрямо вещи называть
а придавать всему названья
несообразныя ни с чем

34

О как то страшно что мы хочем
чтобы для нас все делал Бог
а мы же для него не хочем
и синя пороха поднять

35

О Боже! для тоголь живем мы
чтоб сердится нам всякой час
и всем и всем быть недоволным
ругать всех и на все роптать

36

О как мы много согрешаем
гоняя нищих от себя
и равно как в укор бы Богу
безстыдно говоря Бог даст!

37

При наших Господу моленьях
что ползует длина молитв
когда устами их читаем
а сердце наше спит при том

38

О! как мы скоро забываем
все милости Господни к нам
а все то слишком долго помним
что было неприятно нам

39

Куда как мы неблагодарны
за все щедроты к нам Творца
и как мы мало все то помним
что сделал в ползу нашу Он

40

Куда как гадко, мерзко, дурно
такое сердце в ком нибудь
которое ежеминутно
лишь злобой дышет на людей

41

О как нещастны все те люди
коим хотелось бы всяк час
бранить и бить себе подобных
и в том утеху находить

42

О как те люди все мне жалки
коим слова все о Тебе
всего скучнее и противней
о Господи Спаситель мой

43

О как дурна привычка многих
порочить все и укорять
и было бы хоть что похвално
старатся всячески хулить

44

О как смешны высокомеры
в очах разумных всех людей
мечтающия быть умнее
людей достойнейших себя

45

На то ли праздники от предков
учреждены святыя нам
чтоб подлой весь народ спивался
и хуже делался скотов

46

О как те чудны в свете люди
которыя привыкнув ко злу
того везде толко и ищут
за что бы побранить других

47

О как несчастны все такия
которыя не могут жить
без гнева и досад всечастных
и в том утеху находить

48

О как те души в людях гадки
которыя во весь свой век
питают ненависть ко ближним
за малую одну вину

49

О! что в том ползы что мы часто
и то и дело говорим
о Господи, Христе Иисусе
но тем и кончим дело все

50

О как достойны сожаленья
служители церквей Твоих
что службу отправляя в оных
не ведают Господь Тебя

51

О как велик сан иереев
важна колико служба их
но ах! когда бы состояла
не в звуках слов толко одних

52

О как не лнуть ко светским людям
а особливо молодым
все словеса Твои Иисусе
и повеления всем нам

53

О! с чем сравнить вас нравы злыя
навыкшия злословить всех
не то же ли и вы творите
что лающия псы на всех

54

Не сатана ли сам внушает
негодны мысли и слова
которыми других язвите
о вы презлобныя сердца

55

О как мне чудны все те люди
которыя находят в том
утеху адскую для сердца
ругать чтоб и язвить иных

56

О! как на свете жалки люди
кои с порядочным умом
до старости дожив не мыслят
отстать от пагубных страстей

57

О как умы упруги многих
ко отверганию всего
что к истиной их ползе служит
как в здешней жизни так и впредь

58

О! как вы жалки суеверы!
ко бредням лнете как к смоле
а к истинам важнейшим в свете
у всех у вас и слуха нет

59

Что в том что молитесь вседневно
твердя Господне Имя вы
не чтящия Его сердцами
и в коих нет к нему любви

60

О как то жаль, с умом что люди
словам Христовым не дают
такой цены и уваженья
Они достойны каковой

61

О вы живущия в оградах
в одеждах чорных и простых
о! все ли вы спокойны духом
и чужды всех дурных страстей

62

О вы ходящия в путь далней
моленья к Богу возсылать
не лучшель бы вы то творили
что Бог вам именно велел

63

Что в том что ездим мы далеко
места святыя посещать
когда такими ж остаемся
как были дурны до того

Болотов А. Т. Вздохи увещательные и убеждательные // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 488—491. — [Т.] II—III.

Вздохи увещателныя и убеждателныя

1

О как бы щастливы мы были
когдаб то помнили всегда
чем Господу угодно было
нас в жизни нашей одарить

2

О как счастливы все те люди
кои привыкли воображать
живейшим образом и часто
присутствие Творца везде

3

Коликих зол моглиб избегнуть
в теченье жизни мы своей
когдаб могли как можно чаще
то помнить что наш Бог везде

4

Есть многия для нас несчастья
которыя смущают дух
но былиб они все сноснее
когдаб старались мы о том

5

Доколе будем забывatся
что здесь невечно станем жить
ах! время нам о том помыслить
что будет и другая жизнь

6

О долголь быть нам хладнокровным
в любви к небесному Отцу
и то твердить устами толко
что любим мы Его всегда

7

Доколе станем заниматся

Доколе станем заниматся
делами мира мы сего
не уделяя ни минуты
на мысли о Творце своем

8

Пора бы прямо нам помыслить
что будем здесь невечно жить
но есть другая жизнь по смерти
для коей созданы мы все!

9

О! будет ли когда то время
чтоб стали все мы уважать
Глаголы Господа Иисуса
и все веления Его?

10

Не страшно ли о том помыслить
что мы ни ставим ни во что
слова и точныя веленья
нам данныя всем от Христа

11

О будем ли когда мы прямо
и так как должно уважать
Христа Спасителя и Бога
которой возлюбил так нас

12

О станем ли когда мы прямо
любить так Господа Христа
как Он того от нас желает
и как нам должно делать то

13

О станем ли когда мы делать
все то что нам Творец велел
или навек мы заклялися
Его веленья презирать?

14

Мятется дух мой и трепещет
при помышлении о том
как мало все мы уважаем
что нам Господь Сам повелел!

15

Господь нас любит чрезвычайно

Господь нас любит чрезвычайно
и как нелзя боле любить
и нам не должно ли старатся
любить всем сердцем и Его

16

О! как блиска от нас кончина
при всякой тучи громовой!
хотяб она нам вспоминала
сколь нужно Бога нам любить!

17

Единый миг лишить нас может
дыхания и жизни сей!
о! как бы нужно это помнить
и чаще вображать себе

18

О! как бываем малодушны
во время мы болшой грозы
и ах! когдаб молились Богу
с таким усердием всегда

19

О долголь будем мы о том лишь
и днем и ночью помышлять
что нужно в сей нам толко жизни
о будущей же забывать

20

Пора о том давно помыслить
чтобы не быть врагами нам
Тому кто нас сердечно любит
и счастия желает нам

21

Хотитель вы чтобы Творец ваш
ваши моления внимал
то привыкайте так молится
как хочет Он того от нас

22

Пожалуйте вы приучайтесь
моляся Богу своему
воображать себе живее
что Он пред вами предстоит

23

Учитесь вы младыя люди

Учитесь вы младыя люди
у маленких цветущих древ
быть с молоду к делам прилежным
и украшать себя добром

24

О будет ли когда то время
что вы живущия во тме
уважилиб Слова Господни
и мрак обтерли бы с очей!

25

О долголь вам младыя люди
дурное все перенимать
а что умно и что похвално
к тому никак не прилипать

26

Подумайте о чада мира
когда нибудь живей о том
что сей невечно мир назначен
жилищем безпрерывным вам

27

От воли нашей то зависит
чтобы не делать дел дурных
не будь к тому хотенье наше

не будет никогда и их

28

Поверь ты Господу Иисусу
что будешь ты счастлив вовек
когда просить Его ты станешь
чтоб Он помиловал тебя

29

О как полезно нам и нужно
знакомым быть короче с Тем
которой нам доставить может
щастливую вовеки жизнь

30

О как счастливы все те люди
который от юных лет
привыкли с Богом быть знакомы
и как Отца Его любить

31

О как нам нужно все так делать

О как нам нужно все так делать
чтоб после не тужить о том
и чтоб покаятся по смерти
что были небрежливы мы

32

Когда беды легко быть могут
и в настоящей день с тобой
не нужноль же тебе у Бога
просить и в сей зашить* день?

33

Как нужно нам быть осторожным
и свой язык держать в узде
и не давать ему свободы
вещать негодныя слова!

34

Не стыно ли давать мне повод
себя дурачить вновь иным
и глупостям моим смеятся
и в тайне оным хохотать?

35

О вы! в одних что лишь безделках
проводите свою всю жизнь
о чем-то станет дух и разум

по смерти занимается ваш

36

Куда бы хорошо то было
когда бы отлагали мы
хоть по немногу от доходов
и бедным назначали то

37

Чем много денег на безделки
ненужныя совсем терять
не лучшел бы на то их тратить
что с нами на тот свет пойдет

38

О как нам нужно запасатся
делами добрыми всегда
они пойдут по смерти с нами
и очень нам сгодятся впредь

39

Собратиям своим мы часто

Собратиям своим мы часто
во всем готовы угождать
а Богу сделать чтоб угодность
к тому у нас охоты нет

40

Мы часто для услуг безделных
трудов нимало не щадим
желая угодить тем людям
для Бога же нам трудно все

41

Поверте в том не сумневаясь
что добрыя дела творить
не так нам тягостно и трудно
как мните может вы о том

42

Поверте что всегда доволно
утех можно найти таких
которыя не много коштны
и нам дозволено иметь

43

Одни цветы весной и летом
приятных множество минут
и даром доставлять нам могут
когда того толко хотеть

44

Когда престанем осуждать мы
деяния других людей
не лучшел бы гораздо было
когдаб хулили мы себя

45

Начто досадуем на прочих
что беззакония творят
не лучшель бы нам обратится
и на самих себя взглянуть

46

О как мы скоры к обвиненью
собратиев своих во всем
а медленны к тому уж слишком
порочить чтоб самих себя

47

Стократ нам надобно внимать

Старатся надооно как можно
приобучать себя к тому
чтобы Творца любить нам боле
ах нужно то весма для нас

48

Когда любви иметь не будешь
ни к Богу ни к Христу его
то все дела иныя наши
не значить будут ничего

49

Когда ты хочешь увеличить
любовь ко Господу в себе
то вспоминай как можно чаще
Его все милости к себе

50

Весма нам нужно и полезно
воспоминать всю жизнь свою
и замечать то в мыслях наших
что делал в ползу нашу Бог

51

Чем чаще вспоминать мы станем
все милости Господни к нам
тем Он для нас любезней будет
тем боле станем чтить Его

52

О как то дурно и постыдно
когда мы вспомнить не хотим
всего того что в жизни нашей
от Бога получили мы

53

О вы! все люди молодыя
кудаб то было хорошо
когдаб вы с юных лет привыкли
о Боге чаще помышлять

54

Ничто полезней быть не может
того всем людям молодым
как смолоду еще сдружится
и со Христом знакоме быть

55

О

О как теряете вы много
безценных выгод для себя
о вы живу щи я не в мире
а во вражде с Творцом своим

56

Весьма бы нужно нам то помнить
и чаще помышлять о том
что не безделку составляет
когда жить с Богом во вражде

57

О как утешно быть то может
когда уверены мы в том
что Бог особенно печется
и помнит всякой час об нас

58

О долголь слышать нам ученья
тверди мы я так часто нам
Творца и Господа Иисуса
и не хотеть их уважать

59

О как то лестно и утешно
и радостно быть может нам
когда о том подумать прямо
что Бог всегда Отцом у нас

60

Не стыдноль нам перед скотами
они что велено творят
а мы никак творить не хочем
что нам Творец наш повелел

61

Хотя бы мы на псов взглянувши
и видя их к себе любовь
учились бы от них любленью
Того кто любит нас самих

62

О Господи прости нам глупость
когда дерзаем мы Твоим
то Гневом называть святейшим
что милость к нам Твоя была

63

Никак за все не должно Бога
Его к нам гневом обвинять
а лучше бы всегда то помнить
что добр и милосерд Он к нам

Болотов А. Т. Вздохи ободрительные и подкрепительные // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 484—488. — [Т.] II—III.

Вздохи ободрителныя и подкреплятелныя

1

Никто как Бог, и Бог Единый
возможет все устроить так
что будем мы доволны оным
и благодарность принесем

2

О Боже! Ты своих всех знаешь
и милуешь особо их
о! был когдаб и я таким же
Особенным Рабом Твоим

3

К чему тужить нам и смущатся
что нам опасность предстоит
терпеть беды напасти голод
на небе есть Отец у нас

4

Коль многих нет уже на свете
знакомых и друзей моих
а я еще в живых считаюсь
по милости мой Бог! Твоей

5

При помощи Твоей о Боже!
и при содействии Твоем
и самыя мне искушенья
могу я все одолевать

6

С слезами радости о Боже!
повергнусь я к Стопам Твоим
когда возчувствую то в сердце
что Ты грехи мои простил

7

Хоть не имею я причины
себе блаженства ожидать

но Ты Иисусе ободряешь
своею милостью меня

8

О чтоб меня не устрашало
и чтоб ни возмущало дух
но можноль мне чего страшится
когда жив Бог и мой Господь

9

Хоть много зла наделал в жизни
и много я гневил Творца
но Он так милостив к нам грешным
что все отпустит для Христа

10

О не страшись мой дух напастей
могущих предстоять Тебе
есть Бог которому возможно
беды и зло все отвратить

11

Хоть многого труда мне стоит
себя от злаго отъучать
но мне того нелзя страшится
Господь мне в том поможет Сам

12

Хоть зло меня опять постигло
от небреженья моего
но впредь я буду осторожней
и Бога в помощь призову

13

Примеры прежния ты вспомни
как Бог спасал тебя от бед
надейся что и впредь тож будет
проси только Его о том

14

Господь того весма желает
чтоб мы счастливы были все
нам нужно лишь самим старатся
достойным милости сей быть

15

Когда напасть тебя постигнет
не буди малодушен ты

но ободряй себя надеждой
что Бог устроит все к добру

16

Хоть зло и кажется велико
постигшее тебя теперь
но есть еще на то лекарство
в руках у Господа всех сил

17

Когда тебе и не удастся
преодолеть душевно зло
но ты нимало не робея
сражайся смело с ним опять

18

О как легко мне было можно
себя в сей день преодолеть
при помощи Твоей о Боже!
и при содействии Твоем

19

Успех которой я сего дня
имел при деле недурном
и впредь меня к таким же должен
делам хорошим ободрять

20

Хоть громы страшныя приводят
весь дух мой в трепет и боязнь
но на Тебя я уповаю
всесилный мой Творец и Бог

21

О как полезно нам на Бога
надежду всю иметь во всем
Ему сие всегда приятно
и тем мы угодим Ему

22

Что Бог изволит то и будет
в Его все воли состоит
а нам никак ничто на свете
собой нелзя установить

23

Господь иныя наши прозбы
нескоро исполняет так

как бы хотелось нашей воле
но знает нужно что когда

24

Не утаится никакое
благое дело от Творца
и вечно будет не забыто
и пригодится впредь тебе

25

О как Ты Господи Иисусе!
к нам милостив и милосерд
коль многое нам обещаешь
за послушание Тебе

26

Не страшны мне все искушенья
когда Ты мне Святейший Дух
своею силой помогаешь
жестокость их преоборать

27

О как приятно и счастливо
жить нам на свете можно сем
когда живем мы под покровом
и под защитою Творца

28

Вот жив я был и целой месец
не делая негодных дел
таким же образом мне можно
и вновь наставшей весь прожить

29

О как полезно нам все в свете
на волю Бога оставлять
всегда Он не оставит втуне
надежды нашей на Себя

30

О как легко нам воздержатся
от всяких наших дел дурных
когда Господь нам помогает
содействием своим святым

31

Господь так милостив к нам много
что нам изчислить то нельзя

а то сказать нам толко можно
что более нежель мы мним

32

О Господи Ты все предвидишь
и будет что Ты знаешь все
а я всего хотя не знаю
но в волю предаю Твою

33

О как полезна нам бывает
Господня помощь при делах
согласных с волею святою
и непременною Его

34

Если хотеть чтобы напасти
не устрашали бы тебя
то всякой день ты предавайся
на волю Господа во всем

35

Когда тебя что устрашает
то вспомни поскорей тогда
что Бог к тебе твой очень близок
и может от всех зол спасти

36

Опять опять меня поймала
в расставленну тобою сеть
о Страсть негодная и злая
но впредь так глуп не буду я

37

Доволно я уж насмотрелся
неблагодарности людской
пора престать давать им повод
играть как пешкою собой

38

О Боже! как я благодарен
за вспоможение Твое
и как собой был предоволен
что одолел в сей раз себя

39

Отверстой ров был предо мною
легко я мог в него упасть

но вдруг меня рука Господня
не допустила до того

40

Не знаю что хотя впредь будет
но что то дело хорошо
совсем оно не так как думал
а кажется мне лучшим быть

41

Господь весма весма к нам близок
нам нужно лишь искать Его
как подле нас Он тотчас будет
и прозбы все внимать готов

42

Никто охотно так не внемлет
прошения наши к себе
как Бог, Господь Христос Спаситель
толико возлюбившей нас

43

О Господи! к чему я годен
что Ты так милостив ко мне
и вновь мне доказал то явно
коль благо уповать на Тя!

44

Ты верно прозбу нашу слышишь
и милосердым будешь к нам
и прозбу для Христа услышишь
сердечную к Тебе наш Бог

45

О Боже! Ты к другим послал уж
обилный и полезный дождь
и к нам Ты будешь милосердым
небесным и благим Отцем

46

Моей Ты прозбы не отринешь
когда то можно совершить
и не препятствуют святыя
о Господи! Судбы Твои!

47

Неужели мы так уж слабы
что и отведать не хотим

себя с насилием принудить
дела хорошия творить

48

При всех противных нам случаях
себя тем должно ободрять
что Бог нередко в ползу нашу
и в щастье обращает их

49

Напомнив все благодеянья
оказанныя в жизнь тебе
Творцом и Богом милосердым
и впредь надейся на Него

50

Успехом при делах хороших
ты ободряй себя и впредь
к одолеванию негодных
и пагубных тебе страстей

51

Надеждою на Божью помощь
и подкрепление тебя
всегда ты можешь ободрятся
к творению хороших дел

52

Та мысль чтоб быть в числе избранных
любимых Господу рабов
весма нас побуждать удобна
старатся угождать Ему

53

Не унывай при всех случаях
смущающих твой слабый дух
но подкрепляй себя надеждой
что не оставит Бог тебя!

54

Воспоминай те дни претекши
в которыя тебе бывал
твои Бог защитником покровом
и впредь надейся ты тогож

55

Всевышнему всегда угодна
надежда смертных на Него

и Он охотно принимает
в Отеческой покров всех их

56

О как счастливы те быть могут
которыя себя во всем
единожды в Господню волю
и попеченье предадут

57

Господь так много всех тех любит
кои приверженны к Нему
что прозбы их предъупреждая
желанья совершает их

58

Когда тебя смущают мысли
то вспомни что имеешь власть
тебе над ними Богом данну
и силу их в узде держать

59

Та мысль что есть на свете много
любящих Господа людей
должна тебе быть побужденьем
к их обществу принадлежать

60

Поверь что всякая минута
в беседе с Господом твоим
прожитая тобою в жизни
послужит в ползу впредь тебе

61

Господня помощь в дни опасны
тебе оказанная Им
должна и впредь тебя на Бога
надежду возлагать учить

62

Отведай толко хоть однажды
всем сердцем и душей своей
беседовать с незримым Богом
как будешь сам доволен тем

63

Хоть верь или не верь как хочешь
но истина святая то

ко вступлению
что быть знакомым ближе с Богом
всего полезнее для нас

Болотов А. Т. Вздохи раскаяния и покаянные // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 481—484. — [Т.] II—III.

Взохи разкаяния и покаянныя

1

Опять один день я прожил
опять подвинулся к тому
которой для меня назначен
последним в здешней жизни быть

2

Увы! немного остается
на свете здешнем мне уж жить
и дверь может быть уже отверста
ко вшествию в иную жизнь

3

Я дни свои уж скоро кончу
но так ли я их прожил все
чтоб с радостью возмог бы встретить
тот час в которой я умру

4

Коль много тысяч дней на свете
уже я прожил в жизни сей
но ах! уж скоро им всем будет
назначенный Творцем конец

5

Еще раз вижу я стремленье
разстаявших от снега вод
но ах! того совсем не знаю
увижу ли я тоже впредь

6

О! как всегда мне нужно помнить
что Бог присудствует везде
не стал бы я такого делать
Ему противно что всегда

7

О! будуль я когда так счастлив
чтоб мог собою обладать
и воли не давать всем злейшим
стремлениям души моей

стремлениям души моей

8

Подите прочь негодны мысли
смущающия весь мой дух
изчезните воображенья
прелщающия так меня!

9

О как бы счастлив был я в жизни
когдаб свободен был мой дух
от всех мучительных укоров
безлестной совести моей!

10

Опять прошел уж день единый
и скрылся в вечность от меня
еще подвинулся я ближе
к последнему из дней моих!

11

Когда все то приходит в память
что делал я во дни мои
то дух трепещет от боязни
о Боже! гнева Твоего!

12

О! сколько раз неблагодарным
бывал я в жизнь мою к Тебе
за милости Твои о Боже!
и за щедроты все ко мне!

13

О как мне жаль что пред Тобою
я дурен был так много раз
и как сердечно сокрушаюсь
что тем гневил Тебя мой Бог!

14

О! Господи! Куда гожуся
я прах ничтожно пред Тобой
когда меня подвергнешь гневу
и наказанью за грехи!

15

Могу ли я едино слово
во оправдание сказать
о Боже! я виновен столко
что рта отверсти не могу

что рта отверсти не могу

16

Я должен в том Тебе признатся
Господь, Спаситель мой и Бог
что я весма был нерадивым
о должностях моих к Тебе

17

О как мне жаль что я так мало
в теченьи жизни помышлял
о всей Твоей Великий Боже
отеческой любви ко мне!

18

О как бывал я многократно
неблагодарнейшим рабом
за все Твои благодеянья
ко мне о Боже! в жизнь мою

19

Винюсь о Боже! пред Тобою
винюсь в безчисленных грехах
которых мог бы я не делать
когда бы восхотел того

20

О! сколько раз без всякой нужды
и побуждения страстей
дела негодныя я делал
и тем гневил Тебя Творец!

21

О Боже! сколько я соделал
грехов в теченье дней моих
словами, мыслями делами
и всеми чувствами души

22

О! сколько раз во зло язык мой
употреблял я в жизнь мою
и тем гневил Тебя о Боже!
без всякой ползы для себя

23

О Боже! сколко раз грешил я
и мыслями перед Тобой
и действие ума на злое
а не к добру я направлял

а не к добру я направлял

24

О сколко дней в теченье жизни
во тше я потерял своей
о! как мне ныне жаль всех оных
и что нелзя их возвратить

25

Куда как жаль тех дней мне в жизни
которыя прожиты мной
без всяких добрых дел и ползы
ни для себя ни для других

26

О! сколько дней во всей я жизни
совсем не в том препроводил
в чем должноб и надлежало
мне их всегда препровождать

27

Прости мне Боже милосердый
что был я слишком небрежлив
и за Твое от зла спасенье
не восхвалил Тебя, Господь!

28

Я чувствую Твой гнев о Боже!
за мой проступок пред Тобой
и впрах к стопам Твоим повергшись
молю мне отпустить его!

29

Где был мой ум и где разсудок
что был я тако небрежлив
и будучи спасен от бедства
не сделал что мне долг велел

30

О Боже! как я недостоин
по множеству моих злых дел
что Ты ко мне так милосердым
Отцем небесным был всегда

31

Грехов наделал так я много
в теченье жизни всей моей
что их нелзя никак изчислить
и в мысляхъ вобразить себе

и в мыслях вооразить сеое

32

О как легко и скоро можно
пред Господом нам согрешать
и как нам должно быть опасным
и осторожным всякой час

33

Оставишь ли когда в покое
о страсть негодная меня
престанешь ли меня ты мучить
и повод подавать ко злу

34

Прошел опять у нас уж месец
и с оным сократился срок
оставших мне уж жить на свете
немногих может уже дней

35

О как я много пред Тобою
Великий Боже виноват
какое множество негодных
в своей соделал жизни дел

36

Я цепенею весь при мыслях
о том как много я Тебя
гневил Великий мой Создатель
во все теченье дней моих

37

О чем загладить мне о Боже!
вины мои все пред Тобой
такое множество всех оных
что их и сметить я не мог

38

О Господи! как был я дурен
так многократно пред Тобой
и как я сожалею ныне
что был так вреден сам себе

39

Сколь часто я без всякой нужды
перед Тобой мой Бог грешил
и делался так недостойным

всех милостей Твоих ко мне

40

Сколь много раз был я достоин
негодностью своих я дел
совсем отвержен быть Тобою
о Господи Спаситель мой

41

Каких я глупостей не делал
каких дурачеств не творил
коль часто сущим негодяем
о Господи бывал я в жизнь

42

О как я много пред Тобою
по всем деяньям виноват
и как достоин наказанья
о Боже за вины мои!

43

О как велика наша слабость
и как легко мы можем быть
при искушениях безсилны
к преоборанию себя

44

О как нам должно осторожным
во всякую минуту быть
чтоб страсти в нас не возбуждались
и к злу не довели бы нас

45

О Господи прости мне слабость
и небрежение к себе
и что не в силах был боротся
при искушении с собой

46

О Господи! я пред Тобою
опять в сей раз был виноват
и не старался так как должно
от злаго дела убегать

47

Прости мне Господи проступок
противу должности моей
какою я к Тебе обязан

и вновь Тебя тем прогневил

48

О как я много недоволен
и сожалею как о том
что был опять неосторожен
и мало над собою бдил

49

О как легко мы делать можем
глупейшия дела совсем
когда дадим мы полну волю
сердечным склонностям своим

50

О как я близок был к паденью
опять по глупости моей
в ров пагубный и преглубокой
изрытой страстью для меня

51

О Господи мы все виновны
перед величеством Твоим
и наказания достойны
за злыя наши все дела

52

О Господи что с нами будет
когда свой Гнев на нас прольешь
и казнь на нас за беззаконье
восхощешь нам Ты послать

53

О Боже! чем я пред Тобою
достойным сделался того
что Ты ко мне так милосердым
к рабу неблагодарну был

54

Не милости Твои а гнев Твой
и наказанье заслужил
делами я своими злыми
о милосердый мой Творец

55

О как я много нерадивым
при многих случаях бывал
и тем гневил Тебя о Боже

и долг свой упускал из глаз

56

О Боже мы того достойны
по множеству грехов своих
чтоб Ты лице свое святое
от нас негодных отвратил

57

Мы видели, о Боже! гнев Твой
и милосердие потом
нам должно бы себя исправить
но мы соделались дурней

58

Велик был Гнев Твой на Россию
но милость превзошла его
о Боже! как Ты милосерд к нам
а мы неблагодарны как!

59

О Господи внемли моленье
любимых всех рабов Твоих
и гнев умерь хотя для оных
Твой праведный на всех на нас

60

О сколько раз Тебя гневил я
одною глупостью своей
и чем могу в том оправдатся
перед Тобою мой Господь

61

О сколько раз без всякой нужды
я делывал то в жизнь мою
о чем теперь я сожалею
и сам себя виню за то

62

О Боже! что со мною былоб
когдаб меня Ты восхотел
наказывать за все дурное
погибшаяб была я тварь

63

Торжественно в том признаюся
что несть числа грехов моих
и что я Боже пред Тобою

неизъяснимо виноват

Болотов А. Т. Вздохи утешительные // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 477—481. — [Т.] II—III.

Вздохи утешителныя

1

О как мне лестно называтся
Твоим о Господи рабом
и ах! когда бы я Иисусе
и собственным Твоим быть мог!

2

О! чтоб со всеми нами было
когда бы Ты Спаситель наш
не пострадал за нас и умер?
к чему годились бы все мы?

3

О коль великое то счастье
в сей жизни было для меня
что Ты помог мне мой Спаситель
от юных лет узнать Тебя

4

О! есть ли что того дороже
чтоб быть в числе избранных тех
которых в жизни удостоил
Господь своими называть

5

О как мне радостны те мысли
что я Тобою не забыт
и что о мне Ты Боже вспомнил
мне нову милость изъявив

6

Что Ты моления тех внемлешь
Тебя о Боже просит кто
во имя Господа Иисуса
сие Ты вновь мне доказал

7

Опять, опять с Тобой о Боже!
хочу беседовать я здесь
опять мои сердечны чувства
перед Тобою изливать

8

Опять я чувствую приятность
и радость сладкую в душе
при взоре на весну начавшу
по милости о Бог Твоей

9

О как мне радостно то мыслить
и живо то воображать
что Ты меня о Боже видишь
и внемлешь словеса мои

10

Коль многия на свете люди
и в этот претерпели день
беды, напасти и нещастья
меня же спас от них Господь

11

О Боже как мне то приятно
и дух в восторге мой каком!
когда питаюсь я надеждой
что Ты меня простишь во всем

12

Хоть много зол наделал в жизни
и много прогневлял Тебя
но Ты о Боже! Утешаешь
что Ты меня во всем простишь

13

Хотя известия дурныя
смущали дух во мне в сей день
но я печаль свою возвергну
на Господа небесных сил

14

О как Ты Господи к нам близок
и как мы щастливы все тем
что Ты повсюду можешь слышать
и все наши слова внимать

15

О как нам лестно называтся
Твоими Боже наш детми
и называть Тебя небесным
и нашим Господом Отцем

16

О Боже! сколь Твои велики
обетования нам всем
когда того достойны будем
чтоб Ты своими нас назвал

17

Когда о том помыслю щастье
которое будут иметь
Тебе угодныя по смерти
то дух приходит мой в восторг

18

Какое счастие на небе
сокровище всех выше цен
таких кои Христа любили
по смерти ожидает всех

19

Возможет ли что быть дороже
и лестнее того для нас
чтоб жить с Тобою неразлучно
драгий Спаситель наш вовек

20

Какая честь для нас и слава
обещана по смерти нам
когда мы жизнь вести так станем
как требовал от нас Христос

21

Едина мысль о том блаженстве
которое на небе мы
иметь моглиб если хотелиб
колеблет весь мой дух собой

22

О Господи! Ты дал нам Слово
нас вечным счастьем одарить
и ах! когдаб того достойны
мы быть в сей жизни возмогли

23

О Боже! Ты того желаешь
и нам повелеваешь Сам
чтоб мы единую надежду
во всем имели на Тебя

24

Твоя о Господи да буди!
святая воля надо всем
Твоя премудрость расположит
и к лучшему устроит все!

25

Хотя та мысль меня смущает
чтоб не лишится мне очей
но и надежда утешает
на милость Господи Твою!

26

О как Тебе я благодарен
Великий Боже! мой! за то
что Ты меня не создал тигром
и с зверским сердцем и душой

27

О как те счастливы на свете
кои от юных лет своих
узнали Господа короче
и спознакомилися с ним

28

Достоин ли того я Боже

чтоб Ты молитву мою внял
которую к Тебе недавно
отважился я произнесть!

29

Болезнь моя еще все длится
и не проходит боль в ноге
но как то Господу угодно
то буди воля в том Его

30

Когда тебя постигнет злое
то ты благодари Творца
что не было оно жесточе
и тем себя ты утешай

31

О как легко моглоб случится
что оступившись я ногой
и вящей вред ей мог бы сделать
иль вовсе преломить ее

32

Восхощет Бог так то и будет
чего мы просим от него
лишь было бы то непротивно
святым Судбам Его об нас

33

О! как та честь для нас велика
и выгода болшая всем
что нам Творца земли и неба
Отцем лзя называть своим

34

О как приятны те минуты
и как те слезы сладки нам
кои текут из глаз в то время
когда мы делаем добро

35

И в сей я день Великий Боже!
по благости Твоей имел
премножество минут приятных
дарованных мне от Тебя

36

О! как я много тем доволен

что мог дожить уж до того
что сад вновь насажденой мною
увидеть мог цветущей весь

37

О Боже! естли не увижу
цветущих боле я дерев
то я и тем уже доволен
что ими утешался днесь

38

Какое счастье ожидает
по смерти всех Твоих рабов
которыя Тебя любили
великий Искупитель наш

39

О Господи! утешь Ты сердце
чрез духа своего во мне
уверив в том что все проступки
мои навек Ты отпустил

40

О! с чем сравнить возможно радость
которую произведешь
простив мои все преступленья
Великий Боже пред Тобой

41

Едина мысль о том о Боже!
что Ты отпустишь мне грехи
из глаз моих уж извлекает
от благодарности слезу

42

Возможноль нам чего страшится
когда на небе есть у нас
Отец! — которой всех нас любит
и может от всех зол спасти

43

Опять я чувствую приятность
от сладкой из очей слезы
из них Твоею извлеченной
о Боже милостью ко мне

44

Благодарю Тебя о Боже!

за поданной мне случай вновь
употребить Твой дар во благо
и посвятить его Тебе

45

Толико тысяч лет лежал здесь
сокрытой дар Твой ото всех
а Ты его Великий Боже!
открыть мне случаю велел

46

Коль многия на свете люди
имели ползу чрез меня
от дара данного Тобою
по милости Твоей ко мне

47

Опять прошел день без напастей
и зол могущих быть со мной
случится также как с другими
на свете многими людми

48

Премножество минут веселых
и в день претекшей я имел
и все они частички щастья
в дни старости были моей

49

Премножество нещастных было
и сею ночью в мире сем
а я по милости Господней
от зол ея препроводил

50

Сколь многия на свете люди
не видели уже в сей день
тебя о Солнце восходящим
проснувшись от приятна сна

51

О как мне тем не утешатся
что Бог был милостив ко мне
во все мои дни здешней жизни
и милостив поднесь ко мне

52

Ты вновь о Господи утешил
одною выдумкой меня
и много даровал счастливых
минут по благости Твоей

53

О сколько мне минут приятных
в теченье жизни всей моей
доставили цветы собою
по милости Творца ко мне

54

О коль великая мне милость
оказана от Бога тем
что Он в меня вперил охоту
к читанью к«уг с младых уж лет

55

О как доволен я судбою
извлекшею из вонйк меня
в коих легкоб я мог погибнуть
и с телом и душей моей

56

О! чем воздать за то мне Богу
что Он привел меня туда
где я имел удобной случай
к познаньям нужным в жизни сей

57

О! сколко раз я спотыкался
и в пагубу готов был впасть
и сколко раз Господь и Бог мой
меня от бездны отвлекал

58

Когда я жизнь обозреваю
и привожу на память то
сколь милостив ко мне Господь был
то дух приходит мой в восторг

59

О сколко нет уже на свете
знакомых и друзей моих
а я еще в живых считаюсь
по Божьей милости ко мне

60

Хотя я сиротой остался
лишась родителей моих
но Богом был я не оставлен
Отцем моим всегда Он был

61

Не должноль мне тем утешатся
что я дожив до лет таких
в которыя иныя слепнут
а я еще все зреть могу

62

О как я много благодарен
Отцу небесному за то
что в долгое теченье жизни
ни с кем я не жил во вражде

63

О как доволен я собою
что мог себя преодолеть
при случае весма удобном
о Боже прогневить Тебя

Болотов А. Т. Вздохи просительные // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 474—477. — [Т.] II—III.

Вздохи просительныя

1

В Твоем о Господи! я храме
и пред лицем Твоим стою
воззри Ты оком милосердым
на чувствия души моей!

2

Я прах и пепел пред Тобою
а Ты мой Царь, Господь и Бог!
внемли моление сердечно
и прозбы не отринь моей

3

О! естьли ночь сия уж будет
последнея во дни мои
то буди Боже! Милосердым
и дух мой восприими к Себе

4

Се, паки* сну я предаваясь
Тебе хранитель Ангел мой
себя в хранение вручаю
и бдеть прошу я надо мной!

5

О Боже! Ты единый видишь
всю внутренность души моей
о истреби Ты в ней все злое
и неугодное Тебе

6

О Боже! Ты помог мне много
врагов душевных побеждать
о! помогай мне сам и Дале
из корня истреблять их все!

7

О Боже! подкрепи старанье
из Сердца истребить то Зло
которое меня творило
достойным Гнева Твоего

8

О Боже! помоги мне помнить
что смерть ко мне блиска всегда
дабы я мог себя готовить
с спокойным духом умереть

9

О Боже! милосерд мне буди
умру я если дружно так
что я последней не успею
молебной вздох к Тебе возслать

10

О Ты! невидимый свидетель
поступок и всех дел моих
препятствуй мне во злых деяньях
а в добрых помогать прошу

11

Во имя Господа Иисуса
молю Тебя о Творче мой
простить мои все злодеянья
и для него спасти меня!

12

О Боже! изстреби из сердца
всю гнусну мерзость моего

единый только Ты то можешь
а я все слаб еще к тому

13

Прости мне Боже ту отвагу
что вновь просить Тебя дерзнул
во имя Господа Иисуса
о милости Твоей ко мне

14

О Боже! Ты единый знаешь
к чему и так творится все
Твоя во всем и буди воля
а милостив лишь буди к нам

15

О Господи прости мне глупость
которую соделал я
последуя влеченью сердца
и тем Тебя прогневал вновь

16

О Боже! подкрепи желанье
исправить мне во всем себя
и делатся Тебе угодным
при всех деяниях моих

17

И жизнь и смерть в Твоей деснице
о Боже тварей всех Твоих
но обрати взор милосердый
на дом мой и к рабам Твоим

18

Прошу о Господи Иисусе
Тебя о том чтоб Ты помог
мне сам любить Тебя сердечно
и всеми чувствами души

19

О Ты! присудствующей всюду
и зрящей на меня в сей час
воззри на чувствия сердечны
простертый к Тебе мои

20

О Ты! Святейшей Дух небесный
наставниче во всем благий

молю Тебя душей и сердцем
собою просветить мой дух

21

Прошу Тебя о Дух Святейшей
помочь мне истребить все зло
из недр души моей и сердца
и как то сделать научить

22

О Боже! Ты всему благому
наставник и учитель наш
простри ко мне свою ты милость
и дух мой приучи к добру

23

О Боже! снизпошли мне случай
оказывать другим добро
и сам внуши к тому охоту
и делать помогай мне то

24

О Господи прости все злое
соделаиное мною в жизнь
прошу Тебя о том во имя
Иисуса Сына Твоего

25

О Ты! Спаситель мой дражайший
прошу Тебя со вздохом я
и с сокрушением сердечным
вины мои мне все простить

26

Я на Тебя мою надежду
единого имею всю
не посрами меня Ты в оной
дражайший Искупитель мой

27

Ах! Ты единый толко можешь
спасти меня Спаситель мой
Тебя единаго и буду
о том всегда я умолять

28

Ты Сам вперил в меня с начала
любовь к Тебе Спаситель мой
соделай чтоб и жизнь я кончил
с такимиж чувствами к Тебе!

29

О Боже! естьли толко можно
болящей помощь оказать
и непротивно будет воли
Твоей! — то я о том прошу

30

Воззри о Господи на горесть
которая нас поразит
когда нещастье совершится
котораго страшимся мы

31

Обрадуй Господи нас лучшим
известием о той родной
о коей все мы сожалеем
прося о помощи Твоей

32

Прошу Тебя помочь мне Боже!
коль можно чаще помышлять
о всех Твоих обетованьях
всем любящим Тебя рабам

33

О Ты! невидимый святейший
наставник и учитель мой!
о просвети мой слабой разум
к познанию небесных благ

34

О Боже! отврати опасность
от бедной твари Твоея
Тебе сие возможно сделать
егда восхощешь лишь того

35

Прошу о Господи наставить
мне добрыя дела творить
и тем последовать примеру
небесный Отче! Твоему

36

О Боже! милостив к нам буди
и Гнева не излей на нас
которого ах! мы достойны
за преступления свои!

37

О Боже научи что делать
и как мне лучше поступить
при случае необозримом
смутившем весь мой дух во мне

38

О Боже! Ты наставник лучшей
при смутных всех наших делах
и Ты един подать мне можешь
наиполезнейшей совет

39

О Боже учреди все дело
толико смутное для нас
как Ты за благо сам разсудишь
и как Ты Сам благоволишь

40

Прошу Тебя Великий Боже!
благословить труды мои
которые имел я ныне
о ползах будущих себе!

41

О Боже! я Тебе вручаю
Судбу моих последних дней
располагай Ты всеми ими
за лучшее признаешь как

42

О буди Господи и в новой
наставшей месец сей в году
ко мне таким же милосердым
Отцем каким Ты прежде был

43

О Господи Ты зришь желанье
и сердца и души моей
исполни если непротивно
то воли пресвятой Твоей

44

О Господи если возможно
да мимо идет зло сие

которое мой дух смущает
помилуй, и утешь Ты нас!

45

О Ты как Бог повсюду сущий
Великий Искупитель мой
внемли души моей моленье
и милость окажи Ты мне

46

Воззри Ты оком милосердым
на слезы из очей моих
текущия Великий Боже!
от благодарности к Тебе

47

В сей день случилось оступится
и ногу повредить себе
но Ты мне Господи поможешь
Тебя о том теперь молю

48

О Господи Ты все возможешь
Единым Словом учинить
внемли мое к себе моленье
и изцели мою болезнь!

49

О Господи! прости мне глупость
которую я сотворил
не быв чувствителен доволно
за милость новую к себе

50

О Боже отпусти ошибку
соделаиную мной в сей день
Ты видел что желанье было
но что никак я не успел

51

Прими о Господи за благо
хотение мое в сей день
Тебе в угодность нечто сделать
но что никак я не успел

52

О Боже! подкрепи желанье
души и сердца моего

прожить оставшия дни в жизни
в любви и верности к Тебе

53

О Ты невидимый помощник
во всех наших благих делах
молю Тебя душей и сердцем
о подкрепленьи сил моих

54

Прости о Боже! Согрешенья
соделанныя пред Тобой
в лета моей младыя жизни
когда был я еще глупцом

55

Благослови Великий Боже
отеческой рукой Твоей
цвету щи наши вертограды*
и повели плодам в них быть

Болотов А. Т. Вздохи благодарительные // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 471—474. — [Т.] II—III.

Вздохи благодарителныя

1

Еще я вижу день наставшей
еще в живых я нахожусь
о будиж честь за то и слава
Тебе Господь мой! от меня

2

От чрева матери назначил
меня Ты Боже быть своим
о! коль великую тем милость
ко мне Ты Господи! явил

3

О Боже! чем и как мне можно
за милость новую Твою
сердечну благодарность ныне
достойную Тебе воздать

4

К Тебе о Боже! возсылаю
из глубины души моей
хвалебный вздох и благодарность
за милости Твои ко мне!

5

Ты одарил меня о Боже!
и всем и всем во дни мои
и милости Твои несчетны
к последнему из раб Твоих

6

Ты был всегда мой покровитель!
всегда защитник от всех зол
о Боже! как я тем доволен!
и чем воздать Тебе за то!

7

От юности моей о Боже!
Ты был всегда моим отцом
отцем лучшайшим всех на свете
пекущемься о мне во всем

8

8

Опять о Боже наслаждаюсь
я даром данным от Тебя
хвалу Тебе и благодарность
сердечну принося за то

9

О Боже! сколь Ты милосерд был
ко мне последнему рабу
что мне толико лет дозволил
в земной сей жизни провести

10

О сколько дней уж прожил в свете
я бедной слабой человек
по милости Твоей о Боже!
и милосердию ко мне

11

Благодарю Тебя о Боже!
за сохранение меня
от бед напастей и нещастий
и в сей прожитой мною день

12

Каким обязан пред Тобою
я долгом Боже мой! за то
что Ты до старости глубокой
меня здоровым сохранил

13

О! как я много благодарен
Тебе Спаситель мой за то
что Ты меня своею кровью
от Смерти вечной искупил!

14

Какими мне Тебе словами
изобразить Спаситель мой
все то что чувствую я сердцем
горя любовию к Тебе

15

О! чем воздать за ту мне милость
дражайший Искупитель мой
что Ты меня удостоверил
в присудствии Твоем везде!

16

16

Благодарю Тебя о Творче!
душей и сердцем всем моим
что Ты и в сей нас день насытил
и пищею и питием

17

О Боже! не могу я вспомнить
без благодарности к Тебе
как Ты отвлек меня чудесно
от зла которым был объят

18

От юности моей по старость
водителем моим Ты был
и сколько раз Великий Боже!
от зла меня Ты избавлял

19

О сколько раз я пред Тобою
негодным самым был рабом
но Ты и в те дни милосердым
ко мне о Боже! был Отцом

20

О Боже! коль велику милость
являл Ты и тогда ко мне
когда делами я своими
никак ей не достоин был!

21

И сей прожил я день здорово
по благости Твоей мой Бог!
прими мое благодаренье
за милость новую сию!

22

И в сей я день был всем доволен
и был от всех зол свобожден
и долг о Боже! я имею
Тебя за то благодарить

23

Что Ты ко мне Великий Боже!
так милостив всегда бывал
тому не я отнюдь причиной
но благость лишь Твоя одна

24

24

О как велико милосердье
Твое к негодному рабу
каким бывал я пред Тобою
о Господи во дни мои!

25

О Господи! Ты мне дозволил
еще раз до весны дожить
о как Твоя велика милость
ко мне негодному рабу

26

Благодарю Тебя о Творче!
что Ты дозволил мне дожить
еще до дня в которой славим
воскресшаго для нас Христа

27

Благодарю Тебя о Боже!
за милость ту Твою ко мне
что дожил я до дня велика
еще раз в старости моей

28

Благодарю Тебя Иисусе
за вспоможение Твое
и за успех в моей работе
во славу начатой Твою

29

О Боже! Ты явил нам милость
избавив от печали нас
которая бы нас постигла
когдаб все кончилось не так

30

Опять преддверие я вижу
весны приятнейшей для нас
опять сердечну благодарность
Тебе о Боже! воздаю!

31

О Боже! коль велика милость
Твоя к нам смертным та была
что Ты от нас сокрыл то время
в которое мы кончим жизнь

32

О вы! приставы к нам святыя
блюстители всех наших дел
весма и вам я благодарен
за то что бдите надо мной!

33

Благодарю Тебя о Творче!
за преимущества все те
которыми меня так щедро
пред многими Ты одарил

34

Ни в чем я нужном недостатка
и никакого не имел
и нет его и ныне Боже!
по милости Твоей ко мне!

35

И то Твоею я считаю
о Боже! милостью к себе
что скуки никогда не знаю
и благодарность приношу

36

Благодарю Тебя о Боже!
что Ты обрадовал меня
хоть делом и не очень важным
но дар и сей был от Тебя

37

Тебя о Господи просил я
меня от страсти свободить
которая мой дух смущала
и Ты моленье внял мое

38

Благодарю Тебя Всевышний
что Ты моленье внял мое
и дело так премудро кончил
что я чудится должен был

39

И то Твоею я считаю
Владыко милостью к себе
что Ты меня снабдил познаньем
в болезнях людям помогать

40

О как я много недостоин
всех милостей Господь Твоих
не оных я а наказанье
делами всеми заслужил

41

Благодарю Тебя о Боже!
что Ты и в старости моей
доставил много удовольствий
и телу и души моей

42

Глупейшею я был бы тварью
когдаб не чувствовал того
и не признался б что Ты Боже!
всегда был милостив ко мне

43

Благодарю Тебя о Боже!
за ниспослание дождя
которой был нам очень нужен
и обратится в ползу всем

44

Благодарю Тебя Всевышний!
за охранение (меня)* всех нас
при случае грозы опасной
от всех возможных бед и зол

45

Приими мою Ты благодарность
Великий Боже мой за то
что Ты на всех в сей день утешил
приятной вестию для нас

46

Благодарю Тебя о Боже!
что Ты дозволил мне дожить
еще раз до весны прекрасной
и ею утешать себя

47

О Боже! коль велика милость
оказана Тобою мне
и в этот день теперь минувшей
я был доволен всем и всем

48

Благодарю Тебя о Боже!
что я при помощи Твоей
возмог такое дело сделать
которое не есть дурным

49

О как я много благодарен
Тебе о Господи за то
что мне при старости доставил
во всем доволство и покой

50

Благодарю Тебя о Боже!
за все минуты дня сего
которыми я был доволен
по милости Твоей ко мне

51

Какую благодарность Боже!
воздать мне вновь за то Тебе
что Ты еще мне целой месец
прожить дозволил в жизни сей

52

О чем воздать Тебе о Боже!
за благость ту Твою ко мне
что Ты еще раз мне дозволил
до майя месеца дожить

53

О Боже! как я благодарен
за милость ту Твою ко мне
что я при старости глубокой
могу еще очами зреть!

54

Благодарю Тебя о Боже!
что Ты помог мне этот день
не сделать ничего такого
чем мог прогневать бы Тебя

55

В сей день опять я был утешен
по милости Твоей Господь
приятным слухом за которой
Тебя мой Бог благодарю

Болотов А. Т.Дюжина сотен вздохов, чувствований и мыслей христианских, изображенных в ямбических белых четверострочных стихах: — в разные времена и при разных поводах и случаях А..... Б..... в 1817 году вДворенинове // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 471—539. — [Т.] II—III.

Бронникова Е. [Дюжина сотен вздохов, чувствований и мыслей христианских...] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 469—470. — [Т.] II—III.

В коллекции стихотворений ЦГАЛИ (ф. 1346, оп. 1, ед. хр. 56) хранится небольшая рукописная книга «Дюжина сотен вздохов, чувствований и мыслей христианских, изображенных в ямбических белых четверострочных стихах: — в разныя времена и при разных поводах и случаях. А... Б... в 1817 году в Дворенинове». Это весьма любопытный документальный памятник отечественной словесности, памятник целостного христианского мироощущения.

Книга принадлежит перу Андрея Тимофеевича Болотова (1738—1833), человека разносторонних интересов: естествоиспытателя и философа, садовода и автора известных воспоминаний «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков».

Рукописная книга размером 10 см ? 16 см, объемом 304 страницы имеет темно-бордовый кожаный переплет, на корешке которого вытеснено:«Вздохи». На форзаце книги ее владельцами были сделаны записи следующего содержания: «Сочинение Андрея Тимофеевича Болотова, подаренное мне теткой Александрой Петровой Воронцовой-Вельяминовой»; далее — другим почерком: «От Алексея Павловича подарена Николаю Павловичу, а от него Павлу Аркадьевичу, его племяннику. Варшава. 12 сентября 1882 года. Н. Воронцов-Вельяминов».

В книгу вложен листок бумаги, на котором дано разъяснение этих записей: «Павел Аркадьевич — отец Михаила Павловича Вор.-Вел., проживающего ныне в Париже и являющегося собственником книги — и сын Аркадия Павловича, брата упомянутых Николая и Алексея Павловичей. Их отец Павел Петрович Вор.-Вел. родной брат упомянутой Александры Петровны

и сын Петра Ивановича Вор.-Вел. и Настасьи Андреевны, урожденной Болотовой — дочери Андрея Тимофеевича Болотова»*.

«Дюжина сотен вздохов, чувствований и мыслей христианских» как-то затерялась среди огромного литературного наследия А. Т. Болотова и осталась не замеченной исследователями его творчества. Сведения об этой рукописной книге отсутствуют в наиболее полном описании рукописей Болотова, составленном историком литературы, библиографом С. А. Венгеровым в конце прошлого века**. Факт этот можно объяснить отчасти колоссальным объемом написанного Болотовым в течение своей долгой жизни и составляющего, по подсчетам Венгерова, 350 томов обычного формата***. Но главная причина — в утвердившемся мнении о скудости поэтической музы Болотова, не поднимавшегося далее создания «худосочных опусов»****.

Однако не более ли близок к истине при оценке литературного дарования Болотова А. Гулыга, писавший: «Болотов — стилист замечательный, придающий словам особое, порой прямо-таки музыкальное звучание. Но чтобы зазвучала эта музыка, нужна была дистанция во времени: сто лет назад многое в болотовской прозе (и в поэзии?! — Е. Б.) ля нас это красота архаизма»*****.

Судя по описанию рукописей С. А. Венгерова, в основу «Дюжины сотен вздохов, чувствований и мыслей христианских» были положены «Вздохи», написанные ранее.

Так, в коллекции иваново-вознесенского краеведа Д. Г. Бурылина (1852—1924) имелись «Чувствования и мысли утешительныя, увеселительныя», «Чувствования и мысли

«Чувствования и мысли утешительныя, увеселительныя», «Чувствования и мысли устрашительныя и укорительныя» и «Чувствования и вздохи благодарственныя ко Творцу и Богу»*. В 1892 г. Императорская Публичная библиотека приобрела рукопись А. Т. Болотова, озаглавленную «Чувствования и вздохи покаянныя ко Творцу и Богу. Сочиненныя в разныя времена А. Б. в Дворенинове**. В отчете библиотеки были опубликованы три четверостишия из 386, составляющих рукопись. «Покаянные» вздохи не совпадают с теми, которые вошли во «Вздохи 4-го разбора. Вздохи разкаяния и покаянныя» из рукописной книги, хранящейся в настоящее время в ЦГАЛИ***.

Не удалось установить, каким образом и когда «Дюжина сотен вздохов, чувствований и мыслей христианских» попала от потомков Анастасии Болотовой на государственное хранение.

При подготовке к публикации «Дюжины сотен вздохов, чувствований и мыслей христианских» мы стремились к наиболее полному сохранению особенностей рукописи: сохранены архаизмы (незапно, егда, севодни, лзя);

сохранены случаи написания с заглавной буквы нарицательных существительных; сохранено различное написание некоторых слов: счастье — щастье, отцом — отцем и т. п.;

сохранено отсутствие или наличие мягкого знака между двумя согласными: нелзя — нельзя, сколко — сколько, делатся — делаться;

оставлено без изменений особенное написание некоторых слов: месец (месяц), блиска (близка), до майа (до мая), прозба (просьба), отъучать (отучать), выттить (выйти), не хочем, в теченье жизни моея (в теченье жизни моей);

сохранено слитное написание частиц «ль» и «б»;

сохранены окончания прилагательных и местоимений: «-аго», «-яго», «-ыя»;

сохранена полностью авторская пунктуация;

сохранена авторская нумерация «вздохов».

«Вздохи» печатаются с некоторыми изменениями в орфографии. Буква «ять» заменена на «е», «i» — на «и», «ъ» (ер) в конце слова опускается. Унифицировано раздельное написание предлогов с существительными, частицы «не» — с глаголами, частиц «бы» и «ли» с существительными и глаголами. Обращения к Богу пишутся с заглавной буквы.

В угловые скобки заключены слова, прочитанные предположительно.

«Дюжине сотен вздохов, чувствований и мыслей христианских» мы хотели бы предпослать отрывок из предисловия, написанного А. Т. Болотовым для своего нравоучительного сочинения «Чувствования христианина, при начале и конце каждого дня в неделе, относящиеся к самому себе и к Богу» и опубликованного в 1781 г. Н. И. Новиковым в типографии Московского университета:

«Не золотую и не бриллиантовую книжку предлагаю я Вам, благосклонный Читатель, а простую и содержащую в себе только слабое изображение чувствований и мыслей одного содержания Вашего, не стыдящагося тем званием, которое придано ему при Крещении.

Ежели Вы также не поставляете себе в стыд называться Христианином; имеете не совсем еще испорченное сердце; и не живете в явной вражде с самим Богом и Искупителем: то не сомневаюсь я, что может быть не одна, а многия из находящихся в ней мыслей, удостоятся Вашего благоволения; и Вы найдете в ней что-нибудь для Вас угодное, и не безполезное.

Когда же последует тому противное, и Вам будет она вовсе не угодна; то отпустите мне, что я

Когда же последует тому противное, и Вам будет она вовсе не угодна. То покорнейше прошу, что я неумышленно отяготил Вас сею небольшею книжкою, или чтением оной. В извинение свое скажу только то, что сочиняема она мною была не с теми мыслями, чтоб быть ей некогда преданой печати, также, что и теперь издаю ее не из тщеславия и не для получения корысти, а единственно только в том мнении, что может быть, послужит она кому-нибудь и иному в пользу, и найдутся люди, которые удостоив ее своим прочтением, меня за нее и не выбранят».

Указатель имен

(Концевая страница) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 558. — [Т.] II—III.

Р 76

«Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.)». Выпуск II, III — М.: Студия «ТРИТЭ» — «Российский Архив», 1992. — 560 с.; ил.

ISSN 0869—2009

Альманах посвящен истории Государства Российского. В нем помещены ранее не публиковавшиеся исторические документы (воспоминания, дневники, письма, литературные и философские произведения), хранящиеся в отечественных и зарубежных архивах.

Все материалы альманаха публикуются без изъятий. Среди них — «Дюжина сотен вздохов, чувствований и мыслей христианских...» А. Т. Болотова, переписка Императора Александра II с Вел. кн. Константином Николаевичем, документы русской военной контрразведки 1812 г., материалы к биографии В. С. Соловьева, воспоминания В. А. Жуковской о Распутине, письма Н. М. Карамзина, Н. В. Киреевского, Л. Н. Толстого и др., альбом Императрицы Александры Федоровны.

Альманах снабжен научно-справочным аппаратом.

Для историков, культурологов, архивистов и для всех интересующихся отечественной историей.

0503030000—006

Р ———————

А 19 (02)—92

ББК 63.3 (2)

РОССИЙСКИЙ АРХИВ

История Отечества

в свидетельствах и документах

XVIII—XX вв.

Выпуск второй, третий

Студия «ТРИТЭ»

творческо-производственное объединение

Никиты Михалкова

Редакторы К. С. Степанова, В. В. Шибаева

Художественные редакторы В. М. Аладьев, В. М. Мельников

Технический редактор Т. П. Кириллова

Корректор О. Г. Наренкова

Сдано в набор 1.11.91. Подп. к печати 30.06.92 г. Формат 70 ? 100 1/16.

Гарнитура «Академическая». Печать офсетная. Усл. Печ. Л. 45,36 + альбом

= 47,95. Усл. кр.-отт. 96,55. Уч.–изд. л. 59, 72 + альбом = 62,49.

Тираж 30 000 экз. Изд. № 6. Заказ № 1504

Издательский отдел «Российский Архив» ТПО «ТРИТЭ»

103001, Москва, Мал. Козихинский пер., 11

«Печатный двор» 197110, Санкт-Петербург, П-110, Чкаловский пр., 15

[Объявление: «Российский Архив»] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 555. — [Т.] II—III.

«РОССИЙСКИЙ АРХИВ»

Продолжает традиции русских исторических альманахов и журналов, в первую очередь «Русского Архива» П. И. Бартенева.

Публикует исторические источники, хранящиеся в государственных архивах, рукописных отделах библиотек и музеев, личных собраниях и коллекциях.

Помещает в своих томах только неопубликованные документы (в случае неудовлетворительной публикации в прошлом допускается новое цельное воспроизведение по автографу).

Публикует документы без изъятий, с сохранением особенностей оригинала, в сопровождении краткой вступительной статьи и реального комментария.

Воспроизводит текст на языке оригинала с параллельным переводом.

Публикует документы личного и официального происхождения, мемуары и эпистолярное наследие, биобиблиографические, генеалогические и прочие научно-справочные материалы (формулярные и послужные списки, словари, некрополи и т. д.); изобразительные источники (Галерея «Российского Архива»).

Стремится внести свою лепту в дело восстановления объективной картины российской истории.

Призывает всех соотечественников, дорожащих исторической памятью России, принять участие в альманахе.

Принятые сокращения // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 554. —

[Т.] II—III.

АВПР

— Архив внешней политики России

ОПИ ГИМ

— Отдел письменных источников Государственного Исторического музея

ОР ГБЛ

— Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина

ОР ГПБ

— Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

ОРФ ГЛМ

— Отдел рукописных фондов Государственного Литературного музея

ЦГА ВМФ

— Центральный государственный архив военно-морского флота

ЦГАОР

— Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления

ЦГВИА

— Центральный Государственный военно-исторический архив

ЦГИА

— Центральный государственный исторический архив

д.

— дело

ед. хр.

— единица хранения

карт.

— картон

л.

— лист

об.

— оборот листа

оп.

— опись

ф.

— фонд

Указатель имен // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 540—554. — [Т.] II—III.

Указатель имен*

Абаза А. А. 422

Абаза (урожд. Штуббе) Ю. Ф. 397, 402, 403, 407, 422, 433

Аббас-Мирза 91

Абдул-Азис, султан Турции 234

Абдул-Меджид, султан Турции 207, 234

Абель Н. Х. 448

Аверкиев А. Е. 9, 37, 38, 43, 48

Аверкиев Д. В. 432

Аверкиев И. А. 9, 20, 43

Авинов Н. Н. 319—321, 324, 328

Авксентьев Н. Д. 319, 320, 322, 324, 328

Аврех А. Я. 317

Авсаркисов 380

Адельсон Т. 66

Адлерберг А. В. 158, 226

Аксаков И. С. 395, 421, 426

Александр I 8, 12—14, 23, 29, 30, 37, 39—43, 45—48, 50—52, 68, 72, 76, 79, 87, 234, 294, 296, 396

Александр II 98, 100, 103, 116, 119—237, 400, 422, 423, 443

Александр III 226, 237, 330, 332, 342, 422, 463, 464

о. Александр (Васильев) 301, 317

Александр, принц Гессенский 160, 226

Александр Михайлович, вел. кн. 317, 464, 466

Александр Невский 260

Александра Иосифовна, вел. кн. 120, 121, 126, 132, 143, 147, 149, 155, 159—162, 164—170, 172, 174, 176, 177, 180, 182, 185, 192—194, 196—198, 200—204, 207, 210, 212—220, 222, 228, 230

Александра Николаевна, вел. кн. 205, 234

Александра Петровна, вел. кн. 160, 227

Александра Федоровна, императрица, супруга Николая I 125, 129, 132—134, 136, 155, 159—162, 165, 166, 170, 172, 174, 179, 182, 183, 186, 188, 194, 197, 203—206, 215, 221, 222, 233, 237

Александра Федоровна, императрица, супруга Николая II 254, 278, 279, 282, 294, 295, 314, 316, 463—466

Александровский 393, 421

Алексеев Г. А. 324

Алексеев М. В. 322, 325, 329

Алексеев Ф. 81

Алексеев С. 77, 79

Алексей Александрович, вел. кн. 125, 128, 132, 221

Алексей Николаевич, цесаревич 254, 272, 314, 315, 465, 466

Алиса, принцесса Великобритании 463

Альберт, принц Прусский 192

Альберт Саксен-Кобург-Готский, герцог 172, 210, 229

Альперин Г. 66

Альфред-Эрнест-Альберт Великобританский 223

Амалия Ольденбургская, принцесса 201—203, 229

Амбарцум (Ибрагим-бек) 97

Амбургер А. К. 91

о. Амвросий (Гренков А. М.) 412, 413, 426

Анастасия Николаевна, вел. кн. 294, 317, 465, 466

Андерсен Г.-Х. 438

Андроников М. М. 284, 316

Аничковы (М.; Н. А.) 96

Анна Павловна, вел. кн. 143, 217, 218, 224, 235, 237

Анна Федоровна, вел. кн. 176, 230

Анненков 131

Анненков Н. Н. 2-й 229

Анненкова М. С. 127, 129, 132, 143, 145, 155, 165, 222

Анкудович В. А. 448

Антонова А. 238

Антонович В. Б. 429

Апфельбаум см. Зиновьев Г. Е.

Аракчеев А. А. 76—79

Армстронг 211

Астров Н. И. 324

Багратион П. И. 52, 53, 72

Багратион П. Р. 157, 226

Бадмаев П. А. 292

Баженов В. Б. 168, 228

Баженова 11, 41

Бакунин М. М. 91—95

Бакунина (урожд. Голенищева-Кутузова) В. И. 92, 94, 95

Бакунины (А. А.; М. А.; Н. А.) 100

Бакунины (В. М.; Е. М.; И. М.; П. М.) 92—95

Балабин В. П. 127, 165, 222

Балашов, камергер 475

Барк П. Л. 290, 293, 317

Барклай де Толли М. Б. 50, 51, 53, 54, 57, 60, 65, 66, 69

Барков Д. Н. 94, 95

Бароцци И. С. 50

Барсов Е. В. 9

Барсуков И. 225, 226, 229, 231, 232

Бартц А. 66

Барятинский А. И. 211, 212, 233, 235

Батюшков К. Н. 12, 41, 42, 45, 74, 76

Батюшков Ф. Д. 352, 360

Батюшкова А. Н. 14, 16, 42

Бекетов А. Н. 453

Белинский В. Г. 7, 90, 453

Беллефруа А. 66

Бенкендорф А. Х. 87, 422

Бенкендорфы (А. К.; С. К.) 396, 422

Беннигсен Л. Л. 67

Бенуа А. Н. 331, 357, 361, 423

Бенуа Л. Н. 354, 360

Берг 324

Берг 126—128, 131, 145, 222

Беркенгейм 380, 383

Беркенгейм Г. М. 246

Берлиоз Г. 432

Берне Л. 441

Бернштейн Н. 433

Бертран Ж.-Л.-Ф. 447

Бессель В. 433

Бестужев-Рюмин К. Н. 394, 421

Бибиков Г. И. 94

Бибиков М. Л. 8

Бибикова (урожд. Чебышева) Е. А. 92, 94

Бибикова Е. П. 94, 95

Билибин И. Я. 331

Бильбасов В. А. 100

Бисмарк О. 442, 443

Бистром Е. А. 66

Блудов Д. Н. 73, 215, 225, 229, 236

Бобринский А. А. 352, 360

Боде А. И. 174, 229

Боде К. К. 97

Боратынский Е. А. 87, 88

св. мч. Борис 260

Борисов П. И. 241, 242

Боске П.-Ф.-Ж. 141, 224

Боткин С. П. 436—438

Брабантский, принц 192

Брашман Н. Д. 447

Брей, граф 25, 44

Брок П. Ф. 156, 160, 225, 229

Брокгауз Ф. А. 236, 427, 451

Бруни Ф. 81

Бруннов Ф. И. 195, 209, 233

Брусилов А. А. 323, 329

Брюллов К. 81

Брюс 173

Булгаковы (А. Я.; К. Я.) 91, 92

Булгарин Ф. В. 84, 87

Бульвер Г. 234

Буоль-Шауэнштейн К.-Ф. 224

Бурбоны, династия 128

Бурцов, полковник 94

Бус 447

Бутаков Г. И. 156, 164, 225, 226

Бутков В. П. 215, 235

Бутковские (А. Я.; Н. Я.) 68—72

Бутурлина Е. М. 181, 230

Бухгейм Л. Э. 9

Бьюкенен Д. У. 321, 329

Бэр К.-М. 447, 456

Вайнберги (Е. П.; П. И.) 425

Валевский Ф.-А.-Ж.-К. 187, 230, 232

Валуа В. П. 66

Валуев П. С. 10, 40

Вальдгауэр О. Ф. 340, 341, 360

Ванлярская (в замуж. Цертелева) Е. Ф. 423

Ванлярские 399, 423

о. Варнава 418, 427

Варнава (Накропин), еп. 285, 301, 316

Варранд К. С. 159, 226

Вартенбург Г.-Д.-Л.-И., фон 67

Вася блаженненький 296

Васильев Е. 238

Васильев Н. А. 159, 226

Вебер Э. 418, 427

Вейс 66

Веласкес Р. де С. 346

Величко В. Л. 401, 402, 405, 423, 427

Веневитинов А. В. 90

Венецианов А. Г. 81

Венкстерн А. А. 413, 414, 426, 427

Венкстерн П. Н. 415, 427

Венкстерны 426

Вера Константиновна, вел. кн. 186, 222, 232

Веселовский Б. Б. 118

В-ий С. 435

Виктор-Эммануил, король Италии 122, 123, 176, 184, 229, 230, 234

Виктория I, королева Великобритании

и Ирландии 147, 153, 172, 209, 210, 213, 217, 223, 225, 229, 463, 464

Виктория, принцесса Саксен-Кобург-Готская 466

Виллуан А. И. 431, 433

Вильгельм I, король Вюртембергский 43, 160, 226

Вильгельм II, король Нидерландский 224, 235, 237

Вильгельм III, король Нидерландский 218, 237

Вильгельм, принц Прусский 222, 228

Вильгельм Баденский 228

Вильгельм I, император Германии 348, 442, 443

Вильгельм-Фридрих-Генрих 208, 235

Вильде 189

Витгенштейн П. Х. 67

Витт И., де 449

Вишневский И. 362

св. Владимир 284

Владимир Александрович, вел. кн. 199, 234, 465

Владимир Кириллович, вел. кн. 234

Владиславлев М. И. 393—395, 421

В-н, учащийся 363

Водарский Я. Е. 116

Воейков А. В. 51

Военский К. 68

Воинов В. В. 339, 358

Волжин А. Н. 307, 317

Волков В. В. 348

Волков Е. 81

Волков Н. А. 24, 44

Волкова (урожд. Оболенская) Е. А. 24, 44

Волконская Е. Г. 396, 397, 400, 422

Волконская (урожд. Бенкендорф) М. А. 396, 422

Волконская М. Н. 422

Волконские 399

Волконский Г. П. 422

Волконский М. С. 396, 422

Волконский П. М. 396, 422

Волконский С. Г. 422

Волынские 305, 306

Волынский (Флексер) А. Л. 245, 246

Вольтер (Ф.-М.-А.) 346

Вольф Г. 433

Вольф, гувернантка 176

Воробьев М. 81

Воронова, учащаяся 363

Врангель А. Е. 211, 235

Врангель Ф. П. 126, 128, 222, 229

Всеволожский И. А. 331

Вульферт (Шереметевская) Н. С. 465

Вырубов В. В. 319, 320, 322, 324, 328

Вырубова А. А. 254, 258, 259, 262, 263, 270, 272, 278, 279, 283, 284, 286, 295, 301, 302, 308, 312, 315, 316

Высотский (Высоцкий) Г. Я. 92, 95

Вяземская Е. А. 7, 20, 21, 43

Вяземская (урожд. О'Рейли) Е. И. 43

Вяземский А. И. 43

Вяземский П. А. 22, 41, 43, 45, 73—76, 90

Гавриил Константинович, кн. 465

Гагарин П. П. 215, 236

Гамбетта Л. 442

Ганнеман, медик 443

Гартман Э., фон 399, 423

Гауптман Г. 408, 425

Гауровиц И. С. 203, 234

Гедике (Едике) Ф. Ф. 13, 41

Гейден (урожд. Зубова) Е. Н. 394, 421

Гейдены (А. Ф.; Д. Ф.; Н. Ф.; П. А.; Ф. Л.) 394—396, 400, 421

Гейне Г. 417, 427

Гейнсборо Т. 280, 316

Гейсмар К. Л. 128

Гелленбах Б., фон 393, 421

Гельмерсен Г. П. 456

Генрих Прусский, принц 466

Георг I, король Греции 229, 231

Георг-Август, герцог Мекленбург-Стрелицкий 186, 232

Георгиевский 236

Георгий Михайлович, вел. кн. 330, 331, 332, 343, 359—361

Герасимова Ю. И. 231, 237

Герба 455

Гермоген, еп. 316

Герцен А. И. 89, 90, 99, 100

Герштейнцвейг А. Д. 158, 226

Герье В. И. 426

Гессе И. Х. 72

Гете И.-В. 243

Гетлина А. В. 363

Гиацинтов В. Е. 393, 413—415, 421, 426, 427

Гидони 334, 335

Гиллельсон М. И. 7

Гильденштуббе А. И. 210, 211, 235

Гинцбурги (Г. О.; Д. Г.) 405, 424

Гиппиус А. 433

Глазенап 167

Гласное, помещик 66

св. мч. Глеб 260

Глебова Д. М. 74

Глинка С. Н. 9, 39, 40, 49

Глинка Ф. Н. 95

Глинский Б. 460

Гнедич Н. И. 74, 76

Гоголь Н. В. 89, 239

Годнев И. В. 325

Годунов Борис 458

Голенищев-Кутузов А. А. 398, 399, 422

Голенищев-Кутузов И. П. 93, 95

Голенищев-Кутузов П. И. 9, 95

Голенищева-Кутузова (в замуж. Глинка) А. П. 93, 95

Голицын А. Н. 87

Голицын Г. С. 401, 423

Головачев А. А. 98—118

Головачев А. А. 236

Головин А. Я. 331

Головин В. И. 93, 95

Головин Ф. А. 339, 344—346, 348, 360

Головин Ф. И. 339, 344—346, 348, 366

Головина (урожд. Бакунина) Л. М. 92, 93, 95

Головины (Е. С.; Л. В.; М. Е.; О. Е.) 253, 262—272, 275—277, 279—282, 289—292, 293—313, 315—317

Головнин А. В. 120, 170, 172, 174, 225, 228, 236, 400, 401, 423

Гомер 76

Гончаров И. А. 246, 400, 423

Гоппе-Зейлер Э.-Ф. 438

Горемыкин И. Л. 289, 291, 292, 316

Горчаков А. М. 121, 125—130, 132, 146, 156, 160, 162, 174, 192, 195, 200, 221, 229,230

Гоц А. Р. 320, 329

Грабарь И. Э. 346

Грановский Т. Н. 89

Грейги (А. С.; Ю. М.) 401, 423

Грессер А. И. 71, 72

Греч Н. И. 74, 76

Грибоедов А. С. 91—97

Гриневская И. А. 393, 407—411, 421, 425

Громеко С. С. 100

Гросс, медик 443

Гудон Ж. А. 346

Гуммель И. Н. 431

Гурвич (Дан) Ф. И. 324, 329

Гурьев Д. А. 18, 43

Гусев Н. Н. 422

Гусева Х. К. 275, 316

Гутман 445

Гюляй, генерал 204

Давидов 323

Давидова М. А. 433

Давидова М. А. 439

Давыдов Д. В. 87

Давыдов Н. В. 248, 420, 427

Даллер К. К. 78, 79

Даниель-Бек 235

Данило, князь Черногорский (Данило Петрович Негош) 129, 222, 223

Даннер (Расмуссен Л.), гр. 208, 235

Данте А. 400

Даргомыжский А. С. 240

Дашков Д. В. 73

Девонширский, герцог 217

Делянов И. Д. 250, 251

Демидов А. (Сан-Донато) 224

Ден З.-В. 431

Деникин А. И. 329, 382

Державин Г. Р. 236

Дерше, консул 391

Джанумова Е. Ф. 275, 316

Джаншиев Г. А. 98, 99—100, 118

Дмитриев И. И. 9, 14, 24, 32, 42—46, 73

Дмитриева (в замуж. Карамзина) Е. Г. 47

Добровский И. 38, 48

Добужинский М. В. 331

Долгоруков В. А. 1-й 229

Долгоруков В. А. 159, 226

Дорогобужинов В. И. 234

Достоевский Ф. М. 396—398, 422, 423, 426

Дохторова см. Дохтурова

Дохтуров Д. С. 44

Дохтурова (урожд. Оболенская) М. П. 23, 27, 28, 30, 44, 45

Дохтурова (урожд. Оболенская) М. П. 25, 27, 28, 30, 44, 45

Драгомиров М. И. 423

Дружинин П. М. 13

Дурнищев 40

Евгений Вюртембергский, герцог 232

Евгений-Эммануил, принц Кариньянский 176, 183, 230

Евгения (Монтихо Е.-М.), императрица Франции 139, 146, 148, 149, 180, 181, 199, 224

Екатерина II, 40, 45, 439

Екатерина Михайловна, вел. кн. 176, 178, 180, 186, 199, 230, 232, 455

Екатерина Павловна, вел. кн. 8, 22, 43

Елагин 323

Елена, принцесса 463

Елена Павловна, вел. кн. 170, 184, 199, 228, 232, 431, 455

Елена Петровна, кн. 465

Елец Ю. Л. 419, 427

Елизавета Маврикиевна, вел. кн. 465

Елизавета Федоровна, вел. кн. 463

Елянский, камергер 296

Епанчин Н. 67

Ермилов В. 442

Ермоловы (А. П.; Н. П.) 67

Ефрон И. А. 236, 427, 451, 252—317

Жемчужниковы (Ал.; Вл.; А. М.) 404, 424, 426

Жуанвильский, принц 192

Жуков А. Г. 70—72

Жуков М. 364

Жуковская (урожд. Микулина) В. А.252—317

Жуковский В. А. 23, 41, 44, 73, 87, 89, 121

Жуковский Н. Е. 252

Загрянский, полковник 92

Загряцкий, полковник 92

Зайончковский П. А. 116

Закревская А. Ф. 85, 87

Закревский А. А. 79, 81, 83—88

Закс Я. И. 66

Заржецкий И. А. 136, 137, 180, 224

Захарова Л. Г. 231, 236

Зверева Л. 365

Зиновьев В. В. 226

Зиновьев Г. Е. 321

Зиновьев И. А. 418, 427

Зиновьев Н. В. 157, 226

Змеев Л. Ф. 435, 445, 450

Золотарев Е. И. 448

Зубов В. П. 340, 345, 360

Иван IV Грозный 32, 312, 432

Иван Руссопетов, псевд. см. Леонтьев К. Н.

Иванов, книготорговец 90

Иванов, агент 419

Иванова М. 433

Игнатьев Н. П. 162, 188, 190, 227, 460

Игнатьев П. Н. 116, 158, 226

Иков С. 365

Илиодор (Труфанов С.) 264, 269, 295, 303, 316, 317

Иоанн Константинович, кн. 465

свт. Иоанн Тобольский 285, 301, 313

Иост А. И. 241, 243

Иосиф, герцог Саксен-Альтенбургский 222, 228

Ирена, принцесса 466

Иркутский В. Ф. 156, 160, 225

Ирецкий В. Ф. 156, 160, 225

Истомин К. И. 209, 210, 235

Кавелин К. Д. 402, 403, 406, 424

Кавос (урожд. Зарудная) Е. С. 405, 424

Кавос-Дехтерева С. 433

Кавур К. Б. 123, 176—178, 183, 184, 229, 230

Кадич, эмигрант 223

Казакевич 232

Казанский (Казановский), медик 444, 445

Кайстра 320, 322

Калачов В. В. 243

Калачова А. 243—245

Каляев И. П. 224

Канегиссер Л. 361

Кант И. 406, 425

Капнист И. П. 240, 242, 243

Капнист П. И. 240

Каподистриа И. А. 14, 42

Каракозов Д. В. 226

Карамзины (А. А.; А. М.; А. Н.; Б. А.; В. А.; В. М.; В. Н.; М. Е.; Н. Н.; Н. Б.; С. Н.; Ф. М.) 9, 10, 16, 22, 28, 29, 34—37, 41, 44, 47

Карамзин Н. М. 7—49

Карамзина (урожд. Колыванова) Е. А. 8, 10, 11, 13—15, 17—19, 22, 23, 25—28, 30, 35, 40—43

Карамзина (урожд. Протасова) Е. И. 44

Карамзина (в замуж. Мещерская) Е. Н. 14, 22, 26, 42, 44

Карамзина (урожд. Пазухина) Е. П. 47

Карель Ф. Я. 215, 236

Карл XV, король Шведский 207, 235

Карл-Альберт, принц Кариньянский 177, 230

Карл-Антон Гогенцоллерн-Зигмарингенский, принц 229

Карл Баварский, принц 169

Карл Великий 141

Карл Веймарский, принц 169

Карл-Фридрих, вел. герцог Веймарский 172, 228

Карл-Фридрих-Александр, король Вюртембергский 221

Карл-Фридрих-Александр, принц Прусский 160, 161, 169, 226

Карлова (урожд. Ванлярская) Н. Ф. 399, 400, 423

Карнович О. В. 283, 295, 309

Каролина-Матильда, королева Датская 222

Карсаков М. С. 175, 183, 229

Кастильоне, графиня 141

Катков М. Н. 249, 251

Кауфман, акушер 218

Кашкин Н. Д. 433

Кемпен Е. Г. 65—67

Керенский А. Ф. 319, 320, 323, 326, 328, 351, 379

Киммель, комиссар 355, 358

Кипренский О. А. 81, 357

Киреевская (урожд. Арбенева) Н. П. 90

Киреевский И. В. 89—90

Кирилл, архм. 197, 200, 205

Киселев П. Д. 131, 132, 138, 140, 141, 143, 146, 147, 149, 174, 179—181, 184, 187, 195, 223, 230

Кишкин А. М. 164, 227

Кишкин М. Н. 321, 329

Кларк А. 77, 79

Клемансо Ж. 328

Клепиков С. А. 73

Климент см. Леонтьев К. Н.

К[illegible] Е. П. 186, 232

Ковалевский Е. П. 186, 232

Ковалевский М. М. 251

Коваленская (урожд. Карелина) А. Г. 406, 424

Коваленская (урожд. Морошкина) Н. Ф. 406, 424

Коваленская (в замуж. Соловьева) О. М. 405, 406, 424

Коваленские (М. Н.; Н. М.) 406, 424

Кодрингтон В.-Дж. 189, 233

Кодрингтон Э. 189, 233

Козловский М. 81

Коковцов В. Н. 275, 316

Колумб Х. 7

Колчак А. В. 382

Кони А. Ф. 393, 402—407, 421, 424, 425

Коновницын П. П. 67, 69, 70, 72

Константин Константинович, вел. кн. 166—168, 186, 188, 204, 214, 228, 465

Константин Николаевич, вел. кн. 119—237, 400, 423

Константин Павлович, вел. кн. 40, 230

Константинов К. И. 135, 223

Конт О. 392

Коншин Н. М. 87

Копитор В. 48

Коптяев А. П. 433

Корнель 438

Корнилов А. А. 99

Корнилов В. А. 214, 235, 237

Коробов 380

Короленко 321

Корондеев П. И. 458

Корф М. А. 224

Корф Н. Н. 210, 225

Корф Н. И. 210, 235

Корш В. Ф. 434

Корш Ф. Е. 248—251

Кох Р. 455

Краббе Н. К. 219, 237

Краевский А. А. 90, 100

Крапоткин 321

Красин Л. Б. 381, 384

Крезо 380—382, 384

Кроун (Краун) Ф. Е. 125, 221

Крюднер 126

Крюднер (Криденер), (урожд. Фитенгоф) В.-Ю. 296, 317

Ксения Александровна, вел. кн. 317, 464, 466

Куза (Александр-Иоанн I), кн. 188, 232

Кузен В. 406, 425

Кузнецов Д. И. 170, 191, 228

Кузовлев, комендант 156

Кузьмин-Караваев В. Д. 402, 405, 424

Куликовский Н. А. 465

Куломзин А. Н. 290, 316

Курсель-Сенель Ж.-Г. 430

Кутузов М. И. 51, 72, 330

Кутузов П. И. 23, 44

Лависс Э. 223

Ламберт К. О. 67

Ламкерты (Е. О.; О. О.) 423

Ланг К. Ф. 51, 66

Ланге Н. Н. 418, 427

Ланкастер, инженер 190

Ланской С. С. 116, 117, 229

Лаптинская А. Н. 275—277, 279, 282, 292, 316

Ларош Г. А. 433

Лассаль Ф. 442

Лебедев А. И. 119

Лебедев Д. А. 320

Левашов В. В. 79

Левенштерн В. И. 51

Левицкий Д. Г. 297, 309, 346

Лезер М.-Л., де 50, 51, 65

Лемке М. 460

Ленин В. И. 325, 326, 352, 360, 379

Леонардо да Винчи 346

Леонова М. 367

Леонтьев К. Н. 387—391, 413, 426

Леонтьев С. М. 320, 326

Леопольд I, король Бельгийский 172, 229

Лермонтов М. Ю. 240, 409, 425, 432

Лешковский И. А. 66, 67

Ливен, генеральша 262

Лисянский П. Ю. 171, 172, 191, 228

Лист Ф. 240, 431, 432

Литвинов М. М. 377—384

Лихачев И. Ф. 236

Лобанов-Ростовский А. Б. 203, 206, 234

Лобанов-Ростовский Д. И. 7, 20, 21, 43

Лопатин И. М. 426

Лопатины (А. М.; Л. М.) 392, 412, 415, 418, 426, 427

Лопухин А. А. 319, 321—323

Лопухин П. В. 10, 40

Лорис-Меликов М. Т. 237

Лотце Г. 394, 421

Лохвицкий И. М. 433

Лохтина О. В. 252, 253, 262, 264—271, 276—279, 284, 292—302, 304, 309, 310, 312, 313, 315, 316

Луиджи Бурбон Аквила, гр. 194, 198, 233

Луиза Нидерландская 160

Лукомский А. С. 323, 329

Лукьянов С. М. 392—427

Лукьянова, крестьянка 77

Луначарский А. В. 352—357, 359—361

Лунин А. М. 32, 46

Лунин М. С. 46

Лущихин Н. Н. 367

Львов В. М. 325

Львов В. Н. 321, 323, 324, 329

Львов Г. Е. 318—329

Людвиг II, вел. герцог Гессенский 222

Людвиг IV, герцог Гессен-Дармштадтский 463

Людовик XVI 224

Людовик-Карл, дофин 222

Мадатов В. Г. 95

Мазарович Н. И. 393

Мазурова, учащаяся 368

Майков А. Н. 397, 398

Майков Л. 439

Майковы (А. А.; Н. А.; Н. И.) 85

Макаренко А. А. 343, 344

о. Макарий 304, 317

Макаров П. М. 339, 345

Макарова Е. Ф. 368

Маклаков Н. А. 261, 316

Маковские (К. Е.; С. К.; Ю. П.) 335, 336

Макс, эрцгерцог 193

Максимилиан Лейхтенбергский, герцог 222

Максимилиан II (Иосиф), король Баварский 161, 227

Малафовский Г. 433

Малахов В. 369

Малиновский А. Ф. 8, 9, 33, 46, 47

Мальцев (Мальцов) И. С. 94, 96, 97

Мальцов Н. С. 90

Мамоновы (Е. К.; Н. Е.) 393, 411, 421, 425

Мандельштам А. Н. 420, 427

Мансуров Б. П. 192, 194—198, 200, 205, 233

Мантейфель 228

Мануйлов А. А. 319, 328

Манус И. П. 285, 306, 307, 316

Маныкин-Невструев Н. 433

Мария Александровна, императрица, супруга Александра II 126, 132, 146, 148, 149, 155—157, 159, 162, 164, 166, 167, 169, 172, 174, 182, 192—194, 199, 203, 208—210, 213, 217, 218, 220, 221, 226, 228, 233, 235

Мария Александровна, вел. кн. 132, 176, 179, 184, 186, 222, 223, 455

Мария-Антуанетта, королева Франции 146, 224

Мария Максимилиановна, герцогиня Лейхтенбергская 170, 228

Мария Николаевна, вел. кн., дочь Николая I 127, 179, 199, 210, 215, 222, 228, 235

Мария Николаевна, вел. кн., дочь Николая II 465, 466

Мария Павловна, вел. кн. 172, 176, 228, 465

Мария-Терезия-Изабелла, эрцгерцогиня Австрийская 194, 224, 233

Мария Федоровна, императрица, супруга Павла I 9, 30, 33, 37, 47, 48

Мария Федоровна, императрица, супруга Александра III 466

Мартос И. П. 81

Матильда, принцесса 141, 181, 224

Матрена-босоножка 296

Махмуд II, султан Турции 234

Машин Р. Г. 226

Мейендорф П. К. 128, 222

Мейербер Дж. 230

Мекленбург-Стрелицкий Г. Г., герцог 423

Мелик Касим Мирза 96

Меллер-Закомельский Д. И. 322

Меньшиков М. О. 411, 425

Меньшова Т. 370

Мережковский Д. С. 245, 246

Метлин Н. Ф. 126, 128, 132, 143, 171, 187, 195, 206, 213, 222

Меттерних К. 45

Мещерский В. П. 398, 401, 423

Мижуев, купец 16, 17, 42

Милица Николаевна, вел. кн. 259, 263, 294, 316, 317

Миллер А. А. 346, 348, 356—358, 360

Миловидов С. 77, 79

Милютин Б. А. 459

Милютин Д. А. 211, 235, 237, 443

Милютин Н. А. 120, 233, 235

Милютин Ю. Н. 399, 401, 423

Минаев И. П. 395, 421

Минкина Н. Ф. 76—79

Минор 324

Минут А. И. 79

Муравьевы (А. М.; М. Н.; Н. М.) 8, 10—18, 40—43

Мюральт, фон, пастор 91

Муратова К. Д. 7

Муретова (Маро, псевд.) М. Г. 423

Муромцев Н. С. 28, 30, 45

Муромцев С. А. 251

Мусин-Пушкин М. П. 244, 245

Мусин-Пушкин Н. М. 244

Мусина-Пушкина (урожд. Стромилова) А. А. 244, 245

Муханов Г. А. 423

Муха нова (урожд. Хитрово) Е. М. 401, 423

Мякотин В. А. 321

Назимов В. И. 116, 117, 231

Наполеон Бонапарт I 46, 50, 66—68, 87, 141, 145, 146, 150, 151, 154, 224, 232

Наполеон III 121, 126, 127, 129, 130, 136, 138, 139, 141, 146—155, 162, 164,

165, 175, 177, 179—181, 184, 187, 188, 198, 203, 221—224, 227, 230, 232, 234

Наполеон, принц (Ж.-Ш.-П. Бонапарт) 138, 140, 141, 175—177, 180, 181, 224, 228, 230

Наполеон IV 224

Нарбонн Л. 66, 68

Нарочницкая Л. И. 235

Наумов Н. 460

Нахимов П. С. 237

Нейгарт А. И. 66

Некрасов Н. А. 397, 422

Некрасов Н. В. 319, 322, 325, 326, 328

Нелединский-Мелецкий Ю. А. 21, 22, 43, 44

Ненастьевы, купцы 296

Нерадовский П. И. 348

Нерон 432

Нессельроде К. В. 91, 192, 233

Нестеров М. В. 331

Никитин И. С. 375

Никитин Н. В. 451

Никифоров Н. Н. 395, 396, 421

Николай, Черногорский князь 223

Николай I 65, 79, 91, 94, 120, 121, 141, 150, 165, 169, 189, 197, 198, 205, 208, 215, 217, 221—224, 228, 230, 236, 352, 396

Николай II 260, 285, 289, 291, 301, 308, 312, 316, 329, 359, 422, 457, 463—465

Николай Александрович, цесаревич 162, 214, 215, 227

Николай Константинович, вел. кн. 125, 128, 129, 132, 143, 146, 149, 160, 168, 171, 174, 176, 185, 188, 196, 197, 204, 206, 219, 221

Николай Михайлович, вел. кн. 204, 234, 355, 359, 446

Николай Николаевич (ст.), вел. кн. 119, 120, 127, 160, 161, 165, 172, 188, 195, 213, 214, 222, 227, 235

Николай Николаевич (мл.), вел. кн. 222, 235, 313, 317

Никольский В. В. 400, 423

Новиков, землемер 70

Новицкий 51

Новосильский Ф. М. 128, 222

Новосильцев Н. Н. 296, 317

Нордман Ф. Д. 163, 213, 214, 227, 236

Носов А. А. 392

Оболенская (урожд. Вяземская) Е. А. 43, 44

Оболенская (урожд. Гагарина) С. П. 23, 30, 44

Оболенские (А. П.; В. А.; В. П.; П. А.) 8, 9, 22—29, 43—45

Оболенский А. Д. 393, 412, 413, 421, 425

Оболенский Д. А. 156, 226

Оболенский Л. Е. 239

Огарев Н. П. 99

ОТрейди 377

Одоевская (урожд. Ланская) О. С. 90

Одоевский В. Ф. 89—90

Озеров А. П. 234

Околович Н. А. 348

Олсуфьев Ю. А. 322

Ольга Александровна, вел. кн. 465

Ольга Константиновна, вел. кн. 184, 222, 229, 231

Ольга Николаевна, вел. кн., дочь Николая I 125, 217, 218, 221

Ольга Николаевна, вел. кн., дочь Николая II 465, 466

Ольга Федоровна, вел. кн. 160, 164, 172, 200, 204, 226

Ольденбургский А. П., принц 455

Ольденбургский Георгий, принц 8, 22, 43

Ольденбургский П. А., принц 465

Ольденбургский П. Г., принц 227

Опперман К. И. 68, 69, 70, 72

Оранский, принц 218

Орлов А. Ф. 149, 224, 225, 229, 235

Орлов Н. А. 140, 180, 181, 224

Орловский А. О. 81

Осипенко, секретарь 284

Островский А. Н. 440

Острогорский В. 460

Оттон I Фридрих-Людовик, король Греции 175, 201, 202—203, 221, 229

Офросимовы (В. Л.; И. Ф.; Л. И.) 242, 243

Оффенберг И. П. 95

Павел I 47, 76, 79, 224, 228

Павел Александрович, вел. кн. 280, 308

Павлов Е. В. 457

Павлов (Бицын, псевд.) Н. М. 417, 427

Павлов Р. М. 415, 427

Павлова Е. М. 417, 427

Пазетти А. 465

Пазухины (Б. С.; П. С.) 34, 35, 36, 47

Пален А. 129

Палеолог М. 463

Пальмерстон Г.-Д.-Т. 123, 126, 213, 221, 234

Панин В. Н. 229

Панин П. И. 243

Пантелеев Л. Ф. 398, 423

Парижский, граф 463

Пармская, герцогиня 126, 128, 131

Паршин М. А. 374

Паскевич И. Ф. 91

Пачифико 234

Паша-босоножка 294

Пелагея Дивеевская 294

Переверзев П. Н. 319, 320, 328

Перейра, банкир 236

Перелешин 167

Перепелицын П. Д. 433

Перовский (Погорельский, псевд.) А. А. 84, 87

Перовский П. Н. 184, 230, 231

Перье К. 441

Петр I 80, 81, 191

Петр Николаевич, вел. кн. 316

Петров, служитель 340, 341

Петросевич, студент 66

Петрункевич И. И. 322, 329

Пешехонов А. В. 320, 328

Писарев Д. И. 246

Писемские (А. Ф.; Н. А.; П. А.) 402, 406, 424, 425

Пистелькорс (урожд. Танеева) А. А. 262, 263, 268, 269, 280—283, 308, 312, 316

Пистелькорс А. Э., фон 262, 308, 316

Пистелькорс (во втором браке кн. Палей) О. В. 280

Питирим (Окнов) митр. 253, 284, 288, 289, 307, 316

Платтер А. 67

Плаутин Н. Ф. 158, 226

Плетнев П. А. 73

Погодин М. П. 9, 41, 48, 89, 90

Покровский М. Н. 253, 315

Поливанов Л. И. 413, 415, 426

Поливанова Е. М. 415, 426

Поливановы 415

Политова (в замуж. Леонтьева) Е. П. 390, 391

Полонский Я. П. 397, 398, 411, 425

Полторацкий С. 73

Помяловский Н. Г. 434

Пономарев С. 7

Попов А. А. 217, 237

Попов И. П. 99

Попова Е. С. 74

Попова К. А. 372

Посьет (Поссиет) К. Н. 127, 220, 222

Потанин Г. Н. 459, 460

Потапенко И. Н. 246

Потемкин-Таврический Г. А. 439

Протейкинский В. П. 402, 423

Протопопов, секретарь 66

Пругавин А. С. 252, 254, 255, 260, 261, 270

Пруссак 321

Пугачев Е. И. 243

Пузыревский А. 433

Пуликовский 438

Пунин Н. Н. 357, 361

Путилов А. И. 380, 381, 382, 384

Путята Н. В. 87

Путятин Е. В. 124—126, 128, 130, 155, 156, 160, 173, 174, 176, 183—185, 188, 195, 209, 211, 221, 222, 225, 227, 237

Пушкин А. С. 7, 41, 42, 73, 76, 87, 244, 404, 407, 409, 410, 424, 426, 444

Пушкин В. Л. 73—76

Пушкин С. Л. 75, 76

Пушкин М. Н. 84, 87

Радлов В. В. 458

Радлов О. Л. 418

Радлов Э. Л. 392, 393, 401, 418—421, 427

Разумовский А. К. 87

Рамбо А.-Н. 223

Ранвье Л.-А. 438

Распутин Г. Е. 252—317, 464

Распутины (В. Г.; М. Г.) 256, 264, 267—269, 305, 306, 316, 317

Растрелли Б. К. 357

Ратиев, полковник 334, 335

Ратьков-Рожнов Я. В. 423

Ратькова-Рожнова (урожд. Ванлярская) М. Ф. 400, 423

Рафаэль Санти 346

Р-г М. Б. 433

Редклиф 132

Рейснер Л. М. 354, 360

Рейснер М. А. 360

Рейтерн Н. Х. 120

Рембрандт Х. ван Р. 342, 346

Ренклинггаур 438

Репин И. Е. 331

Рерих Н. К. 331

Решетников Ф. М. 440

Ривофиннолли В. 66

Риза-Паша 207, 234

Римский-Корсаков 170, 231

Родзянко М. В. 289, 290, 292, 316, 318, 320, 322, 324, 328, 335, 360

Родичев Ф. И. 322, 329

Рождественский И. Н. 428, 429

Розанов В. В. 398, 423

Розен, баронесса 388, 391

Розен П. Ф. 51, 65

Рокотов Ф. С. 357

Ролле И. И. 429

Романов В. П. 423

Романов К. К. 348, 358, 361

Романовский И. П. 319

Романовы, династия 123, 252, 464

Ромашкевич И. А. 429, 430

Ростан Э. 412, 426

Ростовцев Я. А. 430

Ростовцев Я. И. 188, 193, 195, 215, 233, 235

Ростолан, генерал 136

Ростопчин Ф. В. 72

Рубинштейн А. Г. 430—433

Рубинштейн Г. А. 431

Рубинштейн Д. Л. 285, 306, 307, 312, 316

Рубинштейн К. Х. 431

Руднев М. М. 438

Ружанский, агент 67

Руммель В. В. 243

Рутт 321

Саван Д. 66, 67

Савва, архиеп. 429

Саломоны (А. П.; П. И.) 396, 397, 400, 401, 422, 423

Салтыков 320, 323, 324

Салтыков-Щедрин М. Е. 440

Самарин А. Д. 285, 289, 301, 316

Самарины (Д. Ф.; Ф. Д.; Ю. Ф.) 411, 412, 422, 425

Санглен Я. И., де 51, 54, 65, 66

Сафронов А. С. 397, 422

Свердлов Я. М. 362

Свечин Ф. А. 434

Свиньин П. П. 79—87

Свиткин И. Г. 433, 434

Селифанов 296

Семевский М. И. 430, 457

Сербинович К. С. 38, 40, 42, 48

Сергей Александрович, вел. кн. 148, 224, 463

Сергей Михайлович, вел. кн. 355

Серов В. А. 331, 351

Сивере А. А. 119

Сивере Е. К. 43

Симонич И. О. 97

Скарятины (Н. Я.; Я. Я.) 434

Скобелев М. Д. 452, 457

Скобелев М. И. 319, 320, 323, 328

Скрыдлов Н. И. 419, 427

Сленин И. В. 35, 47, 74, 76

Сметанников, гоф-фурьер 341

Смидович В. И. 434, 435

Смирнов В. Д. 418, 419, 427

Смирнов Я. И. 333, 334, 336, 337, 352, 360

Собкевич П. А. 435

Соболева О. 372

Соболевская М. М. 87

Соболевский С. А. 90

Соколов Н. И. 435—437

Сократ 246

Солнцева А. 373

Соллогуб (урожд. Самарина) М. Ф. 397, 411, 422

Соллогуб Ф. Л. 411, 422, 425

Соловьев В. С. 245, 392—427

Соловьев Я. А. 228

Соловьева (урожд. Романова) П. В. 423

Соловьевы 286

Соловьевы (В. С.; М. С.; П. С.; С. М.) 399, 405, 414, 423, 424, 426, 427

Спасович В. Д. 403, 424

Сперанский М. М. 65, 121

Сперанский М. М. 437

Спиноза Б. 406, 425

Ставицкий П. Ф. 70, 72

Станкевич, разведчик 68

Станюкович Н. М. 156, 160, 225

Стасюлевичи (Л. И.; М. М.) 98, 402—405, 408, 424, 427

Стахович М. А. 323

Стефания Баденская, принцесса 139

Стольников Я. Я. 437, 438

Стоянов Т. 413, 426

Страхов Н. Н. 398, 422

Строганов Г. А. 209, 222, 235

Строганов Н. А. 438

Стромилов Н. С. 243—245

Стромиловы (А.; А. А.; М. А.; Н. А.; С.) 244, 245

Струве, хранитель 349

Струве Б. В. 226

Субботина А. И. 373

Суворов А. В. 46

Суковнин 321

Суханов Н. 321

Сухозанет Н. О. 157, 158, 225, 226

Сухозанет Н. О. 2-й 229

Сушков Д. П. 438

Тальберг С. 431

Танеев А. С. 315, 357

Татаринова (урожд. Буксгевден) Е. Ф. 294, 297, 317

Татищев, граф 293

Татищев А. И. 77, 79

Татьяна Николаевна, вел. кн. 465, 466

Терещенко М. И. 320—322, 325, 329

Тимирязевы (А. А.; К. А.) 241, 243, 251

Тициан В. 346

Толстая (урожд. Туманова) Е. В. 330

Толстая Е. М. 330

Толстая (урожд. Голенищева-Кутузова) П. М. 330

Толстая С. А. 422

Толстая (урожд. Бахметева) С. А. 396—399, 401, 402, 421, 422

Толстой, сенатор 443

Толстой А. К. 398, 400, 422, 423, 426, 439

Толстой Д. И. 330—361

Толстой И. И. 330

Толстой И. М. 330

Толстой Л. Н. 245—248, 397, 398, 422

Толстой М. Ф. 330

Толстые (Н. А.; П. А.) 23, 44

Тома А. 319, 328

Томсон, геометр 447

Тотлебен Э. И. 137, 161, 224

Трескин Н. А. 438, 439

Третьяков С. Н. 318, 320, 328, 360

Тройницкий А. Г. 116

Тройницкий С. Н. 356, 358, 359

Тропинин В. А. 81

Троцкий (Бронштейн) Л. Д. 321

Трубецкая, кн. 223

Трубецкой 180

Трубецкой Г. Н. 418, 420, 427

Трубецкой Е. Н. 412, 426, 427

Трубецкой П. Н. 427

Трубецкой С. Н. 392, 427

Тургенев А. И. 8, 9, 11, 13, 17, 18, 31, 32, 38, 41, 43, 46, 48, 73—76, 87

Тургенев И. С. 238, 239

Тургенев Н. И. 38, 41, 48, 75, 76

Тургенев Н. С. 239

Тургенев С. И. 75, 76

Туманов В. Я. 330

Туманова (урожд. Дубенская) М. И. 330

Тьер А. 441

Тьерри А. 439

Тэн И. 441

Тютчева С. И. 301, 317

Уваров С. С. 7, 9, 31, 45, 46, 74, 76, 79, 80, 82, 83

Уваровы 9

Унгерн-Штернберг Э. Р. 208, 235

Унковская С. А. 116

Унковский А. М. 98—118

Унковский И. С. 156, 225

Урицкий М. С. 359, 361

Урусов 321

Успенский В. П. 439

Успенский Ф. И. 419, 427

Утин Е. И. 439—441

Ухтомский Э. Э. 393—402, 421, 422

Фаве (Fave), полковник 135, 137

Фальконе Э. 81

Федоров Б. М. 39, 48

Федотова Н. И. 374

Феофан (Быстров), еп. 254, 295, 306, 315

Фердинанд II Карл, король обеих Сицилии 189, 194, 233

Ферстер Е. Х. 71—72

Фет А. А. 239—243

Фет-Али-Шах 96, 97

Фет М. П. 241, 242

Фехнер Г. 418, 427

Филанджиери К. 189, 233

Филарет, митр. 429

Филипп (Филиппов) 294, 317

Философов В. Д. 443

Фишер 94

Флемминг Ф. К. 443

Фомин 416

Франц I 224

Франц-Иосиф, Австрийский император 236

Франциск II 233

Фредерика, принцесса Вюртембергская 224

Фридрих VII, король Датский 207, 211, 234, 235

Фридрих-Вильгельм III, король Пруссии 221, 226

Фридрих Вильгельм IV, король Пруссии 129, 221, 222, 233

Фуад-Паша 207, 234

Фудель И. О. 426

Хвостов А. Н. 290, 316, 317

Хвощинский П. К. 93, 95

Хинчук Л. М. 321, 329

Хирьяков М. Н. 443

Хитрово (Хитров) В. Н. 179, 230

Хитрово Г. М. (Рюрик) 399, 423

Хитрово М. А. 401, 403, 422, 423

Хитрово (урожд. Бахметева) С. П. 396, 397, 399, 400, 401, 403, 405, 422, 423

Хмелев Н. Н. 323

Хомяков А. С. 89, 94, 95, 407, 425

Хомяков М. А. 444, 445

Христиан VIII, король Датский 234

Христиан IX, король Датский 208, 235, 466

Христианович Н. Ф. 239—243

Христофор Г. Ф. 445

Цебе К. 67

Церетели И. Г. 318—323, 325, 328

Цертелев А. Н. 399, 423

Цертелев Д. Н. 396, 397, 399, 400, 403, 422, 423

Цитович П. С. 446

Цыган Х. М. 66

Чайковский П. И. 432

Чебышев П. Л. 446—450

Чевкин К. В. 216, 236

Челноков М. В. 344, 348, 349, 360

Черепнин Л. В. 118

Черкасский, кн. 452

Чернов В. М. 318, 320, 323—326, 328, 329

Чернуха В. Г. 237

Чернышевский Н. Г. 246

Чертков А. Д. 76

Черткова (в замуж. Толстая) Е. М. 330

Чертковы 8

Чесноков А. Е. 450

Четвериков Н. С. 450, 451

Чичерин (Чечерин) П. А. 36, 47

Чиколев В. 458

Чихачев, полицеймейстер 77, 79

Чихачев Н. М. 216, 236

Чичагов Д. Н. 451

Чичагов П. В. 67, 68

Чичагова (урожд. Зварковская) М. Н. 451

Шабо, барон 33, 35, 36, 47

Шаликов П. И. 24, 44

Шаляпин Ф. И. 270

Шанявский А. Л. 362

Шамиль 124, 195, 204, 211, 233—235

Шанц И. И., фон 167, 169, 228

Шаповальникова 262, 268, 275, 276, 314

Шаховская, кн. 281—284

Шаховской С. В. 451, 452

Шварц Е. Г. 357

Шварц Л. Э. 453

Шварц Ф. Э. 45

Шебунин А. Ф. 418, 419, 427

Шевырев С. П. 48

Шекспир У. 415, 426, 427

Шеншина (в замуж. Галахова) О. В. 240—242

Шереметьев В. А. 229

Шерр И. 441

Шеффер П. Н. 343, 348, 356

Шильдер Н. 52

Шингарев А. И. 318, 319, 321, 322, 328

Шипилов П. А. 29, 45

Шипилова (урожд. Батюшкова) Е. Н. 45

Шишков А. С. 9, 38—40, 48, 49, 73, 87

Шишкова (урожд. Шельтинг) Д. А. 40, 49

Шлегель Ф. 31, 45, 46

Шлихтер А. Г. 378, 384

Шлыков П. А. 66

Шляттер, помещик 76

Шмаков И. А. 453

Шмальгаузен И. Ф. 453, 454

Шмидт А. А. 454

Шмидт А. Э. 400, 423

Шмидт Д. А. 358, 361

Шмидт К. К. 454

Шнейдер 384

Шнейдер Е. А. 463

Шопен Ф. 240, 431

Шопенгауэр А. 45, 400, 423

Шперк Э. Ф. 455, 456

Шренк Л. И. 456

Шретер 320, 321, 324

Штакельберг (Стакельберг) Э. Г. 131, 177, 178, 223

Штевен 388

Штраух Н. 433

Штюрмер Б. В. 292, 293, 317

Шуберт Ф. 240

Шубин Ф. И. 81

Шувалов П. И. 444

Шуман Р. 240, 432

Шумский М. 77, 79

Шуцкая (урожд. Клименко) Е. Н. 393, 415—418, 421, 426

Шуцкий А. К. 426

Щастнев В. 358

Щедрин С. Ф. 81

Щербак А. В. 457

Щербатов 30

Щербатов А. Г. 43

Щербатов А. Ф. 24, 44

Щербатова (урожд. Оболенская) В. П. 44

Щербатова Н. Г. 434

Щиц К. К. 66

Щукин П. И. 47, 48, 73, 76, 86

Эйдельман Н. Я. 100

Эйлер Л. 447

Элеонора, вел. герцогиня Гессенская 466

Элькина Ф. 375

Эммонс Т. 99

Энгельгардт (урожд. Новосильцева) С. В. 457, 458

Эрнст-Людвиг Гессен-Дармштадтский, вел. герцог 466

Эртель Ф. Ф. 67

Юргенсон П. И. 240

Юрьев Н. Ф. 156, 225

Юрьев С. А. 415, 427

Юсупов Ф. Ф. 315, 317

Юшков Ф. О. 180, 230

Яблочков П. Н. 458

Яворский Н. 429

Ядринцев Н. М. 458—460

Языков Д. Д. 428—460

Языков Н. М. 89

Якубович 319

Якушкин П. Е. 318—324

Яновский А. Д. 98

Янхен А. Ф. 244

Янчевецкий Г. 452

Янышев И. Л. 463

Ястребов И. С. 460

Ятманов Г. С. 354—356, 358, 360

Actis 176

D'Angrogna 176

Du Bourdien 133

Bulwer H. 207

Castel-Bajac 141

Castellane 138

Chambellan B. de 136

Clifford A. 217

Cowly 147, 187

Delaroche P. 146

Dupuis de l'Home 134

Egger 465

Fanshaw 189

Graviere J. de la 180

Magnan 138

Le-Marchant G. 189

Minie 147

Nesler 147

Pennefather 189

Plessy 148

Robillant 176

Romiere, de la 187

Rosati 147

Roissannas 465

Spada M. 147

Trehouart 133—135

(Титульные листы) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 1—4. — [Т.] II—III.

Два чувства дивно близки нам —

В них обретает сердце пищу:

Любовь к родному пепелищу,

Любовь к отеческим гробам...

А. С. Пушкин

РОССІЙСКІЙ

АРХИВЪ

История Отечества

в свидетельствах и документах

XVIII—XX вв.

— — — — — —

II—III

Студия

«ТРИТЭ»

«РОССИЙСКИЙ АРХИВ»

Москва

1992

ББК 63.3(2)

Р 76

Редакционная

коллегия

С. Г. Блинов

С. Д. Воронин

В. М. Мельников

А. Л. Налепин

М. Д. Филин

Художественное оформление

В. М. Мельникова

В подготовке издания

принимали участие

В. М. Аладьев, А. Н. Кузнецова, Т. Е. Павлова, Т. В. Померанская, В. А. Соломатин

Ответственность за археографическую подготовку текстов

несут авторы публикаций

0503030000—006

Р ———————

А 19(02)—92

ISSN 0869—2009

© Студия «ТРИТЭ», РИО «Российский Архив». 1992